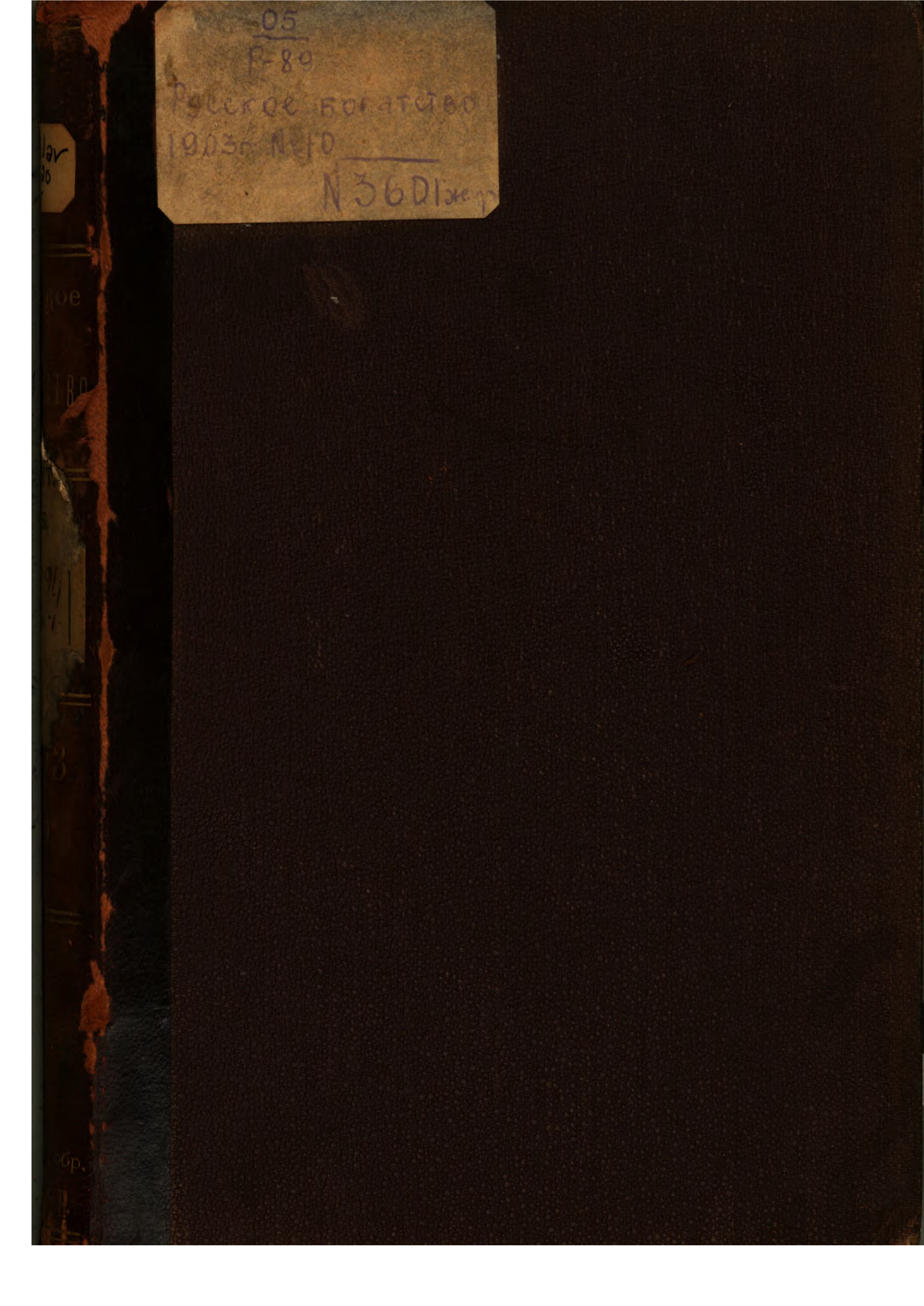
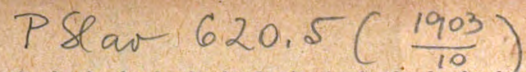

05
Р-89
Русское богатство
1903г. №10

„Убедительная просьба книги“.

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели.

Не исчеркивайте меня пером и карандашем, — это так некрасиво.

Не ставьте на меня локтей когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз, ибо вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались.

Не кладите в меня ни карандаша, ничего толстого, кроме тоненького листка бумаги, иначе разрывается корешок.

Если вы кончили читать и боитесь потерять место, где вы остановил

вложите в меня

спокойно отдохну

Не забывайте,

мне придется поб

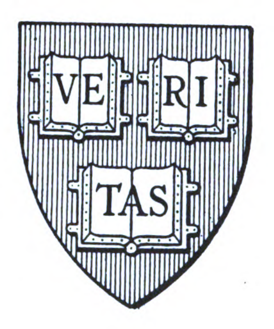
Заворачивайте

потому что такая

Помогите мне

могу вам быть сч

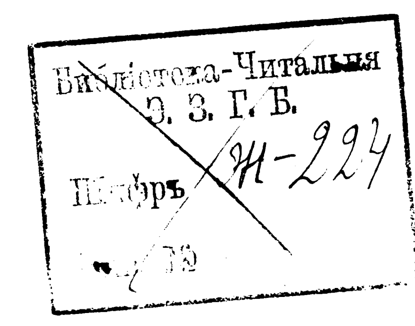
ОКТЯБРЬ. 1903.

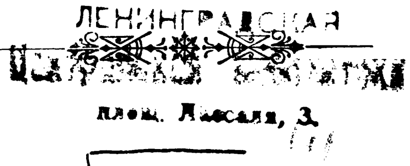
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го октября 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ, по** которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и невостребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

МУХИ.

Иванъ Петровичъ Бахтеяровъ былъ назначенъ членомъ уѣзднаго суда въ Т. и уже цѣлый мѣсяцъ жилъ въ „номерахъ для пріѣзжающихъ“, ни съ кѣмъ не знакомясь и почти не выходя изъ комнаты. Въ городѣ знали, что онъ только что бросилъ жену и дѣтей, но всетаки недоумѣвали: неужели онъ изъ-за этого живетъ такимъ отшельникомъ? Въ Т. и прежній членъ суда не жилъ съ женою, но это не мѣшало ему бывать и въ городскомъ саду, и въ клубѣ. А этотъ, какъ пріѣхалъ, потребовалъ себѣ письмоводителя въ номера, переговорилъ съ нимъ о дѣлахъ, да такъ и засѣлъ надъ бумагами, никого не видя. Уѣздный докторъ Плѣшивцевъ, тоже недавно переѣхавшій въ Т., говорилъ, что онъ понимаетъ Бахтеярова: послѣ того губернскаго города, гдѣ жилъ онъ,—въ Т. можно повѣситься...

— Уѣздный городъ—не хуже тысячи уѣздныхъ городовъ Россіи, — отвѣтилъ ему старый замскій врачъ.—Вездѣ такія же заросшія подорожникомъ улицы, вездѣ кривые, вросшіе въ землю дома, сонъ, карты, сплетни, бѣднота... Вездѣ одно и то-же... Вѣрьте мнѣ.

— А скука-то, скука?!. Смотрите, ни души на улицахъ...

— А вамъ было бы веселѣе, если-бы по улицамъ толпы ходили? Почему? Скука, батюшка, въ насъ, а не внѣ насъ... И Бахтеяровъ этотъ съ собой ее привезъ, а не здѣсь нашелъ.

Дѣйствительно, Бахтеяровъ привезъ скуку съ собой; даже не скуку, а гнетущую тоску, не оставлявшую его ни на минуту. Онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ по своему номеру. И все ему было противно: пестрый ситецъ на продавленномъ диванѣ, сѣрая скатерть съ красной каймой на овальномъ столѣ, рѣзкій цвѣтъ алыхъ гераній на окнахъ. Иногда онъ садился у окна и смотрѣлъ на пустую улицу. Напротивъ его большая вывѣска съ крупными золотыми буквами: „Продажа

уголю Власа Мущинкина", а рядомъ другая: „Торговля мучнымъ, шорнымъ и разнымъ товаромъ" Власа Мущинкина. Надъ калиткой этого же дома было написано: „Охранитель". Самъ Власъ Мущинкинъ сидѣлъ цѣлыми часами на деревянномъ ящикѣ, подъ желѣзнымъ навѣсомъ, у своихъ лавокъ и смотрѣлъ куда-то вдаль. Видъ этого здороваго человѣка, сидящаго въ какомъ-то оцѣпенѣніи, сначала раздражалъ Ивана Петровича, а потомъ сталъ пугать.

— Иванъ!—обратился онъ къ коридорному.—Отчего этотъ человѣкъ все сидитъ на одномъ мѣстѣ?

— А чего же ему не сидѣть? Богатъ, вотъ и сидитъ...

— А что жъ значитъ эта вывѣска: Охранитель...

— А это онъ самый—Власъ Матвѣичъ...

— Охранитель?

— Да, да... Хранитель...

— Что же онъ охраняетъ?..

— Да ничего не охраняетъ... Ему все равно: пожаръ—не пожаръ, онъ со своего ящика не двинется...

Позже, проходя по городу, Иванъ Петровичъ наткнулся на нѣсколько подобныхъ вывѣсокъ: „охранитель", „начальникъ охранителей", были лазальщики, качальщики и начальники ихъ. Эта вольная пожарная дружина,—по словамъ одного изъ „охранителей", въ первый годъ работала бодро, но теперь все всѣмъ надоѣло, и дружина почти распалась и только вывѣски остались.

Иванъ Петровичъ отходилъ отъ окна и принимался курить. Но и папироса была ему противна. Онъ привыкъ много лѣтъ курить одинъ и тотъ же табакъ, а папиросы ему набивали дома.

„Дома!" Это слово каждую минуту являлось передъ Иваномъ Петровичемъ и доводило его до отчаянія. „Дома!" Куда все это дѣлось? Какъ забыть? Какъ поправить? И онъ бросалъ папиросу и самъ начиналъ смотрѣть куда-то вдаль, не шевелясь и точно не думая ни о чемъ. Такое состояніе все чаще и чаще нападало на него. Послѣ цѣлаго года напряженія мысли и чувства вдругъ напало какое то оцѣпенѣніе. Цѣлый годъ онъ волновался, страдалъ, искалъ, пока не нашелъ... И теперь—ничего передъ нимъ. А въ сердцѣ тоска, тоска до слезъ, до тихихъ, горькихъ слезъ.

Письмоводитель давно уже ушелъ, а Иванъ Петровичъ все еще сидѣлъ у раскрытаго карточнаго стола, превращен-

наго имъ въ письменный. Кипа бумагъ лежала передъ нимъ, а онъ не открывалъ ихъ. Сегодня письмоводитель рѣшился передать ему, что въ городѣ удивляются, почему онъ взялъ это назначеніе, послѣ того мѣста, которое имѣлъ въ С.

Видя, что Иванъ Петровичъ молчитъ, письмоводитель тономъ объясненія прибавилъ:

— Конечно, матеріальныя условія у насъ лучше... Однѣхъ разъѣздныхъ до тысячи въ годъ...

— Не то, не то...—нервно перебилъ Иванъ Петровичъ.— Просто, въ могилу захотѣлось.

Теперь онъ жалѣлъ, что такъ искренно сказалъ письмоводителю. Зачѣмъ будутъ говорить въ городѣ о дѣйствительной причинѣ его переѣзда сюда? Пусть думаютъ, что его привлекли „разъѣздныя“...

А онъ дѣйствительно попалъ сюда только изъ потребности убѣжать, зарыться поглубже, забыть...

Пробило три часа.

Вотъ теперь всѣ бы въ столовой собрались... Жена, всегда веселая, въ нарядномъ капотикѣ, изящно причесанная, разливала бы чай. Рядомъ съ ней двѣнадцатилѣтняя Нина, ея помощница и любимица. Она похожа на мать и старается все дѣлать такъ же, какъ мама, изящна въ движеніяхъ, хозяйственна и удивительно чувствуетъ, когда и какъ нужно сказать или промолчать. Младшая Муся—вылитый онъ, Иванъ Петровичъ: неловкая, неуклюжая, но тоже хорошенькая, простодушная и добрая дѣвочка. Она хохочетъ звонко и весело на весь домъ и, какъ только отецъ входитъ въ столовую, придвигаетъ свой стулъ къ его стулу и ловитъ каждый его взглядъ. Этотъ дневной чай, послѣ службы, былъ лучшимъ отдохновеніемъ для Ивана Петровича...

Вошелъ коридорный и внесъ тусклый никелевый самоваръ съ матовыми продольными подтеками.

— За булкой сбѣгать прикажете?—спросилъ онъ.

— Не надо, — угрюмо отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и досталъ изъ комода чай въ бумагѣ, на которой виднѣлись слѣды мухъ.

Онъ не хотѣлъ думать о „домѣ“ и насильно сталъ вспоминать о томъ, какъ онъ самъ пошелъ покупать этотъ чай въ „Торговлю мучнымъ, шорнымъ и разнымъ товаромъ“ и какъ его поразило, что все кругомъ: и жестянка съ леденцами, и ящики съ крупами, и посуда—были, какъ макомъ, усыпаны коричневыми точками. Точно года не трогали товаровъ, точно они лежали здѣсь никому ненужные, заброшенные. И все кругомъ производило на него впечатлѣніе заброшенности и ненужности... Будто никто и ничто никому не нужно. И опять такая тоска влилась въ его грудь, что

онъ заперъ дверь, опустилъ шторы и чуть не до разсвѣта ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ одно изъ воскресеній, Иванъ Петровичъ всталъ позже обыкновеннаго и по привычкѣ подошелъ къ окну. Солнце жгло нестерпимо, на улицѣ не было видно даже собакъ. Продажи „уголю" по случаю праздника не было, и ящикъ, на которомъ Иванъ Петровичъ привыкъ видѣть оцѣпенѣлаго продавца, былъ пустъ. Зной и тоска висѣли въ неподвижномъ, мглистомъ воздухѣ.

Иванъ Петровичъ выпилъ чаю, походилъ по номеру и сѣлъ къ письменному столу. Онъ положилъ передъ собой бумагу, взялъ перо, но почувствовалъ, что въ головѣ не было ни одной мысли, не находилъ ни одного слова. Онъ бросилъ перо и опять сталъ ходить по комнатѣ.

— Боже мой! Боже мой!—шепталъ онъ про себя.—Хоть бы заснуть, проспать, все забыть...

Письмоводитель не приходилъ по праздникамъ, поэтому весь день, весь длинный день былъ свободенъ. Куда дѣть его? Чѣмъ занять, какъ заставить себя забыть? Хоть бы поговорить съ кѣмъ-нибудь...

Опять вошелъ все тотъ же Иванъ, единственный служитель номеровъ, всегда растрепанный, заспанный и грязный.

— Агѣевна спрашиваетъ: варить сегодня что прикажете?

Агѣевна была жена содержателя „номеровъ для пріѣзжающихъ" и готовила кушанья для постояльцевъ.

Иванъ повторилъ вопросъ.

— Я не буду обѣдать сегодня... Поѣду куда-нибудь... Есть у васъ тутъ прогулки какія-нибудь, что ли?

— Городской садъ есть... Разъ въ недѣлю музыка играетъ... Многіе помѣщики даже пріѣзжаютъ погулять...

— А кто у васъ тутъ помѣщики?

— Мало ли господъ кругомъ?! Всѣхъ не упомнишь. Князь Шугуевъ, предводитель, прекрасный баринъ. Парменовъ, Печниковъ, Листовскій—генералъ... Мало ли!

— Иванъ!—послышался изъ корридора жирный, заспанный голосъ хозяина.

Корридорный исчезъ за дверью.

„Парменовъ, Печниковъ... вертѣлось въ головѣ Ивана Петровича... Печниковъ! Не Сеняша ли это?

И въ мозгу сразу выплылъ образъ молодого, здороваго студента, въ косовороткѣ и высокихъ сапогахъ, всегда веселаго, бодраго и беззаботнаго. Большая часть товарищей по университету скорбѣли или о своей, или о чужой судьбѣ.

Печниковъ, или Сеняша, какъ звали его товарищи, не допускалъ скорби и вносилъ всюду съ собою смѣхъ и бодрое настроеніе.

— Мы сами создаемъ свою судьбу, — говорилъ онъ,—не давать же ей, безглазой, побѣждать насъ...

И товарищи любили его за это: любилъ его и Иванъ Петровичъ. По окончаніи курса они разстались. Бахтеяровъ сейчасъ же взялъ мѣсто въ провинцію, а Печниковъ остался въ Москвѣ, потому что былъ влюбленъ въ какую-то барышню. Вскорѣ онъ женился на ней и написалъ Ивану Петровичу восторженное письмо о своемъ неземномъ счастьѣ, о красотѣ и умѣ того ангела, который согласился всю жизнь идти съ нимъ рука въ руку, о своей вѣрѣ въ вѣчную любовь, въ вѣчное блаженство на землѣ.

— Сеняша Печниковъ! — проговорилъ про себя Бахтеяровъ.—Кто-то изъ товарищей злобно говорилъ, что рядомъ съ ангельскими качествами у его жены оказалось и имѣніе въ центральной полосѣ... Впрочемъ, можетъ быть, не про него... Съ тѣхъ поръ больше двадцати лѣтъ прошло... А въ эти двадцать слишкомъ лѣтъ сколько всякой воды утекло.

Сначала служба... Она шла трудно, Бахтеярова переводили изъ города въ городъ, пока онъ не получилъ въ С. товарища прокурора. Потомъ — любовь!.. Ему уже было 34 года, когда онъ влюбился въ дѣвушку на десять лѣтъ моложе себя... Какъ онъ былъ счастливъ, когда она согласилась стать его женой. Жизнь все время шла такъ тревожно и полно, что не оставалось мѣста для воспоминаній объ университетскихъ товарищахъ. И вдругъ здѣсь, среди этой тоски и одиночества, выплылъ совершенно ясно образъ одного изъ нихъ, да еще такого жизнерадостнаго и бодраго. И онъ съ волненіемъ ждалъ разъясненій: тотъ ли это Печниковъ — здѣшній помѣщикъ.

— Печниковъ? Это знаменскій, что-ли?—точно очнувшись отъ сна, сказалъ Иванъ, на вопросъ Бахтеярова.

— Не Знаменскій, а Печниковъ, я тебя спрашиваю: знаешь ты, какъ зовутъ помѣщика Печникова? Не Семенъ Семеновичъ?

— Ну да.. Семенъ Семенычъ... Это нашъ, знаменскій... Изъ Знаменки...

— Ты его знаешь?

— Слава тебѣ Господи!.. Мы сами изъ тѣхъ мѣстъ. Да и здѣсь они бываютъ когда... Что-то давно не видать ихъ... Прежде всегда у насъ стояли.

— А гдѣ эта Знаменка?

— Какъ проѣдете Веденѣево, такъ за лѣсомъ и Знаменка.

— А до Веденѣева сколько?

— Верстъ пятнадцать, больше не будетъ... Двадцати нѣтъ... Да унасъ вѣдь версты не мѣряныя... Можетъ, и будетъ двадцать... Только у нихъ вы ничего особеннаго не увидите... Вотъ ежели бы къ Петру Ивановичу поѣхали, — ну, тамъ есть на что посмотрѣть... До ста головъ на одномъ скотномъ, не считая матокъ и жеребятъ. Тѣ отдѣльно...

Иванъ Петровичъ распорядился, чтобы ему наняли лошадей, и отправился въ Знаменку.

Мохнатая, заморенная пара едва ползла по извилистому проселку. Ямщикъ—мужиченко лѣтъ пятидесяти—точно нехотя присѣлъ на облучекъ, дремалъ и только изрѣдка, также нехотя, говорилъ, тяжело помахивая возжей:

— Ну ты! задумалась!

Было уже часовъ шесть, а жара еще и не думала спадать. Солнце жгло, какъ утромъ; отъ растрескавшейся земли несло сухимъ жаромъ, весь воздухъ былъ точно раскаленный.

Ивану Петровичу казалось, что онъ ѣхалъ цѣлую вѣчность. Уже три часа прошло, какъ онъ выѣхалъ изъ своихъ номеровъ, а Знаменки еще и видно не было. Сначала онъ съ интересомъ смотрѣлъ кругомъ. Лошади, на которыхъ онъ ѣхалъ, были не вычищены и запряжены точно случайно, точно ихъ застали врасплохъ: вездѣ висѣли какія то веревочки, торчали узлы и концы. Ямщикъ былъ тоже точно случайный, не настоящій, какъ будто онъ присѣлъ на облучекъ на одну минуту, а это, въ сущности, не его дѣло. Желтыя поля съ жидкой рожью и выжженные солнцемъ луга тянулись безконечно. На лугахъ нѣкоторыя полосы были скошены, другія посохли на корню, тоже точно никому не нужныя. И это чувство „ненужности“ не покидало ни на минуту Ивана Петровича. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ, и скоро все та же тоска вползла въ него.

На лугахъ, благодаря празднику, не было ни души. Они тянулись на цѣлыя версты, точно всѣми забытые. Тишь была такая, что ни одна травка не шевелилась. И эта тишь наводила страхъ и уныніе на Ивана Петровича. Онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть и не слышать и, главное, не думать...

— Баринъ! А баринъ! Вздѣньте ноги на облучокъ...

Иванъ Петровичъ открылъ глаза.

— Что? Что? — съ испугомъ спросилъ онъ, не совсѣмъ еще очнувшись отъ дремоты.

— На облучокъ, говорю, ноги...—не оборачиваясь къ нему, проговорилъ ямщикъ.—Сейчасъ бродъ буде, воды-бы не зачерпнуть... Обувку смочите...

Иванъ Петровичъ увидалъ прямо передъ собою крутой спускъ въ рѣчку; на другомъ берегу такой-же крутой подъемъ и громадное село.

— Ишь, воды то сегодня сколько! Должно, Лихвинскій мельникъ всѣ вешки поднялъ?

Иванъ Петровичъ не успѣлъ опомниться, какъ тарантасъ скакнулъ въ воду, крупныя брызги окатили и ямщика, и сѣдока. Лошади остановились и, стоя по брюхо въ водѣ, стали жадно тянуть въ себя воду.

— Это Знаменка, что-ли? — спросилъ Иванъ Петровичъ, почувствовавшій себя въ прохладѣ, на водѣ, значительно бодрѣе.

— Какой!!. Это Веденѣево... Село богатѣйшее... Дворовъ до ста будетъ...

— Богатѣйшее село, а моста сдѣлать не могутъ.

— А на что имъ мостъ?

— Какъ на что?! Ѣздить.

— Ну-те! — сказалъ ямщикъ такимъ тономъ, точно говорилъ: и такъ хорошо!

— Воображаю, что тутъ весною, въ разливъ...

— Не проѣдешь ни въ жисть, — подтвердилъ ямщикъ...

— Такъ какъ же они дѣлаютъ?

— Кто?

— Да вотъ кому ѣхать-то нужно?

— А куда ѣхать? Не горитъ! А загорѣлось — кругомъ черезъ Матрешкино поѣзжай... Мѣси киселя верстъ пятнадцать...

И онъ ядовито засмѣялся. Послѣ воды, лошади пошли веселѣе, и сѣдокъ и ямщикъ оживились. Дорога скоро вошла въ лѣсъ и дышать стало свободнѣй.

— Скоро Знаменка?—рѣшился спросить Иванъ Петровичъ.

— Какъ изъ лѣсу выѣдемъ — такъ земля ихняя и пойдетъ. Ужъ очень съ народомъ бьется баринъ... Слышно, опять всѣ разбѣжались отъ него...

— Почему же?

— Кто его знаетъ! Говорятъ, харчъ не хорошъ... Обижаются на его харчъ... Вонъ смотрите, сѣна-то что погноили!..

И онъ съ сокрушеніемъ покачалъ головой.

Дорога изъ лѣсу вышла на лугъ, покрытый ровными грядками скошеной, коричневой травы.

— Почему же не убираютъ сѣно? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Рукъ нѣтъ... Всѣ бьются изъ-за этого... Нѣтъ рукъ... И мы изъ-за этого хрестьянство бросили...

И видя, что баринъ, наконецъ, какъ всѣ господа, не прочь поговорить съ нимъ, онъ повернулся на козлахъ, опустилъ возжи и сказалъ:

— Мы съ бабой бились, бились, такъ и бросили. Она къ становому въ стряпухи пошла, а я вотъ...

И онъ поднялъ руку съ возжами, чтобы показать свою профессію.

— Четверо сыновъ у меня... Одинъ жандаръ, трое на фабрикѣ... Мы со старухой бились, бились одни, да и бросили...

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Работниковъ брать пытались... — началъ онъ опять, но безнадежно махнулъ рукою.

— Не пошло? — спросилъ Иванъ Петровичъ, чтобы показать ему свое сочувствіе.

— Народъ нынѣ попорченъ весь... Всѣ въ Москву бѣгутъ... Одинъ отвѣтъ: хрестьянство себя не оправдываетъ... А почему? Вёдро, а онъ легъ—потянулся, погода-то и ушла, ждать его не будетъ!..

Онъ горько усмѣхнулся, встряхнулъ головой и крикнулъ на лошадей:

— Ну, лукавыя!.. Крылья-то развѣсили...

Но черезъ минуту онъ опять повернулся къ барину и сказалъ:

— Да, батюшка-баринъ, какъ наслѣдство получать, то всѣ къ тебѣ бѣгутъ, а какъ работать—то отъ тебя...

Иванъ Петровичъ понялъ, что онъ говоритъ о своихъ дѣтяхъ, и сказалъ:

— А ты бы сыновей къ себѣ позвалъ.

— А то не звалъ? Ни по чемъ не вернутся... Лука пришелъ лѣтось, пилилъ, пилилъ: скука у васъ!.. хоть бы рамафонъ завели! Я, говоритъ, привыкъ пить чай въ трактирѣ, и чтобы безпремѣнно Шаляпинъ пѣлъ... Такъ и ушелъ... И мы со старухой ушли... Довольно порабствовали около земли... Заколотились и ушли... Что намъ? Мы—какъ два клыка, двое.

И онъ опять тяжело вздохнулъ.

— Да развѣ тебѣ въ ямщикахъ лучше?—спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Что-жъ теперь будешь дѣлать? Дожить какъ нибудь надо...

Онъ опять безнадежно махнулъ рукой и хлопнулъ возжами по лошадямъ.

Дорога съ луга вошла въ длинную березовую аллею, тарантасъ каждую минуту вваливался въ глубокія колеи и колдобины.

— Это прошпектъ ихній, чортъ бы его побралъ,—сказалъ ямщикъ, едва удерживаясь на облучкѣ.

— Пріѣхали, что-ли?

— Вонъ усадьба начинается.

Иванъ Петровичъ снялъ шляпу, пригладилъ волосы, потрогалъ галстукъ, высморкался и усѣлся попрямѣе на своемъ узловатомъ сидѣньи.

Въ усадьбѣ, куда они въѣхали черезъ открытыя ворота, никого не было. Длинный сѣрый домъ въ глубинѣ двора смотрѣлъ своими открытыми окнами и молчалъ. Молчали и деревья, обступившія его съ трехъ сторонъ, не дрогнувъ ни однимъ листомъ; молчала и собака, лежавшая у подъѣзда.

— Эй! Кто тамъ е?—властно крикнулъ ямщикъ.

Никто не отвѣтилъ.

— Э-эй!—опять крикнулъ онъ, но еще громче.

— Чего ты орешь? — замѣтилъ ему Иванъ Петровичъ.— Пріѣхалъ въ чужой дворъ и орет̀ь!

Онъ сошелъ съ тарантаса и направился къ дому.

Домъ былъ довольно большой, очень старый и запущенный. Иванъ Петровичъ остановился въ прихожей, на половину заваленной холщевыми мѣшками изъ-подъ зерна.

— Можно видѣть кого-нибудь? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

Все молчало. Онъ повторилъ вопросъ и, не дожидаясь отвѣта, вошелъ въ комнату—обширную залу, обитую по стѣнамъ сѣрымъ картономъ; посрединѣ залы стоялъ круглый столъ, черный, облупленный и на половину заставленный грязной посудой: рѣшето съ зеленымъ крыжовникомъ и тарелки съ мокрыми сѣмячками и оставленными на нихъ шпильками, точно чернымъ платкомъ, были покрыты мухами. Часть ихъ взвилась на секунду надъ столомъ и сейчасъ же опустилась назадъ. Это сказало Ивану Петровичу о какой-то жизни въ этихъ безмолвныхъ стѣнахъ. Онъ повторилъ свой вопросъ уже смѣлѣе и, не дожидаясь отвѣта, прошелъ въ слѣдующую комнату. Тамъ два окна были затворены ставнями, а черезъ третье—красные лучи заходящаго солнца освѣщали громадную спальню; двѣ постели стояли по стѣнамъ, подушки были смяты, сѣрыя байковыя одѣяла сбиты

возлѣ одной изъ постелей на двухъ стульяхъ стояла большая корзина изъ-подъ бѣлья, въ ней лежала дѣтская подушка и смятое одѣяльце. И опять ни души.

Иванъ Петровичъ не посмѣлъ идти дальше. Онъ вернулся въ залу и остановился въ нерѣшимости. Его начало брать сомнѣніе: туда ли онъ попалъ? И почему онъ рѣшилъ, что помѣщикъ Печниковъ именно тотъ Сеняша Печниковъ, котораго онъ зналъ въ университетѣ? И только теперь ему вдругъ представилось: а что если онъ ошибся и пріѣхалъ къ незнакомому человѣку? Опять черное облако мухъ взвилось надъ столомъ и съ бодрымъ жужжаніемъ опустилось назадъ. Иванъ Петровичъ стоялъ посреди комнаты и оглядывалъ ее.

На громадной сѣрой стѣнѣ залы висѣла фотографія въ черной деревянной рамѣ, а по бокамъ двѣ рамы подъ стекломъ—коллекціи бабочекъ и жуковъ. Иванъ Петровичъ подошелъ поближе разсмотрѣть ихъ. Съ фотографіи на него глядѣлъ худой блондинъ, стоявшій подъ руку съ красавицей-дѣвушкой. Иванъ Петровичъ чуть не вскрикнулъ отъ радости: „Да! Это онъ! Сеняша! И рядомъ съ нимъ, вѣроятно, его жена". Большіе черные глаза смотрятъ радостно и бодро, уголки рта подняты кверху, точно не могутъ сдержать улыбки; тоненькая шейка туго стянута бѣлымъ воротникомъ и мужскимъ галстухомъ. И у обоихъ такое торжествующее выраженіе лицъ, точно они идутъ подъ руку на вѣчный пиръ, на радость побѣды. И онъ вспомнилъ любимое выраженіе Сеняши: „радость бытія". Онъ былъ воплощеніемъ этой радости бытія и въ жизни, и здѣсь на портретѣ.

Въ раскрытую дверь балкона влетѣли чьи-то голоса; Иванъ Петровичъ быстро пошелъ на нихъ. Балконъ выходилъ въ садъ, въ старый барскій садъ, съ вѣковыми липами и правильными аллеями. Липы, очевидно, когда-то подстригались, а потомъ были оставлены рости на волѣ; онѣ вытянулись длинными тонкими стволами и только верхушки ихъ зеленѣли, стволы же были окружены высохшими вѣтвями, точно громадными вороньими гнѣздами, съ которыхъ спускались почти до самой земли черные голые сучья, похожіе на гигантскія щупальцы. Дорожки заросли крапивой и бурьяномъ, и только посрединѣ ихъ была протоптана тропинка аршина въ полтора шириной. По ней и пошелъ Иванъ Петровичъ. Паркъ спускался по отлогой горѣ прямо къ рѣкѣ. Оттуда неслись тревожные, мужскіе голоса.

На поворотѣ одной изъ аллей стояла бесѣдка, съ видомъ на зарѣчную часть усадьбы. Бесѣдка была въ видѣ громаднаго гриба, съ покосившеюся деревянной крышей; столъ и скамейка подъ ней сгнили и едва держались. Иванъ Петровичъ

подошелъ къ нимъ и увидалъ внизу, подъ садомъ, плотину, а на другомъ берегу мельницу и народъ, хлопотавшій около нея. У телѣги съ навозомъ стоялъ толстый человѣкъ, въ свѣтломъ пиджакѣ сверхъ мятой ситцевой рубашки и въ сапогахъ съ рыжими голенищами, доходившими ему до половины икръ. Трое мальчиковъ въ русскихъ рубашкахъ и въ форменныхъ фуражкахъ подхватывали вилами навозъ и бѣжали съ нимъ на плотину. Тамъ они бросали его двоимъ мужикамъ, свѣсившимся головами къ водѣ и что-то поправлявшимъ въ запрудѣ. Невдалекѣ стояла женщина въ узкомъ черномъ платьѣ, въ родѣ того, какое носятъ служки въ монастырѣ; она держала на рукахъ ребенка и съ безпокойствомъ слѣдила за мальчиками. Толстый человѣкъ въ свѣтломъ пиджакѣ перебѣгалъ отъ мельницы къ плотинѣ, кричалъ, волновался. Его круглое красное лицо, обрамленное густой бѣлой бородой, блестѣло, точно смазанное масломъ. Жидкіе волосы падали прямыми прядями на лобъ, и онъ поправлялъ ихъ, вскидывая голову рѣзкимъ движеніемъ назадъ. И только это движеніе сказало Ивану Петровичу, что этотъ красный толстякъ—тотъ стройный, поэтичный студентъ, котораго онъ зналъ и любилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Одинъ изъ мальчиковъ, лѣтъ семнадцати, вѣроятно старшій сынъ Печникова, ловко подхватывалъ тяжелые, сѣроватые комья навоза и весело бѣжалъ съ ними по плотинѣ. Онъ также вскидывалъ головою немного въ бокъ, и болѣе, чѣмъ отецъ, напомнилъ вдругъ Ивану Петровичу прежняго Сеняшу. И ему захотѣлось сейчасъ же броситься внизъ, но онъ понялъ, что попалъ не во время, что съ плотиной случилась какая-то бѣда, и онъ сѣлъ на скамью подъ тѣнью деревянной шапки гриба.

Женщина съ ребенкомъ, высокая, худая, съ провалившимися глазами,—была, несомнѣнно, та красавица, которая снята съ Печниковымъ на портретѣ. Издали нельзя было разсмотрѣть ея черты, но во всей ея фигурѣ, худой, длинной, съ наклоненной впередъ головой, было что-то монашеское, смирившееся. Она держала на лѣвой рукѣ грудного ребенка и все время покачивалась съ нимъ всѣмъ своимъ тѣломъ. Въ это же время она не спускала глазъ со старшихъ мальчиковъ, слѣдя, чтобы они не подходили слишкомъ близко къ осыпающемуся краю плотины. Вдругъ она подняла глаза наверхъ, подняла ихъ безъ всякой цѣли и увидала Бахтеярова. Она вся съёжилась и какъ-то качнулась. Иванъ Петровичъ видѣлъ это, но не придалъ значенія. Печникова, тяжело волоча ноги, подошла къ мужу и шепнула ему что-то. Тотъ только что передъ этимъ облегченно вздохнулъ и позволилъ себѣ вытереть платкомъ лицо и шею, вымывъ

предварительно руки. Когда жена подошла къ нему,—у него сразу лицо измѣнилось, онъ съ испугомъ взглянулъ наверхъ, безпокойно схватился за воротъ рубашки, за волосы и опять взглянулъ наверхъ. Иванъ Петровичъ понялъ, что дальше оставаться въ его засадѣ нельзя, и быстро побѣжалъ внизъ.

— Семенъ Семеновичъ! Не помѣшаю?—весело крикнулъ Бахтеяровъ, спустившись изъ сада къ рѣкѣ.

Печниковъ приближался къ нему, молча.

— Семенъ Семеновичъ!—крикнулъ опять Иванъ Петровичъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—сухо отвѣтилъ тотъ.

Иванъ Петровичъ остановился и молчалъ. Молчалъ и Печниковъ. Мальчики подбѣжали къ матери и безпокойно смотрѣли на отца.

— Позвольте узнать...—началъ Печниковъ.

Иванъ Петровичъ громко расхохотался. Жирный, искренній хохотъ Печникова былъ ему отвѣтомъ.

— Бахтеяровъ! Откуда? Какъ ты меня отыскалъ? Какими судьбами?

И онъ хохоталъ и цѣловалъ гостя.

Вдругъ обернувшись къ женѣ, онъ закричалъ:

— Манюша! Марья Дмитріевна! Успокойся... Ничего... Иди-ка сюда... Ахъ, ты Господи!.. Вотъ кого меньше всего ожидалъ! Вотъ радость-то!.. А у насъ происшествіе! Бѣжитъ мельникъ,—кричитъ, какъ угорѣлый: плотина сочитъ... Мы всѣ бросились глушить навозомъ... Часа два возились... Теперь, кажется, спасено... Маня! Да иди же!—крикнулъ онъ опять, поворачиваясь къ женѣ.

Она, не торопясь, подходила къ нимъ легкой, слегка покачивающейся походкой. Ея черные глаза смотрѣли устало, но спокойно.

— Маня! Кто къ намъ пріѣхалъ-то? Иди, иди скорѣй... Бахтеяровъ, Иванъ Петровичъ. Помнишь, я разсказывалъ: мой товарищъ по университету... Еще Милочку Игнатьеву у меня отбилъ... Да и не ее одну... Чуть я начну ухаживать—онъ тутъ, какъ тутъ... И все съ умными разговорами... А въ наше время барашни были на нихъ падки... Да откуда же ты явился? Постой, я пойду взгляну еще на плотину... А ты, Манюша, повела бы Ивана Петровича въ домъ...

Онъ не договаривалъ слова, былъ очень взволнованъ и все время нервно смѣялся.

— Пойдемте,—спокойно сказала Маня и повела гостя въ домъ.

Жара давно спала. Подъ раскидистой ивой на дворѣ усадьбы, за небольшимъ столомъ, покрытомъ цвѣтной скатертью, сидѣли Иванъ Петровичъ и Печниковъ. Свинцовое тяжелое небо было неподвижно, неподвижны были и деревья и воздухъ, и все кругомъ. Иванъ Петровичъ, вообще, пилъ рѣдко и мало, а со старымъ товарищемъ ему пришлось уже выпить нѣсколько стакановъ кахетинскаго, и это затуманило его. Онъ слушалъ, какъ говорилъ безъ умолку Печниковъ, и ему было пріятно слушать его ровный голосъ и сидѣть въ сѣроватой мглѣ, въ тиши и покоѣ, а главное—не говорить и не думать о своемъ горѣ. Одно его безпокоило — мухи. Онъ съ Печниковымъ ушелъ изъ-за мухъ изъ дому, но онѣ донимали ихъ и здѣсь, и черной густой тучей покрывали кусокъ пирога на глубокой тарелкѣ и липкія пятна на скатерти... Онѣ лѣзли въ глаза, кусали руки, тонули въ стаканахъ. Иванъ Петровичъ все время отмахивался отъ нихъ вѣткой...

Воспоминанія о студенческихъ годахъ такъ всколыхнули Печникова, что онъ не могъ остановиться и говорилъ почти безъ передышки:

— Вѣдь мы, братъ, ни минуты не сомнѣвались, что рождены для счастья, для побѣды надъ всѣмъ міромъ, надъ самою жизнью... Помнишь? Какая-то, чортъ возьми, увѣренность была въ этомъ...

И онъ усмѣхнулся хвастливой усмѣшкой.

— Все ни по чемъ было! Какое презрѣніе къ разнымъ житейскимъ охамъ и ахамъ!

— Радость бытія!—подсказалъ Иванъ Петровичъ.

— Да, да, да... Именно, радость бытія!..

И Печниковъ громко расхохотался.

— Какъ ты это вспомнилъ? Именно, радость бытія... Я ужъ и позабылъ это выраженіе... Радость бытія!..

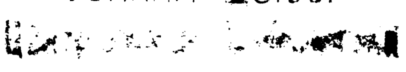
Онъ грустно усмѣхнулся. Иванъ Петровичъ молчалъ. Ему было страшно спугнуть свое пріятное полузабытье...

— А ты можешь себѣ возстановить то твое міровоззрѣніе, юношеское, со всѣми упованіями и увѣренностью, именно, увѣренностью въ побѣдѣ?..

— Обо мнѣ что говорить! — уклончиво отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. И, чтобы перемѣнить разговоръ, прибавилъ:

— Ты упомянулъ о Кубеницкомъ... Что онъ изъ себя изображаетъ?

— Да.. Я сказалъ, что вотъ и Кубеницкій такъ же, какъ ты, разыскалъ меня... Вдругъ явился, точно съ неба свалился... Да, что изображаетъ? Просто обыватель... Въ собственномъ соку варится всю жизнь... Отъ прежняго, пожалуй, одинъ только длинный носъ остался, да и тотъ наполовину въ тол-

стыя щеки ушелъ... Жаловался на дороговизну жизни, на то, что жена плохая хозяйка и тратитъ слишкомъ много денегъ, говорилъ о какихъ-то своихъ предпріятіяхъ: дома на выстройку бралъ, лѣсъ куда-то поставлялъ, еще что-то придумалъ... И прогорѣлъ... Кончилъ тѣмъ, что у меня двѣсти рублей попросилъ... А мнѣ откуда же ему взять? У меня, у самого не жизнь, а ежеминутная битва съ нуждой... Она, какъ гидра: отрубишь одну голову, является другая, заткнешь одну трещину—трещитъ съ другой стороны...

— Ну, съ матеріальными бѣдствіями нельзя считаться,—сказалъ Иванъ Петровичъ, весь еще наполненный своимъ горемъ.

— Какъ нельзя? Какъ нельзя? — закричалъ Печниковъ, становясь весь красный.—Когда у тебя съ восходомъ солнца одна мысль: какъ бы вывернуться? Какъ бы просуществовать? Когда ты ложишься въ постель съ думой: что еще заложить или перезаложить, чтобы не пошло все съ молотка? Какъ же не считаться? Я еще сегодня прочелъ слѣдующее мудрое изреченіе: „Кто стѣсненъ домашними обстоятельствами—тому трудно быть добродѣтельнымъ“... Вѣрно! А знаешь, гдѣ прочелъ? На отрывномъ листкѣ календаря!! Ха-ха-ха! Я каждый день листокъ прочитываю. Это—я тебѣ признаюсь—мое единственное чтеніе... Удивляешься? Да когда мнѣ читать? Некогда, да и... нечего! Почта къ намъ не ходитъ, посылаемъ въ городъ разъ въ недѣлю, сразу семь номеровъ „Свѣта“ привезутъ, всѣ набросятся, особенно мальчики... Всѣ „происшествія“ такъ и проглотятъ: тамъ жена мужа отравила, тамъ мужъ жену финскимъ ножемъ... На цѣлую недѣлю и сыты... А „Свѣтъ“ къ батюшкѣ отсылается... Я и не вижу его иногда!.. Не-до того!..

— Такъ занятъ? — съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Петровичъ.

— А ты не вѣришь? Вѣдь мы съ Маней встаемъ съ солнышкомъ... Я иду работниковъ будить... Съ поля приду къ двѣнадцати, пообѣдаю и тутъ же засну... Съ двухъ опять въ поле, или въ луга... Къ вечеру едва ноги волочу... Не до чтенія... Да я-то что? Вотъ Маню мнѣ жаль смертельно... Какъ она любила читать, заниматься—она естественница у меня,—а теперь вся ушла въ борьбу изъ-за съѣстныхъ припасовъ... Вѣдь на ней одной лежитъ все женское хозяйство, ты только подумай!

Онъ сказалъ это съ такимъ выраженіемъ, что Иванъ Петровичъ спросилъ:

— А это сложно?

— Сложно или нѣтъ, а только она работаетъ часовъ пятнадцать въ сутки... Пятнадцатичасовой трудъ!!.

Онъ горько мотнулъ головой.

— И коровы, и телята, и птицы, и огородъ, и кухня—все на ней... Одна съ поденщицей убирается! Отъ зари до зари безъ отдыха работаетъ...

Печниковъ выпилъ стаканъ до дна, налилъ себѣ еще вина и продолжалъ, подсаживаясь ближе къ пріятелю:

— Вѣдь она молчитъ, все молчитъ, а я чувствую, какъ она страдаетъ... Ночи не спитъ... Я-то поработаю за день, только до постели и храплю... А она не спитъ, и я во снѣ чувствую, какъ она мучается...

— Чѣмъ?—осторожно спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Очень мы запутались... Все кругомъ заложено, перезаложено... Вѣчная возня со сроками, съ процентами, съ просрочками... Постоянная опасность, что все пойдетъ съ аукціона! Ты вправѣ спросить: на что же вы надѣялись? Мы думали: вотъ урожай будетъ—поправимся... Плотину нужно передѣлать—закладываемъ... Съ рабочими разсчитаться—закладываемъ... А тутъ, одинъ годъ — все вымокло, другой—все высохло... Петля затягивается все туже и туже... А Маня таетъ на глазахъ...

— Да развѣ такъ много денегъ нужно на.. жизнь? — спросилъ Иванъ Петровичъ.

Онъ запнулся отъ того, что на языкъ просилось „на такую жизнь, какъ вы ведете“, но онъ побоялся обидѣть товарища.

— Конечно, немного... Да теперь мы ужъ только работаемъ на дѣтей, да на банки... Только изъ-за этого и бьемся... Въ началѣ нужно было занимать, чтобы устроить имѣнье... Вѣдь женѣ дали запущенное барское гнѣздо... Доходовъ никакихъ, одни расходы... Но она здѣсь родилась, здѣсь и выросла... Жизнь въ Москвѣ—была для нея невыносимой... Она все говорила: только въ деревнѣ видишь и ощущаешь Бога. Ну, я и бросилъ службу... Переѣхалъ сюда... И, дѣйствительно, познала Бога... Какъ, бывало, выйдешь съ солнышкомъ на работу: весь лугъ блеститъ, точно бриллiантами усыпанный, воздухъ весь золотой, просторъ, радость! Чувствуешь, что въ насъ и вокругъ насъ совершается что-то таинственное и великое, ощущаешь присутствіе чего-то непостижимаго, вѣчнаго. Въ городѣ я не понималъ этого... Я ходилъ на службу, возвращался домой, отдыхалъ, игралъ въ карты. И мнѣ было хорошо. А Манѣ тѣсно было... Хотѣла непремѣнно переѣхать въ деревню... Вотъ мы и поселились здѣсь... И она работаетъ, не покладая рукъ, и не жалуется никогда, только я вижу, какъ она мучается... Замѣтилъ ты, какъ она испугалась, когда увидала тебя?

— Нѣтъ. А почему?

— А потому, что она все время, бѣдная, какъ на вулканѣ... Все ждетъ: придутъ и выселятъ насъ отсюда. Работали мы, работали, а въ одинъ прекрасный день — пошли вонъ! Но куда? Куда я теперь гожусь? Пятнадцать лѣтъ живу дикаремъ, уже все забылъ, отъ всего отсталъ. „И деревьямъ для ихъ процвѣтанія необходимо, чтобы ихъ колыхалъ вѣтеръ". Да для Мани разстаться со Знаменкой было бы теперь уже немыслимо...

И, замѣтя, что она подходитъ къ нимъ, онъ бодро сказалъ:

— Иди же къ намъ, Манюша. Что, Мурка заснула?

Она, худенькая, блѣдная въ своемъ черномъ подрясникѣ, какъ-то сливалась съ безцвѣтными красками вечера, наступившаго послѣ знойнаго дня.

Она подошла къ столу и сѣла. Всѣ ея движенія были спокойны и просты. Ни одного лишняго жеста, ни одной принужденной позы. И говорила она какъ-то устало-спокойно, и смотрѣла такъ, будто все это она видѣла тысячу разъ и ничто не волнуетъ ее.

— Мурка заснула?—опять спросилъ Печниковъ.

— Да... Сейчасъ только... Желудокъ у нея разстроился... Должно быть, отъ крыжовника... Я много ѣла сегодня...

— У насъ просто,—со смѣхомъ сказалъ Печниковъ пріятелю.—Ты, братъ, не удивляйся.

— Чему же тутъ удивляться? — замѣтила Марья Дмитріевна.—У васъ есть дѣти?

— Да,—коротко отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Мать кормила сама?

— Нѣтъ, кормилица...

— Такъ навѣрно вы знаете, какое горе, когда кормилица наѣстся чего-нибудь неподобающаго.

— Это уже такъ давно было,—уклончиво отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— А у васъ уже большія дѣти?

— Одной тринадцать, младшей десять.

— Онѣ съ вами, въ Т.?

— Нѣтъ... Онѣ въ Москвѣ, въ институтѣ.

— А мальчиковъ нѣтъ?

— Нѣтъ...

— Вотъ это счастье!—искренно воскликнула она.—Мальчикъ—страшная отвѣтственность... Главное, въ смыслѣ аттестата. Все будущее въ этомъ...

— А развѣ дешево онъ достается?—подхватилъ мужъ.— Я не говорю ужъ, сколько бѣдные мальчики мучаются, но и намъ не сладко... Самъ можешь сосчитать, во что намъ ихъ аттестаты зрѣлости вскочатъ. По двѣсти рублей въ годъ за каждаго плачу нѣмцу-учителю, у котораго они живутъ. Да

одѣть ихъ, да отвезти туда, да привезти. А болѣзни?.. Еще Мурку Богъ далъ. Второй годъ, а она не ходитъ. Все у матери на рукахъ... А Манѣ работать надо...

— Ну, Сеняша,—мягко остановила она его,—это все пустяки! Многіе ли и такъ живутъ, какъ мы? Всѣ люди маятся. Посмотри кругомъ... Если мы волочимся животомъ по землѣ, то что же они? Намъ лишь бы дѣтей на ноги поставить...

Иванъ Петровичъ медленно махалъ вѣткой, мухи летали кругомъ него безъ перерыва.

— Брось ты это занятіе, — обратился къ нему Печниковъ.—Только себя безпокоишь и мухъ со скатерти спугиваешь... Маня! Принесла бы ты намъ твоихъ липкихъ листковъ! Ты видалъ ихъ? Вотъ еще, братъ, свинство люди придумали...

Марья Дмитріевна пошла въ домъ, а онъ, близко нагнувшись къ Ивану Петровичу, сказалъ:

— Ты видишь? видишь? Вѣдь она шла за меня на счастье, а не на такую жизнь... Заботы, нужда, вѣчная боязнь за будущее дѣтей... Весь смыслъ ея существованія: поставить дѣтей на ноги. А для чего? Что бы они ставили своихъ дѣтей на ноги, и т. д. до безконечности. Непрерывныя дроби! Понимаешь? У меня здѣсь столяръ работалъ—чудакъ такой, я любилъ съ нимъ поболтать... Такъ онъ говорилъ: „живемъ для поколѣнія!“ Для поколѣнія!

И Печниковъ опять громко расхохотался.

— Для поколѣнія! И это жизнь! Моя теща говорила, бывало. ни къ селу, ни къ городу: c'est la vie, mon enfant! C'est la vie!

Онъ, видимо, захмѣлѣлъ и опять сталъ хохотать.

— Поколѣнія!—мрачно проговорилъ Иванъ Петровичъ.— А когда твоя жена спросила меня про моихъ дѣтей—я такъ просто, такъ до ужаса просто, отвѣтилъ ей: у меня двѣ дочери, обѣ въ институтѣ... И она удовольствовалась этимъ отвѣтомъ...

— А что же? — недоумѣвая и силясь понять, спросилъ Печниковъ.

— А то, что мерзость это! Мерзость! Мать и отецъ своимъ страстямъ предаются: она — незаконной любви, онъ— ревности, а дѣвченки брошены на чужія руки, въ чужія стѣны, къ чужимъ сердцамъ!.. Ты вотъ говоришь про себя, что одичалъ, людей не видишь, встаешь съ солнцемъ, работаешь, какъ негръ... Изъ-за чего? Ты поясняешь мнѣ: дѣти! А у насъ?! Двѣ дѣвочки, ангелы голубоглазые, одной тринадцать, другой десять лѣтъ... А мы отдаемъ ихъ чужимъ людямъ коверкать ихъ души, дѣлать ихъ куклами какими-то...

— Бываетъ, бываетъ,—уклончиво замѣтилъ Печниковъ.— Не всѣ матери способны воспитывать дѣтей... Моя Маня тоже только баловать ихъ умѣетъ...

— Не въ томъ дѣло... Совсѣмъ не въ томъ...

И Иванъ Петровичъ рѣзкимъ движеніемъ приблизилъ свой стулъ къ Печникову и быстро заговорилъ:

— Влюбилась она! Да какъ влюбилась-то! Ей тридцать слишкомъ, а онъ мальчишка, только что университетъ кончилъ... Я уже съ годъ не жилъ, а мучился, подозрѣвалъ, искалъ доказательствъ. Шпіонилъ!.. И поймалъ вѣдь!.. Поймалъ! Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Онъ замолчалъ. И все молчало кругомъ. Печниковъ сосредоточенно смотрѣлъ на сладкое пятно на скатерти, облѣпленное мухами, точно боялся взглянуть на собесѣдника.

— До тѣхъ поръ всетаки была семья, былъ уголъ на землѣ, свой уголъ... И вдругъ все разомъ провалилось... Она то—жена—еще цѣплялась... Лгала, всѣми силами хотѣла убѣдить меня, что я ошибся... Но я съ жестокимъ наслажденіемъ сталъ высыпать передъ ней все, что зналъ про нее, про ея свиданія съ нимъ, про то, что я видѣлъ и слышалъ самъ. Понимаешь ли, самъ!.. Этого понять нельзя, если не испыталъ! Это, братъ, совсѣмъ особая мука!.. Я и ее хотѣлъ пріобщить къ этой мукѣ... Но она дала мнѣ кончить и вдругъ сказала: „Ну, да! Я люблю его, а тебя терпѣть не могу! И если притворялась до сихъ поръ, то только для дѣтей. А тебя не жаль мнѣ нисколько и съ радостью уйду я отъ тебя! Шпіонъ!“ Она такъ сказала это, что я же чувствовалъ себя уничтоженнымъ и пристыженнымъ. Она одѣлась и ушла, навѣрное, къ нему, пробыла у него весь день и когда вернулась вечеромъ—у нея было такое спокойное и ясное лицо, какого я давно уже не видѣлъ у ней. Должно быть, и ей въ послѣдній годъ не сладко было... А я! Если бы мнѣ сказали: тебѣ осталось жить десять лѣтъ — отдай пять, чтобы вернуть назадъ все, что ты сказалъ — я согласился бы... Три дня я молчалъ, молчала и она. Я думалъ, т. е. хотѣлъ думать, что она придетъ ко мнѣ, раскается, и я прощу ее, и будемъ мы жить, хоть не по прежнему,—прежняго ужъ не вернуть... Вѣдь болѣе десяти лѣтъ я былъ счастливъ... т. е. думалъ, что счастливъ... Жизнь шла ровно, легко... Двѣ дѣвочки, здоровыя, какъ мать, росли безъ болѣзней, весело.. Мать ихъ обожала обѣихъ, играетъ, бывало, съ ними, точно и сама ребенокъ. Я приду со службы, усталый, раздраженный, дома свѣтло, уютно, всѣ веселыя — и мнѣ весело. И вдругъ разомъ—тьма и холодъ. И изъ какого пустяка... Послушай, изъ какого пустяка-то... Разъ въ разговорѣ она назвала меня Толя... Я засмѣялся! Она смутилась

страшно и начала объяснять, что не понимаетъ, откуда у нея это имя, что она ни одного „Толи“ и не знаетъ... Развѣ Анатолій Павловичъ... Я смотрѣлъ на нее съ застывшимъ смѣхомъ въ горлѣ, и вдругъ почему-то мнѣ все ясно стало, понимаешь ли: ни одной минуты до этого мнѣ и въ голову не приходило подозрѣвать ее, а тутъ вдругъ все ясно стало. Этотъ Анатолій Павловичъ былъ съ годъ тому назадъ назначенъ къ намъ въ судъ и явился ко мнѣ по службѣ. Потомъ бывалъ изрѣдка, игралъ съ дѣтьми, обѣдалъ раза два. И вдругъ я уже зналъ, что онъ...

Иванъ Петровичъ нервно закашлялся и помолчалъ съ минуту.

— И вотъ, какъ четыре буквы Т-о-л-я могутъ перевернуть всю жизнь человѣка... Цѣлый годъ я жилъ одержимый одной мыслью: убѣдиться, что я правъ... Не глупо ли это? Я подслушивалъ, унижался, подкупалъ... Цѣлые часы выстаивалъ я на морозѣ, чтобы подстеречь ее... Вернусь домой, холодный, злой, до бѣшенства злой... Она, въ капотѣ, бѣгаетъ съ дѣтьми по залѣ и прячется за диваны, подъ столы, и такъ весело смѣется, что мнѣ кажется, не съума ли я сошелъ, подозрѣвая ее въ какихъ-то тайныхъ свиданіяхъ. Всѣ вечера я сидѣлъ дома, и она безъ меня не выходила... Иногда, видя ее такою спокойною, мнѣ казалось, что я все выдумалъ... Вѣдь я ничего не видѣлъ, ничего не зналъ, ничего не слыхалъ... Я только чувствовалъ, что она меня обманываетъ, и долженъ былъ убѣдиться въ этомъ... И убѣдился... Для чего? Точно я счастья какого-то добивался!..

Голосъ у него задрожалъ и застрялъ въ горлѣ...

Печниковъ налилъ вина себѣ и ему. Иванъ Петровичъ залпомъ выпилъ стаканъ.

— И вотъ теперь: дѣвченки бѣдныя, безъ отца и безъ матери—я поставилъ условіемъ развода отдать ихъ въ институтъ—она скучаетъ безъ нихъ до безумія, исхудала, постарѣла на десять лѣтъ... Я!. Ты видишь на что я похожъ... Я взялъ это мѣсто въ Т., чтобы уйти отъ всего и ото всѣхъ, закопаться поглубже... И закопался...

Печниковъ, котораго вино веселило, хотѣлъ развеселить пріятеля и сказалъ:

— Шерше ля фаммъ!

Но видя, что его шутка неумѣстна, онъ сразу замолчалъ.

— Ну, Манюша, давай-ка сюда твою мухоловку,—стараясь казаться веселымъ, сказалъ Печниковъ, принимая отъ жены желтовато-сѣрый листъ, вымазанный клейкимъ веществомъ, и раскладывая его на столѣ.

Она взглянула на мужа, потомъ на гостя, у котораго на щекахъ блестѣли мокрые, узкіе слѣды слезъ, и безшумно ушла въ комнаты.

Старые товарищи долго сидѣли молча. Печниковъ хмѣлѣлъ все больше и больше и, низко склонившись надъ столомъ, смотрѣлъ на клейкій листъ.

— Мухи то, мухи,—сказалъ онъ и ласково дотронулся до руки товарища.—Ты, тово... Подожди... Можетъ и устроится какъ нибудь...

И онъ подлилъ ему вина.

— Не надо!—мрачно сказалъ Иванъ Петровичъ.—Я и такъ разнервничался... Кажется, лишняго наговорилъ... Не надо этого... Такъ мы о чемъ раньше-то бесѣдовали... Да, мухи—говоришь?

Онъ старался казаться спокойнымъ, и Печниковъ, у котораго отъ вина было довольно пріятно на душѣ, обрадовался этой перемѣнѣ въ товарищѣ и ухватился за первую попавшуюся тему, лишь бы уйти отъ прежняго, тяжелаго разговора.

— Да мухи!.. Вотъ: видалъ ты эту прелесть: Tanglefoot. Вяжи ногу!.. Пріѣзжаю въ Т. въ аптекарскій магазинъ, объявленіе громадное: на красномъ фонѣ блестящая гигантская муха и надпись: „Troubled? Use tanglefoot"! Изысканность какая! И какая мерзость! Смотри, смотри!

Летѣвшая близко къ листу муха только на мгновеніе коснулась его лапкой и сейчасъ же прилипла къ нему; она хотѣла улетѣть, уперлась передними лапками и клейкая бумага еще сильнѣе захватила ее. Муха чудовищно вытянулась и громко-жалобно зажужжала.

— Слышишь: стонетъ, — прошепталъ Печниковъ, точно боялся спугнуть кого-то.

Въ это время къ ней подлетѣла вторая муха и, едва присѣвъ на листъ—уже вся была въ его власти. Она забилась крылышками, но черезъ нѣсколько секундъ одно изъ нихъ было приковано къ листу, и она легла на бокъ, съ вытянутыми лапками. Тогда первая муха уперлась въ нее своей плоской головкой, съ невѣроятными усиліями освободила свои переднія лапки и вскочила ими на умирающую подругу, силясь вытянуть и заднія лапки.

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Ужъ не высвободишься!—приговаривалъ Печниковъ.

Муха опять жалобно застонала, приподнимаясь на переднихъ лапкахъ и вдругъ становясь непомѣрно длинною.

— Не любишь?—сказалъ Печниковъ.

— Брось!—съ омерзѣніемъ проговорилъ Иванъ Петровичъ.—Брось!..

— Да смотри, еще, еще прилѣпилась... Черезъ полчаса весь листъ черный будетъ!

И онъ захохоталъ.

— Знаешь, я иногда люблю посмотрѣть на эту борьбу... Поучительно!.. Смотри, какъ вязнутъ и гибнутъ... А мы-то?! Вѣдь вся разница въ томъ: кто въ чемъ и какъ увязнетъ: одинъ въ страсти, другой въ честолюбіи, третій въ погонѣ за пропитаніемъ. И бьется, и мучается, а конецъ у всѣхъ одинъ—мушиный! Смотри: эти двѣ какъ беззаботно летаютъ! Смотри! Помнишь: мы съ тобой студентами? Крылья развязаны, казалось: лети, куда хочешь, хочешь—въ поднебесье, хочешь—къ цвѣтамъ... Смотри, смотри — прикоснулись къ листу: готово! Теперь онѣ въ его власти: кричи, борись, неистовствуй—одинъ конецъ! „Не томись, дядя, опущайся на дно!"—мудрый совѣтъ тонущему... Я, братъ, и не томлюсь уже... А ты все еще вытягиваешься на лапкахъ, вонъ какъ эта, видишь: уперлась головой въ клей... Ну, тутъ ей и погибнуть. .

Иванъ Петровичъ перегнулся черезъ столъ и пристально разсматривалъ мухъ. Большая часть лежала уже на боку со странно побѣлѣвшими и вздутыми животами, другія еще боролись. И вдругъ ему, дѣйствительно, показалось, что та, которая уперлась головой въ клей и старалась вытащить лапки—онъ; другая—недалеко отъ него, черненькая, живая, была похожа на его жену, маленькую брюнетку съ громадными глазами. Она вся билась и трепетала, увязнувъ всѣми лапками въ блестящемъ слоѣ, покрывающемъ листокъ. Иванъ Петровичъ не могъ оторвать глазъ отъ нея и ему показалось, что она съ ужасомъ взглянула на него и упала на бокъ. Надъ нею летали двѣ маленькія мушки, съ прозрачными свѣтлыми крылышками; онѣ не знали, какъ помочь черненькой, и жалобно жужжали надъ ней. Иванъ Петровичъ нервно отогналъ ихъ и вскочилъ съ мѣста.

Кривой тарантасъ опять тихо ползъ по проселку. Свѣтало. Все было сѣро кругомъ: и земля, и небо, и воздухъ... Иванъ Петровичъ, мѣрно покачиваясь, дремалъ, прижавшись въ уголокъ тарантаса. Пьяный голосъ Печникова жужжалъ въ его ушахъ то громко, то жалобно-визгливо. Въ головѣ шумѣло, на сердцѣ было безпокойно, и Иванъ Петровичъ съ испугомъ открывалъ глаза и озирался кругомъ. Сѣрый воздухъ окутывалъ все мягкой сѣрой дымкой. Поля, луга, лѣса— все сливалось въ одной сѣрой мглѣ. Она уходила высоко, высоко къ бѣлой чуть замѣтной звѣздочкѣ. Иванъ Петровичъ закинулъ голову и сталъ смотрѣть на нее. Онъ смотрѣлъ долго, долго, не отрывая глазъ, и вдругъ ему показа-

лось, что она приблизилась къ нему, или онъ поднялся до нея. Все вокругъ было освѣщено серебряно-бѣлымъ свѣтомъ, и самъ онъ точно качался на мягкомъ серебристомъ туманѣ.

Онъ взглянулъ внизъ и у него духъ заняло: прямо подъ нимъ несся и кружился громадный шаръ неописуемой красоты: весь золотой, усыпанный изумрудами, сапфирами, жемчугомъ. Все на немъ сверкало, переливалось и радостно сіяло въ торжествующемъ солнечномъ блескѣ.

— Что это такое? Неужели земля?—вскрикнулъ Иванъ Петровичъ и сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы увидѣть, разсмотрѣть.

Шаръ точно приближался къ нему и съ каждой секундой дѣлался все больше и больше.

Ивану Петровичу казалось, что онъ видитъ уже не изумруды и сапфиры, а зеленые луга съ милліардами разноцвѣтныхъ точекъ, причудливые лѣса всѣхъ оттѣнковъ, лазоревыя волны морей и океановъ...

— Неужели эта красота — земля? — спросилъ онъ себя, благоговѣйно вглядываясь въ чудесный шаръ. И вдругъ ему показалось, что снѣжныя шапки фіолетовыхъ горъ, искристыя, какъ бриллiанты, поднялись совсѣмъ до него и обдали его своимъ чистымъ, свѣжимъ запахомъ.

И онъ сразу увидѣлъ все: и синія волны съ сѣдыми гребешками, и горныя, прозрачныя рѣчки съ пѣнистыми уступами, и бурные водопады, и цвѣтущіе зеленые луга, и густые тѣнистые лѣса съ милліардами восковыхъ чашечекъ ландышей, и причудливые сады, усыпанные алыми и желтыми розами...

— Неужели это земля?—опять спросилъ онъ и вдругъ чуть не вскрикнулъ отъ радости. Передъ нимъ мелькнулъ желтый обрывъ надъ родной рѣкой, громадный дубъ, полуразрушенная скамейка... Тутъ онъ въ первый разъ поцѣловалъ ее, свою жену, шепча ей слова любви...

— Конечно, эта красота—земля! Конечно! -шепталъ онъ, боясь спугнуть прекрасное видѣніе и снова вглядываясь въ него.

Между сапфирами, изумрудами и жемчугами блестѣли какія-то сѣрыя пятна, усыпанныя черными точками.

— Жз, жз, жз!..—неслось оттуда.

Этихъ пятенъ становилось все больше и больше, и немолчный стонъ, несшійся съ нихъ, напомнилъ Ивану Петровичу мухъ.

— Да! Это мухи!

Ихъ было много: милліоны, десятки, сотни милліоновъ; однѣ лежали на боку, другія вытягивались на длинныхъ лапкахъ, стараясь оторваться отъ липкой бумаги, выбивались изъ силъ, падали и снова вставали. Третьи летали близко,

близко надъ листами и неминуемо, рано или поздно, попадали на нихъ.

Шаръ кружился быстро, и мухи кружились вмѣстѣ съ нимъ, не видя ничего, кромѣ своего листа и своихъ сосѣдей.

Иванъ Петровичъ весь вытянулся, чтобы разсмотрѣть, увидать...

— Оля!—крикнулъ онъ, разглядѣвъ черненькую мушку съ большими глазами.

Но вмѣсто нея была уже другая, изнуренная, со слезами на глазахъ... Это Даша, та Даша, которая клялась ему когда-то, что ея ребенокъ—его ребенокъ! Онъ не повѣрилъ тогда...

— Даша! Прости меня!—прошепталъ онъ.

Она обернулась, и онъ увидалъ не ее, а лицо покойной матери, его любимой, его несчастной матери, измученной и болѣзнями, и тоской по бросившему ее мужу—его отцу... А вотъ, кажется, и онъ, отецъ,—даровитый, блестящій, счастливый когда-то, а теперь жалкій, разбитый параличемъ старикъ, одиноко доживающій свой вѣкъ у себя, въ деревнѣ. Рядомъ съ нимъ—братъ Петръ, спившійся неудачникъ, учитель рисованія; мечталъ быть великимъ художникомъ! Тутъ же тетя Саша, сестра покойной матери, граціозное созданье, всю жизнь отдавшее на борьбу съ пагубной страстью племянника Петра... Онъ оскорблялъ ее, унижалъ, а она такъ и прожила всю жизнь около него, безъ радости, безъ счастья... Кажется, это не она, а Маня, смирившаяся Маня, жена Печникова... Тутъ же и онъ — Сеняша... Какъ они толкутся „изъ-за съѣстныхъ припасовъ"... Нѣтъ это не они, а такіе же точно, какъ они. И ихъ несмѣтное количество и всѣ они одинаковые, всѣ одинаково бьются на липкихъ листахъ. А тамъ-то, дальше, сколько знакомыхъ и незнакомыхъ юныхъ лицъ, надѣящихся, вѣрящихъ, погибающихъ...

Иванъ Петровичъ приблизился еще, стремясь найти тѣхъ двухъ маленькихъ мушекъ, которыхъ онъ отогналъ отъ листа. Но и такихъ, со свѣтлыми крылышками, было множество, всѣ онѣ одинаково летали надъ листами. И ихъ немолчное жужжаніе сливалось въ одномъ сплошномъ стонѣ:

— Жз! Жз! Жз!..

„Жизнь, жизнь, жизнь!" —слышалось ему.

— Это жизнь!—разобралъ онъ шутливый возгласъ Печникова.

— Неужели?—прошепталъ съ испугомъ Иванъ Петровичъ. Неужели? Не можетъ быть!

Онъ открылъ глаза. Лошади стояли у брода, уткнувшись мордами въ прозрачную свѣтлую воду. Воздухъ былъ уже весь розовый; гдѣ-то всходило солнце.

Ек. Лѣткова.

МАТЬ.

Надъ больнымъ ребенкомъ,
Крошкой беззащитнымъ,
Ты всѣ дни и ночи
Зорко караулишь.

Огненная птица
Съ чернымъ хищнымъ клювомъ
Надъ малюткой рѣетъ
Все быстрѣй, все ближе.

И горитъ, и сохнетъ
Маленькое тѣльце,—
Вянутъ розы щечекъ,
Отлетаютъ силы...

— Отойди, исчезни,
Грозное видѣнье!
Тамъ, въ огромномъ мірѣ,
Мало-ль злыхъ, отжившихъ?

Мой сыночекъ—птенчикъ,
Не видавшій неба,
Мой сыночекъ—зорьки
Утренней свѣтлѣе.

Можетъ быть, съ годами,
Возмужавшей мыслью,
Какъ орелъ могучій,
Онъ взовьется къ солнцу!

Можетъ быть, надежда
Въ немъ отчизны бѣдной:
Ей въ борьбѣ великой
Онъ добудетъ долю!—

Огненная птица
Рѣетъ ниже, ниже...
Богу силъ и правды
Шепчешь ты молитвы...

П. Я.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦІЯ.

Разсказъ.

Въ канцеляріи „агрономической коммиссіи“ по обыкновенію пьянствовали.

Василій Кирилловичъ Довгаль, завѣдующій 2-мъ участкомъ, сидѣлъ на старомъ кожаномъ диванѣ, поджавъ подъ себя ноги, пилъ водку и разсказывалъ анекдоты. Лицо у него было распухшее, красное, лоснившееся на лбу и подъ глазами отъ проступившаго жира и пота. Коротко остриженные волосы и длинные усы съ подъусниками дѣлали его похожимъ на запорожца, а маленькіе сѣрые глазки изобличали человѣка добродушнаго, упрямаго и болтливаго.

Осипъ Петровичъ Курцъ, его помощникъ, и Алеша Юхницкій, студентъ, приглашенный на лѣтнія работы, пили пиво и съ видимымъ наслажденіемъ слушали болтовню Василія Кирилловича. Курцъ былъ высокій, немного сутулый человѣкъ, съ мясистыми бритыми щеками и широкими челюстями, съ глупымъ, но глубокомысленнымъ выраженіемъ лица. Алеша Юхницкій отличался стройной фигурой и военной выправкой. Онъ былъ заносчивъ и дерзокъ, любилъ похвастать и порисоваться.

Анекдоты, которые разсказывалъ Довгаль, были старые, избитые, давно уже утратившіе свою соль и сохранившіе только грубый цинизмъ словъ и содержанія.

Когда Акимъ Данилычъ пришелъ за инструкціей, Василій Кирилловичъ былъ уже пьянъ и очень обрадовался его приходу.

— А-а! Будочникъ! Ну, счастье ваше, что васъ тутъ не было! Ха, ха, ха! Про Феничку анекдотъ знаете?.. Истинное происшествіе!.. Ну, ну, ну! не буду!.. Мы его анекдотами однажды чуть до слезъ не довели... Что ни скажи, всему вѣритъ! И сейчасъ благородное негодованіе... дрожитъ, какъ какой-нибудь, понимаете-ли, сукинъ сынъ... Что? не нравится?.. Ну, полно... шучу вѣдь! Фу, чортъ! Ужъ и пошутить нельзя...

Акимъ Данилычъ! Ну, садитесь... Ну, нечего, въ самомъ дѣлѣ... садитесь...

Акимъ Данилычъ, не выпуская изъ рукъ сѣрой парусиновой фуражки, сѣлъ къ столу и тяжело вздохнулъ. Онъ давно уже привыкъ къ грубостямъ и насмѣшкамъ Довгаля и прощалъ ихъ, потому что Василій Кирилловичъ никогда почти не былъ трезвъ. Сослуживцы относились къ Акиму Данилычу хорошо, хотя тоже не упускали случая позабавиться и всегда старались огорошить его какой-нибудь неожиданностью. Акимъ Данилычъ въ такихъ случаяхъ совершенно терялся и утрачивалъ всякую способность соображать что-либо.

За два года своей службы въ коммиссіи Акимъ Данилычъ ни разу не сдѣлалъ ни одного упущенія. Получая 40 рублей въ мѣсяцъ за завѣдываніе складомъ орудій и инструментовъ, онъ чувствовалъ себя прекрасно обезпеченнымъ и очень дорожилъ мѣстомъ. Работы въ складѣ было мало, но Акимъ Данилычъ находилъ ее самъ, потому что занимался этимъ дѣломъ, почти какъ любитель. Онъ собственноручно мылъ, чистилъ и смазывалъ масломъ инструменты, по нѣскольку разъ переписывалъ инвентарный списокъ, почти еженедѣльно придумывалъ новую систему выдачи инструментовъ и полученія ихъ обратно, вѣчно переставлялъ съ мѣста на мѣсто пульверизаторы, кружки, лопаты и кирки. Очень вѣроятно, что Акимъ Данилычъ дожилъ бы на этой должности до глубокой старости, если бы не заболѣлъ неожиданно Гурьевъ, наблюдатель на метеорологической станціи въ „Старомъ Хуторѣ". Станція эта по общему признанію никому не была нужна, но полагалась по штату, и избавиться отъ нея было невозможно. Рѣшено было откомандировать Акима Данилыча смѣнить Гурьева, и эта неожиданная новость его очень разстроила.

— Я, собственно, къ вамъ зашелъ, Осипъ Петровичъ, насчетъ командировки... — тихо и несмѣло началъ Акимъ Данилычъ.

— А что? Вѣроятно, за инструкціей? Но инструкцій никакихъ нѣтъ и быть не можетъ. Поѣзжайте просто на станцію, примите все по описи отъ Гурьева и съ мѣста въ карьеръ за дѣло.

— Господи, Боже мой! Легко вамъ говорить, Осипъ Петровичъ! Вѣдь я же на складѣ заваленъ работой... Сколько инструментовъ въ починкѣ еще... Вотъ наказаніе, Господи! Столько времени завѣдывалъ складомъ и... и все въ порядкѣ, и вдругъ бросать все и ѣхать ни съ того, ни съ сего неизвѣстно куда... Неужели нельзя, въ самомъ дѣлѣ, послать кого-нибудь другого?..

— Но вѣдь Гурьевъ боленъ, нельзя же прерывать наблюденія. И кого же послать? Ну, скажите сами.

— Пошлите вотъ господина Юхницкаго. Ей-Богу, Осипъ Петровичъ! Они знаютъ это дѣло, образованы, студентъ все-таки... А мое какое образованіе?... Ей-Богу! Развѣ я знаю, что такое барометры?

— Пустяки!—сказалъ Алеша,—такая марка, Акимъ Данилычъ, чтобы не мнѣ, а вамъ на станцію ѣхать. И чего вы боитесь, право? Гурьевъ вамъ покажетъ и объяснитъ все.

— Ну, вотъ, вотъ... ужъ и боитесь... вовсе не боюсь! Ничуть! Но, по крайней мѣрѣ, дайте время собраться... сдать все какъ слѣдуетъ. Господи, Боже мой! И чего, въ самомъ дѣлѣ, пороть горячку? Не понимаю! Наконецъ, у меня все бѣлье, извините, въ стиркѣ... Не брать же съ собой мокрое, въ самомъ дѣлѣ...

Акимъ Данилычъ очень волновался. Его маленькая, худенькая фигурка съ короткими ножками смѣшно и неловко ворочалась на стулѣ, и казалось, что она не можетъ ни одной минуты пробыть безъ движенія. На некрасивомъ лицѣ было выраженіе досады и озабоченности, толстыя губы нервно подергивались, и онъ ежеминутно морщилъ и щипалъ пальцами свой широкій утиный носъ, какъ будто собирался плакать.

Василій Кирилловичъ лукаво подмигнулъ студенту.

— Позвольте, позвольте! — сказалъ онъ притворно строгимъ тономъ,—какъ же такъ? Завтра вамъ на станцію ѣхать, а вы къ намъ пьянствовать пришли? А? Какъ же это, многоуважаемый?.. Ха, ха, ха!... Ну, пейте, чортъ съ вами. Погибшій вы человѣкъ, Акимъ Данилычъ, въ своемъ безпутствѣ.

Акимъ Данилычъ молча пилъ пиво, закатывая глаза и подымая брови. Видъ у него былъ смѣшной и жалкій. На круглой головѣ, сквозь рѣдкіе волосы, зачесанные назадъ правильными параллельными рядами, просвѣчивало покраснѣвшее темя.

— Завидую, чортъ возьми, Акиму Данилычу! — не унимался Довгаль, — на этой будкѣ не житье, а масленница. Право! Во-первыхъ, служеніе чистой наукѣ. Не шутка! Однихъ термометровъ сколько... Вамъ, такъ сказать, всѣ вѣтрила послушны и вы повелитель стихій! Завести только какую нибудь капитанскую дочку посмазливѣе, живи себѣ станціоннымъ смотрителемъ и никакихъ. Д-да! Лестно, чортъ подери!

Василій Кирилловичъ выпилъ водки и засмѣялся. Затѣмъ онъ сталъ серьезно увѣрять Акима Данилыча, что выѣхать на станцію необходимо завтра же, и что въ против-

номъ случаѣ могутъ быть непріятности, такъ какъ Гурьевъ уже внесъ его въ инвентарь.

— Ей-Богу! Такъ и написалъ: пять термометровъ, одинъ Акимъ Сачковъ, одинъ дождемѣръ и такъ далѣе... Тутъ, батенька, шутки плохи!..

Курцъ и Алеша засмѣялись. Акимъ Данилычъ оторопѣлъ.

— То есть... какъ это въ инвентарь? Позвольте!.. Развѣ можно живого человѣка въ инвентарь записывать?..

— Можно-ли? Значитъ можно, если записали! Ужъ тутъ, батенька, кончено!

Довгаль комически качнулся впередъ и развелъ руками; потомъ онъ вдругъ прищурилъ глаза и захохоталъ, заражая своимъ смѣхомъ студента и Курца.

— Да-а!—говорилъ Алеша, — такая марка! Ужъ тутъ, батенька, не попишешь! Не по-пи-шешь! Ха, ха, ха!..

Акимъ Данилычъ былъ блѣденъ и растерянно смотрѣлъ на нихъ кроткими дѣтскими глазами.

— Не знаю... не знаю...—говорилъ онъ,—въ первый разъ слышу, чтобы живого человѣка въ инвентарь записывали... Какъ это даже возможно, чтобы среди неодушевленныхъ предметовъ ставить, напримѣръ, живого человѣка... Э! да я знаю! все это опять насмѣшки... Господи, Боже мой! И какъ вамъ не надоѣстъ, Василій Кирилловичъ! Постоянно, ну постоянно одно и то же, одно и то же...

Довгаль долго смѣялся и кашлялъ. Потомъ онъ снова дразнилъ Акима Данилыча и разсказывалъ анекдоты. Затѣмъ читалъ стихи Лермонтова и, когда слушатели выражали свое одобреніе, сознавался что это его сочиненіе. Послѣ стиховъ онъ со слезами на глазахъ пѣлъ малороссійскую пѣсню, въ которой разсказывалось о „корчёмкѣ“ и о двухъ „черноморцахъ“.

О-дінъ чер-но-мо-рець на со-піл-кі гра-а-ае,
Дру-гій чер-но-мо-о-рець дів-чатъ під-мов-ля-а-а-е...

Окончательно опьянѣвъ, онъ притянулъ къ себѣ Акима Данилыча, дружески обнялъ его и поцѣловалъ въ губы. Акимъ Данилычъ сразу размякъ, и на глазахъ у него показались слезы. Довгаль, нахмуривъ брови, долго и сосредоточенно неподвижными глазами смотрѣлъ ему въ ухо и говорилъ пьянымъ, хриплымъ голосомъ:

— Ну, извини, братъ! Что жъ? Все во времени и въ пространствѣ... Я пошутилъ, Акимъ Данилычъ! Вотъ увидишь... мы къ тебѣ на станцію въ гости пріѣдемъ... Право. Д-да!.. Это ничего, что ты необразованъ, за то душа у тебя хорошая... Образованіе, братъ, ерунда! Главное—молодость, юность, универ-

ситетскія традиціи... идеалы и торжество истины... Господинъ Курцъ-галопъ! Алеша! Человѣкъ Божій!..

На-а-ша ю-у-ность, дру-зья, про-ле-тае-тъ стрѣ-лой...

Курцъ подперъ кулаками голову и началъ подтягивать. Юхницкій присоединился тоже, всталъ и, заложивъ руки въ карманы, началъ пѣть невѣрно, но съ чувствомъ и паѳосомъ. Пѣлъ онъ, подражая профессіональнымъ пѣвцамъ, задравъ голову, качая туловищемъ и выворачивая ноги.

Акимъ Данилычъ тяжело вздохнулъ, безнадежно махнулъ рукой и вышелъ, не простившись. Въ деревнѣ уже всѣ спали. Въ студеномъ ночномъ воздухѣ рѣзко раздавался скрипъ журавля у колодца и плескъ воды. Далеко въ полѣ протяжно и долго лаяли собаки. Акимъ Данилычъ пошелъ домой, и его догоняли пьяные голоса и некрасивый припѣвъ студенческой пѣсни:

Прро-ве-дем-те, дру-зья, э-ту ночь ве-се-лѣй!..

II.

Акимъ Данилычъ не спалъ всю ночь и на разсвѣтѣ выѣхалъ на станцію. Утро было прозрачное, ясное, полное радостныхъ весеннихъ звуковъ. Суетливо трепыхаясь въ воздухѣ, звенѣли жаворонки, звонко заливался колокольчикъ.

Злинь, дилинь, динь! Злинь, дилинь, динь, динь! Лошади бѣжали бодро и бойко, фыркали отъ утренней свѣжести, отчетливо чеканили копытами хорошо наѣзженную, сухую дорогу. Справа тянулись покатые, меланхолическіе холмы, еще подернутые утренней тѣнью. По нимъ правильными полосками и клѣтками стояли густыя, сочныя озими, синѣли овсы, чернѣли пашни, засѣянныя могаромъ. Съ лѣвой стороны дороги, бѣлыми и бурыми пятнами по свѣтлой зелени луга, разсыпалось стадо коровъ и высокимъ бѣлымъ столбомъ поднимался дымъ отъ костра, разведеннаго пастухами. Дымъ былъ густой, пухлый и, освѣщенный справа косыми лучами солнца, отливалъ нѣжнымъ розовымъ румянцемъ.

Отъ безсонной ночи Акимъ Данилычъ чувствовалъ себя разбитымъ и усталымъ. Болѣла голова, все тѣло было какъ будто смазано клеемъ, чесались ноги. Завернувшись въ бѣлую парусиновую бурку, онъ, сгорбившись, сидѣлъ въ шарабанѣ и думалъ. Думы были безсвязныя, мутныя. Глядя на уголъ чемодана, выдвинувшагося изъ-подъ сидѣнья, Акимъ Данилычъ вспоминалъ о мокромъ бѣльѣ, которое онъ съ такимъ

трудомъ укладывалъ вчера ночью и досадовалъ на прачку за то, что она не успѣла его просушить. Потомъ мысли его незамѣтно перешли къ сегодняшней командировкѣ. Ему вдругъ вспомнился когда-то давно прочитанный разсказъ объ англичанинѣ, сосланномъ на плавучій маякъ. И ему было жутко. Онъ воображалъ себя, одинокаго и несчастнаго, на высокой башнѣ, окруженной мутно-зеленымъ моремъ, и ему представлялись опасныя бури, огромныя волны, потрясающія башню, и слышался ревъ морскихъ чудовищъ, звонъ разбивающихся барометровъ и его собственный крикъ, взывающій о помощи и спасеніи...

Злинь, дилинь, динь! Злинь, дилинь, динь, динь! — заливался впереди колокольчикъ, и Акимъ Данилычъ снова погружался въ думы. Ему было безконечно жалко себя, и чувство горькой обиды подступало къ горлу. Онъ вспоминалъ о своей далекой молодости, безрадостной и тусклой, поглощенной непрерывными заботами о кускѣ хлѣба и страхомъ за будущее. Матери онъ не помнилъ. Отецъ, умершій лѣтъ 20 назадъ, представлялся ему теперь въ видѣ злого старика, тощаго и длиннаго, съ огромными жабрами на шеѣ и выпуклыми воспаленными глазами.

— Свинопасомъ будешь, собачій сынъ!—говорилъ ему отецъ, и онъ воображалъ себя одинокимъ и грустнымъ въ степи, ночью, растерявшимъ свиней и дрожащимъ отъ страха... Потомъ Акиму Данилычу вспоминалась сельскохозяйственная школа, въ которой онъ учился. Онъ не могъ забыть глупыя и несправедливыя наказанія и свои слезы, и сознаніе своей безпомощности и одиночества. Иногда въ школу пріѣзжалъ старшій братъ Вася, молодой усатый франтъ, членъ земской управы въ уѣздномъ городѣ. Свиданія были короткія, и братъ больше просиживалъ въ учительской, чѣмъ съ нимъ. На прощанье братъ обыкновенно передавалъ ему коробку конфектъ и говорилъ что-то непонятное, чужое и неласковое. Иногда отъ брата получались деньги и письма, въ которыхъ говорилось о томъ, что всякій трудъ полезенъ для общества, и что китайскій богдыханъ одинъ разъ въ годъ собственноручно пашетъ землю... Потомъ въ памяти Акима Данилыча проходили вереницей долгіе годы, послѣдовавшіе за окончаніемъ школы, продолжительныя мытарства по письменной части у нотаріуса, въ канцеляріи судебнаго слѣдователя, у адвокатовъ и, наконецъ, въ „коммиссіи“, куда удалось попасть, благодаря протекціи и связямъ брата. Вспоминалось все, что онъ переживалъ при каждой перемѣнѣ службы, когда будущее представлялось ему всякій разъ мрачнымъ и безнадежнымъ...

Мысли Акима Данилыча обрывались и ему представля-

лись уже другія, болѣе радостныя картины... Воображеніе рисовало прелестныхъ женщинъ, въ красивыхъ одеждахъ, воздушныхъ и нѣжныхъ, и всѣ онѣ ласково смѣялись и привѣтливо встрѣчали Акима Данилыча. А онъ, молодой и красивый, смѣлый и ловкій, любилъ ихъ какой-то особенно грустной и благородной любовью...

Акимъ Данилычъ поднялъ голову и открылъ глаза. Дорога уже шла лѣсомъ. Мягко задумчиво шелестѣли молодой листвой свѣтло-зеленыя верхушки дубовъ, дымящіяся ленты свѣта пронизывали просѣки и играли золотой пылью, и легкими свѣтлыми пятнами падали на стволы деревъ и на лѣвый край дороги. Изъ глубины лѣса тянуло влагой; въ высокой травѣ цвѣли одуванчики и лютики, темнѣли фіолетовыя головки ирисовъ. Тихо было въ густыхъ заросляхъ и тамъ совершалось какое-то торжественное чудесное таинство.

Акимъ Данилычъ зѣвнулъ и улыбнулся.

— Далеко еще до хутора?—спросилъ онъ ямщика.

— Верстъ пять. Сейчасъ за лѣсомъ. Какъ съ горы спустимся, тутъ и хуторъ... Задремали, баринъ?

— Да, задремалъ... А славно въ лѣсу.. это что за птица?

Справа громадной черной тѣнью упалъ почти къ самой дорогѣ большой косматый ястребъ, плавной дугой, не шевеля крыльями, взмылъ кверху и исчезъ въ зелени деревьевъ.

— По нашему, шулякъ называется. Который птицу бьетъ, или, напримѣръ, зайца, мыша или другое что. Извѣстно, вредная птица, въ родѣ какъ, напримѣръ, ворона. Которая птица хорошая, ту, баринъ, сразу спознать можно. Примѣрно журавель или, сказать, черногузъ. Эта птица смирная. Опять же, обратно, перепелъ или тамъ дроздъ, утка дикая, бекасъ—эта птица въ пищу идетъ, съѣдобная птица!..

Акимъ Данилычъ не слушалъ. У него болѣзненно сжималось сердце при одной мысли о предстоящей жизни на новомъ мѣстѣ.—И что я буду дѣлать тамъ?—спрашивалъ онъ самъ себя.—Напутаю что нибудь, сейчасъ раскроется, начальство пріѣдетъ... И пусть, пусть знаютъ! Нарочно напутаю!.. А что, если сломаю барометръ? Запасной надо бы. Зрѣніе то у меня слабое, долго ли споткнуться, какъ на будку полѣзешь?—И онъ представлялъ себя падающимъ съ лѣстницы, съ разбитымъ барометромъ въ рукахъ...

— И зачѣмъ только ихъ изъ стекла дѣлаютъ?—думалъ онъ безнадежно.—Пріѣхать, не забыть бѣлье развѣшать, чтобъ просохло... Бабу найти надо, обѣдъ готовить... У Гурьева, должно быть, есть..

И онъ старался представить себѣ, какая у Гурьева баба. Воображеніе рисовало здоровую, толстую женщину въ грязной рубахѣ, съ узловатыми синими жилами на огром-

ныхъ икрахъ, съ корявыми пальцами на ногахъ...—Капитанская дочка!—подумалъ онъ и засмѣялся.

Ямщикъ обернулся, посмотрѣлъ на него и засмѣялся тоже, неизвѣстно чему. Потомъ онъ натянулъ и передернулъ возжи. Лошади подхватили дружнѣй, громко затарахтѣлъ шарабанъ, колокольчикъ залился и заплакалъ, и далеко по лѣсу понеслись его жалобные звенящіе стоны...

Вскорѣ лѣсъ началъ рѣдѣть. Между вѣтвей деревъ уже просвѣчивало небо и синѣющія вершины отдаленныхъ холмовъ. За лѣсомъ дорога круто поворачивала направо и, извиваясь среди зелени молодой поросли и кустарниковъ, темной полосой бѣжала книзу. Выѣхавъ на поворотъ дороги, ямщикъ сразу осадилъ лошадей, дышло поднялось высоко кверху, застылъ колокольчикъ, и лишь изрѣдка раздавалось его жалобное звяканье. Натянувъ шлеи и разведя зады въ стороны, лошади подняли головы и, осторожно перебирая ногами, стали спускать шарабанъ внизъ.

Черезъ долину, по склону противоположныхъ холмовъ, среди виноградниковъ и садовъ, разубранныхъ бѣлыми цвѣтами черешенъ, весело разсыпалась небольшая красивая деревушка. Бѣлые домики съ высокими камышевыми крышами были залиты солнцемъ; на самомъ краю деревни, на юру стоялъ небольшой домъ, крытый гонтомъ, съ крыльцомъ, выступившемъ на середину двора. За домомъ, на четырехъ толстыхъ столбахъ возвышалась будка, выкрашенная въ сѣрую краску и похожая на голубятню.

У Акима Данилыча тревожно забилось сердце и похолодѣли руки. Черезъ нѣсколько минутъ шарабанъ шумно прокатился по безлюдной деревенской улицѣ, разгоняя поросятъ и обдавая пылью двухъ босоногихъ мальчиковъ, возившихся у колодца въ однѣхъ рубашкахъ. Лихо завернувъ направо, ямщикъ круто остановилъ лошадей у воротъ станціи. На крыльцѣ дома стоялъ долговязый и блѣдный человѣкъ съ косматой головой и обросшимъ лицомъ, съ большими, недобрыми глазами. На немъ была голубая рубашка, опоясанная гаруснымъ шнуркомъ съ кисточками, и теплые валенки. Смѣясь и потирая руки, онъ говорилъ Акиму Данилычу, вылѣзавшему изъ шарабана:

— Честь и мѣсто, Акимъ Данилычъ! Здравствуйте! Ничему въ жизни такъ не радовался, какъ вашему пріѣзду. Будь она проклята, эта станція!.. Снеси-ка вещи!—сказалъ онъ въ отвѣтъ на поклонъ ямщика.—Пожалуйте, Акимъ Данилычъ!

Они вошли въ домъ. Здѣсь все было разбросано, въ безпорядкѣ. Пахло гвоздикой и мятой. Комнатъ было всего двѣ, но большія и свѣтлыя. Одна служила кабинетомъ и столовой, другая — спальней. Въ первой у окна стоялъ большой

письменный столъ, накрытый клеенкой, на которой во многихъ мѣстахъ были замѣтны густыя чернильныя пятна съ радужнымъ отливомъ и круглые бѣлесоватые отпечатки стакановъ и блюдечекъ. На столѣ валялись печатные бланки, казенные пакеты съ напечатанными на нихъ адресами, большія книги квадратной формы съ надписью „Метеорологическое Обозрѣніе". Тутъ же на стѣнѣ висѣлъ длинный ящикъ, въ которомъ за стеклянной дверцей помѣщался большой фортеневскій барометръ. Въ углу на этажеркѣ стоялъ другой барометръ круглой формы, похожій на часы-будильникъ. Посреди комнаты на столѣ, накрытомъ грязной скатертью, бойко кипѣлъ маленькій самоваръ, стояли стаканы, банка съ чаемъ и тарелка съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ. Здоровая, краснощекая дѣвка, босая, но чисто одѣтая, лѣниво мыла посуду.

— Нельзя-ли поскорѣй немножко? — сказалъ Гурьевъ. — Говорилъ я тебѣ, чтобъ сегодня пораньше чай былъ... но тебѣ это все равно, какъ объ стѣну горохъ... Держите ее построже, Акимъ Данилычъ, чтобъ совсѣмъ отъ рукъ не отбилась... Ну, что, Настя? Нравится тебѣ новый баринъ?

Настя пожала плечами и, улыбаясь, наивно сказала:

— А я знаю?

— Не знаешь! Ты, кажется, кромѣ какъ ѣсть да спать, ничего не знаешь! Ну и шельма же ты, какъ я посмотрю... Ты чѣмъ же это вытираешь стаканы? — набросился вдругъ на нее Гурьевъ. — Сколько разъ говорилъ чайное брать, а она опять за личнóе полотенце ухватилась. Идіотка! Вашего брата десять лѣтъ учи, не научишь!

Настя покраснѣла, принужденно усмѣхнулась и вышла изъ комнаты. Гурьевъ досталъ изъ сундука чистое полотенце и самъ началъ вытирать стаканы.

— Послать дурного, за нимъ другого! — говорилъ онъ, обращаясь къ Акиму Данилычу.

Первыя впечатлѣнія Акима Данилыча были хорошія. Ему понравился и дворикъ, и свѣтлыя комнаты, и деревянные некрашенные полы, и Настя. Правда, все было неуютно и грязно, много было безпорядка, но онъ сумѣетъ, конечно, все устроить иначе.

Послѣ чаю, за которымъ Гурьевъ жаловался на „жестокій ревматизмъ", пошли производить наблюденія. Ругаясь и жалуясь, Гурьевъ еле взобрался на будку. За нимъ послѣдовалъ Акимъ Данилычъ, взволнованный и едва переводившій дыханіе. На узенькой лѣстницѣ вдвоемъ было тѣсно и неудобно, но Акиму Данилычу показалось всетаки не такъ страшно, какъ онъ думалъ сначала. Будка совсѣмъ не была такъ высока и, пожалуй, было бы даже лучше, если бы она была выше. Видъ съ нея былъ бы гораздо лучше.

Потомъ смотрѣли почвенные термометры, дождемѣръ, флюгеръ. Акимъ Данилычъ, по указаніямъ Гурьева, дѣлалъ отмѣтки въ вѣдомости. Все оказалось, дѣйствительно, простымъ и несложнымъ дѣломъ, и Акимъ Данилычъ сразу все понялъ. Черезъ часъ онъ уже зналъ, какъ измѣрять высоту снѣжнаго покрова, какъ вести записи бюллетеней и какіе отчеты нужно посылать въ Петербургъ, въ главную физическую обсерваторію. Все это ему очень понравилось, а большіе серебрянные часы-хронометръ, которые передалъ ему Гурьевъ, доставили Акиму Данилычу искреннюю радость.

Гурьевъ хотѣлъ уѣхать послѣ обѣда, но Акимъ Данилычъ такъ умолялъ его остаться до вечера, что пришлось согласиться.

— И какого черта вы меня задерживаете? Вѣдь ужъ показано вамъ все! Чего же вамъ еще надо?

— Голубчикъ, — говорилъ Акимъ Данилычъ, — всетаки лучше еще одно наблюденіе вмѣстѣ сдѣлать. А, можетъ быть, я еще не все понялъ. Не сердитесь.

Послѣ ужина Гурьевъ уѣхалъ. Акимъ Данилычъ остался одинъ и ему снова сдѣлалось грустно. Онъ вышелъ на крыльцо, постоялъ немного, но скоро возвратился и позвалъ Настю. При ней онъ записалъ, съ какого дня начинается ея служба, заказалъ обѣдъ на завтра, далъ на расходы 50 копѣекъ. Когда Настя уже собиралась уходить, онъ робко подошелъ къ ней, взялъ ее за руку, ласково посмотрѣлъ ей въ лицо и сказалъ:

— Вы, Анастасья, очень милая и хорошая! Не бойтесь... у меня вамъ хорошо будетъ. Я человѣкъ тихій и люблю тишину!

Настя удивленными глазами посмотрѣла на него, медленно освободила свою руку, смущенно засмѣялась и вышла, хлопнувъ дверью.

Акимъ Данилычъ заперъ двери, раздѣлся, легъ и уснулъ, какъ убитый.

III.

Акимъ Данилычъ долго не могъ привыкнуть къ своимъ новымъ обязанностямъ и все боялся, какъ бы не испортить приборовъ и не надѣлать ошибокъ въ вѣдомостяхъ. Сначала онъ очень нервничалъ и волновался при каждомъ наблюденіи, но потомъ понемногу успокоился и подчинился всѣмъ требованіямъ мѣста и обстановки. Его присутствіе, въ свою очередь, повліяло на измѣненіе порядковъ на станціи. Въ комнатахъ стало уютно и чисто, на окнахъ появились занавѣски, нѣсколько горшковъ съ цвѣтами гераней и фуксій,

рядомъ съ которыми въ бутылкахъ съ водой проростали вѣточки олеандровъ.

Вставалъ Акимъ Данилычъ рано и долго причесывался. Въ 7 часовъ онъ уже пилъ чай въ обществѣ Насти, которая очень скоро успѣла совершенно привыкнуть къ новому барину и считала его хорошимъ, простымъ и добрымъ человѣкомъ.

За чаемъ Акимъ Данилычъ читалъ обыкновенно „Метеорологическое Обозрѣніе“ и дѣлился съ Настей впечатлѣніями отъ прочитаннаго.

— Вотъ видите, Анастасья,— говорилъ онъ, тыкая въ страницу маленькимъ, короткимъ пальцемъ, — видите какъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой! до чего, смотрите, доходятъ! Ученые изъ главной обсерваторіи... Помните, я вамъ картинку показывалъ—на турецкую церковь похожа... куполъ, но безъ креста...

Но Настя обыкновенно прерывала скучный для нея разговоръ:

— Я, Акимъ Данилычъ, въ воскресенье въ церкву пойду. Грѣшно даже, два мѣсяца въ церкви не была.

— Вотъ... вотъ вы всегда такъ! Что жъ я васъ не пускалъ, что ли? Вотъ, ей Богу! Еще что-нибудь выдумаете!..

Въ 9 часовъ Акимъ Данилычъ дѣлалъ наблюденія и, кончивъ работу, часто оставался въ будкѣ посидѣть на лѣстницѣ. Тамъ всегда было прохладно и уединенно. Ему было пріятно думать, что на него возложена такая серьезная и отвѣтственная работа. Онъ чувствовалъ себя причастнымъ къ наукѣ, и это сознаніе удовлетворяло его тщеславіе и дѣлало его почти счастливымъ. „Метеорологическое Обозрѣніе“ и другія изданія, присылавшіяся изъ Петербурга, доставляли Акиму Данилычу большое удовольствіе. Онъ добросовѣстно прочитывалъ въ нихъ все отъ начала до конца, плохо понимая, но смутно чувствуя, что въ прочитанномъ заключается что-то очень нужное, умное и справедливое. И сидя на лѣстницѣ, онъ очень ясно представлялъ себѣ, какъ всѣ „астрономы“ въ петербургской обсерваторіи читаютъ присылаемые имъ бюллетени и говорятъ о немъ, объ Акимѣ Данилычѣ, съ уваженіемъ. И ему вдругъ приходило въ голову, что его могутъ неожиданно вызвать въ Петербургъ, чтобы посовѣтываться насчетъ погоды. А онъ будетъ увѣренно и смѣло говорить, что погода будетъ „ясная“, или „дождь“, или „перемѣнно“...

Когда надоѣдало сидѣть въ будкѣ, Акимъ Данилычъ отправлялся къ Настѣ на кухню. Входилъ онъ всегда робко и всегда выдумывалъ какой-нибудь предлогъ для этого: нельзя ли воды напиться? не видали-ли, Анастасья, моего ножичка?

Если Настя отвѣчала привѣтливо и спокойно, то Акимъ Данилычъ водворялся на кухнѣ надолго. Чтобы не мѣшать ей, онъ садился обыкновенно на кровать и заводилъ продолжительную бесѣду. Настя почти всегда охотно слушала его болтовню, работая у плиты, не торопясь, въ развалку, стараясь безшумно двигать посудой и сковородками.

Акимъ Данилычъ всегда начиналъ разговоръ съ комплиментовъ:

— Какъ это у васъ все хорошо, Анастасья! Чисто, аккуратно, лучше не надо. Ей-Богу! Жалко, не зналъ васъ раньше, когда молодой былъ...

— А что-жъ было бы?—любопытствовала Настя.

— А что? Можетъ, женился бы, если бъ захотѣли за меня замужъ пойти.

— Еще что-нибудь выдумайте! Гдѣ-жъ вамъ жениться? Совсѣмъ у васъ не такой даже характеръ, чтобы жениться!

Акимъ Данилычъ смѣялся и разспрашивалъ Настю о ея близкихъ, родныхъ, о ея прошломъ. Онъ уже давно зналъ, что родные ея до сихъ поръ проживаютъ въ деревнѣ Плющинцы П—ой губерніи, что она съ 16 лѣтъ „служитъ по господамъ“ и уже лѣтъ 5 собирается поѣхать къ себѣ на родину, да все не удается. Зналъ онъ, что въ семьѣ Насти умирали дѣти, что у ея отца мало земли, и что единственный братъ ея служитъ садовникомъ у какого-то пана. Тѣмъ не менѣе, Акимъ Данилычъ всегда интересовался новыми подробностями и до того проникался интересами и дѣлами Настиной семьи, что она охотно говорила съ нимъ объ этомъ, вполнѣ довѣряя его добротѣ и искренности.

Въ первомъ часу дня Акимъ Данилычъ снова дѣлалъ наблюденія, а послѣ обѣда ложился отдыхать и спалъ часа два. Вечеромъ онъ пилъ чай на крыльцѣ и читалъ „Ниву“, которую выписывалъ ужъ лѣтъ шесть кряду. Если въ отдѣлѣ „Смѣси“ попадались какія-нибудь задачи, шарады, ребусы, Акимъ Данилычъ долго ломалъ голову надъ разрѣшеніемъ ихъ и почти всегда безрезультатно, т. е. до тѣхъ поръ, пока въ ближайшемъ номерѣ ни объявлялось рѣшенія или отгадки. Особенно досадно было Акиму Данилычу, что онъ не умѣлъ играть въ шахматы и не зналъ, въ чемъ состоитъ секретъ задачъ на „ходъ коня“.

Послѣ вечернихъ наблюденій ужинали. Къ 10 часамъ Настя уходила спать, а Акимъ Данилычъ долго еще просиживалъ на крыльцѣ, въ особенности, если бывали лунныя ночи. Онъ любилъ прислушиваться къ ночнымъ звукамъ, дрожавшимъ надъ уснувшей деревней, слѣдилъ за движеніемъ тѣней и мерцаніемъ звѣздъ и весь отдавался какой-

то пріятной и нѣжной грусти, согрѣвавшей его душу, будившей въ ней что-то хорошее, искреннее и чистое...

Мѣсяца черезъ два послѣ своего пріѣзда на станцію, Акимъ Данилычъ написалъ брату письмо:

„Любезный братъ, Василій Данилычъ!

Увѣдомляю тебя, что я уже получилъ новую службу, благодаря Василію Кирилловичу. Даже не ожидалъ отъ него такой услуги, за что очень ему благодаренъ. Я теперь служу на метеорологической станціи 2-го разряда. Здѣсь служба легкая и интересная. Каждый день три раза дѣлаю наблюденія и записываю температуру, барометрическое давленіе, силу и направленіе вѣтра, а также показаніе гигрометра и количество осадковъ въ дождемѣрѣ. Это очень интересно, напримѣръ, знать, какая погода, или дождь, или что. Мнѣ здѣсь очень хорошо. Изъ главной физической обсерваторіи присылаютъ „Обозрѣніе“. Тамъ ученые пишутъ, что въ прошломъ году 12-го августа былъ въ Америкѣ циклонъ, который прошелъ къ намъ въ Европу черезъ океанъ, но, слава Богу, безвредно, хотя въ Америкѣ причинилъ значительныя опустошенія. Но у насъ, слава Богу, все благополучно; всю недѣлю положили облачно и вѣтеръ, SW—4. Цѣлую тебя, любезный братъ, и остаюсь твой братъ

Акимъ“.

Какъ-то разъ утромъ уже въ началѣ іюля къ Акиму Данилычу пріѣхалъ вѣстовой отъ Василія Кирилловича съ пакетомъ. На оффиціальномъ бланкѣ было написано:

„Неукоснительно предписывается Акиму Данилычу съ полученіемъ сего озаботиться немедленно приготовленіемъ на сегодня соотвѣтствующаго ужина и ночлега для компаніи пріятелей. Вино и жизненный эликсиръ слѣдуютъ съ особымъ транспортомъ. Прикажите барометрамъ дать ясную погоду. Остановите бореевъ, кромѣ зефировъ ничего не полагается. Руку приложилъ В. Довгаль. Присоединяемся. А. Юхницкій съ братіей“.

Акимъ Данилычъ засуетился, заказалъ ужинъ, разрѣшивъ Настѣ взять еще одну поденщицу для помощи. Кровать Насти была принесена изъ кухни въ комнаты и приготовлена для Осипа Петровича. Свою постель онъ рѣшилъ уступить Василію Кирилловичу. Для прочихъ гостей было приготовлено сѣно, которое къ ночи можно было бы постлать на полу въ комнатѣ или на крыльцѣ для желающихъ „подышать свѣжимъ воздухомъ“. Настя сердилась весь день, бранилась, гремѣла кастрюлями и сковородками, но работала болѣе энергично, чѣмъ обыкновенно.

— Но какъ пишутъ, Господи!—волновался Акимъ Данилычъ.—Съ братіей! Какъ же я могу знать, сколько ихъ?..

Послѣ обѣда явился разсыльный Афанасій съ „транспортомъ“, который состоялъ не только изъ напитковъ, но и различнаго рода пирожковъ, холодной телятины, сыру, боченочка нѣжинскихъ огурцовъ, сардинъ, колбасъ и множества другихъ закусокъ.

— Ну, вотъ!—говорила Настя сердито,—знала бы, что такъ будетъ, ничего бы не приготовила. Даромъ только деньги потратили.

Афанасій объяснилъ, что гости будутъ часамъ къ 4-мъ, что ихъ пять человѣкъ, изъ которыхъ одна барыня. Послѣднее обстоятельство не на шутку встревожило Акима Данилыча. Онъ долго совѣтовался по этому поводу съ Настей и, наконецъ, рѣшилъ, что дамѣ нужно будетъ уступить свою спальню, а Осипу Петровичу придется устроить постель на стульяхъ.

Наконецъ, гости пріѣхали. Василій Кирилловичъ и Алеша верхомъ; остальные въ экипажѣ. Кромѣ Курца и веснущатой, немолодой уже дамы въ замысловатомъ некрасивомъ нарядѣ, изъ экипажа вышелъ совсѣмъ еще безусый студентъ, съ симпатичнымъ лицомъ и скромными манерами.

Акимъ Данилычъ безъ шапки, растерянный, съ выраженіемъ безконечной тоски въ лицѣ, стоялъ передъ пріѣзжими, преувеличенно любезно кланялся имъ и безсмысленно повторялъ одно и то-же: пожалуйте! пожалуйте!

Между тѣмъ, большая, грузная фигура Довгаля точно упала съ лошади и медленно надвинулась на Акима Данилыча.

— А ну, повернись, сынку! Здравствуйте, Акимъ Данилычъ! Какъ ваше барометричество?

Довгаль обнялъ его и поцѣловался.

— А ну, ну? Такъ и есть, синяки подъ глазами! А отчего? Отъ безпутной жизни!

Всѣ засмѣялись. Дама, улыбаясь, чертила на землѣ зонтикомъ имя Юхницкаго „Алексѣй“.

— Что жъ вы стоите, какъ семинаристъ!—говорилъ Довгаль.—Знакомьтесь и принимайте гостей. Это нашъ новый товарищъ—господинъ Коротневъ... Не забудьте, что нужно сдѣлать ножкой, Акимъ Данилычъ! Особенно дамѣ!..

Акимъ Данилычъ, смущенный еще болѣе, пожалъ руку дамѣ и студенту. Алеша и Курцъ поцѣловались съ нимъ, и всѣ вошли въ домъ.

— Фу, чортъ! — говорилъ Василій Кириллычъ, осматривая комнаты и мелькомъ взглядывая на Настю, — вотъ оно, какъ живутъ господа наблюдатели! Чисто, уютно, хозяйку завелъ какую!.. Алеша! видѣлъ хозяйку?..

Дама сняла шляпку и поправила волосы. Смѣясь и ожи-

вленно пикируясь съ Юхницкимъ, она начала хозяйничать къ большому неудовольствію Насти, которую за полчаса ухитрилась замучить совершенно. То ей нужны были какія-то тарелки, разливная ложка, штопоръ, то соль, чистая вода и уксусъ.

Черезъ часъ попойка была уже въ разгарѣ. Юхницкій сидѣлъ верхомъ на стулѣ подлѣ дамы и, дурачась, говорилъ по испански, чѣмъ очень смѣшилъ свою сосѣдку. Самъ онъ, впрочемъ, смѣялся еще больше. Когда Настя подала ему блюдо съ дымящимся жаркимъ, онъ посмотрѣлъ на нее масляными глазами, улыбнулся и сказалъ, обращаясь къ дамѣ:

— Какова марка? а?

— Не попишешь!—отвѣтила дама и засмѣялась. Всѣ расхохотались. Настя покраснѣла и посмотрѣла на Акима Данилыча, котораго Довгаль посадилъ рядомъ съ собою и усердно угощалъ виномъ и водкой.

Василій Кирилловичъ, уже охмѣлѣвшій немного, замѣтилъ смущеніе Насти. Онъ всталъ и, держась одной рукой за спинку стула, провозгласилъ тостъ за „присутствующихъ дамъ". Затѣмъ онъ подмигнулъ Алешѣ и захохоталъ грубымъ, циничнымъ смѣхомъ.

— Мно-го пѣ-сенъ, мно-го крро-ви
За-а пре-лест-ныхъ лье-е-тся дамъ!.. —

запѣлъ Алеша, загадочно поглядывая на Настю.—Господинъ Коротневъ! Что это вы морщите чело и хмурите брови? Нельзя-ли безъ критики? Мнѣ это, наконецъ, даже обидно!..

Коротневъ вскинулъ на него глазами и, пожавъ плечами, не отвѣтилъ ни слова. Василій Кирилловичъ уже дразнилъ Акима Данилыча и просилъ его разсказать что-нибудь забавное.

— Что жъ это вы, батенька, въ черной меланхоліи сидите? Хозяину-то оно, пожалуй, не подобаетъ! Можетъ быть, мы вамъ помѣшали? а? Такъ мы уѣдемъ! Господа, Акимъ Данилычъ желаетъ остаться наединѣ съ Настей! Уѣдемъ!

Всѣ, смѣясь, двигая стульями, звеня тарелками и стаканами, стали требовать, чтобы хозяинъ дома разсказалъ что-нибудь забавное. Акимъ Данилычъ былъ уже совершенно пьянъ, красенъ и очень волновался.

— Извольте! Извольте-съ!—говорилъ онъ, поднимаясь со стула и расплескивая вино на скатерть,—очень вамъ благодаренъ! Мерси! мм... Позвольте за здоровье дамъ!

Всѣ засмѣялись.

— Пили ужъ, пили! — крикнулъ Алеша —За здоровье Насти, хозяйки дома! Ура!

Акимъ Данилычъ закричалъ „ура!", потомъ упалъ на

стулъ и тихо засмѣялся, какъ будто вспомнилъ что-то пріятное. Въ это время Настя дернула его за рукавъ.

— Сейчасъ время на будку лѣзть, Акимъ Данилычъ! Не пили бы лучше!

— Сейчасъ! я сейчасъ, Анастасья! Нельзя же такъ... гости пріѣхали, а я не пей... Какъ можно!..

— Ну, вотъ теперь и поцѣлуйтесь съ нею!—кричалъ Довгаль, обнимая Алешу, который уже плохо держался на ногахъ.

Но время проходило быстро, и часъ наблюденія былъ уже пропущенъ. Акимъ Данилычъ, ничего не видя и не понимая, кротко говорилъ Осипу Петровичу:

— Я человѣкъ тихій, Осипъ Петровичъ, и люблю тишину! Жалко, что матери у меня нѣтъ... одинъ я... жилъ бы, съ нею, совсѣмъ бы другое дѣло было...

Акимъ Данилычъ заплакалъ. Довгаль вытеръ ему глаза салфеткой и погладилъ по головѣ.

— Ну, вотъ и нюни распустилъ, а еще наблюдатель! Пьяница ты, братъ, и больше ничего!

— О чемъ онъ плачетъ?—спросила дама.

— Да вотъ, мать-покойницу вспомнилъ. Жалко, говоритъ, что матери нѣтъ... Постойте, то-ли еще будетъ!.. Послушайте! Господинъ хорошій! Эй! Господинъ наблюдатель! А? Ха, ха, ха!.. Господа, а вѣдь наблюденія-то сегодня тю-тю! Проспалъ Акимъ Данилычъ! А?.. Ха, ха, ха!

— Ничего! можно сейчасъ сдѣлать! — сказалъ Алеша — не все ли равно, часомъ раньше, часомъ позже!.. А, впрочемъ, господа, позвольте провозгласить тостъ... за здоровье его превосходительства, господина вице-губернатора! А?

— Позвольте! — неожиданно вмѣшался Коротневъ, очень волнуясь и съ трудомъ переводя дыханіе,—такъ нельзя! Это нехорошо, господа, съ вашей стороны... напоить человѣка...

— Кто жъ его напоилъ? Онъ самъ напился... и при томъ въ такой же степени, какъ и господинъ Коротневъ!—сказалъ Алеша дерзкимъ, вызывающимъ тономъ.

— Вы себя неприлично ведете, Юхницкій!..

— Да? а? скажите, пожалуйста! Вы это къ чему же, собственно, скандалъ затѣваете? Вы очень мало еще меня знаете... Я не позволю!..

— Я васъ не знаю и знать не желаю! — продолжалъ Коротневъ, разгорячившись.—Это, наконецъ, нестерпимо! Вотъ дѣвушку оскорбляете своими подмигиваніями... за какихъ-то полицейскихъ тосты провозглашаете...

Василій Кирилловичъ схватилъ Коротнева за руку.

— Душа моя, успокойтесь! Ну, стоитъ ли? Поѣхали вмѣстѣ повеселиться, пріятно время провести и вдругъ—

ссора, непріятности... Не стоитъ, ей-Богу!.. Поѣдемъ лучше въ лѣсъ! А что? Поѣдемъ, господа!

Коротневъ молчалъ, кусая губы и исподлобья взглядывая на Юхницкаго. Всѣ остальные съ восторгомъ встрѣтили предложеніе Довгаля, и черезъ полчаса вся компанія, оставивъ Акима Данилыча дома, ѣхала въ лѣсъ. Алеша, сидя въ экипажѣ, не замѣчалъ помѣстившагося на козлахъ Коротнева и говорилъ дамѣ:

— Я только не хотѣлъ поднимать исторію... понимаете ли, въ чужомъ домѣ... Но ничего! Я его хорошо осадилъ! Надѣюсь, пропадетъ у него охота!..

Василій Кирилловичъ и Курцъ смѣялись.

Изъ лѣсу возвратились на разсвѣтѣ, пьяные и чрезвычайно хорошо настроенные. Даже участница попойки была въ какомъ-то странномъ возбужденіи. Она очень много смѣялась, широко раскрывая ротъ и обнаруживая блѣдныя, некрасивыя десны. Акимъ Данилычъ спалъ, но его разбудили. Онъ долго не могъ сообразить, что произошло съ нимъ и почему въ его тихомъ, уютномъ домѣ столько пьяныхъ людей и такой шумъ, и эта странная женщина. Придя въ себя, Акимъ Данилычъ вдругъ вспомнилъ, что вечернее наблюденіе пропущено, и эта мысль сразу возвратила его къ ясному пониманію дѣйствительности.

— Господи, Боже мой!—говорилъ онъ, испытывая совершенное отчаяніе и стыдъ за свой поступокъ. — Вотъ, вотъ видите, что вышло! Ну, какъ же теперь? Что дѣлать? Василій Кирилловичъ... какъ же теперь тамъ... въ обсерваторіи... или ничего? Господи, Боже мой! Можетъ быть, написать, что боленъ былъ, или... или, можетъ быть, лучше правду всю сказать, признаться, какъ вышло...

— Пустяки!—говорилъ Юхницкій, обнимая Коротнева, съ которымъ уже успѣлъ помириться,—давайте бюллетень, мы вамъ все оборудуемъ, какъ слѣдуетъ... Насъ, батенька, премудрости этой научили...

Акимъ Данилычъ, блѣдный, непричесанный, дрожащими руками передалъ ему бюллетень и ленту для барометрической діаграммы.

Юхницкій вооружился перомъ и сѣлъ писать. Его окружила вся компанія, весело и шумно подавая совѣты.

— Гм!—началъ Юхницкій,— температура воздуха! Какая была температура воздуха? Градусовъ этакъ тридцать было?

— Это у тебя отъ водки жаръ!—сказалъ Довгаль.

— Ладно! такъ и запишемъ, тридцать градусовъ... тепла, разумѣется.

Затѣмъ были записаны показанія почвенныхъ термометровъ и гигрометра.

— Состояніе неба? Какое было состояніе неба? Кто помнитъ?

— Лунная, поэтическая ночь!—сказала дама, смотрѣвшая въ бюллетень черезъ плечо Юхницкаго, къ которому она нарочно прижималась мягкой, чрезмѣрно развитой грудью.

— Такъ и запишемъ. По удостовѣренію прелестной свидѣтельницы, на небесахъ была лунная, поэтическая ночь.

— Брось! не надо... оставь!—говорилъ Коротневъ,—напиши просто, что прекрасное состояніе и больше ничего...

— Нѣтъ, позвольте! Прошу не вмѣшиваться...

Споръ прекратилъ Осипъ Петровичъ, потребовавшій, чтобы бюллетень былъ переписанъ заново и составленъ безъ дурачествъ. Покончивъ съ состояніемъ неба, Алеша обозначилъ количество осадковъ и, не задумываясь, быстро опредѣлилъ барометрическую высоту.

— Ну-съ! остается діаграмма! А? Закатить тутъ какую нибудь, чортъ подери, изохимену...

Коротневъ насмѣшливо улыбнулся.

— Понятія не имѣешь... Развѣ изохимена... географическія линіи одинаковыхъ температуръ... мм... изотерма!..

— Ну и врешь! Стой, не мѣшай!

Алеша взялъ карандашъ и быстро начертилъ на лентѣ рѣзко изломанную линію.

— Готово! Можете посылать въ обсерваторію, въ назиданіе петербургскимъ ученымъ. Вотъ видите, Акимъ Данилычъ, какъ это все просто! Дда-съ!..

— Такая марка!—сказала дама и засмѣялась. Она качала головой, гримасничала, закатывала глаза и, вообще, дѣлала все, что по ея мнѣнію, должно было такъ неотразимо дѣйствовать на мужчинъ. Юхницкій, между тѣмъ, уже тормошилъ Осипа Петровича, молчаливаго и немного осовѣвшаго, и довольно громко говорилъ ему:

— Вы замѣтили, какія у этой кобылы огромныя ноги? И все Василій Кирилловичъ! Пригласилъ мастодонта какого-то!..

Акимъ Данилычъ, съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ, съ потухшими глазами, молча запечатывалъ въ большой конвертъ свѣдѣнія о своихъ наблюденіяхъ за недѣлю и только что составленный Юхницкимъ бюллетень.

Послѣ чаю гости уѣхали и увезли съ собой пакетъ, который Василій Кирилловичъ обѣщалъ въ тотъ же день отправить на почту. Акимъ Данилычъ, не выспавшійся, разбитый, съ тяжелой головой и непріятной кислотой во рту, отправился на будку производить наблюденія.

IV.

Послѣ отъѣзда гостей прошло больше двухъ мѣсяцевъ. На дворѣ уже стояла осень, ясная, красивая южная осень, студеная и прозрачная. Дни стали гораздо короче, а ночи были долгія, темныя, съ яркими звѣздами.

Акимъ Данилычъ очень похудѣлъ съ тѣхъ поръ, часто вспоминалъ пропущенное наблюденіе и то, что пришлось выдумать бюллетень.

— Лучше было написать, что боленъ,—говорилъ онъ Настѣ,—все бы спокойнѣе было... теперь и тамъ напутаютъ, въ обсерваторіи... Кто знаетъ, что изъ этого выйдетъ?.. А все Юхницкій! Говорилъ я имъ, такъ нѣтъ, не слушаютъ... Господи, Боже мой! Ученыхъ обманулъ... ученымъ надо всю правду... И ленту нарисовали, а лента все равно была въ барометрѣ... И какъ это я не догадался ленту вынуть!

Съ другой стороны, Акимъ Данилычъ боялся, что все „откроется", и тогда конецъ его благополучію: и мѣсто потеряетъ, и опозоренъ будетъ на всю жизнь.

Какъ то разъ вечеромъ, сидя съ Настей за ужиномъ, онъ неожиданно поблѣднѣлъ, положилъ вилку и, напряженно прислушиваясь къ чему то, сказалъ:

— Тише!.. кажется, почта ѣдетъ... звонокъ слышите?.. Такъ и есть—это къ намъ кто-то!

Настя тоже услышала почтовый колокольчикъ и вышла на крыльцо. За ней испуганный, растерявшійся, вышелъ и Акимъ Данилычъ. Въ темнотѣ трудно было разглядѣть что-нибудь въ трехъ шагахъ. Однако, по звонку колокольчика и стуку почтоваго шарабана, безошибочно можно было опредѣлить, что ѣхали внизъ по крутому склону горы въ хуторъ. Акимъ Данилычъ заволновался еще болѣе и почему-то возвратился въ комнату. За нимъ вошла Настя. Они сѣли у письменнаго стола и стали ждать. Колокольчикъ все приближался и, наконецъ, залился тревожнымъ звономъ у самой станціи... Акимъ Данилычъ дрожащими руками перенесъ лампу на письменный столъ и испуганными дѣтскими глазами посмотрѣлъ на Настю. За открытою настежь дверью слышался голосъ ямщика: — Пожалуйте, ваше благородіе, тутъ станція! не безпокойтесь. Трубу вашу сейчасъ самъ снесу!

На крыльцѣ послышался скрипъ шаговъ, мелкихъ и неровныхъ, и черезъ минуту въ комнату вошелъ пріѣзжій. Остановившись на порогѣ, онъ наклонилъ голову, снялъ очки и,

прищуривъ близорукіе глаза, обратился къ Акиму Данилычу просто и привѣтливо:

— Вѣроятно, имѣю удовольствіе говорить съ завѣдующимъ станціей? Я командированъ главной физической обсерваторіей для провѣрки инструментовъ на станціяхъ южной Россіи... Вотъ и къ вамъ по этому же дѣлу пріѣхалъ... Такъ что ужъ примите меня какъ нибудь, сдѣлайте милость... извините, что ночью пріѣхалъ, надо торопиться, дѣла много...

Акимъ Данилычъ стоялъ передъ пріѣзжимъ чиновникомъ и не могъ проговорить ни слова. Съ невѣроятной быстротой проносились въ его головѣ страшныя мысли: все открыто, ревизія изъ Петербурга, срамъ, позорное отставленіе отъ должности...

Чиновникъ, смущенный молчаніемъ хозяина, не зналъ, что дѣлать, и какъ то болѣзненно улыбался. Въ это время вошелъ ямщикъ съ длиннымъ футляромъ въ рукахъ. Положивъ футляръ на столъ, онъ потоптался немного у порога и вышелъ. Чиновникъ снялъ пальто и положилъ его на стулъ у дверей. Затѣмъ онъ раскрылъ футляръ, и Акимъ Данилычъ увидѣлъ въ немъ великолѣпный барометръ, металлическія части котораго блестѣли, какъ новыя.

— Такъ что-же? Ужъ примите меня какъ нибудь...—сказалъ чиновникъ.—А завтра мы сдѣлаемъ провѣрку, и вашъ незванный гость уѣдетъ во свояси.

— Слушаю,—глухо отвѣтилъ Акимъ Данилычъ.

Гость сѣлъ, и Настя стала хлопотать объ ужинѣ и чаѣ.

— Мы очень благодарны вамъ за сотрудничество,—говорилъ, между тѣмъ, чиновникъ,—ваша дѣятельность отмѣчена даже обсерваторіей въ послѣднемъ номерѣ „Обозрѣнія"... Если угодно, прочтите, вы, вѣроятно, еще не получили этого номера.

Онъ вынулъ изъ кармана пальто сложенную вдвое книжку журнала, развернулъ ее и передалъ Акиму Данилычу.

— Вотъ... вотъ здѣсь читайте!

Акимъ Данилычъ машинально взялъ книжку и сталъ читать: „необходимо отмѣтить особенно рѣдкую точность, полноту и обстоятельность свѣдѣній, доставляемыхъ А. Д. Сачковымъ, С. И. Кузьминымъ и Н. И. Поповымъ. Эти лица любезно доставляютъ обсерваторіи копіи своихъ метеорологическихъ таблицъ въ опредѣленные сроки и безъ перерывовъ".

Акимъ Данилычъ прочиталъ еще разъ то, что̀ было напечатано въ „Обозрѣніи", и вдругъ покраснѣлъ и отъ волненія началъ тереть руки. Въ головѣ у него гвоздемъ сидѣла одна мысль о посланныхъ 14 іюля ложныхъ свѣдѣніяхъ, сочиненныхъ Юхницкимъ.

— Господи! — думалъ онъ, — лучше было бы донести, что внезапно заболѣлъ, чѣмъ портить такимъ дѣломъ всю службу... Но неужели не замѣтили ученые, что невѣренъ посланный бюллетень!.. Юхницкій учится, онъ знаетъ, какъ нужно сдѣлать, чтобы повѣрили.

Между тѣмъ Настя подала яичницу и самоваръ, и гость принялся ѣсть.

— Мнѣ такъ неловко, — говорилъ онъ, посыпая яичницу солью, — пріѣхалъ ночью, затрудняю васъ! Но что прикажете дѣлать, въ самомъ дѣлѣ. Выѣхалъ я уже мѣсяцъ тому назадъ, и все время, вотъ какъ сейчасъ, веду цыганскій образъ жизни, со станціи на станцію... непремѣнно, знаете-ли, нужно время отъ времени провѣрять инструменты. Кромѣ того, вы и сами научитесь дѣлать провѣрку, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ приборахъ.

— Да, да! конечно, — говорилъ Акимъ Данилычъ, съ какой то странной горечью, — вамъ все извѣстно. Вы люди ученые, знаменитые, все знаете, какъ и что.

Онъ замолчалъ и задумался. Чиновникъ молча закончилъ ужинъ.

— Спасибо! А теперь, я думаю, лучше всего лечь спать. Завтра пораньше встанемъ, и къ полудню я избавлю васъ отъ своего присутствія.—Онъ засмѣялся.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасно непріятно, знаете ли, безпокоить мирныхъ людей, въ особенности ночью.

Акимъ Данилычъ только теперь разсмотрѣлъ лицо пріѣзжаго. Оно было какое то корявое, въ угряхъ, съ рѣдкою растительностью на щекахъ, съ выщипанными усами и цѣлой копной желтыхъ, анемичныхъ волосъ на головѣ. Губы у него были толстыя, мягкія и дряблыя, а носъ очень широкъ и красенъ.

— Какъ прикажете донести завѣдующему о васъ?—спросилъ Акимъ Данилычъ.

— Да зачѣмъ же завѣдующему? Развѣ это необходимо? Вѣдь это ваши, такъ сказать, внутреннія дѣла. А насъ интересуетъ только станція и вы, какъ наблюдатель... Однимъ словомъ, мнѣ завѣдующій не нуженъ, и я такъ полагаю, что не зачѣмъ его даже безпокоить... Впрочемъ, это ваше дѣло. Вотъ вамъ моя карточка.

Акимъ Данилычъ, съ карточкой въ рукѣ, проводилъ чиновника въ спальню, гдѣ ему была приготовлена постель, и, пожелавъ спокойной ночи, вышелъ, заперевъ за собою дверь. На карточкѣ было написано „Митрофанъ Яковлевичъ Лихоносъ“.

Акимъ Данилычъ сѣлъ къ столу и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ досталъ бумагу и написалъ слѣдующее письмо

Довгалю: „Высокочтимый Василій Кирилловичъ! Только что пріѣхалъ чиновникъ изъ обсерваторіи Митрофанъ Яковлевичъ Лихоносъ. Не знаю, что ему говорить. Пожалуйста, пріѣзжайте, а если нельзя, можетъ быть, Осипъ Петровичъ пріѣдетъ. Остаюсь вашъ покорный слуга А. Сачковъ".

Запечатавъ конвертъ, онъ пошелъ съ нимъ на деревню и долго искалъ верхового, который отвезъ бы письмо Василію Кирилловичу. Наконецъ, верховой былъ найденъ за тридцать копѣекъ.

V.

Акимъ Данилычъ провелъ ночь на кухнѣ въ бесѣдѣ съ Настей. Онъ былъ очень возбужденъ и говорилъ очень много. Ему не вѣрилось, чтобы сдѣланное имъ ложное сообщеніе въ обсерваторію осталось не замѣченнымъ.

— Безъ сомнѣнія, замѣтили,—говорилъ онъ,—безъ сомнѣнія! Ученаго человѣка не обманешь... Господи, Боже мой! Сраму сколько, стыдно въ глаза смотрѣть... Въ „Обозрѣніи" про меня напечатали... „Любезно представляетъ свѣдѣнія"! Тогда еще, должно быть, не знали, что̀ я сдѣлалъ...

Настя слушала Акима Данилыча и сочувственно вздыхала. Ей было грустно и тяжело, и она предчувствовала бѣду.

— Я такъ думаю, что лучше сознаться?.. Сказать прямо, какъ дѣло было?..

Настя молчала.

Утромъ чиновникъ проснулся рано и послѣ чая принялся за работу. Акимъ Данилычъ, блѣдный и слабый отъ безсонной ночи и переживаемыхъ волненій, едва держался на ногахъ.

— Вы больны?—спросилъ его Лихоносъ.—Очень у васъ нездоровый видъ. Странно, что, живя въ деревнѣ, вы совсѣмъ не похожи на деревенскаго жителя. Нужно поправляться. Пейте молоко, ѣшьте яйца.

Акимъ Данилычъ горько улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Слушая объясненія Лихоноса относительно провѣрки инструментовъ, онъ повторялъ неизмѣнно:

— Слушаю!.. Конечно, вамъ все извѣстно!..

Когда инструменты были провѣрены и Акимъ Данилычъ съ чиновникомъ вошли въ домъ, Лихоносъ сѣлъ къ столу вытеръ платкомъ вспотѣвшій лобъ и сталъ разсматривать свою записную книжку.

— Мм... скажите, пожалуйста, здѣсь недалеко отъ васъ въ „Яровой" тоже станція... плохо ведется! Учитель тамъ

наблюдаетъ, что ли?.. Пьянствуетъ, вѣроятно. Наблюденія пропускаетъ, а потомъ вретъ, бюллетени сочиняетъ самые невѣроятные...

Акимъ Данилычъ вздрогнулъ, испуганно посмотрѣлъ на Лихоноса, сѣлъ на стулъ и закрылъ глаза руками. Потомъ онъ быстро всталъ и, шатаясь, пошелъ въ спальню. Тамъ онъ сѣлъ на кровать и громко зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Настя, накрывавшая столъ къ обѣду, выбѣжала изъ комнаты взволнованная и злая. Она прошла въ кухню, куда черезъ открытыя окна спальни до нея доносились рыданія Акима Данилыча. Потомъ къ нимъ неожиданно примѣшались какіе-то посторонніе глухіе звуки, раздался топотъ копытъ, и въ окнѣ промелькнула фигура Довгаля въ кавказской буркѣ, верхомъ на лошади. Настя вышла изъ кухни и, стоя на порогѣ, съ тупой злобой смотрѣла на Василія Кирилловича.

— Здравствуй, дѣвица!—говорилъ Довгаль, привязывая къ плетню лошадь и накрывая ее буркой,—чего надулась, дура? Скажите, пожалуйста! Акимъ Данилычъ обидѣлъ? А? Вотъ я задамъ ему. Даму не пощадилъ, злодѣй!.. Митрофану Лихоносу челомъ бью!—кричалъ онъ, войдя въ комнату,—старый университетскій товарищъ, Довгаль!

Лихоносъ, очень смущенный слезами Акима Данилыча, радостно бросился къ Довгалю, и они поцѣловались.

— А ну, ну!—продолжалъ Довгаль, поворачивая Лихоноса къ свѣту,—такій же, якъ бувъ. Фу, чортъ! А я сижу вчера вечеромъ съ моими хлопцами... вдругъ вѣстовой. Отъ кого бы это, думаю? Распечаталъ... Ахъ, сто сотъ его! Лихоносъ тутъ. Надо, думаю, ѣхать. Ну, сідай! Ты, что-жъ? науку двигаешь? оженівся, конечно?.. Акимъ Данилычъ! что это? Съ Настей не помирились... Фу, чортъ! Что такое?

Лихоносъ разсказалъ Василію Кирилловичу, какъ было дѣло. Довгаль закатился хриплымъ смѣхомъ и долго смѣялся и кашлялъ.

Акимъ Данилычъ лежалъ на постели и тихо плакалъ, онъ поминутно утиралъ слезы большимъ полотенцемъ и непрерывно сморкался. Въ спальню доносился смѣхъ Василія Кирилловича. Потомъ Акимъ Данилычъ слышалъ, какъ Довгаль разсказалъ Лихоносу о продѣлкѣ Юхницкаго, и оба залились гомерическимъ смѣхомъ.

Черезъ четверть часа въ спальню вошли Довгаль и Лихоносъ. Послѣдній добродушно смѣялся. Довгаль напустилъ на себя строгости и говорилъ:

— Что, попался, голубчикъ? А? Пьянствовать будешь? Ахъ, ахъ, ахъ! Акимъ Данилычъ! не стыдно? А? Какой бюл-

летень сочинилъ, безстыдникъ! А потомъ слезы льетъ, бѣдный мальчикъ!.. Ха, ха, ха! Ну, будетъ!.. Шабашъ!

— Да, конечно, глупости!—добродушно говорилъ Лихоносъ, трогая за плечо Акима Данилыча,—бросьте, право! Зачѣмъ такъ разстраивать себя?.. Скажите, пожалуйста, однако, какая нервность при жизни въ деревнѣ!..

Акимъ Данилычъ снова зарыдалъ навзрыдъ; потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и закричалъ, задыхаясь:

— Не надо было!.. Уйдите!.. Самъ виноватъ!.

Довгаль и Лихоносъ переглянулись и вышли.

— Дурной!—сказалъ Довгаль, спокойно присаживаясь къ столу,—ну, что подѣлаешь съ такимъ служащимъ? Хорошій работникъ, но глупъ и баба!..

— Нервы! Ему бы хорошо по утрамъ водой обливаться!

Довгаль позвалъ Настю и приказалъ подавать обѣдъ. Затѣмъ онъ послалъ ее за водкой и поручилъ сказать старостѣ, что нужно къ вечеру лошадей. За обѣдомъ товарищи много пили и предавались воспоминаніямъ. Василій Кирилловичъ говорилъ объ университетскихъ традиціяхъ, пѣлъ пѣсни и цѣловался съ Лихоносомъ.

Къ вечеру они выѣхали на обывательскихъ лошадяхъ къ Довгалю, въ сопровожденіи сотскаго, ѣхавшаго на конѣ Василія Кирилловича. Дорогой товарищи снова говорили объ Акимѣ Данилычѣ и его отношеніяхъ къ Настѣ. Довгаль удивлялся глупости Акима Данилыча и смѣялся надъ его недогадливостью. Когда лошади дотащились уже до поворота дороги у самаго лѣса, Лихоносъ обернулся и посмотрѣлъ внизъ.

— Странный человѣкъ!—сказалъ онъ.—При тихой деревенской жизни и такая нервная организація!

— Просто, дуракъ!—отрѣзалъ Довгаль.—И никакой тутъ нѣтъ „организаціи“...

А на хуторъ уже быстро надвигались осеннія сумерки. Одиноко и сиротливо торчала на юру станція и темнымъ холоднымъ силуэтомъ маячила будка.

Пережитыя волненія отразились на Акимѣ Данилычѣ очень странно. Онъ часто плакалъ и нерѣдко заговаривалъ съ Настей о томъ, какъ нехорошо жить на свѣтѣ. Работалъ онъ попрежнему аккуратно и добросовѣстно, попрежнему былъ чрезвычайно точенъ въ „доставленіи свѣдѣній“ обсерваторіи, но уже не читалъ книжекъ „Метеорологическаго Обозрѣнія“ и не мечталъ о поѣздкѣ въ Петербургъ по приглашенію ученыхъ астрономовъ. Онъ считалъ себя навсегда пристыженнымъ и опозореннымъ, недостойнымъ никакого уваженія.

Въ первое время послѣ отъѣзда Лихоноса, Акимъ Данилычъ былъ настроенъ очень тревожно и все ждалъ, что его прогонятъ со службы. Потомъ, убѣдившись, что въ этомъ отношеніи ему ничего не угрожаетъ, онъ видимо успокоился, пересталъ плакать, но сдѣлался молчаливъ и скученъ, много спалъ и бывалъ даже грубъ съ Настей, которая раздражала его лѣнивой походкой и вялыми движеніями.

Приближались Рождественскіе праздники. Настя много хлопотала, готовила праздничныя кушанья, дѣлала цвѣты изъ бумаги, ѣздила въ церковь. Акимъ Данилычъ безучастно смотрѣлъ на эти приготовленія и улыбался какой-то горькой усмѣшкой.

Въ самый день Рождества, съ утра Акимъ Данилычъ былъ настроенъ по праздничному, ласково говорилъ съ Настей, угощалъ старосту и сотскихъ, приходившихъ съ поздравленіями. Онъ самъ выпилъ съ ними вина и водки, а послѣ ихъ ухода позвалъ Настю и долго говорилъ съ нею о ея родныхъ и о деревнѣ „Плющинцы". Бесѣдуя съ Настей, Акимъ Данилычъ много пилъ и охмѣлѣлъ.

— У меня теперь, Анастасья, ничего нѣтъ!—говорилъ онъ, закрывая глаза рукою,—я теперь все знаю... и ничего нѣтъ. Отлично все понимаю... Об-сер-ва-то-рі-я! Ха, ха, ха! Ври, сколько хочешь,—пустяки! Астрономъ называется! Со службы даже не прогнали!.. Ученые, нечего сказать!.. Тяжело мнѣ теперь, Анастасья... надежды не имѣю... Господи, Боже мой!.. Смутно!.. Ни отца нѣтъ, ни матери... Одинъ я, совсѣмъ одинъ...

Онъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ окну. Отъ стеколъ вѣяло запахомъ мороза. На дворѣ нѣжные, блѣдно-фіолетовые тона заката уже скользили по жесткому снѣгу и по крышамъ деревенскихъ избъ...

Александръ Кипеневъ.

Земельныя нужды деревни.

(По работамъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ).

I.

Въ ряду соціальныхъ проблемъ, которыя стоятъ передъ современнымъ человѣчествомъ, аграрный вопросъ приходится считать самымъ сложнымъ и самымъ труднымъ. Такимъ представляется онъ и на высотахъ теоретической мысли, и въ низахъ практической политики. Общественная наука тщетно пытается разобраться въ экономической исторіи и сельско-хозяйственной дѣйствительности, чтобы уловить тѣ общія тенденціи, какимъ слѣдуетъ въ своемъ развитіи самая старая и самая важная отрасль производства—производство насущнаго хлѣба. Время отъ времени появляются, конечно, теоретики, которые думаютъ, что ими найдены, наконецъ, „законы" сельскохозяйственнаго развитія; общественному вниманію предлагаются схемы, которыя должны охватить все прошлое и настоящее сельскохозяйственной жизни; въ активъ науки вписываются обобщенія, которыя считаются способными бросить свѣтъ въ далекое будущее. Не успѣютъ, однако, эти обобщенія овладѣть умами современниковъ, какъ та же наука начинаетъ оспаривать ихъ въ цѣломъ рядѣ „отрицательныхъ инстанцій"; схема не охватитъ еще многихъ категорій фактовъ, а ея рамки оказываются уже тѣсными; ученый еще не переживетъ радостнаго возбужденія, какимъ сказалось въ немъ умственное творчество, а червякъ сомнѣнія уже точитъ его душу. Истина, найденная въ одномъ уголкѣ жизни, часто не находитъ себѣ признанія въ цѣломъ рядѣ другихъ. То, что еще вчера представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, почти несомнѣннымъ, сегодня оказывается очень и очень сомнительнымъ. Современная наука,—не будемъ обманывать себя,—безсильна даже въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ намѣтить процессъ развитія аграрныхъ отношеній. Сколько нибудь увѣренно она не можетъ отвѣтить на основные вопросы даже относительно ближайшаго будущаго. Какъ пойдетъ эволюція сельскаго хозяйства: путемъ ли дальнѣйшей его дифференціаціи или новой интеграціи? побѣдитъ

ли крупное хозяйство или мелкое? восторжествуетъ ли индивидуализмъ или прежде, чѣмъ онъ отпразднуетъ побѣду, коллективизмъ уже начнетъ свои завоеванія? На эти вопросы со стороны людей науки можетъ быть только одинъ честный отвѣтъ: не знаемъ, ignoramus.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе, казалось бы, ясный изъ подобнаго рода вопросовъ. Благодаря необычайнымъ успѣхамъ въ транспортномъ дѣлѣ, къ участію въ міровой жизни теперь призваны почвы Индіи, Южной Америки, Австраліи, всего міра. На нашихъ, можно сказать, глазахъ начался и протекаетъ громадный по своимъ размѣрамъ и значенію процессъ такъ называемаго „разсѣянія" земледѣлія. Каждая отрасль сельскаго хозяйства ищетъ и должна найти на территоріи земного шара наиболѣе подходящее для себя по естественнымъ условіямъ мѣсто. Можетъ ли быть какое нибудь сомнѣніе, что эволюція сельскаго хозяйства идетъ въ совершенно опредѣленномъ направленіи,—въ направленіи раздѣленія труда между странами? Но развѣ въ жизни имѣетъ мѣсто только этотъ процессъ? развѣ въ ней нѣтъ другихъ тенденцій? и, въ частности, развѣ техника прогрессируетъ только въ транспортномъ дѣлѣ? При умѣломъ удобреніи и тщательной обработкѣ даже песчаныя дюны даютъ вѣдь лучшія и, главное, болѣе вѣрныя жатвы, чѣмъ тучныя дѣвственныя почвы. Благодаря успѣхамъ тепличной культуры, нѣжные фрукты и очаровательные цвѣты жаркихъ странъ съ успѣхомъ выращиваются теперь даже въ сѣверныхъ широтахъ и,—что особенно важно при данномъ хозяйственномъ строѣ,—обходятся нерѣдко дешевле, чѣмъ выросшіе при самыхъ лучшихъ естественныхъ условіяхъ. „Дешевый уголь,—говоритъ Томсонъ,—дешевый виноградъ, вотъ и весь секретъ" *). И кто знаетъ, „огородною культурою" еще не отвоюетъ ли Европа пшеницу у Америки и Австраліи, а „разсѣянныя" нынѣ отрасли сельскаго хозяйства не соберутся ли еще около какой нибудь угольной копи или въ необозримыхъ лѣсахъ сибирской тайги.

Посмотримъ на другой не менѣе общій и столь же стихійный процесъ дифференціаціи. Еще недавно неразрывно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ отрасли производства одна за другой пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Ткацкіе станки, разсѣянные когда то по крестьянскимъ хатамъ, уже отобраны у нихъ городскою фабрикой. Мельничный жерновъ, представлявшій необходимое дополненіе каждаго земледѣльческаго хозяйства, перемѣстился сначала къ рѣкѣ въ спеціально построенныя для него, хотя и невзрачныя зданія, а теперь, преобразовавшись въ стальной

*) Цитируемъ по книгѣ «Земледѣліе, фабрично-заводская и кустарная промышленность и ремесла», перев. съ англ. А. Н. Коншина, изд. Посредника. Въ этой книгѣ анонимнаго автора, являющагося горячимъ сторонникомъ сближенія производства съ потребленіемъ, собрано не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности въ промышленной сферѣ тенденціи къ интеграціи

валъ, приводимый въ движеніе паромъ, онъ начинаетъ занимать громадные дворцы, которые спѣшно строитъ для него индустрія. Послѣдняя отбираетъ у деревни не только обработку добываемыхъ ею продуктовъ, но и выработку орудій и матеріаловъ, необходимыхъ для сельскохозяйственнаго производства. Вмѣсто навознаго удобренія, которое рачительный хозяинъ собиралъ въ своемъ дворѣ, она предлагаетъ искусственные туки, приготовляемые на принадлежащихъ ей заводахъ; вола и лошадь, выращивавшихся въ самомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, она грозитъ вытѣснить паровыми и электрическими двигателями, которые готовитъ фабрика. Результаты этого процесса предусмотрѣть не трудно: отъ сельскаго хозяйства останется лишь остовъ, добываніе пищевого сырья сдѣлается единственной его функціей. Можетъ ли, однако, этотъ процессъ завершиться? Жизнеспособными въ наши дни оказываются вѣдь лишь тѣ сельскохозяйственныя единицы, которыя сохранили или—еще лучше—возобновили непосредственныя связи съ индустріей. Сельскохозяйственныя экономіи съ техническими производствами процвѣтаютъ, пользующіеся промысловыми заработками крестьянскіе дворы живутъ еще сносно, а чисто земледѣльческія хозяйства и мѣстности неизмѣнно почти пребываютъ въ угнетенномъ состояніи. Легко понять, что при данномъ хозяйственномъ строѣ это не случайность. При господствѣ мѣновыхъ отношеній, при оцѣнкѣ продуктовъ, соотвѣтственно количеству вложеннаго въ нихъ труда, хозяйство, чтобы конкуррировать съ другими, должно функціонировать круглый годъ и не можетъ ограничиться сезонною лишь работою. Иначе, какъ бы оно ни ограничивало размѣры своего капитала, какъ бы оно ни эксплуатировало входящую въ его составъ рабочую силу, вырученными за продукты деньгами оно не покроетъ издержекъ своего производства. И кто знаетъ, соціальная необходимость не заставитъ ли вновь усложнить сельское хозяйство, и отдѣлившіяся отъ него отрасли не вернутся ли опять въ деревню, хотя бы и въ обновленномъ своемъ видѣ.

На подобные вопросы современная наука, какъ мы уже сказали, безсильна дать опредѣленные отвѣты. Она не можетъ сказать рѣшительное „да“, но она не вправѣ отвѣтить и категорическимъ „нѣтъ“. Дѣло въ данномъ случаѣ, конечно, не столько въ наукѣ, сколько въ самой жизни. Послѣдняя слишкомъ сложна, слишкомъ богата всякаго рода возможностями, слишкомъ неустойчива въ свойственныхъ ей тенденціяхъ. Предоставленная дѣйствію многочисленныхъ и разнообразныхъ, нерѣдко совершенно ей чуждыхъ и иногда прямо противоположныхъ другъ-другу силъ, сельскохозяйственная среда находится въ крайне неустойчивомъ равновѣсіи и какъ бы ждетъ сознательнаго вмѣшательства людей, чтобы протекающая въ ней жизнь получила, наконецъ, опредѣленное направленіе. Здѣсь, въ сферѣ аграрныхъ отношеній, че-

ловѣку, казалось бы, легче всего противопоставить стихіямъ свою разумную волю и сказать рѣшительное слово по жгучимъ для него вопросамъ.

Между тѣмъ, въ отношеніяхъ политическихъ дѣятелей къ аграрной проблемѣ проглядываетъ особая непослѣдовательность и нерѣшительность. Лишенная увѣренныхъ указаній науки, общественная мысль въ своихъ программныхъ построеніяхъ, касающихся деревни, то забирается въ дебри далекаго отъ жизни доктринерства, то вязнетъ въ трясинѣ ничтожныхъ по ихъ соціальному значенію палліативовъ. Значеніе этихъ программныхъ недочетовъ усугубляется особенностями той среды, изъ которой выходятъ нынѣ дѣятели, призванные внести сознательную мысль въ стихійныя движенія жизни. Выростающая въ городской обстановкѣ и подъ городскими вліяніями, современная интеллигенція легко теряется въ деревенскихъ вопросахъ. Она то преклоняется передъ деревней, то смѣшиваетъ ее съ грязью; то окрашиваетъ ее всю въ одинъ сѣрый цвѣтъ, то пестритъ яркими красками городскихъ противорѣчій; то городу она рекомендуетъ деревенскую правду, то деревенскую жизнь желаетъ передѣлать по городскому укладу. Какъ ни великъ размахъ этихъ увлеченій, какъ ни противоположны они въ своихъ крайностяхъ, ни то, ни другое изъ нихъ не можетъ, однако, считаться благопріятнымъ моментомъ для устойчивой и выдержанной работы. Встрѣчаясь съ подлинною дѣйствительностью, не оправдывающею предвзятаго къ себѣ отношенія и часто вовсе не совпадающею съ усвоенною доктриною, общественный дѣятель легко теряетъ вѣру и въ свои силы, и въ свои планы.

Сфера аграрныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣетъ свои особенности, которыя не могутъ быть обойдены въ общественной программѣ. Элементы, общіе всей соціальной средѣ, въ деревнѣ встрѣчаются въ своеобразныхъ сочетаніяхъ; въ ней выработались свои соціальные типы, имѣются свои экономическія „категоріи“. Англійскій лэндлордъ, котораго noblesse oblige, благородство обязываетъ, не можетъ быть упрощенъ до буржуа-рентьера, умѣющаго обрѣзывать только купоны. Крестьянина нельзя отождествить ни съ капиталистомъ, ни съ пролетаріемъ. Интересы, которые въ городѣ дифференцировались и пришли уже въ непримиримое противорѣчіе, въ деревнѣ нерѣдко оказываются объединенными. Для идеологовъ, привыкшихъ руководиться городскими мѣрками, это до крайности затрудняетъ выборъ опредѣленной позиціи. „Служеніе отечеству“, къ чему крупные землевладѣльцы якобы призваны своимъ рожденіемъ, и культурныя функціи, которыя могутъ быть ими выполнены, благодаря повышенному образовательному уровню, заслоняютъ въ глазахъ многихъ ихъ соціально-экономическую роль въ исторіи и современной жизни. Призракъ ренты, витающій гдѣ-то около крестьянина, мѣ-

шаетъ другимъ видѣть въ немъ придавленнаго нуждой рабочаго. Аграрная проблема представляется сложной не только ученому въ его изысканіяхъ, но и политическому дѣятелю въ его пожеланіяхъ; она трудна не только для ума, но и для сердца.

Особенно сложнымъ и труднымъ аграрный вопросъ представляется у насъ, гдѣ экономическая проблема такъ тѣсно переплелась съ правовой и культурной, денежное хозяйство съ натуральнымъ, крѣпостныя формы съ капиталистическими. Группировка общественныхъ силъ при этомъ получаетъ подчасъ до чрезвычайности странный характеръ. Взять хотя бы вопросъ объ общинѣ. Въ ряду противниковъ ея мы встрѣчаемъ и убѣжденныхъ сторонниковъ индивидуализма, и страстныхъ приверженцевъ коллективизма; съ другой стороны, въ числѣ защитниковъ ея мы находимъ и тѣхъ, которые видятъ въ ней одинъ изъ оплотовъ принудительнаго авторитета, и тѣхъ, которые надѣются найти въ ней одну изъ гарантій экономической свободы. Между тѣмъ, данный вопросъ не представляетъ исключенія. Такую же путаницу понятій и отношеній мы встрѣчаемъ по цѣлому ряду другихъ вопросовъ, составляющихъ въ своей совокупности то, что называется аграрной проблемой.

Между тѣмъ, эта—сложная и трудная—проблема является въ настоящее время для Россіи одной изъ самыхъ важныхъ и одной изъ самыхъ острыхъ.

Сельскохозяйственная промышленность переживаетъ трудное время не только у насъ, но и во всемъ старомъ свѣтѣ. Обезсиленное отпаденіемъ цѣлаго ряда производствъ, составлявшихъ когда-то его органическую часть, и опутанное цѣлымъ рядомъ лежащихъ на землѣ рентныхъ, податныхъ и ипотечныхъ обязательствъ, европейское сельское хозяйство въ послѣднія десятилѣтія пригнетено еще конкурренціей заокеанскихъ странъ, съ ихъ новыми, свободными отъ соціальныхъ путъ и полными неиспользованныхъ богатствъ землями. Западно-европейскія страны находятся, однако, въ данномъ случаѣ въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Россія. Обладая широко развитою и прочно поставленною индустріею, онѣ имѣютъ возможность ея доходами покрыть убытки сельско-хозяйственнаго производства и тѣмъ ослабить переживаемый послѣдней кризисъ. Въ рамкахъ существующаго строя ими уже найдено подходящее для этого средство. Путемъ соотвѣтствующей таможенной политики, онѣ измѣняютъ въ выгодную для сельскаго хозяйства сторону расцѣнку продуктовъ и, такимъ образомъ, до извѣстной степени возстановляютъ равновѣсіе, нарушенное общественнымъ раздѣленіемъ труда и развитіемъ мѣновыхъ отношеній. Протекціонизмъ съ ярко выраженнымъ сельскохозяйственнымъ характеромъ охватилъ уже почти всю Западную Европу и въ послѣднее время нашелъ себѣ сторонниковъ даже въ классической странѣ свободной торговли—

въ Великобританіи. Въ послѣдней онъ грозитъ принять еще болѣе опасную для нашей страны форму, такъ какъ въ случаѣ успѣха чэмберлэновскихъ плановъ выгодами проектируемаго имъ покровительства воспользуются конкуррирующія съ нами и несравненно болѣе сильныя, чѣмъ мы, колоніи. Это, конечно, не рѣшеніе аграрнаго вопроса, а только отсрочка, продиктованная нежеланіемъ затрогивать основы даннаго соціально-экономическаго строя.

Но для насъ и отсрочка невозможна. Сельскохозяйственный кризисъ захватилъ Россію со слабо развитою и крайне неустойчивою промышленностью. Вывозя сырье и ввозя фабрикаты, мы должны нести всю тяжесть невыгодной для сельскаго хозяйства расцѣнки продуктовъ на міровомъ рынкѣ. Въ сферѣ таможенной политики для насъ невозможно найти коррективъ къ гибельной для сельскаго хозяйства мѣновой конъюнктурѣ. Чтобы обезпечить путемъ таможеннаго покровительства притокъ денежныхъ рессурсовъ, достаточный для покрытія лежащихъ на землѣ обязательствъ, а также связанныхъ съ сельскохозяйственнымъ производствомъ и все растущихъ, благодаря продолжающейся дифференціаціи денежныхъ расходовъ, мы должны были бы установить въ той или иной формѣ премію за каждый пудъ хлѣба, выбрасываемый за границу. Наши аграріи не разъ уже доходили до этого пункта въ своихъ пожеланіяхъ. Легко, однако, понять, что это несбыточная мечта, порожденная взбудораженными аппетитами, а не серьезная мѣра, которая могла бы занять мѣсто въ государственной программѣ. Вывозныя пошлины могутъ сколько-нибудь существенно измѣнить расцѣнку продуктовъ только на внутреннемъ рынкѣ, и, стало быть, весь избытокъ въ средствахъ, который достался бы при этомъ на долю сельскихъ хозяевъ,—получили ли бы они ихъ въ видѣ премій изъ государственнаго казначейства или въ видѣ переплатъ внутренняго потребителя на вздорожавшемъ хлѣбѣ, — долженъ быть найденъ внутри страны, въ русскомъ карманѣ. Но гдѣ же этотъ карманъ, изъ котораго можно было бы регулярно перекладывать деньги въ дырявую мошну сельскохозяйственныхъ производителей? Возможность выполненія несравненно болѣе скромнаго пожеланія, а именно, чтобы часть податной тяготы была переложена съ земли на промышленность, и та при русскихъ условіяхъ представляется болѣе, чѣмъ проблематичной. Даже ликвидація протекціонной системы, освобожденіе сельскаго хозяйства отъ налога не только на государственныя нужды, но и въ пользу торгово-промышленнаго сословія не можетъ у насъ пройти безболѣзненно. Объ этой первой и самой неотложной, быть можетъ, операціи легче говорить, чѣмъ ее выполнить. Наша индустрія, вскормленная за сельскохозяйственный счетъ, и по сей день живетъ на средства деревни. Выращенная въ тепличной обста-

новкѣ, подъ защитою высокой стѣны таможеннаго тарифа, въ атмосферѣ всякаго рода премій, льготъ и субсидій, изуродованная казенными заказами и развращенная уже стачками и нормировками, она не только не можетъ вынести на своихъ плечахъ тяжесть народной нужды, но и сама не въ состояніи устоять безъ посторонней помощи. Съ какой бы гордостью и съ какимъ бы умиленіемъ намъ ни указывали на ея „гигантскій ростъ“, мы имѣли уже время и возможность понять, что это не взрослый работникъ, который поможетъ народу тянуть его лямку, а хилое дѣтище, которое является тяжелой обузой въ трудную минуту народной жизни.

Безпомощное положеніе, въ которомъ находится Россія передъ лицемъ глубокаго кризиса въ міровой хозяйственной жизни, до нельзя отягчено еще ея правовою и культурною отсталостью, обезсиливающею ее въ международной борьбѣ за существованіе. И это тяжелое положеніе съ каждымъ днемъ, — съ каждой новой мѣрой, которую предпримутъ наши западные сосѣди, съ каждымъ новымъ шагомъ, который сдѣлаютъ они и ихъ колоніи на пути общественнаго или техническаго прогресса, — будетъ все усиливаться и обостряться. Аграрная проблема для насъ не праздная выдумка и не случайная прихоть заставляетъ насъ взяться за ея рѣшеніе. Это — вопросъ о томъ, чтобы сохранить народное производство, а вмѣстѣ съ нимъ и національную независимость. Сельскохозяйственные комитеты, приглашенные сообразить мѣры, необходимыя для поддержанія сельскохозяйственной промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда, это, конечно, только первая и самая несовершенная попытка призвать общественную мысль къ практическому разрѣшенію очередной, несказанно важной и безусловно неотложной задачи.

Если мы не разрѣшимъ ея во время, не разрѣшимъ сознательными и планомѣрными усиліями, то передъ нами встанетъ суровая дилемма: или сойти съ исторической сцены хорошо уже знакомой намъ дорогой недоѣданія и хроническихъ голодовокъ, или искать себѣ метрополію, которая съ чэмбэрленовскою готовностью взяла бы насъ подъ свое высокое покровительство.

II.

Такимъ образомъ, если мыслить даже абстракціями и думать не о людяхъ, ради которыхъ нужны производство и національная независимость, а объ этихъ послѣднихъ, какъ о самодовлѣющихъ сущностяхъ, то и въ такомъ случаѣ аграрный вопросъ представляется для насъ настолько важнымъ и острымъ, что при разрѣшеніи его нельзя останавливаться ни передъ какими

мѣрами и ни передъ какими институтами. Дѣло, однако, не въ производствѣ, не въ сельскомъ хозяйствѣ и т. п. сущностяхъ, а въ живыхъ людяхъ, которые скрыты за ними. И если я нашелъ необходимымъ своему изложенію предпослать рядъ „абстрактныхъ“ соображеній, то лишь считаясь со склонностью людей создавать себѣ фетишей и съ наличностью въ русской общественной средѣ дѣятелей, сознательно или безсознательно старающихся выдвинуть ихъ на авансцену жизни.

Нашлись такіе дѣятели, конечно, и въ составѣ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Наиболѣе яркимъ ихъ представителемъ, можно думать, явился г. Меморскій. „Насъ спрашиваютъ,— заявилъ онъ въ засѣданіи нижегородскаго комитета,—какъ поднять настоящее положеніе сельской промышленности, а не о томъ, какъ сдѣлать людей счастливыми“. Въ ставленникѣ нижегородскаго купечества, заинтересованнаго въ хлѣбѣ, лишь какъ въ источникѣ транспортныхъ и торговыхъ барышей, это презрительное отношеніе къ самочувствію населенія, связаннаго судьбою съ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, можетъ быть, и слѣдуетъ признать вполнѣ естественнымъ и умѣстнымъ. Склонность упрочить положеніе промышленности, не особенно считаясь съ тѣмъ, какъ тѣ или иныя мѣры отзовутся на положеніи большинства самихъ промышленниковъ, не была, однако, чужда и нѣкоторымъ другимъ дѣятелямъ комитетовъ и, при томъ, подчасъ менѣе опредѣленнымъ, если не по общественному своему положенію, то по общему характеру тѣхъ воззрѣній, которыя ими проводились. Послѣднее обстоятельство заставляетъ думать, что если не въ большинствѣ случаевъ, то нерѣдко такое отношеніе къ стоявшей передъ комитетами задачѣ являлось результомъ слѣпого слѣдованія формулѣ, въ которой она была поставлена, а не сознательнымъ искаженіемъ ея сущности. Какъ бы то ни было, значительное большинство комитетовъ, насколько можно судить по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, работало при болѣе или менѣе отчетливомъ,—ясно выраженномъ или подразумѣвавшемся,—сознаніи, что нужно думать и говорить о людяхъ, а не о производствѣ только, и что нуждами первыхъ нужно освѣтить и интересамъ ихъ подчинить потребности послѣдняго. Пользуясь употребительными въ русской литературѣ терминами, мы можемъ сказать, что большинство комитетовъ въ своихъ работахъ стояло на почвѣ народнаго благосостоянія, а не національнаго богатства.

Опредѣляя конкретно, кто же эти люди, интересами которыхъ нужно руководиться во всѣхъ рѣшеніяхъ, комитеты должны были придти къ убѣжденію, что переданный на ихъ обсужденіе вопросъ есть прежде всего и больше всего вопросъ крестьянскій. „Вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности,—читаемъ мы въ запискѣ предсѣдателя борисоглѣбской уѣздной зем-

ской управы, В. В. Измайлова,—есть прежде всего вопросъ о нуждахъ и положенiи крестьянъ, такъ какъ въ Россiи восемьдесятъ процентовъ населенiя занимаются сельскимъ хозяйствомъ, и крестьяне являются преимущественно, если не исключительно, земледѣльческимъ классомъ... Вопросъ о мѣрахъ поднятiя сельско-хозяйственной промышленности есть главнымъ образомъ вопросъ о мѣрахъ поднять упавшее благосостоянiе крестьянъ". „Громадное большинство сельскихъ хозяевъ Тульской губернiи,—говоритъ тульская губернская управа въ запискѣ, внесенной въ губернскiй комитетъ,—крестьяне: число всѣхъ остальныхъ землевладѣльцевъ еле достигаетъ 5,000 человѣкъ, крестьянскихъ же хозяйствъ въ губернiи болѣе 250,000... Нужды сельско-хозяйственной промышленности являются у насъ главнымъ образомъ нуждами крестьянскаго населенiя". Съ констатированiя крестьянской сущности сельско-хозяйственнаго вопроса начинается цѣлый рядъ другихъ докладовъ и записокъ, внесенныхъ въ комитеты; та же мысль нерѣдко утверждается въ формальныхъ ихъ постановленiяхъ и резолюцiяхъ; она сквозитъ во всей совокупности проектированныхъ ими мѣропрiятiй. Стремленiе сблизить и даже отождествить аграрный вопросъ съ крестьянскимъ является, можетъ быть, одною ихъ самыхъ общихъ и характерныхъ чертъ, какiя можно подмѣтить въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Если принять во вниманiе составъ послѣднихъ и сравнительно очень слабое участiе въ нихъ самихъ крестьянъ, то этотъ фактъ необходимо признать интереснымъ въ двухъ отношенiяхъ. Онъ указываетъ, съ одной стороны, на особую въ настоящее время жизненность крестьянскаго вопроса, съумѣвшаго при первомъ же удобномъ случаѣ сконцентрировать на себѣ общественное вниманiе, съ другой—на значительную дозу—неодинаково, конечно, широкаго и неодинаково властнаго—идеализма, какой свойственъ русскому обществу и какой сказался даже въ случайныхъ собранiяхъ его дѣятелей.

Отмѣчая послѣднее обстоятельство, я отнюдь не хочу этимъ сказать, что сословные и классовые интересы тѣхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ по преимуществу были призваны дѣятели, не нашли себѣ мѣста въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Несомнѣнно, такiе интересы сказались въ нихъ и наложили на ихъ труды свой отпечатокъ. Но они дѣйствовали, главнымъ образомъ, въ скрытомъ видѣ: не столько въ формѣ ясно формулированныхъ программъ, сколько въ формѣ смутныхъ инстинктовъ; не столько въ комитетахъ, работавшихъ при яркомъ свѣтѣ публичности, сколько въ тѣхъ темныхъ уголкахъ, гдѣ засѣдали только „свои люди"; не столько, наконецъ, въ лицѣ активныхъ дѣятелей, державшихъ камертонъ, сколько въ лицѣ сѣрой массы, опредѣлявшей своимъ настроенiемъ возможную высоту тона. Въ послѣдующемъ изложенiи мнѣ не разъ

придется останавливаться на теченіяхъ, чуждыхъ и подчасъ враждебныхъ крестьянскимъ интересамъ. Отмѣчая ихъ, я затруднился бы, однако, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ квалифицировать, имѣемъ ли мы дѣло съ „недодуманнымъ" одною стороною или съ „недосказаннымъ"—другою. Отвѣтить на этотъ вопросъ подчасъ тѣмъ затруднительнѣе, что „недодуманное" и „недосказанное" приходится встрѣчать въ разныхъ направленіяхъ: одно не додумано, благодаря недостаточной ясности политическаго мышленія, другое—благодаря неразвитости классоваго самосознанія; одно не досказано по недостатку гражданскаго мужества, другое—по корыстному разсчету, изъ-за желанія утаить заднія мысли.

Что касается открытыхъ программныхъ заявленій, въ которыхъ аграрной проблемой давалась бы классовая и, при томъ, не крестьянская постановка, то ихъ въ комитетскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ очень мало. Очевидно, немногіе рѣшились,—какъ это сдѣлала, напримѣръ, новомосковская уѣздная земская управа,—„уклониться отъ всякой тенденціозной идейности, отъ всякихъ подступовъ къ разрѣшенію вопроса съ гуманитарной точки зрѣнія" и, сознавая себя „представителями земли, аграріями", открыто заняться соображеніемъ мѣръ для „подавленія интересовъ и нуждъ партій, имъ экономически противоположныхъ". Не считаясь въ настоящемъ случаѣ съ этими теченіями, не всегда прямолинейными и во всякомъ случаѣ не получившими преобладающаго значенія, посмотримъ, какою представилась аграрная проблема тѣмъ дѣятелямъ, которые сразу стали на крестьянскую точку зрѣнія.

Въ трудахъ комитетовъ мы находимъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ и цѣнныхъ работъ, произведенныхъ въ цѣляхъ выясненія экономическаго положенія крестьянъ и состоянія ихъ хозяйства. Исчерпать эти работы въ своей статьѣ я, конечно, не имѣю возможности. Я упомяну лишь о главномъ и самомъ несомнѣнномъ выводѣ, къ которому должны были придти изслѣдователи, и который находится въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми матеріалами, цифрами и соображеніями, какіе имъ удалось сгруппировать въ своихъ работахъ.

Наиболѣе опредѣленное выраженіе этотъ выводъ получилъ въ итогахъ тѣхъ довольно многочисленныхъ крестьянскихъ бюджетовъ, какіе мы находимъ въ комитетскихъ докладахъ, запискахъ и журналахъ. Въ бюджетахъ разной конструкціи,—и въ тѣхъ, которые были построены путемъ примѣрныхъ разсчетовъ на основаніи среднихъ величинъ, и въ тѣхъ, которые были получены посредствомъ спеціальной статистической регистраціи, и въ тѣхъ, которые были извлечены изъ приходорасходныхъ книжекъ, какія оказалось возможнымъ отыскать у крестьянъ,—въ бюджетахъ, составленныхъ для цѣлыхъ волостей и уѣздовъ, равно какъ въ

бюджетахъ для отдѣльныхъ семей, наконецъ, въ бюджетахъ разныхъ мѣстностей,—общій результатъ получился одинъ и тотъ же: балансъ не сходится, крестьянскій расходъ оказывается больше прихода.

„Сколько денегъ не хватитъ—долги", приписано рукою крестьянина въ той приходо-расходной книжкѣ, которую имѣла въ своемъ распоряженіи московская губернская земская управа. „Крестьяне живутъ въ долгъ", говоритъ по тому же поводу другой крестьянинъ—авторъ записки, внесенной въ опочецкій комитетъ. И, дѣйствительно, знакомясь съ матеріалами, которые собраны комитетами, мы видимъ, что накопленіе долговъ и недоимокъ является для крестьянъ однимъ изъ средствъ, чтобы сбалансировать бюджетъ. Недоимочность населенія по прямымъ налогамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за послѣдніе годы наростала съ поражающею быстротою и достигла громадныхъ размѣровъ. Въ Нижегородской, напримѣръ, губерніи недоимка по выкупнымъ платежамъ къ концу 1892 г., т. е. послѣ уже голодныхъ лѣтъ, равнялась 5.361,329 руб., а къ концу 1900 г.— 9.125,589 руб., а вмѣстѣ съ недоимками по другимъ платежамъ— 15.508,107 р. Въ Тамбовской губерніи недоимки по отношенію къ окладу составляли:

въ 1871—75	г.г.	3%
» 1876—80	»	5 »
» 1881—85	»	16 »
» 1886—90	»	35 »
» 1891—95	»	124 »
» 1896	»	151 »
» 1897	»	205 »
» 1898	»	244 »

Въ южныхъ уѣздахъ Вятской губерніи недоимка наростала еще быстрѣе. Такъ, по казеннымъ только платежамъ она составляла въ рубляхъ:

	Къ 1889 г.	Къ 1894 г.	Къ 1899 г.
Въ Уржумскомъ уѣздѣ	67.109	167.478	294.071
» Малмыжскомъ »	227.992	452.836	610.220
» Сарапульскомъ »	2.004	120.064	307.541
» Елабужскомъ »	17.633	254.510	550.465

Долги и недоимки—это, однако, крайнія средства, къ которымъ прибѣгаетъ деревенская бухгалтерія, чтобы свести „баланецъ". Все заставляетъ думать, что задолженности и недоимочности населенія предшествуютъ сокращеніе личнаго потребленія и ликвидація въ возможныхъ предѣлахъ домашняго и хозяйственнаго имущества. Какъ складывается крестьянская жизнь на почвѣ хроническихъ недочетовъ въ бюджетѣ,—представить не трудно. Для характеристики картинъ, которыя стояли передъ комитетами, я позволю себѣ привести лишь нѣсколько выдержекъ изъ

упоминавшейся уже выше записки тульской губернской земской управы.

«Тяжела и неприглядна,—говоритъ она,—жизнь крестьянина даже въ моменты сравнительнаго благополучія (въ урожайные годы, когда онъ имѣетъ еще возможность кое-какъ свести концы съ концами). Жилищемъ служитъ ему обычно 8 9 аршинная изба, высотою не болѣе сажени... До сихъ поръ нерѣдки курныя избы: въ Епифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ 16,4% всѣхъ жилыхъ построекъ. Изба почти всегда крыта соломой, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладываются почти до крыши навозомъ. На пространствѣ 7—9 кубич. саженъ живетъ крестьянская семья, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ значительныхъ размѣровъ. Спятъ въ два этажа: на лавкахъ, нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населенія дѣлаетъ воздухъ тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Сырость внутри. течь черезъ крышу и навозъ снаружи быстро изнашиваютъ постройки; значительная часть ихъ подгнила, требуетъ серьезнаго ремонта или совершеннаго возобновленія, но изо дня въ день поддерживается всевозможными домашними средствами—подпорками, подмазкой прогнившихъ угловъ и т. п... Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ уѣздахъ соломой, а въ неурожайные годы даже навозомъ, и, такимъ образомъ, систематически лишаютъ землю необходимаго ей удобренія... Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу съ помощью небольшого количества теплой воды и почти всегда безъ мыла... Чесотка и другія кожныя болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Сифилисъ обнаруженъ въ Епифанскомъ у., напримѣръ, у 2,15% населенія, но надо думать, что въ дѣйствительности болѣзнью страдаетъ еще большее число лицъ... Вообще, не смотря на весьма благопріятныя, казалось бы, общія условія, въ деревнѣ создается такая антигигіеническая обстановка, которая дѣлаетъ борьбу съ эпидеміями почти невозможной. Громадное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ общее подорванное состояніе организма крестьянъ, являющееся результатомъ плохого питанія... Такіе продукты, какъ мясо, крупа, сало, масло постное, являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда два - три раза въ годъ; обычную же пищу его составляютъ: хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ, а осенью свѣжіе овощи, если вблизи селенія имѣется огородникъ. При этомъ далеко не всегда крестьяне ѣдятъ столько, «сколько съѣдятъ»... Вслѣдствіе частаго и систематическаго недоѣданія развиваются среди населенія всевозможныя гастрическія заболѣванія... Скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза... А между тѣмъ жизнь деревни идетъ впередъ, потребности растутъ и удовлетвореніе ихъ требуетъ отъ крестьянина денегъ. Лучину смѣняетъ керосиновая лампа, появляются спички, дешевые фабричные ситцы вытѣсняютъ матеріи домашняго производства, возникаетъ потребность ввести въ подорванный организмъ какихъ либо возбудителей, и крестьянинъ тянется за стаканомъ вина или чая, къ которому онъ привыкъ во время скитаній своихъ по отхожимъ промысламъ. Но за всѣ эти предметы ему приходится волей-неволей выплачивать не только дѣйствительную производительную ихъ стоимость, но и значительные налоги въ казну и въ пользу русской промышленности. И здѣсь онъ не можетъ уже оказаться недоимочнымъ»...

Въ своихъ частностяхъ эта картина можетъ, конечно, измѣняться, ея краски могутъ быть блѣднѣе и ярче, но общій ея характеръ вездѣ остается одинъ и тотъ же. Въ странѣ, гордой своимъ величіемъ и могуществомъ, населеніе оказывается стѣсненнымъ въ удовлетвореніи неотложныхъ своихъ потребностей,

нерѣдко лишеннымъ даже насущнаго хлѣба. И въ такомъ положеніи находится не горсточка людей, а многіе и многіе милліоны, въ сущности, весь трудящійся народъ. Пройти мимо этой картины общественный дѣятель, достойный этого имени, не можетъ: она должна приковать его вниманіе. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ еще хуже: у этой мрачной картины имѣется еще болѣе мрачная перспектива. То, что наблюдатель видитъ въ жизни,— это только одна изъ стадій происходящаго въ ней процесса.

„Оскудѣніе“,—какъ чаще всего въ трудахъ комитетовъ называется этотъ процессъ,—сказывается, конечно, не только въ личной жизни крестьянина, но и въ его хозяйствѣ. И если отъ „промышленника“ съ его неприглядною и тяжелою долею перейти къ „промышленности“, то не трудно уже представить себѣ, какъ шатко должно быть ея положеніе. „Крестьянинъ,—читаемъ мы въ сводномъ журналѣ постановленій боровичскаго комитета,— даже при скудномъ питаніи не могъ сдѣлать сбереженій, а иногда долженъ былъ захватывать основной капиталъ, какъ скотъ, естественное плодородіе почвы и проч. Естественно, что хозяйство не только не могло сдѣлаться интензивнѣе, но не могло удержаться и на прежнемъ уровнѣ“. Въ этихъ немногихъ словахъ мы имѣемъ, въ сущности, резюме цѣлаго ряда фактовъ, какіе собраны комитетами, и многочисленныхъ соображеній, какія ими были высказаны объ угнетающемъ вліяніи крестьянскихъ бюджетныхъ затрудненій на состояніе русской сельскохозяйственной промышленности. Отсутствіе свободнаго остатка, какого либо излишка въ бюджетѣ неизбѣжно порождаетъ застой въ хозяйствѣ. Техническія улучшенія уже по одной этой причинѣ, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ, вовсе недоступны массѣ крестьянства Если такія улучшенія и имѣютъ мѣсто, то почти исключительно въ селеніяхъ, лучше обставленныхъ, въ хозяйствахъ, болѣе зажиточныхъ. Кромѣ того, самыя нововведенія нерѣдко получаютъ своеобразный характеръ: въ большинствѣ случаевъ они разсчитаны не на коренное, хотя бы медленное и постепенное, улучшеніе хозяйства, а на скорое, по возможности немедленное, сокращеніе его расходовъ или увеличеніе денежнаго дохода. Молотилки получаютъ распространеніе тамъ, гдѣ плугъ не можетъ найти себѣ мѣста. Въ другомъ мѣстѣ тяжелый малороссійскій плугъ, разсчитанный на 5—6 паръ воловъ, вытѣсняется улучшеннымъ желѣзнымъ, требующимъ всего лишь 3—4 лошадей, но это вытѣсненіе не сопровождается увеличеніемъ числа вспашекъ. Если отсутствіе излишка въ бюджетѣ обусловливаетъ застой въ хозяйствѣ, то дефициты дѣлаютъ почти неизбѣжнымъ регрессъ въ немъ. Мы уже видѣли, какъ подъ вліяніемъ нужды навозъ, вмѣсто вывозки на поле, обращается на обкладку хатъ и даже сжигается, вмѣсто топлива. Крестьянскій скотъ, заморенный и изнуренный, но и за всѣмъ тѣмъ представляющій самое цѣнное имущество крестьянъ,

въ трудную минуту ихъ жизни неизмѣнно служитъ средствомъ, чтобы сократить потребленіе дальше крайнихъ предѣловъ его естественной сжимаемости и достать деньги, не считаясь уже съ цѣлостью хозяйства. Въ годы недородовъ падежи, съ одной стороны, распродажа за безцѣнокъ, съ другой,—обыкновенно низводятъ его численность до минимума. Самые неурожаи становятся все чаще. Земля, съ которой крестьяне силою вещей обязаны брать возможно больше и которой должны отдавать возможно меньше, теряетъ свои естественныя силы, а въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣлается прямо негодной для сельскохозяйственной культуры.

Между тѣмъ, положеніе, въ которомъ находится крестьянское хозяйство, для нашей страны имѣемъ особое значеніе. На плечахъ придавленнаго безысходною нуждою населенія лежитъ въ сущности главная тяжесть сельскохозяйственнаго производства. Крестьянству на надѣльномъ и купчемъ правѣ принадлежитъ громадная часть культурной площади. Путемъ аренды въ его хозяйство включена, кромѣ того, значительная доля земель, принадлежащихъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Собственная запашка послѣднихъ,—по разсчетамъ комитетовъ,—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляетъ лишь $2^0/_0$ принадлежащей имъ земли. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ экономическая запашка представляетъ значительную величину, не малая доля ея обрабатывается инвентаремъ крестьянина, его заморенною лошадью, его несовершенными орудіями. При наличности собственнаго инвентаря у владѣльцевъ рабочую силу они получаютъ всетаки изъ крестьянскаго хозяйства. У насъ нѣтъ особаго класса сельскохозяйственныхъ рабочихъ, съ которымъ долженъ былъ бы считаться сельскохозяйственный предприниматель. Сроковыхъ и поденныхъ, мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ выставляетъ то же крестьянство въ лицѣ наиболѣе слабыхъ и экономически обездоленныхъ группъ. Такимъ образомъ, хозяйственнымъ положеніемъ, экономическимъ достаткомъ и культурнымъ уровнемъ крестьянства въ конечномъ счетѣ опредѣляются формы и той части сельскохозяйственнаго производства, которая находится въ хозяйственномъ завѣдываніи другихъ, болѣе сильныхъ классовъ. Свою энергію частные предприниматели развиваютъ, конечно, по линіи наименьшаго сопротивленія. Образцовыя, технически-совершенныя хозяйства при данной экономической конъюнктурѣ,—по общему признанію,—оказываются не выгодными или недостаточно выгодными, и это вполнѣ понятно, когда значительно большіе барыши можно извлекать, эксплуатируя земельную и всякую иную нужду крестьянства. „Изъ сопоставленія различныхъ частныхъ хозяйствъ въ губерніи, лично мнѣ извѣстныхъ,—говоритъ, напримѣръ, Н. М. Ткаченко про Нижегородскую губернію,—я могу сказать, что въ такъ называемомъ „хорошемъ“ хозяйствѣ, владѣлецъ котораго пользуется

въ округѣ репутаціей „хозяина“,—ничего научнаго не оказывается, а хорошо это хозяйство, или—вѣрнѣе - выгодно только потому, что окружающее населеніе по малоземелью и по другимъ причинамъ находится въ рукахъ крупнаго имѣнія... Нельзя насчитать въ губерніи пяти хозяйствъ, гдѣ бы хозяйство велось безъ эксплуатаціи труда, на раціонально-агрономическихъ началахъ“. То, что выгодно для предпринимателя, хотя бы и было гибельно для общества, при данномъ соціально-экономическомъ строѣ имѣетъ непререкаемую, почти стихійную силу. И соціальное хищничество со стороны частныхъ владѣльцевъ, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ экономически безсильнымъ крестьянствомъ, оказывается почти столь же неизбѣжнымъ, какъ и земельное хищничество со стороны послѣдняго.

Само собою понятно, что промышленность, въ основѣ которой лежитъ это двухстороннее хищничество, принимаетъ самыя уродливыя, гибельныя для нея самой и для общаго благосостоянія формы.

Такимъ образомъ, если экономическое положеніе крестьянства, его матеріальное довольство должно служить главною цѣлью сельско-хозяйственнаго производства, то, съ другой стороны, оно же является непремѣннымъ условіемъ устойчивости послѣдняго и главнымъ залогомъ возможности его развитія. Сельско-хозяйственный вопросъ въ Россіи—это серьезная соціально-экономическая проблема. Чтобы разрѣшить его, нужно найти и устранить причины, которыя мѣшаютъ крестьянину сводить концы съ концами; нужно намѣтить и осуществить такія матеріальныя, культурныя, техническія и общественныя условія, которыя обезпечили бы ему возможность создавать и удерживать въ своихъ рукахъ все необходимое не только для сноснаго существованія, но и для безпрепятственнаго развитія, не только для поддержанія хозяйства, но и для безостановочнаго его совершенствованія. Такова постановка, какую аграрная проблема получила въ трудахъ большинства комитетовъ.

Гдѣ же эти причины и каковы должны быть эти условія?

Почему балансъ не сходится въ крестьянскомъ бюджетѣ и пассивъ превышаетъ активъ въ немъ? Нужно ли винить въ этомъ доходы, которые черезъ-чуръ малы, или расходы, которые черезъчуръ велики? Приходы въ крестьянскомъ бюджетѣ имѣютъ нѣсколько источниковъ; какой же изъ нихъ оказывается недостаточнымъ? Сельское ли хозяйство и въ какихъ именно отрасляхъ, или промысловые заработки? и почему? не продуктивенъ ли трудъ или низка его оплата? Съ другой стороны, если непосильны расходы, то какіе именно? Если нельзя сжать потребленіе, то нельзя ли удешевить его? Если тяжелы налоги и платежи, то какіе именно? Если все дѣло въ случайныхъ несчастіяхъ,

то какъ уберечься отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, какъ застраховать себя отъ ихъ послѣдствій? Наконецъ, если болѣзнь имѣетъ не мѣстный характеръ, если стѣснена вся жизнь крестьянина, если разстроено все его хозяйство, то какія этому причины? лежатъ ли онѣ въ его личности или въ окружающихъ его условіяхъ? въ свойственной ли его хозяйству формѣ или въ общемъ строѣ данныхъ соціально-экономическихъ отношеній? Если болѣзнь нельзя вылѣчить однимъ-двумя пластырями, то нѣтъ ли радикальныхъ средствъ, которыми можно было бы возстановить равновѣсіе въ народнохозяйственномъ организмѣ? Вотъ какого характера вопросы немедленно встали передъ комитетами, какъ только они приступили къ разрѣшенію поставленной передъ ними задачи.

Общественная мысль, изслѣдуя причины соціальныхъ недуговъ и изыскивая мѣры борьбы съ ними, нерѣдко обнаруживаетъ склонность сосредоточивать все свое вниманіе на какой-либо одной причинѣ, всецѣло довѣрять какому либо одному средству. Съ особою силою, можетъ быть, эта склонность сказалась въ сельско-хозяйственнывъ комитетахъ, недостаточно разнообразныхъ по своему составу и слишкомъ стѣсненныхъ по своему территоріальному кругозору. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые дѣятели черезъ-чуръ умаляли значеніе экономическихъ факторовъ въ сравненіи съ болѣе близкими и понятными имъ правовыми и культурными невзгодами, даже тѣ, которые понимали первенствующее значеніе первыхъ въ жизни народныхъ массъ, нерѣдко сосредоточивали вниманіе на какой-нибудь одной сторонѣ экономическихъ отношеній, упуская изъ виду цѣлый рядъ другихъ, не менѣе важныхъ. Одни винили во всемъ недостатокъ земли, другіе—несовершенство техники, третьи—протекціонизмъ, четвертые—отсутствіе кредита и т. д. Нѣкоторые забредали на совсѣмъ узкія тропки и готовы были видѣть причину всѣхъ причинъ въ опустошительныхъ пожарахъ или въ расширяющихся оврагахъ, въ водкѣ или въ празникахъ. Намѣчая мѣры, какія необходимо предпринять въ интересахъ сельско-хозяйственной промышленности и занятаго ею населенія, мѣстные дѣятели также нерѣдко обнаруживали пристрастіе къ симптоматическому лѣченію и къ палліативнымъ средствамъ. Въ общемъ, однако, преобладающее значеніе получила иная точка зрѣнія, и большинство не только комитетовъ, но и призванныхъ въ нихъ дѣятелей, несомнѣнно, понимало, что „упадокъ крестьянскаго хозяйства есть результатъ не одной какой либо причины, какъ бы сильна и важна она ни казалась на первый взглядъ, а совокупнаго дѣйствія многихъ одинаково серьезныхъ причинъ; поэтому и ослабить, и устранить его нельзя одной какой-либо мѣрой, а необходимо для этого одновременное совокупное и систематическое воз-

дѣйствіе цѣлаго ряда мѣръ" *). Въ поискахъ этихъ мѣръ, „которыя по своему значенію соотвѣтствовали бы широтѣ и важности поставленной задачи", **) комитеты, какъ извѣстно, далеко отошли отъ того перечня „частныхъ" мѣропріятій, который былъ предложенъ на ихъ разсмотрѣніе особымъ совѣщаніемъ.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь использовать труды комитетовъ только въ одной ихъ части, а именно, поскольку они касаются земельныхъ нуждъ крестьянства. Земельный вопросъ представляетъ изъ себя центральную и въ то же время самую трудную часть аграрной проблемы. Въ трудахъ комитетовъ мы не найдемъ готоваго,—стройнаго и законченнаго,—рѣшенія. Но и за всѣмъ тѣмъ собранные ими матеріалы и высказанныя ими сужденія представляются въ высшей степени интересными. Изучая ихъ, мы имѣемъ возможность уяснить многіе элементы стоящей на очереди задачи и намѣтить тѣ направленія, въ которыхъ общественная мысль уже ищетъ рѣшенія ей.

III.

Изслѣдуя причины крестьянскаго оскудѣнія, поскольку таковыя лежатъ въ сферѣ земельныхъ отношеній, комитеты прежде всего встрѣтились съ вопросомъ о малоземельѣ.

Очень многіе дѣятели, и при томъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній и даже воззрѣній, въ малоземельѣ именно склонны были видѣть основную причину переживаемыхъ крестьянствомъ затрудненій. „У крестьянъ во владѣніи земли мало,—читаемъ мы въ запискѣ землевладѣльца Васильева, внесенной въ грязовецкій комитетъ,—и никакіе палліативы... помочь этому горю не въ силахъ. Одно только и есть коренное „улучшеніе нуждъ и пользъ крестьянскаго населенія", это дать льготную возможность получить въ достаточномъ количествѣ землю". „Путемъ наблюденія я пришелъ къ заключенію,—заявилъ въ кременчугскомъ комитетѣ городской голова Изюмовъ,—что вся бѣда крестьянскаго сословія въ малоземельѣ". „Малоземелье", настаивалъ земскій агрономъ Шлыковъ въ звенигородскомъ комитетѣ, „не просто одна изъ причинъ упадка сельскохозяйственнаго промысла, но оно является главной причиной и непремѣнно главной". Даже новомосковская уѣздная земская управа, проводившая въ своей запискѣ, какъ мы видѣли, точку зрѣнія аграріевъ, и та должна была считаться съ этою бьющей въ глаза нуждой крестьянскаго населенія. „Необходимо", читаемъ мы въ числѣ

*) Изъ записки предсѣдателя борисоглѣбской уѣздной земской управы В. В. Измайлова.

**) Изъ записки Н. Н. Ковалевскаго, представленной въ харьковскій губернскій комитетъ.

самыхъ первыхъ ея пожеланій, „чтобы сельскохозяйственный классъ получилъ площадь земли, соотвѣтствующую его коллективной трудоспособности“. Какъ ни двусмысленна эта формула, пытающаяся подъ именемъ коллективной трудоспособности объединить интересы аграрія - предпринимателя и крестьянина-рабочаго, въ основу ея, несомнѣнно, могло быть положено не чье иное, какъ только крестьянское малоземелье. Жалобы на малоземелье раздавались, такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ и, съ неодинаковою, конечно, силой, болѣе или менѣе настойчиво слышались повсюду: на сѣверѣ и на югѣ, въ центрѣ и на окраинахъ.

Что земли у крестьянъ недостаточно, въ этомъ дѣятелей комитетовъ убѣждали не только непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ жизни, но и самые разнообразные разсчеты и соображенія. Уже простое сопоставленіе двухъ фактовъ: съ одной стороны, значительно уменьшившагося съ 1861 г. количества земли у крестьянъ по разсчету на душу, и, съ другой, почти неизмѣнившейся, а по разсчетамъ нѣкоторыхъ даже понизившейся за это время средней ея производительности, убѣждало многихъ, что размѣры крестьянскаго землевладѣнія представляются въ настоящее время явно ненормальными. Если даже допустить, что полученный крестьянами въ 1861 г. надѣлъ дѣйствительно способенъ былъ обезпечить ихъ бытъ и исправное выполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей, то теперь вмѣстѣ даже съ купчей землей онъ долженъ считаться для этой цѣли безусловно недостаточнымъ. Еще нагляднѣе убѣждали въ этомъ болѣе точные разсчеты. Одни за основаніе для выкладокъ брали количество рабочей силы, которою располагаютъ крестьянскія хозяйства, и находили, что при данныхъ размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія она ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть использована. „При данномъ малоземельѣ“, говоритъ въ своей запискѣ московская губернская земская управа, „только трехъ душевой надѣлъ даетъ возможность использовать сполна рабочую силу одного мужчины; двухдушевой надѣлъ недостаточенъ для этого. Поэтому семьи, имѣющія не болѣе двухъ мужчинъ (и, стало быть, не болѣе двухъ надѣловъ), не въ состояніи использовать на надѣлѣ все рабочее время одного лица, вслѣдствіе чего пропадаютъ непроизводительно промежутки между работами, если нѣтъ стороннихъ поденныхъ работъ, которыя далеко не всегда случаются“. „Благодаря этому, постепенно происходитъ отборъ семей, которыя еще считаютъ возможнымъ вести земледѣліе, и другихъ, которыя должны отказаться отъ него“... Въ Московской губерніи такія отказавшіяся уже отъ земледѣльческаго хозяйства семьи составляютъ 20%. „Общинное владѣніе“, продолжаетъ управа, „даетъ возможность распорядиться оставленными надѣлами такъ, чтобы до извѣстной степени ввести поправку въ условія, создаваемыя малоземельемъ, пополнить доли тѣхъ, которые берутъ

землю, и тѣмъ укрѣпить для нихъ возможность вести сельское хозяйство". Благодаря отказу отъ земли значительной части крестьянскаго населенія, размѣръ душевого надѣла въ Московской губерніи удержался на прежнемъ уровнѣ и даже нѣсколько увеличился. Однако, и за всѣмъ тѣмъ онъ оказывается недостаточнымъ. Даже трехдушевой надѣлъ, какъ уже сказано, даетъ возможность использовать силу только одного лица мужского пола. Остальныя мужскія рабочія силы семьи оказываются лишними и должны искать приложенія себѣ внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ Московской губерніи, гдѣ широко развиты всякаго рода промыслы, эти лишнія въ общинѣ и въ хозяйствѣ силы еще находятъ себѣ то или иное, лучше или хуже оплачиваемое занятіе. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ промысловая жизнь менѣе развита и гдѣ отливъ населенія изъ земледѣлія происходитъ въ значительно меньшихъ размѣрахъ, лишніе работники являются обузою для хозяйства, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и тормазомъ для его техническаго совершенствованія. Крестьянинъ, если его хозяйственный участокъ слишкомъ малъ, говоритъ по этому поводу предсѣдатель нижегородской уѣздной управы А. А. Остафьевъ, „долженъ замѣнять своею собственною рабочею силою всѣ улучшенныя орудія труда, потому что своихъ собственныхъ работниковъ все равно кормить нужно, а при покупкѣ улучшенныхъ орудій деньги пришлось бы отдавать другимъ. Достаточная обезпеченность землею при нашихъ народно-хозяйственныхъ условіяхъ, — заключаетъ онъ, — должна опредѣляться не требованіями агрикультуры, а потребностями крестьянской семьи"...

Если прикинуть эту послѣднюю мѣрку и въ основу разсчетовъ положить не рабочую силу, а именно потребности крестьянскаго населенія, то недостатокъ земли у послѣдняго обнаружится съ не меньшею очевидностью. Цѣлымъ рядомъ выкладокъ комитеты должны были убѣдиться, что доходы отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства у обширнѣйшихъ группъ крестьянскаго населенія не обезпечиваютъ даже продовольственныхъ ихъ нуждъ, не говоря о массѣ другихъ личныхъ и хозяйственныхъ потребностей.

Не довольствуясь указанными разсчетами, нѣкоторые комитеты считали необходимымъ къ вопросу о малоземельѣ подойти и со стороны агрикультурныхъ требованій. Опредѣляя минимальное количество земли, при которомъ возможно раціональное хозяйство и сравнивая затѣмъ размѣры такого „нормальнаго" или „идеальнаго" участка съ дѣйствительною площадью земли, имѣющейся въ распоряженіи средняго крестьянскаго двора, они приходили все къ тому же выводу, что нынѣшніе размѣры крестьянскаго землевладѣнія представляются безусловно недостаточными. Крестьянское хозяйство Балашовскаго уѣзда, напримѣръ, вла-

дѣющее желѣзнымъ плугомъ и соотвѣтствующимъ количествомъ рабочихъ лошадей, чтобы использовать ихъ—по разсчетамъ мѣстнаго комитета,—должно имѣть при трехпольѣ отъ 18 до 27 дес. пахотной земли. Между тѣмъ, изъ 34,4 тыс. крестьянскихъ хозяйствъ этого уѣзда 25,2 тыс., т. е. болѣе двухъ третей, уже въ 1886 г. имѣли участки. не достигавшіе и половины этой нормы. При данной земельной площади масса крестьянскихъ хозяйствъ лишена возможности использовать не только улучшенный, но и тотъ скудный и несовершенный инвентарь, какой имѣется въ его распоряженіи. Почти столь же невозможно для крестьянъ поддерживать въ своемъ надѣлѣ нормальное соотношеніе между количествомъ скота и пашнею, а также между пахотною и кормовою площадью. Самыя скромныя требованія, какія раціональная агрономія можетъ предявить къ господствующимъ системамъ хозяйства, благодаря малоземелью, нерѣдко оказываются совершенно невыполнимыми.

„Помимо цифровыхъ, такъ сказать, внѣшнихъ данныхъ, достаточно ярко свидѣтельствующихъ о крестьянскомъ малоземельѣ, можно подтвердить это, — пишетъ въ своей запискѣ московская губернская земская управа, — и тѣмъ отношеніемъ, которое проявляетъ населеніе Московской губерніи къ размѣрамъ отведеннаго ему надѣла. Въ его сознаніи никакъ не укладывается представленіе о томъ, чтобы въ его распоряженіе могло быть предназначено такъ мало земли. Рядъ фактовъ послѣдняго времени показываетъ, что во многихъ случаяхъ населеніе предполагаетъ, что у него такъ мало земли не потому, чтобы на его долю полагалось такое количество ея, а потому, что ему въ натурѣ отведено меньше, чѣмъ слѣдуетъ. И, вотъ, оно безпрестанно возбуждаетъ дѣла объ отысканіи принадлежащей ему земли, объ установленіи границъ ея, приглашаетъ для того на свой счетъ землемѣровъ, при чемъ послѣднимъ нерѣдко не приходится доканчичивать принятую на себя задачу, такъ какъ, если производимый ими обмѣръ не отвѣчаетъ ожиданіямъ пригласившаго его общества, то со стороны послѣдняго можетъ грозить землемѣру довольно серьезная опасность“.

Это тревожное состояніе крестьянства, выразившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ очень острыхъ уже формахъ, заставило считаться съ крестьянскимъ малоземельемъ и такихъ дѣятелей, которые въ другомъ случаѣ, можетъ быть, предпочли бы обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. „Не городскіе, не фабричные и даже не столичные безпорядки“,—говоритъ въ своей запискѣ о малоземельѣ предсѣдатель вольскаго комитета Н. Юматовъ,—„опасны для государства. Опасность для спокойствія государства глядитъ изъ деревни. Громадное пространство Россійской имперіи обезпечиваетъ то, что аграрный вопросъ не можетъ обостриться неожиданно, одновременно на площади всего государства—это

даетъ время правительству принять мѣры къ успокоенію начинающагося движенія. Но то же громадное пространство угрожаетъ величайшими бѣдствіями, если необходимыя мѣры не успѣютъ за развитіемъ этого (аграрнаго) антагонизма... Самыя широкія, самыя серьезныя мѣры къ разрѣшенію аграрныхъ вопросовъ неотложны и необходимы".

Съ особою настойчивостью крестьянское малоземелье выдвигалось на первый планъ самими крестьянами, по скольку голосъ ихъ былъ слышенъ въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ. „Земли мало", это—основной мотивъ большинства крестьянскихъ заявленій, какія мы находимъ въ трудахъ послѣднихъ. Въ преніяхъ члены изъ крестьянъ по вопросу о малоземельѣ проявляли больше всего единодушія, въ своихъ докладахъ и запискахъ они удѣляли ему преимущественное вниманіе. Съ особою же силою этотъ мотивъ звучитъ въ тѣхъ прошеніяхъ и приговорахъ, какіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были представлены въ комитеты волостными и сельскими обществами, и въ тѣхъ словесныхъ заявленіяхъ, какія были сдѣланы ихъ уполномоченными представителями. Въ самой безхитростной формѣ, въ самыхъ простыхъ и нерѣдко полуграмотныхъ выраженіяхъ эти крестьянскія заявленія лучше, чѣмъ что-либо другое, вскрываютъ передъ нами глубокій драматизмъ тѣхъ отношеній, въ основѣ которыхъ лежитъ малоземелье.

«Я, крестьянинъ Сине-Никольской волости, деревни Паново, Корнелій Сергѣевъ», читаемъ мы въ запискѣ, внесенной въ опочецкій комитетъ, «объясняю причины упадка сельскаго хозяйства отъ малаго количества земли, такъ что если бы у крестьянъ было земли на каждаго мужчину законнаго положенія, то крестьяне могли бы улучшить свои хозяйства: сѣять клеверъ и дѣлить на шесть полей, а остальная могла бы быть подъ выгонъ или подъ разводъ лѣса. А теперь нѣтъ у крестьянъ достатка земли и изъ-за этого много падаетъ хозяйствъ. 1) Приходится снять въ аренду землю или покосъ отъ господина или помѣщика по большой цѣнѣ, и выходитъ неурожай; аренду надо платить и бѣдный крестьянинъ отдаетъ послѣднія свои деньги. О Господи! семейство или дѣти остаются безъ куска хлѣба, и приходится сбыть свой душевой надѣлъ какому либо зажиточному человѣку для пропитанія своего семейства или становить въ работники сына или брата, чтобы купить хлѣба для семейства; да вотъ еще крестьянину дѣло, что въ контору требуютъ оброкъ начальство, надо платить, а денегъ нѣтъ, отданы за арендуемую землю или за покосъ господину или помѣщику, и приходится бѣдному крестьянину сбыть свое послѣднее и уплатить подати, уйти куда нибудь изъ-за того, что мало своей земли. Такъ и падаетъ сельское населеніе. 2) Уйдетъ крестьянинъ куда въ аренду въ село или на пустошь къ господину или помѣщику, сниметъ поневолѣ по большой цѣнѣ и поживетъ тамъ года два или три; выйдетъ неурожай, платить за аренду нечѣмъ; господинъ высылаетъ его вонъ, потому что условія у господина, и бѣдный крестьянинъ воротится на свою родину. Да вотъ бѣда, нѣтъ у крестьянъ на каждаго земли и поневолѣ приходится идти въ городъ къ братьямъ или сыновьямъ для своего пропитанія. Выходитъ дѣло плохо: въ городѣ жить плохо отъ многолюдства, воротиться на родину—не имѣетъ своей земли, такъ и блудитъ безъ своего жилища. Такъ много падаетъ такихъ хозяйствъ. 3) Ваше сіятельство, взгляните

на тѣхъ людей, которые были дворовыми во время крѣпостной зависимости и вышли отъ своихъ господъ или помѣщиковъ безъ надѣла: ходятъ они безъ всякаго пріюта, такъ и весь мужской полъ послѣ послѣдняго передѣла земли и много такого народа, что вернулся домой съ военной службы, гдѣ служилъ и охранялъ отечество. Вотъ у отца пять сыновей, да есть дочери, а земляной одинъ надѣлъ, и вотъ дѣло: надо отпустить братьевъ или сыновей на военную службу, это надобно для охраны русской земли, да дѣло плохо въ томъ, что не съ чѣмъ отпустить, одѣть, обуть, и такъ многіе крестьяне сбываютъ свой послѣдній надѣлъ земли, отъ чего много падаетъ сельское хозяйство».

„Такъ много падаетъ хозяйствъ". Въ паденіи каждаго изъ нихъ имѣются свои особенности. Одно гибнетъ тутъ же, въ деревнѣ, гдѣ оно возникло и долгіе годы функціонировало; другое—рушится послѣ недолговѣчной попытки обосноваться на новомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь „въ селѣ или на пустоши". Однимъ не подъ силу арендные платежи, другихъ доканываютъ подати; однихъ разоряетъ неурожай, другихъ—солдатчина. То нечѣмъ кормить дѣтей, народившихся послѣ передѣла; то оказываются лишними работники, вернувшіеся со службы. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ самъ ликвидируетъ хозяйство, не находя для пропитанія семейства другого источника, кромѣ продажи земли зажиточному человѣку; въ другомъ—его лишаетъ земли властная рука „господина или помѣщика", заинтересованнаго въ исправномъ полученіи своихъ доходовъ. Какъ ни различны эти ближайшіе поводы крестьянскаго разоренія, какъ ни разнообразны формы, которыми сказывается этотъ процессъ въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, въ основѣ его мысль крестьянина находитъ общую причину. Малоземельемъ объясняетъ онъ и свою зависимость отъ земельнаго собственника, и непосильность возложеннаго на него податного бремени, и „многолюдство" города, въ которомъ онъ тщетно ищетъ себѣ пристанища. Понятны ему и тѣ общія послѣдствія, которыми малоземелье сказывается въ народно-хозяйственной жизни. За разореніемъ и гибелью отдѣльныхъ хозяйствъ онъ видитъ, какъ „падаетъ сельское населеніе", какъ „падаетъ сельское хозяйство".

Во многихъ случаяхъ малоземелье имѣетъ еще болѣе тяжелый характеръ и своими острыми послѣдствіями сказывается уже не на отдѣльныхъ хозяйствахъ, постепенно одно за другимъ захватываемыхъ разореньемъ, а сразу на цѣлыхъ селеніяхъ и даже мѣстностяхъ. Въ особенности тяжело положеніе крестьянъ, получившихъ неполный и тѣмъ болѣе нищенскій надѣлъ. Въ подобныхъ случаяхъ причинная связь между малоземельемъ и крестьянскимъ оскудѣніемъ получаетъ силу почти непререкаемой очевидности.

Лицъ, которыя отрицали бы самый фактъ малоземелья, въ составѣ комитетовъ нашлось немного, при чемъ отрицаніе это предъявлялось обыкновено въ голословной формѣ, а если и сопровождалось аргументами, то такими, въ основѣ которыхъ, несомнѣнно, крылось то или иное недоразумѣніе Г. Розингъ, напри-

мѣръ, доказывая въ нижегородскомъ комитетѣ, что у крестьянъ замѣчается скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ въ землѣ, ссылался на свое хозяйство. „Въ своемъ хозяйствѣ,—говорилъ онъ,—сначала я засѣвалъ въ одномъ полѣ 50 десятинъ и при своихъ хозяйственныхъ средствахъ справиться съ этимъ засѣвомъ и получить съ него доходъ не могъ; сталъ засѣвать только 25 дес., тщательно ихъ обработывая, и получилъ дохода съ посѣва больше, чѣмъ прежде съ 50 дес. Дайте, пожалуй, крестьянину вдвое и втрое больше земли и—толку не будетъ"... Ссылаться на предпріятіе, засѣвающее „въ одномъ полѣ" 25 дес., когда рѣчь идетъ о хозяйствахъ, не имѣющихъ подчасъ куда курицу выпустить — вѣдь это почти то же самое, что предъ лицомъ голода трактовать о пользѣ раціональнаго пищевого режима. Развѣ жъ это не недоразумѣніе? и не то ли именно самое, для котораго имѣется уже избитая формула, что „сытый голоднаго не разумѣетъ"? Столь же несерьезными, пока рѣчь идетъ о самомъ фактѣ, представляются слышавшіяся въ комитетахъ ссылки на межи, паръ, залежи, подъ которыми пропадаетъ де масса крестьянской земли. Конечно, если бы эта земля не пропадала, то, можетъ быть, и вопроса о малоземельѣ не было бы. Но вѣдь „кабы да во рту росли бобы, то былъ бы не ротъ, а огородъ". Фактъ, однако, остается фактомъ: бобы не растутъ и расти не могутъ. И земля пропадетъ не потому, что въ ней имѣется избытокъ, а потому, что при данной системѣ и техническомъ уровнѣ хозяйства обойтись безъ пара или безъ залежи невозможно.

Малоземелье понятіе условное и острыя послѣдствія его могутъ сказываться не только въ густонаселенныхъ районахъ, но и въ малолюдныхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ у крестьянъ приходится земли на душу всего лишь „осьминникъ", и тамъ, гдѣ душевой надѣлъ выражается еще цѣлыми десятинами. Этимъ объясняется, конечно, тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что съ малоземельемъ приходится считаться въ самыхъ разнообразныхъ районахъ Россіи. Съ точки зрѣнія черноземнаго крестьянина, съ его нерѣдко „нищенскимъ" надѣломъ, трудно, конечно, представить, какъ это могутъ жаловаться на малоземелье бывшіе государственные крестьяне степного юга или лѣсного сѣвера, получившіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по 7—8 десятинъ на душу. Не слѣдуетъ, однако, забывать, земля землѣ рознь. На черноземѣ,—какими бы это послѣдствіями ни сказалось потомъ на хозяйствѣ,—можно было распахать до 90% земли, а на сѣверѣ изъ десяти десятинъ иногда нельзя выкроить и одной, которую можно было бы регулярно засѣвать хлѣбомъ. Дѣло въ данномъ случаѣ, конечно, не только въ естественныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ возможную тамъ и здѣсь площадь культурной земли, соотношеніе между пашней и лугомъ и т. д., но и еще болѣе въ томъ техническомъ уровнѣ, на которомъ стоитъ хозяйство. Площадь, на которой мо-

жно свободно расположиться съ трехпольемъ, совершенно недостаточна при залежной или подсѣчной системѣ. То, что земледѣльцу представилось бы широкимъ земельнымъ просторомъ, въ хозяйствѣ скотовода можетъ сказаться самымъ острымъ малоземельемъ. Системы хозяйства, господствующія въ разныхъ мѣстностяхъ, опредѣляются, конечно, не только тѣмъ, сколько крестьяне получили или имѣютъ въ нихъ земли на душу, но и цѣлымъ рядомъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ,—естественныхъ, техническихъ и общественныхъ,—условій. И если мы будемъ считаться съ этими системами, какъ съ фактомъ, то повсемѣстность жалобъ на малоземелье намъ уже не покажется чѣмъ то явно несообразнымъ. Напротивъ, невозможность для крестьянина при данныхъ размѣрахъ земельной площади использовать, съ одной стороны, рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ, а съ другой—найти въ немъ достаточный источникъ для удовлетворенія своихъ потребностей,—а въ этомъ и заключается малоземелье,—представится для насъ совершенно очевидной. По отношенію къ громадной части крестьянскаго населенія это фактъ, доказывать который, въ сущности, излишне и оспаривать который невозможно.

IV.

Признавая самый фактъ крестьянскаго малоземелья, можно, однако, приписывать ему не одинаковое значеніе, и въ дѣлѣ уврачеванія народно-хозяйственныхъ недуговъ борьбѣ съ нимъ отводить разное мѣсто. Нѣкоторые дѣятели комитетовъ, — какъ было уже отмѣчено, — видѣли въ немъ одну изъ основныхъ и даже „главную“ причину переживаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ затрудненій,—а въ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія—радикальное и чуть ли не единственное средство наладить хозяйственную жизнь крестьянина. На ряду, однако, съ этимъ теченіемъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ можно прослѣдить и другое, въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ прямо ему противоположное. Довольно многія лица въ числѣ причинъ упадка сельскохозяйственной промышленности отводили малоземелью совершенно второстепенное мѣсто, а въ расширеніи площади крестьянскаго землепользованія соглашались видѣть въ лучшемъ случаѣ только палліативъ, могущій имѣть лишь мѣстное и временное значеніе.

Крестьянскому малоземелью въ послѣднемъ случаѣ неизмѣнно почти противополагалось несовершенство хозяйственной техники, какъ послѣдствіе, главнымъ образомъ, крестьянской некультурности. „Безспорно,“ говорилъ, напримѣръ, гр. Шереметевъ въ звенигородскомъ комитетѣ, „населеніе численно возросло, но пріемы хозяйства остались прежніе; такъ же, какъ и прежде, зна-

чительная часть пахотныхъ полей лежитъ подъ паромъ, поэтому выходомъ изъ настоящаго тяжелаго положенія могъ бы быть общій подъемъ культуры, а не прирѣзка къ надѣльнымъ землямъ новыхъ владѣній". „При обсужденіи вопроса о причинахъ оскудѣнія деревни, —по мнѣнію члена опочецкаго комитета бар. Розена,—малоземелье нельзя ставить на первый планъ; въ разсматриваемомъ вопросѣ гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ непросвѣщенность крестьянина и его неумѣнье вести свое хозяйство по указаніямъ сельскохозяйственной науки". Въ кременчугскомъ комитетѣ г. Милорадовичъ, возражая А. Я Изюмову, указавшему въ своемъ докладѣ на малоземелье, какъ на главную бѣду крестьянства, настаивалъ, что если крестьянинъ имѣетъ только 1/4 дес., то этого, по его мнѣнію, при соотвѣтствующей обработкѣ вполнѣ достаточно. „Центръ тяжести переживаемаго нами кризиса,—полагалъ онъ,—лежитъ только въ неудовлетворительныхъ способахъ обработки земли". *) „Обезпеченность крестьянскаго населенія", читаемъ мы въ запискѣ земскаго начальника Псковской губерніи, г. Карпова, „отнюдь не стоитъ въ прямой зависимости отъ количества земли; земля производительна лишь въ рукахъ заботливаго и умѣлаго хозяина, неумѣлаго же или неадиваго она лишь тяготитъ и связываетъ, не принося ему благосостоянія".

Стремясь умалить значеніе крестьянскаго малоземелья, нѣкоторыя лица, какъ видно уже изъ этихъ выдержекъ, заходили довольно далеко и усиленными ссылками на техническую отсталость крестьянскихъ хозяйствъ, а также на непросвѣщенность и даже нерадивость самихъ крестьянъ старались доказать не только недостаточность, но и нецѣлесообразность такой мѣры, какъ расширеніе площади крестьянскаго землепользованія, особенно, если таковое было бы осуществлено въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ. Ссылаясь на несовершенство крестьянской техники, бюро елецкаго комитета признало несвоевременной даже постановку вопроса о томъ, „желательна ли въ настоящее время рѣшительная мобилизація земельной собственности въ сторону мелкаго крестьянскаго землевладѣнія" **). Не трудно, однако, понять, что это преклоненіе предъ культурой и технихой у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, дѣятелей было не вполнѣ безкорыст-

---

*) «Одесскія Новости» 1902 г., №№ 5777 и 5797.

**) Этотъ тезисъ дѣятели елецкаго комитета аргументировали, конечно интересами сельскохозяйственной промышленности. Соображенія ихъ, изложенныя въ подстрочномъ примѣчаніи и какъ бы мимоходомъ, заслуживаютъ того, чтобы и мы имъ посвятили нѣсколько строкъ петита. Принимая во вниманіе средній урожай съ 1 дес. въ крестьянскихъ хозяйствахъ (по даннымъ министерства земледѣлія 48,6 пуд. для озимаго и 43 п. для ярового) и въ частновладѣльческихъ (60,1 и 53,7 пуд.), одинъ изъ членовъ елецкаго комитета вычислилъ, что при нынѣшнемъ распредѣленіи земли уѣздъ полу-

нымъ, а боязнь излишней землей обременить крестьянское хозяйство—по меньшей мѣрѣ не искренней. Несравненно большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣло,—можетъ быть, и смутное подчасъ,—опасеніе, „какъ бы въ Петербургѣ при обсужденіи этого вопроса не собралось слишкомъ много голосовъ за то, что вся бѣда заключается въ малоземельѣ" и какъ бы земельный

часть хлѣба 13,910 тыс. пудовъ; при переходѣ же всей земли въ руки крестьянъ онъ получилъ бы лишь 12,750 тыс., между тѣмъ какъ при переходѣ всей земли въ руки частныхъ владѣльцевъ сборъ достигъ бы 16,337 тыс. п. Отсюда очевидно, какъ великъ былъ бы ущербъ въ народнохозяйственномъ доходѣ въ случаѣ «рѣшительной» мобилизаціи земельной собственности въ сторону мелкаго крестьянскаго землевладѣнія». Съ этою ариѳметикою черноземнаго помѣщика мы встрѣчаемся не впервые. И нужно сказать, что съ чисто статистической даже точки зрѣнія она представляется далеко не безупречной. Принятая елецкимъ дѣятелемъ въ разсчетъ средняя урожайность въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ относится въ дѣйствительности не ко всей площади частнаго владѣнія, а лишь къ той, которая находится въ экономической запашкѣ, т. е. къ самой лучшей ея части. Если бы при выводѣ принять во вниманіе урожайность и тѣхъ запольныхъ земель, которыя сдаются въ аренду крестьянамъ, то средняя урожайность для земель частнаго владѣнія оказалась бы значительно ниже. Съ другой стороны, средній урожай для крестьянскихъ хозяйствъ, можно думать, относится не только къ надѣльнымъ и купчимъ ихъ землямъ, но и къ тѣмъ истощеннымъ площадямъ, какія арендуются ими у частныхъ владѣльцевъ. И если бы послѣднія исключить изъ разсчета, то средняя для собственной крестьянской земли оказалась бы значительно выше. Если бы въ основныя цифры, надъ которыми оперировалъ членъ елецкаго комитета, внести эти поправки, то окончательные результаты сдѣланныхъ имъ вычисленій получились бы, конечно, иные. И если онъ желалъ говорить о томъ вліяніи, какое можетъ оказать на размѣры народно-хозяйственнаго дохода *принадлежность* земли той или иной категоріи владѣльцевъ, то поправки эти сдѣлать было необходимо. Худшіе урожаи въ Россіи, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, даютъ земли, снимаемыя крестьянами подесятинно, а эти земли принадлежатъ вѣдь не имъ, а частнымъ владѣльцамъ. Еще менѣе безупречной елецкая ариѳметика представляется съ технической и экономической точки зрѣнія. Болѣе низкіе урожаи у крестьянъ, сравнительно съ помѣщичьими, обусловлены цѣлымъ рядомъ причинъ, между прочимъ, тѣмъ, во 1-хъ, что крестьянамъ отведены земли въ общемъ худшаго качества, чѣмъ какія оставлены за помѣщиками, и во 2-хъ, тѣмъ, что ими распаханы даже такія земли, которыя частными владѣльцами вовсе не культивируются. Крестьянскіе урожаи ниже, но процентъ цѣнныхъ угодій въ составѣ ихъ земель больше, и есть основанія думать, что средняя производительность вообще земли, а не только пахатной, у крестьянъ не ниже, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Предположеніе, что переходъ земли къ крестьянамъ сказался бы пониженіемъ средней урожайности и уменьшеніемъ общей производительности представляется уже поэтому только совершенно произвольнымъ. Напротивъ, какъ увидимъ ниже, имѣются серьезныя основанія предполагать, что «рѣшительная мобилизація» въ эту сторону сказалась бы крупной прибавкой въ народно-хозяйственномъ доходѣ. Главное же, и я не устану это повторять,—цѣлью народнохозяйственной жизни должно быть благосостояніе трудящагося населенія, и только имъ, а не количествомъ хлѣба, собираемаго въ амбары господъ предпринимателей, можно аргументировать желательность или нежелательность, своевременность или несвоевременность той или иной реформы.

вопросъ не получилъ въ концѣ концовъ рѣшенія, идущаго въ разрѣзъ съ интересами крупной поземельной собственности.

Стремленіе выдвинуть на первый планъ технику, доходившее у нѣкоторыхъ лицъ до готовности примириться со всѣми деталями даннаго строя земельныхъ отношеній, несомнѣнно, имѣло, однако, и другую подкладку. Не малую роль, какъ можно думать, сыграло въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія до надлежащихъ предѣловъ многимъ представлялось средствомъ, съ одной стороны, не всегда возможнымъ по недостатку для этого необходимаго количества земли, съ другой—не вполнѣ надежнымъ въ виду неизбѣжнаго увеличенія крестьянскаго населенія. „Если при настоящей культурѣ крестьянскихъ земель", читаемъ мы въ запискѣ г. Токмакова, внесенной въ рославльскій комитетъ, „рожь въ среднемъ (на черноземѣ) родитъ 4—4,5 зерна, когда для прокормленія населенія необходимо не меньше 8, то земельныя угодья приходится увеличить почти вдвое, что, очевидно, невозможно, поднять же урожайность земель путемъ разумной культуры много легче. Да и какъ ни разселяй, скоро опять земель будетъ мало". „Простая цифровая выкладка", говоритъ въ своей запискѣ елецкое бюро, „убѣждаетъ насъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, что при переходѣ всей площади земли Елецкаго уѣзда въ руки крестьянъ, черезъ 35 лѣтъ величина ихъ надѣловъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, равнялась бы нынѣшней". „Однимъ надѣленіемъ крестьянъ землею,—по мнѣнію гр. П. А. Гейдена,—нельзя подорвать въ корнѣ тѣ причины, которыми обусловлено современное обѣдненіе деревни. Черезъ 15 - 20 лѣтъ послѣ надѣленія, благодаря естественному приросту населенія, земли все равно будетъ опять мало и тогда снова придется поднять вопросъ о малоземельѣ". Легко понять, что съ этой точки зрѣнія расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія и даже „рѣшительная мобилизація" земли въ эту сторону не заключаютъ въ себѣ ничего нежелательнаго. Разногласіе со сторонниками такой мобилизаціи заключается въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что эта мѣра представляется недостаточно радикальной, могущей имѣть лишь временное значеніе; коренное же разрѣшеніе задачи, по мнѣнію лицъ, придерживавшихся этой точки зрѣнія, заключается только въ повышеніи техники хозяйства и культурнаго уровня населенія.

Если разсуждать отвлеченно, внѣ опредѣленныхъ условій времени и пространства, то такое рѣшеніе вопроса о малоземельѣ можетъ представиться наиболѣе цѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое малоземелье? Это,—какъ мы уже сказали,—невозможность для крестьянъ использовать на данной земельной площади свою рабочую силу и извлечь изъ нея достаточныя средства для существованія. Количество труда, вкладываемаго въ

землю, равнымъ образомъ и количество получаемыхъ съ нея продуктовъ опредѣляются, однако, не только ея площадью, но также интенсивностью и техническимъ уровнемъ ведущагося на ней хозяйства. И если количество земли, которымъ располагаетъ крестьянское населеніе, можетъ быть увеличено въ ограниченныхъ и при томъ очень тѣсныхъ предѣлахъ, то не проще и не лучше ли, оставивъ заботы о землѣ, направить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать крестьянское хозяйство болѣе интенсивнымъ и технически совершеннымъ? Вѣдь въ этомъ направленіи нѣтъ границъ, и открывающіяся въ эту сторону перспективы прямо безпредѣльны.

Едва ли, однако, это усиленное и тѣмъ болѣе исключительное вниманіе, какое нѣкоторыя лица склонны были удѣлить техникѣ, можно признать цѣлесообразнымъ. Вѣдь если техника представляетъ изъ себя множитель, которымъ оперируетъ крестьянское хозяйство, то земля служитъ для него множимымъ. Произведеніе же,—а имъ является въ данномъ случаѣ благосостояніе и многомилліонной трудящейся массы,—при одновременномъ наростаніи обѣихъ опредѣляющихъ его величинъ, измѣнится несравненно рѣзче и быстрѣе, чѣмъ если будетъ наростать которая нибудь изъ нихъ въ отдѣльности. Если площадь земли очень мала, то нуженъ очень быстрый и потому, быть можетъ, не осуществимый подъемъ культуры, чтобы достигнуть сколько нибудь замѣтнаго эффекта. Увеличьте эту площадь, хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ, и тогда нужны будутъ несравненно меньшія усилія, чтобы обезпечить экономическое положеніе крестьянства и тѣмъ открыть его хозяйству путь дѣйствительно безграничнаго совершенствованія.

Несравненно важнѣе, однако, всѣхъ такого рода апріорныхъ соображеній представляется въ данномъ случаѣ вопросъ о фактической возможности разрѣшить земельную проблему, если бы даже ограничить ее рамками только малоземелья, при посредствѣ одной техники, безъ радикальной перестройки всего даннаго строя аграрныхъ отношеній. Чтобы уяснить этотъ вопросъ, я позволю себѣ прежде всего напомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, возникновеніе и исторію нынѣшняго крестьянскаго малоземелья.

Выше мною было уже упомянуто, что, встрѣчаясь съ этимъ вопросомъ, многіе члены сельскохозяйственныхъ комитетовъ обращались мыслью къ 1861 г. и въ условіяхъ первоначальнаго надѣленія крестьянъ землею старались найти точку опоры для оцѣнки современнаго положенія вещей въ этой сферѣ. „Высшій" размѣръ надѣла, опредѣленный Положеніемъ 19 февраля, и даже тотъ дѣйствительный, какой былъ отведенъ тогда крестьянамъ, многими оставлялся при этомъ внѣ подозрѣнія и безъ особой провѣрки признавался достаточнымъ для обезпеченія крестьян-

скаго быта. Нѣкоторые сочли, однако, необходимымъ отнестись болѣе внимательно къ основаніямъ, на которыхъ было произведено надѣленіе крестьянъ землею, и должны были при этомъ придти къ заключенію, что корни нынѣшняго крестьянскаго малоземелья нужно искать въ условіяхъ освободительной реформы. „Во время именно освобожденія крестьянъ“, говоритъ по этому поводу въ своей запискѣ членъ новомосковскаго комитета, г. Лядскій, „положено было начало аграрному пролетаріату“. Въ работѣ саратовскаго земско-статистическаго бюро, которое въ лицѣ В. И. Серебрякова вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею подвергло спеціальному изслѣдованію, мы находимъ наглядную и подробную исторію возникновенія крестьянскаго малоземелья.

Освобожденію крестьянъ, какъ извѣстно, предшествовала упорная борьба между двумя партіями—между тѣми, кто считалъ необходимымъ освободить крестьянъ съ землею, и тѣми, кто желалъ сохранить „неприкосновенными права помѣщиковъ на землю“. Сторонники освобожденія съ землею въ самомъ началѣ одержали принципіальную побѣду: высочайшими рескриптами отъ 20 ноября 1857 года и нѣкоторыми послѣдующими было предрѣшено сохранить за крестьянами ихъ „усадебную осѣдлость“ и предоставить въ пользованіе имъ „надлежащее, по мѣстнымъ условіямъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли“. Борьба на этомъ не кончилась, она приняла только новую форму. Въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ коммиссіяхъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ спора сдѣлался размѣръ надѣла. Одни, имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ помѣщичьи интересы, стремились установить для него возможно низкую норму, ссылаясь на то, что она, во-первыхъ, можетъ скорѣе всего способствовать замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда—трудомъ свободнымъ и, во-вторыхъ,—что представлялось имъ, конечно, особенно важнымъ,—обезпечитъ *помѣщику постоянныхъ работниковъ*. „Недостаточное“ надѣленіе крестьянъ землею проводилось съ этой стороны вполнѣ сознательно. Помѣщичья партія руководилась съ этомъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что если крестьяне будутъ обезпечены землею въ количествѣ, достаточномъ для ихъ существованія и отбыванія повинностей, то „они не будутъ болѣе имѣть надобности въ помѣщикѣ, отчего этотъ послѣдній лишится возможности къ обработыванію оставшейся у него земли“. Помѣщичье представительство въ учрежденіяхъ, подготовлявшихъ реформу, было настолько широкимъ и указанное теченіе настолько сильнымъ, что защитники крестьянскихъ интересовъ, не поднимая даже вопроса о „полномъ“ обезпеченіи населенія землею, считали возможнымъ настаивать лишь на сохраненіи за крестьянами, по крайней мѣрѣ, того количества ея, какое находилось уже въ ихъ пользованіи.

Основанія реформы опредѣлились, какъ компромиссъ между этими двумя неодинаково сильными теченіями.

Основаніемъ для опредѣленія размѣра „высшаго душевого надѣла“ послужили свѣдѣнія о существовавшей тягловой развесткѣ между крѣпостными крестьянами въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала *барщина*, т. е. гдѣ крестьяне значительную часть своихъ рабочихъ силъ должны были отдавать помѣщичьему хозяйству. Такимъ образомъ, даже въ лучшемъ случаѣ крестьяне должны были получить надѣлъ, недостаточный для того, чтобы использовать на немъ свою рабочую силу. Между тѣмъ, помимо высшаго надѣла, Положеніе 19 февраля допустило значительныя отступленія отъ него, установивъ еще низшій надѣлъ, въ размѣрѣ одной третьей части высшаго, и, кромѣ того, еще пресловутый дарственный или нищенскій, въ размѣрѣ одной четверти нормальнаго надѣла.

Какъ фактически при этихъ нормахъ произведено было надѣленіе крестьянъ, по этому вопросу для Саратовской губерніи г. Серебряковъ приводитъ детально разработанныя данныя. Въ своихъ важнѣйшихъ итогахъ онѣ таковы:

	Процентъ над. душъ: имѣвшихъ до 1861 года.	Процентъ над. душъ: получившихъ въ 1861 году.
Болѣе нормальнаго надѣла	48,1	5,8
Отъ $^3/_4$ д. до 1 норм. надѣла	35,8	41,8
Менѣе $^3/_4$ норм. надѣла	16,1	52,4

До 1861 г. группа населенія, имѣвшая болѣе нормальнаго надѣла, занимала по численности первое мѣсто; послѣ реформы численность ея рѣзко упала, и первое мѣсто заняла группа малоземельныхъ крестьянъ, получившихъ значительно менѣе нормальнаго надѣла. Въ среднемъ по губерніи до 1861 г. крѣпостное населеніе имѣло почти 5 дес. (4,8) земли на душу, при выходѣ на волю оно получило менѣе 3 (2,8 дес.). Такимъ образомъ, фактически крестьяне не сохранили очень многаго изъ того количества земли, какимъ они располагали при крѣпостномъ правѣ. Отведенная имъ въ надѣлъ земля съ самаго начала была недостаточна не только для того, чтобы крестьяне могли использовать всѣ свои силы, но и для того, чтобы удовлетворить свои потребности, поддержать даже тотъ уровень жизни, какой для нихъ доступенъ былъ при крѣпостномъ правѣ. Саратовская губернія въ данномъ случаѣ, конечно, не представляетъ исключенія: „отрѣзы“ при надѣленіи крестьянъ, какъ извѣстно, широко практиковались и въ другихъ мѣстностяхъ.

Малоземелье возникло, такимъ образомъ, не самопроизвольно и не въ пореформенное время; оно внѣдрено на зарѣ свободной жизни крестьянина, когда закладывался фундаментъ его „домашняго благополучія и блага общественнаго“. Сорокъ лѣтъ на этомъ негодномъ камнѣ мы выводили громадное зданіе народной жизни. И вотъ оно готово рухнуть. Пора понять, что нужно начинать опять съ фундамента, нужно вернуться къ самому началу. „Очевидно“, читаемъ мы въ журналѣ боровичскаго комитета, „теперь дѣло пришло въ такое положеніе, что нужно снова приняться за ту работу, которая была начата и не доведена до конца при освобожденіи крестьянъ“. Въ сферѣ экономическихъ и, въ частности, земельныхъ отношеній эта необходимость вернуться къ началу представляется не менѣе властной, чѣмъ и въ сферѣ права или культуры.

Пойдемъ, однако, дальше и, пользуясь все тѣми же матеріалами, какіе собраны сельскохозяйственными комитетами, посмотримъ, какъ должна была сложиться и какъ дѣйствительно сложилась жизнь крестьянина въ пореформенное время. Оставимъ въ сторонѣ его податное бремя, его культурную безпомощность, его гражданское безправіе,—посмотримъ лишь на тѣ его отношенія, которыя непосредственно связаны съ малоземельемъ.

Цѣль, къ которой стремилась помѣщичья партія при освобожденіи, несомнѣнно, была достигнута. Сознательно обдѣленный землею и лишенный возможности использовать рабочую силу въ своемъ хозяйствѣ,—крестьянинъ могъ появиться на мѣновомъ рынкѣ только въ качествѣ рабочаго. Выйти на этотъ рынокъ для него было тѣмъ необходимѣе, что отведенный ему надѣлъ, за покрытіемъ лежавшихъ на немъ и особенно тяжелыхъ въ первые годы повинностей, былъ недостаточенъ, какъ сказано уже, для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Съ ростомъ населенія эта необходимость отчужденія рабочей силы въ той или иной формѣ на сторону становилась все ощутительнѣе. Въ какой бы роли крестьянинъ ни появился на рынкѣ,—въ роли ли продавца или покупателя, земледѣльца или промышленника, батрака или арендатора,—другая сторона всегда имѣетъ возможность отнестись къ нему, какъ къ рабочему, какъ къ объекту, предназначенному для эксплуатаціи. Для характеристики того, какъ подъ давленіемъ малоземелья складываются мѣновыя отношенія крестьянина, достаточно будетъ привести два-три факта.

Въ запискѣ г. Ковалевскаго, внесенной въ пермскій губернскій комитетъ, мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія данныя для характеристики вліянія размѣровъ землепользованія на положеніе крестьянина въ качествѣ продавца или покупателя.

Хозяйства засѣвающія:	Цѣна, по которой въ годъ изслѣдованія рожь (за пудъ) продавалась.	покупалась.
До 5 десятинъ	68 коп.	72 коп.
Отъ 5 до 15 дес.	74 »	71 »
Свыше 15 десятинъ	79 »	66 »

Эти цифры извлечены изъ бюджетныхъ данныхъ по Красноуфимскому уѣзду, но лица, знакомыя съ бюджетной статистикой, увидятъ, что въ нихъ нѣтъ ничего исключительнаго *). То же мы встрѣтимъ и въ другихъ мѣстахъ: чѣмъ малоземельнѣе крестьянское хозяйство, тѣмъ ниже цѣны, по которымъ оно продаетъ продукты, и тѣмъ выше цѣны, по которымъ оно покупаетъ. Таково опредѣляемое малоземельемъ положеніе на рынкѣ крестьянина, какъ производителя и потребителя.

Посмотримъ, каково положеніе его въ промыслахъ. Возьмемъ губернію, поставленную съ этой стороны въ наиболѣе благопріятныя условія—Московскую. „Населеніе," пишетъ въ неоднократно уже цитированной нами запискѣ московская губернская земская управа,—идетъ на стороннія заработки потому, что его гонитъ на нихъ нужда, невозможность приложить свои силы къ землѣ по малому размѣру надѣла, идетъ поэтому не въ томъ количествѣ, которое требуетъ развитіе промышленности, не соразмѣрно, вообще, спросу на трудъ, а, наоборотъ, предлагаетъ его въ томъ размѣрѣ, который опредѣляется малоземельемъ. Оплата труда при такихъ условіяхъ настолько мала, что не превышаетъ необходимаго на прокормленіе"... Между тѣмъ, „искать промысловые заработки приходится обыкновенно внѣ своей деревни, что вызываетъ необходимость найтись, оріентироваться въ новыхъ условіяхъ, понять, чего требуетъ жизнь на сторонѣ, а это заставляетъ направляться туда тѣхъ, кто бойчѣе, предпріимчивѣе, способнѣе, вообще, лучше вооруженъ для борьбы съ болѣе сложными условіями городской жизни. На долю же деревни остаются или менѣе предпріимчивыя, или болѣе хилыя, малыя и старыя силы"... И это не все: „туда же, въ деревню, выталкиваются и тѣ, которые уже отработали на сторонѣ, истратили тамъ свою рабочую силу, а на долю деревни приносятъ лишь необходимость содержать ихъ". Такимъ образомъ, отдавая на сторону, за ничтожную плату, свои лучшія силы, крестьянское хозяйство должно еще служить богадѣльней для другихъ, болѣе сильныхъ предпріятій.

*) Считаемъ необходимымъ сдѣлать лишь одно поясненіе. Покупныя цѣны во всѣхъ группахъ крестьянскихъ хозяйствъ бываютъ обыкновенно выше продажныхъ. Въ приведенныхъ данныхъ въ двухъ группахъ первыя ниже вторыхъ. Это объясняется, вѣроятнѣе всего, особенностями года, когда была произведена регистрація. Вѣроятно, по той или иной причинѣ, среднія цѣны весной, когда преимущественно покупаютъ крестьяне, въ данномъ году были значительно ниже цѣнъ осенью, когда они продаютъ хлѣбъ.

Еще болѣе острыми послѣдствіями крестьянское малоземелье должно было сказаться, и дѣйствительно сказалось, въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Хотя и освобожденный, но недостаточно надѣленный землею крестьянинъ, конечно, сразу почувствовалъ „надобность въ помѣщикѣ". Къ нему онъ прежде всего обратился и до сихъ поръ чаще всего обращается съ предложеніемъ своего „свободнаго труда". Формы сдѣлокъ между ними очень разнообразны: батрачество и поденщина, издѣльный наемъ и испольщина, отработки и денежная аренда. Но въ какую бы изъ этихъ формъ ни отлились взаимныя отношенія крестьянина и „господина или помѣщика", первый неизмѣнно остается тѣмъ „постояннымъ работникомъ", о которомъ такъ усердно хлопотали представители интересовъ послѣдняго при освобожденіи. Возьмемъ наиболѣе дальнюю отъ батрачества форму этихъ отношеній—денежную аренду, т. е. тотъ случай, когда крестьянинъ является, казалось бы, совершенно независимымъ предпринимателемъ. Самый бѣглый просмотръ матеріаловъ, собранныхъ по этому вопросу комитетами, легко убѣдитъ всякаго, какъ ненормальны сложившіяся въ этой сферѣ отношенія.

«Есть основаніе думать,—читаемъ мы въ одной изъ записокъ бюро елецкаго комитета, — что изъ 69 милліоновъ сельскаго населенія Европейской Россіи (50 губерній) въ арендахъ заинтересовано до 30 милліоновъ (42½%), снимающихъ до 50 милліоновъ десятинъ, что составляетъ около 30% надѣльной площади, и выплачивающихъ ежегодно арендныхъ денегъ до 315 милліоновъ руб., въ среднемъ на дворъ около 25 руб... Важно не только то, что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ помѣщичью землю, но главнымъ образомъ то, что этотъ арендующій дворъ не можетъ обойтись безъ пользованія чужою землею. Послѣдняя ему настолько необходима, что лишись онъ аренды, хозяйство станетъ невозможнымъ, потому что изъ состава его выпадутъ необходимые элементы... Иногда крестьяне вынуждены бываютъ арендовать тѣ или другія угодья просто для избѣжанія потравы ихъ скотомъ, уплачивать штрафы за которыя сосѣднему владѣльцу для нихъ является не подъ силу. Такимъ образомъ, наши крестьяне арендуютъ владѣльческія земли не только тогда, когда онѣ нужны имъ, но и тогда, когда онѣ имъ не нужны... При такомъ значеніи арендуемой земли съемщикъ готовъ платить за нее очень высокую цѣну, лишь бы въ его распоряженіи оставалось нѣкоторое количество необходимыхъ продуктовъ. Разумѣется, такой арендаторъ не помышляетъ о полученіи обычнаго процента на затраченный капиталъ, потому что онъ никакого капитала не затрачиваетъ, а является съемщикомъ — работникомъ, прилагающимъ только свою рабочую силу; но онъ даже не заботится и о полученіи въ вознагражденіе за свой трудъ средней заработной платы. Ему безусловно необходимо добыть извѣстное добавочное количество пищи для себя и для своей семьи, или извѣстный запасъ корма для скота, и онъ волей-неволей вынужденъ затрачивать максимумъ труда для достиженія хотя бы минимальныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ арендная плата обыкновенно достигаетъ чрезвычайной высоты, оставляя съемщику лишь крайне скудное вознагражденіе за его труды»...

Эта яркая, можно сказать—блестящая, характеристика арендныхъ отношеній представляется тѣмъ интереснѣе, что она исходитъ отъ дѣятелей, которые, какъ мы видѣли,—рѣшительную мо-

билизацію земли въ сторону крестьянства признали безусловно несвоевременною. Само собою понятно, что изъ данной ими характеристики арендныхъ условій вытекаютъ совершенно иные выводы. „Нельзя серьезно говорить,“ читаемъ мы въ трудахъ того же бюро, „о подъемѣ у насъ крестьянскаго хозяйства, о подъемѣ продуктивности земли, о переходѣ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, не ставя вмѣстѣ съ тѣмъ вопроса объ арендѣ. До тѣхъ поръ, пока крестьяне вынуждены будутъ прибѣгать къ найму чужихъ земель, а условія аренды останутся тѣ же, что и теперь, улучшеніе земледѣльческой культуры въ нашей странѣ будетъ встрѣчать неодолимыя препятствія“. Это рѣзкое противорѣчіе двухъ одинаково рѣшительныхъ выводовъ представляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ того конфликта между смутнымъ классовымъ инстинктомъ и критической мыслью, какой замѣтенъ въ трудахъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ.

Пагубныя послѣдствія, какими сказалось крестьянское малоземелье въ сферѣ арендныхъ отношеній, до того ярки и очевидны, что при встрѣчѣ съ ними должны были умолкать всѣ классовыя соображенія. По крайней мѣрѣ, та вполнѣ опредѣленная характеристика арендныхъ отношеній, какую мы встрѣчаемъ въ трудахъ комитетовъ, повидимому, вовсе не встрѣчала возраженій. „Ненормальное повышеніе цѣнъ на землю“—эта наиболѣе характерная черта ихъ—засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ показаній, при чемъ почти всѣ лица, касавшіяся этого вопроса, ставили этотъ фактъ въ непосредственную связь съ малоземельемъ. „Вслѣдствіе прироста населенія и недостаточности земли, полученной при первоначальномъ надѣлѣ“, читаемъ мы въ запискѣ Н. Т. Волкова, внесенной въ суджанскій комитетъ, „спросъ на земли со стороны крестьянъ и цѣны на земли ежегодно ростутъ, въ особенности цѣны“... „Съ малоземельемъ“, пишетъ членъ тамбовскаго комитета М. М. Устиновъ, „еще можно было бы бороться при нормальныхъ арендныхъ цѣнахъ на землю, но, съ одной стороны, высокая аренда земли, а съ другой—рядъ тяжелыхъ условій создали для крестьянъ безвыходное положеніе... Рядъ урожайныхъ лѣтъ поднялъ арендныя цѣны до такой высоты, что при даровомъ крестьянскомъ трудѣ и при хорошемъ урожаѣ въ пользу крестьянина оставались только солома и мякина“... Крестьянинъ, владѣющій лишь клочкомъ земли, по свидѣтельству балашовскаго комитета, „готовъ дать какую угодно цѣну, лишь бы, за покрытіемъ расходовъ на мертвый и живой инвентарь, получился остатокъ, оплачивающій хотя сколько нибудь его личный трудъ. Въ результатѣ мы видимъ страшный подъемъ цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе: арендная плата... уже подходитъ къ уровню голодныхъ арендныхъ цѣнъ“. „Арендныя цѣны“, говоритъ въ своей запискѣ членъ опочецкаго комитета М. И. Марголинъ, „обнаруживаютъ значительную наклонность

къ повышенію... Нужда въ землѣ съ ростомъ населенія будетъ все увеличиваться, и принужденные арендовать крестьяне заплатятъ и повышенную аренду, такъ что излишекъ доходности отъ улучшенія сельскаго хозяйства уйдетъ, можетъ быть, весь на повышеніе аренды“...

Я думаю, что этихъ выписокъ довольно: положеніе крестьянина, какъ арендатора, намѣчается въ нихъ достаточно опредѣленными чертами. Въ качествѣ такового онъ сорокъ лѣтъ работалъ на помѣщика, работаетъ на него сейчасъ, и если не измѣнятся земельныя условія, долженъ работать и въ будущемъ...

Подведемъ теперь итогъ нашему бѣглому обзору и поставимъ его на очную ставку съ надеждою въ культурѣ и техникѣ найти рѣшеніе вопросу о малоземельѣ.

Мы видѣли, что въ происхожденіи малоземелья непросвѣщенность и нерадивость крестьянина не при чемъ; оно было навязано ему извнѣ, на порогѣ его самостоятельной жизни. Придавленный малоземельемъ, онъ работалъ сорокъ лѣтъ и до сихъ поръ не выбрался на дорогу дѣйствительно свободнаго труда. Онъ былъ и остался порабощеннымъ рабочимъ. Въ качествѣ такового онъ долженъ довольствоваться только заработной платой, отдавая весь прибавочный продуктъ другимъ классамъ. Онъ не имѣлъ и не имѣетъ прежде всего матеріальной возможности, чтобы усовершенствовать свое хозяйство. Гдѣ же гарантія, что такая возможность представится ему въ будущемъ? Сорокалѣтній опытъ что-нибудь вѣдь значитъ.

Помимо указаній исторіи, которыя въ этомъ отношеніи слишкомъ поучительны, чтобы ихъ можно было игнорировать, имѣется еще цѣлый рядъ соображеній, которыя заставляютъ думать, что путь культурнаго преуспѣянія, безъ реорганизаціи всего строя земельныхъ отношеній, для нашей страны является недоступнымъ.

Бюро елецкаго комитета въ цитированной уже нами запискѣ о малоземельѣ высказываетъ, между прочимъ, увѣренность, что „высокая культура возможна и на 1/6 десятины“. Въ мірѣ отвлеченныхъ разсужденій эта увѣренность представляется почти безспорной. Можетъ ли, однако, это высоко-культурное хозяйство, которое носилось передъ взоромъ многихъ мѣстныхъ дѣятелей, существовать въ реальной обстановкѣ и не гдѣ нибудь въ Бельгіи, не въ изолированномъ видѣ, а въ томъ же Елецкомъ уѣздѣ, бокъ-о-бокъ съ латифундіей, владѣющей тысячами десятинъ? Высоко-культурныя хозяйства Западной Европы безъ внѣшней поддержки не могутъ выдержать давленія экстензивнаго земледѣлія, ведущагося за океанами. Не будетъ ли это давленіе во много разъ сильнѣе, если хозяйства, слишкомъ рѣзко разнящіяся между собою по степени интенсификаціи, мы поставимъ рядомъ? Не окажется ли при этомъ рукоять пресса, имену-

емаго цѣною, въ рукахъ крупнаго предпринимателя и не придавитъ ли онъ имъ обязанную конкуррировалась съ ними букашку? Крестьяне деревни Николаевки, имѣющіе по $^1/_3$ части дес. на душу, въ своемъ приговорѣ, представленномъ въ суджанскій комитетъ, пишутъ, что они кормятъ свой скотъ круглый годъ дома; отчего же этимъ крестьянамъ, перешедшимъ къ стойловому содержанію скота, „трудно питаться“? Не потому ли, между прочимъ, что всѣ другіе вокругъ нихъ имѣютъ возможность пасти свой скотъ на пастбищахъ? Можетъ ли огородная культура злаковъ быть выгодной, когда рядомъ ведется переложное хозяйство? При данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ, казалось бы, долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяйствъ на данной территоріи. И не странно ли при всеусиливающемся господствѣ мѣновыхъ отношеній ожидать, что одна группа хозяйствъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей?

Вопросъ этотъ значительно сложнѣе и важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Рядомъ должны будутъ существовать хозяйства, различныя не только по культурному уровню, но и по своему типу. Направленіе, въ которомъ можетъ развиваться крестьянское хозяйство, далеко не совпадаетъ съ тенденціями, какія можетъ проявлять хозяйство частновладѣльческое. Для послѣдняго безразлично: завести ли плугъ или молотилку, повысить ли урожайность или понизить заработную плату. Частный предприниматель заинтересованъ въ размѣрахъ лишь разницы между валовымъ доходомъ и издержками производства. Абсолютные размѣры перваго для него не имѣютъ значенія; сколько людей кормятся отъ земли и какъ кормятся—для него безразлично. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ хозяйство, ведущееся за счетъ самихъ трудящихся. Его существованіе неразрывно связано съ людьми, которые въ немъ работаютъ и которые отъ него кормятся. Сокращеніе затратъ на рабочую силу, какимъ бы путемъ это ни достигалась, — путемъ ли сокращенія занятыхъ въ хозяйствѣ рабочихъ, или путемъ пониженія ихъ жизненнаго уровня,—для него не только не имѣетъ смысла, но и идетъ въ разрѣзъ съ основными его задачами. Развиваться оно можетъ только въ одномъ направленіи,—увеличивая общую массу производимыхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи его интересы никогда не могутъ придти въ противорѣчіе съ интересами всего общества. Это крупное съ общественной точки зрѣнія преимущество крестьянскаго хозяйства является, однако, слабымъ пунктомъ въ его борьбѣ съ хозяйствомъ капиталистическимъ.

Возможность для послѣдняго развивать свою энергію въ разныхъ направленіяхъ и, въ частности, пользоваться всѣми тех-

ническими и общественными условіями, чтобы сокращать свои затраты на рабочую силу, даетъ ему крупное преимущество надъ хозяйствомъ крестьянскимъ. Этого преимущества было бы вполнѣ достаточно, чтобы стереть послѣднее съ лица земли, если бы у него не было въ распоряженіи не менѣе сильнаго средства въ борьбѣ за существованіе. Выступая на рынкѣ, крестьянинъ можетъ понизить свой доходъ, какъ мы видѣли,—до уровня заработной платы, т. е. отказаться отъ предпринимательской прибыли и отъ причитающейся на его долю земельной ренты. Фактически въ дѣлѣ конкурренціи онъ идетъ еще дальше, и нерѣдко поступается значительной долей даже заработной платы, покрывая недочетъ въ ней ликвидаціей хозяйственаго имущества или сокращеніемъ личнаго потребленія. Вздувая цѣны на землю и сбивая цѣны на продукты, онъ дѣлаетъ капиталистическое хозяйство на арендованной землѣ невозможнымъ, на собственной землѣ — безцѣльнымъ. Въ первомъ случаѣ предприниматель не можетъ оплатить ненормально высокой ренты, во второмъ—сдачу земли въ аренду земледѣлецъ предпочтетъ собственной ея эксплуатаціи. Взаимная конкурренція дѣйствуетъ, такимъ образомъ, угнетающе на тотъ и другой типъ хозяйства. Если кто и выигрываетъ при такомъ положеніи вещей, то развѣ только крупный земельный собственникъ, имѣющій возможность поднять ренту „до уровня голодныхъ цѣнъ“. Что касается сельскохозяйственнаго производства, то совершенствоваться сколько-нибудь быстро и регулярно оно не можетъ: у трудящагося крестьянства для этого нѣтъ рессурсовъ, а капиталистамъ надъ этимъ не изъ-за чего работать.

Въ средѣ благомыслящаго общества у насъ широко распространено мнѣніе, что въ совмѣстномъ существованіи частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйствъ лежитъ залогъ сельскохозяйственнаго прогресса. Изъ сказаннаго видно, что это утопія. Считая возможнымъ сохранить тотъ и другой типы хозяйства, дѣятели освободительной эпохи завязали узелъ, который нельзя развязать половинчатымъ рѣшеніемъ вставшихъ теперь передъ нами вопросовъ. Этотъ узелъ можетъ разрубить только „рѣшительная мобилизація“ земли въ ту или иную сторону,—въ сторону предпринимателей или трудящихся. Рано или поздно, въ той или иной формѣ, при нашемъ участіи или помимо насъ — она должна осуществиться.

Но отъ насъ зависитъ въ настоящій критическій моментъ занять опредѣленную позицію и употребить всѣ усилія, чтобы этотъ неизбѣжный процессъ происходилъ въ желательномъ для насъ направленіи, и чтобы теченіе его было достаточно быстро и возможно безболѣзненно. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы одинъ изъ самыхъ острыхъ и тяжелыхъ вопросовъ настоящаго времени—вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ—получилъ сколь

ко-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе, мобилизація земли въ той или иной формѣ необходима.

Это понимаютъ и тѣ, кто даже не желаетъ, чтобы она была „рѣшительною“.

А. Пѣшехоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

---

* * *

Вотъ и старость сѣдая пришла
И въ права свои властно вступила...
Пережилъ я не мало и горя, и зла,—
Только юность полоскою свѣтлой была,—
Покидаетъ меня моя сила!

Все же старость моя не мрачна,
Все же сердце мое не увяло;
Вѣры въ немъ не убила родная страна,
Хоть и много надеждъ обманула она,—
Въ немъ горитъ еще свѣтъ идеала.

Развѣ можно, друзья, унывать,
Если, стоя у двери могилы,
Видишь—зорька горитъ... Видишь—юная рать
Намъ на смѣну идетъ—честно жить и страдать,
Видишь воинство, полное силы!

Бодрой свѣжестью вѣетъ въ странѣ,
Всюду новая жизнь пробудилась!..
Солнца лучъ заигралъ въ этой новой волнѣ...
Какъ цвѣтовъ на прибрежномъ лугу по веснѣ,
Много въ сердцѣ надеждъ зародилось!

Пусть и старость сѣдая пришла,
Но весной вѣетъ юной въ отчизнѣ,—
Все рѣдѣетъ ее удушавшая мгла,
Все слабѣетъ господство насилья и зла
Предъ грядущею правдою жизни!

С. Синегубъ.

КАЛАЧОВЫ.

(Повѣсть).

V.

Іюльскій день приходилъ къ концу; жаръ свалилъ, но воздухъ все еще былъ накаленъ дневнымъ зноемъ и пылью. По мостовой вялыя, понурыя лошади съ грохотомъ тащили пустыя колымажки изъ - подъ песку, и облако мельчайшей бѣловатой пыли поднималось за ними.

Все, казалось, было пропитано этой пылью: воздухъ, дома, люди.

Дуня медленно возвращалась изъ мастерской, стараясь держаться тѣнистой стороны улицы. Все это время она жила какой-то двойственной, лихорадочной жизнью: она ходила въ магазинъ, исполняла различныя порученія, шила, возвращалась домой, но все это она дѣлала машинально, словно въ полуснѣ; въ душѣ-же ея былъ особенный міръ, тщательно скрываемый ото всѣхъ: Дуня любила, и все существо ея, нравственное и физическое, растворялось подъ вліяніемъ живыхъ, яркихъ впечатлѣній. Всѣ прежнія впечатлѣнія, выносимыя ею изъ мастерской, дома, съ улицы, отошли куда-то далеко. Ей казались жалкими всѣ окружающіе, погруженные по горло въ мутныя волны жизни: они ссорятся, враждуютъ, заботятся, страдаютъ... Это развѣ жизнь?—И она ревниво и тщательно берегала отъ посторонняго взгляда свое сокровище... Озаренная своимъ счастьемъ, она невольно стала добрѣе къ домашнимъ, въ особенности, къ матери, чему та радовалась, думая, что „дѣвчонка образумилась“...

Къ одному лишь не могла равнодушно относиться Дуня,—къ посѣщеніямъ Семена. Она тщательно избѣгала парня,—и они почти не говорили между собою,—но его взглядъ, упорно устремленный на нее и слѣдившій, казалось ей, за каждымъ ея шагомъ, каждымъ движеніемъ, возмущалъ ее, и лицо Семена, и его фигура съ каждымъ днемъ становились нена-

вистнѣе ей. Она никогда не ходила мимо его лавочки и всегда пугливо ускоряла шаги; ей каждый разъ казалось, что его зоркій, молящій взглядъ настойчиво провожаетъ ее; еще минута,—и Семенъ выйдетъ изъ лавки и догонитъ ее.

— Дуняша!.. Что-жъ яблочка-то не купишь?—раздался надъ самымъ ухомъ Дуни слащаво-сиповатый голосъ, разомъ пробудившій ее отъ раздумья.

Передъ ней стояла толстая, низенькая пожилая женщина, съ краснымъ пухлымъ лицомъ, багровымъ мясистымъ носомъ и маленькими, заплывшими жиромъ, глазами; изъ-подъ темнаго ситцеваго платка выбивались пряди сѣдыхъ волосъ. На ней была красная ситцевая кофта и короткая юбка, поверхъ которой былъ пестрый фартукъ съ яркой каймой.

— Купи яблочка-то?..

— Да денегъ, бабушка, нѣту...—возразила, остановившись, Дуня.

Старуха покачала головой.

— Денегъ нѣту?.. Какъ такъ?.. Дѣвка молодая, а безъ денегъ сидишь... Не годится такъ-то... Ну, я въ долгъ повѣрю, опосля какъ-нибудь отдашь... На-ка, спѣлое, румяное,—какъ нарочно, для тебя припасла...

Дуня машинально, какъ почти все дѣлала въ послѣднее время, взяла яблоко и сунула его въ карманъ.

— Ну, что, все у портнихи работаешь?.. И много, небось, работать-то приходится?.. Такъ, такъ...

Старуха пожевала губами, не спуская съ лица Дуни хитрыхъ, моргавшихъ глазъ.

— Ну, прощай, бабушка...

— Да постой, куда спѣшишь-то? Дома-то, чай, не больно много радости... знаю вѣдь я... Охъ, дѣвушка милая, и охота тебѣ канитель-то тянуть?.. Э-эхъ-ма!...

— Что-жъ дѣлать-то, бабушка?..—возразила удивленная Дуня.—Мать въ горничныя не пускаетъ: учись, говоритъ, послѣ сама спасибо скажешь...

Старуха, моргая припухлыми, лишенными рѣсницъ, вѣками, молча глядѣла на нее.

— Знаешь что, Дунюшка,—начала она, понизивъ голосъ.—Хочешь слушать добрый совѣтъ?.. Шестой вѣдь десятокъ начинаю; много испытать довелось, могу, слава Богу, другихъ уму-разуму поучить... Не слѣдъ тебѣ въ горничныя идти, правду сказала мать... Да и портнихой быть не стоитъ... Хочешь, я пристрою тебя?.. А?.. Мѣстечко есть у меня на примѣтѣ такое, что тебѣ и во снѣ не снилось... Вѣкъ благодарить станешь...

— Куда-же, въ няни, что-ли?..—съ недоумѣвающимъ видомъ спросила Дуня.

— Эва... что сказала: въ няни!.. Эка невидаль съ сопливыми ребятами руки отматывать... Нѣту, дѣвушка, не въ няни...

— А куда-же?

Старуха помолчала, пожевала губами и потомъ, приблизившись къ Дунѣ, съ таинственнымъ видомъ сказала:

— Ты разсуди: съ твоимъ лицомъ да сложеніемъ пристало-ли въ работѣ молодость убивать? Молодость-то однова въ жизни бываетъ... Пройдетъ—и не поймаешь; станешь потомъ локоть кусать... Пусть лучше другіе на тебя работаютъ...

Дуня съ захватывающимъ любопытствомъ слушала старуху. Въ душѣ блеснула надежда разомъ измѣнить жизнь.

А старуха, не сводя съ ея лица пытливыхъ глазъ, неторопливо продолжала:

— Экономка въ одно мѣсто нужна... Баринъ — одинокій, немолодой ужъ... Ну, такъ ему и нужна женщина аль дѣвушка въ домъ... за хозяйствомъ присмотрѣть... Жалованье хорошее и подарки... Квартира у него—палаты...

Дуня съ блестящими глазами и съ прерывающимся дыханіемъ слушала старуху. Надежда боролась въ ея душѣ съ недовѣріемъ.

— Угодишь, понравишься,—барыней будешь... Господинъ хорошій, добрый, одними подарками задаритъ...

— А дѣловъ-то много?...—робко спросила Дуня.

— Какъ сказать?.. Какъ дѣламъ не быть; да вѣдь и то надобно понимать: дѣло дѣлу рознь... Я-жъ говорю: за хозяйствомъ присмотрѣть, за порядкомъ... ну, тамъ бѣлье отъ прачки принять, чай разлить, закуску сготовить для гостей... Коли привыкнешь—все пустяки... А главное,—старайся самому угодить; ласковѣе будь съ нимъ, обходительнѣе... А ужъ онъ не обидитъ, хорошій баринъ, щедрый...

— А женатъ онъ?—быстро спросила Дуня.

— Одинокій онъ, никого у него нѣтъ.. Можетъ, и женатъ, да съ женой врозь живетъ... много вѣдь есть такихъ-то... Ну, согласна, что-ли?

— Нѣтъ, бабушка, не пойду я, страшно...

— Вона!..—развела руками старуха.—Да чего страшно-то? Ну, и дура будешь, коли счастье свое упустишь... Жди, когда другой случай подвернется... Да ты подумай, не спѣша... Только помни: ни кому ни слова, ни Боже мой!..

Въ какомъ-то туманѣ шла Дуня отъ торговки. Ни разу еще она не испытывала такого непріятнаго чувства; это было брезгливое отвращеніе въ соединеніи съ чѣмъ-то страннымъ, необъяснимымъ; словно какая-то тонкая, необыкновенно липкая паутина покрыла ее всю, и она не въ состояніи была освободиться отъ нея...

— Немолодой, добрый баринъ... не обидитъ... барыней будешь...—раздавался въ ея ушахъ слащавый голосъ, и моргавшіе, хитрые, съ безволосами вѣками глаза смотрѣли ей въ душу...

Дуня, не смотря на свои семнадцать лѣтъ, имѣла кой-какія понятія о различныхъ житейскихъ компромиссахъ; еще дѣвочкой ей приходилось слышать сплетни сосѣдокъ, приходившихъ къ ея матери и не считавшихъ нужнымъ сколько-нибудь стѣсняться дѣвочки; потомъ время, проведенное у m-lle Adel, и, позднѣе, разговоры мастерицъ въ достаточной степени познакомили ее съ грязью жизни. И всетаки предложеніе старухи вызвало у нея брезгливый ужасъ. Совѣтъ старухи такъ не вязался съ тѣми волшебными грезами, которыми она жила все это время...

Какъ она могла спокойно слушать эту женщину, она, для которой ничего на свѣтѣ не существуетъ, кромѣ *него*... Яша, милый!.. Можетъ-ли онъ представить, какіе совѣты приходится ей слушать...

Волнуемая своими мыслями, Дуня незамѣтно дошла до дома. У оконъ она невольно остановилась, пораженная гнѣвнымъ голосомъ отца, вырывавшимся изъ комнаты. Сердце ея сжалось отъ страха.

— Опять бранится... вѣрно, съ матерью...

Вдругъ ужасная мысль пришла ей въ голову, и ноги ея подкосились. Не узналъ-ли отецъ объ ея свиданіяхъ съ Яковомъ?..

И она, вся похолодѣвъ, прислонилась къ косяку калитки, не имѣя силы войти во дворъ. Но въ эту минуту вблизи раздались быстрые шаги, и на улицу опрометью выбѣжалъ Гриша; его лицо было искажено страхомъ, волосы растрепаны. Онъ бросился бѣжать вдоль улицы и, минуту спустя, скрылся въ переулкѣ.

Въ то-же время изъ калитки быстро вышелъ Степанъ, блѣдный, съ безпорядочно-всклокоченными волосами.

— Убѣжалъ, подлецъ!.. Ну, погоди, придешь ужо...

— Да оставь его... Будетъ... и то досталось мальчишкѣ,—сказала плачущимъ голосомъ вышедшая на крыльцо Дарья.

Дуня, вся дрожа отъ страха, торопливо прошла въ квартиру и, пройдя къ себѣ въ комнату, сѣла у окна.

За ней вошла и мать.

— Господи, Господи!.. Что-нибудь да стрясется!.. Покою не знаешь...—простонала она.

— Да что случилось-то?—упавшимъ голосомъ спросила Дуня.

— Сотку отецъ нашелъ у него, ну, и принялся бить... а онъ вырвался... Да ровно безумный какой: лицо бѣлѣе по-

лотна, глаза отчаянные какіе-то... Не трожь, говоритъ, меня... О, Господи!.. еще, того гляди, надъ собой что сдѣлаетъ...

И Дарья зарыдала.

Рыданья матери болѣзненно надрывали натянутые нервы Дуни.

— Ну и пусть... меньше хлопотъ будетъ...—жестко вырвалось у нея.

Дарья перестала плакать и, какъ безумная, глядѣла на Дуню.

— Что ты сказала?.. Опомнись!.. какъ языкъ-то повернулся у тебя слова такія молвить!.. Безжалостная!.. Братъ вѣдь онъ тебѣ родной!..

Вошелъ Степанъ.

Тяжело дыша, упалъ онъ на скамью и уронилъ голову на руки. Мать и дочь со страхомъ смотрѣли на него и съ замираніемъ сердца ждали, что будетъ дальше. Ни та, ни другая ни за что на свѣтѣ не рѣшились-бы заговорить съ нимъ въ эту минуту. Мертвая тишина въ комнатѣ нарушалась лишь шумнымъ полетомъ мухъ да тяжелымъ, прерывистымъ дыханіемъ Степана.

Холодный ужасъ охватилъ Степана. Ему казалось, что приближается то страшное, что давно зорко подстерегало его... Ему казалось, что колеблется, грозя грохнуть, то, что для него было дороже всего въ мірѣ, на чемъ была основана вся надежда, счастье его жизни... Онъ былъ растерянъ, оглушенъ; открытіе застигло его врасплохъ, и онъ безъ борьбы подчинился охватившему его отчаянію...

Все ниже и ниже склонялась сѣдая, всклокоченная голова...

Дверь скрипнула, и въ ней показалось красное испитое лицо Осипа.

— Здорово, родные!..

Степанъ поднялъ на отца мутные глаза.

Дуня, накинувъ шаль, торопливо вышла изъ комнаты.

Старикъ поставилъ въ уголъ палку, сунулъ на лавку мѣшокъ и, не спѣша, усѣлся возлѣ Степана.

— Ну, какъ живешь, сынокъ?..

— Живу, тяну канитель...—отвѣтилъ Степанъ, съ усиліемъ отвлекаясь отъ черныхъ думъ.—И когда дотяну, Богу вѣдомо...

Старикъ зорко поглядѣлъ на сына.

— Что унываешь?.. Аль дѣла плохи?..—полюбопытствовалъ онъ.

Степанъ затянулся папиросой и съ ожесточеніемъ плюнулъ.

— Опостылѣло мнѣ все. Зло беретъ: гнешь горбъ, а для чего?.. Чтобы съ голоду не околѣть... А въ концѣ что?.. Четыре доски да три аршина земли...

— Дѣти у тебя есть... для нихъ надо...

— Дѣти!..—съ горечью воскликнулъ Степанъ.—Въ сторону они отъ отца смотрятъ... Отецъ собираетъ, а они...

Степанъ молча махнулъ рукой.

— Ну, пошто унывать?.. Давай-ка лучше выпьемъ... всякое горе съ зернышко покажется...

— Что-жъ... сходишь, что ль?

— Давай, давай...

Степанъ порылся въ карманѣ и вынулъ двѣ серебряныхъ монеты. Маленькіе глаза Осипа блеснули на мгновеніе при взглядѣ на деньги.

— Ну, я мигомъ...

Черезъ нѣсколько минутъ отецъ и сынъ сидѣли за столомъ, на которомъ стояла бутылка водки, огурцы и селедка.

Теперь они были одни; Дарья, убравшись съ посудой, ушла къ сосѣдкѣ.

Смеркалось. Изъ окна въ комнату заглядывалъ клочекъ потемнѣвшаго, словно нахмуреннаго, неба; изрѣдка свѣжій вѣтерокъ доносилъ съ улицы обрывки голосовъ и звуки трактирнаго органа.

Старикъ отъ поры до времени пытливо всматривался въ блѣдное, угрюмое лицо Степана, пившаго рюмку за рюмкой и необыкновенно молчаливаго сегодня.

— Степанъ, да что ты сегодня какой?.. Ровно въ воду опущенный...—не выдержалъ, наконецъ, онъ.

Степанъ неохотно разсказалъ отцу происшедшее.

— Та-акъ, — протянулъ старикъ, и маленькіе глазки его блеснули. — Значитъ, яблочко отъ яблони...

Степанъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— А ты все свое!.. — какимъ-то болѣзненнымъ стономъ вырвалось у него.—Нѣтъ, отецъ, погоди еще радоваться, — рано!.. Дурь это въ мальчишкѣ, больше ничего... Посмотри на любого изъ его товарищей: табакъ курятъ, пьютъ, ну и онъ тянется за ними... Выколочу я это изъ него...

— Бей, пожалуй, только будетъ-ли прокъ-то?.. А я думаю, коли что заложено въ человѣкѣ, такъ ничѣмъ изъ него не вытравишь, а особливо у насъ, у Калачовыхъ... Это все равно, какъ въ крови самой посѣяно, съ материнскимъ молокомъ всосано и до самой смерти останется... Это злоба лютая сидитъ въ насъ; ненавидимъ мы все, что сильнѣе насъ, что счастливѣе... Да и не поддаемся никому... Проклятое что-то въ насъ есть, Степанъ... Не можемъ мы жить, какъ всѣ... Все зудъ какой-то, безпокойство насъ мучитъ. Вотъ и Гришка твой такой же... И въ немъ злоба растетъ... и онъ, и Дуня, — всѣ Калачовы, у всѣхъ одна кровь, одна планета...

Степанъ, дотолѣ сидѣвшій съ поникшей головой, вдругъ стукнулъ кулакомъ по столу и въ какомъ-то изступленіи вскричалъ:

— Гришка?!.. Нѣтъ, врешь!.. Гришка выберется на хорошую дорогу... поставлю его на ноги...

Осипъ, тихо посмѣиваясь, глядѣлъ на него.

— Нѣтъ, братъ, пустое... Будь онъ хоть семи пядей во лбу, знай хоть три ремесла, а тѣ-же въ немъ дрожжи, что у насъ съ тобой... Вотъ будетъ подростать, и потянетъ его ко дну... Эхъ, да что тутъ... Налей-ка рюмочку...

Степанъ порывисто схватилъ бутылку, налилъ рюмки и залпомъ опорожнилъ свою.

— Хорошо!—сказалъ онъ, закусывая кусочкомъ хлѣба.— И чудна же она, эта водка!.. Выпьешь двѣ-три рюмки, и только тогда почувствуешь себя человѣкомъ... только тогда и вспомнишь, что и ты, какъ всѣ, по образу и подобію Божію созданъ...

— Какъ же!..—подхватилъ старикъ,—водка—великое дѣло... Въ утѣшеніе она дадена человѣку... Надо молиться за того, кто первый ее выдумалъ. И чтобы мы, бѣдные, обиженные люди, стали безъ нея дѣлать?.. Одно—головой въ петлю...

— А всетаки ты, отецъ, ошибаешься: не пропадетъ мой Гриша... Живъ буду—поставлю его на ноги... Буду учить, колотить, коли задуритъ...

— И я тебя тоже билъ, да много ли проку-то вышло?.. Спину ты гнешь, работаешь, мытаришься, а нѣтъ-нѣтъ, да и упадешь духомъ, и тянешь горькую... И вышелъ изъ тебя нелюдимый, злобный человѣкъ... И хоть ты цѣлые дни книжки разныя читай, а своей доли не минуешь...

Степанъ вскочилъ со своего мѣста.

— А, вонъ ты что говоришь!..—хрипло крикнулъ онъ, и что-то зловѣщее, угрожающее зазвучало въ его голосѣ.— Ты виноватъ въ этомъ... Богу ты дашь отвѣтъ за это... Зачѣмъ ты не пускалъ меня въ школу?.. Помнишь, я на колѣнкахъ просилъ тогда тебя?.. Двухъ зимъ я не проучился— оторвалъ меня отъ ученья... Зачѣмъ не далъ свѣту войти въ мою душу?.. Оттого-то и вышелъ я ни то, ни сё... Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Сорвался-бы, кажется, полетѣлъ, анъ крылья-то подрѣзаны...

— Постой, на что серчать?..—возразилъ спокойно старикъ.— Взялъ тебя изъ школы потому, что хотѣлъ мастерству тебя выучить... Не въ грамотѣ дѣло: и грамотные, и ученые не хуже насъ съ тобой, темныхъ людей, маются... Вездѣ безпокойство, мука жизни... Ремесло ты одолѣлъ, съ этимъ спорить не станешь; мастерская была у тебя... Кто жъ виноватъ въ томъ, что тебя заѣла тоска?.. что ты самъ не

знаешь, куда плывешь?.. Что жъ ты до берега не доплываешь?.. Правъ я, видно, что какая-то ржа заѣла насъ, Калачовыхъ...

Степанъ снова стукнулъ по столу.

— Эхъ, молчи ты... Не тревожь моей души... Видно, ушло мое времячко... Думаю я много, оттого и нѣтъ спокоя моему сердцу... Вспомнишь всю маяту свою, и ровно кто колодкой руки мнѣ отшибъ. Валится работа, и шабашъ!.. Вотъ Гришка, Богъ дастъ, лучшіе дни увидитъ... Для него и живу, и работаю; а то развѣ сталъ бы канитель эту поганую тянуть?..

— Степанъ... слушай ты моего совѣта; не врагъ вѣдь я тебѣ, а отецъ родной... Живи ты просто, какъ живется; не тянись за тѣмъ, что не дается, не подходитъ намъ... Супротивъ судьбы своей не пойдешь...

Темнота вечера все больше обволакивала комнату и двухъ людей, сидѣвшихъ за столомъ... Въ открытое окно минутами врывался вѣтеръ, донося обрывки голосовъ, шумъ деревьевъ и различные отголоски жизни.

И обоимъ мужчинамъ въ глубинѣ души казалось, что тамъ, откуда доносятся эти звуки, кроется что-то загадочное и страшное...

И этимъ страшнымъ, загадочнымъ была для нихъ жизнь; старику она казалась сплошной осенней ночью; Степану виднѣлся просвѣтъ: этимъ просвѣтомъ былъ для него Гриша.

. . . .

А въ это время въ темномъ переулкѣ, скрытый отъ посторонняго взгляда выступомъ воротъ, сидѣлъ мальчикъ.

Почти противъ него виднѣлся длинный одноэтажный домъ; круглый висячій фонарь выдѣлялся надъ входомъ, какъ глазъ сказочнаго чудовища. Изъ открытыхъ, ярко освѣщенныхъ оконъ вырывались хриплые звуки трактирнаго органа; порою слышались пьяные голоса, смѣхъ, возгласы и, безтолково сплетаясь между собою, вылетали на воздухъ, какъ олицетвореніе людской сутолоки, тоски и отчаянія... Вверху на безконечномъ темно-голубомъ пологѣ мерцали сотни звѣздъ разной величины, безстрастно глядѣвшихъ на людскую суету и скорбь. А откуда-то уже ползли черныя, клочковатыя тучи, и что-то угрожающее и неуклонное было въ ихъ медленномъ движеніи...

Гриша, запрокинувъ кудрявую голову, пристально, не отрываясь, глядѣлъ на небо, и все больше незнакомое чувство тоски охватывало его сердце... Онъ не понималъ печали и красоты молчаливаго вечера и въ первый разъ въ жизни ощутилъ, что ему чего-то не хватаетъ, что его сердце смутно рвется къ чему-то далекому, непонятному.

Въ сердцѣ подростающаго юноши царила пустота; онъ ни-

кого не любилъ, никого не жалѣлъ; его душѣ были одинаково чужды и непонятны тревожная, порывистая нѣжность отца, и заботливая, вѣчно хлопочущая мать, и суровая, всегда замкнутая въ себѣ сестра.

Юность смѣнила беззаботное дѣтство съ его играми и веселостью; въ умѣ, одинъ за другимъ, рождались безпокойные вопросы; душа смутно просила пищи; пробуждалась болѣзненная жажда новыхъ, яркихъ впечатлѣній... А мутныя волны ежедневно несущейся жизни давали лишь грубыя, уродливыя ощущенія, и юная, воспріимчивая душа невольно впитывала ихъ въ себя; впитывала тѣмъ легче, что въ жилахъ Гриши текла больная кровь нѣсколькихъ поколѣній алкоголиковъ и, вообще, людей, ненормальныхъ, торопливо прожигавшихъ свою жизнь.

Гриша смотрѣлъ на звѣзды, точно отъ нихъ ожидая исхода охватившей его тоски. Но звѣзды попрежнему мерцали ровнымъ, безстрастнымъ блескомъ, далекія отъ людской скорби и муки. Все темнѣе и печальнѣе становилось въ юной, смутно жаждавшей свѣта, душѣ.

Послѣ столкновенія Степана съ Гришей новый, неуловимый элементъ вошелъ въ отношенія отца къ сыну: какая-то безпокойная, тоскливая нѣжность, къ которой примѣшивалось раскаяніе. Что-то мягкое, грустное появилось въ обращеніи отца къ сыну. Любимое существо нанесло тяжелый ударъ, причинивъ мучительную боль, но гнѣвъ прошелъ, боль смягчилась, и осталось невыразимое, до слезъ терзающее чувство раскаянія за порывъ слѣпого гнѣва.

Однако новая тревога, какъ воръ, уже успѣла прокрасться въ сердце Степана; явилась мысль о новой бѣдѣ, о болѣзни его самого, о смерти... Что будетъ тогда съ Гришей?.. Мать онъ въ грошъ не ставитъ; кто же станетъ держать его въ рукахъ?.. Кто научитъ уму-разуму, обережетъ отъ той темной, грозной пропасти, что̀ зовется жизнью? Свихнется, пропадетъ парень. И вспоминаются зловѣщія слова отца, и суевѣрный ужасъ охватываетъ душу Степана.

Онъ пугливо гналъ мрачную мысль и спѣшилъ успокоить себя различными доводами.

„Вретъ, старый... Ничего заклятаго нѣту въ нашей семьѣ; мало-ли въ какихъ семьяхъ пьяницы да пропащіе люди, что-жъ изъ этого?.. Все, Богъ дастъ, обойдется по хорошему; страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Вотъ стану побольше работать, прикоплю деньжонокъ да выберусь изъ поганой слободы... А тамъ, со временемъ, открою на бойкомъ мѣстѣ лавочку, и заживемъ тогда, какъ слѣдуетъ. И Даша моя переведетъ духъ...“

Подбадриваемый этими мыслями, Степанъ веселѣе принимался за работу и потихоньку затягивалъ пѣсню.

Послѣднее время онъ сталъ значительно меньше пить и всякую лишнюю копѣйку тайкомъ отъ Дарьи пряталъ въ укромное, ему одному извѣстное мѣсто.

„Копить, копить... выбраться изъ жалкой трущобы...“—думалъ онъ, и радостный трепетъ охватывалъ его.

Теперь Степанъ сталъ бояться за свое здоровье. Иногда онъ съ невольнымъ страхомъ прислушивался къ неясной, тупой боли въ груди, дававшей знать себя послѣ усидчивой работы. Изрѣдка что-то невыносимо саднило въ горлѣ и поднимало сухой, отрывистый кашель. Смутный, зловѣщій призракъ болѣзни все больше начиналъ тревожить Степана... Чтобы разсѣять охватившую его тоску, Степанъ посылалъ Гришу за газетой, охотно даваемой ему знакомымъ лавочникомъ, и съ жадностью принимался читать, часто вслухъ, Дарьѣ.

Больше всего Степана интересовала хроника городскихъ происшествій.

— Ишь ты, дѣло какое,—разсуждалъ онъ, прочтя объ отравленіи рыбой цѣлой семьи. — Умереть пустое дѣло выходитъ. Жилъ-жилъ человѣкъ, работалъ, ростилъ дѣтей, а купилъ однажды рыбы—и готовъ... А то, вотъ еще поѣздомъ шестидесятилѣтняго старика задавило... Эхъ, жизнь, жизнь!.. И люта же ты до людей...

Часто послѣ чтенія газеты онъ впадалъ въ тяжелое, мрачное раздумье. Жизнь представлялась ему чѣмъ-то вродѣ огромнаго мельничнаго жернова, безпощадно перетиравшаго человѣка съ его мыслями, желаніями, надеждами на счастье... Въ такія минуты онъ былъ близокъ къ отчаянію: онъ казался самъ себѣ такимъ маленькимъ, жалкимъ, ничтожнымъ, что вотъ-вотъ и его сотретъ въ пылинку это чудище—жизнь... Но однажды попалась ему на глаза замѣтка о дѣятельности общества трезвости, которая привела его въ недоумѣніе.

— Ишь ты,—разсуждалъ онъ,—мужика отъ водки отучить хотятъ... Мужикъ, аль тамъ мастеровой,—и водки не пить!.. Чудно!.. Пустая это затѣя, по моему... Можетъ, и броситъ недѣли на двѣ, на три, а чтобъ совсѣмъ не пить... не можетъ этого быть...

И самые люди, заботящіеся о мужикѣ, казались ему странными. Аль дѣла у этихъ господъ нѣтъ, что они блажатъ отъ скуки?..

Но разъ ему случилось прочесть афишу, наклеенную на фонарномъ столбѣ въ слободкѣ, извѣщавшую объ общедоступномъ народномъ спектаклѣ въ одномъ изъ работныхъ

домовъ, и его любопытство было сильно затронуто. Дешевизна внушила мысль поглядѣть.

Въ ближайшее воскресенье Степанъ отправился съ Дарьей.

Странное, никогда не испытанное впечатлѣніе произвела на него сцена.

На подмосткахъ дѣйствовали люди, которыхъ онъ чуть не ежедневно видѣлъ предъ собой. Но, сталкиваясь съ этими людьми, онъ не обращалъ на нихъ вниманія; они интересовали его лишь на столько, на сколько затрогивали его интересы. И вотъ эти люди на подмосткахъ; они страдаютъ, радуются и, въ большинствѣ случаевъ, выходятъ побѣдителями изъ житейской передряги. Точно отуманенный вернулся Степанъ домой и потомъ долгое время не могъ придти въ себя отъ массы разнородныхъ впечатлѣній. Онъ думалъ о тѣхъ людяхъ, что видѣлъ на сценѣ. Ихъ жизнь похожа на его: такая же тѣсная, безотрадная; они тоже, какъ и онъ, страдаютъ, а въ концѣ все же перевѣсъ на ихъ сторонѣ... Отчего это?!.. Аль у нихъ силы да терпѣнія этого уголъ непочатый?.. Вотъ, не вѣшаютъ головы, а одолѣваютъ жизнь...

Ему стало завидно; онъ сознавалъ, что какая-то роковая разница есть между нимъ и этими людьми...

Могъ ли бы онъ, вотъ такъ-же смѣло, грудь съ грудью, выйти на борьбу?.. Нѣтъ, не могъ бы... Что-то заклятое въ немъ, какія-то путы сковали его по рукамъ и ногамъ... Стряхнулъ бы ихъ, расправилъ бы косточки, да силы нѣтъ... Поднялъ бы смѣло голову, смѣрилъ бы всѣхъ взглядомъ, да робость проклятая мѣшаетъ...

И все ниже опускалась голова Степана, и все мрачнѣе становился взглядъ...

VI.

Тоскливое ненастье смѣнило ясную погоду. Съ утра до вечера моросилъ дождь, мелкими, какъ сиротскія слезы, каплями скатываясь по мутнымъ, зеленоватымъ стекламъ, съ безнадежно-унылой настойчивостью барабанилъ изъ желѣзнаго желоба и грязными лужами расплывался по землѣ...

Изо дня въ день текла слободская жизнь, выливаясь въ однѣ и тѣ же формы; въ одинаковыхъ трудахъ и хлопотахъ проходило обывательское утро, тѣ же увядшія, помятыя жизнью, женщины выходили за провизіей, счастливыя, если имъ удалось выторговать грошъ... Въ той же душной атмосферѣ жили ихъ мужья и братья, помышляя о воскресномъ отдыхѣ, возможности посидѣть лишній часъ въ трактирѣ и позволить себѣ лишнее...

Отъ поры до времени скука обывательскихъ буденъ прерывалась какимъ-нибудь семейнымъ событіемъ, вродѣ родинъ, свадьбы, похоронъ, и вновь неслись мутныя волны жизни, равномѣрно разбиваясь у берега...

Дарья чинила какую-то ветошь. Очки, которыя она надѣвала во время работы, придавали ей старческій, суровый видъ.

Она была дома одна,—Степанъ пошелъ относить заказъ. Тихо въ комнатѣ; тоскливо и скучно жужжатъ мухи, ставовившіяся съ каждымъ днемъ назойливѣе, да съ однообразнымъ стукомъ капаетъ дождевая вода изъ желоба.

По временамъ, откусывая нитку, Дарья взглядываетъ на желтый циферблатъ часовъ, и съ каждой минутой взглядъ ея становится тревожнѣе.

„Однако, долго же ея нѣтъ... Давно пора придти... Зашла, что ли, куда?.. Господи, и за что досталась мнѣ такая мука?.. Чѣмъ я прогнѣвила Бога?.. Того и жди, что натворитъ чего-нибудь дѣвчонка... И какъ съ ней быть?..“

Мимо окна проскользнула чья-то фигура, и Дарья встрепенулась.

— Она!..

Дарья уже соображала, какъ лучше: сейчасъ ли пожурить ее, или повременить... Но Дуня вошла, и мать чуть не ахнула... Только у сильно огорченныхъ людей бываетъ такое блѣдное, растерянное лицо...

И Дарья молча проводила Дуню взглядомъ, когда та проходила за перегородку.

„Что же съ ней случилось?.. Въ мастерской, что ли, что случилось?..“

Она встала и неслышно заглянула въ дверь. Дуня, какъ была, не раздѣваясь, сидѣла на стулѣ, уронивъ голову на руки.

Дарья минуты двѣ глядѣла на нее.

„Нѣтъ, это не въ мастерской... это другое...“

А въ сердцѣ медленно поднималась волна злобнаго отчаянія...

— Хочешь обѣдать-то?..—отрывисто спросила Дарья.

Отвѣта не было.

— Оглохла, что ли?.. Тебя вѣдь спрашиваю... Что голову-то повѣсила?.. Разогорчилъ, что ли, кто?.. Непутевая!.. Вся вѣдь улица про тебя толкуетъ... Нонче забираю въ лавкѣ, а лавочница мнѣ: погуливаетъ, говоритъ, твоя дочка... Смотри, не было бы бѣды: Дятловъ-то женится, толкуютъ, скоро... Каково мнѣ слышать это, а?.. Срамница!.. На роду, видно, мнѣ написано терпѣть отъ тебя!..

Дуня, поднявъ голову, слушала мать; что-то безумное,

отчаянное было въ ея широко раскрытыхъ глазахъ; губы ея что-то безсвязно шептали.

Какъ? и мать уже знаетъ объ этомъ? Значитъ... значитъ, правда то, что сообщила ей сегодня Поля... Такъ вотъ отчего онъ не явился сегодня на свиданіе!.. Но какъ же это случилось?.. Онъ такъ любилъ ее; еще третьяго дня былъ ласковъ и нѣженъ съ нею!..

Что дѣлать?.. Оставаться такъ, въ неизвѣстности?.. Нѣтъ, это немыслимо... Надо немедленно узнать правду... отъ него самого... Да, сейчасъ, немедленно...

Легкое прикосновеніе къ плечу чьей-то руки заставило ее вздрогнуть. Передъ ней стояла мать.

— Дуня, а Дуня... Горе у тебя, я вижу... Что жъ ты матери не скажешь?.. Открой свое сердце... Можетъ, посовѣтую... можетъ, помогу чѣмъ-нибудь... а?..

Дуня съ удивленіемъ взглянула на мать. Какъ-то странно ей было слышать этотъ, полный ласки и участія, голосъ... Обыкновенно, мать не любила выражать ей свою нѣжность.

Какая-то незнакомая струна слабо зазвенѣла въ сердцѣ Дуни. Что-то безотчетно потянуло ее къ родному сердцу... Казалось, еще минута, и она бросится на грудь матери. Но минута прошла, а сердце Дуни не откликнулось на призывъ; слишкомъ глубоко укоренилась въ ней привычка уклоняться отъ всякаго вмѣшательства въ ея внутреннюю жизнь... Слишкомъ много было въ ней гордости.

Она торопливо сбросила платокъ, пелеринку и, накинувъ шаль, молча пошла изъ комнаты.

— Куда ты?.. Ужинать скоро будемъ,—крикнула Дарья.

— Я сейчасъ вернусь, мама...—глухо отвѣтила Дуня и, словно боясь, что мать помѣшаетъ ей, торопливо захлопнула за собой дверь.

Дарья почувствовала непривычную слабость въ ногахъ и грузно опустилась на первый попавшійся стулъ.

Всѣ постороннія впечатлѣнія какъ-то расплылись въ ея мозгу; осталось одно отчетливое сознаніе, что приближается рѣшительная минута, и вотъ-вотъ, грянетъ ударъ.

Томительная тишина царила въ комнатѣ. Гдѣ-то въ дальнемъ углу жужжала запутавшаяся въ тенетахъ муха, и ея тонкій, въ одну непрерывную ноту, звукъ становился все мучительнѣе, все болѣзненнѣе... Вотъ онъ все тише, тише и, наконецъ, смолкъ... Паукъ одолѣлъ...

И только маятникъ съ тупой, безжалостной отчетливостью качался изъ стороны въ сторону...

Дарья, сжавъ голову руками, неподвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ, не замѣчая, что сѣрый сумракъ все гуще и гуще обволакиваетъ предметы...

Дверь отворилась съ легкимъ хрипомъ,—и Дарья вскочила...

Пришелъ Степанъ съ Гришей.

— Ну что, готовъ ужинъ, Дарья?.. Да что это, какъ темно, огонь, что ли, засвѣти...

Дарья засуетилась, но ея дрожащія руки плохо повиновались ей; стекло отъ лампы чуть-чуть не выпало изъ ея пальцевъ, и спички рѣшительно не хотѣли зажигаться.

Степанъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Да что съ тобой, Даша?.. Аль ты выпила?..

Шутка мужа почему-то разозлила Дарью.

— Выпила?.. Еще бы!.. Не хватало, чтобы и я за одно съ тобою пить стала...

Но Степанъ былъ, видимо, въ духѣ.

— Ну, будетъ, что серчать!.. А я деньженокъ принесъ, думалъ—ты поласковѣе будешь...—мягко сказалъ онъ.

Дарья быстро вскинула на него глаза.

Онъ смотрѣлъ на нее съ добродушной лаской, но что-то безконечно усталое, безконечно трогательное было въ выраженіи его лица, и сердце Дарьи дрогнуло отъ жалости.

Онъ показался ей такимъ маленькимъ, безпомощнымъ, слабымъ предъ надвигавшейся на нихъ грозой... Такъ бы вотъ и охватила она эту лохматую голову, прижала бы, какъ мать сына, къ своей груди и плакала бы, плакала безъ конца...

Она суетливо собирала ужинъ, безтолково переходя съ мѣста на мѣсто и не замѣчая, что слезы одна за другою катятся по ея щекамъ...

— А Дуня-то гдѣ-же?—спросилъ Степанъ, берясь за ложку.

— Дуня... она сейчасъ придетъ...—И, не будучи въ состояніи сдержать давно уже подступавшихъ къ горлу слезъ, Дарья закрыла лицо руками. Ложка выпала изъ рукъ Степана: ему стало ясно все Онъ не сталъ больше разспрашивать; лишь по сдвинутымъ бровямъ да по двумъ рѣзкимъ морщинамъ на лбу видно было, что не радостныя мысли проносились въ его лохматой головѣ...

Ужинъ кончился въ зловѣщемъ молчаніи.

Только что Дарья успѣла убрать со стола, какъ вернулась Дуня. Дарья быстро взглянула на нее, потомъ на мрачное, ничего добраго не предвѣщавшее лицо мужа, и дрожь пробѣжала по ея спинѣ.

Степанъ, сидѣвшій понуря голову, медленно поднялся съ мѣста и направился вслѣдъ за Дуней. За нимъ двинулся, движимый любопытствомъ, Гриша и Дарья, инстинктивно

приготовившаяся защищать, въ случаѣ надобности, свое дѣтище...

Дуня стояла у стола, закрывъ лицо руками. Безысходное горе, выражавшееся въ ея позѣ, не ослабило гнѣва Степана.

— Что, пробѣгала ужинъ-то?—заговорилъ онъ негромкимъ, словно задыхавшимся голосомъ.—Гдѣ была?.. Говори!..

Дуня не шевелилась.

— Тебя спрашиваю?.. Молчишь?.. Ахъ ты, негодная тварь!.. Гулять вздумала?.. Мою голову срамить?!..

И онъ бѣшено размахнулся... Раздался подавленный стонъ...

Но ударъ достался не той, кому назначался. Дарья, зорко слѣдившая за мужемъ, кинулась къ дочери — и ударъ пришелся ей прямо въ грудь.

— Ты зачѣмъ?.. Мѣшать?.. Заступаться?..—яростно, съ пѣной у рта крикнулъ Степанъ и мгновенно стихъ при видѣ искаженнаго страданіемъ лица жены.

— Оставь ее, Степа!..—тихо сказала она, увлекая его.

Онъ молча, почти шатаясь, повиновался ей и, выйдя изъ-за перегородки, упалъ на лавку; рядомъ съ нимъ опустилась и Дарья.

Оба молчали, оглушенные обрушившимся на нихъ несчастьемъ...

Дуня лежала, устремивъ воспаленный взглядъ въ одну точку.

Солнечные лучи слабо пробивались сквозь оконную занавѣску. За перегородкой слышалась осторожная возня; повидимому, мать ставила самоваръ. Лихорадочная дрожь пробѣжала по тѣлу Дуни, и она машинально потянула къ себѣ шаль, чтобы укрыться. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась усталость, какъ отъ тяжелой работы. Въ отуманенномъ сознаніи мало-по-малу воскресало все, случившееся наканунѣ; одна за другою вспоминались подробности, дополняя общую картину.

Вотъ она, не помня себя, идетъ на обычное мѣсто ихъ свиданій, возлѣ брошенной кладбищенской сторожки; вотъ, послѣ томительнаго ожиданія, приходитъ онъ, немного выпившій, но ласковый, нѣжный... Она коротко и сурово требуетъ отвѣта... Онъ, путаясь, въ концѣ-концовъ подтверждаетъ слухъ о женитьбѣ, но, видя ея волненіе, пытается лаской утѣшить ее... Она, оттолкнувъ его руки, какъ безумная, бѣжитъ домой...

Да, все это не сонъ... Все это было именно такъ... Но за что же?.. За что?..

И все существо ея, все, что унижено, попрано въ ней безжалостной рукой,—все превращается въ одинъ страстный вопль: за что?.. Развѣ она кому нибудь сдѣлала зло?.. Нѣтъ... Она только жаждала счастья...

Дверь пріотворилась съ легкимъ скрипомъ, и Дарья осторожно заглянула въ комнату.

— Дуня!..

Дуня лежала, закрывши глаза, и молчала. Мать ушла.

Дуня снова предалась думамъ Ея мозгъ усиленно работалъ, пытаясь разобраться въ чудовищно-безобразныхъ впечатлѣніяхъ, волной нахлынувшихъ на него. Одно лишь ясное чувство овладѣло ею: это сознаніе тяжелой обиды, нанесенной ей, — обиды, навсегда испортившей ей жизнь. Что же теперь?.. Какъ быть?.. Неужели жить по-прежнему: вставать по утру, ходить въ мастерскую, потомъ возвращаться домой и выносить эту душную, тѣсную жизнь?.. *Теперь*?.. Нѣтъ, это выше силъ... Надо сдѣлать что-нибудь необычное, чтобы дать выходъ душившимъ чувствамъ. Плакать, рыдать, выражать свое горе, какъ всѣ *они*? — нѣтъ! Что же дѣлать?.. — Умереть...—мелькнула у нея мысль.

И въ воображеніи Дуни живо встала картина смерти... Ея неподвижное тѣло вытащили изъ воды... Слезы матери, растерянность отца, страданіе Семена, удивленіе и недоумѣніе *его*...

Да, да, это главное. Умереть на зло *ему*, на зло всѣмъ...— Но какъ же?.. Вѣдь ее будутъ вскрывать?.. Да, непремѣнно: самоубійцъ иначе не хоронятъ... Она содрогнулась отъ холоднаго ужаса... Нѣтъ, нѣтъ, нуженъ другой исходъ...

Все существо ея, страстно жаждавшее жизни и тянувшееся къ счастью, возмутилось противъ самоубійства...

Снова скрипнула дверь...

— Дунюшка!.. Не спишь?.. Вставай-ка... Вотъ я чайку тебѣ принесла...

И Дарья тихо вошла въ комнату.

Дуня медленно поднялась съ сундука.

Дарья поставила на столъ чашку и ломоть ситнаго хлѣба и съ состраданіемъ глядѣла на дочь.

— Выпей-ка... на душѣ-то легче будетъ... Горькая ты головушка!.. Говорила я тебѣ...

Она заплакала.

Дуня угрюмо взглянула на опухшее, красное, носившее слѣды недавнихъ слезъ, лицо матери, потомъ на ея корявыя, заскорузлыя отъ грубой работы руки, державшія конецъ фартука, — и непреодолимое презрѣніе овладѣло ею... Она молча принялась за чай.

Горячій чай подкрѣпилъ Дуню, и она уже, относительно, спокойнѣе могла разсуждать о своемъ положеніи.

Жить по-прежнему, очевидно, было нельзя: слишкомъ крутой переломъ пришлось ей вынести.

И вотъ, страстная, болѣзненная жажда новыхъ впечатлѣній подала свой голосъ.

„Ты молода, красива и киснешь въ бѣднотѣ..."—внезапно вспомнился Дунѣ гнусливо-слащавый голосъ, и мрачное зарево освѣтило хаосъ ея мыслей.

Злая радость затрепетала въ сердцѣ Дуни.

Вотъ онъ—исходъ... Вотъ то настоящее, что ей слѣдуетъ сдѣлать!.. Да, да, уйти, оставить ихъ всѣхъ, выбраться изъ скверной жизни, въ которой для нея не осталось ни одного свѣтлаго луча... Это будетъ ея местью; въ этомъ она утопитъ и обманъ любимаго человѣка, и кровную обиду... Пожить хорошенько, прожечь свою жизнь... Дуня смутно ощущала таинственную, непонятную для нея силу, дѣлавшую поворотъ въ ея судьбѣ. Бороться, очевидно, было безполезно,—и Дуня слѣпо подчинилась ей.

Жребій былъ брошенъ.

Длинно и скучно тянулся день. Дарья топила печь, стряпала, прибирала комнату.

Дуня не выходила изъ своей комнатки, машинально прислушиваясь къ долетавшимъ до нея отзвукамъ домашней жизни.

Вотъ сердитый голосъ отца, выговаривавшій что-то рипѣ... Вотъ явился какой-то заказчикъ и условливается съ отцомъ о платѣ. Вотъ непріятный, крикливый голосъ женщины, упрекающей отца за неисполненіе заказа...

И всѣ эти отзвуки тусклаго, сѣраго существованія будили въ душѣ Дуни одно лишь холодное отвращеніе.

Скоро ужъ, скоро... избавится она отъ этой постылой жизни...

Обѣдать ее не позвали; но когда отецъ куда-то ушелъ, Дарья принесла Дунѣ обѣдъ, до котораго та едва дотронулась.

— Что-жъ ты ничего не ѣла? Ни щей, ни картошки...—сказала Дарья, унося посуду.

Соболѣзнующій слезливый тонъ матери непріятно раздражалъ Дуню.—„Точно за больной ходитъ",—подумала она про себя.

Дарья вернулась и, сѣвъ на постель рядомъ съ Дуней, минуты двѣ, молча, глядѣла на нее.

— Небось, завтра въ магазинъ пойдешь?—заговорила она.

Очевидно, ей хотѣлось сказать что-то другое, болѣе важное и нужное, и вопросъ ея былъ лишь вступленіемъ.

— Не знаю,—опустивъ глаза, отвѣтила Дуня.

— Дуня... не тужи ты очень-то... Тяжело тебѣ, знаю вѣдь я, да что-жъ дѣлать-то?...

Дуня сдѣлала рѣзкое движеніе.

— Да развѣ я жалуюсь?..—сухо возразила она, вскинувъ на мать блеснувшіе глаза.

— Дочка... вижу вѣдь я, что горько тебѣ...

Дуня сжала губы и отвернулась; потомъ, немного погодя, быстро подняла голову.

— Знаешь что, мама...—заговорила она, и что-то рѣшительное зазвучало въ ея словахъ,—отпусти ты меня...

— Куда?..—съ изумленіемъ спросила Дарья.

— Мѣсто одно есть.

— Какое мѣсто-то?..

Дуня немного замялась.

— За хозяйствомъ смотрѣть, за домомъ.

— Полно тебѣ, Дуня!..—горестно воскликнула Дарья.— Что ты затѣваешь?.. Ну гдѣ-жъ тебѣ за хозяйствомъ смотрѣть?.. Не такъ тутъ что-нибудь... одинъ отводъ глазъ...

— Отпусти, мама!.. — упрямо повторила Дуня,—не житье мнѣ здѣсь... Не теперь, такъ послѣ, все равно уйду...

— Полно, что отецъ-то скажетъ?..

— А ты уговори, онъ тебя послушаетъ...

Долго Дарья говорила съ Дуней, убѣждая ее отказаться отъ своего намѣренія; Дуня слушала ее, не возражала ни слова, но упорное выраженіе ея лица показывало, что доводы матери ни на іоту не поколебали ея рѣшенія.

Однако, привести его въ исполненіе ей на этотъ разъ не удалось: новое, страшное горе посѣтило вскорѣ семью Калачовыхъ.

VII.

Послѣ столкновенія съ отцомъ въ Гришѣ замѣтно начала обнаруживаться перемѣна. Словно какой-то переломъ происходилъ въ его неуравновѣшанной, мятущейся душѣ, и это прежде всего сказалось въ отношеніяхъ его къ отцу. Казалось, какой-то ледокъ понемногу оттаивалъ въ сердцѣ юноши; онъ сталъ мягче, ровнѣе въ обращеніи съ отцомъ.

И если бы чья-нибудь твердая, разумная рука подчинила волю развивавшагося юноши, оградивъ его отъ вреднаго вліянія среды и товарищей, то, безъ сомнѣнія, это имѣло бы рѣшающее значеніе въ судьбѣ Гриши. Но этой руки не было, и мальчикъ развивался по-прежнему, безъ разбора впитывая

въ себя неприглядныя впечатлѣнія окружающей жизни. По-прежнему ненасытная жажда впечатлѣній волновала его душу...

Степанъ все чаще и чаще устремлялъ на сына тревожный, любящій взглядъ. Гриша быстро развивался физически, но, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ мышцъ, лицо его грубѣло, а въ глазахъ появлялись искорки недѣтскаго любопытства... И сердце Степана тоскливо сжималось... Онъ не могъ не видѣть, что Гриша все больше и больше начинаетъ походить на слободскихъ сорви-головъ, щеголяющихъ циничными выраженіями, пьющихъ водку и во всемъ подражающихъ взрослымъ.

Гриша, замѣчая эти пытливые, прямо въ душу глядѣвшіе взгляды, испытывалъ странную неловкость и спѣшилъ уйти... Вообще, дома ему почти всегда чувствовалось какъ-то не по себѣ; улица неизмѣримо больше влекла его. И онъ уходилъ къ товарищамъ, съ которыми ему было гораздо веселѣе.

Какъ-то разъ Гриша съ двумя товарищами, расположившись въ укромномъ мѣстѣ, пили водку, купленную вскладчину.

Ребята опьянѣли; слышались грубыя шутки, смѣхъ. То обстоятельство, что они пили украдкой, придавало больше заманчивости ихъ кутежу.

Блѣдное лицо Гриши становилось все угрюмѣе; глаза мрачно блестѣли; непонятная тоска все сильнѣе охватывала его душу; опьяненіе дѣйствовало на него иначе, чѣмъ на товарищей.

Тѣ замѣтили, наконецъ, его настроеніе.

— Гриша, что ты носъ повѣсилъ?.. Аль взгрустнулось о комъ?..—освѣдомился Костя, высокій юноша съ рябымъ лицомъ и бойкими, плутовскими глазами.

— Пойдемте-ка отсюда, что-то душно, — сказалъ вмѣсто отвѣта Гриша.

— Знаете что, господа!.. Проведемте вечерокъ, какъ слѣдуетъ,—вмѣшался Вася,—широкоплечій, коренастый мальчикъ съ широкимъ веснушчатымъ лицомъ и хитрыми глазами.—Что я придумалъ-то!.. Пойдемте въ Митюшинскій садъ яблоки рвать?.. Ахъ, какія я видѣлъ тамъ вчера спѣлыя, наливныя!.. Сами поѣдимъ и дѣвченокъ угостимъ...

— Нѣтъ, Васютка,—возразилъ Костя,—больно псы тамъ злы; намедни ребята лазили, такъ песъ въ ногу Павлушкѣ вцѣпился, насилу вырвался, и ходить по чужимъ садамъ закаялся...

— Такъ куда-же, братцы?.. Домой рано идти...

— Хотите на лодкѣ покатаемся?.. Гриша, идешь?..

Гриша охотно изъявилъ согласіе: катанье было однимъ изъ любимѣйшихъ его удовольствій.

Лодка принадлежала отцу Кости, и онъ часто доставлялъ товарищамъ это развлеченіе.

Вечеръ былъ тихій. Глубокій небесный сводъ раскинулся надъ дремавшей рѣкой. Кой-гдѣ слабо мерцали звѣзды, словно блестки, разсыпанныя чьей-то небрежной рукой. Тихо на водѣ; лишь отдаленное кваканье лягушекъ у берега нарушало порою покой рѣки, но вотъ отъѣхали дальше, и не стало его слышно, однообразный всплескъ веселъ раздавался въ тишинѣ...

— Какъ хорошо-то!.. Глянь, какъ много звѣздъ!..—воскликнулъ Вася.

Ему не отвѣтили; красота рѣки и тишина вечера какъ-то особенно дѣйствовала на мальчиковъ.

Гриша все сильнѣе отдавался охватившему его чувству восторга... Онъ такъ любилъ этотъ просторъ рѣки, берега которой скрадывала темнота вечера, острый, влажный возухдъ ласково охватывалъ его лицо.

Лодка медленно врѣзывалась въ спокойную, гладкую поверхность рѣки, оставляя позади длинный, пропадавшій черезъ минуту слѣдъ.

Тамъ, въ слободкѣ, одинъ за другимъ зажигались огни; обычные дневные звуки глухо и смутно доносились до рѣки; люди, закончивъ свой трудъ, собирались ужинать и ложиться спать. Порой доносился глухой, сердитый лай собакъ да отрывистый, рѣзкій свистъ промчавшагося поѣзда.

Впереди на противоположномъ берегу также свѣтились огни села Красныя горки, и виднѣлись темныя купы деревьевъ, тонувшихъ во мракѣ.

Тамъ было все смутно, таинственно и молчаливо, и ни одинъ отзвукъ людской жизни не нарушалъ задумчиваго безмолвія вечера.

Странное чувство овладѣвало Гришей.

Красота вечера, непонятная и недоступная для него, вновь будила въ немъ ощущеніе тоски, недовольства, неопредѣленности. Эта природа, словно таившая какую-то мысль въ своей спокойной величавости, была такъ прекрасна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далека отъ той жалкой, неприглядной обстановки, гдѣ ежедневно металась его безпокойная, вѣчно куда-то стремившаяся душа...

Мягкая грусть тихо, ласково, какъ кроткая, терпѣливая мать упрямаго ребенка, охватывала его... И сердце юноши все больше растворялось въ какой-то непривычной жалости...

Гришѣ страстно захотѣлось видѣть отца, глядѣть на него, говорить съ нимъ. Въ то же самое время какое-то темное,

смутное предчувствіе тоскливо сжало его сердце. Ему захотѣлось вдругъ вернуться домой...

А берегъ съ темными, безмолвными купами деревьевъ уже выросталъ передъ ними, и безучастно, равнодушно мерцали въ темнотѣ огни жилищъ.

— Гриша!.. О чемъ ты задумался?—окликнулъ его Костя.

— Зазноба завелась... аль не знаешь?.. Настька Басова... Какъ же?..

— И вправду?.. А мнѣ и не вдомекъ...

Товарищи принялись наперерывъ строить различныя предположенія насчетъ грусти и молчаливости Гриши, обрадовавшись случаю стряхнуть овладѣвшее ими непривычное настроеніе.

Гриша вздрогнулъ и разомъ очнулся, словно кто-то грубо, рѣзко нарушилъ его сонъ.

— Оставьте меня!.. Что вамъ надо?—раздраженно сказалъ онъ.

Его отпоръ подзадорилъ товарищей.

— А я вотъ не оставлю!..—запальчиво крикнулъ Вася.

Въ головѣ товарищей все еще бродилъ хмѣль, и все больше разгоралось желаніе позлить притихшаго Гришу.

Желаніе перешло въ страсть; надо было придумать, чѣмъ-бы почувствительнѣе уколоть товарища...

— Что отецъ-то сейчасъ дѣлаетъ?.. Небось, въ трактирѣ сидитъ... Любитъ винище, чортъ...—злорадно сказалъ Вася.

Кровь горячей волной ударила въ голову Гриши.

— Не смѣй говорить про отца!.. Слышишь?..—внѣ себя крикнулъ онъ.

— Да ты, братъ, не командуй, не на такого напалъ... Хочу говорить, и стану... Кто мнѣ запретитъ?.. — неровнымъ голосомъ возразилъ Вася, весь дрожа.

— Я!—рѣшительно сказалъ Гриша.

— Ты?.. А вотъ этого хочешь?..—И онъ поднесъ кулакъ къ самому носу Гриши.

Гриша, не помня себя, вскочилъ съ мѣста и кинулся на обидчика.

Произошло что-то невообразимое... Отъ рѣзкаго движенія Гриши лодка, потерявъ равновѣсіе, быстро наклонилась, и всѣ трое упали въ воду...

Отчаянные, душу раздирающіе крики огласили нѣмую, торжественную тишину и донеслись до обоихъ береговъ. Ихъ повторило эхо...

Костя и Вася, судорожно уцѣпившись за лодку, продолжали громко взывать о помощи. Прошли минуты, показавшіяся вѣчностью...

Наконецъ, на берегъ вышли люди, и послышались встревоженные голоса:

— Гдѣ они?.. Гдѣ?.. Багры давайте, скорѣй!.. Павелъ, давай лодку!..

Минутъ черезъ десять Вася и Костя, дрожавшіе, посинѣлые отъ ужаса, были вытащены на берегъ...

Гриша почувствовалъ, какъ холодная волна захлестнула ему голову, глаза, ротъ... Въ ту-же минуту онъ смутно понялъ, что что-то страшное, безповоротное навсегда отдѣлило его отъ жизни...

— Смерть...—молніей мелькнула мысль. Въ мозгу ясно-ясно встало доброе, усталое лицо отца, какимъ онъ часто видалъ его въ послѣднее время... Потомъ его заслонилъ темный, глубокій куполъ неба съ безстрастно мерцавшими звѣздами, берегъ съ рядомъ огней и маленькими, суетящимися людьми... Минуты черезъ двѣ, все исчезло и наступилъ глубокій мракъ...

VIII.

— Дома Осипычъ-то?—спросила женщина въ старомъ ситцевомъ платьѣ, съ худымъ, испитымъ лицомъ.

Дарья, перемывавшая у крыльца ухваты, сумрачно взглянула на нее.

— А тебѣ на что?—и она взглянула на неуклюжіе, стоптанные башмаки въ рукахъ женщины.

— Да вотъ, насчетъ починки...

Дарья махнула рукой.

— Плохое время выбрала, Петровна!..

— А что?..

— Не работаетъ нашъ Осипычъ, бросилъ... Не знаю, что дальше будетъ... Божье наказаніе посѣтило насъ...

И она ожесточенно стала тереть черенокъ ухвата, словно думая отогнать тяжелыя мысли.

— Ишь ты, дѣло какое!—съ соболѣзнующимъ видомъ покачала головой женщина.—А я и не знала...

— Какое, тамъ!.. Пожалуй, взять можно, а ежели долго проваляется работа, ты-же обижаться станешь...

— Такъ, такъ...

— Не то что,—продолжала съ оживленіемъ Дарья,—вотъ третьеводни отъ Конуриныхъ приходили,—ботинки барынѣ да дѣвочкѣ заказать, — и то, не взялъ: махнулъ рукой, отвернулся, и шабашъ... Я ужъ и не трогаю его...

Женщина снова сочувственно покачала головой и ушла.

Когда Дарья вернулась въ комнату, Степанъ сидѣлъ въ позѣ, въ какой она оставила его передъ своимъ уходомъ.

Лицо его было блѣдно и осунулось; тупой взглядъ мутныхъ глазъ устремленъ былъ куда-то въ пространство; волосы въ безпорядкѣ падали на лобъ.

На столѣ передъ нимъ стояла бутылка водки и ломоть чернаго хлѣба.

Около двухъ недѣль, т. е. съ того самаго дня, какъ похоронили Гришу, Степанъ какъ-то странно притихъ. На постороннихъ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, внезапно пришибленнаго громадной тяжестью, убившей въ немъ все живое. Онъ вставалъ въ обычное время, пилъ чай, обѣдалъ, но все это дѣлалъ вяло, неохотно, словно исполняя непріятную обязанность.

Онъ рѣдко уходилъ изъ дома, гдѣ цѣлые дни проводилъ въ угрюмомъ молчаніи, медленно потягивая рюмку за рюмкой, пока дремота не овладѣвала имъ, и онъ не заваливался спать.

Одинъ за другимъ тянулись дни,—тоскливые, поразительно похожіе одинъ на другой.

Какой-то зловѣщій, мрачный духъ поселился въ невзрачномъ жилищѣ сапожника. И посторонніе люди, приходившіе за чѣмъ-либо къ Степану, спѣшили оставить это жилище скорби...

Дарья остановилась у стола и молча глядѣла на мужа, сидѣвшаго съ низко опущенной головой.

— Степа!..—тихо окликнула она.—Что-жъ это будетъ-то?.. А?..

Степанъ поднялъ голову и безучастно поглядѣлъ на жену.

— Что жъ это будетъ-то, говорю я... Вотъ ты сидишь, пьешь... Развѣ такъ можно?.. Ты бы хоть насъ-то пожалѣлъ...

Въ первый еще разъ послѣ катастрофы Дарья говорила такимъ образомъ съ мужемъ; до этого дня она избѣгала объясненій съ нимъ, щадя его, какъ тяжело больного. Но проходилъ день за днемъ, а Степанъ не выходилъ изъ своего удрученнаго состоянія. И Дарья рѣшила попытаться уговорить его.

— Подумай, Степа,—надолго ли тебя хватитъ, коли цѣлые дни пить станешь?..

Болѣзненная судорога пробѣжала по лицу Степана, губы скривились, брови еще больше сдвинулись.

— Меня-то?.. Хватитъ, Даша, хватитъ... А коли и уйду за Гришей, такъ немного на свѣтѣ убудетъ...

Онъ уронилъ голову на столъ и какъ будто замеръ въ этой позѣ.

Дарья молча утирала слезы. Тишина въ комнатѣ нарушалась лишь ея тяжелыми вздохами.

— Степа!—дрожащимъ голосомъ заговорила она.—Брось ты это... Не воскресишь вѣдь ты его тоской да слезами, а жить какъ-ни-какъ надо... Встряхнись, да примись за дѣло... Стало быть, такая судьба... не намъ ее измѣнить... А можетъ, кто знаетъ, онъ былъ бы несчастливъ... Богъ-то вѣдь знаетъ, что дѣлаетъ...

Степанъ быстро поднялъ голову.

— Несчастливъ, говоришь ты?.. Не знаю... Можетъ, счастливѣе насъ съ тобой былъ бы... Эхъ, Дарья!.. Ты вотъ много тутъ наговорила... утѣшаешь, толкуешь то, сё... А не понимаешь, что у меня отнято? Душа у меня вынута,—вотъ что!..

Онъ съ силой ударилъ себя въ грудь.

— Я вотъ жилъ, работалъ... думалъ, увижу, какъ онъ выростетъ... Теперь что?.. Одна пустота вокругъ меня... Я не знаю, для чего мнѣ жить?.. Впереди темно...

Дарья слушала мужа, плотно сжавъ губы и уставивъ глаза въ землю. Полныя тоски и безнадежности рѣчи мужа поднимали въ ея сердцѣ тяжелое чувство обиды. Она не въ состояніи была понять глубины горя Степана.

Много горя видѣвшая въ жизни, начинавшая уже уставать и озлобляться сердцемъ отъ вѣчной нужды и тяжелыхъ заботъ, Дарья давно уже проникласъ убѣжденіемъ, что одинъ лишь упорный, неустанный трудъ дастъ имъ возможность жить безъ лишеній, и она не признавала никакихъ отступленій отъ заведеннаго порядка.

— Что жъ мы-то?.. Видно, совсѣмъ чужіе тебѣ...—сдавленнымъ голосомъ проронила она.—Малодушенъ ты, Степанъ, вотъ что... Одинъ вѣдь ударъ на насъ свалился, а я вотъ не пью же.

— Не въ малодушіи тутъ дѣло, а души у насъ съ тобой разныя...—возразилъ Степанъ, вяло и медленно роняя слова, словно каждое изъ нихъ требовало особеннаго усилія.

Минутное оживленіе его угасло, какъ искра.

— Вѣдь ничего ты не перемѣнишь, что цѣлые дни все думаешь, да горюешь...

— Знаю я это... Да что жъ дѣлать?.. Тѣсно мнѣ жить, душно... Былъ свѣтъ,—и не стало его.

Онъ снова ушелъ къ своимъ безотраднымъ мыслямъ, и Дарья, скорбно вздохнувъ, отошла отъ него.

Вернулась изъ мастерской Дуня. Дарья обрадовалась приходу дочери, нарушившему тяжелое впечатлѣніе отъ разговора съ мужемъ, и принялась подавать ей обѣдъ.

Степанъ медленно поднялся съ мѣста и, взявъ картузъ, молча вышелъ изъ комнаты.

— Куда это онъ?..—подумала Дарья, проводивъ его взгля-

домъ.—Въ трактиръ, что ли?.. Ну и пускай... Можетъ, повеселѣетъ на людяхъ-то... Авось, хуже не будетъ... Дуня, ступай обѣдать-то...

Дочь не отвѣтила, и Дарья заглянула въ дверь: Дуня, какъ была, въ платкѣ и пелеринкѣ, сидѣла на стулѣ, опустивъ голову и глядя куда-то въ уголъ.

Сердце Дарьи сжалось недобрымъ предчувствіемъ.

— Дуня!.. Что жъ ты?.. Иди обѣдать-то?..—неувѣренно сказала она.

Дуня медленно поднялась со стула и подошла къ матери. Что-то обдуманное, рѣшительное было въ ея походкѣ и движеніяхъ.

— Мама... я уйти отъ васъ хочу...—глухо молвила она.

— Уйти?!.. Куда?..—внѣ себя вскричала Дарья.

— На мѣсто...

— Опять...—сдавленнымъ тономъ вырвалось у Дарьи.— Ничего я не знаю... и не хочу знать!.. И никуда ты не уйдешь...

Но, взглянувъ въ лицо дочери, она невольно умолкла. Это было чужое лицо; что-то жесткое, упрямое и непоколебимое было въ немъ, и что-то смутно подсказало Дарьѣ, что на этотъ разъ верхъ останется за Дуней. Но она рѣшила бороться...

— И не думай... не пущу я тебя...—крикомъ безсильнаго отчаянія вырвалось у нея.

— Не могу я больше, мама... Задохнусь я въ вашей жизни... Душно мнѣ у васъ...

— Уйдешь?.. Лежачаго добить хочешь?.. Да ты съ ума сходишь!.. Я отцу скажу... Онъ тебя не пуститъ, запретъ...

Въ лицѣ Дуни выразилось страданіе; сильная борьба, видимо, происходила въ ея душѣ... Минута была рѣшительная.

— Мама... Прости.

— Уходишь?.. Всетаки, уходишь?.. Злая ты, безсердечная!..

Дуня сдѣлала нѣсколько шаговъ и тихо скользнула въ дверь.

Дарья минуты двѣ-три стояла въ оцѣпенѣніи; потомъ, опомнившись, сорвалась съ мѣста и кинулась въ сѣни, потомъ во дворъ, за ворота,—Дуни нигдѣ не было...

Она метнулась, какъ раненая, хотѣла бѣжать, но ноги отказались ее слушаться, и она тяжело рухнула на скамейку...

Солнце садилось за огромную лиловую тучу. Мужикъ въ оборванномъ армякѣ, босой, гналъ длиннымъ кнутомъ нѣсколько понурыхъ коровъ. По дорогѣ со скрипомъ тянулись

телѣги съ кирпичемъ, и два мужика съ угрюмыми лицами такого же цвѣта, какъ кирпичъ, понукали заморенныхъ клячъ.

Откуда-то, со дворовъ, несся промозглый запахъ.

Слободская жизнь вяло, черезъ силу совершала свои обычныя отправленія...

Какой-то хаосъ стоялъ въ головѣ Дарьи; безпорядочные обрывки мыслей, какъ вспугнутая стая птицъ, проносились въ ея мозгу и назойливо тревожили ее.

— Душно мнѣ, тѣсно...—какъ во снѣ проносились передъ ней слова Дуни. Потомъ она вспомнила частыя жалобы мужа на тѣсноту жизни,—и въ первый еще разъ передъ ней возникъ вопросъ: что имъ надо?.. Родились они въ бѣдной, темной жизни; на роду имъ назначено работать, много работать... Такъ чего жъ они хотятъ?.. Не господа вѣдь; работай, коли хочешь быть сытымъ... А они вотъ возмечтали о какой-то другой жизни... Глупые!.. Ну, эта хоть дѣвченка, жизни не понимаетъ, а Степанъ?.. Отчего онъ такой безпокойный?.. Всегда его куда-то тянуло, вѣчно чего-то онъ хотѣлъ, а чего?.. Небось, спроси его, и самъ хорошенько не знаетъ...

Она тяжело вздохнула. Мысль ея снова обратилась къ Дунѣ.

— Куда она ушла?.. Надолго ли?..

Въ головѣ мелькнуло предположеніе... Дарья метнулась, какъ ужаленная...

— Нѣтъ, не можетъ быть... Она подуритъ, можетъ быть, ночуетъ у подруги, и вернется... Да, да, вернется, иначе быть не можетъ, иначе...

Но какое-то предчувствіе говорило ей, что Дуня не вернется.

Темнѣло. Наступалъ свѣжій августовскій вечеръ. Въ домахъ зажигались огни. Разговоры у воротъ смолкли: люди шли ужинать и спать, чтобы отдохнуть и запастись силами къ слѣдующему трудовому дню, такому же тусклому, сѣрому, какъ этотъ...

Раза два къ Дарьѣ подходили знакомыя женщины и заговаривали съ нею, но она неохотно и невпопадъ отвѣчала на ихъ вопросы.

— Бѣдная!.. Мужъ-то все пьетъ да пьетъ... Горе за горемъ...

Дарья все сидѣла, охвативъ голову руками и устремивъ въ темноту безсмысленный взглядъ.

Вблизи послышались шаги, и Дарья подняла голову: знакомая высокая фигура приближалась къ ней.

Степанъ шелъ неровной, колеблющейся походкой, иногда спотыкаясь, что-то тихо напѣвая про себя.

Дарья дрожала... Темное, злое чувство охватило ее...

Вотъ, кто виновникъ ухода Дуни!.. Она не вынесла ихъ тяжелой жизни, полной тоски и лишеній... И что жъ мудренаго?.. Она молода, хочетъ жить... Онъ—постоянная причина ихъ горя, несчастій...

Степанъ, не спѣша, поровнялся со скамейкой.

— Даша... ты?..

Дарья молча откинулась назадъ и со злобой глядѣла на него. Лицо ея казалось еще блѣднѣе отъ темноты вечера, и глаза сверкали мрачнымъ блескомъ.

Степанъ молча опустился рядомъ съ нею, подозрительно поглядывая на нее.

Злыя мысли, какъ темныя, холодныя волны, наплывали въ голову Дарьи.. Онъ никогда не любилъ дочь... постоянно допекалъ ее придирками... вотъ и допекъ... Аспидъ!.. Пріятно-ли будетъ, какъ узнаетъ...

— Даша... что ты такая?.. Аль случилось что?..—спросилъ Степанъ.

— Да, случилось... Дуня у насъ ушла...—медленно проговорила Дарья, взглянувъ въ упоръ на мужа.

— Ушла?.. Куда?..

Онъ привскочилъ съ мѣста.

— Не знаю... Не могу, говоритъ, больше жить у васъ... душно... мнѣ...

— А... ч-чортъ!..—Онъ схватился за голову.- Какъ... какъ она смѣла?.. И ты пустила?.. Впрочемъ, я всегда думалъ, что она что-нибудь сдѣлаетъ такое...

Горячая злоба съ новой силой охватила Дарью.

— Что-о?.. И ты-же еще смѣешь ее винить?.. Подлый, пьяный ты человѣкъ!.. Отъ дурной жизни ушла она, вотъ что!.. Кабы не сидѣлъ по двѣ недѣли безъ работы,—не жилось-бы такъ плохо!.. Вотъ теперь у насъ никого нѣтъ—радуйся... Всѣ дѣти ушли отъ насъ... Ты, ты уморилъ ихъ!..

Несчастная женщина, потерявшая отъ горя всякую власть надъ собой, не сознавала всей жестокости своихъ упрековъ и неслась впередъ съ неудержимой силой, испытывая жгучее, злое наслажденіе...

Степанъ сидѣлъ, какъ-то странно съежившись и опустивъ низко голову. Жестокіе упреки жены не вызывали ни тѣни раздраженія въ его сердцѣ, вынесшемъ самое сильное горе, какое можетъ выпасть на долю человѣка... Одно ощущалъ онъ—чувство безконечной усталости... Онъ былъ въ томъ состояніи оцѣпенѣнія и апатіи, въ которомъ человѣкъ становится уже нечувствительнымъ къ обрушивающимся на него ударамъ.

Странные звуки заставили его очнуться. Дарья плакала,

закрывъ лицо руками. Все тѣло ея содрогалось отъ усилій сдержать прорывающіеся по временамъ вопли.

Чувство возмущенія, внезапно вспыхнувшее въ ея сердцѣ противъ мужа, вылилось и изчезло; осталось одно лишь чистое, великое материнское горе...

Степанъ нѣсколько мгновеній растерянно смотрѣлъ на жену.

— Даша... родная... Полно, что ты?.. Посѣтилъ насъ Господь, что-жъ дѣлать?.. Мнѣ развѣ легко?..

Онъ подвинулся къ Дарьѣ и привлекъ ее къ себѣ.

Рыданія Дарьи понемногу утихли. Сердце, пережившее бурю, медленно замирало. Чувство никогда не испытанной тишины и сознаніе, что возлѣ бьется надежное, преданное сердце, осѣнило душу. Горе уже не казалось такъ остро и велико...

Темно и мрачно было на небѣ. Одна за другою медленно ползли лохматыя, уродливыя тучи, и маленькія, скромныя звѣздочки робко прятались за ними. Изрѣдка, порывами, дулъ вѣтеръ, и чахлыя, сухія деревья палисадниковъ качались изъ стороны въ сторону, съ тихимъ ропотомъ роняя послѣдніе листья...

Порою начиналъ накрапывать дождь. Мрачно, непріютно становилось на улицѣ, а они все еще сидѣли на скамьѣ,—безмолвные, тѣсно прижавшись другъ къ другу, какъ осиротѣвшія, оторванныя отъ родного гнѣзда птицы, спрятавшіяся подъ первой попавшейся кровлей отъ пронесшейся надъ ихъ головою бури...

Полчища мрачныхъ, черныхъ тучъ все прибывали, сплошь застилая небо, гдѣ уже не виднѣлось ни одной звѣздочки, и оно становилось такимъ-же мрачнымъ, зловѣщимъ и безотраднымъ, какъ земля, гдѣ жили, страдали и радовались слабыя, жалкія существа...

IX.

Стояли ясные теплые, но уже короткіе дни. Солнце, утомившись жаркой лѣтней работой, позже вставало и раньше уходило на отдыхъ. Кой-гдѣ по небу бродили пасмурныя облачка, а вдали, на горизонтѣ, виднѣлись зловѣщія лиловыя тучи,—признакъ близкой непогоды...

Деревья давно уже потемнѣли, потерявъ одинъ за другимъ свои листья, но все еще бодрыя, онѣ по-прежнему прямо и гордо поднимали свои вершины.

Однообразно тянулись дни въ квартирѣ Калачовыхъ. Степанъ съ Дарьей съ утра принимались за дѣла. Иногда они молчали по цѣлымъ часамъ, мысленно переживая прошлое,

и въ комнатѣ было лишь слышно шуршанье продѣваемой дратвы да тиканье маятника.

Первые дни послѣ ухода Дуни Дарья не осушала глазъ, но горе не подкосило ея: необходимость постоянно и много трудиться помогла ей справиться съ тяжелой напастью.

По вечерамъ она долго молилась и ложилась спать ободренная, успокоенная, съ надеждой на лучшее будущее. И всетаки острые приливы тоски часто нападали на нее; какая-нибудь уцѣлѣвшая вещь Дуни будила воспоминаніе, разбереживая незатянувшуюся еще рану, и Дарья заливалась слезами.

Степанъ поднималъ голову отъ работы и, наморщивъ лобъ, глядѣлъ на нее.

— Будетъ тебѣ, плачея... опять въ слезы... Поможешь, что-ли, этимъ?..

— Легко тебѣ говорить... Дочь вѣдь она мнѣ... Схоронить легче было-бы...

— Дочь, дочь!..—сердито повторялъ Степанъ.—Зелье она была!.. Никогда она не жалѣла насъ съ тобой...

— Молода она была,—гдѣ-жъ ей все понимать?..—защищала Дарья.

— Молода!.. А вотъ расчухала, какъ жить легче... Не поминай мнѣ про нее... Коли явится на глаза,—прокляну!..

И всетаки ему, порою, становилось жаль жену.

— Не горюй, Даша,—говорилъ онъ,—крестъ намъ посланъ, ну и надо, значитъ, терпѣть... Неси, терпи...

— А я развѣ не терплю!?. Молюсь и терплю... Только какъ подумаю, что она, можетъ, съ дороги сошла, такъ сердце ровно кто на части изорветъ...

— Что-жъ подѣлаешь?.. Коли человѣкъ погибели хочетъ, развѣ можно его насильно спасти?..

Приходили на память слова отца:

— У всѣхъ Калачовыхъ заклятое что-то есть...

Послѣ постигшихъ несчастій Степанъ еще глубже привязался къ женѣ: онъ какъ-то больше прежняго жалѣлъ ее и старался, по возможности, облегчить ея трудъ... Но улыбка не появлялась на его лицѣ и пѣсня не раздавалась въ жилищѣ. Что-то навсегда надломилось въ этомъ высокомъ, сильномъ человѣкѣ, съ живой, вѣчно мятущейся душой...

Какъ-то въ воскресенье Степанъ, ни слова не сказавъ женѣ, отправился къ Сухаревой и купилъ нѣсколько горшковъ дешевыхъ цвѣтовъ.

Дарья, поворчавъ для виду на мужа за „транжирство“, въ душѣ была довольна покупкой: въ комнатѣ разомъ повеселѣло отъ зелени. Но это было лишь начало. Черезъ не-

дѣлю Степанъ пріобрѣлъ гдѣ-то нѣсколько подержаныхъ плетеныхъ стульевъ и цвѣтной половикъ-дорожку.

— А что?.. Хорошо вѣдь?.. На сердцѣ веселѣе, когда дома хорошо... а то ровно сарай какой-то... — говорилъ Степанъ и съ чисто дѣтской радостью осматривался кругомъ.— Вотъ еще-бы занавѣску новую къ кровати надо...

— Погоди, нельзя-же все разомъ,—останавливала его Дарья.

У нея немного прояснилось на душѣ: завѣтная надежда жить „по хорошему“ начинала, казалось, осуществляться.

Съ тайной радостью замѣчала она, что Степанъ началъ гораздо меньше пить и рѣже ссориться съ нею. И за работу опять принялся. Уходъ Дуни былъ встряской для него, заставивъ невольно сбросить тяжелую апатію и глубже заглянуть въ свою жизнь.

Пока утромъ Дарья была занята дѣлами, то невольно забывала о своемъ горѣ; но выдалась свободная минутка,—и снова лютая тоска начинала грызть сердце... Порою ей казалось, что вотъ Дуня забѣжитъ къ ней, подастъ о себѣ вѣсточку; и ни одинъ разъ, при видѣ дѣвушки въ платкѣ и пелеринкѣ, сердце ея начинало тревожно биться.

Однако, дни шли за днями, а о Дунѣ не было ни слуху, ни духу. И попрежнему въ безмолвной тишинѣ комнаты работали двое людей, ревниво тая другъ отъ друга свои невеселыя думы...

Какъ-то вечеромъ, въ праздникъ, Степанъ, сильно выпивши, возвращался домой; его знакомый столяръ угостилъ его, получивъ выгодный заказъ.

Было холодно и темно. Въ окнахъ невзрачныхъ домишекъ тускло свѣтились огни. Степанъ медленно шелъ по мостовой, инстинктивно угадывая дорогу. Голова его кружилась, въ глазахъ стоялъ туманъ, но настроеніе духа было приподнятое, возбужденное.

Разлука, ты-ы разлука-а,
Родная сто-о-рона...

напѣвалъ онъ про себя, и ему казалось, что это напѣваетъ не онъ, а кто-то другой, здоровый, молодой, сильный... Степанъ прекрасно чувствовалъ себя, не испытывая невыносимаго чувства страха передъ жизнью и безсильной злобы ко всему, что больше и сильнѣе его. Ему хотѣлось всѣхъ обнять, всѣхъ любить... И будущее казалось свѣтлымъ, радостнымъ...

Онъ вспомнилъ объ яблокахъ, лежавшихъ въ его карманѣ и купленныхъ для Дарьи:—Небось, сидитъ съ сосѣд-

ками у воротъ, либо что-нибудь дома дѣлаетъ...—И теплая струя пробѣжала по его сердцу.

Громкій разговоръ и смѣхъ раздались позади, прервавъ спокойное теченіе его мыслей. Двое мужчинъ поровнялись съ нимъ. Въ одномъ изъ нихъ, одѣтомъ въ темное пальто и шляпу на бекрень, онъ узналъ младшаго Дятлова, и острое непріятное чувство кольнуло сердце Степана.

— Эге!.. да это нашъ Осипычъ!.. Здравствуй, дружище!.. Какъ поживаешь?.. Что, Дуняша не была у васъ?.. Я вчера встрѣтилъ ее, насилу узналъ: въ шляпѣ; платье — шикъ!.. Дѣвочка не глупа—нашла выгодное мѣстечко... Ха, ха, ха!..

И они, громко смѣясь, обогнали Степана; нѣсколько циничныхъ выраженій донеслось до него. Хмѣль разомъ соскочилъ съ него. Кровь быстрой, горячей волной ударила въ голову. Въ два прыжка онъ очутился возлѣ Дятлова и, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, набросился на него и, смявъ подъ себя, сталъ въ изступленіи наносить удары... Спутникъ Дятлова окаменѣлъ на мгновенье, потомъ опомнился и накинулся на Степана...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ трое людей безобразнымъ живымъ клубкомъ катались по землѣ, пока ихъ не замѣтили и не розняли.

Немного спустя, Степана, избитаго и растрепаннаго, повели въ участокъ.

— А, чортъ!.. погоди, поплатишься!—съ бѣшеной злобой крикнулъ ему вслѣдъ Дятловъ, отряхиваясь отъ приставшей къ нему грязи.

Степанъ безмолвно, понуривъ голову, шелъ съ сопровождавшимъ его сторожемъ. Порывъ бѣшенства, такъ неожиданно смѣнившій радужное настроеніе, также внезапно упалъ. Потухла злоба, а, вмѣстѣ съ нею, и сила...

Онъ показался себѣ жалкимъ, безсильнымъ, смѣшнымъ со своими мечтами выбраться изъ тѣсноты жизни. Она жестоко и упрямо глумилась надъ нимъ, временно давая ему отдышку, а потомъ, съ размаху, бросая въ грязь...

Мрачный, подавленный вернулся онъ на слѣдующій день изъ участка, а вечеромъ, относя заказъ, зашелъ въ трактиръ и напился до безчувствія...

Дня черезъ три послѣ происшествія Семенъ быстрыми шагами направлялся къ квартирѣ Калачовыхъ. Стоялъ ненастный день. Мутныя свинцовыя тучи обложили небо; моросилъ мелкій дождь. Какимъ-то промозглымъ туманомъ насыщенъ былъ воздухъ.

Еще унылѣе стало въ Марьиной Слободѣ; мостовая по-

крылась липкой сплошной грязью, и прохожіе, вынужденные путешествовать пѣшкомъ въ городъ, злобно проклинали непогоду.

Еще печальнѣе казались убогіе сѣрые домишки, жилища мелкихъ ремесленниковъ, жилища голи и затертыхъ жизнью людей.

Когда Семенъ проходилъ дворомъ, загроможденнымъ бревнами, досками и кучами стружекъ, чувство острой тоски охватило на мгновеніе его душу.

Дверь въ квартиру сапожника оказалась отворенной.

Въ комнатѣ была одна Дарья, перебиравшая въ сундукѣ какую-то ветошь.

— Здравствуй, Дарья Петровна!..

Дарья приподнялась съ полу.

— Здравствуй, Сеня!..

Лицо ея, носившее слѣды безсонной ночи, было блѣдно, глаза съ опухшими вѣками, видно, много слезъ пролили въ эти дни. Множество новыхъ мелкихъ морщинокъ появилось на лицѣ, казавшемся постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ. На Дарьѣ было синее ситцевое платье и темный шерстяной платокъ: видимо, она собиралась куда-то идти.

— Ну что, какъ дѣла?.. Никакъ собираешься куда?..

— Какъ же не собираться?.. Послѣдній день сроку сегодня... Аспиды-то грозятся пожитки мои выкинуть, коли не уйду сегодня...

— А Степана все нѣтъ?..

— Третьи сутки нѣту... Ровно въ воду канулъ... Запилъ должно... Сосѣди сказывали... Ходила я не однова въ трактиръ, — да нѣту его тамъ... Только разъ и явился, послѣ участка, забралъ какія были деньги—и ушелъ...

Семенъ, склонивъ голову, слушалъ Дарью.

— Господи!.. ждала-ли я этого,—снова заговорила Дарья, прерывая тягостное молчаніе.—Вѣдь сколько горя перенесли вмѣстѣ, и ничего, Богъ помогъ, жили спокойно... Я-то, дура, радовалась, и вотъ теперь... И что съ нимъ сталось?..

— Куда-жъ ты уходишь-то?

— Мѣсто нашлось... Нужна нянька въ дѣтскую клинику; жалованье на первое время восемь рублей; комната, обѣдъ... Чего-же лучше?.. Одного боюсь: кабы тамъ скандальничать не сталъ, ну, да Богъ милостивъ... Такъ-то, Семенушка!..

Семенъ, глубоко задумавшись, слушалъ Дарью.

— Что-жъ, Дарья Петровна, — сказалъ онъ, наконецъ: — не тужи, иди съ Богомъ... Авось и тебѣ улыбнется счастье... Пора и тебѣ отдышаться-то...

Дарья стояла, устремивъ въ окно неподвижный взоръ, и крупныя слезы катились по ея блѣднымъ щекамъ.

— Счастье!.. Не про меня оно, счастье-то... Хоть-бы последніе годы Богъ помогъ на спокоѣ прожить... до тѣхъ поръ, пока смерть успокоитъ...

Она отерла глаза фартукомъ и принялась поспѣшно увязывать узелъ.

— Что можно, возьму съ собой, а вотъ этотъ столъ да стулья возьми покамѣстъ ты, сдѣлай милость...

. — Возьму, возьму...

Какой-то вопросъ вертѣлся у него на губахъ, но онъ не рѣшался его произнести.

— Дарья Петровна... а что... о Дунѣ не было слуху?— нерѣшительно вымолвилъ онъ, наконецъ.

На лицѣ Дарьи выразилось страданье.

— Дуня?.. Встрѣтилась я съ ней недавно... съ недѣлю тому назадъ... Нарядная, разодѣтая... насилу я ее признала... Сперва оробѣла, а потомъ кинулась ко мнѣ, заговорила... спросила, не надо-ли мнѣ денегъ... Да нешто возьму я?.. Поплакала я тутъ...

Къ вечеру того-же дня Дарья перебралась на новое мѣсто. Ей отвели маленькую комнату, свѣтлую и чистую, съ окномъ, выходившимъ въ огромный больничный садъ. Въ комнатѣ помѣщалась кровать, стулъ и столъ.

Дарьѣ показалось здѣсь уютно, тепло...—Вѣкъ-бы свѣковать здѣсь...

Съ этого дня для Дарьи началась жизнь, ничего общаго не имѣвшая съ прежней.

Съ девяти часовъ утра до часу она находилась въ аптекѣ амбулаторіи. Здѣсь она мыла склянки, завертывала порошки, вызывала больныхъ.

По окончаніи пріема Дарьѣ давался часъ на обѣдъ, послѣ котораго она отправлялась въ палату. Два раза въ недѣлю ей приходилось дежурить, т. е. не спать ночью.

Въ какія-нибудь двѣ недѣли Дарья такъ свыклась со своими обязанностями, какъ будто прожила здѣсь цѣлый годъ. Врачи скоро оцѣнили ее за проворность и точное, добросовѣстное исполненіе дѣла, а маленькіе страдальцы всей душой привязывались къ ней. Эта женщина, въ короткое время потерявшая семью, съ такой кротостью обращалась съ малютками, такъ скоро умѣла удовлетворять ихъ маленькіе капризы, успокоить страданія, что малютки съ нетерпѣніемъ ждали обычнаго времени, когда эта невысокая, такъ рѣдко улыбавшаяся женщина, приходила въ палату.

И вотъ побѣжали дни, недѣли... Дарья вся ушла въ свое дѣло, всячески стараясь вырвать изъ памяти воспоминаніе о прошломъ. Это удавалось ей, когда она методически

разрѣзала бумажки, завертывала въ нихъ развѣшанные порошки или мыла склянки изъ подъ микстуръ. Забывалась она и въ больницѣ, слушая беззаботную болтовню дѣтей. Но, вотъ, конченъ трудовой день, и она одна у себя въ комнатѣ, за самоваромъ. Тусклый свѣтъ маленькой лампы освѣщаетъ комнату; передъ иконой теплится лампада; самоваръ тихой, замирающей нотой заканчиваетъ свою пѣсню. Медленно тянется безконечный осенній вечеръ... Чашка выпивается за чашкой, и мало-по-малу тоскливое чувство закрадывается въ сердце Дарьи... Замирающая пѣснь самовара невольно переноситъ ее въ невзрачную каморку съ поломъ, усѣяннымъ обрѣзками кожи, кусочками дратвы, безпорядочно разбросанными колодками и тяжелымъ запахомъ товара. И начинаютъ одинъ за другимъ выплывать образы недавняго прошлаго... Вотъ лицо Гриши, съ вызывающей улыбкой и смѣлымъ взлядомъ; вотъ лицо Дуни, погруженное въ думу... вотъ доброе, умиленное лицо Степана... Глаза Дарьи медленно наполняются слезами... И зачѣмъ все это случилось?.. Жили-жили—и всѣ разошлись... Мысли ея то и дѣло возвращались къ Степану. Гдѣ-то онъ теперь?.. Живъ-ли?.. Можетъ, допился до конца и сложилъ гдѣ-нибудь у забора свою неспокойную голову...

Разъ, когда Дарья собиралась идти обѣдать, одна изъ нянекъ съ таинственнымъ видомъ сообщила ей, что ее желаетъ видѣть какой-то мужчина; при этомъ нянька какъ-то странно поглядѣла на смутившуюся Дарью.

Сердце Дарьи учащенно, до боли забилось.

— Гдѣ онъ?..—растерянно спросила она.

— Въ швейцарской дожидается...

Дарья, спотыкаясь, неровной походкой спустилась съ лѣстницы и остановилась... Навстрѣчу ей съ дивана приподнялся Степанъ, осунувшійся, оборванный, весь въ заплатахъ и опоркахъ на босую ногу.

При видѣ мужа у Дарьи потемнѣло въ глазахъ. Она молча, съ сильно бьющимся сердцемъ, приблизилась къ нему; онъ пристально и немного насмѣшливо глядѣлъ на нее.

— Здорово, Даша!.. Каково поживаешь?..Не ждала, небось?..

— Я ничего, слава Богу...—пробормотала Дарья, думая съ тоской:—Господи!.. Какъ онъ измѣнился...

На площадкѣ лѣстницы показалась нянька, очевидно, задѣтая живымъ любопытствомъ. Швейцаръ Андрей тоже со вниманіемъ слѣдилъ за встрѣчей супруговъ.

— Выйдемъ-ка отсюда, а то нехорошо,—сказала Дарья и пошла къ двери. Степанъ, не спѣша, послѣдовалъ за нею.

Когда они очутились у подъѣзда, Дарья тяжело перевела духъ.

— Ну, вотъ и свидѣлись...—началъ Степанъ, не сводя съ Дарьи пристальнаго взгляда.

— Степанъ!.. Что съ тобою стало?..—горестно воскликнула Дарья.

— Да, вотъ, видишь,—каковъ!.. Брожу,—куда хочу; работаю,—когда вздумается...—онъ усмѣхнулся и тотчасъ закашлялся.

Дарья молчала, подавленная.

— Ну, а ты какъ думаешь?.. Здѣсь жить?..

— Да-а... а то какъ же?—робко вымолвила она.

— Гмъ... это надобно меня сначала спросить... А если я, къ примѣру, не пожелаю, чтобы ты жила тутъ... а?

— Степанъ!.. Побойся Бога... куда-жъ я съ тобой пойду?.. Бродяжничать?.. Ты вѣдь бездомный, небось?..—съ нервной дрожью говорила Дарья.

— А ужъ это мое дѣло... И не бездомный я вовсе: койку у столяра Терентьича снимаю... ха, ха!.. Аль тебѣ палаты нужны?...

Дарья молчала; холодная дрожь пронизывала ее до костей.

Степанъ, повидимому, наслаждался впечатлѣніемъ, произведеннымъ его словами на жену.

— Ну, это я еще подумаю: уходить тебѣ отсюда или нѣтъ,—продолжалъ Степанъ,—а пока одолжи-ка мнѣ на полбутылки... Ишь ты какая!.. Жалованье получаешь, зарабатываешь!.. Жизнь!..

Протестовать было безполезно. Доставъ изъ кармана четвертакъ, часа два тому назадъ данный ей барыней „на чай“, она протянула его мужу.

— Ладно!.. Выпью за твое здоровье...—съ довольнымъ видомъ сказалъ Степанъ, зажимая въ рукѣ монету.

— Ну, прощай, Степа... мнѣ надо идти...—неувѣренно молвила Дарья.

— Иди, иди... я тебя не держу... Дѣла вѣдь у тебя...— Онъ протянулъ ей руку.—Заходи ко мнѣ теперь...

Дарья не отвѣтила ничего, повернулась и вошла въ швейцарскую. Степанъ видѣлъ, какъ она поднялась по лѣстницѣ, и въ раздумьи глядѣлъ ей вслѣдъ. Разнородныя чувства волновали его; тутъ было что-то вродѣ зависти къ Дарьѣ и недоумѣніе; онъ не могъ уяснить себѣ: почему эта женщина, такъ много терпѣвшая въ жизни, вынесшая тяжелые удары судьбы, не свалилась подъ ними, а очутилась у пристани, а онъ, всю жизнь стремившійся къ свѣту, всѣми силами души ненавидѣвшій грязь и тѣсноту жизни, въ концѣ-концовъ упалъ... Погруженный въ раздумье, онъ не замѣчалъ, какъ вѣтеръ злобно трепалъ его посѣдѣвшіе волосы и ветхую одежду...

Встрѣча съ мужемъ, мысль о которомъ неотвязно преслѣдовала ее все время, возбудила въ душѣ Дарьи тоже самыя разнородныя чувства. Она долго не могла опомниться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее видомъ Степана, оборваннаго, опустившагося, Степана, котораго она привыкла обыкновенно видѣть опрятнымъ, сильнымъ, державшимъ высоко голову. И при воспоминаніи о той любви, въ которой они прожили около двухъ десятковъ лѣтъ, больно дѣлалось въ сердцѣ Дарьи... Потомъ, какъ-то незамѣтно, въ голову закралось опасеніе, какъ бы Степанъ не разстроилъ порядка ея новой, только что наладившейся жизни. Неужели онъ часто будетъ приходить къ ней?.. Зачѣмъ? Чтобы доставить себѣ удовольствіе помучить ее?.. Или... или пользоваться ея заработкомъ?.. Врядъ-ли онъ на это рѣшится... Не таковъ онъ... А, впрочемъ, почемъ знать?.. Можетъ быть, онъ такъ измѣнился теперь, что не только не побрезгуетъ жить на ея счетъ, но рѣшится и на другое, худшее?..

И тревога росла въ ея душѣ... Къ счастью Дарьи, ея обязанности не позволяли ей долго предаваться тяжелымъ мыслямъ.

X.

Съ того времени, какъ Степанъ окончательно упалъ духомъ, онъ жилъ въ обстановкѣ, мало похожей на ту, въ которой онъ жилъ до сихъ поръ съ Дарьей. Онъ, какъ сказалъ ей, снималъ уголъ у столяра; работалъ лишь тогда, когда нужны были деньги, остальное же время проводилъ въ трактирѣ или за бутылкой водки съ какимъ-нибудь такимъ же неудачникомъ. Вся цѣль, всѣ помыслы Степана были направлены на то, чтобы не думать и вычеркнуть изъ своей памяти всю былую жизнь, все, чѣмъ онъ жилъ, для чего билось его сердце.

Наступили первые морозы. Дулъ холодный, пронизывающій вѣтеръ, заставлявшій прохожихъ старательнѣе поднимать воротники пальто. Летѣли рѣдкія, жесткія снѣжинки; глухо стучали колеса о мерзлую землю. Степанъ все больше и больше свыкался съ жизнью человѣка, у котораго нѣтъ въ жизни никакой зацѣпки; всѣ его желанія сводились къ тому, чтобы, заработавъ нѣсколько копѣекъ, тотчасъ же пропить ихъ.

Наступила зима, стукнули первые морозы, хлопьями повалилъ снѣгъ. Все одѣлось ровнымъ бѣлымъ покровомъ.

Какъ-то, въ одинъ изъ такихъ дней, когда дулъ нестерпимо-рѣзкій вѣтеръ, Степанъ въ раздумьи стоялъ на тротуарѣ одной изъ большихъ модныхъ улицъ. Онъ только что вышелъ изъ участка, куда попалъ наканунѣ въ пьяномъ видѣ.

Вѣтеръ свирѣпыми порывами забирался подъ его жалкую одежду и холодилъ тѣло. Голодъ все сильнѣе давалъ себя чувствовать, а между тѣмъ, въ карманѣ одиноко брякали двѣ мѣдныхъ копѣйки. Вчера онъ цѣлый день пропьянствовалъ, не успѣвъ ничего заработать, и теперь ломалъ голову надъ вопросомъ: откуда достать денегъ? Возвращаться домой съ пустымъ карманомъ ему не хотѣлось, а на хозяина, столяра Терентьича, надежда была плоха: онъ и такъ долженъ былъ ему около двухъ рублей, и врядъ ли тотъ согласится дать ему взаймы два-три гривенника. А ѣсть такъ хотѣлось... Онъ досадливо отварачивался отъ выставленныхъ въ витринахъ гастрономическихъ магазиновъ всевозможныхъ колбасъ, рыбъ и множества вкусныхъ вещей, какъ будто нарочно подзадорившихъ его. Случайно взглядъ Степана упалъ на оборваннаго хромого нищаго, торопливо переходившаго дорогу, и внезапная мысль осѣнила его:

— Что, если протянуть руку къ кому-нибудь изъ этихъ важныхъ господъ?..—Но онъ тутъ же отогналъ ее... Какъ, ему просить милостыню?.. Нѣтъ, ни за что... Онъ все перенесетъ, но не протянетъ руки къ этимъ сытымъ, довольнымъ людямъ... Однако, мысль эта назойливо вертѣлась въ его мозгу, и Степанъ уже не отгонялъ, а обдумывалъ ее... Перспектива въ случаѣ удачи уже рисовалась въ его представленіи: можно будетъ купить сотку, колбасы и на нѣсколько копѣекъ чего-нибудь горячаго...

Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что по близости нѣтъ городового, Степанъ всталъ возлѣ троттуара и, придавъ своему лицу, по возможности, жалкое и смиренное выраженіе, обратился съ просьбой къ первому прохожему... Успѣхъ улыбнулся на первый разъ Степану: черезъ какой-нибудь часъ онъ имѣлъ въ распоряженіи больше двугривеннаго. Онъ уже подумывалъ купить чего-нибудь, чтобы утолить сколько нибудь приступы голода, какъ изъ двери одного большого моднаго магазина вышла молодая дама. На ней былъ короткій красный жакетъ и такого же цвѣта юбка. Боа изъ бѣлыхъ перьевъ окутывало ея шею. Изъ-подъ огромной шляпы съ чернымъ страусовымъ перомъ рѣзко выдѣлялись волнистые рыжевато-русые волосы; изящная газовая вуалетка чуть замѣтной паутинкой прикрывала нарумяненное лицо съ большими темными, слегка подрисованными глазами, короткимъ носомъ и яркой полоской пышнаго рта. Одной рукой она держала небольшой свертокъ, другою поддерживала тяжелыя складки платья.

Степанъ торопливо подошелъ къ ней и весь вздрогнулъ... Передъ нимъ стояла Дуня... Она, бросивъ разсѣянный взглядъ на Степана, тоже узнала его...

— Что, аль признала?..—тихо сказалъ Степанъ, острымъ взглядомъ впиваясь въ ея лицо.—Хорошъ?.. Ну, барыня, подай милостыню...

Первой мыслью Дуни было—бѣжать, но черезъ минуту она опомнилась. Дрожащей рукой, туго затянутой въ перчатку, она открыла свой маленькій ридикюль и, вынувъ рубль, протянула отцу. Потомъ быстро подошла къ извозчику и сѣла въ пролетку...

Степанъ неподвижно смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ вида; его посинѣвшія отъ холода губы что-то несвязно шептали...

Рѣшившись подъ вліяніемъ минуты протянуть свою руку,—руку, которою онъ всю жизнь зарабатывалъ себѣ и семьѣ хлѣбъ,—Степанъ переступилъ границу, отдѣляющую въ понятіи человѣка хорошее отъ дурного. Труденъ лишь первый шагъ. Это какъ нельзя лучше оправдалось на Степанѣ. Въ немъ какъ-то разомъ пропала охота работать, и взамѣнъ явилось желаніе добывать деньги болѣе легкимъ способомъ...

Онъ ходилъ по улицамъ, площадямъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, гдѣ не грозило присутствіе городового; стоялъ на паперти и въ извѣстные дни у домовъ благотворителей. Теперь явилась возможность быть сытымъ безъ труда; а если являлась непрошенная мысль о прошломъ, — онъ спѣшилъ залить ее водкой. Степанъ скоро усвоилъ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ профессіональные нищіе, — и въ выпрашиваніи милостыни доходилъ до тончайшихъ ухищреній, не сознавая, что съ каждымъ днемъ умираетъ его душа и гаснетъ залитый виномъ, всю жизнь горѣвшій въ немъ пламень.

И вотъ, судьба какъ-то столкнула его съ Дарьей.

Это было въ праздникъ. Дарья, отстоявъ обѣдню и выйдя на паперть, случайно замѣтила среди нищихъ Степана.

Онъ одѣтъ былъ въ ветхое пальто, съ торчащими въ разныхъ мѣстахъ клоками ваты; уши подъ старой шапкой были повязаны краснымъ платкомъ; онъ страшно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его въ послѣдній разъ: похудѣлъ, обрюзгъ; на впалыхъ щекахъ горѣлъ подозрительный румянецъ. Это былъ уже жалкій пропойца, вся цѣль жизни котораго заключалась въ одномъ: какъ можно больше собрать милостыни и тотчасъ пропить...

У Дарьи упало сердце при видѣ мужа.

— Степа... несчастный ты человѣкъ!.. На вотъ тебѣ!.. Уголъ-то есть у тебя?..

— Есть, Даша, есть... И уголъ, и вино есть Гришу помянуть... А больше мнѣ не надо...

Дарья заплакала и безпомощно махнула рукой.

Степанъ неподвижно смотрѣлъ на нее, и что-то осмысленное, отблескъ былого огня, мелькнуло на его лицѣ.

— Ты плачешь?.. Зачѣмъ?.. Что семьи не стало?.. Что подѣлаешь... Есть, значитъ, что-то на свѣтѣ посильнѣе насъ, и человѣку не совладать съ этимъ... А потому, махни рукой на все и терпи, покуда силъ хватитъ...

— Что тебя давно не видать?-- спросила Дарья, утеревъ глаза платкомъ.—Можетъ, помогла бы чѣмъ...

Степанъ молчалъ; ему не хотѣлось говорить, что, скитаясь по городу, ему не одинъ разъ приходилось бывать возлѣ больницы, и всякій разъ страстное желаніе видѣть Дарью овладѣвало имъ, но какое-то непонятное чувство всегда удерживало его, и онъ отходилъ прочь...

Дарья постояла минуты двѣ и ушла съ тяжелымъ чувствомъ, не подозрѣвая, что видитъ мужа въ послѣдній разъ...

Одинъ день выдался особенно неудачный для Степана.

Наканунѣ, вечеромъ, онъ попался на глаза околоточному. Увидавъ Степана на одной изъ площадей, онъ велѣлъ отвести его въ участокъ, откуда Степанъ вышелъ лишь къ концу слѣдующаго дня. Въ карманѣ не было ни копѣйки,—и сегодня, какъ нарочно, ему не везло; его красный опухшій носъ и угрюмо-озлобленный взглядъ отталкивали отъ него самыхъ щедрыхъ благотворителей, и рука съ копѣйкой протягивалась или бабѣ съ груднымъ ребенкомъ, или же къ его товарищу, сѣдому благообразному старику.

Простоявъ напрасно около двухъ часовъ и потерявъ всякую надежду что нибудь получить, Степанъ медленно побрелъ по улицѣ.

Наступали раннія зимнія сумерки; одинъ за другимъ зажигались фонари, мерцавшіе свѣтлыми точками на холодномъ голубомъ небѣ. По троттуару шли пѣшеходы, кутаясь въ теплую зимнюю одежду. По мостовой быстро мчались сани; изрѣдка проѣзжала карета, блеснувъ огнями фонарей.

Степанъ завистливо глядѣлъ на освѣщенныя окна трактировъ и харчевенъ, гдѣ въ облакахъ пара виднѣлись группы сидѣвшихъ... Угрюмый, голодный, шелъ онъ безцѣльно по троттуару. Вдругъ онъ остановился: возлѣ него тянулась зеленая рѣшетка сквера, а черезъ дорогу, на другой сторонѣ, высилось красное кирпичное зданіе дѣтской больницы. Яркій свѣтъ виднѣлся изъ большихъ оконъ; у подъѣзда горѣлъ фонарь.

Сердце Степана встрепенулось: что, если зайти туда и вызвать Дарью?.. Навѣрно, она не откажется дать ему четвертакъ.

Онъ быстро перешелъ улицу, но шаги его невольно за-

медлялись по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ освѣщенному подъѣзду. Въ душѣ поднялся протестъ.

Вызвать Дарью?.. Снова ее тревожить?.. Положимъ, она дастъ ему двугривенный или четвертакъ, а потомъ?.. И онъ быстро, не оглядываясь, словно боясь, что желаніе возьметъ верхъ надъ доводами просвѣтлѣвшаго разсудка, пошелъ прочь...

Что-то темное, холодное медленно поднималось изъ глубины души Степана. Ему захотѣлось какъ можно дальше уйти отъ этихъ сытыхъ, довольныхъ людей, брезгливо отворачивавшихся отъ него, отъ этой женщины, успокоившейся отъ тревогъ и страданій жизни за толстыми каменными стѣнами и большими свѣтлыми окнами...

Онъ шелъ и шелъ...

Все рѣже становились большіе каменные дома; начинались кривыя, неправильныя улицы окраины, съ низкими деревянными домами, въ которыхъ мерцали тусклые огни; замелькали вывѣски трактировъ, харчевенъ и постоялыхъ дворовъ. Степанъ миновалъ предмѣстье. Прямо передъ нимъ раскинулась широкая равнина, одѣтая мертвымъ бѣлымъ покровомъ. Лѣвѣе, въ сторонѣ, высилась насыпь желѣзнодорожнаго полотна, тонувшаго во мракѣ; вдали свѣтлыми точками обозначались жилища какого-то поселка. Темное, глубокое, какъ бездна, небо раскинулось надъ равниной. Тамъ, позади, темной, неясной громадой виднѣлся городъ съ сотнями огней, съ высокими безобразными трубами фабрикъ и заводовъ.

Степанъ остановился, пораженный мрачной, зловѣщей картиной.

Что-то безконечно-печальное было въ этомъ громадномъ, мертвомъ, застывшемъ пространствѣ, и у него невольно сжалось сердце и холодная дрожь пробѣжала по спинѣ...

А въ неподвижномъ воздухѣ отчетливо раздавались разноголосые свистки паровозовъ, то злобные, отрывистые, то протяжные, завывающіе, то безумно надрывающіеся, словно вопли доведеннаго до отчаянія человѣка... Степанъ прислушивался къ нимъ, и все тоскливѣе становилось на его душѣ...

Не такъ ли мрачна и безотрадна его жизнь?.,

И въ первый разъ въ его мозгу съ безпощадной ясностью возникъ вопросъ: стоитъ ли жить?...

Онъ медленно, съ трудомъ взобрался на насыпь и опустился на снѣгъ, а мысль, какъ бабочка возлѣ огня, безпокойно работала въ его головѣ.

Какой-то ослѣпительно-яркій свѣтъ внезапно озарилъ умъ.

Онъ мысленно оглянулся на прожитое и мгновенно

ужаснулся глубины своего паденія... Кто-то другой, бодрый, свѣтлый, крѣпко спавшій въ немъ, вдругъ пробудился и горько упрекнулъ его...

Степанъ слушалъ и какая-то пелена спадала съ помраченнаго сознанія...

Онъ, всю жизнь лелѣявшій завѣтную мечту, умѣвшій гордо возноситься духомъ надъ трясиной жизни,—струсилъ въ концѣ-концовъ.

И тогда-то началось его паденіе... Онъ рѣшился протянуть руку этимъ бездушнымъ, жестокимъ фарисеямъ, великодушно дававшимъ ему свои гроши...

Нѣтъ, довольно такой жизни, довольно униженій предъ людьми, которые хуже, гаже его...

А было время, когда у него была семья, когда его сердце билось страстной любовью къ погибшему сыну...

И тихая грусть овладѣла Степаномъ, смѣнивъ порывъ злости и возмущенія... Ему стало невыразимо жаль себя...

Да, *тогда* онъ былъ другой, *тогда* его душа горѣла завѣтной мечтой. Погибла мечта, и душа опустѣла и стала засыпать... Такъ не надо жизни, не надо этого голода, лишеній, униженій предъ людьми...

Умереть... Да, умереть...

Онъ всегда старался освѣтить, осмыслить свою жизнь... Виноватъ ли онъ, что въ концѣ-концовъ изнемогъ и упалъ... И всетаки ему не въ чемъ упрекнуть себя; душа его всю жизнь горѣла чистымъ пламенемъ, и, не смотря на ежедневную сутолоку жизни, онъ не погрязъ въ ея тинѣ...

Степанъ приподнялся съ мѣста и, выпрямившись во весь ростъ, оглянулся туда, гдѣ, блестя сотнями огней, виднѣлся громадный городъ...

Тамъ прошла его жизнь, *тамъ* осталось все, дорогое ему...

Усталые, тусклые глаза вспыхнули огнемъ, сердце затрепетало... Но это уже не было злобой...

Онъ почувствовалъ приливъ запоздавшей силы, силы прямо взглянуть въ лицо тому страшному и загадочному, передъ чемъ онъ трепеталъ всю жизнь.

Теперь не было страха въ его душѣ. Жизнь низко, безсмысленно обманула его, и онъ больше не боялся ея...

Вдали послышался ревъ паровоза и блеснули два яркоогненныхъ глаза...

Вотъ слышенъ однообразный грохотъ колесъ, и вмѣстѣ съ нимъ съ каждой секундой приближается то страшное, неизбѣжное, что сейчасъ положитъ конецъ страданіямъ, трусости...

Степанъ выждалъ минуту, потомъ ринулся впередъ и легъ на рельсы...

Леденящій холодъ пронизалъ его тѣло. Но все, что осталось въ немъ живого, сосредоточилось въ одномъ остромъ чувствѣ близкаго освобожденія...

Шапка свалилась съ его головы, разсыпались волнистые сѣдые волосы; твердый холодный снѣгъ покрылъ пылавшую голову...

Ему чудилось, что со всѣхъ сторонъ несется громкій, торжественный гулъ колоколовъ и наполняетъ собою все громадное, покрытое мертвой снѣжной пеленой, пространство...

...Ближе... ближе...

Черное чудовище промчалось дальше, прорѣзывая огненными искрами тьму ночи...

С. Лесскисъ.

ЮЖНЫЙ ПОЛДЕНЬ.

Обрызганъ пѣною жемчужной,
Внизу, у скалъ, шумитъ прибой,
И ярко блещетъ полдень южный,
И куполъ неба голубой.
И облака надъ моремъ, тая,
Сверкаютъ чудной бѣлизной,
Сверкаетъ отмель золотая...
Повсюду краски, блескъ и зной!

Въ тѣни могучаго платана
Я здѣсь лежу, на высотѣ,
Подъ тихій шелестъ великана
Отдавшись праздничной мечтѣ.
И въ эти чудныя минуты
Въ душѣ просторно и свѣтло,—
И позабыты жизни смуты
И торжествующее зло!..

Н Шрейтеръ.

Θаддей Булгаринъ.

I.

Въ прошломъ русской журналистики есть одно имя, еще и до сихъ поръ произносимое съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Сказать: „Θаддей Булгаринъ"—значитъ возобновить въ памяти фигуру доносчика-добровольца; назвать теперь кого нибудь этимъ именемъ—значитъ оскорбить его. Цѣлое сорокалѣтіе въ недолгой жизни русской журналистики, съ 1819 по 1859 г., связано съ этой личностью. Каждый, интересующійся эпохою Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго, встрѣчается съ Булгаринымъ; ни одно сочиненіе по исторіи этого періода, ни одинъ томъ относящихся къ нему воспоминаній не могли обойтись безъ упоминанія этого имени. Вотъ почему пройти мимо Θаддея Булгарина нѣтъ никакой возможности при освѣщеніи всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ жизнь русской литературы 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Фигура эта слишкомъ замѣтна при всемъ своемъ ничтожествѣ. Булгаринъ былъ не одинъ. Его окружали и сподвижники. Какъ представитель извѣстной группы, Булгаринъ несомнѣнно былъ результатомъ тѣхъ общихъ условій, которыя регулировали печатное выраженіе общественной мысли. Не будь того взгляда на литературу, который красной нитью проходилъ черезъ всю эпоху подвиговъ Булгарина, Булгарины не существовали бы; русская литература, общество сумѣли бы съ ними справиться. Но этого имъ сдѣлать не пришлось, и фигура Θаддея Булгарина стоитъ теперь передъ нами во весь свой ростъ.

Я потому поставилъ своей задачей возможно полную характеристику Булгарина, что до сихъ поръ о немъ нѣтъ подобной работы. Считается, что онъ достаточно извѣстенъ, а между тѣмъ это далеко не такъ.

II.

Начнемъ съ біографіи Булгарина до его „извѣстности".

Въ 1794 г., въ разгаръ польской революціи, нѣкій Бенедиктъ Булгаринъ убилъ генерала Воронова, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Жена его съ пятилѣтнимъ сыномъ Θаддеемъ (род

24 іюня 1789 г.) отправилась въ Петербургъ и не безъ хлопотъ опредѣлила мальчика, въ 1798 г., въ сухопутный (нынѣ I-й) кадетскій корпусъ. Въ 1806 г.. успѣшно окончивъ ученіе, Булгаринъ, съ чиномъ корнета, былъ опредѣленъ въ уланскій Е. И. В. Государя Цесаревича полкъ. Жизнь въ Петербургѣ онъ велъ довольно разгульную, что, впрочемъ, тогда не было исключеніемъ изъ общихъ офицерскихъ нравовъ. Вскорѣ онъ попалъ въ кампанію 1806 — 1807 г.г., и получилъ на саблю анненскій темлякъ. Подъ Фридландомъ онъ былъ раненъ въ животъ и, лежа въ кенигсбергскомъ лазаретѣ, встрѣтился со многими своими соотечественниками-поляками, служившими въ наполеновской арміи. Они приглашали Булгарина перейти къ французамъ, но онъ отвѣчалъ имъ, что теперь это было бы безчестно. По возвращеніи изъ похода въ Финляндію, Булгаринъ написалъ злую сатиру на полкового командира и за это, въ началѣ 1809 г., переведенъ былъ въ кронштадтскій гарнизонный полкъ; въ серединѣ слѣдующаго года онъ перевелся въ Ямбургскій уланскій полкъ. Здѣсь онъ былъ аттестованъ плохо и 10 мая 1811 г. уволенъ отъ службы. Это произошло въ Ревелѣ. Булгаринъ до того опустился, что, ставъ прихлебателемъ у писарей полковой канцеляріи, выходилъ на городской бульваръ, гдѣ протягивалъ гуляющимъ руку, прося милостыню, при этомъ всегда въ литературныхъ, а иногда и въ стихотворныхъ выраженіяхъ. Потомъ фигура, знакомая ревельцамъ, вдругъ исчезала — Булгаринъ запилъ горькую. Дошелъ онъ до того, что въ одинъ прекрасный день укралъ пальто у одного офицера... Въ это-то время онъ рѣшилъ перейти въ польскую армію и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Варшаву, откуда въ званіи рядового отправленъ въ полкъ, бывшій уже въ Испаніи. Состоя въ рядахъ французской арміи и достигнувъ въ ней капитанскаго чина, Булгаринъ, находясь въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовалъ противъ гр. Витгенштейна, что потомъ тщательно скрывалъ. Въ 1814 г. пруссаки взяли его въ плѣнъ, а по прекращеніи войны и обмѣнѣ плѣнныхъ, онъ вернулся въ Варшаву, откуда вскорѣ перебрался въ Петербургъ, женился и сталъ искать покровительства прежнихъ знакомыхъ и пріятелей.

Отсутствіе всякихъ средствъ толкнуло его пойти въ стряпчіе, но, испытавъ на этомъ поприщѣ неудачу и видя, что можно заняться литературою, Булгаринъ, въ 1822 г., вступаетъ на этотъ путь уже окончательно, сдѣлавшись издателемъ журнала „Сѣверный Архивъ“, а до того пописывая пустяковыя повѣстушки, историческія и географическія замѣтки *). Лишенный характера

*) Все сказанное есть результатъ критической сводки слѣдующихъ источниковъ: *Н. И. Гречъ*—«Ѳ. В. Булгаринъ» (Русск. Стар.», 1871 г. XI), *А. Н.*—«Военная служба Ѳ. В. Булгарина» (Русск. Стар.», 1874 г.», IV), *П. Нащокинъ*—

общаго журнала, „Сѣверный Архивъ“ поставилъ своей задачей исторію, статистику, путешествія и, конечно, при бѣдности журналистики имѣлъ кое-какихъ читателей.

Булгаринъ, понимая необходимость литературныхъ связей, сумѣлъ сойтись съ лучшею молодежью того времени. Въ числѣ его пріятелей и знакомыхъ мы видимъ Грибоѣдова, Рылѣева, братьевъ Бестужевыхъ, Кюхельбекера, Ник. Ив. и Алек. Ив. Тургеневыхъ и др. Авторъ „Горя отъ ума“ до смерти не охладѣлъ къ Булгарину и ему же оставилъ рукопись своей комедіи, принесшую Булгарину не одну тысячу рублей... Рылѣевъ говорилъ, что истинно любилъ его. Правда, нѣкоторые относились къ нему, какъ къ „балаганному фигляру, приманивающему людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками“; другіе цѣнили его, какъ интереснаго разсказчика. Какъ бы то ни было, Булгаринъ вращался въ средѣ лучшаго, что давала тогда петербургская интеллигенція.

Одновременно онъ сблизился и съ тѣми кругами, гдѣ обдѣлывали свои темныя дѣла Магницкіе и Руничи; сумѣлъ снискать расположеніе Аракчеева, не пропустилъ и Скобелева,—вѣрнаго агента тайнаго надзора, тогда еще не переданнаго Бенкендорфу. Но эта оборотная сторона медали не была видна энтузіастамъ середины 20-хъ годовъ. А. Бестужевъ и Рылѣевъ, издавая альманахъ „Полярная Звѣзда“, печатали тамъ Булгарина, не зная, какую змѣю они отогрѣвали на своей груди. Булгаринъ всячески старался подлаживаться подъ господствовавшее настроеніе образованной молодежи, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то, конечно, сочувствовалъ на словахъ конституціоннымъ стремленіямъ декабристовъ. Его любимая поговорка была: „Варвара мнѣ тетка, а правда сестра“... Только передъ самой катастрофой 14 декабря 1825 г., когда Булгаринъ, благодаря искательству у Аракчеева и Шишкова, сдѣлался издателемъ газеты „Сѣверная Пчела“ и сразу же неумѣло раскрылъ свои карты, ставъ грубымъ льстецомъ высшей бюрократіи,—его начали понимать уже не только какъ безвреднаго паяца и болтуна... Рылѣевъ какъ-то разъ, очень раздраженный пресмыкательствомъ булгаринской газеты, крикнулъ: „Когда случится революція, мы тебѣ на „Сѣверной Пчелѣ“ голову отрубимъ!...“ Это былъ, несомнѣнно, голосъ не одного автора „Думъ“, даже не исключительно его кружка *).

«О Булгаринѣ» (Русск. Арх.», 1884 г., VI). *Н. Д.*—«Къ исторіи русск. литературы» («Русск. Стар.», 1900 г., IX). *Н. Гастфрейнъ*—«Матеріалы къ біографіи Ѳ. В. Булгарина» («Литер. Вѣстн»., 1901 г., IV); Энциклопедич. словарь Брокгауза.

*) «Русск. Стар.», 1873 г., IV, 466; *Т. Сосновскій*—«А. С. Грибоѣдовъ» («Русск. Стар.», 1874 г., VI); *М. Бестужевъ*—«Записки» (Русск. Стар.», 1881 г. XI); *С. Венгеровъ*—«Ежедневная печать конца дореформенной эпохи» («Лит.

Въ 1823 г. Булгаринъ началъ издавать второй журналъ—„Литературные Листки“ и въ это время познакомился съ Н. И. Гречемъ. Дружба этихъ двухъ достойныхъ другъ друга людей была закрѣплена съ начала 1825 года совмѣстнымъ изданіемъ „Сѣверной Пчелы“, „Архива“, „Сына Отечества“; въ 1829 г. „Архивъ“ былъ присоединенъ къ „Сыну Отечества“ Греча, и, такимъ образомъ, два друга соединились очень крѣпко, Гречъ цѣнилъ въ Булгаринѣ ловкость и пронырство; Булгарину другъ былъ необходимъ, благодаря его связямъ и научному цензу...

Надо ли говорить, что событія 14 декабря 1825 года нисколько не отразились на Булгаринѣ? Успѣвшій проявить въ „Сѣверномъ Архивѣ“, „Литературныхъ Листкахъ“ и „Сѣверной Пчелѣ“ полную свою благонамѣренность, а въ личныхъ связяхъ и подслуживаніяхъ — готовность по приказанію думать такъ, или иначе,—Булгаринъ, конечно, былъ оставленъ въ сторонѣ, не смотря на пріятельство съ арестованными. По какому-то недоразумѣнію, очень скоро разсѣянному, онъ былъ взятъ лишь подъ строгій присмотръ петербургскаго генералъ-губернатора. Извѣщая о таковой высочайшей волѣ, дежурный генералъ главнаго штаба Потаповъ, просилъ также у генералъ-губернатора справку о службѣ Булгарина послѣ отставки, такъ какъ она требовалась государемъ. Генералъ-губернаторъ Кутузовъ сообщилъ данныя о прошломъ Булгарина, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. Булгаринъ взволновался и немедленно, 12 мая 1826 г., написалъ Потапову очень пространное письмо, гдѣ, доказывая свою „братскую любовь къ Россіи“, просилъ повергнуть къ стопамъ государя слѣдующую просьбу:

„Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе многихъ первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики. Ни однимъ поступкомъ, ни одною строкою я въ продолженіе 10 лѣтъ не погрѣшилъ противъ установленнаго порядка вещей. А десять лѣтъ много времени въ нашей краткой жизни! Напротивъ того, я многими сочиненіями старался посѣять въ сердцахъ любовь и довѣренность къ престолу и чистую нравственность. Стоитъ взглянуть въ книжку „Сѣвернаго Архива“, вышедшую въ свѣтъ тремя днями ранѣе, предъ несчастнымъ днемъ 14 декабря (отпечатанную 8-го декабря), и прочесть

Вѣстн.», 1902, VIII); *М. Семевскій* — «Альманахъ» «Звѣздочка на 1826 г.» («Русск. Арх.», 1869 г., IV), *Н. Гречъ*—«Ѳ. В. Булгаринъ» («Русск. Стар.» 1871 г. XI); «И. П. Скобелевъ и Ѳ. В. Булгаринъ» («Русск. Стар.», 1895 г., XI), *П. Каратыгинъ*—«Записки» («Русск. Стар.» 1873 г., II); *В. Инсарскій*—«Записки» («Русск. Стар.», 1894 г., II); «Изъ бумагъ Рылѣева» («Девятнадц. вѣкъ», I).

мою повѣсть „Бѣдный Макаръ“, чтобы удостовѣриться, какія правила я стараюсь распространять и какія чувства прививать молодымъ людямъ. Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опасаясь какой нибудь таинственной цѣли. Но званіе благонамѣреннаго русскаго писателя и смиреннаго вѣрноподданнаго столь несовмѣстно съ несчастнымъ моимъ званіемъ французскаго офицера, что это мучитъ меня и терзаетъ. Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать эту страницу изъ моей жизни. Надѣюсь, что по ходатайству вашего превосходительства всемилостивѣйшій государь императоръ обратитъ вниманіе на бѣднаго литератора и внемлетъ моей всеподданнѣйшей просьбѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы, въ уваженіе моихъ малыхъ заслугъ на полѣ брани въ 1807 и 1808 годахъ и трудовъ моихъ въ литературѣ, была мнѣ выдана отставка изъ инспекторскаго департамента, въ томъ чинѣ, въ которомъ я находился въ русской службѣ, и чтобы переименовать меня въ статскій чинъ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ я могу быть полезенъ государю императору пріобрѣтенными мною небольшими свѣдѣніями и опытностью. Смѣю надѣяться, что если ваше превосходительство захотите вступиться въ это дѣло, то великодушный и милосердный монархъ не откажетъ мнѣ въ этомъ желаніи, устремленномъ къ цѣли быть ему вѣрнымъ и полезнымъ слугою“ *).

Черезъ нѣсколько дней, Булгаринъ, съ цѣлью укрѣпить въ Потаповѣ убѣжденіе въ своей благонамѣренности и способности быть вѣрнымъ и полезнымъ слугою государя, представилъ ему очень интересную записку „О цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще“, взявъ предварительно честное слово, что она не будетъ извѣстна съ его именемъ министру просвѣщенія Шишкову... Булгаринъ и ранѣе подавалъ уже записки такого же характера, но эти записки были гораздо менѣе обстоятельны. Подавалъ ихъ Булгаринъ тогдашнему генералъ-губернатору Милорадовичу; въ одной изъ нихъ онъ коснулся нѣкоторыхъ распоряженій по театральной части; въ другой говорилъ о „курсѣ“, наступившемъ въ цензурѣ при министрѣ народнаго просвѣщенія Шишковѣ, обращая главное вниманіе на цензированіе сочиненій духовнаго содержанія. Послѣдняя записка была представлена Александру I. Но ни по той, ни по другой ничего не было предпринято. Булгаринъ лишь зарекомендовалъ себя „вѣрнымъ человѣкомъ“ въ глазахъ тогдашняго начальника секретной части—Милорадовича. Теперь, когда генералъ-губернаторъ былъ убитъ въ декабрьской катастрофѣ, нужно было, конечно, напомнить о себѣ, въ особенности въ виду указанной выше просьбы государю.

---

*) *Н. Д.* «Къ исторіи русской литературы», «Русск. Стар.», 1900 г., IX. 576—579.

Говоря о сущности общественнаго мнѣнія, Булгаринъ замѣчаетъ: „большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присваивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сами, и какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія, нежели предоставлять его на волю людей злонамѣренныхъ“. А такъ какъ подобное управленіе требуетъ знанія публики, то Булгаринъ и останавливается прежде всего на ея классификаціи. По его мнѣнію, она дѣлится на знатныхъ и богатыхъ людей, среднее состояніе, нижнее состояніе и ученыхъ и литераторовъ.

Первые,—„отданные съ дѣтства на руки французскихъ гувернеровъ, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ, получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ“ и, потому, „всѣхъ людей, даже китайцевъ, почитаютъ французами, смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ“. „Хотя по своему положенію въ свѣтѣ сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность заставляютъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства“. „Правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ *приверженныхъ правительству писателей*“.

Но „истинныхъ литераторовъ, владѣющихъ языкомъ, начитанныхъ, знающихъ Россію и ея потребности и способныхъ распространить, изложить, украсить всякую *заданную* тему—должно сознаться къ стыду,—также мало. Но какъ у насъ всякій стихотворецъ и памфлетистъ пользуется въ обществѣ нѣкоторымъ преимуществомъ и даже имѣетъ вліяніе на свой кругъ общества, то вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ *ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ, о театрѣ и т. п.*“. „Съ этимъ классомъ гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣятельность ихъ уму и обращать дѣятельность истинно просвѣщенныхъ людей на предметы, *избранные самимъ правительствомъ*, а для всѣхъ вообще имѣть какую нибудь одну общую *маловажную* цѣль, напримѣръ, театръ, который у насъ долженъ замѣнить сужденіе о камерахъ и министрахъ. Весьма замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди перестали посѣщать театры, начали сходиться вмѣстѣ, толковать вкось и впрямь о политикѣ, жало-

ваться на правительство даже явно *). Я въ душѣ моей увѣренъ, что сія неполитическая мѣра увлекла многихъ юношей въ бездну преступленія и въ тайныя общества“.

Подъ „среднимъ состояніемъ“ Булгаринъ подразумѣваетъ достаточныхъ, но не богатыхъ дворянъ, находящихся на службѣ, всѣхъ другихъ дворянъ, приказныхъ, богатыхъ купцовъ и промышленниковъ и частью мѣщанъ. По его мнѣнію, эта публика очень нетребовательна въ области чтенія. „Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Къ этому два средства: справедливость и *нѣкоторая гласность*“. „Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону *одною только тѣнью свободы* въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства“. „Возстановленіемъ сужденій о томъ, что угодно будетъ правительству передать на сужденіе публики, произведется благодѣтельное вліяніе на умы и не только въ Россіи, но даже и въ чужихъ краяхъ. Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость, неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины“.

Нельзя, кстати, не замѣтить, что точно таковы были убѣжденія и гр. П. А. Валуева, въ силу которыхъ, черезъ тридцать шесть лѣтъ Россія имѣла особый органъ—„Сѣверную Почту“ (1862 г.)...

Что касается „нижняго состоянія“, т. е. мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, деревенскаго духовенства и раскольниковъ, — то, по мнѣнію Булгарина, этими людьми можно легко управлять „магическимъ жезломъ—*Матушка Россія*“. „Искусный писатель — пишетъ онъ — представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ“.

Начертавъ, такимъ образомъ, планъ быстраго, легкаго и вѣрнаго способа успокоенія русской публики, Булгаринъ останавливается на недостаткахъ современной ему цензуры. Здѣсь, что ни слово, то доносъ на бездѣятельность Шишкова, того Шишкова, который помогъ ему основать „Сѣверную Пчелу“ и другіе булгаринскіе органы. Я не буду подробно приводить эту часть записки, потому что въ ней ничего, кромѣ собранія цензурныхъ курьезовъ, нѣтъ: Булгаринъ всетаки хотѣлъ большей свободы печати отъ усмо-

*) Дѣйствительно, въ то время было запрещено не только что бы то ни было печатать о театрѣ, но даже выражать свое удовольствіе игрою артистовъ апплодисментами или иными знаками... Разрѣшеніе на то и другое послѣдовало только въ 1828 году, но и затѣмъ неоднократно указывалось на необходимость «умѣреннаго порицанія, никому не нужнаго»...

трѣнія отдѣльныхъ цензоровъ, хотя и ограничивался „маловажнымъ предметомъ“. Скажу только, что въ проектѣ новой организаціи петербурскаго цензурнаго комитета онъ указываетъ на безусловную необходимость подчинить цензированіе театральныхъ пьесъ и періодическихъ изданій министерству внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи. „Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей и читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И какъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ сему орудія“ *).

Потаповъ передалъ записку Булгарина своему начальнику, бар. И. И. Дибичу, а послѣдній приказалъ спросить автора, считаетъ ли онъ полезнымъ представить копію съ нея Шишкову, какъ разъ въ это время вырабатывавшему проектъ устава о цензурѣ 1826 г. Булгаринъ сильно перетрусилъ и просилъ Потапова не причинять ему грозящихъ большихъ непріятностей. „Я мыслю только для государя императора—писалъ онъ генералу,—я покорнѣйше прошу в. п. заступленія и покровительства въ семъ дѣлѣ“. Бар. Дибичъ поспѣшилъ успокоить Булгарина, написавъ на запискѣ: „Призовите его къ себѣ и успокойте его, ибо именно для того прежде спрашивали его же, и онъ напрасно трусить; можно сдѣлать выписку изъ онаго и переписать рукою писаря и препроводить къ министру просвѣщенія, а оригиналъ оставить у меня самого. Я бы желалъ видѣть этого Булгарина; если онъ человѣкъ, желающій добра и уменъ, то долгъ службы требуетъ ему открыть дорогу и *простить прошедшее есть всегда дѣло доброе*“.

Такимъ образомъ, все окончилось благополучно: Булгаринъ выигралъ въ мнѣніи людей, стоявшихъ во главѣ высшей полиціи. Но его удача пошла еще дальше: переписанная записка была отправлена Шишкову съ увѣдомленіемъ, что государю, ее прочитавшему, угодно имѣть по сему предмету его мнѣніе... **).

III.

За два дня до такого исхода дѣла на сцену появляется гр. А. Х. Бенкендорфъ съ помощникомъ своимъ М. Я. фонъ-Фокомъ. Очевидно, нужно было принять мѣры для знакомства съ этими необходимыми людьми. Булгаринъ понималъ, что личнаго знакомства не замѣнятъ никакія „записки“.

Гречъ помогъ Булгарину познакомиться сейчасъ же съ Фокомъ,

---

*) *Н. Д.* «Къ Исторіи русской литературы»—«Русск. Стар.», 1900 г. IX, 579—590.

**) Ibidem., 590—591.

которому Булгаринъ сразу понравился и водворился у него въ домѣ уже своимъ человѣкомъ... „Но не доносилъ, а выспрашивалъ и выглядывалъ, не грозитъ-ли какая либо бѣда ему или „Пчелѣ“— предупредительно добавляетъ Гречъ въ своихъ „Запискахъ“. Далѣе, сказавъ, что Фокъ представилъ Булгарина Бенкендорфу, что Булгаринъ льстилъ всесильному генералу, всячески выхвалялъ его и т. д.—услужливый alter ego снова добавляетъ: „но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ, и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ“ *). Ниже мы увидимъ изъ документовъ—источника гораздо болѣе достовѣрнаго, чѣмъ слова Греча,— какую роль занималъ Булгаринъ... Во всякомъ случаѣ, жалобъ Булгарина Бенкендорфу на своихъ литературныхъ противниковъ не отрицаетъ и его вѣрный другъ...

Просьба Булгарина о дарованіи ему настоящей отставки и объ опредѣленіи въ гражданскую службу перешла теперь къ Бенкендорфу. Очевидно, послѣдній скоро успѣлъ узнать близко способности издателя „Пчелы“, потому что уже 28 октября 1826 года, т. е., черезъ четыре мѣсяца послѣ вступленія въ свою новую должность, Бенкендорфъ увѣдомилъ Шишкова, что „бывшій капитанъ французской службы Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общеполезнымъ“, и что государь соизволилъ на причисленіе его къ министерству народнаго просвѣщенія. А 22-го ноября послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: „обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ VIII-й классъ и причислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія“ **). Шишковъ не далъ, однако, Булгарину никакой опредѣленной должности, и онъ лишь *считался* чиновникомъ особыхъ порученій ***).

Записка Бенкендорфа о „похвальныхъ литературныхъ трудахъ“ Булгарина настолько интересна, что на ней нельзя не остановиться.

„Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами“,—таково вступленіе. Изъ дальнѣйшаго мы, кстати, ознакомимся съ нѣкоторыми фактами біографіи Булгарина, не приведенными выше.

„Съ 1816 года, онъ, снискавъ уже почетное имя въ польской словесности, началъ трудиться для россійской, помѣщая сперва

*) «Русск. Стар.», 1871 г., XI, 509.

**) *М. Сухомлиновъ* «Полемическія статьи Пушкина», «Истор. Вѣстн.». 1884 г., III, 485.

***) Ibidem., 487.

статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ, вмѣсто учебной книги, употребляютъ *полное* *) изданіе Гораціевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ „Избранныя оды Горація, съ комментаріями на россійскомъ языкѣ", гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностью. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища. Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя, Булгаринъ издалъ: „Славныя воспоминанія россіянъ XIX столѣтія", собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для эрмитажной библіотеки. Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ, свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 г. изданіе журнала „Сѣверный Архивъ", который исключительно посвященъ исторіи, статистикѣ, путешествію и правовѣдѣнію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ (!), которые безпрестанно (!) и всѣ (!) пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства, и бывшій министръ просвѣщенія кн. Голицинъ, безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища... Съ 1823 г. Булгаринъ издавалъ „Литературные Листки", посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ „Воспоминаніе объ Испаніи", въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ „Русская Талія"... Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ „Сѣверную Пчелу", литературную и политическую газету, коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрноподданническихъ чувствованій и въ направленіи къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чистотѣ нравовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 года и статью на плачевную кончину блаженныя памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты... Что Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ,

---

*) Курсивъ подлинника.

которой пагубные замыслы открылись впослѣдствіи, сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже стращали публично, что современемъ ему отрубятъ голову въ „Сѣверной Пчелѣ“ за распространеніе неевропейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ и, видя какое-то сближеніе между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противодѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ: „Бѣдный Макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый герой“, появившаяся въ свѣтъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 8 декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно *) журналъ „Дѣтскій Собесѣдникъ“ и, чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ взглянуть на статью: „Исторія Славянъ“. Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрноподданническихъ чувствованій между россійскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость **), Булгаринъ получитъ новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности, и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія, произведетъ благодѣтельныя дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно (?), тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія“ ***).

Уже это „похвальное слово“ представляетъ роль Булгарина нѣсколько иначе, чѣмъ старался изобразить ее Гречъ. Но у насъ есть и другія, еще болѣе краснорѣчивыя данныя для выясненія этой роли.

Въ 1831 году Булгаринъ уѣхалъ, по болѣзни, въ отпускъ, въ свое имѣніе Карлово (подъ Дерптомъ) и оттуда просилъ министра народнаго просвѣщенія, кн. Ливена, продлить ему отпускъ сверхъ раньше даннаго срока (съ 1 марта по 1 іюня 1831 г.). По докладу министра, не особенно жаловавшаго своего „чиновника особыхъ порученій“, государь отказалъ, не желая дѣлать исключеній изъ общаго правила. Надо было или явиться въ срокъ, или подать въ отставку. Больной Булгаринъ избралъ второе: въ то время его положеніе уже вполнѣ выяснилось, и служба ему не особенно была и нужна. Но онъ разочи-

*) Только для подписчиковъ «Сѣв. Архива», «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы», въ видѣ приложенія...

**) Т. е. безпорочную отставку отъ военной русской службы и опредѣленіе въ службу гражданскую.

***) *М. Сухомлиновъ.*—«Истор. Вѣстн.», 1884, II, 483—487.

тывалъ получить при отставкѣ чинъ надворнаго совѣтника, а Ливенъ не сдѣлалъ и такого снисхожденія, находя, что разъ Булгаринъ не имѣлъ опредѣленной должности, то и судить о его способностяхъ нельзя. Отставка была дана 9 сентября. Булгаринъ увѣдомилъ объ этомъ своего благодѣтеля, и вотъ, 15-го декабря 1831 г., Бенкендорфъ пишетъ упорному министру:

„Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; *что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ*, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ вашею свѣтлостью о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и при томъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ при увольненіи его не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ" *).

Дѣло было передано въ комитетъ министровъ, но послѣдній согласился съ кн. Ливеномъ.

Теперь никто уже не можетъ сомнѣваться въ настоящемъ мѣстѣ службы чиновника, дѣйствительно, „особыхъ" порученій, Ѳаддея Булгарина. Правда, еще гр. Блудовъ говорилъ Никитенку, что ему положительно извѣстна служба Булгарина по тайной полиціи во время Бенкендорфа **), но этого было, пожалуй, недостаточно, потому что не документально, а во-вторыхъ, можно было думать, не спуталъ-ли старикъ Блудовъ Болеслава Булгарина (сына Ѳаддея) съ отцомъ: Булгаринъ-сынъ офиціально служилъ чиновникомъ въ III отдѣленіи съ начала 50-хъ годовъ ***).

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ текстѣ булгаринскихъ органовъ не встрѣчается прямыхъ доносовъ или „благонамѣренныхъ указаній": они не нужны были, потому что Булгаринъ о каждомъ литературномъ „преступленіи", о каждомъ ударѣ по его карману конкуррирующими изданіями непосредственно сообщалъ, куда слѣдовало. Печатать доносъ, будучи увѣреннымъ въ его успѣшности,—для этого надо или быть гораздо глупѣе Булга-

---

*) Ibidem., 488.

**) *А. Никитенко.* Дневникъ, «Русск. Стар.», 1890 г., VII, 155.

***) Странно, что цитированная статья г. Сухомлинова (1884 г.) осталось, повидимому, неизвѣстною ни г. Скабичевскому, ни г. Боцяновскому («Къ характеристикѣ Ѳ. В. Булгарина» — «Литер. Вѣстн.» 1901 г., II), ни г. Венгерову («Ежедневная печать конца дореформенной эпохи»—«Литер. Вѣстн.» 1902 г., VIII), ни нѣкоторымъ другимъ, писавшимъ о Булгаринѣ; по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не рѣшается утверждать о службѣ Булгарина въ III отдѣленіи и ни разу не упоминаетъ этой очень цѣнной статьи.

рина, или стоять гораздо дальше отъ „блюдущихъ" за литературою органовъ. Зачѣмъ публично дѣлать себя виновникомъ чужихъ бѣдъ, когда то же можно сдѣлать келейно? Съ другой стороны, правъ и г. Венгеровъ въ своемъ утвержденій простой невозможности въ то время печатныхъ доносовъ. Дѣйствительно, въ первую половину прошлаго столѣтія „ничто не должно было нарушать убѣжденіе русскаго обывателя въ томъ, что благонамѣренность и покорность такія же неотъемлемыя качества святой Руси, какъ неотъемлемъ воздухъ, которымъ она окружена". Совершенно вѣрно, что „Булгаринъ не долженъ былъ упрекать „Современникъ" въ якобинствѣ, потому что это, во-первыхъ, доказывало бы, что Дубельтъ плохо бдитъ, и еще болѣе потому, что самая мысль о возможности ослушанія заключала въ себѣ соблазнъ. Булгаринъ не долженъ былъ доказывать превосходство Дубельтовской системы предъ всякими иными, потому что это показывало бы, что есть на Руси люди, которые въ этомъ сомнѣваются" *).

Кое-какія выраженія „Сѣверной Пчелы" если и могутъ быть разсматриваемы, какъ доносы, то всетаки они имѣли иное значеніе. Указать на вольнодумство Пушкина значило, въ сущности, не донести на поэта, а лишь помочь въ стремленіи представить его такимъ сильнымъ міра сего, несогласнымъ съ озлобленнымъ противъ Пушкина Бенкендорфомъ. Когда же нужно было наказать кого-нибудь, эта форма „сообщенія къ свѣдѣнію" считалась непрактичною...

IV.

У насъ нѣтъ пока данныхъ, позволяющихъ судить о тѣхъ особыхъ литературныхъ порученіяхъ, которыя Булгаринъ исполнялъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своей новой службы, по прошествіи коихъ онъ былъ аттестованъ Бенкендорфомъ, въ приведенномъ уже письмѣ кн. Ливену, какъ „ревностный къ пользамъ государственной службы" чиновникъ. Но есть основаніе предполать, что въ числѣ этихъ порученій были кое-какіе извѣстные теперь факты. На нихъ-то, какъ на первой пробѣ талантовъ Булгарина, мы и остановимся.

Въ началѣ 1828 г. московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ вздумалъ попробовать издавать газету, поручивъ редакцію ея одному изъ чиновниковъ. До Булгарина этотъ слухъ дошелъ уже въ соединеніи съ именемъ кн. П. А. Вяземскаго. Очевидно, возникало опасеніе за подписку на „Сѣверную Пчелу".

*) *С. Венгеровъ*, «Ежедневная печать конца дореформенной эпохи»,— «Литер. Вѣстн.», 1902 г. VIII, 385.

И вотъ, вспоминается одна пирушка Вяземскаго въ веселой компаніи друзей, онъ аттестовывается „развратникомъ“, а таковой не имѣлъ права на изданіе органа... Молодой поэтъ былъ ошеломленъ бумагой, въ которой сообщалось о неразрѣшеніи ему какой-то „Утренней Газеты“—онъ даже ничего о ней не слышалъ. Прикосновенность къ этому дѣлу Булгарина утверждаетъ самъ Вяземскій *).

Кромѣ боязни конкуренціи, Булгаринымъ руководило и озлобленіе противъ Вяземскаго, какъ автора первой на него злой эпиграммы, получившей довольно большое распространеніе:

Фиглярinъ хочетъ слыть хорошимъ журналистомъ,
Фиглярinъ хочетъ быть лихимъ кавалеристомъ...
Не обличу его въ лганьѣ,
Но на конѣ сидитъ онъ журналистомъ,
Въ журналѣ рубитъ смыслъ лихимъ кавалеристомъ
И выѣзжаетъ на враньѣ **).

Въ разгаръ полемики Пушкина съ Булгаринымъ послѣдній напечаталъ въ своей „Пчелѣ“ гнусный „Анекдотъ“, якобы переведенный изъ англійскаго журнала. Между прочими грязными выходками, великій поэтъ былъ названъ „изступленнымъ, бросающимъ риѳмами во все священное, чванящимся предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползающимъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ“ и. т. д. Это былъ очевидный камешекъ во дворецъ, брошенный съ соизволенія Бенкендорфа, очень недовольнаго камеръ-юнкерствомъ Пушкина. Послѣдній, будучи совершенно не въ курсѣ отношеній Булгарина къ Катону (прозвище, данное Бенкендорфу А. О. Смирновой), не зная истиннаго назначенія этихъ строкъ и думая, что онѣ явно направлены къ свѣдѣнію самого Бенкендорфа, написалъ ему письмо, гдѣ, между прочимъ, указалъ на свои опасенія отъ подобныхъ доносовъ Булгарина. Бенкендорфъ, конечно, поспѣшилъ отвѣтить, что Булгаринъ никогда ему ничего не говорилъ о Пушкинѣ „по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ“... Тогда Пушкинъ рѣшилъ приковать Булгарина къ позорному столбу, и съ этою цѣлью помѣстилъ въ „Литературной Газетѣ“ очень остроумную замѣтку о мемуарахъ начальника парижской тайной полиціи Видока ***). О Видокѣ не было тамъ, конечно, ни слова, вся замѣтка представляла изъ себя злую характеристику доносителя—Булгарина. Публика такъ быстро поняла эту уловку, что цензура безусловно воспрещала уже всякія статьи о дѣйствительно вышедшихъ ме-

*) «Полное собр. соч.», 1884 г., IX, 102—103.
**) «Московск. Телегр.», 1827 г., XV.
***) «Литер. Газета», 1830 г., 6 апрѣля.

муарахъ парижскаго сыщика. Очевидно, распоряженіе исходило отъ Бенкендорфа.

Одновременно по рукамъ стала ходить рукописная эпиграмма:

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ,
Мицкевичъ—ляхъ.
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты Фиглярину!

Подумавъ и посовѣтовавшись, съ кѣмъ слѣдовало, Булгаринъ рѣшилъ прикинуться стоящимъ выше всякой брани и, совершенно неожиданно для многихъ, напечаталъ эту эпиграмму въ соединенномъ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ", поставивъ взамѣнъ „Фиглярина" просто „Ѳаддей Булгаринъ"... Мало того, онъ сопроводилъ ее такимъ объясненіемъ: „Въ Москвѣ ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма *одного извѣстнаго поэта*. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное" *).

Недолго, однако, обида, перенесенная Булгаринымъ, оставалась не вымещенною: вскорѣ „Литературная Газета" была стерта съ лица журналистики. Участіе Булгарина въ гибели ея внѣ всякаго сомнѣнія; о немъ знали Пушкинъ, Вяземскій, Дельвигъ и др. **).

Въ томъ же году Булгаринъ подкапывался подъ Жуковскаго, очень нелюбимаго Бенкендорфомъ. Имъ хотѣлось удалить поэта изъ сферы дворцовой жизни, и чего только не предпринималось съ этою цѣлью... Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ государю, помѣченномъ 30 марта 1830 г., Жуковскій жалуется, что „Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто бы Кирѣевскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству" ***). Николай I, дѣйствительно, охладѣлъ къ Жуковскому на нѣкоторое время, и только послѣ обстоятельнаго разъясненія, даннаго клеветѣ въ письмѣ поэта, сталъ относиться къ нему по-прежнему. Но при чемъ тутъ Кирѣевскій? — спроситъ читатель, зная, что Булгаринъ спроста не назоветъ чужого имени. Ив. Кирѣевскій виноватъ былъ передъ Булгаринымъ за рѣзкую критику его романа „Иванъ Васильевичъ", помѣщенную въ альманахѣ „Денница". Вскорѣ Булгаринъ добрался и до „Европейца"— журнала Кирѣевскаго: участіе его въ гибели этого изданія утверждаетъ категорически Ю. Бартеневъ ****); того же мнѣнія былъ,

*) 1830 г., т. XI, № 17, 303.

**) *Н. Барсуковъ*, «Жизнь и труды М. П. Погодина», III, 235—236.

***) «Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго»—«Русск. Арх.», 1896 г.,--I, 111—114.

****) Русск. Арх.» 1896 г., VIII, 575, 1—119.

очевидно, и Жуковскій. Въ письмахъ его къ государю и Бенкендорфу *) есть такія фразы: „кто оклеветалъ Кирѣевскаго передъ правительствомъ, не знаю. Но долженъ сказать, что онъ имѣетъ враговъ литературныхъ. Это тѣ самые, которые давно уже срамятъ нашу словесность, давая ей самое низкое направленіе и обративъ поприще ума и таланта въ презрѣнную торговую площадь, на которой нѣсколько торгашей хотятъ, опасаясь совмѣстниковъ, завладѣть прибыткомъ и для того чернятъ и осыпаютъ презрѣнными ругательствами всякаго, кто хочетъ выступить на посрамленное ими поприще совсѣмъ съ другими намѣреніями, чистыми и благородными. Они окружили нашу словесность густою стѣною, сквозь которую трудно пробиться. Они непобѣдимы и должны всегда имѣть успѣхъ вѣрный, ибо употребляютъ такія средства, коихъ себѣ не позволитъ человѣкъ благородный, потому самому совершенно противъ нихъ беззащитный“ **).

Подъ обрисованными такими красками людьми разумѣлись: Булгаринъ, Гречъ, Воейковъ, Сенковскій и др.

Въ іюнѣ 1831 года, Бенкендорфъ заказалъ Булгарину составить реляцію о началѣ польскаго возстанія и нашелъ ее столь блестящею, что тутъ же пообѣщалъ не забыть своего „чиновника особыхъ порученій“, потому что реляцію эту представилъ за свою собственную. Онъ даже хотѣлъ послать Булгарина въ Варшаву для усмиренія тамошнихъ умовъ, но, къ счастью, государь не нашелъ Булгарина способнымъ на такую роль ***).

Послѣ всего сказаннаго смѣшно читать реабилитацію Булгарина его alter ego. Неужели Гречъ серьезно былъ увѣренъ, что только изъ боязни „колкаго, неумолимаго пера“ его друга литераторы булгаринскаго времени „безусловно его не поносили печатно“? ****). Неужели не ясно, что боялись не пера Булгарина, а его языка, работавшаго внѣ листовъ редактируемыхъ имъ изданій... Тотъ же Гречъ рѣшается утверждать, что причиною ненависти и злобы бо́льшей части нашихъ писателей къ Булгарину была замѣтка его въ „Сѣв. Пчелѣ“ о покупкѣ Аннибала за бутылку рома! А г. Усовъ увѣряетъ, что личность Булгарина „искажена“ политическими и литературными врагами *****)!

Не всѣ, конечно, пріятели и сотрудники Булгарина такого о немъ мнѣнія. Такъ, П. Каратыгинъ говоритъ, что характеръ его представлялъ „пеструю смѣсь Фамусова, Молчалина, Скалозуба, Загорѣцкаго и Репетилова“ ******), а В. Р. Зотовъ, проработавшій

*) См. «Рус. Бог.» 1903 г.

**) «Русск. Архивъ», 1896, I, 115—116.

***) *М. Сухомлиновъ*. «Полемическія статьи Пушкина», «Истор. Вѣстн», 1884 г., III, 497, «Русск. Стар.» 1896 г., VI, 265—266.

****) «Русск. Стар.», 1871 г., XI, 483.

*****) «Ѳ. В. Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни», — «Истор. Вѣстн.» 1883 г., VIII, 284.

******) «Сѣверн. Пчела»—«Рус. Арх.», 1882 г., IV, 243.

съ Булгаринымъ нѣсколько лѣтъ, прямо заявляетъ: „литературная характеристика Булгарина внушаетъ такое отвращеніе, и этотъ кондотьеръ журналистики вполнѣ заслуживаетъ всѣ рѣзкіе эпитеты, начиная съ „патріотическаго предателя“, какимъ заклеймилъ его Пушкинъ, до грязнаго клеветника и доносчика, какимъ онъ остался и до нашего времени“ [1]).

Что же могли сказать о Булгаринѣ такіе идеально-честные и чистые люди, какъ Бѣлинскій? Что могли они чувствовать къ нему? „Неистовый Виссаріонъ“ не называлъ Булгарина иначе, какъ негодяемъ [2]), человѣкомъ „вреднымъ для успѣховъ образованія нашего отечества“ [3]). Герценъ писалъ: „Булгаринъ и Гречъ никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія“ [4]). Булгаринъ такъ низко стоялъ въ его глазахъ, что „доносы его не оскорбляли“ [5]). Союзъ Булгарина съ Гречемъ авторъ „Былого и думъ“ заклеймилъ выраженіемъ „открытый конкубинатъ“ [6])... Даже такой умѣренный человѣкъ, какъ Веневитиновъ, не могъ равнодушно слышать этого имени. Болѣе того — сторонникъ погодинскихъ убѣжденій, Любимовъ, кричалъ: „пора зажать ротъ этимъ мерзавцамъ“! [7]) Кн. Вяземскій, котораго ужъ никто не заподозритъ въ либеральномъ образѣ мыслей, находилъ Булгарина „нечистотой общественнаго тѣла“ [8]). Какова же, значитъ, была увѣренность въ страшномъ мщеніи, если вся литература не рѣшалась открыть глаза обществу на „чиновника особыхъ порученій“!

Въ обществѣ, впрочемъ, и безъ того репутація Булгарина установилась прочно. Панаевъ прямо заявляетъ: „новое пишущее и читающее поколѣніе этого времени (середины 30-хъ годовъ) все безъ исключенія презирало Булгарина“ [9]).

Въ посмерныхъ запискахъ Пирогова есть очень интересный разсказъ о томъ, какъ студенты дерптскаго университета учили Карловскаго обитателя добропорядочности [10])...

Въ письмахъ самого Булгарина ясно видно, что онъ зналъ всеобщее къ себѣ отвращеніе. „Кому обо мнѣ безпокоиться?“ — писалъ онъ во время своей болѣзни и былъ совершенно правъ [11]).

Когда одинъ петербургскій книгопродавецъ (Лисенковъ) объя-

---

1) «Петербургъ въ 40-хъ годахъ», — «Истор. Вѣстн.», 1890 г., V, 308.
2) «Русск. Стар.» 1889 г., I, 143.
3) «Отчетъ Импер. Пуб. Библ.», за 1889 г., 6.
4) «Сочиненія» 1879 г., VII, 308.
5) Ibidem, I, 53.
6) Ibidem, VIII, 149.
7) *Барсуковъ*, IV, 95.
8) Ibidem, II, 406.
9) «Литератур. воспоминанія», 1888, 49.
10) «Русск. Стар.», 1885 г., II, 301—302.
11) «Истор. Вѣстн.», 1883 г., VIII, 296.

вилъ о продажѣ портрета Видока и выдавалъ проходящимъ физіономію Булгарина, публика валомъ валила въ магазинъ, какъ бы демонстративно подчеркивая свою солидарность съ остроумной выдумкой. Черезъ нѣсколько дней портретъ, конечно, былъ конфискованъ, съ отобраніемъ подписки о непродажѣ его и вездѣ *).

Эпиграммамъ буквально не было конца, и онѣ пользовались всегда широкой популярностью. Приведу лишь немногія.

Булгаринъ—вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь,
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Сильна къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Ходилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ,—
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ, а писатель,
Ужъ русскій къ сраму нашихъ дней;
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ **).

Ее приписываютъ Пушкину. А вотъ эта принадлежитъ Баратынскому:

«Повѣрьте мнѣ,—Фиглярииъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:
Не должно красть; кто на руку не чистъ,
Передъ людьми грѣшитъ и передъ Богомъ;
Не надобно въ судѣ кривить душой;
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего!»
Ну что-жъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
А кажется, и ново для него ***).

Большимъ успѣхомъ пользовалось стихотвореніе и до сихъ поръ неизвѣстнаго автора.

На Ѳ. В. Булгарина.

Онъ у насъ восьмое чудо,
У него завидный нравъ:
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ!
Съ безкорыстностью жидовской,
Какъ Хавронья милъ и чистъ;
Даровитъ, какъ Третьяковскій,
Столько-жъ важенъ и рѣчистъ;

*) В. Бурнашевъ, «Четверги у Н. И. Греча», «Заря», 1871 г., IV, 19.
**) «Полярная Звѣзда», 1859, V, 30.
***) «Вѣстникъ Европы», 1887, V.

Не страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ французомъ—за француза,
Съ полякомъ—онъ самъ полякъ;
Онъ съ татариномъ—татаринъ,
Онъ съ евреемъ—самъ еврей;
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей.
Кто же онъ? То самъ Булгаринъ
Венедиктовичъ Ѳаддей!» *)

Иное отношеніе видѣлъ Булгаринъ со стороны Бенкендорфа, Дубельта и Орлова. Нельзя сказать, чтобы они носили его на рукахъ, но во всякомъ случаѣ всѣмъ своимъ положеніемъ Булгаринъ обязанъ этимъ людямъ. Если за рѣзкую критику „Юрія Милославскаго" Булгаринъ былъ посаженъ подъ арестъ; если Бенкендорфъ просилъ Уварова унять ругательства литераторовъ и, какъ на образецъ площадной брани, указывалъ на статью Булгарина въ „Москвитянинѣ",—то, во-первыхъ, такихъ случаевъ въ сорокалѣтней дѣятельности Булгарина было всего два—три, а во-вторыхъ, надо же было сколько-нибудь считаться и съ общимъ о немъ мнѣніемъ. Послѣ каждаго акта немилости Булгаринъ съ увѣренностью ожидалъ возмѣщенія претерпѣннаго имъ горя и—надо отдать должное Бенкендорфу, — всегда его получалъ аккуратно. Такъ, мало того, что черезъ мѣсяцъ послѣ ареста, въ 1830 г., Булгаринъ получилъ брилліантовый перстень за своего „Дмитрія Самозванца", но Бенкендорфъ сдѣлалъ ему гораздо бо́льшую услугу: выпускъ въ свѣтъ пушкинскаго „Бориса Годунова" былъ задержалъ до выхода прежде булгаринскаго „Самозванца", и этимъ былъ данъ поводъ думать (такъ предполагалъ Бенкендорфъ, ненавидѣвшій Пушкина) о контрафакторскихъ склонностяхъ великаго поэта **)...

Въ томъ же году Булгаринъ выпустилъ свой третій романъ—„Петръ Ивановичъ Выжигинъ", и по этому поводу есть очень интересное письмо его къ Бенкендорфу. Прося его походатайствовать у государя „соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества", Булгаринъ такъ мотивировалъ свою просьбу: „таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣненною, но нынѣ будетъ для меня новымъ живительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя (благодаря вспыхнувшему возстанію поляковъ—

*) «Русск. Арх.», 1901 г., XI, 430. Въ 1846 г. послѣдняя эпиграмма была напечатана въ некрасовскомъ альманахѣ «1-е апрѣля» и потому приписывается Н. А. Некрасову. Тамъ она безъ заглавія и безъ послѣдней строки; послѣ слова «кто же онъ?» стояло 15 точекъ.

**) Барсуковъ, III, 15.

М. Л.), да позволено мнѣ будетъ показать свѣту, что я все счастіе жизни своей полагаю въ благосклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха, и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ". Соизволеніе было дано, романъ представленъ, авторъ награжденъ вторымъ брилліантовымъ перстнемъ *).

Булгарину нужно было, очевидно, доиграть роль успокоителя „вѣрныхъ поляковъ", такъ ловко выдуманную въ драмѣ тогдашнихъ политическихъ событій,—и вотъ въ „Сѣверной Пчелѣ" публикуется ко всеобщему свѣдѣнію о милостивомъ вниманіи государя, о томъ, что въ „г. ген.-ад. А. Х. Бенкендорфѣ всякій благонамѣренный человѣкъ всегда находитъ покровителя своимъ трудамъ и представителя (?) высочайшаго престола"; что „государь императоръ изволилъ отозваться, что его величеству весьма пріятны труды и усердіе Булгарина къ пользѣ общей, и что государь, будучи увѣренъ въ преданности его къ его особѣ, всегда расположенъ оказывать Булгарину милостивое свое покровительство" **).

Все это было дѣломъ рукъ Бенкендорфа. Недавно опубликованныя извлеченія изъ переписки императора Николая I-го съ Бенкендорфомъ не оставляютъ сомнѣнія въ отношеніяхъ государя къ Булгарину. Нелюбившій грубой лести, Николай I понималъ мотивы постояннаго пресмыкательства Булгарина.

Въ 1830 году Пушкинъ выпустилъ VII главу „Онѣгина". Булгаринъ поспѣшилъ съ ожесточеніемъ на нее наброситься: „Сѣверная Пчела" доказывала, что здѣсь „ни одной мысли, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! Итакъ, надежды наши исчезли!".

Какъ только Николай I прочелъ этотъ фельетонъ, онъ пишетъ Бенкендорфу: „Я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ нумерѣ „Пчелы" находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ навѣрное будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія; и если возможно, запретите его журналъ".

Любопытенъ отвѣтъ Бенкендорфа: „приказанія вашего величества исполнены: Булгаринъ не будетъ продолжать свою критику на Онѣгина.

„Я прочелъ ее, государь, и долженъ сознаться, что ничего личнаго противъ Пушкина не нашелъ; эти два автора, кромѣ того, вотъ уже года два въ довольно хорошихъ отношеніяхъ между

*) «Русск. Стар.» 1896 г., VI, 565.
**) «Сѣв. Пчела», 1831 г., № 2.

собой (!). Перо Булгарина, всегда преданное власти, сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе годы, не придали лучшаго полета генію Пушкина. Кромѣ того, московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина *).

„Прилагаю при семъ статью противъ Дмитрія Самозванца, чтобы ваше величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина **). Если бы ваше величество прочли это сочиненіе, то вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненіе—*это совѣсть писателей*".

На это государь отвѣчалъ:

„Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себѣ* размышлялъ точно такъ же. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А потому съ этой стороны критика мнѣ кажется справедливою.

„Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла; хотя я совсѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его Полтава. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ" ***).

Въ слѣдующемъ 1831 г., на поляхъ извѣстнаго доноса на всѣхъ и на вся, написаннаго кн. А. Б. Голицынымъ, Николай I приписалъ: „Булгарина и въ лицо не зналъ и никогда ему не довѣрялъ" ****). Около того же времени, на одномъ изъ дворцовыхъ баловъ, Пушкинъ, по просьбѣ государя, два раза произнесъ ему свою непечатную эпиграмму на Булгарина, найденную государемъ мѣткой. Затѣмъ онъ спросилъ стоявшую тутъ же А. О. Смирнову, читаетъ ли она произведенія Булгарина, на что, получивъ въ отвѣтъ: „я глупостей не чтецъ, а пуще—образцовыхъ", сказалъ: „и я также" *****). Даже въ 1840 г. Николай I еще не зналъ въ лицо Булгарина ******).

Бенкендорфъ неоднократно обращалъ вниманіе кн. Ливена и

---

*) Надеждинъ въ «Телескопѣ», Н. Полевой въ «Московскомъ Телеграфѣ».

**) «Дмитрій Самозванецъ» вышелъ одновременно съ VII главой «Онѣгина». Обрушилась на него «Литературная Газета».

***) «Выписки изъ писемъ гр. А.Х. Бенкендорфа къ Императору Николаю I о Пушкинѣ», сборникъ «Старина и новизна», спб. 1903 г., VI, 7—10.

****) «Русск. Стар.», 1898 г., XII, 521.

*****) «Записки А. О. Смирновой», 1895 г., ч. I, 227.

******) *П. Каратыгинъ* «Сѣверная Пчела»,—«Русск. Арх.»,1882 г., IV, 298—299.

гр. Уварова на выходки печати по адресу „Сѣверной Пчелы“ или Булгарина, не смотря на ихъ крайнюю сдержанность и постоянную осторожность. Не одинъ разъ цензора получали за это внушительные нагоняи.

Нѣсколько иначе относился къ Булгарину Дубельтъ. Этотъ умный человѣкъ не могъ не видѣть насквозь „чиновника особыхъ порученій“, прекрасно зналъ, что̀ Булгарину нужно, и потому съ глазу наглазъ относился къ нему всегда пренебрежительно, всячески третируя услужливо извивавшагося Булгарина.

Напримѣръ, послѣ помѣщенія въ „Сѣв. Пчелѣ“ „Насильнаго брака“ гр. Ростопчиной, когда Булгаринъ клялся всѣмъ святымъ, что онъ старый солдатъ и вѣрноподданный и никогда не былъ полонофиломъ, Дубельтъ оборвалъ его:

— „Не полонофилъ, а простофиля!“ *).

Когда, бывало, расчувствованный Булгаринъ зажужжитъ въ своей „Пчелѣ“ дифирамбы правительству, его немедленно просятъ пожаловать къ Леонтію Васильевичу.

—„ Не смѣй хвалить!—гремитъ грозный генералъ.—Въ твоихъ похвалахъ правительство не нуждается!“.

Когда же Булгаринъ, особенно передъ подпиской, дерзнетъ дозволить себѣ крохотную либеральную выходку, хотя бы о непостоянствѣ и нѣкоторомъ вредѣ петербургской погоды, Дубельтъ строго ему замѣчаетъ:

— „Ты, ты, у меня! вольнодумствовать вздумалъ!? О чемъ ты тамъ нахрюкалъ?.. Климатъ царской резиденціи бранишь!? Смотри!..“.

Однажды Булгаринъ навлекъ на себя гнѣвъ государя, приказавшаго Дубельту сдѣлать ему выговоръ за какую то замѣтку. Булгаринъ былъ вытребованъ.

— „Становись въ уголъ!—скомандовалъ Дубельтъ

— „Какъ, ваше превосходительство?

— „Какъ школьникъ становится: носомъ къ стѣнѣ.

Булгаринъ повиновался и полчаса простоялъ въ углу“... **).

Но Булгаринъ зналъ, что сердце Леонтія Васильевича отходчиво; не разъ пользовался, благодаря ему, крохами съ обильнаго стола и потому очень цѣнилъ его. Въ одномъ изъ своихъ къ нему писемъ онъ выразился такъ: „въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генералъ-адъютанта, я объ васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку *Ѳаддеемъ Дубельтовичемъ*“ ***).

---

*) Idem. 291.

**) *П. Каратыгинъ*, «Бенкендорфъ и Дубельтъ»,—«Истор. Вѣстн.», 1887, X, 168.

***) *М. Сухомлиновъ*. «Полемическія статьи Пушкина» — «Истор. Вѣстн.», 1884 г., III, 490. Нѣкоторые неправильно приписываютъ эту остроту Герцену.

Постоянное третированіе со стороны Дубельта давало, конечно, Булгарину возможность болѣе свободнаго выраженія своихъ чувствъ къ отношенію самому „le general Double“. Изъ ихъ переписки нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ письмахъ.

Когда Николай I отказалъ Булгарину въ просимой имъ ссудѣ (25.000 руб.) на изданіе описанія его двадцатилѣтняго царствованія, Булгаринъ пишетъ Дубельту:

— „Отецъ и командиръ!

„Я не знаю, какъ васъ называть! Милостивый государь и ваше превосходительство—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти условные знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно *душевно!* Ваша доброта, ваше снисхожденіе, *ваша деликатность со мною* *) (!)—совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

„Но вотъ *послѣдняя* моя просьба! по добротѣ и деликатности своей, вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало *немедленно явиться къ вамъ*—и вотъ я на колѣняхъ умоляю васъ извинить меня и *позволить не являться,* по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ *вашихъ устъ* слышать *отказъ* въ моей просьбѣ. Если бъ было что-нибудь хорошее,—вы, по добротѣ своей (какъ и покойный М. Я. Фонъ-Фокъ), не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хочется *усладить горечь пилюлей.* Нѣтъ, добрый, благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ *нельзя усладить!* Не дѣло важно, но доказательство, во что меня цѣнятъ послѣ 26-тилѣтнихъ трудовъ—вотъ, что убійственно! **). Объ одномъ прошу васъ разувѣрить, если бъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему государю. Я думаю: если сочинителю „Гавриліады“, „Оды на вольность“ и „Кинжала“ (Пушкину—*М. Л.)*—оказано столько благодѣяній и милостей, если банкроту Смирдину дано взаймы 35.000 руб. сер. подъ залогъ хлама, т. е. *не продающихся книгъ,* если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ („Московскій Телеграфъ“—*М. Л.*)—дана пенсія и и проч., и проч., то почему же не дать взаймы мнѣ подъ *вѣрный залогъ* имѣнія, за которое гр. Канкринъ давалъ сперва 300.000 р. ассигн. для университета (имѣніе Карлово, близъ Дерпта предполагалось купить для Генндельгескаго института—*М. Л.*), а послѣ хотѣлъ

*) Здѣсь курсивъ мой, остальной—подлинника.

**) Достойно вниманія это собственное показаніе Булгарина. Значитъ, свою службу правительству онъ считаетъ съ 1819 года, когда были изданы благонамѣренно избранныя и комментированныя Гораціевы оды... Съ этого года по 1859-й считаю и я поэтому его сорокалѣтнюю дѣятельность.

купить для себя за 350.000 руб. ас. Вѣдь я просилъ *не подарка*: Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50.000 руб. асс., которые я и заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10.000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человѣкъ *не нищій* и не безъ *кредита* и весь мой авантажъ былъ въ *двухъ процентахъ!!!* Просилъ я *не невозможнаго* и не на силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ,—и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротишь! Скомпрометировался, а дѣлать нечего! *Есть Богъ и потомство: быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія...* *) Вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться" **)!

Врядъ-ли есть надобность комментировать это посланіе, какъ и слѣдующее:

Милостивый Государь,
Леонтій Васильевичъ!

„Программу г-на Киркора представлялъ я вашему превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на изданіе журнала на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ ***), но эта программа представлена мною только для *свѣдѣнія*. Я той вѣры, что только *убѣжденіемъ* можно успокоить встревоженные умы и уязвленныя сердца въ Польшѣ, и для *убѣжденія* у насъ *ничего* не предпринимается и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отчего это происходитъ, что, не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они за границею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что *опровержение* заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая ложь! Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ, а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу *нравственной силы*, неуловимой *силою физическою*, надлежало бы дѣйствовать *нравственною же силою;* а именно: *правдою* противу *лжи*, добродушіемъ противъ *ожесточенія*, просвѣщеніемъ противу *заблужденій* насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подъ карою смерти, въ теченіе *пяти лѣтъ* одною *письменностью* успокоить Польшу и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, если бъ въ краѣ не было такихъ

*) Курсивъ мой.

**) *М. Сухомлиновъ*, 490—491.

***) Журналъ, дѣйствительно, разрѣшенъ не былъ въ виду изданія «Тыгодника».

чиновниковъ, какъ, напримѣръ, кіевскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе *Парижскихъ тайнъ*. Но какъ мое дѣло *сторона*, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и безпрерывное стремленіе къ добру, *увѣдомилъ* васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашелъ то же искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіею, которое и меня одушевляетъ, предоставляя, впрочемъ, этотъ подвигъ Провидѣнію"!

Въ post scriptum'ѣ прибавлено:

„Слышалъ я, что разсказываютъ русскіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и *знаю навѣрное*, что тамъ происходитъ. Разсказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и „сердце царево въ руцѣ Божіей." Вотъ одна надежда и утѣшеніе!

Отецъ и Командиръ!

„Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ, какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу васъ показать прилагаемое маранье графу Алексѣю Федоровичу (Орлову—*М. Л.*). Это человѣкъ— Ecce homo! Остальное, хоть бросьте.

„Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою

Ѳ. Булгаринъ" *).

Дубельтъ зналъ, конечно, что Булгаринъ не только не успокоитъ поляковъ, но и совсѣмъ испортитъ начатый еще съ 1830 года курсъ политики по отношеніи къ Царству Польскому, и потому не далъ этому хвастливому предложенію никакого движенія. Графъ Орловъ, надменный и высокомѣрный, почти не допускалъ къ себѣ на глаза Булгарина.

Но когда нужно было пользоваться услугами Булгарина или благодарить его за нихъ, Дубельтъ оказывалъ ему свое расположеніе, перешедшее, разумѣется, и на „Сѣверную Пчелу"; тѣмъ болѣе, что онъ уважалъ Греча. Впрочемъ, въ ней онъ распоряжался, какъ у себя дома, будучи и цензоромъ, и покровителемъ, даже опредѣлялъ сотрудниковъ „на мѣста" въ редакціи.

VI.

Иначе относилось къ Булгарину министерство народнаго просвѣщенія, стоявшее у цензурнаго руля. Князь Ливенъ по своей безусловной честности, а графъ Уваровъ по злобѣ на Фиглярина, не разъ причинявшаго ему непріятности, не дѣлали сколько-нибудь значительныхъ исключеній для премированнаго писателя. Пользуясь неоффиціальностью занимаемой имъ должности при Бенкен-

---

*) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 497—498. Курсивъ подлинника.

дорфѣ и Дубельтѣ, цензора иногда вымещали на его сочиненіяхъ и изданіяхъ свои страданія по его же доносамъ на ихъ промахи, и Булгарину доставалось почти такъ же, какъ и прочимъ. Правда, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ цензировался въ мѣстѣ своей приватной службы... Но случаевъ этихъ было не такъ много, потому что Бенкендорфъ и Орловъ были слишкомъ лѣнивы, чтобы читать сочиненія Булгарина, въ тому же еще часто рукописныя, а Дубельтъ—слишкомъ занятъ для этого. Не легче было ему и при другихъ двухъ министрахъ: кн. Ширинскій-Шихматовъ имѣлъ съ нимъ счеты по его прошлымъ доносамъ, А. С. Норовъ относился къ нему съ чувствомъ брезгливости.

Для иллюстраціи этихъ отношеній приведу нѣсколько писемъ Булгарина къ цензорамъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ.

Въ 1828 г. П. И. Гаевскій не хотѣлъ пропустить статью Булгарина „Литературныя шутки. Переписка Асмодея съ Мефистофелемъ о разныхъ литературныхъ диковинкахъ“, въ которой онъ отвѣчалъ задѣвшему его за живое Шевыреву. Булгаринъ пишетъ:

„Милостивый Государь, Павелъ Ивановичъ, съ величайшимъ прискорбіемъ узналъ я изъ вашей записки, что вы и Константинъ Степановичъ *) соглашаетесь на напечатаніе критики на стихи Шевырева въ „Сынѣ Отечества“, а не въ „Пчелѣ“, потому что „Пчелу“ *всѣ читаютъ*. Но я вовсе не намѣренъ скрываться съ критиками, а какъ въ „Пчелу“ по моему входятъ критики, а виды и формы критикъ не означены закономъ, то и не вижу причины, почему нельзя печатать сей бездѣлки. Если вы найдете въ критикѣ что-либо противозаконное, или замѣтите личность, прошу отмѣтить; хотя я не нападаю вовсе на лица, но готовъ смягчить, что вамъ покажется излишнимъ. Имени Шевырева не могу не помѣстить, ибо, *во-первыхъ*, это ни однимъ въ мірѣ закономъ не запрещено, а *во-вторыхъ*, имя Шевырева не есть палладіумъ русской словесности. Вамъ, конечно, некогда читать всѣхъ журналовъ, но я не думаю, чтобы министерство и высшее правительство было настолько несправедливо, чтобы рѣшилось запретить мнѣ писать критики, когда мое имя поносятъ въ московскихъ журналахъ и лишаютъ меня *всего*. Такъ, цензура не запрещала упоминать о имени *сочинителя Сочиненій Ѳ. Булгарина*, и я думаю, что человѣкъ, который подписываетъ свое имя *подъ стихами*, не требуетъ самъ, чтобъ объ немъ молчали! Если форма и родъ критики моей кажутся вамъ забавными или смѣшными, то я объявляю торжественно, что я неспособенъ писать скучныхъ и педантичныхъ критикъ, а хочу, чтобъ мои читатели смѣялись, а не зѣвали. Цѣль всегда ставится одна и

---

*) Другой цензоръ—К. С. Сербиновичъ.

та же: исправленіе словесности *). Если г. Олинъ **) хочетъ жаловаться, какъ вы изволили сказывать, то я былъ бы весьма радъ этому и тогда представилъ бы его критику на *Освобожденный Іерусалимъ, переводъ А. С. Шишкова*, нашего министра ***), гдѣ г. Олинъ изволитъ смѣяться и шутить надъ переводчикомъ. При семъ честь имѣю приложить Вѣстникъ Московскій, гдѣ меня разругалъ г. Шевыревъ, *не скрывая моего имени*. За особенную милость почту, если вы соблаговолите рѣшить сіе дѣло поскорѣе и возвратите мнѣ критику съ замѣчаніями своими. Во всякомъ случаѣ, однако-жъ, я долженъ увѣдомить васъ, что, повинуясь во всемъ волѣ цензоровъ, я никакъ не могу согласиться на слѣдующее. *Первое*, чтобы кто-нибудь, кромѣ меня, распоряжался, что должно, а что недолжно быть печатано въ „Пчелѣ", исключая статей, кои по законамъ цензуры не могутъ быть *нигдѣ* напечатаны. *Второе*, чтобы критики были писаны *сухо*, какъ будто *веселость* составляетъ *личность*. Смѣются и смѣялись всегда надъ глупыми сочиненіями, не трогая лица, т. е. частной жизни автора. *Третье*, чтобъ не упоминать о лицахъ критикуемыхъ авторовъ, т. е. *чтобы не называть ихъ по имени*.—Наша осторожная цензура довела насъ до того, что всѣхъ насъ ругаютъ, а намъ не позволяютъ отвѣчать на томъ основаніи, что „Пчелу" *всѣ читаютъ!* Прошу васъ заглянуть въ каждую книжку *Славянина*, гдѣ мое имя свѣтится въ статьѣ, которая имѣетъ заглавіе *Хамелеонистика*, хотя всякому извѣстно, что *хамелеономъ* у насъ называютъ человѣка безъ постоянныхъ правилъ, двуличнаго. Г. Воейковъ ****) выводитъ на сцену отдѣльныя фразы, писаныя за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, и, сбивъ все въ кучу, выставляетъ меня *хамелеономъ*.

„Я вамъ долженъ сознаться, что столь жестокіе и несправедливые поступки перевернули во мнѣ всю внутренность, и я истинно заболѣлъ. На меня *все можно*, мнѣ ничего *нельзя*, потому что мою газету *всѣ читаютъ*, и потому что я долженъ писать *сухо*, чтобъ *не читали*. Вотъ что мнѣ предназначается!

„Я прошу васъ покорнѣйше рѣшить сіе дѣло, какъ вамъ заблагоразсудится, но только скоро, чтобъ я могъ принять свои мѣры для защиты своей, очищенія литературы и пути моимъ способностямъ -ибо я писать *сухо* ни за что не рѣшусь, а скорѣе откажусь отъ всего на свѣтѣ".

Письмо это очень характерно во многихъ отношеніяхъ: во-

*) Булгаринъ вѣчно твердилъ, что цѣль его литературной работы одна— исправленіе словесности!..

**) Олинъ—тогдашній переводчикъ-поэтъ. Очевидно, у него съ Булгаринымъ произошелъ какой-то конфликтъ.

***) Тогда еще несмѣненнаго.

****) Воейковъ—издатель *Славянина*, врагъ Булгарина, но далеко не принципіальный.

первыхъ, ясна „спеціальность“ Булгарина, имъ самимъ выраженная; во-вторыхъ, несомнѣнная увѣренность въ защитѣ со стороны, благодаря которой, трусливый Булгаринъ пишетъ очень рѣзко и рѣшительно, хотя все сплошь лжетъ—торжественное заявленіе его о невмѣшательствѣ въ „Пчелу“ постороннихъ. Гаевскій, конечно, умѣлъ оцѣнить; въ-третьихъ, наконецъ, оно всетаки иллюстрируетъ состояніе цензуры.

Слѣдующія письма будутъ не менѣе интересны во всѣхъ трехъ отношеніяхъ.

Пропустивъ статью о Шевыревѣ *), Гаевскій, въ концѣ декабря того года, уже при кн. Ливенѣ, не разрѣшилъ для „Сына Отечества“ статью Булгарина: „О новыхъ метеорологическихъ явленіяхъ въ русской литературѣ“—тоже полемическаго характера. Булгаринъ дѣйствуетъ еще болѣе рѣшительно:

„Милостивый государь, Павелъ Ивановичъ, всегда, какъ только я представлялъ вамъ статьи моего сочиненія, вы старались по возможности найти въ нихъ что-либо къ помаркѣ. Личная ваша ко мнѣ ненависть мнѣ извѣстна и уже обнаруживалась въ тысячѣ случаяхъ. Пока К. С. Сербиновичъ и В. И. Семеновъ цензировали наши журналы, и правительство, и публика, и мы были довольны **). Вы же, напротивъ того, изыскиваете случаи, чтобы унизить меня передъ моими противниками. Я представлю начальству все, что именно было противъ меня въ „Моск. Вѣстникѣ“ и въ „Славянинѣ“, и буду просить, чтобъ сравнили съ тѣмъ, что мнѣ запрещали и запрещаете. Вы требуете отъ насъ какой-то школьной сухости, изгоняете всякую шутку, всю веселость, какъ будто статьи должны быть писаны по праву цензора, а не по законамъ. Въ каждомъ вашемъ поступкѣ я замѣчаю закоренѣлую ко мнѣ ненависть. Извольте представлять эту статью, куда угодно. Я буду оправдываться и представлю все, что цензура пропустила противъ меня. Я не могу писать связно и высказать всего, что̀ бы хотѣлъ, ибо память всѣхъ этихъ обидъ, притѣсненій и оскорбленій, которыя я принялъ отъ васъ, лишаетъ меня присутствія духа. Повѣрьте, что съ документами въ рукахъ я найду правосудіе у подножія трона нашего августѣйшаго монарха противъ вашихъ притѣсненій, которыя испытую я *всегда*, когда только вы имѣете случай показать власть свою надъ моими сочиненіями.— Отъ самаго начала нашихъ изданій правительство никогда не находило ничего вреднаго въ моихъ сочиненіяхъ, и даже самъ А. И. Красовскій признавалъ, что я пишу въ духѣ цензуры и правительства. Вы *одинъ* ***), по личной ненависти, угнетаете меня“ ****).

---

*) Она напечатана въ № 37 «Сѣв. Пчелы» за 1828 г.

**) «Мы»—это Булгаринъ и Гречъ.

***) Подчеркнуто три раза.

****) «Цензурныя дѣла», переданныя въ 1892 г. изъ министерства народн.

При гр. С. С. Уваровѣ, въ 1835 г., Булгаринъ пишетъ Никитенку:

„Ѳаддей Булгаринъ проситъ покорнѣйше почтеннаго цензора, которому достанется читать рукопись 2-й части „Записокъ Чухина“, о нижеслѣдующемъ:

„1) Если бъ какое мѣсто показалось ему сомнительнымъ, то не иначе вымарывать, какъ прочитавъ главу *до конца*, ибо каждое предложеніе развернуто у меня *впослѣдствіи* и выведено въ пользу истины, нравственности, религіи и существующаго порядка вещей въ Россіи. Затѣмъ *предложеніе* не должно быть принимаемо отдѣльно, но въ общности съ *послѣдствіемъ*.

„2) Всѣ поправки почтеннаго цензора принимаю безспорно, хотя въ сочиненіи моемъ, кажется, нѣтъ ничего такого, что́ бъ не могло быть сказано всенародно. Но прошу покорнѣйше не исключать цѣлыхъ періодовъ. И такъ, уже оглядываясь на всѣ четыре стороны при сочиненіи этого романа, я исключилъ все, что только могло возбудить не только двусмысліе, но даже сомнѣніе въ строгихъ судьяхъ нашей зачахлой литературы!

„3) Было время тяжелое, во время Магницкаго и Аракчеева, но ни одна моя статья въ то время не была запрещена *даже Красовскимъ*, и всѣ романы прошли безъ помарокъ и безъ преслѣдованій! Ужели я сдѣлался хуже? Господи Боже! Хочу только правды и никогда не шелъ противъ видовъ правительства, что до сихъ поръ было имъ признано.

„Почтенные господа цензоры, будьте справедливы! И для васъ есть потоство!“

Уже одно это послѣднее патетическое воззваніе къ потомству доказываетъ, какъ доставалось Булгарину отъ „предковъ“...

Въ 1844 г. онъ пишетъ тому же Никитенку:

„Почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ! Покойный графъ Ростопчинъ сказалъ весьма справедливо: on ne fait pas du fromage dans le pays des antropophages, а еще ближе къ цѣли сказалъ знаменитый Клемперъ сказочному Музеусу, пріѣхавшему въ Россію на жительство, по приглашенію императрицы Маріи Ѳеодоровны: In Russland muss man nicht schreiben, aber bloss verdauen, т. е. въ Россію ѣздятъ не для того, чтобы писать, но чтобъ упражняться въ пищевареніи! А мы, глупцы, пишемъ! Для потѣхи покажу вамъ нѣсколько корректурныхъ листовъ „Пчелы“, подписанныхъ первыми членами сената—Іермандады *), Крыловымъ и Фрейгангомъ! Это уже такъ мило, что и сердиться нельзя! Тщательно храню я эти листы для исторіи нашей литературной эпохи. Но развѣ съ одной стороны горе? Понимаетъ ли наша пу-

---

просвѣщенія въ Император. публ. библіотеку и хранящіяся тамъ въ рукописномъ отдѣленіи подъ № 4—«Письма разныхъ лицъ къ П. И. Гаевскому».

*) Цензурный комитетъ.

блика дѣло? Вотъ вашъ хозяинъ Спасской мызы *) пришелъ ко мнѣ объявлять свое неудовольствіе за напечатаніе его имени въ фельетонѣ „С. Пчелы" и сообщилъ нѣкоторыя поправки насчетъ цѣны и проч. Пишу къ вамъ объ этомъ для того, чтобы вы видѣли, въ какомъ положеніи я нахожусь! Не будь милости Божьей, царской милости, то хоть прочь бѣги! Никѣмъ, никому и никогда угодить нельзя! Между тѣмъ, я одинъ изъ первыхъ воспользуюсь омнибусомъ, чтобъ навѣстить васъ на дачѣ и пожать вамъ дружески руку. Послѣ смерти П. А. Корсакова—вы остались одинъ *человѣкъ* въ цензурѣ. Да хранитъ васъ Господь отъ всѣхъ злыхъ навожденій и да поможетъ переносить тяжкое бремя, о чемъ умоляетъ Всевышняго вѣрно и искренно любящій васъ и преданный вамъ Ѳ. Булгаринъ" **).

При желаніи число личныхъ свидѣтельствъ можно бы было значительно увеличить, но я думаю, что и сказаннаго довольно, чтобы ознакомиться съ отношеніемъ цензурнаго вѣдомства къ Булгарину.

VI.

Но министерство просвѣщенія было безсильно для того, чтобы лишить единственную тогда въ Петербургѣ, а сначала и во всей Россіи, частную ежедневную газету—„Сѣверную Пчелу"—исключительнаго положенія, занятаго ею, благодаря ловкости Булгарина и Греча, не упускавшихъ случая воспользоваться во время всякими для этого средствами. Въ глазахъ высшихъ сферъ „Сѣверная Пчела" считалась единственною представительницею общественнаго мнѣнія. Ее только и читали во дворцѣ; за границей она слыла придворнымъ органомъ. Въ Петербургѣ, до начала 60-хъ годовъ, не было другой частной ежедневной газеты, „Московскія" же „Вѣдомости" долгое время выходили три раза въ недѣлю. У Булгарина и Греча была, такимъ образомъ, въ рукахъ выгодная монополія, отъ которой терпѣла и русская литература, и русское общество. „Неужто, кромѣ Сѣв. Пчелы", писалъ Пушкинъ, „ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября". Въ этихъ словахъ надо подразумѣвать еще и другую монополію: монополію „Сѣверной Пчелы" на извѣстія политическаго характера о жизни Россіи и Европы. Только эта газета могла помѣщать тѣ скудныя новости, знаніе и распространеніе которыхъ среди публики не считалось вреднымъ... До чего душно было въ атмосферѣ „Пчелы", можно судить по тону письма кн. Вяземскаго, въ которомъ онъ говорилъ: „Извѣстно, что въ

*) Купецъ Беклешовъ.

**) «Изъ архива А. В. Никитенко», «Рус. Стар.», 1900 г., 174, 176.

числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя и не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства, всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышленники" *)...

И, конечно, при всемъ несочувствіи къ „Сѣверной Пчелѣ" и ея издателямъ, къ той атмосферѣ, которая окружала дѣятельность этихъ темныхъ людей,—подписчики были, количество ихъ увеличивалось: надо же было знать хоть голый календарь нѣкоторыхъ событій.

Доходы „грачей-разбойниковъ", какъ ихъ назвалъ Пушкинъ, были очень велики: въ 1855 году каждый изъ двухъ издателей „Пчелы" получилъ на свою долю по 24.000 руб. сер. **) Доходъ и теперь еще необычайный для издателей многихъ ежедневныхъ газетъ, которыхъ тоже не особенно много... Не даромъ Булгаринъ при встрѣчѣ съ Краевскимъ, только что ставшимъ издавать „Отечественныя Записки", угадывая возможный подрывъ своего могущества на читательскомъ рынкѣ,—потому что и Краевскій былъ небезпомощенъ въ III отдѣленіи,—просто-на-просто предложилъ ему присоединиться къ „открытому конкубинату" и сообща управлять департаментомъ литературы. Предложеніе было отвергнуто ***).

Здѣсь я не могу не остановить вниманіе читателей на одномъ изъ объясненій могущества „Сѣверной Пчелы" и Булгарина.

Такой солидный изслѣдователь жизни русской журналистики, какъ г. Барсуковъ, издатель „Русскаго Архива" г. Бартеневъ и нѣкоторые другіе считаютъ Булгарина и Сенковскаго главарями, представителями польскаго направленія въ русской литературѣ, польской партіи. При этомъ г. Барсуковъ ссылается на свидѣтельство кн. В. Ѳ. Одоевскаго, а г. Бартеневъ безъ какихъ бы то ни было показаній современниковъ повторяетъ эту легенду при всякомъ удобномъ случаѣ ****). Авторъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина" идетъ даже дальше и, видимо, вполнѣ присоединяется къ словамъ Одоевскаго: „въ этихъ-то привилегированныхъ журналахъ („Сѣв. Пчела" и „Библ. для Чтенія") и проводилось враждебное Россіи польское направленіе, котораго результаты оказались лишь впослѣдствіи". Мнѣ кажется, не надо долго просматривать изданія Булгарина и Сенковскаго, чтобы увидѣть въ нихъ полное отсутствіе какого бы то ни было польскаго направленія. Достаточно знать то презрѣніе, съ которымъ относилась къ этимъ

---

*) *Н. Барсуковъ, н. с.* IV, 10.

**) *П. Усовъ.* «Ѳ. В. Булгаринъ»—«Истор. Вѣстн», 1883 г., VIII, 330.

***) *П. Анненковъ.* «Замѣчательное десятилѣтіе», «Вѣстн. Европы», 1880 г., I, 226.

****) Ср. *Барсуковъ*, II, 331; «Рус. Архивъ» 1869 г., IX, 1553—1559; 1889 г. VII, 398; 1884 г., VI, 322—323 и др.

людямъ польская интеллигенція, чтобы смѣло утверждать неосновательность легенды о силѣ этой польской литературной партіи. Неужели Булгаринъ и Сенковскій могли быть представителями партіи, тотъ Булгаринъ, который намъ уже болѣе или менѣе вырисовался въ предыдущемъ изложеніи? Предположить это — значитъ, обидѣть и польскую, и русскую интеллигенцію: первую за делегированіе своихъ интересовъ такими „представителями", вторую—за довѣріе къ нимъ. Не говорю уже о томъ, что русская цензура, находящаяся подъ присмотромъ Бенкендорфа, Орлова, Уварова и др., конечно, не могла быть слѣпой и всякое не русское націоналистическое стремленіе душила въ зародышѣ. Если Булгаринъ и былъ представителемъ какой бы то ни было партіи, то она не могла называться иначе, какъ безпринципная продажность. Не вина поляковъ, что грязное пятно въ русской журналистикѣ первой половины прошлаго столѣтія случайно принадлежало къ ихъ національности. Если и можно говорить о польской партіи въ Россіи вообще, то находить ее въ русской литературѣ николаевской эпохи значитъ обнаруживать совершенное непониманіе какъ личностей ея представителей и ея самой, такъ и условій жизни литературы того времени.

Кромѣ того, легенда гг. Барсукова и Бартенева стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактомъ достаточно общеизвѣстнымъ: Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій были петербургской группой „оффиціальной народности", что, разумѣется, не совмѣстимо съ служеніемъ двоихъ изъ нихъ своей отчизнѣ.

Наконецъ, само III отдѣленіе категорически утверждало неприкосновенность Булгарина къ польской партіи, что видно изъ „отношенія на представленіе г-на д. т. с. Новосильцева о вредномъ духѣ сочиненія польскаго поэта Мицкевича, подъ заглавіемъ „Конрадъ Валенродъ", и о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина", помѣченнаго 14 іюля 1828 года. Копія съ копіи этого очень цѣннаго документа, хранившаяся въ архивѣ Ѳ. В. Анненкова (брата извѣстнаго писателя), предоставлена въ мое распоряженіе Н. К. Михайловскимъ и заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, какъ удостовѣренная экспедиторомъ III отдѣленія, Петромъ фонъ-Фокомъ,—очевидно, родственникомъ директора канцеляріи.

Изъ названнаго „отношенія" видно, что еще въ 1827 году III отдѣленіе получило бумагу Новосильцева *), писанную имъ 28 декабря 1824 года гр. Аракчееву, гдѣ Булгаринъ, Гречъ и другія лица обвинялись въ принадлежности „къ вредному и тайному обществу въ Вильнѣ, подъ названіемъ Шубравцевъ" и въ

*) Н. Н. Новосильцевъ состоялъ тогда при в. кн. Константинѣ Павловичѣ и былъ однимъ изъ главныхъ руководителей правительственной политики въ Ц. Польскомъ.

дѣйствіяхъ во вредъ правительству путемъ сношеній съ виленскимъ университетомъ. Аракчеевъ тогда же произвелъ очень подробное слѣдствіе, которое обнаружило полную неосновательность этихъ обвиненій и было признано совершенно соотвѣтствующимъ истинѣ намѣстникомъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Дѣло, такимъ образомъ, оставлено безъ вниманія.

Но въ серединѣ 1828 г. Новосильцевъ вновь поднялъ этотъ вопросъ, обратившись съ письмомъ къ гр. Чернышеву (военному министру), въ которомъ опять обвинялъ Булгарина въ вредномъ вліяніи на спокойствіе Польши. На этотъ разъ слѣдствіе производилось III-мъ отдѣленіемъ, а результатомъ его и является названное „отношеніе“.

Опровергнувъ вредъ вовсе не тайнаго общества *Шубравцевъ*, представителей котораго въ виленскомъ университетѣ Новосильцевъ самъ же приблизилъ къ себѣ по службѣ, „отношеніе“ останавливается на слѣдующихъ словахъ письма Новосильцева: „между тѣмъ, не могу умолчать при семъ случаѣ, что Булгаринъ въ издаваемыхъ имъ повременныхъ сочиненіяхъ продолжаетъ покровительствовать распространенію и укрѣпленію польскихъ патріотическихъ помышленій въ превратномъ и ложномъ ихъ направленіи, столь противномъ тѣсному и откровенному соединенію сего народа съ россіянами“.

„Сіе обвиненіе“,—отвѣчалъ Бенкендорфъ,—„совершенно несправедливо и даже противоположно дѣйствіямъ Булгарина. Онъ, воспитанный въ Россіи, зная языкъ и духъ народа, своими сочиненіями пріобрѣлъ любовь русской публики и сдѣлался любимымъ ея писателемъ, чего не могъ бы достигнуть, если бъ писалъ въ польскомъ духѣ, а не въ русскомъ, ибо въ русскомъ народѣ понынѣ существуетъ предубѣжденіе о полякахъ. Напротивъ того, всѣ его сочиненія исполнены русскимъ патріотизмомъ, основаннымъ на преданности къ престолу. Ни одинъ полякъ не написалъ бы похвальнаго слова Петру I и Суворову, что сдѣлалъ, однако-жъ, Булгаринъ. Кромѣ „Сѣвернаго Архива“, гдѣ помѣщено нѣсколько древнихъ польскихъ историческихъ документовъ относительно русской исторіи, въ журналахъ, Булгаринымъ издаваемыхъ, не печатается вовсе ничего о Польшѣ, и онъ, только по просьбѣ русскихъ литераторовъ, написалъ обозрѣніе польской литературы въ 1820 году, когда самъ не издавалъ еще ни одного журнала. По справкѣ оказалось, что Булгаринъ, выписывая множество газетъ и журналовъ изъ-за границы, не выписываетъ ни одного изъ Варшавы. Самъ Булгаринъ до такой степени чуждъ Польшѣ, что хотя онъ родомъ изъ Литвы, но, не живя тамъ никогда и не имѣя никакихъ связей, рѣшился оставить навсегда сію провинцію и купилъ себѣ имѣніе въ Лифляндіи, чтобъ тамъ навсегда поселиться въ отдаленіи отъ Польши.

Булгаринъ многократно въ своей газетѣ совѣтуетъ всѣмъ жителямъ Россіи, особенно нѣмцамъ и полякамъ, учиться русскому языку, за что даже заслужилъ упрекъ польскихъ патріотовъ. Булгаринъ въ сочиненіяхъ и разговорахъ распространяетъ одну мысль,—вѣчное соединеніе поляковъ съ русскими. Въ статьѣ своей: „Освобожденіе отъ турокъ Трамбовли", гдѣ героиня—женщина, Булгаринъ говоритъ въ предисловіи къ польскимъ и русскимъ дамамъ: „Нынѣ вы составляете одно семейство, имѣете одного Отца; ваши дѣти и братья навѣки соединены узами взаимнаго счастья. Вы должны знать и уважать другъ друга" и проч. Повторяя, что въ журналахъ и сочиненіяхъ Булгарина *нѣтъ ни одной строки*, дышащей польскимъ патріотизмомъ, невозможно постигнуть, на чемъ основано обвиненіе Булгарина г. Новосильцевымъ въ распространеніи польскихъ патріотическихъ помышленій! *)

„Наконецъ, по самомъ подробномъ изслѣдованіи оказывается, что подозрѣніе Булгарина въ сношеніи съ университетомъ основывается на томъ единственно, что пріѣзжающіе въ Петербургъ польскіе профессоры, литераторы или люди высшаго званія навѣщаютъ его, какъ своего единоземца, *пользующагося славою отличнаго писателя* и уваженіемъ многихъ знатныхъ особъ, и что Булгаринъ передъ ректоромъ Пеликаномъ, бывшимъ въ Петербургѣ, говорилъ неоднократно, что онъ не одобряетъ мѣръ, принимаемыхъ виленскимъ начальствомъ, чтобы выслуживаться несправедливыми доносами на юношей.

„Что же касается до похвалы поэмы Мицкевича, „Валенрода", то это относится къ литературному достоинству. Впрочемъ, Булгаринъ по долгу журналиста, обѣщая извѣщать о всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгахъ, только извѣстилъ въ нѣсколькихъ строкахъ о появленіи сего сочиненія, и сіе поставляется ему въ преступленіе, между тѣмъ какъ въ донесеніи г. Новосильцева вовсе не упомянуто, что сія поэма „Валенродъ" была *подробно* разобрана и расхвалена въ „Московскомъ Телеграфѣ" и вполнѣ переведена на русскій языкъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" *съ величайшими похвалами.* Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что противъ Булгарина дѣйствуетъ личность. Въ русскомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы" безпрестанно помѣщаются статьи изъ польскихъ газетъ, сеймовыя рѣчи и т. п., но о семъ г. Новосильцевъ не говоритъ ни слова. Въ журналахъ Булгарина не только не было никогда говорено о сеймѣ или о чемъ-либо политическомъ, до Польши касающемся, но ничего о самой Польшѣ, однако жъ простое извѣщеніе о польской книгѣ подвергнуло Булгарина обвиненію въ злонамѣренности".

Всего этого, въ связи съ нѣкоторыми уже приведенными выше

---

*) Курсивъ мой.

документами, совершенно достаточно, чтобы имѣть серьезныя основанія отрицать какую бы то ни было работу Булгарина въ пользу его національности...

Возвращаюсь къ нити разсказа. Какъ на одну изъ причинъ силы булгаринскаго органа, я указалъ выше на постоянное подслуживаніе ея издателя. Къ фактамъ изъ этой области, уже неоднократно приводимымъ, прибавлю немного. Когда временно завѣдывавшій редакціей г. Усовъ замедлилъ напечатать отчетъ Ольгинской больницы, присланный изъ III отдѣленія, Булгаринъ пишетъ ему: „сдѣлайте милость, не пренебрегайте статьями, которыя я вамъ сообщаю для печатанія... Отчетъ напечатанъ въ „Полицейской Газетѣ“ и ко мнѣ прислана весьма непріятная бумага отъ гр. Орлова за непользованіе статьею, о которой хлопочутъ особы царской фамиліи. Мнѣ сущая бѣда!..“ Въ другомъ письмѣ находимъ: „посылаю вамъ стихи Бенедиктова: они хотя и высокопарны, но ихъ надобно непремѣнно напечатать въ Пчелкѣ, потому что Бенедиктовъ почитается однимъ изъ первыхъ поэтовъ и стихи были читаны съ одобреніемъ въ Гатчинѣ“ *)... Аналогичныхъ фактовъ слишкомъ много.

III отдѣленіе участвовало даже въ расходахъ по редакціи „Сѣв. Пчелы“, что видно изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ въ 1855 г. самимъ Булгаринымъ. „Даже за границею завербовалъ онъ (Гречъ—*М. Л.*) какого-то сорванца, который присылаетъ вырѣзки изъ газетъ и разныя писанныя сплетни, которыхъ я не вижу и не знаю. *Прежде* за это платило III отд. Собств. Его Величества канцеляріи, куда и поступаютъ заугольныя извѣстія, а теперь „Сѣв. Пчела“ должна платить этому сорванцу 1.000 руб. серебромъ!“ **).

Пользуясь силою своей газеты, Булгаринъ внесъ въ журналистику взяточничество и самый низкій шантажъ. „Сѣверная Пчела“ то и дѣло рекомендовала въ текстѣ тотъ или другой магазинъ, ту или другую фабрику, опередивъ въ этомъ смыслѣ современную американскую рекламу. Булгаринъ бралъ взятки направо и налѣво, а упорствующихъ немедленно наказывалъ жестокой критикой ихъ товаровъ и производства. Суда и расправы на все это не было. Петербургъ освоился съ такими пріемами редактора единственной своей ежедневной газеты. Бѣлинскій, только что пріѣхавъ изъ Москвы и не зная вблизи всѣхъ достоинствъ Булгарина, вопилъ: „что это за міръ!—берутъ взятки открыто!“ ***).

До того гадка была булгаринская газета, что даже Щербина разразился „молитвой современныхъ писателей“:

---

*) *П. Усовъ.* «Ѳ. В. Булгаринъ», «Истор. Вѣстн.», 1883 г. VIII, 294, 316.

**) «Русск. Арх.» 1869 г., IX, 1557.

***) *А. Пыпинъ.* «Бѣлинскій», II, 34.

О ты, кто принялъ имя слова!
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной «Сѣверной Пчелы... *).

VIII.

Такъ крѣпъ Булгаринъ.

Въ 1832 г. въ Москвѣ появилась баллада „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ". Авторъ ея признается, что гоняется не за славою, а за копѣйкою. „Меня ободряетъ", писалъ онъ, „примѣръ гг. *Выжигиныхъ*, предъ коими она (баллада) имѣетъ важное преимущество: ее можно прочесть несравненно скорѣе". Для иллюстраціи искусства, съ которымъ составлена эта пародія на *Выжигиныхъ* приведу строфу, рисующую пьянаго квартальнаго:

И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился,
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!.. родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья! **).

Московскій оберъ-полицімейстеръ, съ своей стороны, и Булгаринъ, какъ авторъ романовъ „Иванъ" и „Петръ" Выжигины, съ своей, достигли отставки пропустившаго брошюру цензора, С. Т. Аксакова. Булгаринъ и Бенкендорфъ долго потомъ помнили обиду...

Въ сборникѣ Башуцкаго „Наши" была статья „Водовозъ", очень вѣрно и живо рисовавшая тяжелый бытъ этихъ людей. Кромѣ принятыхъ по этому поводу мѣръ, Бенкендорфъ поручилъ Булгарину сочинить и напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ" статью противоположнаго содержанія. Булгаринъ точно исполнилъ приказаніе: въ статьѣ „Водоносъ" въ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ была представлена жизнь этихъ тружениковъ... *).

Къ этому времени, ознаменованному смертью Лермонтова, относятся полные горькаго сарказма слова Бѣлинскаго: „Лермонтовъ убитъ наповалъ—на дуэли. Оно и хорошо: былъ человѣкъ безпокойный и писалъ хоть хорошо, но безнравственно,— что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ. Взамѣнъ этой

---

*) «Руск. Стар.», 1872 г., I, 151.

**) Цитирую по стр. 12, т. IV сочиненія г. Барсукова.

***) *М. Корфъ.* «Изъ записокъ», «Русск. Стар.», 1899 г., X.

потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ... Ѳ. В. (иниціалы Булгарина въ „Сѣв. Пчелѣ“.—*М. Л.*) ругаетъ Пушкина печатно, доказываетъ, что Пушкинъ былъ подлецъ, а цензура, вѣрная волѣ У. (Уварова—*М. Л.*), мараетъ въ „О. З.“ все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча. Литература наша процвѣтаетъ, ибо явно начинаетъ уклоняться отъ гибельнаго вліянія лукаваго Запада“... *).

Около этого же времени, еще въ „Москов. Наблюдателѣ“, Бѣлинскій такъ отвѣчалъ на приглашеніе Булгарина критиковать его сочиненіе, а въ случаѣ похвалы—„сокрушить перо свое и, произнося съ сокрушеннымъ сердцемъ mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa, на вѣки замолчать“: „Нѣтъ, г. Булгаринъ, не бойтесь и пишите на здоровье: даемъ вамъ слово не бранить ничего, что вы напишете. И зачѣмъ это и къ чему это? Всякій писатель оканчиваетъ свое поприще тѣмъ, что его перестаютъ, наконецъ, бранить, потому что всѣ убѣждаются, что онъ или точно великъ, или лучше не будетъ и писать не перестанетъ. Что же до того, что бы хвалить васъ... если только вы сдержите ваше обѣщаніе... намъ такъ хотѣлось бы оказать русской литературѣ такую великую услугу... обольщеніе велико... но—пишите, пишите, г. Булгаринъ, а у насъ нѣтъ силъ на такой подвигъ!..“ **).

Въ началѣ 1843 года почти одновременно въ „Отечественныхъ Запискахъ“,—добровольнымъ сотрудникомъ-рекламистомъ которыхъ онъ состоялъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, не разъ благодарившаго печатно метавшаго громы Фиглярина,—и въ „Литературной Газетѣ“ появились статьи, направленныя противъ Булгарина ***).

Немедленно строчится доносъ въ видѣ письма къ предсѣдателю петербургскаго цензурнаго комитета, кн. Г. П. Волконскому:

«Сіятельный князь,
Милостивый Государь,
Григорій Петровичъ!

«Благоволите заглянуть въ послѣднюю книжку *Отечественныхъ Записокъ* и въ послѣдній воскресный нумеръ *Литературной газеты!* Есть ли тутъ слово о литературѣ—гдѣ говорится обо мнѣ? Однѣ личности, сплетни, клеветы, высказанныя языкомъ, который нынѣ не употребляютъ самые бранчивые лакеи и кучера. Я не привыкъ къ тяжбамъ (аргументація всѣхъ доносовъ Булгарина!—*М. Л.*), но это превосходитъ всякую мѣру! Конечно, я бы никогда не хотѣлъ отвѣчать подобными личностями и бранью, унижающими достоинство человѣка, дворянина и литератора; но мнѣ ничего не позволяютъ въ цензурѣ, потому что цензора, которые разсматриваютъ противные мнѣ журналы, находятся въ дружбѣ и связяхъ съ ихъ издателями и

*) *Пыпинъ*, «Бѣлинскій», II, 127.

**) *В. Г. Бѣлинскій.* «Сочиненія», изд. Павленкова, I, 792.

***) Въ XXVIII томѣ «Отеч. Зап.» былъ разборъ его сочиненія «Очерки русскихъ нравовъ», въ «Литер. Газетѣ» Кони велъ жаркую полемику съ Булгаринымъ.

сами или журналисты, или сотрудники журналовъ, и держатся за руки и всѣ состоятъ подъ покровительствомъ г. Комовскаго *), человѣка *близкаго* къ министру и мнѣ *далекаго*. Питаю себя надеждою, что ваша свѣтлость, по врожденному вамъ правосудію, безпристрастію и любви къ истинѣ, прекратите систематическое дѣйствіе злобы и зависти и введете литературную войну въ предѣлы литературныхъ приличій, удержавъ г.г. цензоровъ въ предѣлахъ закона. Они думаютъ, что меня можно безнаказанно оскорблять, потому что я полякъ, нигдѣ не служу, сильныхъ родныхъ здѣсь не имѣю и никогда не жаловался, — а, между тѣмъ, Карлово стоитъ всѣмъ костью въ горлѣ—и вотъ составилась партія, чтобы дѣйствовать противъ меня общими силами съ цензорами, за исключеніемъ почтеннаго *дворянина* Корсакова **). Свѣтлѣйшій князь, уничтожьте эту паутину! Только загляните въ Литературную Газету и въ Отеч. Записки—увидите, что это за грязь! Не смѣю долѣе мучить васъ.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностью честь имѣю пребывать

вашей свѣтлости милостиваго государя
покорнѣйшимъ слугою
Ѳ. Булгаринъ». ***)

Кн. Волконскій почелъ за лучшее совершенно прекратить печатныя ругательства.

Мѣра эта была неоффиціально сообщена Булгарину, только что объявившему, что Краевскій унижаетъ Жуковскаго, не смотря на то, что поэтъ—авторъ нашего народнаго гимна... Булгаринъ не нашелъ ничего лучшаго для борьбы съ такимъ охранительнымъ распоряженіемъ, какъ снова написать письмо предсѣдателю цензурнаго комитета, кн. Г. П. Волконскому, въ которомъ представилъ нѣсколько выдержекъ изъ „Отеч. Записокъ“ особенно „неблагонамѣреннаго“ свойства и при этомъ прибавилъ: „съ того времени, какъ вы предсѣдательствуете въ комитетѣ, пропускаются вещи, посильнѣе и почище этихъ“. Кромѣ того, онъ обвинялъ Уварова въ ничегонедѣланіи, въ покровительствѣ либерализму, чего министръ всегда очень боялся; требовалъ особой слѣдственной коммиссіи, передъ которой хотѣлъ предстать, какъ „доноситель“, для обличенія партіи, колеблющей вѣру и престолъ; писалъ, что будетъ просить государя разобрать это дѣло, а если государь не вникнетъ въ него, или дѣло до него не дойдетъ, то онъ попроситъ прусскаго короля довести до свѣдѣнія Николая I все, что ему, Булгарину, необходимо сказать для огражденія священной особы государя и его русскаго царства. Кончалось письмо угрозой: „я не позволю, чтобы на меня, какъ на собаку, надѣвала цензура намордникъ!“.

Волконскій отправилъ этотъ доносъ Уварову, Уваровъ—Бенкендорфу. Министръ такъ былъ взволнованъ всѣмъ этимъ, что

*) Директоръ канцеляріи министра просвѣщенія.

**) Цензоръ пріятель «Сѣв. Пчелы».

***) «Отчетъ Импер. Публ. Библіотеки за 1892 годъ», Спб., 1895 г., приложенія, 58—60.

сказалъ Волконскому, что „хочетъ, чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась. Тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ что-нибудь опредѣленное, а главное — я буду спать спокойно"... Бенкендорфъ получилъ отъ государя приказаніе сдѣлать такъ, какъ будто ничего обо всемъ разсказанномъ не знаетъ *)...

Но Бенкендорфъ не исполнилъ приказанія Николая I и немедленно сообщилъ Булгарину о понесенномъ ими пораженіи. „Si le malheur doit arriver,—сказалъ онъ ему со слезами на глазахъ,—je prierai pour vous, comme pour moi même" **).

Бенкендорфу не долго пришлось „хранить" эту тайну: 11 сентября 1844 года его не стало... Въ страхѣ за свое сиротство послѣ смерти главы „общей маменьки" и неувѣренности въ твердости, при новомъ начальникѣ, второй ея половины—Дубельта,—Булгаринъ спѣшитъ подслужиться преемнику Бенкендорфа, который почитался его другомъ. Въ „Сѣв. Пчелѣ" появляется громадная статья: „Гр. А. Х. Бенкендорфъ". Уже одно начало достойно вниманія: „Въ лицѣ А. Х. Бенкендорфа государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника... Вся Россія знала А. Х. Бенкендорфа и во всѣхъ семействахъ повторялось имя его или съ благодарностью, или съ надеждою, и служило, какъ будто, порукою спокойствія и безопасности... Онъ былъ заступникомъ истины, утѣшителемъ несчастныхъ и страждущихъ; стремился къ добру по влеченію своего сердца и пользовался важностью своего званія единственно для содѣйствія общему благу. Онъ охранялъ всѣхъ и каждаго отъ злоупотребленія власти, пресѣкалъ тяжбы и ссоры средствами миролюбивыми, и гласъ беззащитнаго и угнетеннаго, чрезъ его посредство, всегда свободно доходилъ до священнаго престола. Надежда на безпристрастіе, правосудіе, добродушіе и на доступность его оживляла каждаго; ему были всѣ равны: и бѣдный и богатый, и высокій сановникъ и безчиновный, и передъ лицомъ всей Россіи можно сказать утвердительно, что А. Х. Бенкендорфъ оправдалъ общую къ себѣ довѣренность и пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи отечества и человѣчества" ***).

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Булгаринъ писалъ: „гр. Бенкендорфъ былъ ко мнѣ необыкновенно милостивъ, и даже болѣе нежели снисходителенъ, до самой своей кончины. За то и я любилъ его душевно и чту память его, потому что зналъ хорошо его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положилъ я цвѣтокъ на его могилѣ" ****)...

---

*) *А. Никитенко.* «Дневникъ», «Русск. Стар.», 1889 г., XII, 756—758.

**) *С. Шубинскій.* «Письма Ѳ. В. Булгарина»,—«Истор. Вѣстн.», 1901 г., II, 176.

***) «Сѣв. Пчела» 1844 г., № 218, 26 сентября.

****) «Воспоминанія», 1846 г., III, 368.

Скоро Булгаринъ на половину успокоился: Дубельтъ былъ оставленъ гр. Орловымъ на своемъ мѣстѣ. Всетаки возникалъ вопросъ о болѣе или менѣе легальномъ пути для удовлетворенія честолюбія, и Булгаринъ, въ ноябрѣ 1844 г., поступаетъ членомъ-корреспондентомъ специальной комиссіи коннозаводства — мѣсто, дававшее возможность получать чины и даже ордена. Повидимому, это было сдѣлано бар. Мейендорфомъ, а не Орловымъ и не Дубельтомъ. Съ гр. Орловымъ отношенія всегда были далекія, какъ я уже говорилъ и раньше.

„Отечественныя Записки" продолжали чувствовать попеченіе Булгарина, что можно вывести изъ его писемъ къ Никитенку. Такъ, 28 ноября 1845 г. онъ пишетъ:

„Отецъ и командиръ, Александръ Васильевичъ! Право, не постигаю той удивительной вольности, которою пользуются „Отеч. Записки", и той неприкосновенности, которою обезпеченъ г-нъ Краевскій! Крыловъ (цензоръ) былъ сегодня у меня и показалъ мнѣ исключенія изъ статьи объ „Отеч. Запикахъ"! Я рѣшился перенесть судъ повыше и всеподданнѣйше просить моего личнаго благодѣтеля, царя православнаго, разрѣшить: почему Краевскому позволено печатно поносить меня самымъ гнуснымъ образомъ, топтать мое имя въ грязь, употреблять самыя низкія выраженія,—а мнѣ запрещено даже защищаться! Дѣло это должно принять самый серьезный оборотъ, потому что у меня собраны акты. Наконецъ, вывели меня изъ терпѣнья!

„Прошу покорнѣйше о возвращеніи метрики моей или свидѣтельства о крещеніи. Я сообщилъ вамъ вмѣстѣ съ корректурными листами. Во всемъ покоряюсь вашей волѣ, скорблю, что долженъ надоѣдать вамъ—но что же дѣлать? Вольно же вамъ быть честнымъ, умнымъ и благороднымъ человѣкомъ".

Черезъ полтора года Булгаринъ пишетъ письмо, болѣе рѣшительное, въ которомъ заявляетъ, между прочимъ:

„Я думаю, что не весьма полезно для государя и отечества и пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1844 г. № 2, смѣсь, стр. 98), въ которыхъ имя ваше было выставлено въ числѣ сотрудниковъ: «Богъ на крестѣ, освѣщающій свободу и равенство не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного семейства, присущаго Его Божественности,— вотъ что побѣдило древній міръ и не перестаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ». Такихъ и еще посильнѣе мѣстъ, пропущенныхъ вами въ „Отечественныхъ Запискахъ", еще нѣсколько есть, а потому я удивляюсь, что вамъ вдругъ вздумалось сдѣлать изъ меня человѣка злонамѣреннаго, пишущаго противъ правительства!.. Я долженъ буду защищаться, предетавить на видъ все пропущенное вами въ „Отечественныхъ Запискахъ", которыя помѣщали болѣе, нежели журналы, гдѣ свобода книгопечатанія (sic!), и вы все утверждали своею подписью. Ска-

жу вамъ откровенно: горе литературѣ, когда цензора издаютъ журналы или сотрудничаютъ въ нихъ, точно такъ же, какъ горе коммерціи, когда таможенные занимаются торговлею" *).

Годомъ раньше (1846 г.) Булгаринъ подалъ Дубельту записку, озаглавленную: „Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе". Это и есть то „маранье", на которое онъ указывалъ въ приведенномъ уже письмѣ къ Дубельту отъ 1846 г.

„Я не доносчикъ—пишетъ Булгаринъ,—но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка, онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ коммунизма и правилъ нечестиваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный (?) литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя выписки, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противъ которыхъ вострятъ, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта пріобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня выписки Бориса Федорова и разспросите его, не стращая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь"!

Надо ли говорить, что „могущественный чиновникъ въ министерствѣ просвѣщенія", т. е. гр. Уваровъ, былъ столько же прикосновененъ къ либеральнымъ людямъ конца 40-хъ годовъ, сколько Булгаринъ былъ представителемъ польской партіи... Большая часть „Правдъ" посвящена Уварову. Кромѣ того, зная постоянныя натянутыя отношенія министровъ съ III отдѣленіемъ, Булгаринъ самъ немного полиберальничалъ, бросивъ въ ихъ огородъ нѣсколько, правда, мѣткихъ камешковъ.

Вскорѣ имъ подана была вторая аналогичная записка: „Литература и цензура", которой ему хотѣлось добить Уварова. Тутъ рекомендовалось обратить на министерство народнаго просвѣщенія сугубое вниманіе, и проводилась та мысль, что въ цензора должны назначаться столбовые дворяне, единственно способные противиться идеямъ коммунизма и революціонному духу. Не было недостатка и въ доносахъ на тѣхъ отдѣльныхъ цензоровъ, которые сталкивались когда либо съ Булгаринымъ **).

---

*) «Изъ архива А. В. Никитенко», «Русск. Стар.», 1900 г., I.

**) Ibidem., 501—505.

Въ 1848 г. Булгаринъ набросился на „Современникъ" и въ сообществѣ своего ближайшаго новаго начальника — директора канцеляріи коннозаводскаго управленія—распространялъ всякія клеветы на этотъ журналъ, только что похоронившій Бѣлинскаго. Въ III отдѣленіе поступали безпрерывно доносы отъ Булгарина; надъ „Современникомъ" то собиралась гроза, то, благодаря связямъ Панаева и Некрасова, вдругъ прояснялось, но спокойно никогда не было.

Но этотъ же годъ, разбудившій общество громомъ европейскихъ событій, былъ и у насъ годомъ пробуждавшагося самосознанія. Въ глазахъ русскаго общества „Сѣверная Пчела" и Булгаринъ все болѣе и болѣе вырисовывалась во весть ростъ. Девятилѣтняя работа въ Петербургѣ „неистоваго Виссаріона" немало способствовала этому. Въ этотъ періодъ Булгаринъ рѣшился повѣдать міру свое исключительное положеніе. „Весьма замѣчательно,—писалъ онъ,—что всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе двадцати шести лѣтъ, начинали свое поприще, продолжали и кончали его—жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы, и ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не разобрано критически, по правиламъ науки. Нигдѣ еще не представлено доказательствъ, почему такое-то изъ моихъ сочиненій дурно, чего я долженъ избѣгать и остерегаться. О хорошей сторонѣ—ни помина! Какая бы нелѣпость ни вышла изъ печати, господа журналисты всегда утверждаютъ, что все же она лучше, нежели мои сочиненія" *).

Эта самооцѣнка—лучшее свидѣтельство въ пользу русской литературы. Намъ даже приходится, ради правды, смягчить его: нѣкоторые органы и журналисты вполнѣ повторяли по отношенію къ Булгарину слова:

Кукушка хвалитъ пѣтуха
За то, что хвалитъ онъ кукушку...

Извѣстенъ тогдашній взглядъ на Гоголя. Когда великаго сатирика не стало, Булгаринъ выступилъ съ выраженіемъ этого взгляда и все, что ему противорѣчило, направилъ куда слѣдуетъ. Такъ, онъ далъ понять неумѣстность траурной каймы въ „Москвитянинѣ", онъ раздулъ значеніе тургеневской статьи и добился ареста Ивана Сергѣевича. Никитенко прямо говоритъ въ дневникѣ отъ 22 апрѣля 1852 г.: „теперь извѣстно, что причиною всей бѣды было донесеніе Мусина-Пушкина (предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета, не пропустившаго статью Тургенева въ Петербургѣ — *М. Л.*), подвигнутаго на это Булгаринымъ" **). До того русское общество свыклось съ силою Булгарина, что

*) «Воспоминанія», I, предисловіе.
**) «Русск. Стар.» 1890 г., III, 647.

сейчасъ же вслѣдъ за печатнымъ возраженіемъ ему, написаннымъ по поводу каймы Погодинымъ, въ Москвѣ разнесся слухъ объ арестѣ редактора „Москвитянина“ именно за такой отвѣтъ *). Тогда это оказалось уткой, но, немного спустя, благонамѣренный Погодинъ былъ, дѣйствительно, взятъ подъ надзоръ полиціи за неодобрительный отзывъ о драмѣ гофъ-драматурга Кукольника— „Денщикъ“. Булгаринъ изъ себя выходилъ, доказывая опасность подобной критики патріотической пьесы и достигъ своего **).

Спустя годъ, Булгаринъ подалъ Дубельту записку о необходимости учредить сыскной приказъ. „Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ“—такъ начиналась эта замѣчательная бумага.

„У насъ нѣтъ безподобнаго французскаго заведенія Police de Sûreté или, какъ было въ старину въ Россіи, сыскного приказа, а это *первая потребность* въ благоустроенномъ государствѣ.“ Заканчивался этотъ проектъ словами: „Начальникомъ сыскного приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ Эртель; вотъ образецъ! А сыскной приказъ, право, нужнѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ“ ***).

Дубельтъ не забывалъ Булгарина: въ 1846 г. онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника, въ маѣ 1847 г. „во вниманіе къ отлично усердной и ревностной службѣ высочайше повелѣно, по положенію комитета министровъ, не считать препятствіемъ къ полученію пенсіи и другихъ наградъ, кромѣ знака отличія безпорочной службы, отставки его въ 1811 г., по худой аттестаціи, отъ службы“; въ 1848 г. — „во вниманіе къ отличному усердію и *особымъ* трудамъ“ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники; въ 1850 г. — „въ награду отлично усердной и ревностной службы“ пожалованъ, согласно удостоенію комитета министровъ, подаркомъ по чину; въ 1852 г. „за отлично усердную службу“ произведенъ въ статскіе совѣтники ****).

Не прекращая ни на одинъ день своей привычной дѣятельности, Булгаринъ вступаетъ въ новую полосу русской жизни, начавшуюся съ воцареніемъ Александра II.

Въ 1857 г. его разбилъ правосторонній параличъ, а 1-го сентября 1859 г. русская литература вздохнула свободнѣе, будучи увѣренной, что мѣшать прежнюю грязь въ новую всетаки болѣе чистую струю жизни уже некому: семидесятилѣтній Булгаринъ отошелъ въ вѣчность въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожалованнаго ему при отставкѣ въ 1857 г.

Правдивость заставляетъ сказать, что не было человѣка, ко-

*) *Н. Барсуковъ*, н. с., XII, 6.

**) Ibidem., 86—92.

***) *М. Сухомлиновъ*, н. с., 499—500.

****) *Н. Гастфрейнъ*. «Матеріалы для біографіи Ѳ. В. Булгарина», «Литер. Вѣстн.» 1901, IV.

торый бы пожалѣлъ о смерти Булгарина. Она вполнѣ отвѣчала моменту, хоронившему старый, николаевскій режимъ. Булгаринъ не ошибался: „всѣ грамотные люди въ Россіи знали о его существованіи“, но никто не цѣнилъ его по его собственной оцѣнкѣ. „Съ тѣхъ поръ,—писалъ онъ еще въ 1846 г. — какъ я началъ мыслить и разсуждать, я мыслю *вслухъ* и готовъ былъ бы всегда печатать во всеуслышаніе всѣ мои мысли и разсужденія. Душа моя покрыта *прозрачною оболочкою*, чрезъ которую каждый можетъ легко заглянуть во внутренность, и всю жизнь я прожилъ въ *стеклянномъ домѣ*, безъ занавѣсей“ *). Всѣ знали, что на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не такъ, что вслухъ Булгаринъ никогда не думалъ, а всегда нашептывалъ; что разсужденія и мысли свои писалъ „конфиденціально“; что душа его покрыта сѣтью человѣческихъ бѣдъ и страданій. Въ этомъ-то и все его значеніе.

Мих. Лемке.

---

* * *

Молчитъ тревога
Моей души
Въ жилищѣ мертвыхъ,
Въ лѣсной тиши.
Покой и счастье...
Ни думъ, ни слезъ...
Кресты обвиты
Листвой березъ.
Цвѣты, и сосны,
И соловьи...
— Покойной ночи,
Друзья мои!

Г. Галина.

---

*) «Воспоминанія», I, предисловіе.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго **Н. Ю. Татарова.**

На далекой войнѣ.

День угасалъ надъ опустѣвшими полями; кое-гдѣ пробивалась озимь, — осень уже вступала въ свои права. На поляхъ, вдоль рѣки, блестѣла еще яркая зелень травы, но на лугахъ виднѣлась лишь жесткая осока. Деревья, окружавшія старый домъ въ Стоклосахъ, подернуты были прозрачнымъ легкимъ туманомъ. Стаи шумныхъ воробьевъ усѣивали голые стволы и вѣтви липъ; вороны, каркая и хлопая крыльями, тяжело взлетали на высохшія верхушки тополей. Кучи наметенныхъ листьевъ пахли свѣжей сыростью. Съ юга доносился тихій, теплый вѣтеръ.

Три пріятеля, Трепка, Цедра и Ольбромскій, сидѣли на крылечкѣ, молча наслаждаясь послѣднимъ теплымъ днемъ ноября. Каждый изъ нихъ былъ занятъ собственными мыслями, назойливо тѣснившимися въ головѣ. Песчаная липовая аллея, тянувшаяся отъ самаго дома, уходила въ открытое поле, гдѣ открывался далекій ясный горизонтъ.

— Не правда ли, господа, какъ нѣжно прощается съ нами зефиръ?—проговорилъ Трепка.

— Точно цѣлуетъ,—замѣтилъ Цедра.

— Пану графу прежде всего приходятъ въ голову поцѣлуи.

— Это потому, что я еще не превратился въ старый грибъ.

— А вотъ, Ольбромскій, головой ручаюсь, думаетъ объ ужинѣ.

— Конечно! Какое дѣло желудку до разныхъ мечтаній и вздоховъ.

— Славный денекъ! Честное слово, такого прелестнаго

дня, съ нѣжнымъ вѣтеркомъ, вы не дождетесь ни въ какихъ Флоренціяхъ, хотя бы сидѣли тамъ цѣлые годы.

— Въ Италіи никто и не станетъ по цѣлымъ годамъ ждать какого-то вѣтерка...

Вдругъ собаки, дремавшія на пескѣ возлѣ крыльца, подняли головы и насторожили уши. Сначала залаяла одна, потомъ быстро поднялась другая, и сразу, какъ по командѣ, вскочили всѣ и понеслись по аллеѣ. Пріятели насторожились. Но собаки вдругъ затихли и, поджавъ хвосты и безпокойно тявкая, пятились назадъ. Изъ полумрака аллеи на освѣщенное мѣсто медленно вышелъ нищій, съ костылемъ и въ лохмотьяхъ. Тяжело хромая, онъ приблизился къ открытымъ воротамъ и остановился.

— Нищій,—сказалъ Трепка.

Цедра вынулъ изъ кармана мелкую монету и далъ поваренку, указывая рукой на старика.

— Дать ему чего-нибудь горячаго,—прибавилъ отъ себя Трепка.—Пусть закуситъ и, пока еще свѣтло, отправляется дальше, а то собаки здѣсь злыя и нищихъ не любятъ.

Поваренокъ побѣжалъ къ воротамъ и долго о чемъ-то толковалъ со старикомъ. Потомъ онъ вернулся и отдалъ назадъ монету.

— Этотъ нищій, пане, не хочетъ брать денегъ,—сказалъ мальчикъ, смѣясь.—Спрашивалъ, не нѣмцы ли здѣсь... Говоритъ, что не рѣшается войти во дворъ.

— Какой гордый старикъ!

— Денегъ не беретъ и еще наводитъ справки.

— Онъ хочетъ просить ночлега.

— Еще чего!

Всегда экспансивный, Цедра побѣжалъ къ нищему. За нимъ, отъ нечего дѣлать, пошли Трепка и Рафаилъ. У воротъ они увидѣли стройнаго, еще не стараго человѣка, но въ лохмотьяхъ, съ двумя, накрестъ перевязанными на груди, котомками за плечами. Лицо у него было бритое и загорѣлое, какъ у жнеца, выцвѣтшіе отъ солнца волосы выбивались изъ-подъ страннаго вида шапки; плащъ и его единственный сапогъ на здоровой ногѣ были покрыты пылью, ясные сѣрые глаза смотрѣли дерзко. Старикъ не кланялся по нищенски, не клянчилъ, не нылъ. Онъ стоялъ, выпрямившись, переводя глаза съ одного лица на другое, и внимательно слѣдилъ за всѣми.

— Что это ты, старикъ, такъ разспрашиваешь о насъ?—спросилъ Трепка.

— Я хотѣлъ узнать,—отвѣтилъ нищій нараспѣвъ, съ литовскимъ акцентомъ,—не служилъ ли кто изъ васъ въ войскѣ?

— А тебѣ зачѣмъ это знать?

— Военный человѣкъ не откажетъ товарищу въ пріютѣ, а посторонній не дастъ. Я ищу ночлега. Усталъ... охъ, какъ усталъ!..

— Откуда-же ты идешь, что такъ утомился?

— Издалека, земляки, изъ очень дальней стороны.

Всѣ трое замолчали и съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ смотрѣли въ правдивые, суровые глаза старика.

— Что-жъ...—заговорилъ Трепка тихимъ дружелюбнымъ тономъ:—если дѣло идетъ о ночлегѣ, то можешь переночевать въ этомъ домѣ.

— Спасибо, милые, что не гоните отъ своего порога нищаго бродягу. Но, если можно, удалите прислугу, чтобы не разболтала, что я воспользовался вашимъ гостепріимствомъ. Можетъ быть плохо для васъ и для меня...

— Будь спокоенъ! Ни одинъ волосъ не упадетъ съ твоей головы подъ крышей этого дома,—сказалъ Цедра, понизивъ голосъ.

Всѣ вмѣстѣ вошли во дворъ. Солнце спряталось за холмами, и отъ темныхъ сосенъ и высокихъ липъ падала уже густая тѣнь. Хозяева велѣли подать нищему ужинъ, и сами торопливо поужинали. Трепка распорядился, чтобы прислуга шла спать. Пріятели сами закрыли ставни. Нищій сѣлъ въ углу комнаты Трепки и снялъ свои котомки. Изъ-подъ толстаго плаща выглянули лохмотья солдатскаго мундира.

— Откуда же вы теперь идете? Куда возвращаетесь? — спрашивали всѣ трое, окруживъ его.

— Домой иду, къ своимъ, изъ города Аустерлица, гдѣ мы одержали блестящую побѣду, и гдѣ я потерялъ ногу.

— Такъ вѣдь эта побѣда была еще въ декабрѣ прошлаго года!

— Да, но я пролежалъ всю зиму въ походныхъ лазаретахъ, а съ весны плетусь вотъ съ мѣста на мѣсто!..

— Разскажи-ка намъ, какъ было дѣло?

— Долго разсказывать!.. Императоръ отличился, какъ всегда... Впрочемъ, что я говорю, какъ всегда! Девять лѣтъ гляжу на его дѣла, а такого еще не видывалъ!..

— Девять лѣтъ?

— Да, двѣнадцать лѣтъ кончилось въ этомъ ноябрѣ, какъ я съ товарищами ушелъ съ Якимовецкаго поля. Кажется, какъ будто это было вчера. Съ отчаяніемъ побросали мы оружіе, изломали сабли, разбили ружья о святую, родную землю. Былъ я молодой парень тогда, а теперь вотъ старымъ дѣдомъ возвращаюсь изъ далекой чужбины... одинъ-одинешенекъ. Всѣ мои товарищи... невѣдомо гдѣ... За горами, за морями...

— Даже за морями?

— За морями, панове братья!... Я, правду сказать, тоже столбовой шляхтичъ... Ойжинскій Сарій Елитчикъ моя фамилія; а стародавнее наше прозвище Мечикъ... За морями, панове братья! На далекихъ Антильскихъ островахъ... Одни въ Санъ-Доминго, другіе въ Италіи, третьи въ нѣмецкихъ горахъ, есть и во французской странѣ. На сухой землѣ и на глубокомъ днѣ моря спятъ сердечные товарищи, сраженные ударами чужой, а иногда и братской руки изъ вражескихъ рядовъ. Я былъ счастливѣе другихъ, остался въ живыхъ и, вотъ, возвращаюсь въ свои мѣста. Иду взглянуть на отцовскій домъ, на свое поле. Но думаю, что уже нѣтъ ни отцовскаго дома, ни брата, ни сестры. Забылъ я даже, каковъ этотъ домъ, каковы братъ и сестра. Иду и тяжелыя мысли несу съ собой, панове братья!..

— Братъ мой!—горячо прервалъ его Кристофъ:—на чей порогъ ты ни ступишь, вездѣ тебѣ будетъ родной домъ!

— Благослови васъ Богъ за доброе слово...

— Разскажи намъ о своей жизни, о томъ, что̀ ты пережилъ и видѣлъ,—настаивалъ Трепка: — мы, сидя тутъ, ничего не знаемъ.

— Хорошо. Разскажу вамъ все отъ начала до конца. Только соберусь съ мыслями... Ну, слушайте... Вспомнилъ я о радошицкомъ дѣлѣ... Не мало я понатерся на войнѣ, а какъ вспомню этотъ день, сердце горитъ и теперь! А тогда что было! Молодая кровь текла въ жилахъ, и горячее сердце билось въ груди. Многіе изъ насъ подъ ружьемъ говорили тогда: „возвратиться домой, копить гроши, спокойно сѣять гречиху, вести съ сосѣдомъ споры изъ-за снопа, и такъ всю жизнь?.. Нѣтъ, никогда!“

И удивительное, право, дѣло! Жили мы по своимъ усадьбамъ, болтали промежду себя, въ четырехъ стѣнахъ, какъ вдругъ въ одну ночь во всѣ шляхетскія усадьбы нагрянуло войско для экзекуціи. Кто громче другихъ мололъ языкомъ, того—въ рекруты... Уже въ Сельцахъ, въ Луковѣ насъ раздѣлили на партіи, одѣли въ штиблеты и маршъ въ австрійскую землю. Я изъ себя былъ молодецъ, и попалъ прямо въ полкъ графа фонъ-Кенигзеггъ-Ротенфельсъ. Только въ мѣстечкѣ Пильзенъ, въ Чехіи, удалось отдохнуть отъ похода. На меня надѣли бѣлый мундиръ, бѣлые панталоны, бѣлые штиблеты. Если бъ не низкіе венгерскіе полусапожки и черная шляпа, да малиновая подкладка, былъ бы я настоящій ангелъ. Сколько наказаній пришлось перенести, пока научился понимать, что тамъ мелетъ капралъ, что бормочетъ себѣ подъ носъ какой-нибудь офицерикъ!.. Не прошло и года, — пошли мы въ Австрію, въ Тирольскія горы, бить

французовъ и защищать папу. Но не самого святого отца... Голова кругомъ шла, когда передъ фронтомъ намъ принимались разводить, не то по польски, не то по венгерски, кто разсчитываетъ на наше мужество. То надѣялся на насъ, помню, Карлъ Эммануилъ IV, король сардинскій, у котораго бродяга Бонапартъ отобралъ какой-то Пьемонтъ; то герцогъ Пармскій, тоже Карлъ и тоже четвертый, только уже не Эммануилъ; то герцогъ Геркулесъ изъ Модены, то сама королева Каролина изъ Неаполя. Не мало я съ товарищами исходилъ земли, защищая этихъ персонъ. Какъ вспомню теперь и подсчитаю, такъ мы тогда, на вѣрняка, миль триста отмѣрили своими ногами безъ отдыха. Шли мы пѣшкомъ по зеленымъ нѣмецкимъ краямъ, съ богатыми полями, черезъ деревни, рѣки, ручьи, по подошвамъ горъ, поднимались къ вершинамъ, между скалъ, до самыхъ бѣлыхъ снѣговъ... Сначала кое-кто даже вѣрилъ, что идетъ защищать своею грудью священную особу папы. Отъ кого было узнать правду? Народъ былъ согнанъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта. Всѣ смотрѣли другъ на друга волкомъ и, какъ разбойники, косились на офицера, а офицеръ скалилъ зубы на солдатъ. Командиръ не оставлялъ не только въ одномъ отрядѣ, даже въ одной шеренгѣ—двухъ земляковъ! Стоило только капралу замѣтить, что двое перешептываются о чемъ-нибудь ночью, или одинъ къ другому, будто случайно, подбѣжитъ во время битвы, или издалека переговариваются глазами и знаками: на первый разъ оба пройдутъ сквозь строй, на второй — пуля въ лобъ!.. За то и умѣли хорошо держать языкъ за зубами...

А всетаки свой своего, гдѣ угодно, хоть черезъ десять полковъ, различитъ—по глазамъ, по чертамъ лица, даже по молчаливой тоскѣ... Сколько разъ на полѣ сраженія приходилось топтать своими ногами братскую грудь или голову! И крикъ на родномъ языкѣ или стонъ пронзитъ тебя, бывало, точно штыкомъ. А сколько такихъ полей исходилъ я въ первую войну! Сколько во вторую! Для второй войны мы спустились съ горъ въ ломбардскія долины въ самый разгаръ весны. Одни изъ нашихъ товарищей, подъ командой эрцгерцога Карла, направились въ низовья Рейна, другіе двинулись въ Швейцарію противъ Масена, мы подъ предводительствомъ фельцейхмейстера барона фонъ-Край направились къ рѣкѣ Адигѣ. У деревни Поло построили черезъ Адигу два моста, а для защиты ихъ передъ ними—земляные окопы. 26 марта съ ранняго утра на насъ грянули двѣ французскія дивизіи. Новички-солдаты, не задумываясь, пошли напроломъ. Австрійцы тоже не давали маху. Солдаты были

старые, обученные. И вотъ когда закипѣлъ бой! Два войска сбились, смѣшались, врѣзались одно въ другое. У стараго ветерана не такъ-то легко было выбить изъ рукъ ружье, хотя бы и юнымъ, зубастымъ молодцамъ. Но французской молодежи пришла помощь. Надвигалась точно живая стѣна. Солдаты—одинъ другого лучше, плечо къ плечу, а передъ ними щетина штыковъ...

Панове братья! какъ взглянулъ я на этихъ людей, голова кругомъ пошла, ружье готово было вывалиться изъ рукъ, волосы встали на головѣ... Іисусъ, Марія! Да вѣдь это наши солдаты, наше знамя! Клянусь Богомъ, слышится своя команда! Первый разъ увидѣлъ я ихъ такъ, лицомъ къ лицу. Не удержался, заплакалъ въ строю. Вдругъ слышу команду. Ну, думаю, если ужъ ты, Господи, дозволилъ мнѣ дожить до такого дня, то я покажу, что не у сороки на хвостѣ родился! Мигомъ стащилъ мундиръ съ подвернувшагося трупа, надѣлъ на себя и съ тѣмъ же австрійскимъ ружьемъ въ рукахъ всталъ въ ряды земляковъ и принялся вмѣстѣ съ ними палить въ свой батальонъ Кенигзеггъ-Ротенфельса! Смерть—такъ смерть! Здѣсь на моихъ глазахъ палъ командиръ нашего батальона, Липчинскій. Семидесятилѣтній старикъ, полковникъ Даревскій, сражаясь въ одномъ со мною ряду въ качествѣ добровольца, погибъ геройской смертью. Солдатъ и унтеръ-офицеровъ выбыло изъ строя 150 человѣкъ. Всетаки войска Дельма и Гренье, послѣ четырехчасового боя, когтями впились въ сдѣланные нами окопы, взяли ихъ со всѣми пушками, вытѣснили моихъ австрійцевъ и прогнали ихъ на лѣвый берегъ...

Такъ-то попалъ я въ наши легіоны... Меня зачислили въ третій баталіонъ, отъ котораго оставались еще крупицы. Генералъ Шереръ началъ отступать и велѣлъ намъ, новымъ рекрутамъ, въ количествѣ 200 человѣкъ, когда главныя наши силы направились къ Мантуѣ, запереться въ миланской крѣпости, которая едва-ли могла бы продержатся даже нѣсколько дней. Мы знали, что не сегодня-завтра окружатъ насъ австрійцы, а какъ только сдадимся, то свернутъ намъ головы. На наше счастье, Шереръ сложилъ съ себя командованіе. Тотчасъ же генералъ Моро отмѣнилъ его варварскій приказъ и взялъ насъ съ собой, когда направился за Тичино. Мы двинулись съ итальянской арміей и участвовали въ большомъ сраженіи... Ожило старое мужество, вспомнились лучшія минуты!.. Въ это время генералъ Макдональдъ, отступая отъ Неаполя черезъ большія горы, подошелъ къ Требіи и здѣсь, на свое несчастье, далъ сраженіе. Потомъ соединился съ итальянской арміей, подъ командой Жубера. Въ бою подъ

Терзо погибъ этотъ храбрый, истинный воинъ *), шагая въ первыхъ рядахъ своего войска.

Мы сражались въ этотъ день съ ранняго разсвѣта до поздней ночи, въ числѣ тридцати тысячъ—противъ восьмидесяти тысячъ союзныхъ войскъ... Въ генуэзскихъ горахъ мы встрѣтились съ первымъ легіономъ Домбровскаго. Надежды ожили: по рядамъ разнеслась вѣсть о возвращеніи изъ египетской экспедиціи нашего великаго вождя Наполеона.

Рука вдвое крѣпче сжимала ружье отъ одной надежды, что не сегодня-завтра, каждую минуту онъ можетъ явиться и повести насъ на Вѣну. Мы уже видѣли въ воображеніи Карпатскія горы, краковскую площадь... Уже слагали пѣсни о походѣ на сѣверъ... Въ эти-то дни розовыхъ надеждъ мы вступили въ Геную, и ворота ея захлопнулись за нами. Съ материка насъ окружилъ генералъ Оттъ, съ моря—англійскіе корабли лорда Кейта. Прекратился подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Ни одного зерна хлѣба не пропускали съ этого момента въ городъ. Сначала намъ давали половинныя порціи, потомъ еще меньше и, въ концѣ-концовъ, стали давать по два лота вонючаго мяса на человѣка и по кусочку хлѣба. Люди умирали, какъ мухи. Въ нѣсколько недѣль вымерло отъ гнилой пищи и заразныхъ болѣзней двадцать тысячъ человѣкъ. Изъ солдатъ, привычныхъ къ разнымъ несчастіямъ и суровой жизни, осталось всего восемь тысячъ, и то настоящихъ скелетовъ... Сидѣли мы на вершинахъ горъ, возвышавшихся надъ городомъ, какъ сычи. Нашъ братъ, полякъ, вы знаете, не долго горюетъ. Повздыхать повздыхаетъ въ тяжелую минуту, или выругается такъ, что небу станетъ жарко, но сейчасъ же и утѣшится чѣмъ-нибудь. А тамъ, смотришь, и пѣсню запѣлъ... Лишь бы только вмѣстѣ, лишь бы въ кучѣ, тогда все хорошо. Позади себя мы видѣли австрійскія войска, расположившіяся въ долинахъ, видѣли, какъ они оттачиваютъ свои штыки, и кричали имъ: „приходите, приходите, ненасытные, да по дорогѣ превратитесь въ вороновъ, чтобы сожрать наши трупы!“ Передъ нами разстилалось безконечное, пустынное море; только англійскіе корабли сторожили насъ въ заливѣ.

Но голодъ насъ такъ мучилъ, что мы шатались по городу, какъ бездомныя собаки, выискивая какую-нибудь ѣду; не разъ приходилось встрѣчаться лицомъ къ лицу со смертью. Стоило только сунуться въ какой-нибудь домъ, и на тебя съ ревомъ бросался позеленѣвшій отъ голода итальянецъ и на-

---

*) Жуберъ (1769—1799)—генералъ революціонныхъ войскъ. Убитъ въ сраженіи при Нова съ русско-австрійской арміей подъ командой Суворова.

водилъ дуло пистолета, или осторожно подкрадывался съ кинжаломъ въ рукавѣ. И не разъ голодная фантазія заставляла насъ бродить отъ одной такой норы до другой... Въ животѣ всегда было пусто.

Наконецъ, наши генералы Массена и Сультъ капитулировали. Остатки легіоновъ вышли изъ города и направились въ сторону Марселя. Безъ гроша въ карманѣ, безъ сапогъ и одежды, въ гнилыхъ лохмотьяхъ, мы тащились по горамъ. Была зима, дождь... чистая бѣда! Когда босыя ноги разбивались до крови о камни и распухали, какъ колоды, мы брали дощечки, прикрѣпляли ихъ бичевками къ подошвамъ и шли дальше. Проходимъ, бывало, черезъ итальянскія деревни, а надъ нами смѣются красивыя дѣвушки и указываютъ пальцами. Стыдно! Наши офицеры старались подбодрить насъ. Вотъ идетъ Хруликевичъ, мужчина смѣлый, крѣпкій, вылитый какъ изъ желѣза—идетъ твердымъ шагомъ, весело и гордо. Мундиръ на немъ весь зашитъ бѣлыми нитками, сапоги просятъ каши, въ животѣ пусто... А онъ закрутилъ усы кверху, идетъ себѣ точно послѣ трехъ сытныхъ обѣдовъ, выраженіе лица—самъ чортъ не братъ.

— Держись, братцы!—крикнетъ, бывало, когда въ строю начнутъ стонать.—Ровняйсь! Знайте, что на плечахъ вашихъ лежитъ судьба Рѣчи Посполитой!

И ноги начинали двигаться быстрѣе, и голодъ не такъ допекалъ...

Солдатъ вздохнулъ и замолчалъ.

Трепка ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Иногда онъ останавливался и, опершись спиной о стѣну, качался изъ стороны въ сторону, безсознательно насвистывая сквозь зубы какую-то пѣсенку.

— Что же было съ вами послѣ?—тихо спросилъ Цедра.

— Въ Марсели снова ждала насъ бѣда. Правительство директоріи ничего знать не хотѣло о насъ. На свои послѣдніе гроши офицеры шили солдатамъ платье, одѣвали новобранцевъ и ставили ихъ подъ старыя знамена. Прибыли офицеры, которые въ седьмомъ году попали въ плѣнъ въ Мантуѣ и одиннадцать мѣсяцевъ просидѣли въ монастырѣ подъ Леобеномъ. Получивъ свободу, они сразу направились къ намъ. За ними потянулись солдаты, которые во время капитуляціи успѣли бѣжать и, перебравшись черезъ Монъ-Сенисъ, блуждали по Франціи. Не проходило дня, чтобы по одному, по два не прибывали наши товарищи, бѣжавшіе изъ австрійскихъ войскъ и за сотни миль искавшіе своихъ товарищей. Команду надъ нами принялъ сначала генералъ Кралевскій, а послѣ него Карвовскій. Долго намъ пришлось ждать декрета перваго консула о томъ, что мы поступаемъ

на жалованье французской республики. Мы раздѣлились на два легіона. Въ нашемъ первомъ легіонѣ скоро набралось шесть тысячъ человѣкъ, и мы двинулись изъ Марселя въ мантуанскую провинцію, подъ команду старика Массены...

Наконецъ, мы пришли въ тѣ овраги, въ тѣ болота и каменистые рвы, гдѣ пролита была когда-то кровь нашихъ братьевъ! Представилась возможность щедро отплатить за подлое предательство. Въ рядахъ раздавался крикъ: „не щадить!“ Какъ по командѣ, передъ нашими рядами выступили офицеры и обратились къ намъ съ рѣчью:

— Позорно было бы,—говорили они,—запятнать нашу рыцарскую честь недостойной местью. Не клятвопреступленіемъ и не угнетеніемъ слабыхъ долженъ гордиться полякъ. Честь солдата требуетъ проявлять одинаковое достоинство и въ своемъ несчастіи, и въ тріумфѣ.

Солдаты не противорѣчили своимъ предводителямъ. Когда непріятель началъ выходить изъ крѣпости, мы стали, какъ слѣдуетъ, въ ряды. Нашъ генералъ только потребовалъ, чтобы австрійское войско шло скорымъ, а не церемоніальнымъ маршемъ, и это было исполнено. Когда они проходили такимъ образомъ, безъ знаменъ, изъ ихъ рядовъ то и дѣло отдѣлялись солдаты-поляки, бросали оружіе на глазахъ у своего начальства и становились въ наши шеренги.

То была послѣдняя наша счастливая минута!.. Вскорѣ второй легіонъ получилъ приказаніе идти въ Тосканію, которая получила названіе королевства Этруріи, а мы, въ числѣ шести съ половиной тысячъ, заняли Модену и Реджіо.

Теперь уже никто не зналъ, что будетъ дальше. Людей охватила паника. Началось дезертирство, пошли безпорядки. Нѣкоторые поговаривали, что съ нами сдѣлаютъ то же, что какой-то Великій Фрицъ сдѣлалъ со своимъ наемнымъ войскомъ послѣ семилѣтней войны. А такъ какъ никто не зналъ, кто былъ Фрицъ и что онъ сдѣлалъ съ этимъ войскомъ, то страхъ все усиливался. Наконецъ, возникъ планъ обороны...

Идея была такова, чтобы овладѣть воротами Праделли, гдѣ пролилось столько нашей крови, и черезъ нихъ впустить войско подъ начальствомъ Сокольницкаго. Въ то же время кавалерія должна была захватить Петіеру и всю линію надъ Минчіо. Рѣшено было выпустить на честное слово гарнизонъ крѣпости и принудить къ переговорамъ французскую республику. Это была мысль Фишера. Созвали на совѣтъ офицеровъ, по нѣскольку человѣкъ отъ каждаго батальона. Всѣ въ одинъ голосъ заявили, что согласны и съ жаромъ готовы приступить къ дѣлу. Но воспротивился самъ генералъ. Онъ подалъ другую мысль. „Проберемся, говорилъ онъ, изъ Модены въ Отранто, захватимъ корабли и, вооруженные, поплы-

вемъ на Корфу, Кефалонію и другіе острова республики Эгейскаго моря. Тамъ мы займемъ укрѣпленныя мѣста, объявимъ независимость островов и будемъ ждать дальнѣйшихъ событій". Съ такимъ планомъ генералъ Домбровскій обратился къ первому консулу.

Въ это время изъ главной квартиры прибылъ въ Модену бригадный генералъ Виньоль. Онъ привезъ намъ предложеніе перваго консула стать французскими подданными... „Кто изъ васъ, сказалъ генералъ, станетъ ногой на французскую землю, тотъ получитъ всѣ права французскаго гражданина". Ему повѣрили. Насъ сейчасъ же лишили названія польскихъ легіоновъ и обратили въ полу-бригаду иностранныхъ войскъ Франціи. При этомъ около ста офицеровъ потеряли мѣста въ награду за свои заслуги. Нашъ штабъ устранили отъ командованія. Переговоры Домбровскаго съ консуломъ не привели ни къ чему. Въ довершеніе всего на нѣсколько мѣсяцевъ намъ задержали выдачу жалованья, и въ концѣ-концовъ насильно, подъ угрозой стрѣлять изъ пушекъ, заставили въ Ливорно сѣсть на корабли.

— И куда же повезли? — спросилъ Цедра.

— Куда? Сначала говорили, что въ Тулонъ, а потомъ ужъ сознались...

— На Антильскіе?.. — пробормоталъ Трепка.

— Да, господа.

— Съ оружіемъ въ рукахъ?!..

— Съ оружіемъ въ рукахъ...

— Лучше было умереть, чѣмъ идти насильно!

— Легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Нашихъ легіонеровъ и тогда не покидала надежда. Они говорили: „Погибла насъ тысяча, другая, погибнетъ третья, но мы всетаки уцѣлѣемъ." Не десятая, такъ двадцатая тысяча придетъ, наконецъ, къ роднымъ мѣстамъ. Великій вождь, Наполеонъ, далъ слово... Солдатъ привыкъ вѣрить слову полководца. Только, видно, говорили тогда, не пробилъ еще часъ этой послѣдней тысячи... Офицеры же, хотя и знали, что ихъ ждетъ, но не хотѣли въ эту тяжелую минуту покидать солдатъ, которыми командовали въ бояхъ: ни одинъ не ушелъ изъ Ливорно, чтобы спасти свою голову, хотя это и было возможно. Честнымъ словомъ обѣщались они дѣлить судьбу съ своими товарищами по оружію.

— Я принадлежалъ къ 113 полубригадѣ, которая 13 іюня 1802 года сѣла на суда въ Ливорно. Предосторожность генерала Риво,—онъ съ пѣхотой, конницей и артиллеріей окружилъ насъ кольцомъ и провожалъ до порта,—была совершенно излишня... Въ морѣ въ этотъ день подымалась страшная буря.

Раздалась команда: „Въ шлюпки!“

Намъ приказали вытащить якорь контръ-адмиральскаго корабля. Якорь врѣзался въ дно и задѣлъ за камни. Сто съ лишнимъ человѣкъ насъ работало при этомъ. Наконецъ, корабль двинулся, проманеврировалъ, натянулъ паруса и вышелъ изъ-за каменныхъ стѣнъ гавани въ открытое море. Нашъ корветъ шелъ за нимъ, не отставая. Только что вышли мы въ открытое море, какъ вѣтеръ подхватилъ насъ и понесъ... Вскорѣ одна мачта была сломана и вмѣстѣ съ парусомъ сброшена въ волны. Съ трескомъ падали на палубу фонари съ верхнихъ мачтъ, корабль метало то вверхъ, то внизъ... Волны бились вокругъ, какъ бѣшеныя...

Много трудныхъ дней видалъ я въ жизни, но никогда еще не испытывалъ такихъ, какъ тогда. Страхъ охватывалъ меня, смерть заглядывала въ глаза, дышала въ лицо... Буря разметала нашу флотилію, изъ тринадцати кораблей, во всѣ стороны. Только два успѣли вернуться обратно въ портъ. Три были загнаны въ каналъ Піомбино, между Эльбой и материкомъ. Греческій корабль совсѣмъ разбился о скалы и изъ ста шестидесяти человѣкъ одинъ только капитанъ съ женой добрался до берега. Остальные корабли, въ томъ числѣ и нашъ, носились по морю по волѣ бѣшеныхъ стихій. Не до ѣды и питья было въ то время... Кто лежалъ безъ чувствъ подъ палубой, перекатываясь изъ стороны въ сторону, тѣхъ капитанъ не бралъ на работу; но кто только могъ стоять на ногахъ,—всѣхъ гналъ на палубу и къ канатамъ. Не одного изъ нашихъ морскіе валы поглотили на вѣки!.. Босой, промокшій насквозь, измученный, обезсиленный морской болѣзнью, натягивалъ я вмѣстѣ съ другими канаты. Однажды въ темную ночь корабль ударило о какія-то скалы. Онъ затрещалъ, покачнулся и накренился на бокъ. Тотчасъ же мы услышали крикъ капитана: „За топоры! Руби канаты! Руби другую мачту! Пушки съ затопленнаго конца — въ море!“ Всѣ шесть нашихъ пушекъ, какъ одна, шлепнулись въ море, и корабль сталъ медленно подниматься и выпрямился... Черезъ четыря дня и четыре ночи буря, наконецъ, стала затихать.

Между тѣмъ, разбитые корабли попали въ проходъ между Балеарскими островами и берегомъ Испаніи. Тамъ наше судно ремонтировалось, запасалось парусами. Черезъ нѣсколько дней корабль, наконецъ, былъ готовъ и отправился къ Малагѣ. Туда устремились и другія суда флотиліи. Въ іюнѣ нашъ корабль поднялъ якорь, направился вдоль материка, между Гибралтаромъ и Цеутой въ Африкѣ, и медленно шелъ въ назначенную сторону. Съ палубы видѣли мы старый свѣтъ... Было тихо. Чуть-чуть играло море. Одинъ за

другимъ шли наши корабли. Мы всѣ обнажили головы и молча прощались глазами съ землей...

На слѣдующій день мы заѣхали въ Кадиксъ и только черезъ двѣнадцать дней двинулись дальше, вышли въ открытый океанъ. Восточный вѣтеръ гналъ насъ прямо къ Антильскимъ островамъ. Начались ужасныя жары. Только ночью можно было немного отдохнуть. Въ послѣднихъ числахъ августа на морѣ стало такъ тихо, что суда стояли точно на зеркалѣ. Съ нетерпѣніемъ ждали мы заката солнца. Какъ только оно погружалось въ неподвижную морскую равнину, на томъ мѣстѣ, гдѣ оно скрылось, выступала блѣдная, синеватая полоса зодіака. Всѣхъ охватывало волненіе: казалось, изъ треугольника, склонившагося надъ водой, на насъ смотрѣлъ Глазъ Божій, какъ въ церкви родной деревни. Но этотъ треугольникъ былъ неизмѣримъ, какъ само море, и вершина его терялась во мракѣ спускавшейся ночи... По ночамъ свѣтилъ намъ мѣсяцъ. Не разъ, устремивъ на него глаза, мы лежали на палубѣ, подстерегая, когда онъ, блѣдный и холодный, погрузится въ бездну... Свѣтила намъ и вечерняя звѣзда, такая большая, что золотистая стрѣла отъ нея ложилась поперекъ моря...

Намъ уменьшили раціоны пищи и воды. Вода стала грязная, вонючая, и давали ее всего по литру на человѣка. Было такъ душно, что самые сильные изъ насъ лишались чувствъ. Губы трескались, языкъ высыхалъ; солдаты, чтобъ освѣжиться, бросались съ палубы въ море. Но часто это кончалось очень плохо: однихъ схватывали судорги, другіе гибли отъ акулъ.

Въ половинѣ октября мы бросили якорь у города Капъ-Франсэ. И тутъ-то начались наши несчастія!.. Еще въ августѣ 1802 года по острову разнесся слухъ, что негровъ хотятъ обратить въ рабство. Это намѣреніе французскаго правительства возбудило всеобщее негодованіе. Почти все негритянское населеніе на островѣ соединилось съ мулатами и взялось за оружіе. Французскій капитанъ Леклеркъ, подстрекаемый предводителями негровъ, которые остались вѣрны Франціи, рѣшилъ терроризировать населеніе убійствами. Надъ военно-плѣнными издѣвались, какъ могли. Негръ, схваченный съ оружіемъ въ рукахъ, или даже безъ него на полѣ, предавался смерти. Противная сторона дѣлала то же самое. Такой способъ веденія войны былъ для насъ новостью... Въ добавокъ, страшная „тетка“, какъ зовутъ тамъ желтую лихорадку, и безъ войны покрывала трупами всю страну. Однихъ она, какъ громомъ, убивала на мѣстѣ, а для другихъ была долгимъ, безжалостнымъ мученіемъ. Сколько товари-

щей умерло на моихъ глазахъ! сколько страданій, признаній и исповѣдей принялъ я въ свои руки!..

Помню одинъ страшный случай. Однажды волнами прибило къ пристани Капъ-Франсэ пассажирскій корабль. Я сидѣлъ на морскомъ берегу, разбитый тѣломъ и душой. Я былъ раненъ въ ногу пулей, которая раздробила мнѣ кость. Нога распухла, какъ колода, и начальство позволило мнѣ отлеживаться. Со мною было человѣкъ десять или двѣнадцать товарищей, такихъ же калѣкъ, и бесѣдовали мы о нашемъ островѣ, гдѣ за годъ войны пережили не мало всякихъ ужасовъ. Бесѣдуемъ и вдругъ видимъ, плыветъ къ намъ корабль. Паруса, натянутые на реяхъ, висятъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Они грязны, мокры и въ дырахъ, какъ лохмотья на разбойникѣ. Нашъ портовый негритенокъ подплылъ къ кораблю на своей пирогѣ изъ пробковаго дуба и вскарабкался, какъ обезьяна, по канатамъ на палубу. Смотримъ: сдѣлалъ онъ по ней шагъ или два, и вдругъ какъ пустится внизъ, бацъ въ лодку и за весла!.. Выскочилъ онъ на берегъ... Видимъ,—весь сталъ пепельный отъ ужаса. Глаза безсмысленные, губы дрожатъ, колѣнки стучатъ одно о другое. Только когда мы пригрозили, что пустимъ ему пулю въ лобъ, если сейчасъ же не разскажетъ, въ чемъ дѣло, онъ пробормоталъ, что видѣлъ: весь экипажъ, капитанъ, рулевой, всѣ пассажиры до послѣдняго поваренка,—все, что только было живого на кораблѣ, вымерло отъ желтой лихорадки и лежало въ повалку. Мы смотрѣли издали на это пловучее кладбище...

Волны были тихія и ласковыя, какъ часто бываютъ утромъ въ ясный осенній день. Приливъ только что сталъ подгонять ихъ къ берегу. По этимъ голубымъ волнамъ, подернутымъ серебристой поволокой, ужасный корабль приплылъ такъ близко, что мы заглянули въ него собственными глазами. Корабль шелъ къ намъ то правымъ, то лѣвымъ бокомъ, вертѣлся, наклонялся, какъ будто непремѣнно хотѣлъ показать намъ свою палубу и катавшіеся по ней желтые раздутые трупы... Послѣ полудня вѣтеръ усилился, корабль надулъ паруса, накренился, со свистомъ описалъ кругъ и понесся въ открытый океанъ. Мы видѣли, какъ онъ все уменьшался, какъ будто таялъ, наконецъ, затянулся синимъ облакомъ и исчезъ.

— Иди пугать другихъ!—думали мы ему вслѣдъ.—Иди другихъ смущать смрадомъ своихъ труповъ! Намъ они не въ диковину...

Анархія во французскихъ войскахъ царила страшная. Едва третья часть солдатъ держалась на ногахъ, остальные, измученные, ободранные, каждую минуту ждали смерти. Въ

ожиданіи ея одинъ предавался отчаянному разврату, позволялъ себѣ насилія и безобразія, проводя ночи среди креолокъ, негритянокъ и мулатокъ; другой проводилъ время въ постѣ и молитвѣ, часами лежа ничкомъ передъ распятіемъ. Лазареты были полны; больные валялись на полу въ повалку, безъ призора и помощи. Всякая дисциплина исчезла, солдатъ и офицеръ стали равными. Никто уже не думалъ о побѣдѣ и славѣ. Сердца окаменѣли, только одинъ штыкъ пользовался правомъ. Всѣ или трусили, или безпутничали. Одинъ только человѣкъ не впадалъ въ отчаяніе, это—Паулина Бонапартъ, сестра перваго консула и жена капитана Леклерка. Переселившись изъ Капъ-Франсэ въ уютную городскую виллу, она, среди непрерывныхъ оргій, старалась забыть о томъ, что происходитъ вокругъ. Одно время мы стояли на караулѣ возлѣ ея виллы. Въ легкомъ, изящномъ дворцѣ, среди пальмъ, вино лилось рѣкой, гремѣла музыка и шли танцы. Часто тутъ же на балу, на драгоцѣнныхъ коврахъ, поднимали мы трупъ какого-нибудь танцора, выносили за ограду сада и закапывали въ землю. Но такія происшествія не прерывали танцевъ. Прелестнымъ дамамъ и веселой компаніи офицеровъ въ такихъ случаяхъ говорили, что такой-то отправился отдохнуть подъ тѣнью пальмъ и магнолій...

Перестрѣлки, походы, сраженія шли своимъ чередомъ, отъ первой до послѣдней минуты... Первый баталіонъ подъ предводительствомъ негра, генерала Клерво, соединившись съ неграми послѣ высадки, двинулся было въ бой. Но черный генералъ сейчасъ же измѣнилъ нашимъ и со всѣмъ своимъ войскомъ перешелъ на сторону повстанцевъ. Поляки, подъ начальствомъ капитана Водзинскаго, забаррикадировались въ церкви и оказали мужественное сопротивленіе, а затѣмъ, потерявъ до полутораста солдатъ, выбрались изъ ловушки и отступили къ крѣпости подъ Капъ-Франсэ. Только благодаря защитѣ поляковъ, этотъ городъ былъ спасенъ отъ разоренія. За то наши стали жертвой эпидеміи. Изъ тысячи человѣкъ, что вошли въ городъ, по истеченіи одного мѣсяца осталось только восемьдесятъ. Второй баталіонъ, въ которомъ я служилъ, отправился, подъ командой негрскаго генерала Дессалена, къ рѣкѣ Экстеръ. Черезъ нѣсколько дней Дессаленъ съ цѣлымъ отрядомъ негровъ перешелъ ночью на сторону повстанцевъ, которые стояли противъ насъ. Только одинъ баталіонъ негровъ, въ четыреста человѣкъ, не успѣлъ уйти съ Дессаленомъ. Измѣна была открыта на разсвѣтѣ. Нашъ малочисленный польскій баталіонъ не въ состояніи былъ заставить сражаться съ своими земляками нѣсколько сотъ сильныхъ и хорошо вооруженныхъ негровъ. Что съ ними дѣлать? Отпустить на свободу? они увеличатъ собою

армію врага; тащить за собой? — они измѣнятъ въ самую критическую минуту. Генералъ Фрессинэ, нашъ новый начальникъ, французъ, приказалъ неграмъ выйти на перекличку, какъ это дѣлалось ежедневно. По военнымъ правиламъ, на перекличку являлись безъ оружія. Какъ только они вышли, нашъ баталіонъ, по приказу Болесты, окружилъ ихъ съ четырехъ сторонъ. Вышелъ генералъ Фрессинэ и далъ сигналъ. Беззащитные негры ничего не ожидали. Мы всѣхъ до одного перекололи штыками...

— Молчи!—крикнулъ Трепка, отбѣгая къ стѣнѣ.—Молчи, не говори больше.

Старый солдатъ, посмотрѣвъ на него холодно, равнодушно, оборвалъ свой разсказъ.

— Вотъ зачѣмъ вы ходили туда!..—простоналъ Трепка, ударяя кулакомъ по столу.

— На войнѣ, какъ на войнѣ,—отвѣтилъ Ойжинскій.—Богъ намъ судья, а не вы, пане... Черезъ нѣсколько недѣль въ нашемъ баталіонѣ желтая лихорадка изъ тысячи человѣкъ оставила только около сотни... Охъ, скверныя были времена! Тамъ мы похоронили Болесту, Осенковскаго и Рембовскаго...

Третій баталіонъ высадился въ Портъ-о-Пренсъ и въ постоянныхъ походахъ, сраженіяхъ и перестрѣлкахъ въ страшныя жары отъ однихъ болѣзней потерялъ шестьсотъ человѣкъ. Въ концѣ-концовъ, изъ 3700 нашихъ молодцовъ, крѣпкихъ и здоровыхъ, которые высадились на берегъ въ Санъ-Доминго, осталось въ живыхъ всего триста, а офицеровъ только нѣсколько человѣкъ.

Послѣ смерти Леклерка команду надъ нами принялъ Рошамбо. Этотъ придумалъ выпускать противъ негровъ собакъ, спеціально дрессированныхъ голодомъ и плетьми...

Вскорѣ прибылъ нашъ второй легіонъ. Я помню, какъ медленно подплывали корабли. Горсточка нашихъ людей стояла на берегу, чтобы привѣтствовать прибывшихъ у входа на островъ. Увидѣвъ насъ, они ужаснулись... Вскорѣ и имъ пришлось выступить противъ негровъ. Въ это время я заболѣлъ желтой лихорадкой, но кое-какъ поправился, долго пролежавъ между жизнью и смертью. Не знаю, что дѣлалось съ другими на проклятой землѣ. Душа моя очерствѣла, сердце обливалось кровью. Наконецъ, мнѣ съ нѣсколькими товарищами удалось получить отпускъ и вернуться въ Европу. Мы сѣли на корабль, который шелъ въ Брестъ, и только на морѣ облегченно вздохнули. Благополучно прибыли мы во Францію. Мѣстомъ жительства намъ назначили Шалонъ на Марнѣ. Но какъ только я пришелъ въ себя, меня опять назначили въ строй. Объявлена была новая

кампанія. Нѣсколько человѣкъ насъ вступило въ ряды французовъ и снова—маршъ! Сердце невольно билось: мы направлялись прямо на Вѣну и вошли въ ея открытыя ворота. Послѣ Аустерлица видѣлъ я чешскія и моравскія горы, по которымъ пробирался австрійскимъ пѣхотинцемъ. Вдали синѣли и наши горы. Но не суждено мнѣ было ступить на родную землю. На самомъ порогѣ ея я долженъ былъ отстать отъ товарищей: мнѣ раздробило ногу, и ее отрѣзали...

— И справедливо... — сурово замѣтилъ Трепка: — не достойны были ваши ноги ступить на эту землю. Богъ караетъ за такія дѣла, какъ ваши на островѣ.

— Мнѣ—отмщеніе, -говоритъ Богъ... — глухо возразилъ солдатъ.

— По волѣ узурпатора, ради интриги его компаньоновъ-плутовъ топтать свободные народы, уничтожать цѣлыя племена...

— Мнѣ—отмщенье, — говоритъ Богъ. Не судите насъ, пане! Посмотрите, что теперь?.. Двѣнадцать лѣтъ мы проливали свою кровь во всѣхъ концахъ свѣта. Наши братья почти всѣ безъ исключенія съ отчаяніемъ въ душѣ легли костьми... За то австрійское могущество разбито и обратилось въ кучу мусора. Битва подъ Іеной, подъ Ауэрштэдтомъ,—и прусское государство тоже разсыпалось! Узурпаторъ!.. Этотъ узурпаторъ—господинъ Берлина и Вѣны. Вы сами не знаете, что говорите... Да здравствуетъ императоръ! Вѣчная слава ему! А теперь, слышалъ я въ одномъ мѣстечкѣ, идетъ онъ въ Варшаву!.. Клянусь Богомъ, онъ это сдѣлаетъ! Его армія проходитъ по нашимъ мѣстамъ, гдѣ господствовалъ пруссакъ. На ея пути пробуждаются отъ сна уѣзды, города, деревни. Нѣмцевъ тамъ нѣтъ уже ни одного человѣка! И только я одинъ, который обошелъ весь свѣтъ въ ожиданіи этой минуты, не пойду съ ними! Но прежде, чѣмъ закроются на вѣки мои глаза, я узнаю конецъ. Да здравствуетъ императоръ!

Проговоривъ это, солдатъ опустилъ голову, поднялъ плечи и весь съежился, какъ бы желая скрыть въ себѣ еще какія-то мысли. Утренній свѣтъ уже начиналъ пробиваться сквозь щели ставень. Восковыя свѣчи давно потухли. Трепка распахнулъ окна. Влажная, съ запахомъ резеды, прохлада сумрачнаго осенняго утра ворвалась въ душную комнату.

Цедра стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, опершись руками на спинку кресла. Лицо его было блѣдно и какъ-то вытянулось. Волосы растрепались. Изъ-подъ нависшихъ рѣсницъ строгіе, задумчивые глаза упорно смотрѣли въ лицо солдата.

Вдругъ онъ вздохнулъ и нервно вздрогнулъ. Холодная улыбка мелькнула на его лицѣ.

— Рафаилъ! - сказалъ онъ громко, ища глазами товарища.

Тотъ сидѣлъ на низкомъ табуретѣ, безсильно опустивъ голову. Онъ медленно повернулся и проговорилъ:

— Знаю, знаю...

Оба улыбнулись, не то другъ-другу, не то какимъ-то новымъ, неожиданнымъ для нихъ мыслямъ.

— Чортъ васъ возьми!—проскрежеталъ Трепка, выходя изъ комнаты и съ шумомъ захлопывая за собой дверь...

Посошокъ на дорогу.

Рѣка Пилица, на долю которой 28 ноября 1806 года выпала неожиданная честь служить границей между Галиціей и шестью бывшими прусскими департаментами, охранялась такъ заботливо, что о переправѣ черезъ нее не могло быть и рѣчи. Разставленные патрули, не пропуская никого, даже почты, стрѣляли въ каждаго, кто приближался къ рѣкѣ. Смертная казнь черезъ повѣшеніе, обѣщанная правительствомъ Галиціи всѣмъ храбрецамъ, которые осмѣлились бы пробраться „къ полякамъ", задерживала выполненіе плана, давно задуманнаго Цедрой и Рафаиломъ. Неоднократно Степанъ Трепка выѣзжалъ въ бричкѣ, осторожно высматривая подходящее для переправы мѣсто, но тщетно, и возвращался домой продрогшій, голодный и злой, ругаясь, на чемъ свѣтъ стоитъ. Три недѣли прошли въ приготовленіяхъ и выслѣживаніи. Наконецъ, въ половинѣ декабря получилось извѣстіе, что граница на берегу Вислы, со стороны Силезіи, охраняется слабѣе, и рѣшено было не терять времени. Для отвода глазъ оба пріятеля рѣшили отправиться будто на охоту, верхами и съ собаками. Въ Тарновѣ они должны были сѣсть въ дилижансъ, въ качествѣ легкомысленныхъ юношей, стремящихся на карнавалъ въ Краковъ. Трепка оставался дома. По его словамъ, онъ былъ уже слишкомъ старъ для подобныхъ приключеній; толковалъ еще что-то очень ученое, въ свое оправданіе, чего молодые пріятели и слышать не хотѣли.

Осѣдланныя ночью лошади стояли на привязи. Егерь Валекъ со сворой борзыхъ выѣхалъ наканунѣ къ знакомому охотнику подъ Тарновомъ.

Отъ дождя со снѣгомъ образовались на дорогѣ лужи, кое-гдѣ затянутыя скользкимъ льдомъ. Свѣтъ не могъ вырваться изъ оковъ ночи, хотя давно уже было утро. Казалось, — день никогда не начнется... Оба заговорщика сновали по комнатамъ старой усадьбы, дѣлая послѣднія приготовленія. Они

были одѣты въ толстые сапоги и охотничьи куртки. За пазухой у каждаго было спрятано оружіе.

Трепка былъ золъ, раздражителенъ, придирчивъ. Онъ говорилъ, что нездоровъ, и изъ-за всякаго пустяка распекалъ прислугу. Сидя въ углу софы, онъ поминутно вскакивалъ на ноги, какъ бы намѣреваясь открыть какую-то тайну. Но дѣло кончалось взрывомъ проклятій, въ которыхъ перемѣшивались нецензурныя польскія, французскія, венгерскія и даже турецкія слова.

— Во всякомъ случаѣ,—ворчалъ онъ,—когда получете приказъ вырѣзать племя какихъ-нибудь кафровъ, якобы въ интересахъ нашей растерзаной отчизны... гм... не забывайте о нѣкоторомъ сожалѣніи. Хотя бы просто изъ-за шкурныхъ соображеній. Завяжите узелки на концахъ своихъ усовъ, чтобы не забыть объ этомъ предостереженіи. Хорошо быть тираномъ сосѣда ради собственнаго интереса, но предусмотрительность требуетъ оставить себѣ хоть небольшую лазейку на случай,—чего Боже сохрани,—суда исторіи.

— Вели-ка подавать завтракъ... — прервалъ его Цедра.

— Хорошо вырвать языкъ непріятелю для пользы нашего пріятеля Наполеона, который идетъ на Берлинъ, но щадить иногда чью-нибудь жизнь тоже не мѣшаетъ. Всѣхъ пороть— рѣшительно не совѣтую. Пусть хоть на разводъ кто-нибудь останется: вдругъ между помилованными окажется какой-нибудь Клопштокъ или Гутенбергъ!..

Въ столовую принесли завтракъ и пріятели сѣли за столъ. Трепка пошелъ въ свой уголъ и вынесъ отуда небольшую бутылку стараго вина. Онъ велѣлъ слугѣ откупорить и налилъ три рюмки. Потомъ поднялъ свою рюмку и хотѣлъ провозгласить какой-то тостъ, но, кромѣ проклятій, ничего не вышло. Его волненіе передалось Кристофу. Они бросились другъ другу въ объятія и, крѣпко обнявшись, долго не говорили ни слова.

— Неканда!—крикнулъ, наконецъ, Цедра.

— Погоди! Послушай... во имя вѣковой нашей исторической миссіи!.. Чортъ возьми, вздоръ я говорю... Смотрите, словомъ, не прибавьте намъ новаго позора...

— Слушай, Трепка, умоляю тебя! — говорилъ ему Кристофъ:—какъ только мы выѣдемъ, садись въ бричку и поѣзжай въ Ольшину увѣдомить отца.

— Ладно, ладно...

— Сдѣлай это ради меня. Нужно убѣдить его, изобразить всю суть дѣла. Скажи ему все,—слышишь? Скажи, что, уѣзжая, я отлично понималъ, какъ скверно поступаю по отношенію къ нему.

— Скажу, скажу...

— Степанъ, ты вѣдь понимаешь, какое порученіе я возлагаю на тебя? Я знаю, что ты не сходишься во взглядахъ съ отцомъ... Но въ настоящую минуту, когда я уѣзжаю тайкомъ...

— Ты всетаки боишься папы?.. Не учи меня, пожалуйста, графъ, что̀ я долженъ дѣлать. Въ настоящую минуту!.. Я во всякую минуту знаю, что́ мнѣ нужно дѣлать. Поѣду въ Ольшину и оправдаю тебя. Сказалъ тебѣ, что поѣду. У меня есть дипломатическія способности, и, благодаря имъ, ты не будешь лишенъ ни наслѣдства, ни графскаго титула.

— Неужели ты не можешь простить ему его маленькой слабости?

— Могу ли я прощать слабости? Кажется, скорѣе, чѣмъ кто нибудь!.. Будь судьей, Рафаилъ...

— Вели подавать намъ лошадей,—равнодушно прервалъ его Рафаилъ.

— Ты съ ума сошелъ! Пусть взойдетъ солнце! Въ темнотѣ ты всѣ зубы себѣ выбьешь и еще, пожалуй, коня искалѣчишь. Пусть разсвѣтетъ.

— Не ерунди!

— Дайте поѣсть людямъ, чортъ возьми! Если вы сами наѣлись и напились вина, то не резонъ вовсе, чтобы люди на тощій желудокъ мерзли ради вашихъ фантазій!

— Нужно, чтобы поменьше народу видѣло насъ.

— Пожалуйста, не важничайте по случаю своей ребяческой затѣи. Знаю, что вы вернетесь съ дороги. На третьемъ привалѣ васъ одолѣетъ заячій страхъ, и вы за узду приведете къ крыльцу этихъ самыхъ верховыхъ лошадей. Только испортите ихъ...

— Оставь, пожалуйста, Трепка...

— Ахъ, вы, вояки!..

— Прикажи подавать!—проворчалъ Цедра.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался равномѣрный стукъ копытъ по твердой землѣ. Три пріятеля молча подняли рюмки, снова наполненныя старымъ венгерскимъ. Взгляды ихъ скрестились, какъ шпаги въ моментъ присяги. Юноши надѣли на головы мѣховыя шапки, вышли и вскочили на лошадей. Трепка съ обнаженной головой пошелъ было за ними по двору, но лошади взяли съ мѣста въ карьеръ и быстро исчезли...

День былъ отвратительный: то вдругъ начинала сыпать крупа, то лилъ холодный дождь. Трепка остановился, прислушиваясь къ вѣтру, который свисталъ за каждымъ угломъ дома, со стономъ блуждалъ по деревьямъ сада, летѣлъ по полямъ и гнулъ сухіе стебли.

Въ этомъ безотрадномъ свистѣ вѣтра ему послышались

звуки человѣческаго голоса, словно недосказанныя слова, которыя грубая сила оборвала на вѣки. Этотъ голосъ пронзилъ его сердце, и невольно закрылись глаза, чтобы не видѣть пустоты, царившей вокругъ. Трепка почувствовалъ свою старость и заброшенность. Старая любовь, которая дала сердцу уже столько разочарованій, любовь, полная горечи и обиды, опять воскресла въ груди, какъ фениксъ изъ пепла, и зажгла новый очагъ терзаній.

— Какъ тогда, какъ тогда...—шепталъ онъ, возвращаясь домой крупными шагами.

Губы его дрожали; съ нихъ срывались какія-то безсвязныя, непонятныя слова, слова-символы, слова-вздохи:

— Народъ мой... Бѣдный народъ...

Между тѣмъ, молодые люди быстро проѣзжали по безлюдной дорогѣ, которая вела на широкій трактъ. Вдали чернѣлъ лѣсъ, а подъ нимъ деревушка. Кое-гдѣ сверкали огоньки въ маленькихъ окнахъ приземистыхъ, тепло законопаченныхъ хатъ. Направо и налѣво тянулись загоны темныхъ полей. Въ бороздахъ блестѣли полосы воды, дрожа и ежась отъ холода. Въ одномъ мѣстѣ взглядъ Кристофа упалъ на знакомый камень, прикрытый остатками крапивы. Послѣдній увядшій листъ, какъ тряпка, болтался на стеблѣ отъ суроваго вѣтра.

— Прощай и ты...—подумалъ онъ.

Вдали стояла одинокая груша съ кривыми и колючими вѣтвями. Онъ помнилъ ее съ самаго ранняго дѣтства, видѣлъ ее еще молодымъ деревцомъ изъ окна своей комнаты, когда самъ былъ маленькимъ мальчикомъ. Теперь она состарилась, кривыя и голыя вѣтви дрожали и гнулись, и глухой, печальный стонъ ея одиноко раздавался среди поля. Звонкій топотъ лошадей заглушалъ этотъ стонъ.

Путники достигли перекрестка. На распутьи стоялъ гнилой столбъ, когда-то выкрашенный въ темный цвѣтъ. На верху его виднѣлся жестяной образокъ, прибитый гвоздями. Съ образка, какъ бы затуманенные слезами и горемъ, смотрѣли ласковые глаза въ темную пропасть ночи, на пустыя поля, на печальную, сонную дорогу. Кристофъ осадилъ лошадь. Обратившись лицомъ къ столбу, онъ снялъ шапку, взглянулъ на образокъ и вздохнулъ... Изъ глубины его сердца вылилась молитва: не о спасеніи жизни, не за близкихъ молился онъ, а за эти мокрыя, унылыя поля, за несчастный угнетенный край...

Путники помчались дальше. Рысью проѣхали они дорогу, которая вела въ Ольшину. Родной домъ остался въ сторонѣ. Въ утреннемъ туманѣ обрисовывались зады амбаровъ съ каменными столбами и широкими крышами, а надъ ними боль-

шія голыя деревья, вершины которыхъ колыхались отъ вѣтра. Изъ глубины сада выступали двѣ бѣлыхъ трубы барскаго дома, и изъ нихъ уже подымался дымъ, расплываясь въ воздухѣ. Кристофъ привсталъ на стременахъ, поправилъ сѣдло и стегнулъ лошадь арапникомъ. Оставалось только проѣхать березовый лѣсъ, чтобы выѣхать на большую дорогу; они уже приближались къ его опушкѣ, какъ вдругъ Рафаилъ съ крикомъ ужаса осадилъ коня.

Изъ-за густыхъ деревьевъ вышелъ старикъ Цедра и шагалъ посерединѣ дороги прямо на встрѣчу. Щеки его впали, глаза ввалились, некрашенные волосы сѣдыми прядями выбивались изъ-подъ шляпы. Платье было надѣто наскоро, небрежно. Кое-какъ старикъ дотащился до стремени сына. Изнѣженная, красивая рука старика начала безсильно скользить по забрызганному грязью ремню, по голенищу сапога. Голова съ усиліемъ поднялась вверхъ, и глаза, залитые слезами, заглядывали въ лицо сына. Всегда улыбавшіяся губы теперь дрожали отъ всхлипываній и безсвязнаго лепета:

— Крысь, Крысь...

Онъ безпомощно топтался на мѣстѣ, дрожа отъ волненія. Видно было, что старикъ не выдержитъ и сейчасъ упадетъ на землю. Безсознательнымъ движеніемъ руки его силились стащить сына на землю, цѣплялись за края одежды.

— Прикажу позвать... людей... свяжу тебя... запру тебя...— бормоталъ онъ.

Кристофъ безсознательно выпустилъ узду. Смертельная блѣдность покрыла его лицо. Онъ наклонился, схватилъ руки старика, какъ бы желая обезоружить его, и со стономъ прижалъ ихъ къ своей груди. Обоихъ влекла другъ къ другу непреодолимая сила.

Рафаилу казалось, что эта сцена никогда не кончится. Онъ уже сталъ думать, что все погибло.

Но вдругъ Кристофъ очнулся. Глаза его широко раскрылись, лицо отразило твердую рѣшимость. Энергичнымъ движеніемъ онъ отстранилъ раскрытыя объятія отца и сильнымъ ударомъ арапника стегнулъ лошать. Оба коня взвились на дыбы и сразу пустились въ карьеръ. Кристофъ не переставалъ хлестать свою лошадь. Они мчались въ запуски съ вѣтромъ, все быстрѣе и быстрѣе погружаясь въ туманную неизвѣстную даль...

Старая тетка.

Около полудня въ морозный декабрьскій день прибыли они въ Краковъ. Рослыя лошади, запряженныя въ кованную краковскую бричку, были очень измучены, но путешественникамъ не сидѣлось на мѣстѣ. Они хотѣли, какъ можно скорѣе, незамѣтно выѣхать изъ города и попасть къ кузену Трепки, который долженъ былъ позаботиться о дальнѣйшей ихъ судьбѣ.

Подъѣзжая къ Флоріанскимъ воротамъ, они издалека уже замѣтили оживленное движеніе, а за разрушенными городскими стѣнами—толпу.

Вдругъ Рафаилъ схватилъ руку пріятеля и безмолвнымъ движеніемъ головы показалъ на что-то вдали. Кристофъ по своей близорукости ничего не замѣтилъ. Ольбромскій наклонился къ нему и шепнулъ на ухо:

— Тетка!..

Вдали стоялъ высокій столбъ, съ длинной поперечной перекладиной... Вокругъ него двигалась и шумѣла толпа.

Гулъ все возрасталъ и усиливался, какъ буря въ лѣсу. Казалось еще мгновенье и—грянетъ громъ. Иногда гулъ затихалъ и слышался только глухой шопотъ кругомъ.

Такъ какъ Флоріанскія ворота были загромождены въѣзжавшими и выѣзжавшими возами, то наши путешественники выскочили изъ своей брички и направились пѣшкомъ къ толпѣ. Они замѣшались въ нее и стали прислушиваться. До нихъ долетали обрывки разговоровъ. Всѣ говорили хотя возбужденно, но тихо, такъ, чтобъ слышалъ только сосѣдъ. Пріятели, однако, разобрали фамиліи. Двѣ изъ нихъ повторялись безпрестанно: Высѣкерскій и Баумъ... Подходя къ различнымъ группамъ и внимательно прислушиваясь, они поняли, наконецъ, что скоро на мѣсто казни должны привезти трехъ молодыхъ людей, приговоренныхъ къ смерти за то, что они хотѣли пробраться „къ полякамъ". Схваченные на границѣ, они были приведены въ Краковъ подъ конвоемъ и въ нѣсколько часовъ приговорены къ смерти на висѣлицѣ, только что воздвигнутой на страхъ сотнямъ и тысячамъ людей.

Морозъ прошелъ по кожѣ путешественниковъ. Рафаилу вспомнилась тюрьма, о которой онъ совсѣмъ забылъ за время своего отдыха въ Стоклосахъ.

— Баумъ, Баумъ... Интересно знать, не сынъ ли это совѣтника?—спросилъ господинъ, закутанный въ шубу по самыя уши.

— Вы угадали: именно, сынъ совѣтника...—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Въ такомъ случаѣ старикъ могъ выпросить ему помилованіе.

— Помилованіе у военнаго суда? какъ-же! Держи карманъ.

— У Высѣкерскаго тоже братъ чиновникъ. Тоже могъ бы разсчитывать на протекцію. Однако нѣтъ! Въ „тетку" ввинчено три крюка!

— Скажите, братцы, кто-же будетъ висѣть на третьемъ крюкѣ?

— Не знаемъ, пане.

— До чего довели себя пареньки!

— Буйныя головы. Воевать захотѣлось...

— Молодо-зелено.

— Вотъ и повоевали!

— Мундиръ съ галунами дуракамъ понравился. Захотѣлось „парле франсе", а драгунъ слѣдомъ за ними, да цапъ за полу! Теперь веревка научитъ ихъ „парле франсэ".

— Сердце болитъ отъ жалости...

— За то научитъ уму-разуму...

— Говорятъ, они пробирались между кордонами, какъ мы съ вами между лотками на базарѣ.

— И что только творится въ этихъ головахъ! Какъ не понимать такихъ вещей!

— Драгуны! Конница! Зеленые драгуны Левенштейна! — пронеслось въ толпѣ. Послышался глухой бой барабановъ. Толпа заколыхалась и глухо зашумѣла. Чувствовалась ея напряженное волненіе, готовое прорваться каждую минуту.

Увлекаемые толпой, Цедра и Ольбромскій шли, или, вѣрнѣе, плыли вмѣстѣ съ массой, уставившись глазами на висѣлицу. Изъ темной глубины опустѣвшихъ улицъ раздавался глухой звонъ колоколовъ.

Толпа вылилась изъ улицъ на городскіе валы, разсѣялась по развалинамъ стѣнъ и покрыла ихъ сплошной массой. Медленно двигалась конница, звеня подковами, упряжью и оружіемъ. За ней шла пѣхота. Барабаны били, не переставая. Вдругъ надъ сплошной массой головъ на помостѣ подъ висѣлицей показались три фигуры, три блѣдные призрака. Руки у нихъ были связаны назади, шеи обнажены... Они стояли смѣло и рѣшительно.

Толпа замерла. Бой барабановъ внезапно оборвался. Наступила гробовая тишина. Гдѣ-то не замолкалъ только одинокій колоколъ.

Какой-то человѣкъ невнятно и монотонно прочелъ что-то. Послѣ него на помостъ эшафота взошелъ палачъ. Сдержанный вздохъ разнесся въ толпѣ. Страхъ охватилъ все это человѣческое море.

Палачъ приблизился къ осужденнымъ. Первому съ краю онъ развязалъ руки и свелъ его съ помоста.

Толпа облегченно вздохнула. Тихій шопотъ, какъ шелестъ листьевъ передъ бурей, пронесся по всей площади:

— Высѣкерскій, Высѣкерскій...

Палачъ снова медленно поднялся по лѣстницѣ. Среди гробовой тишины слышно было, какъ скрипѣли подъ нимъ ступеньки. Слѣдующему осужденному онъ тоже развязалъ руки и свелъ съ лѣстницы.

Народъ громче и радостнѣе зашепталъ: „Баумъ, Баумъ“...

Всѣ головы зашевелились и отъ одного къ другому переходила радостная вѣсть:

— Помиловали, помиловали!

Палачъ въ третій разъ взошелъ на помостъ и спокойно началъ надѣвать на свои большія руки красныя перчатки.

Третій преступникъ стоялъ неподвижно. Голова его держалась прямо. Длинные волосы черной волной падали на голую шею. Неподвижные глаза были устремлены на народъ.

— Этотъ во всемъ виноватъ! Онъ подговорилъ тѣхъ,— шептали въ толпѣ.

— Сопротивлялся, когда его взяли. Молчалъ на судѣ.

Палачъ приблизился къ нему, еще больше обнажилъ шею и ловкимъ движеніемъ накинулъ петлю...

Прежде чѣмъ толпа успѣла оглянуться, неизвѣстный человѣкъ висѣлъ уже на крюкѣ... Палачъ придержалъ тѣло и за плечи рванулъ его внизъ. Затѣмъ быстро снялъ съ рукъ перчатки и бросилъ на эшафотъ.

Я з ъ.

Старые пріятели Степана Трепки помогли Кристофу Цедрѣ и его товарищу получить паспорта въ Вѣну, куда они спѣшили, будто бы, на карнавалъ. Частыя путешествія Кристофа въ дунайскую столицу, отмѣченныя визами на прежнихъ паспортахъ, безукоризненная репутація его отца и еще нѣкоторыя постороннія обстоятельства облегчили ему эту задачу. Нѣсколько труднѣе было уладить дѣло съ паспортомъ Ольбромскаго, но и здѣсь удалось преодолѣть препятствія. Рафаилъ носилъ теперь другую фамилію. Пріятели запаслись дорожными костюмами изъ темно-зеленаго сукна, потому что имъ было извѣстно, что такое сукно трудно достать за Вислой и Пилицей. Они наняли сани до первой остановки, которая предполагалась въ имѣніи Язъ, и наканунѣ сочельника двинулись въ путь.

Лица, устраивавшія побѣгъ, указали нѣсколько пунктовъ

вдоль Вислы, гдѣ можно было перебраться черезъ границу. Одно изъ первыхъ мѣстъ было имѣніе камергера Оловскаго, Язъ. Для обоихъ заговорщиковъ было совершенно безразлично, въ какомъ мѣстѣ переправляться, но Рафаилъ узналъ отъ кузена Трепки, что жена Оловскаго бывшая княжна Гинтултъ, одна изъ сестеръ князя Яна Гинтулта изъ Грудна. Это заинтриговало его. Онъ устроилъ такъ, чтобы прежде всего ѣхать въ Язъ и испробовать этотъ путь. Ему было все равно, которую именно княжну онъ увидитъ: влекло простое любопытство — увидѣть давно невиданное лицо... Оба товарища были очень нарядны въ своихъ модныхъ вѣнскихъ фракахъ и узкихъ съ пряжками панталонахъ; имъ не доставало только галуновъ и выпушекъ, чтобы превратиться въ артиллеристовъ. Ихъ модные костюмы были очень цѣнны: въ каждомъ изъ нихъ были зашиты кучи червонцевъ. За пазухой скрывались венеціанскіе кинжалы и небольшіе пистолеты. Но модныя шляпы и шубы придавали имъ видъ пустыхъ молокососовъ, жадно ищущихъ только развлеченій.

Къ вечеру въ сочельникъ, они достигли Яза и остановились въ харчевнѣ у большой дороги. Одноэтажный каменный помѣщичій домъ, простой архитектуры, виднѣлся среди деревьевъ на холмѣ, довольно далеко отъ Вислы. Ольбромскій, подъ предлогомъ заботливости о лошадяхъ, подробно осмотрѣлъ сарай и дворъ. Цедра, притворившись пріѣзжимъ изъ далекихъ мѣстъ и желающимъ переночевать въ харчевнѣ, сталъ разспрашивать хозяина: кто живетъ въ усадьбѣ? какъ фамилія? есть ли дѣти?.. Изъ этого разговора неожиданно выяснилось, что въ послѣднее время въ Язъ присланъ отрядъ австрійскихъ драгунъ, подъ командой офицера, для строжайшаго наблюденія за границей вдоль Вислы. Солдаты,—говорилъ хозяинъ, — расположены въ деревнѣ надъ самой рѣкой, и даже офицеръ живетъ не въ усадьбѣ, а въ крестьянской избѣ. Этотъ кордонъ соприкасается съ кордономъ сосѣдней деревни. Ночью они жгутъ костры по всей линіи и зорко слѣдятъ. Если кто-нибудь приближается къ рѣкѣ съ той стороны, — сейчасъ пулю въ лобъ и конецъ. Такимъ образомъ, Висла, отдѣлявшая Силезію, уже занятую французами, отъ Галиціи, остававшейся во власти австрійцевъ, охранялась не на шутку. Цедра, не теряя важнаго вида и прекраснаго настроенія духа, какъ будто эти извѣстія были ему совсѣмъ не интересны, съ любопытствомъ началъ разспрашивать о владѣльцахъ имѣнія.

Онъ узналъ, что самъ помѣщикъ находится въ Вѣнѣ, но его ждутъ къ святкамъ; что барыня на второй день праздниковъ всегда устраиваетъ большой балъ, на который съѣзжается множество гостей изъ окрестностей, а нынче пригла-

шенъ даже офицерикъ, командующій отрядомъ драгунъ. Пріятели, въ присутствіи прислуги и хозяина харчевни, стали громко обсуждать вопросъ, не слѣдуетъ ли и имъ ради такого большого праздника сдѣлать визитъ помѣщицѣ и просить гостепріимства, хотя бы на первый день святокъ, коль скоро пришлось ѣхать въ Вѣну въ такое время. Послѣ долгихъ колебаній, они рѣшили, что слѣдуетъ немедленно отправиться въ усадьбу, и пошли туда пѣшкомъ.

Уже темнѣло, когда они вступили въ аллеи парка. Рафаиломъ овладѣло безпокойство. Давно умершій, забытый міръ, изъ котораго онъ такъ рѣшительно бѣжалъ, теперь опять былъ такъ близко... Встрѣтить кого-нибудь изъ временъ юности значило пробудиться зимой и увидѣть весенній день. Любопытство возрастало непрерывно... Являлось и колебаніе. То ему хотѣлось только узнать и удалиться отъ призраковъ прошлаго и воспоминаній, то онъ готовъ былъ убѣждать Кристофа совсѣмъ не ходить туда... А между тѣмъ, если бъ пришлось отступить въ самомъ дѣлѣ, ему было бы непріятно.

— Не знаешь ли ты, какъ зовутъ паню Оловскую?—спросилъ Рафаилъ Цедру съ дѣланнымъ равнодушіемъ.

— Понятія не имѣю... Откуда мнѣ знать?..

— Можетъ быть, послѣзавтра пиръ по случаю ея именинъ?

— Въ день святого Стефана? Сомнѣваюсь, чтобы хоть одна дама на свѣтѣ могла оказаться тезкой нашего Трепки.

— Правда, день святого Стефана...

— Ты что-то какъ будто разстроенъ... Не начинаетъ ли тебя одолѣвать страхъ, какъ предсказывалъ Трепка? Можетъ быть, хочешь вернуться?

— Ни за что на свѣтѣ...—живо отвѣтилъ Рафаилъ.

— Впрочемъ, погоди, сейчасъ узнаю имя этой дамы. Это можетъ пригодиться. Мы вѣдь должны принять за правило внимательно относиться ко всякимъ мелочамъ.

— Но какъ ты узнаешь... ея имя?..

— Очень просто... У меня къ ней есть рекомендательное письмо отъ кузена Трепки.

— Покажи.

Цедра досталъ изъ бумажника маленькій изящно сложенный листикъ бумаги. При закатѣ дня онъ старался прочесть адресъ. Оба наклонились надъ письмомъ, и Рафаилъ первый разобралъ: „Madame Elisabeth de Olowska“.

Холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу... Онъ поднялъ глаза на окна дома, въ которомъ засвѣтились огни. Главный входъ съ портикомъ, къ которому они направлялись,

былъ запертъ. Ступени крыльца обмерзли и были засыпаны свѣжимъ снѣгомъ...

Пріятели обошли вокругъ дома и наткнулись на открытую настежъ дверь. Они вошли въ темныя сѣни и увидѣли тамъ мирно дремавшаго старика лакея въ будничной ливреѣ. Они разбудили его. Лакей, узнавъ, что гости прибыли изъ Кракова и желаютъ видѣть барыню, началъ извиняться и ввелъ ихъ въ комнаты. Молодые люди очутились въ маленькой, очень теплой и уютной гостиной. Гдѣ-то въ темномъ углу весело тикали столовые часы. Слуга зажегъ восковыя свѣчи, взялъ визитныя карточки гостей, украшенныя красивыми виньетками, и удалился.

Рафаилу представилось, будто онъ въ Варшавѣ и ждетъ Елену де-Витъ... Вотъ сейчасъ она войдетъ... сейчасъ онъ увидитъ ее...

За окнами, затянутыми морозными узорами, глухо и монотонно шумѣли деревья. Кристофъ сидѣлъ, задумчиво устремивъ глаза на пламя свѣчи.

— Что-жъ это, чортъ возьми, никто не приходитъ!—вдругъ воскликнулъ онъ.

Рафаилъ вздрогнулъ: такъ не отвѣчалъ возгласъ пріятеля мыслямъ и чувствамъ, которыя волновали его. Нехотя раскрылъ онъ альбомъ въ кожаномъ, тисненномъ съ золотомъ переплетѣ и увидѣлъ акварельные виды Грудна. Перелиставъ нѣсколько страницъ, онъ нашелъ и „свою" аллею. Художникъ старался уловить и передать на бумагѣ живой блескъ зелени и прелесть ея переливовъ, но передалъ только колоритъ. Въ душѣ и въ мысляхъ Рафаила воскресло воспоминаніе о томъ, что никогда уже не могло вернуться вмѣстѣ юностью, которая умчалась на вѣки. Онъ забылъ, гдѣ находится. Взглядъ погрузился въ созерцаніе картины, и онъ вновь переживалъ волшебные дни, когда послѣ смерти брата остался одинъ на свѣтѣ и, изгнанный изъ дому, среди совершенно чужихъ и новыхъ для него людей, мечталъ о широкомъ пути легкой жизни.

Въ перспективѣ картины виднѣлся пролетъ аллеи. Кристофъ въ это время что-то говорилъ ему. Онъ не могъ и не хотѣлъ слушать его словъ. Онъ жадно всматривался въ акварель, точно желая проникнуть въ то, что таилось подъ красками. Глубокое волненіе охватило его душу. Сердце замирало отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Дорого далъ бы онъ, чтобы пріобрѣсти въ собственность эту драгоцѣнную картинку!

Кристофъ тоже нашелъ для себя нѣчто интересное. На столикѣ лежало нѣсколько книгъ. Онъ раскрылъ одну изъ нихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ была вышитая закладка, и началъ читать, какъ всѣ близорукіе, водя носомъ по страницѣ. Со-

держаніе книги такъ заинтересовало его, что, поднявшись съ своего мѣста и наклонившись къ свѣчѣ, которая ярко освѣщала его профиль, онъ весь погрузился въ чтеніе. Иногда онъ невольно обращался къ Рафаилу, чтобы подѣлиться съ нимъ мыслями, открытыми на страницахъ книги, но усиливавшійся интересъ къ ней охватывалъ его все большимъ, глубокимъ изумленіемъ. Между пріятелями въ эту минуту лежала цѣлая бездна...

У портьеры гостиной послышался шелестъ шелка. Но молодые люди не обратили на это вниманія. Наступившую тишину попрежнему нарушало только тиканье мраморныхъ часовъ.

Наконецъ, Кристофъ не могъ больше владѣть собою и почти вскрикнулъ:

— Послушай! Послушай! Это нѣчто феноменальное... Вѣдь я это тысячу... нѣтъ!.. сто тысячъ разъ думалъ...

— Что̀, что́ ты думалъ? Не кричи!

— То-же самое думалъ!

— Да что именно?

— Это мои мысли!.. Рафаилъ! Если бъ я могъ выразить тебѣ словами, какое счастье—встрѣтить подтвержденіе своихъ мыслей!

— Какія же это мысли, наконецъ?

— Вотъ здѣсь я, наконецъ, нахожу самого себя! Мнѣ казалось чудачествомъ мечтать о такихъ вещахъ, а онъ, оказывается, провозглашалъ это уже давно! Все постигъ своимъ глубокимъ умомъ этотъ Руссо! Послушай только...

Онъ поднялъ глаза на Рафаила и вдругъ опустилъ книгу. Смутившись, онъ съ изящнымъ поклонномъ отступилъ на два шага. Рафаилъ, замѣтивъ его замѣшательство, всталъ съ мѣста и оглянулся. Передъ нимъ стояла княжна Елисавета, но не та, которую онъ зналъ когда-то. Это была мадамъ Оловская, несравненно болѣе прекрасная, какъ женщина: въ свои двадцать шесть лѣтъ она расцвѣла, какъ чудный цвѣтокъ въ концѣ весны.

Рафаилъ не могъ надивиться превращенію одной формы красоты въ другую, еще болѣе совершенную. Оловская была въ бѣломъ довольно короткомъ платьѣ. На открытую шею и плечи накинута была зеленая шаль съ вышитыми краями. Волосы ниспадали локонами на лицо, и большой узелъ ихъ былъ перевязанъ на затылкѣ. Прежде чѣмъ отвѣтить на поклоны гостей, она нѣсколько мгновеній измѣряла ихъ довольно высокомѣрнымъ, хотя и кокетливымъ взглядомъ. Наконецъ, любезно подошла къ Кристофу.

— Я рада, что могу привѣтствовать васъ, господа...—проговорила она.

Рафаила она встрѣтила сухо, но не такъ, какъ въ Груднѣ. Глядя на нее, Ольбромскій считалъ минуты, оставшіяся до отъѣзда, и радовался, что ихъ уже немного. Тяжесть давила его грудь. Онъ потупилъ глаза и въ то время, какъ Кристофъ занималъ хозяйку, онъ предался непріятнымъ размышленіямъ. Теряясь среди нихъ, онъ остановился, наконецъ, на одной мысли, которая сразу успокоила его:

— Пойду воевать—и баста! Буду хорошимъ солдатомъ. Нечего тужить! Нѣтъ пана выше улана, а лучше копья не найдешь ружья!

Онъ поднялъ глаза съ прежнимъ задорнымъ выраженіемъ и встрѣтился со взглядомъ Оловской.

Долго, спокойно и смѣло смотрѣли въ его лицо ея прелестные глаза, но уже не вспыхивали и не туманились, какъ раньше, отъ тайныхъ мыслей и неизвѣданныхъ чувствъ. Теперь они смотрѣли внимательно и вызывающе.

— Меня предупредили о вашихъ намѣреніяхъ, - ласково говорила она, — и все складывалось какъ нельзя лучше; но теперь явились неожиданныя препятствія... Какъ это непріятно!..—продолжала она, читая записку кузена Трепки.— Въ нашей деревнѣ появилось войско, въ сосѣдней тоже. И масса, цѣлыя орды!.. Цѣпи солдатъ видятъ другъ друга, чуть не касаются другъ друга руками. Ночью они жгутъ костры и кричатъ такъ, что мѣшаютъ спать.

— Да, мы слышали о прибытіи войскъ, когда шли къ вамъ...—замѣтилъ Цедра съ поклономъ.

— И это не заставляетъ васъ отказаться отъ рискованнаго предпріятія?

— Нисколько!

— Это геройство! Я восхищена... вашимъ мужествомъ.

Сказавъ это, она смѣрила Рафаила насмѣшливымъ взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ, будемъ двигаться дальше,— продолжала она.—Жребій брошенъ. Но, предупреждаю, теперь положеніе дѣйствительно опасное. Власти не шутятъ съ поймаными бѣглецами. Я слышала, что ихъ прямо вѣшаютъ на висѣлицѣ, а если ея нѣтъ по близости, то даже просто на балкѣ въ первомъ попавшемся сѣновалѣ.

— Мы уже имѣли случай видѣть эту австрійскую церемонію... — сказалъ Кристофъ, съ неизмѣннымъ галантнымъ поклономъ.

— Казнь на сѣновалѣ?

— Нѣтъ, на висѣлицѣ.

— Какъ на зло еще, мой мужъ не возвращается изъ Вѣны. Долженъ былъ уже вернуться... Правда, онъ былъ бы безполезенъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ держится иныхъ взглядовъ На-

полеона до сихъ поръ не признаетъ императоромъ...—прибавила онъ съ едва замѣтной иронической улыбкой,— все же, въ случаѣ какого-нибудь несчастья, онъ могъ бы воспользоваться своими связами и положеніемъ, чего у меня нѣтъ...

— Вы, пани, такъ откровенны съ нами...— сказалъ Цедра. — Позвольте, въ свою очередь, спросить: а если наша переправа повлечетъ за собой непріятныя послѣдствія для васъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я люблю преодолѣвать препятствія и люблю такого рода непріятности. Волненія въ жизни необходимы: безъ нихъ кровь остановилась-бы въ нашихъ жилахъ.

— Развѣ въ этихъ мѣстахъ такъ трудно испытывать волненія?

— Женщинамъ всегда и вездѣ трудно участвовать въ движеніяхъ, которыя потрясаютъ міръ... Я уже поручила довѣренному моего мужа устроить ваше дѣло. Нашъ планъ таковъ: въ день святого Стефана у насъ будетъ много гостей и танцовальный вечеръ. Вы проведете тутъ праздники и на балу будете танцовать... съ увлеченіемъ. Ночью, по данному сигналу, вы тихонько выйдете и безъ всякихъ разспросовъ и колебаній послѣдуете за проводникомъ. Онъ перевезетъ васъ въ лодкѣ черезъ Вислу... Согласны?

— О, какъ вы...—началъ было Цедра.

— Пока не будемъ ничего говорить, такъ какъ дѣло еще не устроено. Висла здѣсь хоть и не широка, но ее все-же не перескочишь.

— Мы чувствуемъ себя точно уже на томъ берегу. Послѣзавтра начнемъ воевать!—сказалъ Цедра съ своей открытой, почти дѣтски-восторженной улыбкой, наклоняясь къ Рафаилу.

— Вы, какъ я слышала, пользовались въ Вѣнѣ большими успѣхами, могли разсчитывать на блестящую карьеру и пускаетесь на скользкій путь войны... безъ сожалѣнія бросаете одного императора ради другого...

— Я съ изумленіемъ слышу о своихъ вѣнскихъ успѣхахъ... Тутъ больше вымысла, чѣмъ правды; а что касается императора, то я преклоняюсь только предъ однимъ. Да здравствуетъ императоръ!

— Я слышала о вашихъ успѣхахъ отъ мужа, который знаетъ все, что дѣлается въ Вѣнѣ. — Не вашъ-ли товарищъ увлекъ васъ на путь славы?—спросила она, немного погодя.

— Право, не знаю. Мнѣ кажется, что мы оба вспыхнули отъ одной искры. За Пилицей весь край садится на коней!

— Да, я слышала... А вы, пане, когда дѣло идетъ о верховой ѣздѣ, всегда впереди?..—спросила красавица, обращаясь къ Рафаилу.

Рафаилъ не былъ уже придворнымъ приживальщикомъ, на котораго можно смотрѣть свысока. Онъ гордо поднялъ голову и безъ тѣни прежней робости сталъ всматриваться въ хозяйку дома. Незамѣтно онъ поддался опасной власти ея на видъ покорныхъ и застѣнчивыхъ глазъ. Каждое движеніе ея изнѣженныхъ рукъ, почти прозрачныхъ отъ бездѣлія, отличалось какой-то особой прелестью. Въ красотѣ этой женщины было что-то удушливое, одуряющее. Больше всего очаровывала ея естественная грація, безъ всякаго слѣда кокетства или желанія нравиться. Вѣроятно, выраженіе лица Рафаила выдавало его волненіе, потому что красавица нѣсколько разъ подолгу останавливала на немъ свой взглядъ.

Вошелъ слуга и закрылъ окна желтыми занавѣсками. Пламя свѣчъ наполняло комнату пріятнымъ желтымъ свѣтомъ. Въ это время доложили, что пришелъ довѣренный. Хозяйка велѣла просить его. Въ комнату вошелъ высокій мужчина, въ національномъ польскомъ костюмѣ, съ огромными свѣтлыми усами и здоровымъ, краснымъ отъ вѣтра, лицомъ. Онъ громко дышалъ, не обращая ни на кого вниманія.

— Панъ Кальвицкій, нашъ добрѣйшій опекунъ, — представила его Оловская.—А это—два измѣнника. Хотите знать фамиліи?

— Зовутъ ихъ поляками, физіономіи ничего себѣ... Зачѣмъ мнѣ ихъ фамиліи?..—отвѣтилъ усачъ.—Если меня будутъ пытать, такъ я, по крайней мѣрѣ, не стану лгать, давая честное слово, что ничего не знаю.

— Намъ очень пріятно познакомиться съ вами...—сказалъ Цедра съ поклономъ.—Ваша заботливость и помощь...

— Да... помощь! Вотъ тутъ-то дѣло и валится. Я думаю объ этомъ со вчерашняго дня... Вѣдь если наша барыня что вздумала, такъ съ нею сладить трудно. Ей все скучно, скучно... а потомъ и расплачивайся!

— Пане Кальвицкій, не забывайтесь, пожалуйста!

— Молчу уже. Держу языкъ за усами.

— Спрячьте его еще дальше, а то могу уколоть и будетъ больно.

— Вы, пани, смотрите на дѣло легко, а оно пахнетъ веревкой. Мы можемъ попасть въ такую ловушку, что не только сапоги, а и ноги въ ней останутся.

— И пусть себѣ остаются ваши ноги, особенно... сапоги...

— Я хотѣлъ еще кое-что доложить.

— Ничего больше не хочу слушать.

— Долженъ же я сказать, что пригласилъ нашего офицерика на праздникъ святого Стефана. Сколько я помучился съ этимъ пакостникомъ!

— Это очень хорошо. За это хвалю.

— Я думаю, что хорошо.

— Ну, что еще, старичокъ? Только живѣе, безъ красно-рѣчія!

— Сейчасъ ужъ и „старичокъ“! Это не годится!..

— Что еще? Я спрашиваю моего довѣреннаго.

— Вотъ это по княжески! Долженъ еще прибавить, что драгунамъ нужно будетъ выставить, по крайней мѣрѣ, бочку пива. Господи, Боже, меня, кажется, хватитъ ударъ отъ мысли...

— Поставьте имъ бочку...

— У меня, пани, волосы встаютъ дыбомъ на головѣ при одной мысли, что будетъ, когда пріѣдетъ нашъ панъ!

— Меня совсѣмъ не интересуютъ ваши волосы.

— На старости лѣтъ я долженъ подставлять подъ пулю: если не грудь, то спину: нѣмчура вѣдь не шутитъ... Я самъ перевезу васъ ночью, ну, а что изъ этого выйдетъ, не знаю,— прибавилъ онъ, подходя къ Кристофу.

Они стали о чемъ-то тихонько разговаривать. Оловская отошла отъ нихъ и остановилась прямо передъ Рафаиломъ. На губахъ ея мелькала улыбка.

Она въ упоръ смотрѣла на него своими чудными голубыми глазами. Улыбка становилась всё болѣе свѣтлой, радостной. Ноздри вздрагивали. Она приблизилась еще на шагъ и, не спуская глазъ съ лица Рафаила, проговорила сквозь зубы такъ, что только онъ одинъ могъ разслышать:

— Я ищу... слѣдовъ... моего хлыста...

Ольмбромскій не двигался съ мѣста, хотя вздрогнулъ, какъ отъ удара. Огнемъ вспыхнуло его лицо, шея, лобъ. Слова звенѣли въ ушахъ, какъ свистъ плети. Сердце медленно билось.

Все съ тою же улыбкой, Оловская открыла альбомъ и, показывая одинъ пейзажъ за другимъ, проговорила равнодушно:

— Грудно.

Когда очередь дошла до аллеи, Рафаилъ спросилъ:

— Можно узнать, кто рисовалъ этотъ видъ?

— Можно.

— А кто?

— Тотъ же, кто рисовалъ и весь альбомъ: я.

— Почему же вы выбрали именно эту аллею? Въ Груднѣ были гораздо болѣе красивыя мѣста.

— Потому что это былъ мой любимый уголокъ. Я сюда чаще всего ходила.

— Вотъ какъ!..

Во время ужина Рафаилъ очутился рядомъ съ довѣ-

реннымъ. Оловская оживленно и весело болтала съ Кристофомъ, какъ со старымъ знакомымъ. Рафаилъ слышалъ весь разговоръ, подавляя бѣшеную ревность. Хозяйка ни разу не повернула къ нему своей очаровательной головы, ни разу не взглянула на него. Только теперь онъ увидѣлъ, что это та-же княжна Елисавета, которая столько терзала его и отъ которой онъ спасся такими рѣшительными мѣрами. Какъ и въ то отдаленное время, она видитъ и не видитъ его, слышитъ и не слышитъ, знаетъ и не знаетъ... А онъ, сдѣлавъ такой огромный путь, вернулся на старое мѣсто. Его удивляло это роковое совпаденіе случайностей. Хуже всего то, что теперь она сознаетъ свою силу и владѣетъ ею, какъ воинъ мечомъ. Рафаилъ до того ушелъ въ свои мысли, что на вопросы Кальвицкаго едва могъ давать сознательные отвѣты. Равнодушіе Оловской дразнило его. Онъ почти съ радостью всталъ изъ-за стола и поторопился проститься съ хозяйкой дома. Какъ лунатикъ, слѣдовалъ онъ за лакеемъ по лѣстницѣ въ первый этажъ, гдѣ ему отвели маленькую, уютную комнатку. Рядомъ была комната Кристофа. Рафаилъ раздѣлся, бросился въ постель и сейчасъ же заснулъ. Поздно ночью онъ проснулся.

Итакъ, онъ снова въ одномъ домѣ съ княжной Елисаветой; черезъ столько лѣтъ онъ встрѣтилъ ее еще прекраснѣе, но еще болѣе загадочной въ своей красотѣ. Мысль эта не давала ему покоя. Ему страстно захотѣлось остаться здѣсь, чего бы это ни стоило, въ какой бы то ни было роли... А потомъ—хоть пуля въ лобъ, отъ кого угодно: отъ нѣмца или француза, отъ мужа или любовника!

Рафаилъ услышалъ спокойное дыханіе спящаго Кристофа и почувствовалъ къ нему почти ненависть. Онъ со злобой вспоминалъ веселый смѣхъ и взгляды мечтательныхъ глазъ товарища, которые онъ улавливалъ сегодня вечеромъ за ужиномъ. Къ нему она была благосклонна. Онъ былъ сегодня героемъ.

Рафаилъ соскоблилъ съ оконнаго стекла иней и выглянулъ на улицу. Луна то и дѣло выплывала изъ-за быстро мчавшихся тучъ. Вдали, за деревьями парка, сверкала рѣка. На берегу ея догорали костры, отъ которыхъ длинныя, дрожащія полосы свѣта падали въ воду. „Вотъ куда придется идти", подумалъ Рафаилъ, глядя на эти сторожевые огни. Сотни выстрѣловъ будутъ направлены въ него, если онъ захочетъ когда нибудь заглянуть въ этотъ домъ. Но онъ сдѣлаетъ такъ, чтобы никогда уже не имѣть права вернуться сюда.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Свобода театра во Франціи.

„Монна Ванна" Метерлинка, обошедшая русскія провинціальныя сцены, запрещена въ 1902 году лондонской театральной цензурой. Этотъ любопытный фактъ представляется по первому впечатлѣнію просто невѣроятнымъ. Между тѣмъ, это такъ,—и авторъ недавно вышедшей книги о свободѣ театра во Франціи, парижскій юристъ Каюэ (Alberic Cahuet. La liberté du théâtre en France et à l'Etranger) находитъ, что это вполнѣ естественный результатъ исторіи. Мы привыкли думать, что свобода театра есть элементъ общей свободы мысли и развивается въ прямомъ отношеніи къ послѣдней. На самомъ дѣлѣ Каюэ доказываетъ, что, въ противоположность инымъ вольностямъ, свобода театра шла до сихъ поръ на убыль.

Этотъ спорный выводъ стоитъ того, чтобы познакомиться съ яркимъ и жизненнымъ матеріаломъ, на которомъ онъ основанъ.

Такъ во Франціи свобода театра начинается анархіей въ строѣ монархическомъ и кончается предварительной цензурой въ республикахъ. Исторія ея во Франціи есть лишь наиболѣе характерный эпизодъ ея общей исторіи. Начало восемнадцатаго вѣка дѣлитъ ее на два большихъ періода; въ первомъ свобода есть правило, запретъ—исключеніе; во второмъ—наоборотъ. Самодержавный король разрѣшилъ въ 1669 году исполненіе „Тартюфа"; демократическая республика въ 1901 г. запретила *Ces Messieurs* Жоржа Ансэ,—пьесу, обличающую клерикализмъ съ меньшей силой, чѣмъ безсмертные образы Мольера.

Французскій театръ вышелъ изъ двухъ источниковъ, соединеніе которыхъ намъ кажется теперь противоестественнымъ,—изъ шутовскихъ игрищъ и католической церкви. И тамъ, и здѣсь онъ былъ свободенъ. Заботились о порядкѣ и благочиніи, отстраняли—весьма слабой рукой—профанацію алтаря, боролись съ безобразіями, чинимыми на улицахъ бродячими шутами,—и распоряженіе прево въ 1395 году коснулось впервые содержанія ихъ веселыхъ и подчасъ ѣдкихъ импровизацій: менестрелямъ и жонглерамъ воспрещено подъ страхомъ штрафа и тюрьмы говорить,

представлять или пѣть въ публичныхъ мѣстахъ вещи, могущія вызвать какой бы то ни было скандалъ. Такимъ образомъ, свободный по началу, театръ довольно скоро оказывается слишкомъ свободнымъ, чтобы не было желающихъ наложить на него руку. Любопытно, что въ его борьбѣ за свои права на сторонѣ его оказываются короли противъ суда, а подчасъ и противъ администраціи. Уже въ 1398 году парижскій прево воспрещаетъ всѣмъ подчиненнымъ его власти „представлять что бы то ни было изъ жизни святыхъ безъ разрѣшенія короля". Но Карлу VI настолько понравилось представленіе „братства страстей", что указомъ 1402 года онъ предоставляетъ этой труппѣ „представлять какую угодно мистерію, Страсти, Вознесеніе и изображать мучениковъ и мученницъ по выбору братства". Эта привилегія, конечно, должна была умножить поводы для безпокойства почтеннаго прево. Реализмъ мистерій ужасенъ; возвышенныя сцены священной исторіи изображаются здѣсь съ подробностями, заимствованными изъ повседневнаго быта этого грубаго времени. Спектакль начинался возгласомъ „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа" и кончался *Te Deum laudamus*; но, напримѣръ, брань, которою римскіе солдаты осыпали Христа, была точнымъ воспроизведеніемъ современной спектаклю солдатской брани. Однако, церковь, изъ лона которой вышли эти зрѣлища, пока обращала на нихъ мало вниманія; лишь впослѣдствіи, когда театръ обратился въ орудіе борьбы съ католичествомъ, между ними завязалась борьба. Намеки на современность, разумѣется, не могли быть обойдены непосредственной средневѣковой мыслью; сюжеты библіи давали для этого богатый матеріалъ. Освистывая Ирода, бросающаго свою жену ради Иродіады, толпа, разумѣется, видѣла въ нихъ прежде всего герцога Орлеанскаго и королеву Изабо. И когда понемногу измѣнился составъ любителей, исполнявшихъ пьесы священнаго содержанія, сатирическіе намеки на современную политическую жизнь сдѣлались опредѣленнѣе, преднамѣреннѣе и язвительнѣе. Въ началѣ XV вѣка исполнителями были все люди почтенные—богатые горожане, ученые, священники, городскіе сановники. Но чего ждать, когда ихъ смѣняютъ полу-профессіональные артисты изъ судейскихъ клерковъ? Парламентъ, жестоко осмѣянный въ ихъ пьесахъ, запрещаетъ имъ ихъ представленія подъ угрозой тюремнаго заключенія, которую неоднократно приводитъ въ исполненіе, а Людвикъ XI поощряетъ развеселую компанію, опредѣливъ въ 1475 г. „братству Базошъ" вознагражденіе. Но на слѣдующій годъ король удалился въ Плесси-ле-Туръ, и высшій судъ королевства спѣшитъ воспользоваться своей силой. Однако, въ какой степени былъ соблюдаемъ запретительный указъ парламента, видно изъ того, что на слѣдующій годъ ему пришлось повторить свое запрещеніе съ усугубленіемъ угрозы. Эти запрещенія относились уже не къ однимъ клеркамъ съ ихъ

фарсами, но и къ молодежи изъ горожанъ, также соединившейся въ труппы для исполненія Soties. Короли были по-прежнему снисходительны къ ихъ кусательнымъ, но веселымъ обличеніямъ и даже пользовались ихъ популярными представленіями для воздѣйствія на общественное мнѣніе. Но были и запрещенія. Брантомъ разсказываетъ, какъ Людовикъ XII, узнавъ, что клерки и студенты осмѣиваютъ въ своихъ пьесахъ короля и высокопоставленныхъ лицъ, сказалъ, что надо же имъ высмѣяться, и позволилъ имъ говорить о немъ и о дворѣ, лишь бы они не касались королевы, его супруги,—а не то онъ ихъ повѣситъ. Въ разгарѣ борьбы съ Римомъ королю очень нравились пьесы противъ папы, и онъ самъ съ жаромъ апплодировалъ, когда актеръ, исполнявшій роль святого отца, воспѣвалъ со сцены критское вино. Но были также фарсы, направленные противъ новыхъ налоговъ, противъ военныхъ, истязающихъ крестьянъ; неизвѣстно, какъ они нравились королю. Во всякомъ случаѣ, трауръ по немъ послужилъ для парламента благовиднымъ предлогомъ воспретить клеркамъ ихъ представленія. Слѣдующее воспрещеніе парламента имѣло въ виду уже содержаніе пьесъ; было запрещено касаться личности короля, его родныхъ и „иныхъ особъ, состоящихъ при особѣ вышесказаннаго государя“. Очевидно, во исполненіе этого указа, засажены въ тюрьму въ 1533 году ученики Наваррскаго коллежа за то, что изобразили Маргариту Валуа въ образѣ фуріи. Черезъ три года кругъ лицъ, огражденныхъ отъ сценическихъ вольностей фарса, расширяется, и парламентъ воспрещаетъ затрагивать въ пьесахъ кого бы то ни было.

Наконецъ, въ 1538 году парламентъ принимаетъ рѣшительную мѣру. Опредѣляя, что всякая пьеса, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли до представленія должна быть предъявлена ему и получить его одобреніе, высшее судилище, такимъ образомъ, учреждаетъ *предварительную* цензуру. Для актеровъ, въ творчествѣ которыхъ импровизація играла существенную роль, такое постановленіе было, конечно, болѣе чѣмъ неудобно; и ихъ старанія добиться устраненія столь значительнаго препятствія на этотъ разъ увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. „Что касается фарса“—гласитъ новый указъ—„то въ виду указанной ими (авторами) трудности предъявлять ихъ оному суду, онъ разрѣшилъ и разрѣшаетъ имъ играть безъ предварительнаго предъявленія, но строго воспрещаетъ затрагивать или поносить кого бы то ни было, обозначая его по имени, или прозвищу, или по мѣстожительству, или по инымъ признакамъ, по коимъ можно обозначать или узнавать человѣка“.

Надо сказать, что этотъ первый и неудачный опытъ предварительной театральной цензуры являлся въ значительной степени также фиктивнымъ: королевское покровительство дѣлало всякій контроль иллюзорнымъ. Между тѣмъ, спектакли, имѣвшіе громадный успѣхъ, подчасъ обставлялись такимъ образомъ, что прямо

нарушали благоговѣніе, соотвѣтствовавшее сюжетамъ. Тридентскій соборъ только что запретилъ потѣшать публику зрѣлищами изъ священнаго писанія, а въ парижскомъ театрѣ испортилась машина— и Св. Духъ остался въ облакахъ и не могъ сойти; въ другой разъ воскресшій на сценѣ Спаситель не могъ выйти изъ гробницы. Парламентъ рѣшилъ покончить съ этимъ неблагочестіемъ. Въ декабрѣ 1541 года, по одному частному случаю, прокуроръ этого высшаго судилища клеймилъ своимъ негодованіемъ „этихъ людей, не образованныхъ, не свѣдущихъ въ такихъ дѣлахъ, низшаго званія, вродѣ слесаря, обойщика, торговца рыбой, которые позволяютъ себѣ изображать дѣянія апостоловъ; которые приплетаютъ, къ концу своихъ представленій, непристойные фарсы и издѣвательства, чѣмъ причиняютъ опустѣніе божественной службы, оскудѣніе даяній и благотворенія, прелюбодѣянія, скандалы, насмѣшки". Прокуроръ присовокуплялъ, что подчасъ священники пропускаютъ вечернюю службу изъ-за этихъ представленій, а богослуженіе совершаютъ въ полдень въ пустомъ храмѣ. Парламентъ совершенно запретилъ мистеріи; театральнымъ братствамъ оставались только ихъ фарсы: это былъ смертельный ударъ. Его довершилъ королевскій указъ, изданный въ 1560 г. по ходатайству генеральныхъ штатовъ. Статья 24 этого закона воспрещаетъ актерамъ играть по праздникамъ, въ часы богослуженія, надѣвать священныя одежды, представлять дурные примѣры и т. д. Трехвѣковое издѣвательство надъ папой, надъ нравами монаховъ и экономками патеровъ надоѣло болѣе сильной сторонѣ. Мистерія уходила въ исторію, уступая мѣсто классической трагедіи.

Но фарсъ еще держался; короли хотѣли забавляться — и выдерживали изъ-за него борьбу съ парламентомъ. Распутный дворъ Генриха III менѣе всего могъ обойтись безъ балагана. Король выписалъ труппу итальянскихъ актеровъ; ихъ успѣхъ былъ такъ великъ, что четыре лучшихъ проповѣдника Парижа чуть не остались безъ слушателей. Парламентъ запретилъ спектакли итальянцевъ; король приказалъ имъ продолжать. О содержаніи и настроеніи пьесъ можно судить хотя бы по такому заглавію: „Новый фарсъ о спорѣ молодого монаха и стараго жандарма предъ богомъ Купидономъ изъ за одной дѣвушки". Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, дѣло преслѣдованія не обошлось безъ добровольцевъ. Буржуа жаловались на соблазнъ, и доносъ одного изъ нихъ, возмущавшагося вольностью фарсовъ, дошелъ до нашего времени. Въ концѣ XVI вѣка парламентъ, не имѣя возможности совладать съ старыми труппами, старается, по крайней мѣрѣ, оградить себя отъ новыхъ. Но католическая лига, понявъ, какое оружіе представляетъ собою театръ, уже съ успѣхомъ пользуется имъ,—и король, безсильный въ своей столицѣ, не можетъ воспретить направленныя противъ него пьесы, а мятежный Парижъ рукоплещетъ драмѣ „Тираническое вѣроломство Генриха Валуа

надъ особами досточтимыхъ, знаменитыхъ и благородныхъ принцевъ Людовика лотарингскаго, кардинала и архіепископа реймсскаго и Генриха лотарингскаго, герцога Гиза".

При Генрихѣ IV театръ прекратилъ проповѣдь возстанія, но оставался весьма свободнымъ; любимый король также отстаивалъ вольности артистовъ - обличителей отъ парламента. Театръ издѣвался надъ совѣтниками суда, которыхъ колотили на сценѣ; парламентъ засадилъ актеровъ въ тюрьму,—король приказалъ ихъ выпустить, и самъ со дворомъ присутствовалъ на забавномъ представленіи.

Таковы вольности французской сцены на переломѣ между средневѣковой и новой исторіей. Непристойность и грубо личный характеръ ея пьесъ находятъ достаточное оправданіе — и находили безнаказанность въ нравахъ эпохи и въ смутахъ религіозныхъ войнъ. Авторы—почти всегда актеры — уснащали свои произведенія намеками личными и политическими, отъ которыхъ ничто не могло укрыться. Характерная черта этой эпохи въ исторіи театральной свободы явствуетъ достаточно изъ предыдущаго: это покровительство королей, отстаивающихъ театръ отъ юристовъ, и поползновенія этихъ послѣднихъ наложить руку на свободу сцены. Но въ началѣ XVII вѣка мы вновь встрѣчаемся съ опытомъ созданія предварительной цензуры — на этотъ разъ со стороны представителя королевской администраціи, въ лицѣ начальника полиціи; распоряженіемъ 12 ноября 1609 года этотъ послѣдній обязалъ артистовъ представлять ихъ роли королевскому прокурору, который утверждалъ ихъ своею подписью.

Этотъ новый опытъ созданія предварительной цензуры для театра былъ немного удачнѣе предыдущаго. Характеристика пьесъ столпа тогдашняго репертуара въ теченіе четверти вѣка, Александра Гарди, заимствованная въ *Исторіи французскаго театра* Фонтенеля, даетъ представленіе о томъ, какъ театральная цензура охраняла нравы: „Никакихъ колебаній предъ лицомъ морали или приличій. То на сценѣ видишь куртизанку въ постели, ведущую разговоры, соотвѣтственные ея нравамъ; то замужнюю женщину на свиданіи; изъ ласкъ, которыми обмѣниваются возлюбленные, скрываютъ отъ зрителя какъ можно меньше. Странно слышать, какъ среди этихъ любезностей молодые люди Гарди называютъ своихъ дамъ „*моя святая*"!

При Людовикѣ XIII успѣхъ Табарэна, который своими неприличными фарсами дѣлалъ рекламу балагана, гдѣ продавались лѣкарственныя снадобья, вызвалъ жалобу горожанъ и приказъ начальника парижской полиціи, чтобы „всѣ продавцы мазей, дантисты, музыканты и пѣвцы не смѣли останавливаться и собирать народъ". Но Табарэнъ уже разбогатѣлъ, выдалъ дочь за дворянина и жилъ въ своемъ помѣстьи богатымъ буржуа.

Запрещенія вызывалъ также ярмарочный театръ. Остроумный

Тюрлюпэнъ съ товарищами прославился настолько, что кардиналъ Ришелье принялъ ихъ въ королевскую труппу. Но имъ пришлось скоро пожалѣть о свободѣ своихъ балагановъ. Одинъ изъ нихъ Гро-Гильомъ за насмѣшки надъ однимъ угоднымъ кардиналу сановникомъ былъ засаженъ въ Консьержери; бѣгство не спасло Тюрлюпэна и Готье-Гаргилу: они умерли одновременно съ своимъ товарищемъ.

Фарсъ былъ попрежнему дерзокъ, но Корнель уже долженъ былъ выбросить изъ Поліэвкта великолѣпную реплику:

Peut-être qu'après tout ces croyances publiques
Ne sont qu'inventions de sage politique
Pour contenir le peuple ou bien pour l'émouvoir
Et dessus sa faiblesse affermir leur pouvoir.

Это былъ предвѣстникъ той борьбы съ іезуитствомъ, которую вскорѣ пришлось выдержать Мольеру. Самъ писатель, Ришелье не считалъ нужной предварительную цензуру; онъ былъ достаточно силенъ, чтобы довольствоваться карательными мѣрами. Къ тому же, королевское распоряженіе 1641 года подтвердило прежнія указанія о благопристойности сцены и поручило особому вниманію судей соблюденіе этого закона, предоставляя имъ для этого пользоваться всѣми наказаніями, какія они сочтутъ удобными, не свыше, однако, штрафа и изгнанія. Надо сказать, впрочемъ, что судить о положеніи вещей въ эту эпоху на основаніи текста закона невозможно: гораздо неудобнѣе всякихъ законодательныхъ воспрещеній были для театра всевозможныя стороннія вліянія, которыми пользовались всѣ—отъ духовенства до юристовъ, отъ судовъ до литературныхъ кружковъ.

Но настоящая борьба съ католическимъ духовенствомъ впервые выпала на долю Мольера. Еще *Ecole des Femmes* возбуждала негодованіе черной арміи; но боязнь быть втянутыми въ богословскую полемику заставила патеровъ сослаться на нѣкоторыя мнимыя непристойности пьесы Мольера; великій драматургъ посвятилъ *Critique de l'Ecole des femmes* королевѣ-матери и тѣмъ спасъ свою пьесу. Появленіе *Тартюфа* вызвало бурю. Аббатъ Вулле открылъ огонь пламеннымъ доносомъ; но король такъ настойчиво посовѣтовалъ ему успокоиться, что аббату оставалось только сослаться на чистоту своихъ намѣреній. Однако, представленіе пьесы было отложено до тѣхъ поръ, пока наступитъ успокоеніе раздраженныхъ умовъ. Дѣйствіе такихъ запрещеній можно наблюдать и въ наши дни. Всѣ набросились на запрещенное произведеніе; авторъ читалъ его у всѣхъ—даже у Нинонъ де-Ланкло; затѣмъ пьеса была поставлена въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ. Наконецъ, послѣ многократныхъ исправленій, послѣ замѣны святоши Тартюфа свѣтскимъ лицемѣромъ Панюльфомъ въ кружевахъ и при шпагѣ,—король разрѣшилъ *Тартюфа*. Но уже первыя представленія показали всю силу этого произведенія.

Король былъ въ отъѣздѣ; парламентъ запретилъ „Тартюфа“, а архіепископъ парижскій запретилъ даже читать или слушать его чтеніе подъ страхомъ отлученія. Новое разрѣшеніе было дано лишь черезъ пять лѣтъ. *Донъ-Жуанъ* также натолкнулся на препятствія.

Характеристику слоевъ, изъ которыхъ исходили эти препятствія, даетъ любопытная современная Мольеру полемика, свѣдѣнія о которой дошли до насъ. Изъ клерикальной среды вышла одна слабая попытка защитить Мольера. Авторъ ея старался найти въ Писаніи что-нибудь противъ комедіи, и не нашелъ. Отцы церкви утверждаютъ, что театръ богопротивенъ; богословы-схоластики съ этимъ не согласны; должно путемъ разума согласовать эти противорѣчія. Поэтому авторъ отличаетъ дурныя зрѣлища отъ хорошихъ. Между тѣмъ, „театръ исправляется и совершенствуется съ каждымъ днемъ, и я замѣтилъ, читая св. Отцовъ, что чѣмъ больше они приближаются къ намъ, тѣмъ мягче они относятся къ театру—очевидно, потому, что театръ становится лучше... И въ нынѣшнемъ театрѣ, какъ мы видимъ его въ Парижѣ, я не вижу ничего преступнаго. Утверждаю, что не нашелъ въ немъ ни намека на тѣ крайности, которыя св. Отцы осуждали столь основательно... Ни епископы, ни кардиналы, ни папскіе нунціи не препятствуютъ его посѣщенію, и было бы столь же безумно, сколько безстыдно заключить по этому, что всѣ эти сановники церкви—безбожники и распутники“.

Движеніе, вызванное этой безцвѣтной защитой, было чрезвычайно, главнымъ образомъ, потому,что она исходила отъ своего. Авторомъ ея называли нѣкоего отца Каффаро, который, однако, поспѣшилъ энергически отречься отъ этого. Сорбонна выступила съ доводами противъ непокорнаго священнослужителя, но его произведеніе было несомнѣнно продиктовано ею.

Послѣ *Тартюфа* и *Донъ-Жуана* Мольеръ утихъ; борьба утомила его, и послѣдующія произведенія его уже не давали къ ней повода.

Во вторую половину царствованія Людовика XIV, благочестивую по распоряженію начальства, цензурѣ не приходилось сталкиваться съ театромъ на религіозной почвѣ. Но мадамъ Ментенонъ узнала себя въ *Fausse Prude* и не удовлетворилась запрещеніемъ пьесы, но приказала еще выслать всю итальянскую труппу за границу. „Это надѣлало много шума—разсказываетъ Сенъ-Симонъ, — и если актеры потеряли свое дѣло, то та, которая заставила ихъ выгнать, не выиграла ничего, такъ какъ объ этомъ всѣ стали говорить“.

Какое дѣйствіе оказывала собственно театральная цензура, съ 1609 года довѣренная королевскому прокурору, сказать трудно: до такой степени ея дѣйствіе перекрещивается съ разнообразнѣйшими вліяніями.

Въ 1701 году она вручена знаменитому д'Аржансону, начальнику парижской полиціи. „Его величество—писалъ ему министръ—поручилъ мнѣ написать вамъ, чтобы вы, созвавъ актеровъ, объявили имъ отъ его имени, что если они не исправятся, его величество по первой малѣйшей жалобѣ приметъ противъ нихъ мѣры, которыми они не будутъ довольны. По желанію его величества вы предупредите ихъ также, что они не должны ставить никакой пьесы, прежде чѣмъ она не представлена вамъ, такъ какъ его величество желаетъ, чтобы не представляли ничего, что не отличается крайней чистотой".

Но и это не было еще окончательнымъ учрежденіемъ предварительной драматической цензуры во Франціи, которое, по установившемуся мнѣнію, относится къ 1706 году. Подозрительность искала намековъ во всемъ; ихъ находила и публика. Быть можетъ, лишь авторы были въ нихъ неповинны. Въ „Эсѳири" Расина видѣли указаніе на роль г-жи Ментенонъ, на поведеніе Лувуа, на преслѣдованіе протестантовъ. *Bal d'Auteuil*, пьеса посредственная и не вполнѣ приличная, показалась подозрительной принцессѣ Орлеанской; пьеса была запрещена,—и драматическая цензура получила, послѣ двухвѣковой анархіи, окончательную организацію. По оперному регламенту 1713 года постановка или даже возобновленіе пьесы обусловлено ея предварительнымъ просмотромъ; этотъ просмотръ порученъ спеціальнымъ цензорамъ.

Свободные нравы послѣдовавшаго режима могли бы вызвать также вольность театра. Этого вопреки ожиданіямъ не было. *Тюркарэ*, правда, былъ разрѣшенъ къ представленію,—потому, что правительство считало удобнымъ направить народное недовольство на финансистовъ,—но Ле Сажъ уже покинулъ Comédie Fraçaise для фарса. Первымъ цензоромъ, откомандированнымъ къ полиціи для театральной цензуры, былъ аббатъ Шеррье, авторъ любопытнѣйшихъ цензурныхъ отзывовъ. Съ его дѣятельности начинается собраніе незабвенныхъ анекдотовъ о цензурѣ. Одинъ — одобрительный — изъ отзывовъ этого цензора-литератора, написавшаго книгу „Polissoniana", достоинъ упоминанія. Рѣчь идетъ о „Розѣ" Пирона, — сочиненіи весьма легкаго и потому близкаго аббату содержанія. „Само заглавіе *Роза*, говоритъ онъ, не возбуждаетъ вѣдь никакихъ грязныхъ представленій. Въ обиходѣ большого свѣта всегда говорится *сорвать розу*, когда говорятъ о человѣкѣ, которому удалось первому добиться расположенія молодой особы. Противъ заглавія ничего возразить нельзя"...

Преемники аббата Шерье не были такъ благодушны. Вольтеръ выдержалъ тягостную борьбу съ первымъ изъ нихъ, Кребильономъ, который запретилъ *Магомета* подъ предлогомъ охраненія религіи и *Droit du Seigneur*, охраняя нравственность; „бѣдняга, писалъ

Вольтеръ, онъ не знаетъ, что это такое". Обѣ пьесы были изуродованы. Съ слѣдующимъ цензоромъ, Марэномъ, Вольтеръ ухитрился быть въ ладу, но другіе драматурги жестоко терпѣли отъ Марэна. Считать положеніе цензуры въ это боевое время особенно легкимъ было бы, конечно, неосновательно. Философія вѣка просвѣщенія пробивала брешь за брешью въ твердынѣ традиціоннаго и предписаннаго міровоззрѣнія, а чуткость публики дошла до того, что не было никакой возможности устранить изъ литературныхъ произведеній все, могущее навести ее на оппозиціонныя мысли. Въ Танкредѣ публика видитъ герцога Брольи, въ абстрактныхъ властелинахъ, обличаемыхъ со сцены,—живого Людовика XV, въ языческихъ жрецахъ—католическое духовенство. Пьесы Фонтенелля и Гюдэна были сожжены рукою палача, архіепископатъ цензировалъ и не пропускалъ пьесъ, пропущенныхъ свѣтской цензурой. Вольтеру уже не помогала снисходительность Марэна; его „Guêbres" были запрещены даже тогда, когда онъ устранилъ изъ нихъ патеровъ. Наконецъ, и Марэнъ оказался подозрительнымъ; его отставили. Ревность духовной цензуры не остановилась предъ дверями частнаго жилища: г-жѣ Кассини не позволили поставить „Меланію" Лагарпа у себя дома. Одинъ современникъ разсказываетъ о дѣятельности цензуры Людовика XV: „какъ только предприниматель нападетъ на хорошую идею для привлеченія публики, какъ только онъ придумаетъ что-нибудь удачное, все удачное воспрещается. Если въ пьесѣ есть мѣсто, обличающее талантъ и остроуміе, цензура его устраняетъ только по той причинѣ, что оно слишкомъ хорошо. Иногда она заставляетъ автора испортить и опошлить его развязку. Въ надеждѣ отвлечь хорошее общество отъ посѣщенія театра, запретили антрепренерамъ брать за входъ на первыя представленія дороже четырехъ франковъ, чтобы такимъ образомъ порядочные люди оказались вмѣстѣ съ чернью".

Драматическая литература шла наравнѣ съ вѣкомъ, а цензура Марэна становилась все придирчивѣе. Раздираемая противоположными вліяніями, безсильная, осыпаемая насмѣшками, она кончается вмѣстѣ съ правленіемъ Людовика XV, столь же ничтожная, столь же непопулярная.

Казалось, что новая эра для театра настаетъ съ воцареніемъ Людовика XVI. Безукоризненная частная жизнь короля не боится обличеній сцены. Королева любитъ театръ; еще наслѣдницей она играла у себя въ „Indigent" Мерсье, пьесѣ, запрещенной за то, что въ ней изображена нищета народа; вскорѣ Марія-Антуанета добивается отъ короля снятія запрета съ пьесъ Бомарше. Разрѣшено нѣсколько запрещенныхъ пьесъ, Марэнъ замѣненъ Кребильономъ младшимъ, авторомъ весьма легкихъ произведеній, непристойность которыхъ очень мало пугала тогдашнее общество. Наконецъ, 23 февраля 1775 года парижане присутствуютъ

при историческомъ событіи: первомъ представленіи *Севильскаго Цирюльника*. Политическая сатира—мы это видѣли—не была новостью для французскаго театра; фарсы четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ, революціонныя пьесы Лиги, достойныя современницы Мениппової Сатиры, были достойными предшественницами пьесы Бомарше. Но уже болѣе двухъ вѣковъ эта традиція была прервана, сцена не знала сатиры и знала лишь безсильные намеки, выраженные рабьимъ языкомъ. Иногда нападали на людей—не касались принципа. Бомарше не только позволилъ себѣ критику самаго принципа: онъ вынесъ ее на улицу. „Комедія напала на учрежденія; она вывела ихъ на сцену и подвергла самому страшному испытанію—испытанію, ежедневно обновляющемуся предъ новыми зрителями".

Однако, новый эры не было. Когда Кребильонъ нашелъ возможнымъ пропустить *Monsieur Peteau* Эмбера—пьесу, съ панегирикомъ Людовику XVI совмѣщающую жестокую сатиру на Людовика XV,—автора вмѣстѣ съ исполнительницей главной роли засадили, а цензора временно отставили. Кребильонъ подалъ въ отставку.

Его смѣнилъ академикъ Сюаръ, довольно безпристрастный—до приказа полученнаго имъ отъ короля, котораго, очевидно, скоро утомила свобода. „Наша театральная политика", — писалъ въ 1783 году Гриммъ по поводу запрещенія *Донъ Карлоса*,—„никогда не пользовалась вниманіемъ, болѣе пристальнымъ, болѣе высокимъ, болѣе мелочнымъ. Новая трагедія—это государственное дѣло, вызывающее самые серьезные переговоры. Необходимо справиться съ мнѣніемъ королевскихъ министровъ и посланниковъ всѣхъ державъ, которыя можно считать заинтересованными, и лишь съ одобренія всѣхъ этихъ господъ бѣдный авторъ получаетъ, наконецъ, разрѣшеніе отдать свое произведеніе въ жертву свисткамъ или рукоплесканіямъ партера".

Jeanne de Naples Лагарпа искажена сообразно указаніямъ архіепископа парижскаго; любопытно, что онъ настаивалъ на постановкѣ другой пьесы, которую Comédie Française отвергла, найдя ее слишкомъ фривольной. *Марія Стюартъ*, *Зораи*, *Марія Брабантская* Эмбера запрещены. „Мало написать во Франціи драму,—восклицаетъ М.-Ж. Шенье,—мало преодолѣть всѣ интриги, непріятности, козни, неотдѣлимыя отъ карьеры драматурга; мало претерпѣть самыя невообразимыя униженія: чтобы довести пьесу до постановки, необходимо взобраться со ступеньки на ступеньку на цѣлую лѣстницу, отъ г. королевскаго цензора къ г. начальнику полиціи; иногда къ г. завѣдующему книжной торговлей; иногда къ министру юстиціи. Это для простого разрѣшенія; если вы добиваетесь, чтобы вашу пьесу поставили въ придворномъ театрѣ, придется взобраться по другой лѣстницѣ"...

Съ 1781 года начинаются знаменитыя пререканія изъ-за

Свадьбы Фигаро. Съ нашей точки зрѣнія эта комедія можетъ быть, чѣмъ угодно; въ тотъ критической моментъ она была революціонной. Людовикъ XVI это понялъ. Королева отстаивала пьесу; король слушалъ комедію въ чтеніи г-жи Кампанъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Фигаро объясняетъ, какъ его мечтанія закончатся тюрьмой, король всталъ.

„Это ужасно",—сказалъ онъ,—„это немыслимо говорить со сцены; пришлось бы разрушить Бастилію, чтобы представленіе этой пьесы не оказалось опасной непослѣдовательностью".

Король былъ правъ, но эта опасная непослѣдовательность была совершена черезъ три года. Не смотря на вторичное неодобреніе цензуры, запрещеніе не могло устоять предъ натискомъ общественнаго мнѣнія. Куплеты изъ пьесы распѣвали при дворѣ и на улицѣ; высшая аристократія, съ принцами крови во главѣ, повторяла тирады о деспотизмѣ и тираніи. Комедія выдержала шестьдесятъ восемь представленій — успѣхъ необычайный для того времени.

Эта побѣда новаго духа на сценѣ была послѣдней—до взятія Бастиліи. *Генрихъ VIII* и *Карлъ IX* Андре Шенье были запрещены. Публика успѣла еще, однако, отозваться бѣшеными апплодисментами на эффектную тираду въ *Антигонѣ* Дуаньи де-Понсо.

> La voix des courtisans soutient d'injustes lois
> Quand le peuple se tait, il condamne les rois.

Въ *Roi Théodore* король совѣщается съ приближенными, какъ достать денегъ.

— Соберите нотаблей!—раздался крикъ въ партерѣ. Громъ рукоплесканій огласилъ залу.

Въ этомъ настроеніи запреты были безсильны. Во всемъ видѣли намеки; чтобы возвратить зрителямъ способность видѣть въ драмѣ художественное произведеніе, надо было прежде всего дать драмѣ возможность высказаться. Ждать было недолго.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что новая эра наступила сразу. Провозглашенная одновременно съ прочими вольностями въ ночь на 4 августа, свобода театра не тотчасъ нашла законодательное выраженіе. Сюаръ остался цензоромъ, но въ ожиданіи упраздненія своей должности былъ очень снисходителенъ. Сцена увидѣла рядъ пьесъ, бывшихъ еще такъ недавно подъ запретомъ. Однако, *Карлъ IX* все еще не былъ разрѣшенъ: снятіе запрещенія зависѣло теперь отъ муниципалитета, и парижскій мэръ Байльи считалъ драму Шенье не безопасной. Общественное мнѣніе было взволновано. Поэтъ не оставался въ бездѣйствіи; онъ обратился къ публикѣ съ „Опытомъ о свободѣ театра во Франціи" и къ представителямъ общины съ новымъ ходатайствомъ. „Граждане должны быть подчинены только закону,—говорилъ онъ при этомъ,—а мнѣніе одного или нѣсколькихъ человѣкъ еще не законъ. Рѣчь идетъ

не о перемѣнѣ цензоровъ, а объ отмѣнѣ цензуры. Если, къ несчастію,—что я считаю невѣроятнымъ — вы сочтете представленіе этой пьесы теперь опаснымъ, я позволю себѣ просить васъ сдѣлать извѣстными ваши мотивы, чтобы я могъ отвѣтить на нихъ публично. Я глубоко уважаю васъ, но еще больше уважаю справедливость и истину. Ваше уваженіе мнѣ дорого, но еще дороже уваженіе общества, которое вы представляете". Наконецъ, пьеса была разрѣшена. Безпорядковъ боялись настолько, что на первое представленіе, 4 ноября,—почти всѣ зрители явились съ пистолетами въ карманѣ. Исполнительница роли Катерины Медичи была предупреждена, что въ нее выстрѣлятъ. Все обошлось очень тихо,—если не считать одного любопытнаго эпизода: во время четвертаго акта одинъ почтенный парижскій коммерсантъ предложилъ назвать пьесу *Школа королей* — и авторъ принялъ это заглавіе. Въ изданіи 1789 года онъ посвятилъ это „твореніе свободнаго человѣка народу, ставшему свободнымъ". Онъ гордится тѣмъ, что порвалъ съ тягостной традиціей тѣхъ временъ, когда для спасенія своихъ пьесъ Корнель вынужденъ былъ сравнивать Мазарини съ Цезаремъ, а Вольтеръ посвящалъ свою трагедію любовницамъ Людовика XV. Поэтъ объясняетъ, что написалъ во время стараго режима пьесу, исполненіе которой стало лишь теперь возможнымъ. Быть можетъ, оно ужъ не нужно? Нѣтъ, живъ еще фанатизмъ, и его надо уничтожить. Онъ пишетъ пошлыя брошюрки и диктуетъ епископскія посланія противъ національнаго собранія. Необходимо на сценѣ заклеймить убійцъ Варѳоломеевской ночи. Новая политическая жизнь даетъ этой пьесѣ новое содержаніе — весь народъ долженъ ее видѣть. — Поэтъ приглашаетъ на представленіе даже короля: „О Людовикъ XVI, король, полный справедливости и благости, вы—достойный глава французовъ. Но злодѣи всегда старались отдѣлить васъ стѣною отъ вашего народа. Они стараются васъ убѣдить, что народъ васъ не любитъ. О, придите въ театръ на *Карла IX*: вы услышите привѣтственные возгласы французовъ; вы увидите на ихъ глазахъ слезы нѣжности; вы будете наслаждаться энтузіазмомъ, который внушаютъ имъ ваши доблести; и авторъ - патріотъ пожнетъ лучшіе плоды своего труда". Кровожадный король и священнослужитель, организующій убійство, — этого было достаточно, чтобы оправдать запрещеніе до взятія Бастиліи; послѣ 4 августа этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы обезпечить пьесѣ шумный успѣхъ.

Затѣмъ, событія смѣняются съ головокружительной быстротой—и судьбы сцены слѣдуютъ за ними.

Comédie Française оставалась роялистской; въ дни, когда всѣ театры давали „патріотическія" пьесы, она ставила произведенія, пріятныя въ Тюильери. Однажды во время представленія роялистской *Siège de Calais*, когда публика шумѣла и освистывала

авторовъ и репертуаръ французской комедіи, Мирабо всталъ въ своей ложѣ и потребовалъ исполненія *Ecole des Rois*. Народъ рукоплескалъ, а актеры повиновались, но поссорились съ Тальма, котораго обвинили въ томъ, что онъ возбудилъ публику. Народныя симпатіи возвратились къ Comédie Française значительно позже, когда ея артисты, помирившись съ Тальма, ввели въ свой репертуаръ такія пьесы, какъ *la Liberté conquise ou le Despotisme renversé*.

24 августа 1790 г. была представлена національному собранію написанная Лагарпомъ петиція отъ имени драматическихъ писателей; она требовала разрѣшенія играть *все* и *вездѣ*. Подъ нею были подписи Шамфора, Дюси, Колло д'Эрбуа, М.-Ж. Шенье, Бомарше. Черезъ два мѣсяца коммиссія, назначенная законодательной коллегіей, закончила свой докладъ, по которому предполагалось разрѣшить всякому устраивать зрѣлища и играть, что угодно, подъ наблюденіемъ полиціи. Вопросъ обсуждался 13 января 1791 года и вызвалъ рѣчи Робеспьера, Мирабо и аббата Мори. Послѣдній защищалъ цензуру; онъ указывалъ на то, что „наблюденіе полиціи“, о которомъ говоритъ докладъ коммиссіи, не опредѣлено никакимъ закономъ; между тѣмъ, свобода театра можетъ явиться источникомъ злоупотребленій. Мирабо, возражая, говорилъ, что нельзя предупреждать злоупотребленія, ограничивая свободу. Робеспьеръ присоединился къ нему, рѣшительно утверждая, что только общественное мнѣніе можетъ быть судьей того, что соотвѣтствуетъ общему благу. „Невозможно посредствомъ неопредѣленнаго указанія вручать чиновнику право одобрять или отвергать то, что ему нравится или не нравится. Это покровительство частнымъ интересамъ, а не общественной нравственности“.

Въ заключеніе этихъ дебатовъ былъ вотированъ законъ, по которому всякій гражданинъ можетъ устраивать театръ и играть какія угодно пьесы, заявивъ предварительно муниципалитету. По статьѣ 6 этого закона чиновники муниципалитета, исключительному вѣдѣнію котораго подчинено театральное дѣло, „не могутъ ни пріостанавливать, ни воспрещать исполненіе пьесы,— *независимо отъ отвѣтственности авторовъ и актеровъ*“.

Послѣдняя оговорка послужила легальной основой для всѣхъ преслѣдованій театра и его дѣятелей со стороны революціоннаго правительства.

Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ театръ пользовался полной свободой. Особенныхъ злоупотребленій—если принять къ тому же во вниманіе естественную реакцію послѣ долгаго гнета и лихорадочное настроеніе эпохи — за этотъ періодъ не было. Нѣкоторыя пьесы необходимо было запретить послѣ перваго представленія. Но злоупотребленія лучше произвола: революціонная цензура показала это въ достаточной степени.

Предположенныя мѣры не были приняты. Театры обратились

въ клубы, гдѣ совершался обмѣнъ мнѣній, и публика громко принимала ту или другую сторону. За нѣсколько дней до проведенія закона о театрѣ была поставлена пятиактная героическая драма „Обрѣтенная свобода или низвергнутый деспотизмъ"— произведеніе болѣе революціонное, чѣмъ талантливое. Это было перенесеніе на сцену взятія Бастиліи со всей помпой, доступной тогдашней сценѣ, вплоть до канонады, патріотическихъ хоровъ и иллюминаціи. Энтузіазмъ публики былъ неописуемъ. Когда на сценѣ инсургенты предъ аттакой крѣпости приносили клятву, весь залъ вставалъ и, бросая на воздухъ шапки и платки, повторялъ громогласно ту же клятву при крикахъ: да здравствуетъ король! Да здравствуетъ народъ! Въ заключеніе автора, стараго и бездарнаго Гарни, на сценѣ увѣнчали лаврами подобно Вольтеру. Гарни послѣ многихъ лѣтъ неизвѣстности ждала европейская слава,—если не литературная, то политическая. Его рѣшили впослѣдствіи наградить за его добрыя намѣренія — и отблагодарили: въ спискѣ членовъ страшнаго революціоннаго трибунала мы находимъ имя стараго благодушнаго поэта.

Лавры Гарни вызвали, конечно, соревнованіе. Участникъ взятія Бастиліи Пьеръ-Матье Парэнъ посвятилъ свои силы драматической литературѣ. „Послѣ того, какъ я дрался подъ стѣнами этой крѣпости, я нашелъ, что не могу сдѣлать ничего лучше, какъ изобразить это великое событіе на сценѣ". Муниципалитетъ задержалъ пьесу, но затѣмъ и она увидѣла сцену.

До сихъ поръ пьесы революціи были чужды личныхъ нападокъ на короля. Восторгались взятіемъ Бастиліи и считали Людовика XVI причастнымъ восторгу народа, которому онъ далъ новую жизнь. Но за этимъ медовымъ мѣсяцемъ конституціонной монархіи послѣдовало скорое разочарованіе. Бѣгство и арестъ короля не замедлили вызвать соотвѣтственную пьесу; полицейскій коммиссаръ получилъ приказъ быть на первомъ представленіи и проконтролировать, возможны ли дальнѣйшія. „Не смотря на узаконенную свободу театра,—сказано въ рапортѣ,—эта свобода должна имѣть границы; и могло бы вызвать чрезвычайныя неудобства изображеніе на сценѣ того, что уже возбудило такое недовольство". Такимъ образомъ, во исполненіе закона 1791 года, муниципалитетъ считалъ себя въ правѣ цензуровать пьесы послѣ перваго представленія. Вскорѣ онъ прямо нарушилъ законъ о театрѣ, запретивъ оперу Гофмана *Адріанъ* на томъ основаніи, что она представляетъ зрѣлище торжествующаго императора и можетъ нарушить общественное спокойствіе. „Г. Манюэль"—разсказываетъ авторъ *Sabbates Jacobites*,—„въ качествѣ синдика-прокурора парижской коммуны и врага всѣхъ королей, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ, собираетъ муниципальный совѣтъ и доказываетъ ему въ рѣчи столь же длинной, сколько педантической, что все противозаконно въ *Адріанѣ* — балеты, текстъ, му-

зыка, декораціи и даже лошади, запряженныя въ колесницу императора".

Гофманъ просилъ Давида заступиться, но ему отвѣтили:—мы скорѣе сожжемъ оперу, чѣмъ увидимъ на ея сценѣ тріумфъ императора.

Всѣ хлопоты Гофмана были безуспѣшны: муниципалитетъ понималъ защиту свободы довольно своеобразно. Конвенту пришлось разъяснить ему его права и смыслъ закона 1791 года. Поводомъ для этого послужила комедія Лэйа *Другъ законовъ*, представленная въ Comédie Française и довольно ядовито обличавшая „красныхъ іезуитовъ"—кровожадныхъ и прямолинейно-деспотическихъ дѣятелей террора. Пьеса попала въ больное мѣсто и имѣла успѣхъ. Народъ, уже устрашенный потоками крови, которыми была залита его юная свобода, откликнулся всѣмъ сердцемъ на смѣлыя обличенія Лэйа. Съ полудня народъ толпился ежедневно по прилегающимъ къ театру улицамъ; на каждомъ представленіи автора вызывали и привѣтствовали громомъ рукоплесканій. Якобинцы сперва были ошеломлены, но затѣмъ опомнились и, съ рѣшительностью людей, которымъ терять нечего, запретили дальнѣйшія представленія и заявили, что партеръ состоитъ изъ роялистовъ и эмигрантовъ. Но авторъ — искренній республиканецъ и „другъ законовъ", а не революціоннаго произвола—былъ такъ же энергиченъ, какъ и его публика. Когда 12 января со сцены прочитали запрещеніе муниципалитета, зрители освистали сперва читавшаго актера, затѣмъ Сантерра, послѣ него мэра Шамбона—и требовали пьесу Лэйа. Самъ Лэйа, посвятившій свое произведеніе конвенту, обратился къ нему съ негодующимъ протестомъ. „Фальшивые монетчики патріотизма притворились,—писалъ онъ,—будто я изобразилъ не ихъ, а честнѣйшихъ патріотовъ. Такъ при Мольерѣ тартюфы заявляли, что поэтъ притворяется благочестивымъ человѣкомъ. Что я сдѣлалъ? Я заклеймилъ клеймомъ безчестія анархистовъ". Онъ указывалъ на то, что безпорядки, на которые ссылается коммуна, вызваны не пьесой, а ея запрещеніемъ, объявленнымъ къ тому же передъ пятымъ представленіемъ. „Не возрождается ли старая полиція? Или она забыла, что и предъ версальскими деспотами ежедневно играли *Брута*, *Смерть Цезаря* и *Вильгельма Телля*?.. До чего же мы дошли, о граждане, если наказанію подлежитъ тотъ, кто проповѣдуетъ повиновеніе законамъ? Нѣтъ, я не писалъ сатиру на личности. Я не видѣлъ того или этого—я видѣлъ людей... На меня нападаютъ лишь тѣ, кому выгодно, чтобы народъ былъ золъ, ибо я доказалъ, что онъ добръ, и отомстилъ за клеветы, которыя приписываютъ ему разбойничьи преступленія".

Въ то же время парижскій мэръ писалъ предсѣдателю конвента: „Господинъ президентъ, я задержанъ въ Théâtre Français народомъ, который хочетъ, чтобы пьеса *Ami des lois* была испол-

нена. Распоряженіе муниципальнаго собранія, соотвѣтственное приказу общаго совѣта, возбуждаетъ умы. Депутація гражданъ направляется теперь къ національному собранію. Прошу васъ отнестись со вниманіемъ къ ходатайству, исхода котораго народъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Я убѣжденъ, что надежда на благопріятное рѣшеніе есть единственная причина, удерживающая толпу у театра".

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія собраніе признало, что закона, дающаго городскому управленію право театральной цензуры, не существуетъ. Пьеса была пропущена,—но дѣло Лэйа еще не выиграно. Приказомъ 14 января исполнительный совѣтъ разрѣшалъ продолжать спектакли, но—во имя общественнаго спокойствія—обязывалъ директоровъ театровъ избѣгать пьесъ, которыя до сихъ поръ вызывали безпорядки и могли ихъ возобновить. Это было запрещеніе *Друга законовъ.*

Черезъ два дня это распоряженіе было кассировано конвентомъ на томъ основаніи, что оно даетъ мѣсто произвольному усмотрѣнію и противорѣчитъ закону о томъ, что пьеса не можетъ быть запрещена. Однако, до полной побѣды было все еще далеко. Гибель Людовика XVI послужила для муниципалитета удобнымъ поводомъ „поддержать порядокъ"—штыками. Театръ былъ окруженъ національной гвардіей и даже пушками. Актеры отказались играть; народъ упорствовалъ; тогда войска вошли въ залъ. Народъ кричалъ имъ: „долой убійцъ 2 сентября"! Одинъ молодой человѣкъ взобрался на сцену и среди неописуемаго энтузіазма прочелъ пьесу. Но больше ея не ставили, а Лэйа благоразумно скрылся, основательно боясь мести: самъ Дантонъ предложилъ ему убѣжище.

Повторялась обычная психологія: публика сдѣлалась раздражительно чуткой, правительство — раздражительно - воспріимчивымъ, непослѣдовательнымъ и грубымъ. Громъ аплодисментовъ вызвало въ безобидной *Chaste Susanne* замѣчаніе: „Вы обвинители—и потому не годитесь въ судьи": оно напоминало одно изъ возраженій защитника казненнаго короля. По требованію якобинцевъ эта фраза—и нѣкоторыя другія—были устранены. Это было уже недалеко отъ предварительной цензуры. Конвентъ пошелъ дальше. Возмущенный *Меропой*, гдѣ королева позволяетъ себѣ оплакивать своего мужа и призывать своихъ отсутствующихъ братьевъ, конвентъ, по предложенію Буасси д'Англа, поручилъ комитету народнаго просвѣщенія представить ему докладъ о наблюденіи за зрѣлищами,—и декретъ 2 августа 1793 года, принимая во вниманіе, что театры „слишкомъ часто служили тираніи", постановляетъ, что три раза въ недѣлю они будутъ ставить трагедіи *Брута*, *Вильгельма Телля* и *Кая Гракха* и иныя пьесы, прославляющія доблести защитниковъ свободы; театръ, гдѣ будутъ исполняться пьесы, стремящіяся къ порчѣ общественнаго духа

будетъ закрытъ, а директоръ его заключенъ и наказанъ по всей строгости законовъ.

За нѣсколько дней до изданія этого декрета была поставлена пьеса Франца де-Нефшато *Памела*. Она имѣла слабый успѣхъ и не привлекла бы ничьего вниманія, если бы въ ней не выступали дѣйствующія лица, — украшенныя англійскими орденами. Якобинцы взволновались; пьеса, обвиненная въ прославленіи англичанъ и въ стремленіи возбудить сожалѣніе о привилегіяхъ дворянства, была запрещена послѣ восьми мирныхъ представленій и затѣмъ разрѣшена послѣ цензурныхъ исправленій. Этимъ дѣло могло бы кончиться. Но публика слишкомъ настойчиво апплодировала стихамъ:

Ah! les persecuteurs sont les seuls condamnables
Et les plus tolérants sont les plus raisonables.

Въ отвѣтъ на рукоплесканія изъ партера раздался суровый возгласъ:

— Долой политическую терпимость; эта терпимость—преступленіе.

Общій свистъ былъ отвѣтомъ на это философское замѣчаніе. Но Salut public—органъ якобинскаго правительства,—поддержалъ освистаннаго патріота. Его освистали въ театрѣ Comédie Française—теперь онъ назывался Théâtre de la Nation—„гдѣ всегда господствовали прусскія и австрійскія козни, гдѣ покойный королекъ находилъ гнуснѣйшихъ изъ своихъ льстецовъ, гдѣ со временъ дрянного *Друга законовъ* точился кинжалъ, поразившій Марата. Я требую поэтому

Чтобъ гнусный сей сераль былъ запертъ навсегда;

чтобы онъ былъ замѣненъ клубомъ санкюлотовъ; чтобы всѣ комедіанты театра, важничавшіе своимъ аристократическимъ видомъ и по своему поведенію несомнѣнно относящіеся къ разряду подозрительныхъ, были посажены въ тюрьму; чтобы, наконецъ, гражданинъ Франсуа придалъ своей философіи направленіе болѣе революціонное“.

Голосъ оффиціоза былъ услышанъ: такъ и было сдѣлано. Актеры были арестованы, театръ закрытъ, а конвентъ одобрилъ эти распоряженія послѣ доклада Баррера, гдѣ говорилось: „Самыя возвышенныя истины морали вложены въ этой пьесѣ въ уста лорда; въ ней раздаются похвалы англійскому правительству—и какой моментъ избранъ для этого? Моментъ, когда герцогъ Іоркскій опустошаетъ нашу землю. Что касается актеровъ, то *возможно*, что нѣкоторые изъ нихъ въ согласіи съ врагами свободы пытались извратить общественный духъ“.

26 апрѣля 1794 года циркуляръ высшей полиціи вмѣнилъ въ обязанность директорамъ театровъ немедленно устранить изъ

всѣхъ ихъ пьесъ въ прозѣ или стихахъ всякіе титулы герцоговъ, бароновъ, маркизовъ, графовъ, мосье, мадамъ и иныя осужденныя званія, „ибо всѣ эти феодальныя наименованія исходятъ изъ источника слишкомъ грязнаго, чтобы далѣе осквернять ими французскую сцену“.

Оставалось возстановить предварительную цензуру. Декретъ 14 мая 1794 года отъ имени конвента поручилъ ее для Парижа вѣдомству народнаго просвѣщенія. 27 нивоза эти распоряженія были распространены на всю республику и подтверждены указомъ 25 плювіоза IV года, которымъ предписывалось полиціи слѣдить и запрещать пьесы, могущія нарушить общественное спокойствіе.

Едва ли когда-либо цензура была болѣе своевольна, чѣмъ въ это боевое время. Изъ полутораста пьесъ, разсмотрѣнныхъ за три мѣсяца, запрещено тридцать три и исковеркано двадцать пять. Почти всѣ комедіи Мольера, *Магометъ* Вольтера, старый *Адвокатъ Патлэнъ*, *Андромаха*, *Федра*, *Британникъ*—все кажется опаснымъ властямъ, которымъ содѣйствуютъ въ сыскѣ якобинскій клубъ и парижская коммуна. За то подъ давленіемъ Горы театры принимали самыя нелѣпыя пьесы. Классическій репертуаръ подвергся обработкѣ. Маркизъ и виконтъ выброшены изъ *Мизантропа*. Въ *Menteur* Корнеля place Royale переименована, какъ и въ дѣйствительности, въ place des Piques; вмѣсто *шахъ королю* заставляютъ на сценѣ говорить *шахъ тирану*. Гойе, предсѣдатель революціоннаго суда, передѣлываетъ рѣчь Антонія въ *Смерти Цезаря*, находя ее слишкомъ умѣренной.

Наряду съ этимъ разрѣшались пьесы невѣроятно распущеннаго и грязнаго содержанія. Революціонный репертуаръ не разъ приводился въ примѣръ того, до чего можетъ дойти въ своихъ неистовствахъ распущенная свободой сцена. Трудно представить себѣ что-либо болѣе невѣрное исторически и теоретически. Театръ революціи былъ огражденъ отъ свободы самой деспотической цензурой; она мѣшала ему быть роялистскимъ, но не мѣшала быть гнуснымъ. Театръ, какъ и все прочее, есть созданіе общества, для котораго созданъ.

Это показала въ достаточной мѣрѣ Директорія. Она облегчила общій гнетъ и устранила страшный взаимный сыскъ; ея цензура—въ соотвѣтствіи съ нравами—была, если это возможно, еще снисходительнѣе къ вопросамъ приличія, но такъ же сурова къ индивидуальнымъ воззрѣніямъ на политику. Сурова, но еще болѣе безсмысленно придирчива. Прежде всего законъ предписалъ исполненіе „патріотическихъ“ пьесъ. Декретъ 18 нивоза IV года обязывалъ всѣхъ антрепренеровъ, директоровъ и устроителей зрѣлищъ въ Парижѣ, подъ ихъ личной отвѣтственностью, чтобы ежедневно предъ поднятіемъ занавѣса оркестръ исполнялъ любимыя республиканскія пьесы, какъ-то: *Марсельезу*, *Ça ira*, *Veillons*

au salut de l'Empire и *Le chant du Départ*. Въ антрактахъ слѣдуетъ пѣть *Марсельезу*. Строго воспрещается пѣть или допускать пѣть разбойничью арію, подъ названіемъ *Le réveil du peuple*. Министръ полиціи даетъ болѣе опредѣленныя указанія относительно ареста тѣхъ, которые во время зрѣлищъ будутъ рѣчами призывать къ возвращенію монархіи, уничтоженію законодательнаго корпуса, возбуждать народъ къ возмущенію, нарушать порядокъ и общественное спокойствіе. Актерамъ воспрещено называть другъ друга monsieur и madame въ пьесахъ, написанныхъ ранѣе 1792 года. Федра объясняется въ своей страсти къ Ипполиту, прижимая руку къ груди, украшенной огромной трехцвѣтной какардой. Въ одной пьесѣ одно лицо даетъ другому десять луидоровъ. „Къ чему,—говоритъ полицейскій рапортъ,—эта монета, напоминающая роялистамъ ихъ идола? Развѣ авторъ не могъ здѣсь просто употребить слово кошелекъ?“ Наконецъ, запрещена *Заира* Вольтера, заподозрѣннаго въ клерикализмѣ. Причудливы извивы исторіи!

Наоборотъ, осмѣивать якобинцевъ отнынѣ разрѣшается. Авторъ бездѣлушки *Plus des mandarins* заявляетъ въ предисловіи: „Я посвятилъ три года на изученіе исторіи революцій и утверждаю, что не нашелъ ни одной, отмѣченной терроромъ и кровью, которыми эти гнусные якобинцы заклеймили идеи 89 года“. Полицейскій отзывъ о *дозволенной* комедіи *Годъ II или революціонный судъ* гласитъ: „Ужасающее изображеніе кровавой и губительной системы тирановъ II года, изображеніе трибунала, виновнаго въ стольких ужасахъ, которымъ не посмѣетъ повѣрить потомство, разоблаченіе презрѣннѣйшихъ интригановъ: вотъ содержаніе труда гражданина Дюканселя“. Но якобинцы еще боролись за себя и объявили, что кровь обагритъ представленіе; „они достаточно пролили крови, чтобы повѣрить имъ на слово“, замѣчаетъ историкъ. Пьеса была снята. Насмѣшками надъ революціонной тираніей отличались особенно веселыя и ядовитыя пьески Мартэнвилля; одну изъ нихъ запретили. Авторъ отправился въ центральное управленіе полиціи и нашумѣлъ тамъ. Онъ говорилъ, что его пьеса будетъ поставлена во что бы то ни стало: „публика ея требуетъ, вы не смѣете ее лишать этого“. Секретарь высшаго учрежденія имѣлъ неблагоразуміе разсердиться и вскричалъ въ отвѣтъ:

— Да что мнѣ ваша публика? Плюю я на нее!

Лучшаго результата, чѣмъ эта фраза, Мартенвилль, конечно, не могъ добиться и не замедлилъ воспользоваться драгоцѣнной добычей. Въ тотъ же день онъ напечаталъ въ газетахъ объявленіе, гдѣ, между прочимъ, говорилъ: „Публика, на которую онъ плюетъ и которая, я надѣюсь, платитъ ему тѣмъ же, вчера громогласно требовала запрещенную пьесу. Я, который не служу въ центральной полиціи и не плюю на публику, напечаталъ пьесу,

чтобы дать всѣмъ возможность судить о ней. Она продается тамъ-то и тамъ-то".

Проявленія общественнаго недовольства становились все чаще и рѣзче. Марсельеза исполнялась въ антрактахъ по распоряженію начальства, но пѣвецъ Дюшомъ въ театрѣ Водевиль при словахъ:

Tremblez tyrans, et vous perfides!

—всякій разъ указывалъ на ту часть партера, гдѣ собирались якобинцы, и публика апплодировала. Такихъ мелкихъ фактовъ было множество, и правительство не подозрѣвало ихъ значенія. Его неловкая, непослѣдовательная и безпокойная политика закончилась гибелью столь долго жданной и столь дорого стоившей свободы. Какъ мы видѣли, во всей полнотѣ ея никогда и не было.

Нечего было ея ожидать и при смѣнившихъ директорію условіяхъ; консулъ Бонапарте и имперія Наполеона могли быть только эпохой заказной и казенной литературы. Черезъ нѣсколько дней послѣ 18 брюмера полицейская цензура получила поддержку въ цензурѣ вновь созданнаго bureau des moeurs, которое обратилось къ театральнымъ антрепренерамъ съ приказомъ снять съ репертуара пьесы, которыя могли бы явиться предметомъ *разногласій*, и подвергать предварительной цензурѣ всѣ пьесы, имѣющія отношеніе къ французской революціи. „Мы думаемъ, что для осуществленія благодѣтельнаго нравственнаго надзора за театрами необходимо, чтобы театральныя новости представлялись намъ ранѣе исполненія". Въ апрѣлѣ 1800 года министръ внутреннихъ дѣлъ — тогда Люсьенъ Бонапарте — по распоряженію консуловъ извѣстилъ театральныхъ антрепренеровъ, что безъ его разрѣшенія не можетъ быть поставлена ни одна пьеса. Начальникъ департамента народного просвѣщенія несетъ личную отвѣтственность за все, что въ новыхъ пьесахъ окажется противнымъ добрымъ нравамъ или основамъ общественнаго договора. Въ 1804 году этотъ администраторъ обязалъ антрепренеровъ представлять въ министерство ихъ трехмѣсячный репертуаръ для предварительнаго одобренія. Когда въ томъ же году министромъ полиціи сдѣлался Фуше, завѣдываніе театрами перешло въ его вѣдомство. Декретъ 1806 года, подтвердивъ, что всякая пьеса отнынѣ подлежитъ предварительной цензурѣ министра полиціи, присовокупилъ, что никакой театръ не можетъ быть открытъ въ Парижѣ безъ разрѣшенія самого императора. Число театровъ ограничено двумя въ большихъ городахъ и однимъ въ малыхъ. По указу 25 апрѣля 1807 года театры были раздѣлены на большіе и второстепенные; каждой группѣ былъ опредѣленъ соотвѣтственный ея значенію репертуаръ, изъ котораго не смѣетъ выйти ни одинъ театръ. За этимъ слѣдитъ министръ внутренних дѣлъ, надзоръ котораго не зависимъ отъ цензуры министерства полиціи,

Въ мартѣ того же года императоръ писалъ Жозефинѣ: „Другъ мой, не слѣдуетъ бывать въ мелкихъ театрахъ — это не соотвѣтствуетъ вашему положенію“, а въ августѣ было закрыто въ Парижѣ 22 второстепенныхъ театра. Это, конечно, значительно облегчило задачу цензуры, однако не устранило всѣхъ трудностей. Репертуаръ—по желанію Наполеона—былъ торжественно-скученъ и состоялъ изъ высоко-классическихъ пьесъ. Чиновники цензуры не всегда удовлетворяли Наполеона. Одинъ изъ нихъ писалъ о *Танкредѣ* и *Тартюфѣ*, предназначенныхъ для репертуара Comédie Française: „Первая изъ этихъ пьесъ должна быть запрещена по той причинѣ, что въ ней изгнанный изъ государства возвращается на родину безъ предварительнаго разрѣшенія правительства; вторая—потому, что она можетъ быть непріятна духовенству, а конкордатъ, возстановляющій его во Франціи, имѣетъ главной цѣлью устранить всякіе поводы къ раздору между властью духовной и свѣтской“. Это было ужъ слишкомъ глупо, и Бонапарте приказалъ перевести проницательнаго администратора въ другое вѣдомство. Позже, однако, ему случалось выслушивать и одобрять такіе же доклады. Драма *Edouard en Ecosse* запрещена потому, что ея герой, въ отвѣтъ на тостъ „пью за гибель сторонниковъ Стюартовъ“, возражаетъ: „Я не пью ни за чью гибель“. Эту фразу выкинули, но замѣнившій ее жестъ героя, безмолвно разбивающаго свой бокалъ, вызвалъ еще болѣе демонстративное одобреніе роялистовъ и еще большее раздраженіе перваго консула, отъ мести котораго автору пришлось бѣжать въ Россію; здѣсь онъ былъ вознагражденъ и обласканъ. Шумъ, поднятый этой исторіей, еще не утихъ, когда неловкіе друзья Бонапарте создали новой скандалъ, донеся, что въ пьесѣ *Antichambre* три лакея напоминаютъ костюмомъ трехъ консуловъ, а актеръ Шенаръ копируетъ манеры генерала Бонапарте. Генералъ объявилъ, что если сообщеніе объ одеждѣ консуловъ вѣрно, ее сорветъ съ актеровъ палачъ; автора отправили на Санъ-Доминго; цензора уволили. Все это оказалось продуктомъ подозрительности: лакеи были въ простыхъ ливреяхъ, пьеса написана до Консульства. Автора вернули, пьесу разрѣшили, но дѣйствіе ея перенесли въ Испанію. Проходимъ рядъ запрещеній, отмѣтивъ только, что въ пьесѣ *Maris en bonne fortune* приказали выкинуть фразу: „Начальникъ полиціи, который не слышитъ того, что говорятъ!.. У него такъ много сослуживцевъ, которые слышатъ то, чего не говорятъ“.

Въ 1804 году парижскій адвокатъ Боельдье издалъ этюдъ о „Вліяніи церковной и судебной каѳедры и театра въ гражданскомъ обществѣ“ и представилъ свою работу Камбасересу. Его идеи заслуживаютъ упоминанія, такъ какъ ихъ можно считать руководящими въ театральной политикѣ первой имперіи. „Сцена изуродована въ наши дни“,—пишетъ онъ,—„и мы нерѣдко вынуждены видѣть въ театрѣ убійцъ въ ихъ логовищахъ и сумасшед-

шихъ въ ихъ больницахъ. Не слѣдуетъ ли предоставить уголовнымъ судамъ заботу о расправѣ съ этими чудовищами, позорящими имя человѣка... Зачѣмъ намъ ходить въ театръ и смотрѣть тамъ *Разбойниковъ*? Это зрѣлище ужасно; оно омрачаетъ душу, оно угнетаетъ сердце и порождаетъ печальнѣйшія размышленія". Государство должно вступиться; если оно воспрещаетъ шарлатанамъ продавать ихъ ядовитыя лѣкарства, то какъ оно разрѣшаетъ всѣмъ и каждому обращаться безнаказанно въ проповѣдника тлетворной морали? Авторъ рекомендовалъ пьесы, гдѣ торжествуетъ всяческая добродѣтель и посрамляется порокъ. А Наполеонъ писалъ въ 1805 году „вѣрному" Фуше: „Передайте нимскому префекту, что я недоволенъ тѣмъ, что онъ разрѣшилъ вывести на сценѣ сестеръ милосердія; онѣ слишкомъ полезны для насъ, чтобы ихъ осмѣивать". Это одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ вмѣшательства императора въ дѣла театра, который онъ считалъ могучимъ средствомъ воздѣйствія на общественное мнѣніе. Поэтому онъ не только запретилъ пьесу члена конвента Лэньело *Ріэнци* за то, что она „обличаетъ преступное намѣреніе намекнуть на современное положеніе", но хотѣлъ также схватить автора. Авторъ имѣлъ благоразуміе скрыться, а въ ожиданіи, пока его разыщутъ, посадили въ тюрьму издательницу пьесы. Любопытное письмо къ министру полиціи хорошо выражаетъ воззрѣнія Наполеона на театръ:

«Миланъ, 1 іюля 1805 г.

„Мнѣ кажется, успѣхъ трагедіи *Templiers* обращаетъ умы къ этому моменту французской исторіи. Это хорошо, но я не думаю, чтобы теперь слѣдовало ставить пьесы, сюжеты которыхъ слишкомъ близки по времени къ намъ. Я читалъ въ газетѣ, что предполагаютъ поставить трагедію о Генрихѣ IV. Эта эпоха недостаточно удалена отъ насъ, чтобы не возбудить страсти. Сценѣ не помѣшаетъ немножко древности; не смущая театръ, я надѣюсь, вы сумѣете принять мѣры, не обличая своего вмѣшательства".

Не смотря, однако, на то, что сценѣ рекомендовалось „немножко древности", *Гоеолія* не была бы разрѣшена, если бы Лемонтэ не пришла въ голову геніальная идея подправить Расина.

Разводъ императора оказалъ необходимое воздѣйствіе на репертуаръ. Онъ сдѣлалъ выговоръ цензорамъ за то, что они допустили въ теченіе года играть *Cadet Roussel*, гдѣ герой говоритъ, что ему придется развестись и жениться на молодой женщинѣ, чтобы имѣть отъ нея наслѣдника. Промахи цензоровъ довели императора до рѣшенія самолично цѣнзировать пьесы; лишь недостатокъ времени помѣшалъ ему.

Цензура великаго завоевателя, разумѣется, шествовала вслѣдъ за его побѣдами. Генеральный коммиссаръ гамбургской полиціи получилъ въ 1810 году отъ министра слѣдущее распоряженіе: „Приглашаю васъ принять необходимыя мѣры для запрещенія

въ областяхъ, вновь присоединенныхъ къ имперіи, нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Вернера, Коцебу, Гете и Шиллера, явно нарушающихъ общественное спокойствіе, возбуждая неуваженіе къ законнымъ властямъ. Къ тому же, многія изъ этихъ пьесъ заключаютъ дерзкія сужденія о французскомъ правительствѣ и народѣ". Списокъ этихъ опасныхъ пьесъ начинается *Разбойниками*, *Маріей Стюартъ*, *Вильгельмомъ Теллемъ* и *Фаустомъ*".

Переходя за границы Франціи, наполеоновская драматическая цензура переступала также предѣлы своего назначенія: она вступала въ область литературной критики. „Мы должны заявить — находитъ цензурный докладъ о драмѣ *Clovis*, — что произведеніе это совершенно не обличаетъ драматическаго генія. Его развитіе запутанно и томительно. Нѣтъ подготовки къ катастрофѣ, нѣтъ положеній, возбуждающихъ интересъ и удивленіе. Не смотря на множество историческихъ подробностей, нагроможденныхъ здѣсь, Хлодвигъ этой трагедіи не напоминаетъ историческаго Хлодвига. Это безличный герой, абстрактно-великодушный, какихъ много. Стиль въ высшей степени вялъ и разсудочно-холоденъ". Быть можетъ, все это и основательно, но до этого не было дѣла наполеоновскому режиму. Ему, вообще, было мало дѣла до искусства; по удачному выраженію Наполеона, жандармы и епископы были его полиціей; драматурги должны были присоединиться—и *четырнадцать* пьесъ на рожденіе короля римскаго, исчерпывающія драматическое творчество Франціи за 1811 годъ, показываютъ, что драма была послушна. Но, конечно, не цензоры виновны въ томъ, что она была ничтожна. Драма реставраціи показала это въ достаточной мѣрѣ.

Конституціонная Хартія 1814 года не уничтожила драматическую цензуру. Статья, обезпечивавшая гражданамъ свободное выраженіе мыслей, давала драматургамъ право печатать свои произведенія безъ предварительнаго одобренія властей, но распространять эту свободу на драматическія представленія не было намѣренія у составителей роялистской конституціи. Наоборотъ, министерскія распоряженія 1822 и 1824 гг. подтвердили наполеоновскіе законы о драматической цензурѣ для провинціи. Быть можетъ, правительство имѣло основанія бояться эксцессовъ полной свободы, вдругъ смѣнившей гнетъ, тяготѣвшій цѣлое десятилѣтіе надъ сценой; въ такомъ случаѣ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, неуклонно расширяющимся либерализмомъ воспитать вчерашнихъ рабовъ къ разумной свободѣ. Но правительство возвращеннаго Бурбона не сумѣло быть свободомыслящимъ. Слишкомъ много горючаго матеріала накопили предыдущіе годы, слишкомъ много новыхъ идей и запросовъ впиталось въ населеніе. Надо было наскоро искоренять—гдѣ ужъ тутъ думать о воспитаніи.

Театръ считался, конечно, очагомъ якобинства. Запретили

Германика Арно не за содержаніе пьесы, но за то, что авторъ въ конвентѣ вотировалъ смерть Людовика XVI. Его изгнали, но онъ успѣлъ выяснить, что онъ даже не былъ членомъ конвента; тогда его помиловали. Сцену спѣшили очистить отъ всего, что могло напомнить ненавистное недавнее прошлое. Воспрещено со сцены произносить самыя названія Маренго и Аустерлица. Тальма, великолѣпно гримирующійся Наполеономъ, возбуждаетъ недовѣріе. Строгости, усилившіяся послѣ убійства герцога Беррійскаго, отражаются на печати и театрѣ. Даже Голлэ-Дюбо, сторонникъ цензуры, находитъ, что цензура Людовика XVIII переступала границы; съ благоразуміемъ теоретика онъ полагаетъ, что лучше не натягивать струну, которая можетъ лопнуть; но, вѣроятно, нѣтъ деспота, который не думалъ бы такъ же; въ жизни это не такъ просто.

Смерть узника св. Елены освободила реставраціонное правительство отъ кошмара—и театръ получилъ нѣсколько большую свободу. Публика также освобождается отъ реакціоннаго настроенія и готовится уже къ ирои-комическимъ эпизодамъ романтической борьбы. Партеръ Comédie Française шумно требуетъ отъ актеровъ произнесенія нѣсколькихъ репликъ, вычеркнутыхъ изъ *Женитьбы Фигаро* восемнадцать лѣтъ назадъ; буря свистковъ прогоняетъ растерявшихся актеровъ со сцены; полиція очищаетъ залъ. Въ 1822 году уже нельзя даже называть произведенія Вольтера; зрители бурно рукоплещутъ при упоминаніи на сценѣ его имени. Цензура отвѣчаетъ на это воспрещеніемъ *Cid d'Andalousie* за то, что король играетъ въ этой пьесѣ неблагодарную роль, и *Julius dans les Gaules* за то, что въ пьесѣ выведенъ императоръ-отступникъ.

Среди этихъ запрещеній послѣдняго Людовика смѣняетъ Карлъ X. Начало его правленія запечатлѣно неожиданнымъ свободомысліемъ. Цензура снисходительна настолько, что позволяетъ вывести себя въ водевилѣ, а публика апплодируетъ стихамъ:

> ....Plutôt que de subir un joug détesté
> J'irais dans les déserts chercher la liberté

въ пьесѣ *Цезарь, — цензора* Рояна. Но клерикалы вскорѣ овладѣли настроеніемъ короля—и вниманіе театральной цензуры было направлено на охрану благочестія; изъ *Tasse* Дюваля устранили нунція, изъ *Amy Kobsar*—епископовъ. Публика отвѣтила на это, создавъ новый и громадный успѣхъ *Тартюфу*.

Безпощадная къ антиклерикальнымъ вылазкамъ драмы, цензура была гораздо болѣе снисходительна къ пьесамъ политическимъ. Греческое возстаніе является превосходнымъ агитаціоннымъ пріемомъ противъ идей Священнаго союза. Министерство разрѣшаетъ *Мазаніелло*, *Нѣмую изъ Портичи* и *Марино Фалеріо*. *Маріонъ де Лормъ* Гюго показалась страшной. Но *Эрнани*, страшный

Эрнани, первое представленіе котораго осталось незабвеннымъ въ исторіи театра, литературы и общественности, былъ разрѣшенъ, судя по докладу цензора Бриффа, изъ презрѣнія. „Общая характеристика",—говоритъ этотъ прелестный документъ,—„можетъ дать лишь слабое представленіе о причудливости основной идеи и недостаткахъ ея выполненія. Она показалась мнѣ нагроможденіемъ чудачествъ, которымъ авторъ тщетно старается придать характеръ возвышеннаго, и которыя, однако, только тривіальны и прежде всего грубы. Пьеса переполнена неприличіями всѣхъ сортовъ. Король выражается, какъ бандитъ; бандитъ обходится съ королемъ, какъ съ разбойникомъ. Не смотря, однако, на такое множество существеннѣйшихъ недостатковъ, я полагалъ бы, что нѣтъ никакого препятствія къ разрѣшенію этой пьесы, и что, наоборотъ, было бы благоразумно съ политической точки зрѣнія не тронуть въ ней ни слова. Не мѣшаетъ, чтобы публика видѣла, до какого умопомраченія можетъ дойти разнузданная человѣческая мысль, не знающая сдержки ни въ какихъ правилахъ".

Разрѣшеніе „Эрнани" было несомнѣнно актомъ политическаго благоразумія. Знаменитая борьба косматыхъ поэтовъ, осѣненныхъ историческимъ краснымъ жилетомъ Теофиля Готье, конечно, не окончилась посрамленіемъ Гюго и романтическаго творчества, какъ предполагалъ дальновидный цензоръ. Но борьба изъ-за „Эрнани"—борьба по преимуществу литературная—отвлекла мысль отъ „Тартюфа". Да правительство и не вмѣшивалось въ дѣла литературныя. Когда семь академиковъ явились къ королю съ просьбой запретить отравленную романтизмомъ *Маріонъ де Лормъ*, Карлъ X тонко отвѣтилъ, что въ дѣлѣ театра его мѣсто—въ партерѣ. Но нѣсколько запретовъ необходимо отмѣтить, среди нихъ запрещеніе *Агнессы Сорель*, такъ какъ она была любовницей короля, и *Le Balafré*, такъ какъ въ попыткахъ герцога Гиза добиться французскаго престола зрители могли увидѣть намеки на происки герцога Орлеанскаго. Не смотря на эту предусмотрительность, парижская революція сдѣлала Луи Филиппа королемъ.

Это происхожденіе власти должно было отразиться на ея функціяхъ. Вмѣсто Хартіи, милостиво дарованной народу, правленіе послѣдняго короля Франціи должно было опереться на основные законы, свободно вотированные народными представителями. Все, что могло бы ограничить свободу мысли, было устранено изъ новой конституціи самымъ тщательнымъ образомъ. Статья 7, уничтожающая цензуру, благоразумно прибавляетъ, что она никогда не можетъ быть возстановлена. О театрѣ не было упомянуто—и изъ этого тотчасъ же возникли недоразумѣнія: когда въ 1832 году послѣ нѣсколькихъ первыхъ представленій былъ запрещенъ *Le roi s'amuse*, Викторъ Гюго привлекъ къ отвѣтственности министра и префекта полиціи. Въ громкомъ процессѣ, взволновавшемъ общественное мнѣніе, обѣ стороны выставили выдающихся

представителей, обмѣнявшихся любопытными соображеніями. Адвокатъ поэта Одилонъ Барро утверждалъ, что свобода публично выражать свои мысли, неотъемлемо признанная за каждымъ французомъ хартіей 1830 года, естественно предполагаетъ полное исчезновеніе драматической цензуры. Представитель противной стороны мэтръ Ше д'Эстъ-Анжъ отвѣчалъ, что драматическое представленіе никогда не считалось способомъ публичнаго выраженія мыслей. Въ противномъ случаѣ драматическая цензура была бы уничтожена еще хартіей 1814 года, чего, однако, не было. Мало того: въ 1830 году прошелъ законъ, воспрещающій расклеивать афиши политическаго содержанія, и никто не счелъ его нарушеніемъ хартіи: очевидно, не всякое заявленіе подходитъ подъ статью седьмую. Черезъ годъ палатѣ депутатовъ былъ представленъ проектъ закона о карательной театральной цензурѣ; значитъ ли это, что предварительная не существовала? Даже оппозиціонные органы не утверждали этого. И, такъ какъ проекту этому не было дано движенія, правительство, очевидно, въ правѣ воспретить исполненіе пьесы въ театрѣ. Эти доводы убѣдили судъ, и Гюго уплатилъ судебныя издержки. Былъ еще эпизодъ: въ началѣ іюльской монархіи пьеса подъ заглавіемъ *Le procès d'un Maréchal de France en 1815* показалась министру настолько подозрительной, что онъ оградилъ отъ нея зрителей взводомъ муниципальной гвардіи. Директоръ театра пожаловался въ судъ; судъ не призналъ себя компетентнымъ. Оставалось обратиться въ палату депутатовъ; ея большинство перешло къ порядку дня. Къ такимъ средствамъ нельзя прибѣгать часто, и министерство чувствовало себя въ затруднительномъ положеніи. Репертуаръ большинства театровъ чуть не исчерпывался наполеоновской эпопеей и революціонными тирадами; это приходилось терпѣть. Но *Le roi s'amuse* казался невозможнымъ—и не одному правительству. „Не знаю, какъ ввести васъ въ мѣсто, куда ведетъ насъ г. Гюго",—говорилъ вліятельный *National*, одобряя запрещеніе:—„предъ вами сразу убійство, развратъ и пьянство... И въ эту прелестную тріаду—между распутницей, кинжаломъ и винной бочкой, поэтъ помѣстилъ Франциска I. Францискъ напивается, оскверняетъ себя объятіями этой женщины; король забавляется. Никогда не было ничего подобнаго. И—ни проблеска морали въ этой гнусной ночи, ни одной мысли, которая вытащила бы человѣчество, влачимое для развлеченія по грязи и крови". Но когда музыка обсахарила трагедію Гюго, когда Трибулэ обратился въ Риголетто, а Францискъ I въ герцога Падуанскаго, въ соловьиныхъ переливахъ его сладостнаго тенора исчезла вся эта кровь и грязь.

Пренія о бюджетѣ нѣсколько разъ сопровождались разговорами о театральной цензурѣ. Въ 1831 году Гарнье-Паже требовалъ учрежденія предварительной цензуры, министръ юстиціи

Бартъ отстаивалъ карательную; было предложеніе передать ее муниципалитетамъ, которые будутъ меньше руководиться политическими видами и больше приспособляться къ разнообразію мѣстныхъ условій. Въ 1834 году циркуляръ директора департамента искусствъ напомнилъ директорамъ театровъ, что правительство имѣетъ право запрещенія, и что, „во избѣжаніе возможныхъ напрасныхъ расходовъ, имъ лучше бы повергать манускрипты на предварительное одобреніе департамента“. Общій протестъ былъ отвѣтомъ на эту попытку незамѣтно наложить руку на свободу театра. А драматическая сатира уже не щадила ни учрежденій, ни министровъ, ни самого короля. Послѣ покушенія Фіески удалось наложить на нее руку. По настоянію Тьера палата въ 1835 году приняла законъ о предварительной цензурѣ драматическихъ произведеній. Правительство сохраняло за собою право запрещать пьесы, уже разрѣшенныя, по соображеніямъ общественнаго порядка, и закрывать театръ.

Въ соображеніяхъ, на коихъ основанъ новый законъ, составители пытались примирить его съ Хартіей посредствомъ того же различенія, которымъ пользовался противникъ Гюго. Уничтожая навсегда цензуру, Хартія имѣла въ виду только печать. „Она, очевидно, шла бы далѣе своего назначенія, если бы оказывала то же покровительсгво мнѣніямъ, *выраженнымъ въ поступкахъ.* Если авторъ довольствуется напечатаніемъ своей пьесы, къ нему не могутъ быть примѣнены никакія предупредительныя мѣры... Но когда посредствомъ театральнаго представленія мнѣнія обращаются въ дѣйствіе, то предъ нами нѣчто большее, чѣмъ простое выраженіе мнѣнія: предъ нами *поступокъ, дѣйствіе, жизнь,* которыхъ не касается Хартія и которые она тѣмъ самымъ препоручаетъ надзору установленныхъ властей“. Было назначено четыре цензора, которые—по утвержденію одного изъ нихъ—были не слишкомъ строги, обращали вниманіе по преимуществу на вопросы приличія, а не политики, допускали возраженія авторовъ и въ общемъ, получая до семисотъ пьесъ въ годъ, совершенно запретили лишь десятка три произведеній за двѣнадцать лѣтъ; къ чести ихъ надо сказать, что выдающихся драмъ, подвергшихся ихъ запрещенію, не было. Но свѣдѣнія эти,—данныя бывшимъ цензоромъ Флораномъ предъ коммиссіей 1849 года, о которой будетъ рѣчь ниже,—нуждаются въ нѣкоторыхъ добавленіяхъ. Самъ Флоранъ сообщилъ, что цензора не позволяли „смѣяться даже надъ національными гвардейцами, жандармами и городовыми“, что строгости усиливались по мѣрѣ развитія ихъ дѣятельности. Политическія сатиры и наполеоновская эпопея исчезли изъ репертуара. *Vautrin* Бальзака былъ запрещенъ за то, что Фредерикъ Леметръ, играя въ немъ бродягу, выбралъ гримъ, напоминающій короля; если это было такъ, можно было судить актера, но не душить неповинную пьесу. Одну изъ

купюръ остроумной цензуры Луи-Филиппа мы терпимъ до сихъ поръ: это ей принадлежитъ остроумная замѣна въ „Гугенотахъ“ Катерины Медичи графомъ Сенъ-Бри. За двѣнадцать лѣтъ ея запрещенію, частичному, условному или абсолютному, подверглось 123 пьесы.

Сказать, что возстановленіе драматической цензуры при Луи-Филиппѣ вызвано было дѣйствительно какой-нибудь разнузданностью театра, нѣтъ никакого основанія. Королевское правительство боялось бонапартистскихъ симпатій и осужденія былыхъ пороковъ роялизма; это были преходящія причины, не дававшія настоящаго права на нарушеніе народной Хартіи. Но іюльская монархія сама чувствовала себя преходящей и защищалась, какъ могла—и не тамъ, гдѣ слѣдовало. Ея цензура была всетаки мягче и умнѣе предыдущихъ и, быть можетъ, также послѣдующихъ.

6 марта 1848 года декретъ временнаго правительства уничтожилъ драматическую цензуру. Но уже въ іюлѣ была учреждена временная театральная коммиссія, которая въ интересахъ общественной морали и безопасности государства должна была слѣдить за театрами. Ея законность была болѣе чѣмъ сомнительна, дѣятельность номинальна и существованіе непродолжительно. Но вокругъ принца-президента уже группировались будущіе дѣятели второй имперіи, которая въ ихъ мечтахъ была снабжена всякими цензурами. Въ 1849 году правительство представило государственному совѣту законопроектъ о театральной цензурѣ. Было организовано предварительное изслѣдованіе, при чемъ опрошено болѣе тридцати компетентныхъ лицъ,—актеровъ, цензоровъ, драматурговъ, композиторовъ, критиковъ, антрепренеровъ. Любопытно отмѣтить, что за цензуру—однако, съ значительными ограниченіями—высказались Скрибъ, Жюль-Жанэнъ, Галеви, Тома. Но Дюма, Гюго, Готье горячо защищали свободу театра, конечно, не требуя для него безнаказанности. Нѣкоторые предлагали ограничить дѣятельность цензуры аппелляціонной инстанціей. Коммиссія составила законопроектъ о цензурѣ, но права, предоставленныя въ немъ администраціи, показались правительству недостаточными, и оно имъ не воспользовалось, а „временно“ вручило предварительную драматическую цензуру министру внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ и префектамъ въ провинціи. Циркуляръ къ директорамъ парижскихъ театровъ обязалъ ихъ представлять министру для утвержденія ихъ репертуаръ и текстъ новыхъ пьесъ въ двухъ экземплярахъ; окончательное разрѣшеніе дается лишь послѣ генеральной репетиціи, на которой присутствуетъ представитель министерства. Такъ какъ законъ не имѣлъ обратной силы, то министръ поспѣшилъ сообщить ему таковую циркуляромъ къ префектамъ, которымъ напоминалось, что они въ силу своихъ административныхъ полномочій могутъ запрещать пьесы, которыя, по ихъ мнѣнію, могутъ нарушить обще-

ственное спокойствіе или породить въ гражданахъ чувства взаимной ненависти. „Безобразія, вызвавшія законъ 30 іюля 1850 года, не должны пережить его, и на васъ лежитъ обязанность внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы никакое произведеніе, написанное въ духѣ политическаго преувеличенія или нападенія на нравственность или религію, не имѣло доступа на сцены вашего департамента... То же вниманіе предлагаю вамъ приложить къ пьесамъ, исполнявшимся до закона 1835 года и даже къ разрѣшеннымъ послѣ изданія этого закона. Снисходительность, вполнѣ естественная въ ту эпоху, открыла доступъ на сцену произведеніямъ, которымъ недавнія событія сообщили значеніе, какого они тогда не имѣли, и исполненіе которыхъ теперь не безопасно“. Послѣднія строки превосходны: онѣ говорятъ о снисходительности, естественной въ іюльской монархіи и недопустимой въ демократической республикѣ, для министра которой предыдущій режимъ былъ слишкомъ либераленъ. Правда, этой республикѣ оставалось жить всего около года, и ея правители уже готовились къ цезаристскому перевороту.

Наполеонъ III прежде всего подтвердилъ декретомъ законъ 1850 года, а затѣмъ „въ намѣреніи приблизить къ трону покровительство наукамъ и искусствамъ“ передалъ министерству двора вѣдомство изящныхъ искусствъ; отдѣлъ послѣдняго составляла театральная цензура. Независимо отъ чиновниковъ, занятыхъ просмотромъ рукописей, въ ней было создано новое учрежденіе. Дѣло въ томъ, что недостаточно исправить пьесу; злокозненность человѣческая велика—и актеры могутъ во время исполненія дерзко ввернуть словечко, вычеркнутое цензурой; поэтому особый циркуляръ въ 1851 году возложилъ отвѣтственность за это на директоровъ театровъ, а для наблюденія установилъ должность коммиссара-инспектора парижскихъ театровъ. На этого чиновника возложено было также наблюденіе за тѣмъ, чтобы разные кафе-шантаны и иныя сходныя учрежденія не вторгались въ область театровъ: надо помнить, что для устройства театровъ была установлена явочная система, для иныхъ зрѣлищъ—разрѣшительная. Таковы были законодательныя основы; какова была практика? Вскорѣ послѣ переворота Морни выяснилъ свои взгляды цензорамъ въ бесѣдѣ, о которой дошли до насъ свѣдѣнія. Министръ находилъ, что и строгость, и снисходительность примѣняются цензурой не у мѣста. *Mercadet* разрѣшенъ, *Dame aux camélias* запрещена: и то, и другое неумѣстно—финансисты играютъ роль въ государствѣ, ихъ должно щадить; что касается дамъ легкаго поведенія, то ихъ изображеніе—картина нравовъ, не больше.

Это различеніе охотно считаютъ символомъ всей цензурной дѣятельности второй имперіи: она была сурова къ политическимъ

обличеніямъ и снисходительна къ „картинамъ нравовъ“; но авторъ не видитъ снисходительности и въ послѣдней области.

Въ февралѣ 1852 года—имперія еще не была провозглашена—Эмиль Ожье просилъ разрѣшенія для своей *Diane.* Цензора смутились—и сознались въ своемъ колебаніи въ докладѣ министру, весьма характерномъ. Конечно, „неудобства изображенія заговора покрываются общимъ эффектомъ пьесы“; конечно, пьеса была прочтена и устно разрѣшена предшественникомъ г. министра; конечно, и сами цензора позволяютъ себѣ предложить разрѣшешеніе. „Однако, каковы бы ни были благія намѣренія, благоразуміе и дарованіе автора, такой сюжетъ едва ли можетъ быть предметомъ сценическаго изображенія, не возбуждая возможныхъ сближеній при нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя мы позволяемъ себѣ повергнуть на высокое усмотрѣніе г. министра. Какъ ни безсмысленны и несправедливы были бы такія сближенія, возмущающія нашу гражданскую совѣсть, долгъ судей повелѣваетъ намъ безъ ложныхъ колебаній коснуться этого деликатнаго вопроса“.

Вотъ, напримѣръ, тирады, отвѣтственность за которыя чиновники желали переложить на своего начальника. Въ сценѣ заговора противъ кардинала Ришелье одинъ изъ заговорщиковъ говоритъ:

Qui perd du temps, perd tout contre un tel adversaire.
Sa mort est juste enfin puisqu'elle est necessaire.

Другой:

Ma haine des tyrans s'exhale dans un coin,
Qu'il me tarde, mordieu, de secouer ma chaîne.

И это все. Дурнымъ предзнаменовеніемъ были эти колебанія для свободы театра второй имперіи. И, дѣйствительно, цензура оказалась вскорѣ удивительно чувствительной. Она не позволяла смѣяться надъ таможеннымъ сборщикомъ, и даже запретила въ 1852 году вывести въ водевилѣ почтоваго чиновника; въ это время въ Россіи Ляпкина-Тяпкина можно было видѣть на казенной сценѣ. Чиновники вообще устраняются изъ драмы, и чѣмъ они выше, тѣмъ внимательнѣе покровительство, оказываемое имъ. Безобидный водевиль *Un regard de ministre* приказано переименовать, изъ пьесы вычеркнуты слова foule d'imbéciles, потому что Fould—фамилія министра внутреннихъ дѣлъ. Цензурная коммиссія упрекаетъ Гозлана за то, что онъ въ своемъ *Gâteau des Reines* не вывелъ ни Людовика XV, ни кардинала Флери. Она не позволяетъ дѣйствующимъ лицамъ Эмиля Ожье сказать со сцены: „Общество дурно устроено... Богатый, по волѣ Господней,—только кассиръ бѣдняка“ и т. п. Въ водевилѣ *Deux dîners* домовладѣлецъ выгоняетъ старика съ дочерью изъ дома

за неуплату квартирныхъ денегъ; цензура потребовала, чтобы домовладѣльца замѣнилъ ростовщикъ. Изъ за сомнѣній по части нравственности запрещены *Chandelier* Альфреда Мюссе, „грубая и смѣлая картина интимныхъ нравовъ, *Diables noirs* Сарду. *Lionnes pauvres* Ожье, запрещенныя цензурой, разрѣшены императоромъ,—и авторъ въ предисловіи къ изданію драмы постарался сказать, что онъ думаетъ о запрещеніи его произведенія. „Эти охранители приличія вмѣшиваются въ вопросы морали и философіи“,—писалъ онъ:—„эти охранители общественнаго порядка желаютъ, чтобы въ театрѣ не свистѣли; они считаютъ себя отвѣтственными за провалъ пьесы и изъ этой отвѣтственности создаютъ себѣ право сотрудничества, исправляя стиль, вычеркивая слова, подвергшіяся ихъ немилости, давая совѣты въ интересахъ произведенія, навязывая развязки своего издѣлія—и какія развязки! Не требовали ли они, чтобы въ *Lionnes pauvres* Серафина въ промежуткѣ между третьимъ и четвертымъ актами была обезображена оспой: естественная кара за ея пороки. При этомъ условіи они прощали пьесу; вотъ что они называютъ нравственностью театра,—такъ что къ пьесѣ болѣе подходило бы заглавіе „О пользѣ прививки оспы“.

Сотрудничество въ вопросахъ стиля, о которомъ говоритъ Ожье—не выдумка. Циркуляръ 24 апрѣля 1858 года обращался къ директорамъ театровъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Съ сожалѣніемъ вижу, что въ языкъ театра все болѣе и болѣе внѣдряются выраженія грубыя и простонародныя и нѣкоторыя грязныя реченія, заимствованныя изъ арго. Это новый элементъ низкаго комизма, которымъ оскорбляется хорошій вкусъ и который я не имѣю возможности терпѣть дольше“.

Надо всетаки признать, что въ вопросахъ пристойности наполеоновская цензура была достаточно снисходительна. Она освятила пышный расцвѣтъ французской оперетки, съ „Еленой Прекрасной“ во главѣ, она терпѣла дотолѣ невиданныя громадныя выставки обнаженнаго женскаго тѣла, нагроможденнаго на сценѣ подъ предлогомъ какого-нибудь сюжета, болѣе или менѣе связаннаго съ розовымъ трико.

Вопросы нравственности соприкасаются съ вопросами религіи. Вторая имперія дорожила благосклонностью католицизма; императрица была клерикальна. Драма, передѣланная изъ романа *Notre Dame de Paris*, не получила разрѣшенія потому, что въ ней патеръ — убійца. *Patrie* Поль Мериса была разрѣшена послѣ того, какъ директоръ театра придѣлалъ къ пьесѣ свой конецъ противъ воли автора. *Lorenzaccio* Мюссе былъ запрещенъ по той причинѣ, что „убійство государя однимъ изъ его родичей, образцомъ гнусности и оподлѣнія, представляется зрѣлищемъ опаснымъ для публики“. Любопытны одно разрѣшеніе и одно запрещеніе: первое касается пьесы изъ жизни Генрих

IV, второе — „Марсельезы". „Правительство императора Наполеона III не отвергаетъ славы королей, его предшественниковъ,— писали цензора въ своемъ докладѣ.—Носитъ ли правящая династія имя Бурбоновъ или Бонапартовъ, называется ли французская монархія королевствомъ или имперіей, она образуетъ въ исторіи сверкающую цѣлокупность, отдѣльные лучи которой составляютъ наслѣдіе трона, каково бы ни было имя монарха, его занимающаго. Династія Бонапартовъ, смѣняя на тронѣ потомство св. Людовика, не разорвала традицій монархической исторіи". И цензора предлагаютъ допустить на сцену комическую оперу *Le Capitaine Henriot*, герой которой — Генрихъ IV.

„Если бы оказалось,—чего теперь нельзя предполагать—что нѣкоторые злонамѣренные умы, не понявъ либеральной мысли правительства, пытались бы воспользоваться этотимъ случаемъ для враждебныхъ манифестацій, тогда лишь, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы прибѣгнуть къ мѣрамъ репрессіи. Императорское правительство слишкомъ популярно, чтобы опасаться подобныхъ попытокъ". Къ сожалѣнію, на документѣ нѣтъ даты. Мы находимъ ее за то на другомъ документѣ, относящемся къ послѣднимъ днямъ либеральной имперіи. Рѣчь идетъ о „Марсельезѣ", которую пѣть просилъ позволенія директоръ кафешантана. Мотивы запрещенія стоятъ воспроизведенія особенно теперь, когда на нашихъ глазахъ „Марсельеза" у насъ изъ плода столь запретнаго сдѣлалась украшеніемъ высокооффиціальныхъ торжествъ. „Есть въ сущности двѣ „Марсельезы"—говорятъ цензора: прежде всего та „Марсельеза", которая выражалась и до сихъ поръ выражается въ точномъ смыслѣ ея текста. „Марсельеза", если взять ее въ той обстановкѣ, въ которой она расцвѣла, если оставаться въ сферахъ историческихъ и артистическихъ,—„Марсельеза" есть пѣсня французская по преимуществу. Ея увлекательный ритмъ до сихъ поръ ведетъ солдатъ къ побѣдѣ, какъ въ 92 году онъ увлекалъ ихъ къ границѣ. Этотъ героическій и грандіозный характеръ произведенія внѣ спора. Но, къ сожалѣнію, патріотическая „Марсельеза" не существуетъ для уличныхъ крикуновъ; партійныя страсти извратили ея смыслъ. „Марсельеза" стала символомъ революціи; это припѣвъ уже не національной независимости и свободы, это пѣснь демагогической войны, это гимнъ самой крайней республики. Гдѣ заволновалась улица, гдѣ забродило общественное собраніе, гдѣ пытается подняться баррикада, гдѣ шумитъ фабрика или школа—раздается „Марсельеза". Военные оркестры ея не играютъ; суды осуждаютъ крикуновъ, которые на улицахъ дѣлаютъ изъ этой пѣсни мятежный возгласъ; самая непримиримая газета избираетъ себѣ это заглавіе, точно вызовъ общественному миру; когда въ Лондонѣ изгнанники всего міра празднуютъ подъ сѣнью краснаго знамени какую-нибудь республиканскую однодневку—тосты провозглашаются

при звукахъ „Марсельезы“; все, наконецъ, въ Парижѣ, во Франціи, въ цѣломъ мірѣ способствовало тому, чтобы сдѣлать изъ этого гимна, великолѣпнаго воспоминанія объ одномъ изъ славнѣйшихъ испытаній нашего отечества, самый захватывающій напѣвъ европейской революціи“.

Возможно ли теперь дозволить исполненіе „Марсельезы“? Мнѣнія раздѣляются.

Одни полагаютъ, что, давъ полное, общее, свыше одобренное и даже покровительствуемое разрѣшеніе „Марсельезѣ“, правительство тотчасъ же отняло бы отъ нея нѣкоторую долю ея враждебности; эта доступность, конечно, не обезоружитъ тотчасъ же революціонные происки, но несомнѣнно ослабитъ силу и широту одного изъ революціонныхъ пріемовъ. Публика, не привлекаемая уже запретностью плода, стала бы смотрѣть на это произведеніе болѣе спокойно и болѣе разумно; по мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія, производимыя дикой энергіей припѣва, понемногу смягчались, одни перестали бы дѣлать изъ него какое то пугало, а другіе, привыкнувъ къ его исполненію, ужъ не будутъ имъ смущаться.

Наоборотъ, по мнѣнію другихъ, постоянное исполненіе „Марсельезы“ во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ при нынѣшнемъ состояніи умовъ непремѣнно явится новой и неизмѣнной причиной возбужденія. Ея исключительно-революціонный характеръ слишкомъ опредѣленъ и общепринятъ въ наши дни, чтобы возможно было надѣяться на то, что великодушіе правительства измѣнитъ его хоть на волосъ. Уже по энтузіазму, настоящему или дѣланному, съ которымъ принимаются отдѣльныя мѣста изъ гимна, вставленныя въ пѣсни, можно судить, какъ будетъ принято все произведеніе... Мы полагаемъ, что въ виду возбужденія, которое крайнія партіи поддерживаютъ въ рабочихъ и молодежи наканунѣ сходокъ и голосованія, волнующаго всю Францію, „Марсельеза“, переносясь изъ зала въ залъ, изъ города въ городъ, пользуясь разрѣшеніемъ, чтобы безнаказанно перебраться на улицу, можетъ явиться лишь новымъ революціоннымъ ферментомъ. Мы опасаемся, какъ бы эта новая — безъ сомнѣнія второстепенная—причина безпорядковъ и волненій, поддерживая и оживляя существующія, не послужила республиканской и соціалистской агитаціи въ ущербъ дѣлу порядка и свободы“.

Патріотическій гимнъ остался подъ запретомъ,—но не прошло и полугода, какъ Франціей уже правило правительство Національной Обороны; однимъ изъ первыхъ его дѣйствій былъ декретъ 30 сентября 1870 года объ уничтоженіи коммиссіи драматической цензуры. Спорятъ, была ли уничтожена самая цензура или только коммиссія; первое, кажется, вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ—черезъ полгода Макъ Магонъ, пользуясь осаднымъ положеніемъ, возстановилъ и то, и другое. Какъ извѣстно, при осадномъ

положеніи гражданскія власти передаютъ военнымъ лишь тѣ полномочія, которыми располагаютъ сами. Но осадное положеніе не время для разсужденій. Въ 1874 году была возстановлена драматическая цензура съ коммиссіей второй имперіи. Предполагалось пользоваться этой республиканской цензурой разумно и умѣренно. Циркуляръ, обращенный къ цензорамъ въ 1879 году, указывалъ, что многолѣтній упадокъ драматическаго искусства во Франціи объясняется опекой, которая давила общественную свободу.

„Творенія благородныя и мужественныя были въ подозрѣніи: все, что говорило человѣку о его достоинствѣ, о его свободѣ, о его возвышенныхъ обязанностяхъ, было изгнано. Тлетворное искусство овладѣло сценой; наглое распутство воцарилось на ней. Казалось, что искусству осталась одна цѣль: забавлять; и для того, чтобы забавлять, оно дошло до непристойности, а затѣмъ до растлѣнія. Мы хотѣли бы, чтобы искусство было возвращено къ идеалу болѣе мужественному и болѣе гордому, чтобы театръ сдѣлался школой. Мы хотѣли бы искусства возвышающаго, а не унижающаго. Намъ дорого твореніе оздоровляющее, а не развращающее. Необходимо, чтобы вліяніе театра пришло намъ на помощь и поддерживало наши усилія просвѣтить общество, укрѣпить его, дѣлать его все болѣе и болѣе достойнымъ власти, которую вручаетъ намъ Республика, чтобы сообщить Франціи нравственное величіе, пристойное демократіи, и потому будемъ въ политикѣ предоставлять всю свободу, совмѣстную съ сохраненіемъ общественнаго спокойствія, и сохранимъ всю нашу суровость для непристойныхъ куплетовъ и безнравственныхъ пьесъ, памятуя, что два краеугольныхъ камня Республики суть достоинство и свобода“.

Двадцать первыхъ лѣтъ существованія третьей республики предварительная драматическая цензура подавала слабые признаки жизни. Изъ соображеній внѣшней политики были запрещены, напримѣръ, *Магометъ* Борнье, изъ нежеланія затронуть щепетильность мусульманъ; *L'Homme de Sedan*, которая могла не понравиться нѣмцамъ, *Yvan le Nihiliste* и *L'officier bleu*, изображавшія русскія общественныя движенія конца семидесятыхъ годовъ. *Germinal* Зола, гдѣ столкновеніе войскъ со стачечниками перенесено на сцену, подвергся въ 1885 году запрету, но затѣмъ былъ поставленъ и не вызвалъ никакихъ осложненій. Нѣкоторыя изъ запрещеній вызывали полемику; но ни одно изъ нихъ не вызывало такого движенія, какъ запрещеніе *La fille Elisa* Гонкура въ 1891 году. Съ этихъ поръ особенно живы и часты столкновенія общественнаго мнѣнія съ драматической цензурой.

La fille Elisa изображаетъ нравы публичнаго дома, и запрещеніе ея было обсуждаемо палатой депутатовъ. Непристойнаго въ этой трогательной и страшной трагедіи не нашелъ никто изъ

разнообразныхъ критиковъ, судившихъ о ней такъ или иначе—ни Сарсэ, ни Леметръ, ни Фагэ, ни Альберъ Вольфъ. Она не возбуждаетъ дурныхъ чувствъ; согласно требованіямъ великаго теоретика трагедіи, она развиваетъ жалость и состраданіе и производитъ очищеніе человѣческаго существа. Но если отвлечься отъ ея цѣлаго и начать копаться въ деталяхъ, она можетъ показаться рискованной пугливому хранителю внѣшняго приличія. Пьесу запретили и Мильеранъ интерпеллировалъ поэтому министерство. Его удивляетъ щепетильность театральной цензуры, которая не только терпитъ на сценѣ „стада полураздѣтыхъ женщинъ", но позволяетъ имъ—въ одной новой пьесѣ—переходить въ этомъ видѣ со сцены въ партеръ. Что же страшнаго въ пьесѣ Гонкура? Дѣйствующія лица? Правда, это не дамы полусвѣта, это проститутки низшаго разбора. Но неужто показать честной работницѣ, заплатившей франкъ—другой за мѣсто на галлереѣ, зрѣлище богатой, счастливой, окруженной почетомъ куртизанки менѣе опасно и вредно, чѣмъ видъ этихъ несчастныхъ, прикованныхъ къ своимъ вертепамъ, какъ каторжникъ къ телѣжкѣ? Тамъ возбуждается зависть, здѣсь только отвращеніе.

Министръ Буржуа защищалъ цензуру. Онъ прочелъ нѣсколько мѣстъ изъ пьесы, и палата, которая въ этотъ день была въ стыдливомъ настроеніи, не могла дослушать мѣста, гдѣ на сцену перенесена попытка изнасилованія. Члены правой, боясь за свою невинность, затыкали уши; одинъ депутатъ, краснѣя, приказалъ министру прекратить чтеніе. При этихъ условіяхъ побѣда была легка; законодатели одобрили правительство.

Съ 1902 года пьеса Гонкура идетъ въ театрѣ Антуана, не вызывая никакихъ инцидентовъ. Она можетъ считаться одной изъ наиболѣе пристойныхъ пьесъ этого сезона; все дѣло въ исполненіи.

Не успѣлъ затихнуть шумъ по поводу *Fille Elisa*, какъ вопросъ о свободѣ театра былъ снова поднятъ запрещеніемъ *Термидора* Сарду. Пьеса была разрѣшена цензурой и успѣла уже выдержать въ Comédie Française нѣсколько представленій, когда нѣкоторыя газеты вспомнили о ея реакціонномъ и противореспубликанскомъ характерѣ. Онѣ упрекали цензуру въ снисходительности и объявляли, что дѣло дойдетъ до безпорядковъ—то есть подготовляли ихъ. Безпорядки, дѣйствительно, произошли; не только освистали пьесу, но даже бросили свистокъ въ голову Коклэну. Совѣтъ министровъ запретилъ пьесу; театръ поплатился, истратившись на богатую историческую обстановку и возвративши плату за сорокъ пять тысячъ мѣстъ.

Эта радикальная мѣра не замедлила привести къ интерпелляціи, которая вызвала рѣчи самыхъ выдающихся ораторовъ палаты, отъ радикальнаго Клемансо до клерикальнаго графа де Мэна, говорившихъ много о принципахъ революціи, но не убѣ-

дившихъ палату въ необходимости обезпечить театру полную свободу. Министерство имѣло благоразуміе не касаться совершенно содержанія пьесы и настаивало на необходимости охранять спокойствіе, во что бы то ни стало.

Время было смутное—и палата согласилась.

Черезъ непродолжительное время вопросъ о драматической цензурѣ былъ снова возбужденъ предъ Палатой. Два депутата, Прустъ и Ле-Сеннъ, внесли предложеніе уничтожить предварительную цензуру и, такимъ образомъ, подчинить драматическую цензуру общему праву. Проектъ былъ признанъ неотложнымъ и переданъ парламентской коммиссіи. Любопытно отмѣтить, что при опросѣ свѣдующихъ людей, устроенномъ послѣднею, такіе драматурги, какъ Александръ Дюма (авторъ *Дамы съ камеліями!*) и Мельякъ (либреттистъ Оффенбаха!), высказались за сохраненіе предварительной цензуры. Энергично противъ нея говорили Зола, Ришпэнъ, Вакри, Валабрегъ, Жоржъ Ансэ, Антуанъ.

Коммиссія избрала средній путь: она предложила сдѣлать отмѣну предварительной драматической цензуры временной. Цензура отмѣняется въ видѣ опыта на три года, по истеченіи которыхъ отмѣняется совершенно, если палата не будетъ настаивать на ея сохраненіи или продолженіи опыта. Исключеніе сдѣлано для пьесъ, затрагивающихъ внѣшнюю политику, которыя подлежатъ разрѣшенію министерства иностранныхъ дѣлъ.

Этотъ проектъ не получилъ законодательной санкціи — и французская драматическая цензура запретила за послѣднее десятилѣтіе не мало пьесъ. Опредѣленной политической окраски въ этихъ запрещеніяхъ нѣтъ. Запрещали пьесы антисемитическія и антиклерикальныя; единственный критерій при этомъ—возможность скандала; „министерство умиротворенія" стремится прежде всего къ тишинѣ. Одно изъ послѣднихъ неодобреній цензуры — запрещеніе *Avaries* Бріё вызвало шумный протестъ писателей, дошло до палаты депутатовъ, но не было ею кассировано. Наконецъ, при преніяхъ о бюджетѣ на 1902 годъ одинъ изъ депутатовъ предложилъ уничтожить драматическую цензуру. Она была сохранена и кой-чѣмъ ознаменовала свою дѣятельность въ прошломъ году.

Такова ея исторія. „Изъ безчисленныхъ ея приговоровъ,— говоритъ авторъ,—трудно извлечь поученіе и вывести какое-либо руководящее начало. Театральную цензуру уничтожали и возстановляли во Франціи три раза, и всѣ три раза,— мы это видѣли, — по соображеніямъ болѣе партійнымъ, личнымъ и временнымъ, чѣмъ обще-политическимъ. Въ эпоху революціи драматическую цензуру возродила тиранія клубовъ; въ 1835 году она понадобилась для устраненія бонапартистскаго призрака; въ 1850 году она была прелюдіей наполеоновской узурпаціи. Во всѣ три періода свободы (1791—1793, 1830—1835,

1848—1850) театръ не заявилъ себя ничѣмъ серьезно дурнымъ, безнравственнымъ, опаснымъ. И, однако, театральная цензура сохранилась почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Въ однихъ—какъ у насъ, во Франціи, въ Англіи — она централизована; въ другихъ,—какъ въ Италіи—она предоставлена высшей администраціи провинцій. Два второстепенныхъ государства имѣли смѣлость стать исключеніями. Въ Бельгіи театръ свободенъ совершенно: можно играть все; если пьеса или исполненіе заключаютъ элементъ правонарушенія, это дѣло суда. Въ Португаліи нѣтъ обязательной цензуры; но по желанію — во избѣжаніе возможныхъ непріятностей и напрасныхъ расходовъ по постановкѣ— пьесу можно повергнуть на предварительное одобреніе особой коммиссіи, состоящей изъ четырехъ писателей, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Эту систему неоднократно предлагали во Франціи, и Каюэ склоняется къ ея принятію. Въ случаѣ сомнѣнія въ допустимости пьесы съ точки зрѣнія, напримѣръ, высшей политики, съ видами которой не всегда знакомы заинтересованныя лица, они могли бы подвергнуть соотвѣтственное произведеніе такому предварительному просмотру. Отрицательное рѣшеніе коммиссіи не должно быть окончательнымъ: если директоръ театра все таки рискнетъ и поставитъ отвергнутую пьесу, она можетъ быть исполняема, если не вызоветъ осложненій и безпорядковъ.

Теоретическія соображенія автора о возможности и необходимости освободить французскій театръ отъ всякаго спеціальнаго надзора и подчинить его общему праву мы оставимъ въ сторонѣ, какъ бы ни казались они намъ любопытными. Но примемъ ли мы то спорное положеніе, которое ему представляется выводомъ изъ всей исторіи театральной цензуры: тезисъ о ея постепенномъ усиленіи? Едва ли. Лишь сосредоточивая вниманіе на случайныхъ обстоятельствахъ и оставляя въ сторонѣ основную нить исторіи, можно придти къ такому обобщенію. Уже то, что театръ былъ нѣкогда объектомъ грубѣйшаго и безъ критики принимаемаго произвола, показываетъ, что положеніе его улучшилось. Какъ ни какъ, онъ теперь пользуется охраной закона— закона подчасъ нелогичнаго и легко нарушаемаго,—но всетаки закона.

А. Г—дъ.

— Не пропадетъ...—равнодушно отвѣтилъ Карлъ.

— Я перевелъ ему тридцать тысячъ марокъ недѣлю тому назадъ, а его все нѣтъ. Знаете, теперь столько мошенниковъ...

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Карлъ, разсерженный его тономъ.

— Какъ—что? Могли ограбить, убить. Легче натолкнуться на несчастье, чѣмъ достать рубль,—сентенціозно закончилъ онъ и печально вздохнулъ. Эти тридцать тысячъ совсѣмъ вывели его изъ равновѣсія: Морица онъ зналъ слишкомъ хорошо, чтобы тревожиться безъ причины.

— Мери, не заставляй пани Травинскую упрашивать тебя: ты же хорошо играешь,—сказалъ банкиръ дочери, которую Нина просила что-нибудь сыграть.

Мери, худая, костлявая дѣвушка, съ горбатымъ носомъ и почти незамѣтными губами, сѣла за рояль и апатично ударила по клавишамъ.

— А гдѣ же знаменитыя лодзинскія телки? — спросилъ Боровецкаго Горнъ.

— Вотъ вамъ: Мада Мюллеръ, Меля Грюнспанъ, Мери Гросглюкъ.

— А изъ полекъ? — тише спросилъ онъ, чтобы не мѣшать бренчанью Мери.

— Увы, пане Горнъ, польскіе сукна и ситцы уже есть, но милліонерокъ-дочерей намъ нужно обождать еще лѣтъ двадцать. Удовольствуйтесь пока одной красотой полекъ, — насмѣшливо отвѣтилъ Карлъ, направляясь къ Анкѣ, которая сидѣла рядомъ съ Высоцкой.

Безконечно длинная и скучная соната такъ подѣйствовала на всѣхъ, что во время одной паузы всѣ въ гостиной вдругъ заговорили, и громче всѣхъ самъ Гросглюкъ, съ негодованіемъ узнавшій отъ Эндельмана о переходѣ Бернарда въ протестантство.

— Я предсказывалъ, что онъ плохо кончитъ, — говорилъ банкиръ.—Онъ притворялся философомъ, человѣкомъ fin de siecle, а кончилъ, какъ простой жидъ. Почему въ протестантство? Я думалъ, что онъ щепетильнѣе. Дѣло, конечно, не въ вѣрѣ: католикомъ, протестантомъ или магометаниномъ онъ все равно не перестанетъ быть евреемъ, и для насъ не потерянъ.

— Вамъ не нравится протестантство?—спросилъ Куровскій, слѣдя своими карими глазами за Анкой, которая вмѣстѣ съ Травинской прохаживалась по гостиной.

— Я никогда не принялъ бы этой вѣры: я люблю красивыя вещи. Когда я достаточно наработаюсь за недѣлю, то въ шабашъ или въ воскресеніе я долженъ отдохнуть: я иду въ залу, гдѣ у меня красивыя картины, скульптура, архи-

24

тектура, хорошій концертъ. Мнѣ очень нравятся ваши католическія церемоніи: въ нихъ есть чудесныя краски, звонъ и пѣніе. При томъ, я не желаю слушать скучныхъ проповѣдей, лучше тонкій разговоръ о высокихъ матеріяхъ: это придаетъ человѣку бодрость, охоту жить! А въ киркѣ?.. Голыя стѣны и такая пустота, отъ которой пахнетъ ликвидаціей. Является пасторъ и о чемъ говоритъ? Объ адѣ и тому подобныхъ непріятныхъ вещахъ. Благодарю покорно! Развѣ я затѣмъ иду въ храмъ, чтобы разстроить свои нервы? Наконецъ, я желаю знать, съ кѣмъ имѣю дѣло: какая же фирма—протестантство?!

Куровскій ничего не отвѣтилъ. Онъ подсѣлъ къ дамамъ и слѣдилъ какимъ-то страннымъ взглядомъ за Ниной и Анкой, которыя, взявшись за руки, медленно ходили и останавливались передъ каждымъ букетомъ, вдыхая его ароматъ. Онѣ сами напоминали сегодня свѣтлые весенніе цвѣты.

Иногда Нина касалась губами холодныхъ листьевъ ландышей, ихъ бѣлоснѣжныхъ колокольчиковъ и проходила дальше. Увлекшись разговоромъ, она забыла про m-me Эндельманъ. Та шла за ней со своими придворными, съ нѣкоторой завистью разсматривая простыя, но очень изящныя комнаты. Вдругъ она замѣтила на стѣнѣ мозаику, которую Нина выписала зимой изъ Флоренціи, и остановилась въ остолбенѣніи.

— Вотъ прелесть! Какой цвѣтъ! Какой глянцъ!—съ восторгомъ восклицала Эндельманъ, жмурясь онъ солнца.

Она долго любовалась картиной.

— Смѣшна-то она смѣшна,—сказала Нина,—но, въ сущности, добрая женщина. Она предсѣдательница нѣсколькихъ благотворительныхъ обществъ и дѣлаетъ много добра.

— Такъ какъ любитъ, чтобы ею восхищались,—замѣтилъ Максъ Баумъ, подходя съ Куровскимъ.

— Вамъ очень скучно, господа?—спросила Нина.

— Намъ нѣтъ, потому что мы можемъ смотрѣть и любоваться,—отвѣтилъ Куровскій, окидывая взглядомъ Нину и Анку.

— Значитъ, другимъ и скучно, и не на что смотрѣть...

— Есть такіе! Напр., взгляните на панну Мюллеръ и панну Грюнспанъ... Мада Мюллеръ задыхается въ своемъ слишкомъ роскошномъ платьѣ, а такъ какъ, вдобавокъ, тревожится, чтобы ея прислуга не переварила или не пережарила чего-нибудь, то все время потѣетъ: въ теченіе пяти минутъ,—я нарочно считалъ,—она выпила четыре стакана лимонада! Панна Грюнспанъ переполнена восторгами, я три раза заговаривалъ съ нею о Неаполѣ, и она съ одинаковымъ аханьемъ, закатываньемъ глазъ разражалась восхищеніемъ. Она похожа

на фонографъ, въ который вставили валикъ: при каждомъ прикосновеніи разсказываетъ одно и то-же.

— Она сегодня почему-то грустна; пойдемъ къ ней, — предложила Нина.

— Не мудрено: пани Высоцкая объявила сегодня войну еврейкамъ: каждаго молодого человѣка предостерегала отъ нихъ и такъ громко, что панна Меля навѣрно слышала...— сказалъ Максъ, идя рядомъ съ Анкой и безпокойно посматривая, нѣтъ ли гдѣ Карла.

— Многіе уже ушли!—проговорила Нина, замѣтивъ въ гостиной отсутствіе Гросглюка съ дочерью и еще нѣсколькихъ еврейскихъ семействъ.

— Мужчины скучали, а женщины поторопились домой разсказать о пріемѣ у васъ,—засмѣялся Максъ.

— Неужели скучали?—съ огорченіемъ спросила Нина.

— Разумѣется. Какое удовольствіе тутъ для нихъ? Сюртуковъ снять нельзя, шампанскаго не даютъ;при томъ наприглашали къ себѣ всякой черни, разныхъ тамъ инженеровъ, докторовъ, адвокатовъ... Какъ же вы хотите, чтобы милліоны чувствовали себя хорошо. Ихъ оскорбило такое общество... Головой ручаюсь, что больше у васъ они не появятся.

— Да я и не приглашу: подобная ассимиляція невозможна, повидимому, даже въ гостиной.

— Вездѣ, всюду... Позвольте вамъ представить: панъ Робертъ Кесслеръ, который уже часъ проситъ познакомить его съ вами,—съ ироніей сказалъ Куровскій, представляя низкаго, коренастаго господина, съ поднятыми плечами и большими ушами; лицо Кесслера казалось обтянутымъ плохо выдѣланной кожей, ротъ у него былъ въ видѣ продолговатой щели, а выдававшіяся скулы были покрыты рыжей, коротко остриженной шерстью.

Онъ поздоровался довольно небрежно и, усѣвшись возлѣ Анки, положилъ на колѣни свои узловатыя, поросшія красными волосами руки и впился желтыми, бѣгающими глазами въ ея лицо съ такимъ нахальствомъ, что ей стало непріятно и даже почему-то страшно. Дѣвушка быстро удалилась, не сказавъ съ нимъ ни слова.

— Она красива, удивительно красива!—шепнулъ Кесслеръ, послѣ нѣкотораго молчанія, Горну, который сидѣлъ рядомъ.

— Да, вы—знатокъ: въ Лодзи кое-что извѣстно въ этомъ отношеніи!—съ удареніемъ отвѣтилъ Горнъ, вспомнивъ Зоську Малиновскую и цѣлый рядъ работницъ, которыхъ онъ заставлялъ быть уступчивыми угрозами удаленія съ фабрики.

Кесслеръ ничего не отвѣтилъ и презрительно отвернулся къ Максу Бауму, который, въ нервномъ, безпокойномъ состояніи, цѣлый часъ собирался уйти и не могъ...

Въ гостиной, между тѣмъ, значительно опустѣло; большинство поздравителей осмотрѣли залы и удалились. Осталось только нѣсколько человѣкъ, исключительно поляковъ, которые, по мѣрѣ отлива милліонеровъ, выдвигались на середину и занимали опустѣвшія мѣста.

Изъ посторонних сидѣли еще только Мюллеры,—они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ Травинскими,—Меля Грюнспанъ и ея тетка, которая нѣсколько уже разъ громко спрашивала ее:

— Меля! можетъ быть, пора домой?

Но Меля, какъ и Максъ, не могла уйти, хотя ее оскорбили безжалостные намеки Высоцкой. Она все время сидѣла на одномъ мѣстѣ и была такъ разстроена, что, разговаривая съ Мадой, иногда даже смѣясь, мучилась, что должна отказаться отъ своихъ надеждъ.

Высоцкій подходилъ къ Мелѣ нѣсколько разъ, она все время чувствовала его любящій взоръ, слышала его голосъ, который тихонько произносилъ такія слова, которыя еще вчера наполнили бы ея душу счастьемъ, а сегодня пробуждали лишь великую скорбь. Здѣсь, въ этой свѣтлой гостиной, она поняла инстинктомъ, что не выйдетъ за Высоцкаго, и не должна...

Въ моменты болѣзненнаго ясновидѣнія, Меля ясно представляла всѣ препятствія, и сердце ея замирало отъ ужаса. Стекляннымъ взоромъ, почти безсознательно глядѣла она на всѣхъ, ища взглядовъ Высоцкаго, которые бы опровергли ея жгучія мысли, но Высоцкій былъ слишкомъ влюбленъ, чтобы понять ея душевное состояніе.

Онъ сидѣлъ съ Травинскимъ, Куровскимъ и еще нѣсколькими молодыми людьми, развивая широкіе альтруистическіе взгляды на общество и его потребности. Машинально отряхивая лацканы, покручивая усики, вытягивая иногда рукавчики, Мецекъ виталъ въ небесахъ гипотезъ, радуясь, что нашелъ подходящихъ слушателей и можетъ оторваться отъ повседневныхъ дѣлъ.

— Почему?—съ тяжелымъ чувствомъ думала Меля.—Почему такая непреодолимая стѣна?

Одно она понимала ясно: міръ ея милаго, всѣ эти Куровскіе, Травинскіе, Боровецкіе, всѣ ихъ вопросы, идеи — весь польскій, дорогой для нея міръ,—совершенно чужды ея міру, замкнутому въ кругу эгоистическихъ интересовъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ обогащенія и грубыхъ удовольствій.

— Наши не такіе,—думала она, смотря на Травинскаго, который такъ энергично протестовалъ противъ выводовъ Высоцкаго, что лицо его поблѣднѣло и сѣть тонкихъ, синихъ жилокъ выступила на вискахъ. Глядя на Высоцкаго, сидѣв-

шаго въ кругу изящныхъ, полныхъ какой-то особенной граціи, женщинъ, Меля вспоминала свой собственный домъ, отца, сестеръ, шурина, весь отвратительный тонъ, всю мелочность ихъ жизни.

Ей стало ясно, что между этими людьми она будетъ чужой, выходцемъ изъ иного міра, что ее будутъ терпѣть, можетъ быть, лишь изъ-за приданаго.

— Никогда! никогда!—съ гордостью подумала она, собираясь встать. Тетка опять наклонилась къ ней и хрипло проговорила:

— Меля, не пора-ли тебѣ уже домой?

Она встала съ кресла, чтобы уйти отсюда и никогда не возвращаться. Меля сознавала, что это значитъ проститься навсегда съ мечтами, которыми она жила цѣлые годы.

— Никогда! никогда!—повторяла Меля, вспоминая судьбу своихъ знакомыхъ, которыя вышли за поляковъ: даже собственныя дѣти попрекали ихъ происхожденіемъ, не говоря уже о пренебреженіи остальныхъ; въ своемъ домѣ, въ кругу семьи онѣ чувствовали себя чужими!

— Вы уходите? Такъ рано?—спросилъ Высоцкій, загораживая ей дорогу.

— Мнѣ нездоровится, я не отдохнула еще отъ путешествія, — отвѣтила она, опустивъ глаза и подавляя рыданія.

— Я думалъ, что вы посидите еще, а потомъ вмѣстѣ пойдемъ къ Розѣ, думалъ, что вы пожертвуете мнѣ сегодняшній вечеръ. Вѣдь мы не видѣлись цѣлыхъ два мѣсяца,—говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да... да... два мѣсяца... — прошептала Меля, и отъ любви и муки слезы блеснули въ ея сѣрыхъ глазахъ.

— Теперь здѣсь будетъ лучше: осталась только своя компанія...

— Тѣмъ болѣе мнѣ нужно уйти, чтобы не быть диссонансомъ,—сказала она съ горечью.

— Меля! — съ упрекомъ воскликнулъ Высоцкій, и съ такой нѣжной страстью, что силы оставили ее, и всѣ прежнія рѣшенія разсѣялись безъ слѣда.

— Ты останешься, правда? — страстно прошепталъ онъ; а когда Меля ничего не отвѣтила, безпомощно оглянувшись на Высоцкую, острый взглядъ которой чувствовала на себѣ, Мецекъ обратился къ Нинѣ:

— Уговорите пану Мелю остаться!

Нина знала уже все отъ его матери и была непріязненно настроена противъ Мели, но, взглянувъ теперь на ея печальное лицо, она искренно стала упрашивать ее посидѣть.

Одно мгновеніе Меля сопротивлялась.

— Ну, послѣдній разъ! — сказала она себѣ, охваченная

любовью и убаюканная словами Высоцкаго. Мецекъ, на зло матери, не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Очарованная добротой Анки и Нины,—онѣ были очень внимательны,—Меля забыла про свой „послѣдній разъ", ей уже начало казаться, что такъ будетъ всегда...

Оставшіеся засидѣлись довольно долго. Въ сумерки подали обѣдъ въ большой столовой, отдѣланной свѣтлымъ дубомъ, съ широкой инкрустаціей и съ пурпуровыми кистями громадныхъ лозъ, привѣшенными къ ушамъ комическихъ масокъ изъ золоченнаго букса.

Столъ сверкалъ хрусталемъ и серебромъ, живые цвѣты покрывали его сплошнымъ душистымъ ковромъ. Изъ канделябръ, въ формѣ кактусовъ, распространялся мягкій свѣтъ.

Всѣ были настроены весело, тосты сопровождались апплодисментами. Мюллеръ приготовился сказать рѣчь въ честь хозяевъ, но въ головѣ его уже шумѣло, а Мада, сидѣвшая рядомъ съ Максомъ Баумомъ, не могла ему помочь. Онъ пробормоталъ нѣсколько словъ и сѣлъ, вытирая рукавомъ красное, жирное лицо.

— Я взялъ бы его въ свой звѣринецъ: любопытный экземпляръ,—шепнулъ Кесслеръ, наклонившись къ Мелѣ.

Но Меля не слышала его, увлеченная разговоромъ съ Высоцкимъ; кромѣ того, она чувствовала непреодолимое отвращеніе къ его совиной головѣ и желтымъ глазкамъ. Кессеръ не сводилъ взгляда съ Анки, сидѣвшей между нимъ и Боровецкимъ.

Одна Мада изъ всей компаніи была не въ духѣ.

Она не обращала вниманія на своего сосѣда Макса, наблюдая за Карломъ и Анкой. Наконецъ, она не выдержала и спросила Баума:

— Кто эта барышня, рядомъ съ паномъ Боровецкимъ,—его сестра? Они такъ похожи другъ на друга.

— Невѣста его и довольно дальняя кузина.

— Невѣста! Я не знала, что у пана Карла есть невѣста...

— Да, уже давно — цѣлый годъ, и они очень любятъ другъ друга,—нарочно сказалъ Максъ. Его сердила ея недогадливость и восхищеніе, съ какимъ она смотрѣла на Карла.

Золотыя рѣсницы Мады вдругъ задрожали, румяное лицо поблѣднѣло, а губы дрогнули.

Максъ съ изумленіемъ сталъ было всматриваться въ нее, но лакей шепнулъ ему, что кто-то спрашиваетъ его въ передней.

— Мать умираетъ!—прямо объявилъ ему Юзекъ Яскульскій, когда Баумъ вышелъ въ переднюю.

— Что? что?—повторилъ Максъ, не вѣря своимъ ушамъ.

Онъ безсмысленно сдѣлалъ нѣсколько безцѣльныхъ движеній. Юзекъ, весь въ слезахъ, еще разъ повторилъ страшныя слова и выбѣжалъ.

VIII.

Въ столовой никто,кромѣ Нины, не замѣтилъ ухода Макса.

— Что случилось съ паномъ Баумомъ? — спросила Мада Мюллеръ.

— Развѣ я сторожъ моего компаньона, особенно, если онъ не кассиръ! — шутливо отвѣтилъ Боровецкій, довольный тѣмъ, что глаза этого компаньона не слѣдятъ за Анкой и не контролируютъ его разговора съ Мадой, которая совсѣмъ огорчилась, узнавъ о его невѣстѣ, и убѣждала отца уйти домой. Но Мюллеръ чувствовалъ себя сегодня превосходно, онъ обнялъ Боровецкаго за талію, посадилъ его рядомъ съ дочерью и сказалъ безцеремонно:

— Глупая Мада, вотъ тебѣ кавалеръ, и нечего тебѣ спѣшить домой.

Оба были смущены.

Мада опустила голову и очень сосредоточенно надѣвала перчатки: голосъ Боровецкаго всегда наполнялъ ее трепетомъ восторга, а сегодня звучалъ въ ея душѣ такъ печально, что она боялась, что не совладаетъ съ собой и разразится плачемъ.

Мюллеръ подсѣлъ къ Нинѣ и отъ удовольствія изрѣдка похлопывалъ ее по плечу. Не замѣчая вокругъ себя ни насмѣшливыхъ лицъ, ни смущенія Травинской, онъ громко говорилъ:

— Мнѣ очень хорошо у васъ! У меня прекрасный дворецъ, но мнѣ тамъ непріятно... Я хотѣлъ бы имѣть такую дочь, какъ вы, пани.

— Что же вы можете имѣть противъ Мады? Она сегодня очаровательна.

— Да, Мада прелестна, но Мада глупа. Я хочу выдать ее за поляка, чтобы у нея были такія же гостиныя, какъ у васъ, и чтобы она также принимала гостей; тогда я постоянно просиживалъ бы у нея. Мнѣ все это очень нравится.

— Въ Лодзи это трудно: здѣсь нѣтъ такихъ богачей-поляковъ, за которыхъ вы согласились бы выдать вашу дочь,— замѣтилъ Куровскій, сидѣвшій рядомъ съ Ниной.

— За васъ, панъ Куровскій, я отдалъ бы Маду, или за Боровецкаго: вы порядочные фабриканты.

— Благодарю!—насмѣшливо отвѣтилъ Куровскій, пожимая ему руку. — Но есть получше насъ. Я даже слышалъ уже кое-что о намѣреніяхъ Кесслера.

— Кесслеръ! Пусть онъ женится на своей обезьянѣ изъ звѣринца, а не на моей дочери. Онъ хамъ и негодяй! — вспыхнулъ Мюллеръ, но быстро измѣнилъ тонъ, сталъ добродушно смѣяться и хотѣлъ поцѣловать Нину въ голову... Онъ былъ совсѣмъ пьянъ.

— Что испортило ваше настроеніе?—тихо спросилъ Карлъ Маду.

Она не отвѣтила, а только подняла на него глаза, закрывъ платкомъ вздрагивавшія отъ сдерживаемаго плача губы и горящее лицо, и долго смотрѣла на него. Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и повторилъ вопросъ.

— Ваша невѣста ищетъ васъ, — сказала она, указывая глазами на Анку, которая искала кого-то по комнатѣ.

Боровецкій неохотно направился къ ней.

— Пане Карлъ, пане Высоцкая хочетъ уже идти. Не проводите-ли вы насъ?—сказала Анка.

Она очень церемонно простилась съ Мадой, которая провожала ихъ глазами до конца всей амфилады комнатъ.

— Панна Меля, пора и намъ, — сказалъ Высоцкій и пошелъ искать тетку, дремавшую въ тиши гостиной. На обратномъ пути онъ встрѣтился съ матерью.

— Мы уходимъ. Идемъ съ нами,—предложила Высоцкая.

— Нѣтъ, мнѣ нужно проводить панну Грюнспанъ,—отвѣтилъ онъ.

— Не можетъ ли кто-нибудь другой проводить панну Грюнспанъ?

— Нѣтъ, могу проводить только я!—съ удареніемъ отвѣтилъ докторъ.

Они взглянули другъ на друга почти враждебно.

Глаза матери сверкнули гнѣвомъ; глаза сына выражали спокойствіе и рѣшимость.

— Ты скоро вернешься? У насъ Анка, будетъ и Боровецкій; можетъ быть, поспѣешь къ чаю?

— Не успѣю: мнѣ нужно побывать еще у Мендельсоновъ.

— Какъ хочешь... какъ хочешь... — съ усиліемъ проговорила она сдержанно и не дала ему поцѣловать свою руку на прощанье.

Высоцкій не обратилъ на это вниманія. Онъ помогъ Мелѣ одѣться, и они сейчасъ же уѣхали, такъ какъ экипажъ Мели ждалъ уже у подъѣзда.

— Ѣдемъ къ Розѣ?—спросила Меля.

— Ѣдемъ къ Розѣ, ѣдемъ, куда хотите, ѣдемъ хоть на край свѣта,—горячо отвѣтилъ Высоцкій.

— Слова летятъ дальше, чѣмъ желанія, а желанія — дальше возможности,—тихо проговорила она: къ ней верну-

лось уже спокойствіе, сознаніе дѣйствительности, и она вспомнила свое недавнее рѣшеніе.

— О, я не беру своихъ словъ обратно: возьмите меня и ведите до предѣловъ возможности.

Онъ взялъ ея дрожащую руку.

— Пока я отвезу васъ только къ Розѣ, — отвѣтила она и пожала его руку, не выпуская ее изъ своей.

— А потомъ? — тихо спросилъ Высоцкій, заглядывая ей въ глаза.

— Отвѣтъ завтра,—прошептала она, смотря на бѣжавшихъ рысью лошадей.

Тетка дремала на передней скамеечкѣ, отчаянно качаясь взадъ и впередъ.

Они сидѣли молча, съ удовольствіемъ подставляя разгорѣвшіяся лица вѣтру. Экипажъ мчался и прыгалъ, какъ мячъ, на своихъ резиновыхъ шинахъ по выбоинамъ мостовой.

Оба чувствовали, что приближается рѣшительный, критическій моментъ, что еще мгновенье, и раздастся слово, давно уже звучащее въ сердцахъ, давно ожидаемое, но сдерживаемое.

Они смотрѣли другъ на друга, проникая взглядомъ до глубины души, и становились все ближе другъ другу, все преданнѣе.

Меля не забывала своего рѣшенія, чувствовала весь ужасъ неизбѣжности, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдавалась съ наслажденіемъ волшебному чувству, которое овладѣло ими обоими и разливалось въ крови.

Съ трепетомъ счастья ожидала она его признанія и знала, что сама выскажетъ ему всю силу своей любви.

Она чувствовала непреодолимую потребность испить счастье до дна, хотѣла отдаться страсти, не думая о томъ, что будетъ завтра, а, можетъ быть, именно потому, что знала, какое будетъ это завтра.

Недобрый призракъ мелькалъ въ памяти и рѣзкими очертаніями завтрашней дѣйствительности омрачалъ сегодняшнее счастье, но она хотѣла забыть о немъ хоть на одинъ вечеръ, хоть на одно мгновенье.

Она держала его руку и поминутно то прижимала ее къ сильно бьющемуся сердцу, то гладила ею свое разгорѣвшееся лицо, прижималась къ Высоцкому и смотрѣла вдаль горящими глазами.

Высоцкій наклонился такъ близко, что Меля почувствовала его губы на своемъ лицѣ:

— Меля...—прошепталъ онъ.

Этотъ тихій, глубокій голосъ проникъ въ нее, какъ раскаленное остріе.

Она зажмурила глаза, сердце забилось, какъ раненая птица, волна наслажденія залила ей душу. Она не могла выговорить ни слова и только улыбалась углами губъ.

— Меля!.. Меля!..—повторялъ Высоцкій тише измѣнившимся голосомъ; обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ.

Она поддалась его объятію, но сейчасъ же откинулась на подушку экипажа и безсильнымъ, почти беззвучнымъ голосомъ прошептала:

— Оставьте!.. оставьте!..

Лицо ея смертельно поблѣднѣло, она съ трудомъ дышала.

— Меля, тебѣ нужно прямо домой? — спросила вдругъ проснувшаяся тетка и нѣсколько разъ повторила свой вопросъ, пока Меля поняла его.

— Нѣтъ, вы, тетя, поѣзжайте. Я зайду къ Розѣ.

— А Валентинъ заѣдетъ за тобой?

— Если я не буду ночевать у Розы, то она велитъ отвезти меня на своихъ лошадяхъ.

Меля и Высоцкій остановились передъ дворцомъ Мендельсона.

Роза вышла къ нимъ на встрѣчу въ переднюю, съ любопытствомъ посмотрѣла на нихъ и иронически встрѣтила градъ поцѣлуевъ, которыми осыпала ее подруга.

— Ты одна?—спросилъ Высоцкій, напрасно стараясь дрожащими руками застегнуть свой сюртукъ и повѣсить шляпу на гладкой стѣнѣ.

— Не одна: со мной Коко, чай и скука! — отвѣтила Роза и, немного прихрамывая и раскачиваясь, повела ихъ въ черный кабинетъ.

— Откуда доносится это пѣніе? — спросилъ, прислушиваясь, докторъ: сверху, изъ квартиры Шаи, доносился звукъ монотонныхъ голосовъ и расходился по всему нижнему этажу.

— Отъ отца. Теперь это бываетъ каждый день. Меня это безпокоитъ, потому что, съ самой смерти Бухгольца, папа постоянно молится, ежедневно приходятъ пѣвчіе изъ синагоги и поютъ благочестивыя пѣсни. А на дняхъ онъ сказалъ Станиславу, что передъ смертью хотѣлъ бы устроить большой пріютъ для калѣкъ и старыхъ рабочихъ нашихъ фабрикъ. Это такой симптомъ, что Станиславъ телеграфировалъ въ Вѣну и просилъ прислать доктора-спеціалиста.

— Да, это интересно,—проговорилъ Высоцкій, но совсѣмъ не слышалъ ея словъ, дрожалъ отъ волненія и слѣдилъ глазами за Мелей, входившей въ сосѣдній будуаръ.

— Что это вы такъ смущены оба? Ужъ не признались ли другъ другу въ любви?

— Почти...Но вы мнѣ поможете, правда?

Высоцкій началъ цѣловать ея руки.

— Едва ли!—отвѣтила она.

— Нѣтъ, Роза, наша дорогая, добрая, милая Роза поможетъ, я вѣрю!

— А ты очень ее любишь? — спрашивала она, вытирая платкомъ его вспотѣвшій лобъ.

Онъ съ такой страстью и силой началъ описывать свою любовь, что Роза съ изумленіемъ смотрѣла на него. Она не подозрѣвала въ немъ такихъ пламенныхъ чувствъ, слушала его съ любопытствомъ и участіемъ; въ концѣ концовъ въ сердцѣ ея пробудилась какая то неопредѣленная грусть, и, когда пришла Меля и сѣла рядомъ съ Высоцкимъ, она встала, взяла свою обезьянку и скрылась.

— Я слышала, что ты разсказывалъ Розѣ,—прошептала Меля, нѣжно смотря на него, и, не позволяя ему говорить, обняла его и горячими, жадными губами впилась въ его губы долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ.

— Люблю тебя!—шептала она, отрываясь на мгновенье.

— Люблю тебя! люблю!—отвѣчалъ онъ тихо. Голоса ихъ оборвались, замолкли, руки сплелись въ страстномъ объятьи...

Черезъ нѣсколько мгновеній, цѣлуя ея глаза, волосы, шею, губы, Высоцкій разсказывалъ прерывающимся, вдохновеннымъ голосомъ исторію своей любви.

Меля оперлась на спинку дивана, положила ноги на табуретъ и слушала его. Когда онъ цѣловалъ ее, она закрывала глаза и отдавалась волнѣ счастья, которая шла отъ его словъ, признаній и ласкъ.

А когда онъ сказалъ, что завтра же пойдетъ къ ея отцу просить ея руки, когда усталый сѣлъ на подушку у ея ногъ и, всматриваясь въ ея затуманенные глаза, началъ описывать прекрасное будущее, ожидающее ихъ обоихъ, — она не прерывала его, смотрѣла на него глазами полными слезъ безконечнаго счастья, а на губахъ ея расцвѣтала какая-то странная, печальная улыбка. Она не противорѣчила ему и только по временамъ обнимала руками его голову, цѣловала его глаза и тихо шептала:

— Люблю тебя! Говори, дорогой мой, дай мнѣ упиться сегодня счастьемъ!

И онъ продолжалъ говорить, развивая настоящую симфонію любви. Онъ не замѣтилъ даже появленія Розы, которая тихонько сѣла на диванъ, обняла Мелю, положила свою красную голову на ея плечо и горящими глазами всматривалась въ него.

Для нихъ уже не существовалъ міръ: люди, дѣйствительность,—все забылось, покрытое туманомъ страсти.

Они говорили все рѣже и тише, какъ будто боясь нарушить чудную волшебную минуту.

Вокругъ царила тишина, съ улицы не доносилось ни малѣйшаго звука, комната, слабо освѣщенная электричествомъ, утопала въ полумракѣ темныхъ стѣнъ, наполненная возбуждающимъ запахомъ пунцовыхъ розъ, цѣлый кустъ которыхъ ярко горѣлъ у одной стѣны, въ бронзовомъ вазонѣ.

Влюбленные молчали. Вдругъ Роза, сидѣвшая неподвижно, сильно за дрожала, сдерживая рыданія, но не могла совладать съ собою, бросилась на коверъ и разразилась громкимъ плачемъ.

— Почему меня никто не любитъ? Почему меня никто не любитъ? Вѣдь и мнѣ хочется счастья, вѣдь и я умѣю любить, жажду любви!—восклицала она печальнымъ голосомъ, и такъ судорожно рыдала, что Меля ничѣмъ не могла успокоить ее, да и не умѣла: этотъ плачъ отозвался въ ней рѣзкимъ диссонансомъ и напомнилъ ужасную дѣйствительность.

Высоцкій всталъ, собрался уходить и еще разъ повторилъ, что завтра зайдетъ къ отцу Мели.

— Объ одномъ должна тебѣ напомнить: я—еврейка,—тихо сказала она.

— Я имѣлъ это въ виду, и это не помѣха, если ты меня любишь и захочешь принять христіанство.

— Я готова принять ради тебя даже мученическую смерть!—твердо проговорила она. — Но не будемъ говорить объ этомъ. Завтра утромъ я поговорю съ отцомъ и сейчасъ же напишу тебѣ. Жди моего письма и до тѣхъ поръ не приходи!—быстро прошептала она.

Меля прибѣгла къ этому средству, потому что у нея нехватало силъ и мужества сказать, что она не можетъ быть его женой: ни за что въ мірѣ она не сказала бы этого ему теперь... Завтра... завтра... а теперь — еще поцѣлуевъ, еще ласкъ, еще увѣреній.. еще этой сильной, опьяняющей любви, еще... еще...

— Еще минутку, дорогой мой, еще минутку! — просила она, направляясь съ нимъ къ выходу по амфиладѣ сумрачныхъ комнатъ.—Ты не чувствуешь, какъ мнѣ тяжело оторваться отъ тебя?

Мелей овладѣвалъ страхъ, что онъ уйдетъ, и она никогда больше не увидитъ его. Она прижималась къ нему съ отчаяньемъ, крѣпко обнимала его, и оба не могли разстаться.

Они нѣсколько разъ останавливались, но, какъ ни замедляли шаги, были все ближе къ выходу. Меля начала дрожать отъ волненія и все печальнѣе и тише шептала:

— Еще минуту, еще минуту.

— Завтра увидимся, Меля, и будемъ видѣться каждый день.

— Да... каждый день... каждый день... — повторяла она, какъ эхо, и кусала губы до крови, чтобы не крикнуть, не излить своего отчаянья, не броситься къ его ногамъ съ страстной мольбою не уходить, остаться или взять съ собою сейчасъ же и увезти далеко, далеко...

— Какъ я люблю тебя!—сказалъ Высоцкій на прощанье и поцѣловалъ ее въ руку и въ губы.

Меля уже не отвѣчала на поцѣлуи, не двигалась. Опершись на стѣну, тупымъ взглядомъ смотрѣла она, какъ онъ одѣвался, какъ открылъ дверь и скрылся за нею... Она лишилась силъ, сердце разрывалось, рыданіе сжало ея горло.

— Мецекъ!—крикнула она ему вслѣдъ.

Онъ не услышалъ и не вернулся.

Медленно возвращалась она по пустымъ и мрачнымъ комнатамъ, похожимъ на великолѣпныя большія гробницы, въ которыхъ царила скука, роскошь и пустота. Она шла все медленнѣе, останавливаясь на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ только что испытала его поцѣлуи, безсознательно осматривалась и направлялась къ Розѣ, которая плакала отъ горя, что ее никто не любитъ.

— Все кончено,—думала Меля.

Сдерживаемыя силой воли слезы прорвались и хлынули неудержимымъ потокомъ.

IX.

Отъ счастья Высоцкій летѣлъ домой, какъ на крыльяхъ. Онъ еще засталъ всѣхъ за чаемъ, въ томъ числѣ Травинскую, которая зашла къ нимъ отъ скуки безъ мужа, который уѣхалъ съ Куровскимъ.

Всѣ сидѣли за круглымъ столомъ, освѣщеннымъ висячей лампой, и критиковали сегодняшнихъ гостей Нины.

Высоцкій вошелъ въ тотъ моментъ, когда Анка горячо защищала Мелю отъ ядовитыхъ нападокъ его матери. Раздраженная отсутствіемъ сына, старуха еще больше выливала всю свою ненависть къ евреямъ.

Высоцкій слушалъ молча, пилъ чай и думалъ о Мелѣ. Онъ еще чувствовалъ жаръ ея поцѣлуевъ, вздрагивалъ при воспоминаніи объ объятіяхъ и съ наслажденіемъ вдыхалъ ароматъ ея духовъ, передавшійся его одеждѣ, рукамъ...

Онъ былъ такъ счастливъ, что къ несправедливымъ, фанатическимъ замѣчаніямъ матери относился съ снисходительной улыбкой и посматривалъ на Боровецкаго, который

въ облакахъ папироснаго дыма, облокотившись на столъ, глядѣлъ на Нину и Анку. Онѣ сидѣли рядомъ, наклонясь другъ къ другу. Голова Нины искрилась золотомъ, а свѣтлая, прозрачная кожа напоминала розовый фарфоръ. Ея зеленоватые глаза были устремлены на Высоцкую. Анка, съ шапкой темныхъ пушистыхъ волосъ, съ быстро мѣнявшимся, подвижнымъ лицомъ, уже не сдерживая своего негодованія, страстно опровергала Высоцкую и, подаваясь иногда впередъ, такъ морщила свои черныя брови, что онѣ становились похожими на натянутый лукъ. Ея лицо, какъ зеркало, отражало всѣ движенья души; она защищала евреевъ отъ всего сердца и разбивала логическіе доводы Высоцкой, которая сидѣла въ глубокомъ креслѣ, по другую сторону стола, и говорила внушительнымъ тономъ. Когда, въ порывѣ увлеченія, она наклонялась надъ столомъ, свѣтъ лампы, падавшій сверху, освѣщалъ ея еще красивое лицо.

— Пане Мечиславъ,—обратилась Анка къ Высоцкому,—помогите же мнѣ защитить евреевъ и особенно панну Грюнспанъ, а то панъ Карлъ отказывается, подъ предлогомъ, что она не нуждается въ этомъ.

— Я тоже скажу: Меля... панна Грюнспанъ совершенно не нуждается въ защитѣ. Это все равно, что защищать солнце отъ упрековъ, что оно слишкомъ свѣтитъ и грѣетъ.

Споръ усилился, но его прервалъ Юзефъ Яскульскій. Заплаканный юноша сообщилъ, что мать Баума очень больна, и что онъ ищетъ Высоцкаго по всему городу.

— Сію минуту иду!—сказалъ докторъ.—Спокойной ночи, господа!

— И мнѣ пора,—сказала Нина.

— Погода чудная, я васъ провожу,—предложила Анка.— Пане Карлъ, пойдете съ нами?

Карлъ поклонился въ знакъ согласія, но не очень-то остался доволенъ ея выдумкой: ему хотѣлось спать.

— Кстати, о паннѣ Грюнспанъ...—говорилъ Мецекъ изъ своего кабинета, одѣтый уже въ пальто.—Будьте, господа, нѣсколько снисходительнѣе къ ней, хотя бы потому, что Меля—моя будущая жена.

Мать вскочила съ мѣста, но докторъ не обратилъ на нее вниманія и быстро исчезъ.

Когда Максъ, вызванный Юзефомъ, прибѣжалъ домой отъ Травинскихъ, мать его поминутно теряла сознаніе.

Большая комната была залита красноватымъ сумракомъ зари, въ которомъ лицо умирающей, покрытое синевой, казалось застывшимъ.

Фрау Августа, стоя на колѣняхъ у изголовья, плакала и молилась вполголоса.

Старикъ Баумъ сидѣлъ у постели, въ ногахъ, съ окаменѣвшимъ, холоднымъ лицомъ и блестящими отъ сдержанныхъ слезъ глазами смотрѣлъ на жену. Повидимому спокойный, онъ такъ сжималъ ручку кресла, что оставлялъ на деревѣ слѣды своихъ ногтей. При появленіи Макса, онъ перевелъ на него взглядъ и слѣдилъ за его движеніями, когда юноша, бросившись къ матери, опустился на колѣни около кровати.

— Мама! мама! — тревожно восклицалъ Максъ, трогая ея судорожно сжатую руку.

Старуха дышала очень медленно. Въ стеклянныхъ, выпуклыхъ глазахъ по временамъ отражался блескъ зари, правая рука двигаясь по одѣялу, точно искала клубокъ, который скатился къ стѣнѣ и сверкалъ торчащими спицами.

Прислуга, стоявшая на колѣняхъ въ сумракѣ комнаты, вдругъ разразилась громкимъ плачемъ.

— Мама! — еще разъ простоналъ Максъ, и душа его прониклась такой жалостью, что онъ тоже заплакалъ.

Больная, какъ будто, пришла въ себя, повернула голову и, устремивъ мертвый взглядъ на сына, схватила коченѣющей рукой его руку; улыбка нѣжности тронула посинѣвшія губы, но не вызвала ничего больше, кромѣ хриплаго вздоха.

Съ застывшей улыбкой на лицѣ, больная снова отвернулась. Налетѣвшій вѣтеръ пригнулъ низкіе кусты сирени къ самымъ окнамъ; кисти цвѣтовъ бились о стекла и заглядывали своими лиловыми глазами въ неподвижное лицо умирающей. Нижняя челюсть ея опускалась все ниже.

Максъ, зная, что все уже кончено, тѣмъ не менѣе, послалъ за Высоцкимъ и ждалъ его съ нетерпѣніемъ, тревожно прислушиваясь къ дыханію матери. Она еще была жива: иногда изъ ея груди вырывался тихій стонъ, шевелились губы, отвердѣвшіе пальцы дѣлали какія-то безцѣльныя движенія... Наконецъ, пришелъ Высоцкій, а вслѣдъ за нимъ Боровецкій. Больная уже лежала неподвижно, мертвая, съ широко открытыми глазами, погружаясь въ вѣчный мракъ. Докторъ констатировалъ смерть.

Максъ, уткнувшись лицомъ въ одѣяло, плакалъ, какъ ребенокъ. Старикъ Баумъ коснулся висковъ и холодныхъ рукъ умершей и, заглянувъ послѣдній разъ въ ея открытые глаза, какъ будто съ изумленіемъ засмотрѣвшіеся въ глубину вѣчности, закрылъ дрожащими пальцами ея вѣки. Потомъ онъ медленно удалился, оглядываясь и останавливаясь на каждомъ шагу.

Долго сидѣлъ онъ, ничего не сознавая, на кипѣ платковъ въ своей пустой и темной конторѣ.

Когда онъ очнулся, была уже глубокая ночь; городъ спалъ среди мертвой тишины, только откуда-то съ окраины доносились слабые звуки гармоники.

Баумъ поднялся и медленно обошелъ весь домъ, погруженный во мракъ.

Въ складѣ, гдѣ горѣлъ газовый рожокъ, онъ увидѣлъ Юзефа, спавшаго на кипѣ товара. Старикъ не сталъ его будить и поплелся дальше по амфиладѣ пустыхъ комнатъ. Въ столовой онъ наткнулся на Макса, который спалъ на кушеткѣ, какъ пришелъ отъ Травинскихъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ.

Передъ спальной жены старикъ на минуту поколебался, но всетаки вошелъ.

Кровать была выдвинута на средину комнаты, покойница лежала, покрытая простыней, изъ-подъ которой слабо обрисовывались черты лица. На столѣ горѣли восковыя свѣчи, нѣсколько работницъ пѣли заупокойныя молитвы.

Фрау Августа, съ кошками на рукахъ, съ опухшимъ отъ слезъ лицомъ, дремала на диванѣ.

Вѣтеръ колыхалъ занавѣски открытыхъ оконъ.

Баумъ долго смотрѣлъ на эту картину, какъ будто стараясь запечатлѣть ее навсегда. Потомъ вернулся въ свою комнату, взялъ лампу и, какъ часто дѣлалъ въ послѣднее время, когда не могъ спать, отправился на фабрику.

Безмолвные, черные павильоны стояли, словно громадныя каменныя глыбы; луна уже скрылась, но звѣзды еще сверкали, слегка затуманенныя борьбой ночи съ зарождавшимся на востокѣ днемъ.

Дворъ, похожій на колодезь, оглашался воемъ и лаемъ собакъ, которыхъ забыли спустить съ цѣпи.

Старикъ не обратилъ на нихъ вниманія и вошелъ въ темный, длинный корридоръ, напоминавшій тунель. Здѣсь пахло гнилью, среди мертвой пустоты не раздавалось даже эхо шаговъ.

Баумъ автоматически переходилъ изъ одного отдѣленія въ другое.

Въ тихихъ, какъ могилы, залахъ по обѣимъ сторонамъ стояли ряды станковъ, похожихъ на безпомощно согнувшіеся скелеты; спущенные съ колесъ, ремни, покрытые длинными волокнами паутины, напоминали распоротые кишки и жилы, а свободно висѣвшія полосы рисунковъ—содранную кожу.

— Умерла!—шепталъ старикъ, смотря на длинный рядъ залъ и вслушиваясь въ гробовую тишину.—Умерла!—повторялъ онъ, неизвѣстно про кого, - про жену или фабрику, и шагалъ

все медленнѣе изъ одного этажа въ другой, изъ павильона въ павильонъ.

Высоцкій и Боровецкій вышли отъ Баума въ очень печальномъ настроеніи.

— Жаль мнѣ Макса,—говорилъ Боровецкій. — Онъ безумно любилъ мать, и эта смерть надолго выбьетъ его изъ колеи. А между тѣмъ, сейчасъ надо устанавливать машины, что для насъ крайне важно. Не везетъ мнѣ! И такъ во всемъ!—сердито кончилъ Карлъ.

— Скоро ли панна Анна переѣзжаетъ въ Лодзь?—спросилъ Высоцкій.

— Черезъ недѣлю.

— А свадьба когда?

— Объ этомъ я и думать забылъ! Сперва необходимо пустить въ ходъ фабрику. Когда она начнетъ дѣйствовать, т. е. не раньше октября, тогда и будемъ думать о свадьбѣ.

Они продолжали идти молча и на Петроковской вдругъ встрѣтили Вельта.

— Морицъ! Ты когда пріѣхалъ? Пойдемъ куда-нибудь пить кофе,—предложилъ Боровецкій.

— Только сейчасъ,— отвѣтилъ Вельтъ. — Я направлялся домой, но если вы идете пить кофе, я пойду съ вами...

— У Макса только что умерла мать. Мы оттуда.

— Умерла! Не люблю я такихъ вещей.—Морицъ вздрогнулъ.—Что новаго въ городѣ?

— Ничего. Впрочемъ, я не знаю,—сижу цѣлыми днями на фабрикѣ. Гросглюкъ обрадуется, когда увидитъ тебя. Онъ сегодня спрашивалъ о тебѣ.

— Не очень обрадуется,—отвѣтилъ Морицъ, поправляя дрожащими руками пенснэ и окинувъ Карла быстрымъ взглядомъ.

Въ гостиницѣ, въ такое позднее время, было совсѣмъ пусто, только въ садикѣ, разбитомъ по серединѣ двора, сидѣли Мышковскій и Муррей.

Они подсѣли къ нимъ.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ Мышковскій. — Цѣлый часъ жду кого-нибудь, надоѣло пить одному.

— А англичанинъ?

— Онъ только послѣ четвертой невѣсты чувствуетъ себя хорошо, а послѣ четвертой кружки никуда не годится.

— Вы давно здѣсь?

— Муррей полчаса назадъ пришелъ, а я сидѣлъ уже тутъ. Позавтракать завернулъ, да такъ и просидѣлъ до обѣда, а послѣ обѣда явилось нѣсколько знакомыхъ, — не стоило уходить. Дождался ужина, а послѣ ужина что мнѣ дѣлать

въ городѣ? Театра я не люблю, знакомыхъ у меня почти нѣтъ, куда же мнѣ, сиротѣ, дѣваться, какъ не въ кабакъ? Муррей разсказывалъ мнѣ очень интересныя вещи о своихъ невѣстахъ... А какъ фабрика?

— Растетъ.

— Дай ей Богъ здоровья, хорошаго аппетита и пищеваренія. Вы похудѣли, пане.

— Еще бы, работаю за десятерыхъ, и все мало.

— Ну вотъ! Кто только ни придетъ, сейчасъ начинаетъ разсказывать, что онъ дѣлалъ вчера, сегодня и что будетъ дѣлать завтра, какъ истомился отъ работы и т. д. Чортъ возьми! Да гдѣ мы: среди людей или машинъ? Что за глупое превращеніе человѣка въ машину! Я хочу знать ихъ мысли, чувства, впечатлѣнія, а они мнѣ разсказываютъ, какъ работаютъ... Дай-ка намъ пива!—крикнулъ Мышковскій лакею.

— Мы хотимъ кофе.

— Пейте.

— Развѣ есть время мечтать о небесахъ? Кому позволяютъ это средства?—насмѣшливо спросилъ Вельтъ.

— Только волу некогда, потому что его гонятъ на работу.

— Работа—основа, пане Мышковскій, а все остальное—придатокъ.

— Не говорите такъ, пане: это вы являетесь придаткомъ къ своему кошельку, что меня не удивляетъ, такъ какъ объясняется вашей жульнической расой; но что такъ же думаютъ Боровецкій и докторъ,—это меня злитъ.

— Я ни о чемъ не спорю, ничего не утверждаю, — сказалъ Боровецкій, — я теперь устраиваю фабрику, а когда кончу, тогда, пожалуй, займусь философствованіемъ.

— А я иду домой: страшно усталъ,—сказалъ Высоцкій, прощаясь.

Карлъ торопливо допилъ кофе и вмѣстѣ съ Морицомъ послѣдовалъ за нимъ.

— Останьтесь со мной,—просилъ Мышковскій Муррея:—поговоримъ о любви.

— Не могу, завтра понедѣльникъ: мнѣ въ пять часовъ вставать и идти на фабрику.

— Нашли кого-нибудь на мѣсто Боровецкаго?

— Я взялъ послѣ него всю работу за половинное жалованье,—отвѣтилъ на-ходу англичанинъ.

Оставшись одинъ, Мышковскій съ грустью подумалъ, что теперь нужно возвращаться домой. Подъ гнетомъ этой мысли, онъ задремалъ за столомъ.

— Пане, мы запираемъ!—вѣжливо объявилъ лакей.

Мышковскій сонно оглянулся кругомъ: было пусто, су-

мрачно, темно, прислуга убирала посуду и сдвигала въ одну кучу столы.

Мышковскій надѣлъ шляпу, расплатился и дошелъ было до двери, но вдругъ такъ противно ему стало возвращаться домой, что онъ опять вернулся къ столику и сказалъ:

— Кельнеръ, бутылку пива и два стакана!.. Выпей со мной, да скажи-ка, чтобы приготовили мнѣ какую-нибудь постель. Чортъ побери такую жизнь!

Отъ злости Мышковскій плюнулъ.

X.

— Уже два дня, какъ мы здѣсь, а я все еще сомнѣваюсь,—говорила Анка съ веранды.

— Между тѣмъ, это, дѣйствительно — Лодзь! — отвѣтилъ панъ Адамъ, сидѣвшій въ своемъ креслѣ, въ саду, подъ верандой. Закрывая рукою глаза отъ солнца, онъ всматривался въ красныя стѣны фабрикъ и чащу трубъ. Его взглядъ остановился на лѣсахъ фабрики Боровецкаго въ концѣ сада, и старикъ тихо вздохнулъ.

— Да, это Лодзь!—повторила вполголоса Анка и направилась въ комнаты, къ раскрытымъ ящикамъ, къ безпорядочно разставленной мебели, къ закутаннымъ въ солому вещамъ, которыя поспѣшно распаковывались нѣсколькими рабочими, подъ командой Матвѣя.

Она помогала имъ приводить все въ порядокъ, сама прибила занавѣски, оживленно спорила съ Матвѣемъ, но чаще всего садилась на какой-нибудь тюкъ или на подоконникъ и печальнымъ взоромъ водила по комнатѣ.

Ей было грустно: этотъ чужой домъ, гдѣ только что кончился ремонтъ и еще пахло краской, возбуждалъ въ ней такое уныніе, что она часто убѣгала на большую веранду, закрытую зелеными фестонами дикаго винограда. Но и тамъ ея глаза, привыкшіе къ безконечнымъ зеленымъ полямъ, къ лѣсамъ, синѣвшимъ на горизонтѣ, къ безграничному небу, встрѣчали лишь фабрики, дома, сверкавшія на солнцѣ крыши, т. е. настоящую Лодзь. Городъ давилъ дѣвушку. Та Лодзь, о которой она мечтала, теперь охватывала ее глубокой печалью смутныхъ, тревожныхъ предчувствій.

Она возвращалась въ комнату къ работѣ, стыдясь своей слабости, и съ трудомъ подавляла слезы неопредѣленной тоски.

— Не нужно ли вамъ чего-нибудь, отецъ?—спрашивала она по временамъ, высовываясь изъ окна.

— Ничего, Анка, ничего; уже черезъ часъ придетъ Карлъ

обѣдать,— умышленно громко отвѣчалъ старикъ, чтобы дѣвушка не замѣтила его собственнаго унынія; онъ даже сталъ напѣвать:

Жилъ-былъ у бабушки сѣренькій козликъ.
Вотъ какъ, вотъ какъ!..

и по привычкѣ прибавилъ:

— Ѣдемъ, Валекъ!

Но Валекъ остался въ Куровѣ, а его временно замѣщалъ Матвѣй.

Со вздохомъ панъ Адамъ замолчалъ и сталъ смотрѣть на грязные клубы дыма, выходившіе изъ трубъ Мюллеровской фабрики. Запахъ извести и асфальта, который варили для половъ фабрики Карла заставилъ его сильно закашляться.

Старикъ прикрылъ ротъ платкомъ и смотрѣлъ на длинную дорожку среди чудныхъ кустовъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ, которая вела на фабрику.

Погода стояла тихая, теплая, вѣтви вишневыхъ деревьевъ слегка колыхались, точно играя темными листьями, посыпанными угольною пылью и сажей.

Нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ поднимали свои верхушки съ пожелтѣвшей уже зеленью и жадно тянулись къ солнцу.

Старикъ очнулся и сталъ подсвистывать дрозду, клѣтка котораго висѣла на верандѣ. Но осовѣлый дроздъ, сидѣвшій съ опущенными крыльями, лишь сонно поднялъ голову и, тупо посмотрѣвъ на хозяина, снова задремалъ.

— Карла еще не видно?— спросила Анка, выйдя на веранду.

— Нѣтъ, свистокъ будетъ только черезъ полчаса. Анка, поди-ка сюда!

Она вышла и сѣла на ручку кресла.

— Что съ тобой, Анка? Смѣлѣй, дружокъ, не поддавайся унынію!.. Ишь, ты, какая молодчина!.. Ну, ну! скоро совсѣмъ забудешь, что какой-то Куровъ существуетъ на свѣтѣ. Голову вверхъ и маршъ!—быстро проговорилъ панъ Адамъ, поцѣловавъ и погладивъ ее по головѣ. Старикъ велѣлъ Матвѣю отвезти себя въ комнаты. Тамъ онъ сталъ громко командовать рабочими и напѣвать, стараясь, чтобы его слышала Анка. Потомъ сталъ шутить съ Камой, которая зашла съ Высоцкой, будто бы помочь устраиваться, но на самомъ дѣлѣ только мѣшала. Связавъ въ одну свору старыхъ дворовыхъ и охотничьихъ собакъ, привезенныхъ изъ Курова и бродившихъ по дому и саду съ опущенными гололовами, она принялась съ ними бѣгать по верандѣ.

— Кама, что ты дѣлаешь?—напала на нее Высоцкая, затыкая уши отъ лая собакъ. — Я скажу тетѣ, и панъ Горнъ узнаетъ, чѣмъ ты занимаешься!

— Ну, такъ что! Я никого не боюсь. Панна Анна за меня заступится,—отвѣтила дѣвушка, бросаясь къ Аннѣ, и, горячо обнявъ ее, убѣжала съ собаками въ садъ.

— Заграй! Лапа! Кручекъ!—кошка!.. кошка!.. кошка!..—крикнула она, спустивъ собакъ на бѣлую кошку, и сама понеслась за ними по аллеямъ.

Нѣсколько разъ она падала, вскакивала и снова принималась бѣгать; собаки, съ отрывистымъ лаемъ, вели безполезную аттаку: кошка сидѣла уже на деревѣ и угрожающе фыркала.

Кама полѣзла было за нею, но кошка перепрыгнула на сосѣднее дерево, оттуда—на заборъ, гдѣ преспокойно усѣлась и посматривала на собакъ, царапавшихъ стѣну и выввшихъ отъ бѣшенства. Отъ усталости Кама едва дышала.

— Молодецъ дѣвушка! Подойди-ка сюда, малютка, дай поцѣловать тебя,—говорилъ панъ Адамъ, весело смѣясь.

— Господи! Какъ я измучилась! совсѣмъ задыхаюсь! Собаки ваши никуда не годятся... держали кошку въ зубахъ, а она всетаки вырвалась!..—кричала Кама съ разгорѣвшимся лицомъ, потирая ушибленное колѣно.

Панъ Адамъ, поцѣловавъ Каму въ голову, откинулъ со лба ея разсыпавшуюся, влажную шевелюру.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были моимъ дядей!—говорила она, обнимая его.—Вотъ панъ Карлъ идетъ съ Морицомъ!.. Знаете, я буду звать васъ „дядя“. Можно?

— Отлично, тѣмъ болѣе, что черезъ твою тетку я прихожусь тебѣ какимъ то родственникомъ.

— Панна Анна! панъ Карлъ идетъ съ чернымъ Морицомъ!—крикнула Кама съ веранды и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Собаки дружно кинулись за нею и начали, по старому куровскому обычаю, лаять на гостей.

— Тише!—крикнула она на нихъ,—это вашъ хозяинъ, а еврея тоже нельзя кусать: онъ не арендаторъ!.. Я съ вами не здороваюсь,—говорила она Карлу и Морицу,—такъ какъ одинъ не былъ у насъ двѣ недѣли, а другой тысячу лѣтъ!

— За то я вамъ привезъ подарокъ изъ Берлина,—сказалъ Вельтъ,—со мной его нѣтъ, но принесу на домъ.

— Знаемъ мы эти обѣщанія! Панъ Карлъ тоже вотъ обѣщалъ пани Стефани придти, да не показывался двѣ недѣли,—щебетала Кама, провожая ихъ на веранду, куда уже подали обѣдъ.

Морицъ былъ блѣденъ и очень разстроенъ. Онъ старался быть разговорчивымъ и все подтрунивалъ надъ Камой. Она,

наконецъ, разсердилась и, съ обычной порывистостью, плеснула въ него водой изъ стакана. Высоцкая сдѣлала ей такой выговоръ, что дѣвушка со слезами стала извиняться:

— Морицъ, не сердитесь на меня! Если вы не простите и скажете тетѣ, то я столько наговорю про васъ, столько наговорю, что и тетя, и панна Стефа, и Ванда, и панъ Серпинскій,—всѣ, всѣ будутъ вами недовольны!

— А Горнъ вызоветъ тебя на дуэль и убьетъ изъ пушки!—прибавилъ Карлъ ей въ тонъ.

— Конечно, убьетъ! Думаете, нѣтъ? Думаете, онъ не умѣетъ стрѣлять? Въ воскресенье въ тирѣ онъ попалъ въ туза пятнадцать разъ изъ двадцати. Я сама видѣла.

— А-а! вотъ куда Кама ходитъ! Будемъ имѣть въ виду,—сказалъ Карлъ.

— Я вовсе не говорила... я...—Она покраснѣла, кликнула собакъ и убѣжала въ садъ.

— Чудная дѣвушка!—замѣтилъ панъ Адамъ.—Жаль, что пропадаетъ здѣсь въ Лодзи.

— Конечно, было бы лучше отправиться ей на пастбище съ пастушками, но ничего не подѣлаешь! Ея мать такъ много наслаждалась этой идилліей, что дочь уже не хочетъ,—иронизировалъ Карлъ.

— Это лучшій ребенокъ въ мірѣ,—сказала Высоцкая, смотря, какъ она бѣгаетъ по саду.

— Только не мѣшало бы ей поумнѣть.

— Еще успѣетъ, время не ушло.

— Не такъ его уже много осталась. Ей вѣдь лѣтъ пятнадцать, а она совсѣмъ дѣвочка.

Обѣдъ кончился. Наскоро выпивъ кофе, Карлъ съ Морицомъ отравились на фабрику, а панъ Адамъ—въ садъ подремать въ тѣни. Высоцкая осталась наединѣ съ Анкой.

— А, знаешь, я уже успокоилась за Мецека,—таинственно сообщила она Анкѣ.—Онъ уѣзжалъ на два дня въ Варшаву и, вернувшись вчера, сказалъ за обѣдомъ, чтобы я больше не волновалась, такъ какъ онъ на этой... Грюнспанъ не женится: она отказала ему... Слышишь, Анка, Грюнспанъ не захотѣла выйти за Высоцкаго! Каково жидовское нахальство? Какая-то торговка... не захотѣла выйти за моего сына!.. Разумѣется, я счастлива, что бракъ не состоится, съ радости отслужила даже молебенъ, но всетаки не могу простить ей: какъ смѣла она отказать моему сыну?! И кто? жидовка!.. Онъ далъ мнѣ ея письмо, въ которомъ она самымъ безстыднымъ образомъ признается въ любви къ нему, но отказывается отъ брака, такъ какъ на перемѣну ею религіи родные никогда не согласятся. Прощается она съ нимъ такъ нѣжно, что, пиши это не жидовка къ моему сыну, я, право бы, за-

плакала отъ жалости. Хочешь, прочти письмо, только никому ни слова!

Анка читала долго: письмо было на четырехъ мелко исписанныхъ страницахъ, и столько въ немъ было нѣжности, печали и самоотреченія, что она, не кончивъ, расплакалась.

— Но вѣдь она умираетъ отъ горя!.. Если Мечиславъ ее любитъ, онъ не долженъ ни на что обращать вниманія... — съ трудомъ проговорила Анка.

— Не бойся, она не умретъ отъ любви, выйдетъ за какого-нибудь милліонера и быстро утѣшится. Ты не знаешь евреекъ.

— Страдаютъ всѣ одинаково,—грустно замѣтила Анка.

— Это такъ только кажется...

— Нѣтъ... нѣтъ...—Анка вдругъ вскочила: на фабрикѣ раздался трескъ, грохотъ и нечеловѣческій вопль толпы. По тропинкѣ во весь духъ бѣжала Кама.

— Лѣса!.. Господи... всѣ убиты... Господи, Боже!..—кричала она, обезумѣвъ и дрожа отъ испуга.

Анка, въ ужасномъ волненіи, кинулась на фабрику, но стоявшій возлѣ калитки человѣкъ не пустилъ ее, увѣряя, что ничего особеннаго не случилось, упали только верхніе лѣса, придавивъ нѣсколькихъ человѣкъ, и что туда уже пошелъ Боровецкій, который не велѣлъ ему никого пускать.

Анка вернулась въ комнаты. Но когда Высоцкая и Кама ушли, она не могла больше владѣть собою: ей все чудились стоны раненыхъ... Она послала Матвѣя узнать подробности, но, не дождавшись его, взяла домашнюю аптечку, привезенную изъ Курова, и отправилась сама.

Анка съ изумленіемъ увидѣла, что работы идутъ своимъ чередомъ. Каменщики, посвистывая, стояли на лѣсахъ у главнаго корпуса; кровельщики раскладывали на крышахъ большіе оцинкованные листы; дворъ былъ загроможденъ возами съ кирпичемъ и известью, а въ будущей прядильнѣ самымъ спокойнымъ образомъ устанавливали машины.

Карла не оказалось: онъ, какъ сообщили ей, ушелъ въ городъ. Анка попросила провести ее къ Максу.

Баумъ поспѣшно вышелъ въ своей синей блузѣ, грязный, запачканный, съ трубкой въ зубахъ.

— Что случилось?—спросила дѣвушка.

— Да ничего... Упали лѣса, которые и безъ того надо было разобрать.

— А люди не пострадали?

— Карлъ не погибъ, только что ушелъ съ Морицемъ,— сухо отвѣтилъ Баумъ.

— Я спрашиваю о рабочихъ? Я слышала крикъ...

— Кажется, кого-то помяло: я тоже слышалъ.

— Гдѣ они?—спросила она нѣсколько повелительнымъ тономъ, раздраженная небрежностью его отвѣтовъ и вызывающимъ выраженіемъ лица.

— Тамъ, въ корридорѣ. Зачѣмъ вамъ глядѣть на эту картину?

— Докторъ здѣсь?

— Посылали, да не нашли. Пока Яскульскій дѣлаетъ имъ перевязку. Онъ немножко смыслитъ въ медицинѣ: когда-то въ своей усадьбѣ пускалъ кровь лошадямъ. Васъ я не пущу туда: зачѣмъ разстраиваться? Такое зрѣлище не для васъ. Да вы ничѣмъ и не поможете,—рѣшительно проговорилъ онъ, загораживая дорогу.

Оскорбленная Анка такъ взглянула на него, что онъ невольно попятился и, открывъ дверь, указалъ рукой, куда идти.

Вернувшись къ прерванной работѣ, Максъ отъ времени до времени украдкой заглядывалъ въ корридоръ, гдѣ находились раненые.

Широкій, со стеклами, корридоръ сдѣлался временнымъ лазаретомъ.

Пять человѣкъ лежало въ рядъ, на свѣжихъ стружкахъ и соломѣ.

Яскульскій съ помощью рабочаго перевязывалъ раны.

Стоны изувѣченныхъ не умолкали, по бѣлому полу текла ручьями кровь, быстро засыхая отъ накалявшаго стеклянную стѣну солнца.

Анка вскрикнула, при видѣ окровавленныхъ фигуръ, и, не задумываясь, стала помогать Яскульскому.

Стоны надрывали душу, часто глаза Анки покрывались слезами. Она нѣсколько разъ выходила на воздухъ, чтобы не упасть въ обморокъ; тѣмъ не менѣе, побѣждая ужасъ и отвращеніе, она промывала раны, накладывала корпію, чтобы сколько-нибудь остановить кровь.

Яскульскій больше вздыхалъ, чѣмъ приносилъ помощь. Ей пришлось распоряжаться самой, и Анка прежде всего послала Матвѣя пригласить перваго попавшагося доктора или фельдшера.

Между рабочими тотчасъ же разнеслась вѣсть, что барышня сама ухаживаетъ за больными, и поминутно чье-нибудь лицо заглядывало въ окна.

Черезъ полчаса явился Высоцкій, бывшій врачомъ на постройкѣ, и съ изумленіемъ встрѣтилъ Анку среди раненыхъ.

Онъ быстро принялся за работу и сразу констатировалъ: переломъ ногъ у двоихъ, раздробленое плечо у третьяго, разбитую голову у четвертаго и у пятаго, почти мальчика, все впадавшаго въ обморокъ,—какое-то внутреннее поврежденіе.

Трехъ тяжело раненыхъ—отправили на носилкахъ въ больницу, а за однимъ пришла жена и, заливаясь слезами, увезла его домой. Остался только парнишка, котораго Высоцкій, приведя, наконецъ, въ чувство, велѣлъ положить на носилки; но тотъ разревѣлся и схватился за платье Анки.

— Не давайте меня въ больницу, не давайте... ради Бога, не давайте!..—кричалъ онъ.

Анка стала успокаивать его, но парень дрожалъ отъ страха, слѣдя безумнымъ взглядомъ за движеніями людей, стоявшихъ возлѣ носилокъ.

— Ну, хорошо, скажи, гдѣ твоя мать?—отнесутъ къ ней, и я позабочусь о тебѣ.

— У меня нѣтъ матери.

— Ну, гдѣ ты живешь?

— Нигдѣ.

— Гдѣ-нибудь же ты ночуешь?

— А на кипричномъ заводѣ Карчмарека и утромъ пріѣзжаю съ кирпичниками.

— Что же съ нимъ дѣлать?—недоумѣвала Анка.

— Отправить въ больницу, — сказалъ докторъ. Но это такъ испугало больного, что онъ опять ухватился за Анку и впалъ въ обморокъ.

— Пане Яскульскій, пусть его отнесутъ къ намъ наверхъ: тамъ есть свободная комната, — быстро рѣшила Анка. — Не бойся, будешь лѣчиться у насъ!—сказала она, когда мальчикъ очнулся.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, пока его клали на носилки и несли, смотрѣлъ на нее съ благодарностью и любовью.

Высоцкій нашелъ у него три сломанныхъ ребра.

Вечеромъ, за ужиномъ, на которомъ былъ и Морицъ, Анка отправилась наверхъ, такъ какъ у больного начался бредъ; она просидѣла тамъ довольно долго и вернулась до того взволнованная, что, когда наливала чай, то у нея дрожали руки. Она только что хотѣла заговорить съ Карломъ о мальчикѣ, какъ онъ, беря отъ нея стаканъ съ чаемъ, предупредилъ ее.

— Удивительная фантазія—тащить сюда больныхъ,—сказалъ онъ сердито.

— Онъ боялся больницы, а родныхъ у него нѣтъ, онъ ютился въ кирпичныхъ сараяхъ... Чтó же мнѣ было дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ—не превращать нашъ домъ въ лѣчебницу для бродягъ.

— Послушайте... вѣдь несчастье случилось съ нимъ на вашей фабрикѣ... значитъ...

— Онъ не даромъ работалъ!—съ сердцемъ перебилъ ее Карлъ.

Анка взглянула на него съ изумленіемъ.

— Вы говорите серьезно? значитъ, мнѣ слѣдовало оставить его на улицѣ или отдать въ больницу, гдѣ онъ умеръ бы отъ страха: съ нимъ сдѣлался обморокъ, когда ему только сказали объ этомъ!

— Вы просто любите сантиментальничать. Можетъ быть, это интересно, но совсѣмъ не нужно.

— Все зависитъ отъ того, кто какъ чувствуетъ человѣческія страданія.

— Вѣрьте мнѣ, и я чувствую, но вы не можете требобовать отъ меня, чтобы я проливалъ слезы надъ каждымъ слюняемъ, надъ каждой хромой собакой, растоптаннымъ цвѣткомъ или раздавленной бабочкой? — Въ его глазахъ мелькнула злобная иронія.

— У него сломано три ребра, разбита голова, кровоизліяніе въ легкія... Едва ли онъ принадлежитъ къ категоріи увядшихъ цвѣтовъ или раздавленныхъ бабочекъ. Онъ страдаетъ...

— И пусть околѣетъ съ Богомъ,—рѣзко произнесъ Карлъ, раздраженный ея строгимъ тономъ.

— У васъ нѣтъ жалости...—прошептала она съ упрекомъ.

— Нѣтъ, есть, но я не могу заниматься филантропіей. Отчего же вы не велѣли всѣхъ снести въ нашу квартиру?

— Не было необходимости, а если бы была, конечно, я не задумалась бы...

— Жаль, что такъ не случилось. Вышло бы прелестно: домъ превратился бы въ лазаретъ; а вы—въ сестру милосердія.

— Получилась бы еще болѣе эффектная картина, если бы вы распорядились выкинуть ихъ всѣхъ на улицу!—съ гнѣвомъ отвѣтила Анка и замолчала. Ноздри ея вздрагивали, глаза метали искры; она закусила губы, чтобы скрыть ихъ дрожь.

Она не столько сердилась на Боровецкаго, сколько была огорчена его неожиданной жестокостью. Ей не вѣрилось, что сердце его такъ сурово, такъ не чувствительно къ несчастью ближнихъ.

Ей было больно смотрѣть на Карла, но онъ тоже избѣгалъ ея взглядовъ, говорилъ съ Морицемъ, съ отцомъ и поспѣшилъ уйти.

— Вы не сердитесь на меня?—шепнула Анка, прощаясь.

— Спокойной ночи. Пойдемъ, Морицъ. Матвѣя нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Я вечеромъ велѣлъ ему идти къ тебѣ на квартиру,—отвѣтилъ панъ Адамъ.

Анка, обиженная, ушла на веранду.

— Вотъ тутъ и борись, и побѣждай, когда тебѣ въ собственномъ домѣ подставляетъ ножку плаксивый сантиментализмъ, — проговорилъ уже на улицѣ Боровецкій.

Морицъ былъ не въ духѣ и молчалъ.

— Такова логика женщинъ: сегодня ее растрогаетъ судьба издыхающей вороны, завтра, безъ колебанія, она пожертвуетъ семьей ради минутнаго каприза,— продолжалъ Карлъ, раздражаясь все больше.

Морицъ опять не отвѣтилъ.

— Женщины любятъ дѣлать человѣчество счастливымъ, въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ.

— Мнѣ совершенно не интересно, что́ онѣ любятъ, — сказалъ Морицъ:—были бы красивы, если это любовницы, и богаты, если имъ предстоитъ быть женами.

— Ты говоришь глупости.

— А ты... У тебя нѣтъ денегъ: я это чувствую по твоему настроенію.

Боровецкій печально улыбнулся.

Матвѣй ожидалъ его съ готовымъ самоваромъ.

Карлъ, съ пріѣздомъ Анки, перебрался на прежнюю квартиру, хотя ему было очень неудобно такъ далеко ходить.

— Вечеромъ былъ панъ Горнъ и оставилъ записку,—доложилъ Матвѣй.

Въ запискѣ сообщалось, что сегодня арестованъ по подозрѣнію въ поджогѣ зять Грюнспана—Гросманъ.

Горнъ зналъ, что Гросманъ имѣлъ дѣла съ Морицомъ.

— Морицъ, вотъ касающееся тебя извѣстіе, — сказалъ Карлъ, входя въ его комнату.

— Ничего особеннаго. Можно спокойно спать съ такимъ извѣстіемъ. Кто его уличитъ?—проговорилъ Морицъ, заглянувъ въ письмо.

— А ты какъ думаешь?

— Я знаю, что онъ чистъ, какъ штука коленкора изъ бѣлильни.

— Изъ апретуры,—поправилъ Карлъ и вернулся къ себѣ въ комнату.

Въ квартирѣ было тихо.

Боровецкій писалъ и что-то подсчитывалъ. Морицъ занимался тѣмъ же самымъ въ своей комнатѣ, а Максъ, который послѣ смерти матери нигдѣ не бывалъ по вечерамъ, лежалъ уже въ постели и читалъ библію. Въ послѣднее время онъ заинтересовался богословскими вопросами. Иногда приводилъ къ себѣ своего кузена, студента теологіи, и велъ съ нимъ теологическіе разговоры, споря по цѣлымъ часамъ изъ-за пустяковъ.

Матвѣй разнесъ чай по комнатамъ и у печки въ столовой дремалъ въ ожиданіи, не прикажутъ ли еще что.

— Чортъ побери! — бросивъ перо, выругался Карлъ и принялся ходить по комнатѣ.

Уже нѣсколько дней его мучило безденежье, бѣсила неаккуратность поставщиковъ, какъ нарочно затягивавшихъ срочные заказы. Кромѣ того, рабочіе испортили одну машину и, въ довершеніе несчастья, изъ-подъ фундамента склада показалась вода въ такомъ количествѣ, что пришлось остановить работы. Сегодняшняя исторія и ссора съ Анкой окончательно разстроили Боровецкаго. Эта ссора тѣмъ сильнѣе раздражала его, что онъ чувствовалъ свою вину по отношенію къ Анкѣ: она мѣшала ему.

— Морицъ!—крикнулъ онъ,—продай остальной хлопокъ, а то я больше не выдержу; не занимать же у ростовщиковъ?!

— Тебѣ много нужно?

— Чортъ возьми, вѣдь сегодня я показывалъ тебѣ счета!

— Я думалъ: у тебя хватитъ уплатить по нимъ.

— У меня почти ничего нѣтъ, и, кромѣ того, страшно не везетъ во всемъ... Заговоръ противъ насъ, что ли? Куда ни ткнусь за деньгами—вездѣ отказъ. Даже Карчмарекъ требуетъ векселя на трехмѣсячный срокъ. Тутъ дѣло неладно: кто-то вредитъ намъ. Я даже не сомнѣваюсь. Тутъ страхъ конкурренціи. Подумай: истратить сорокъ тысячъ наличныхъ и не имѣть возможности кончить постройку! Не найти еще на такую сумму кредита здѣсь, въ Лодзи, гдѣ какой-нибудь мошенникъ, злостный банкротъ, въ родѣ Шмерлинга, строитъ огромную фабрику, безъ гроша! Здѣсь всякій паршивецъ дѣлаетъ крупныя дѣла исключительно въ кредитъ, а я долженъ обращаться къ частнымъ займамъ!

— Возьми компаньона съ капиталомъ или съ большимъ кредитомъ. Ты найдешь легко.

— Благодарю за совѣтъ. Я самъ началъ, самъ и кончу, или разорюсь. Взять капиталиста—значитъ снова попасть въ зависимость, снова мучиться, что создаешь еще одну фабрику дешевки. Я хочу имѣть фабрику, но дешевки производить не буду.

— Ты плохо разсчитываешь: дешевка даетъ самую большую прибыль.

— А ты говоришь, какъ лавочникъ, какъ Цукеръ, Грюнспанъ и всѣ ваши. Ты хочешь нажить рубль на рубль, при томъ немедленно, сейчасъ же, не считаясь съ тѣмъ, что покупатель попадетъ на удочку только разъ, во второй уже пойдетъ къ другому, а ты сиди и жди новаго дурака.

— Ихъ всегда довольно.

— Меньше, чѣмъ ты думаешь: съ ростомъ общаго благосостоянія растутъ и потребности. Деревенскій мужикъ купитъ для своей бабы платокъ у Цукера, но тотъ же мужикъ, перебравшись въ городъ, возьметъ у Грюнспана, а его дѣти, хотя бы простые чернорабочіе, пойдутъ уже къ Мейеру. Покупатель начинаетъ понимать, что дешевизна товара въ его доброкачественности, а не въ цѣнѣ. Бухгольцъ, Мейеръ, Кесслеръ, хорошо это понимаютъ, производятъ только солидный товаръ и быстро богатѣютъ.

— Да, богатѣютъ. Но Шая, Грюнспанъ и сотня другихъ еще быстрѣе загребаютъ милліоны. Благопріятнаго времени хватитъ еще для двухъ сотенъ новыхъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы хватило даже для одного, производящаго „дешевку".

— Ага, значитъ, ты только поэтому желаешь облагородить лодзинское производство?

— Конечно, я долженъ руководствоваться спросомъ... Хорошій, высокій сортъ товара пойдетъ лучше.

— Я вполнѣ понимаю тебя, но не вѣрю этому „завтрашнему" дню, я хотѣлъ бы дѣлать дѣло „сегодня". Можетъ быть, ты и правъ, говоря, что потребности покупателей вмѣстѣ съ развитіемъ ихъ вкусовъ ростутъ; пожалуй, на эту тему можно много еще говорить, можно даже написать превосходный экономическій трактатъ, но изъ всѣхъ этихъ соображеній и надеждъ трудно выстроить фабрику и нажить милліоны.

Оба замолчали и задумались.

— Сколько тебѣ нужно?—спросилъ вдругъ Морицъ.

— Десять тысячъ къ субботѣ.

— Гм... Ты развѣ забылъ о Мюллерѣ? Вѣдь онъ самъ предлагалъ тебѣ...

— Я знаю, что онъ по первому моему слову откроетъ передо мной всю кассу... но... произнести этого слова, къ сожалѣнію, я не могу... не могу...

— Если дѣло идетъ о судьбѣ всего будущаго, я бы не сталъ задумываться... я бросилъ бы все... и произнесъ это слово...—многозначительно проговорилъ Морицъ.

— Не могу... если бы даже хотѣлъ... не могу.

— А если будешь вынужденъ?..

— Пока еще нѣтъ такой крайности Не будемъ говорить объ этомъ!—Боровецкій вздрогнулъ.

— Ты суевѣренъ, а въ дѣлахъ это вредно. Ты о многомъ умѣешь думать уже правильно, но боишься еще проводить свои мысли въ жизнь. Это можетъ дорого обойтись тебѣ: для предразсудковъ надо имѣть большой капиталъ...

— Мои предразсудки тебѣ представляются какимъ-то костюмомъ, который взялъ да перемѣнилъ въ любую минуту!

Они въѣлись въ плоть и кровь, и борьба съ ними вовсе не легка, особенно, когда самъ еще не вполнѣ убѣжденъ въ безполезности этихъ предразсудковъ, или даже думаешь... Впрочемъ, это неважно.

— Нѣтъ, это скверно! Съ такими нелѣпыми взглядами можно быть, конечно, превосходнымъ колористомъ, но трудно стать въ Лодзи даже посредственнымъ фабрикантомъ. Ты такъ колеблешься, что, пожалуй, не прочь вернуться къ Кноллю? онъ тебя приметъ... — смѣялся Морицъ, нервно пощипывая бородку.

— Нѣтъ, я не вернусь.

— Хочешь, я дамъ денегъ?

— Займешь?

— Нѣтъ, увеличу свой пай. Мнѣ нѣтъ разсчета доставать для тебя, да и тебѣ выгоднѣе: не придется безпокоиться о срокахъ платежа. Соотвѣтственно величинѣ своего вклада, я приму лишь большее участіе въ работахъ на фабрикѣ, чтобы ты не переутомлялся, — говорилъ Морицъ медленно, почти небрежно, внимательно разсматривая свои ногти.

— Я могъ бы предложить векселя на шесть мѣсяцевъ.

— Мнѣ рѣшительно нѣтъ разсчета давать взаймы, я хотѣлъ бы пустить деньги въ оборотъ, чтобы въ теченіе того же срока онѣ обернулись нѣсколько разъ. Ну, что? согласенъ?

— Ладно, завтра поговоримъ. Покойной ночи.

— Покойной ночи!—отвѣтилъ Морицъ, не сводя глазъ съ ногтей, чтобы скрыть свою радость. Когда Карлъ вышелъ, онъ заперъ дверь на ключъ, закрылъ окно и вынулъ изъ маленькаго, врѣзаннаго въ стѣну несгораемаго шкафика клеенчатый конвертъ, набитый счетами, и завернутую въ бумагу пачку кредитныхъ билетовъ.

Деньги онъ пересчиталъ и сейчасъ же спряталъ обратно.

— Ловкое будетъ дѣло, если удастся,—подумалъ Морицъ, нервно сморщился и посмотрѣлъ на дверь. Ему почудились многочисленные шаги и звонъ оружія.

Улыбнувшись своей мнительности, онъ сталъ изучать балансъ Боровецкаго.

Весь дебетъ и кредитъ Карла былъ передъ нимъ въ копіяхъ, снятыхъ для него однимъ изъ служащихъ въ конторѣ фабрики.

Въ свою очередь, Боровецкій, какъ будто, согласившійся на увеличеніе пая Морица, торжественно давалъ себѣ обѣщаніе выпутаться изъ затрудненій и совсѣмъ отдѣлаться отъ Вельта.

Онъ зналъ его слишкомъ хорошо, чтобы довѣрять.

Странное безкорыстіе человѣка, для котораго рубль былъ единственнымъ Богомъ! Морицъ съ недавняго времени, вообще началъ, навязываться со своими услугами, что заставляло призадуматься и быть вдвойнѣ осторожнымъ.

Макса онъ не боялся, зная его честность: для счастья Баума требовалось только работать и чувствовать себя независимымъ. Максу хотѣлось имѣть собственное предпріятіе, но до сихъ поръ ему было безразлично, получитъ ли онъ десять тысячъ прибыли, или будетъ жить на одно жалованіе за веденіе прядильни и ткацкаго отдѣленія. Но Морицъ былъ опасенъ,—съ людьми, девизъ которыхъ: „кто кого обманетъ!"—приходилось быть крайне осторожнымъ.

Упоминаніе о Мюллерѣ нѣсколько смутило Боровецкаго.

Анка жила уже въ городѣ всѣ знали, что она его невѣста, и предстояло вѣнчаться...

Карлъ хорошо помнилъ объ этомъ, потому что фабрика строилась въ половину на ея деньги.

Но въ глубинѣ души онъ не вѣрилъ, что женится на ней, и потому не порывалъ окончательно своихъ сношеній съ Мадой, изрѣдка забѣгалъ къ Мюллерамъ и говорилъ дѣвушкѣ многозначительныя любезности.

Онъ вполнѣ сознательно велъ двойную игру, но не зналъ еще, чѣмъ она кончится, куда приведетъ: прежде всего ему хотѣлось достроить фабрику.

„Предразсудки", о которыхъ шла рѣчь, „борьба" его съ ними,—все это были осколки давно разрушенной этики: Боровецкій произносилъ эти слова автоматически,—ихъ смыслъ совершенно не руководилъ его волей, поведеніемъ, нисколько не вліялъ на его рѣшенія.

Не „предразсудки" мѣшали ему открыто дѣлать то, что втайнѣ онъ считалъ возможнымъ, а лишь извѣстная щепетильность по отношенію къ отцу и слой свѣтскаго знанія жизни, воспрещавшаго совершать скверныя вещи въ рѣзкихъ, формахъ.

Для откровенныхъ гадостей онъ былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, а къ нѣкоторымъ поступкамъ, — которые хладнокровно, со спокойной совѣстью совершилъ бы Морицъ,— органически не способенъ.

Онъ не могъ бы, напримѣръ, устроить поджогъ для полученія страховой преміи, не могъ бы обмануть чье-либо довѣріе или эксплуатировать рабочихъ. Все это казалось ему черезчуръ грубо и вызывало въ немъ брезгливость и презрѣніе культурнаго человѣка.

Вѣдь существуетъ столько другихъ способовъ разбогатѣть!.. Карлъ допускалъ зло лишь въ крайней необходи-

мости и когда оно окупалось; добродѣтель ему нравилась, онъ даже преклонялся передъ нею, если она давала большой доходъ.

Боровецкій, раздумывая обо всемъ этомъ, улыбался нѣсколько цинично и, размышляя лично о себѣ, чувствовалъ горечь и грусть.

— И въ заключеніе всего—смерть!—подумалъ онъ, принимаясь читать письма. Но прочелъ только письмо Люси,—которая умоляла его повидаться съ нею завтра,—остальныя же оставилъ до слѣдующаго дня и пошелъ въ комнату къ Максу. Они почти не говорили еще съ похоронъ его матери.

— Какъ твой отецъ? Я все не могу къ нему зайти. Травинскій выкупилъ свои векселя?—спрашивалъ Карлъ.

— Выкупилъ. Но все это безполезно.

— Почему?

— Старикъ никуда уже не годится, изъ пятисотъ станковъ работаетъ всего двадцать! Еще три мѣсяца, самое большое—полгода, и фабрика погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Развѣ случилось что нибудь новое?

— Нѣтъ, только все катится къ концу быстрѣе. А зятьки окончательно доконаютъ: они возбуждаютъ искъ о наслѣдствѣ послѣ матери.

— Вполнѣ естественно.

— По его мнѣнію—тоже: онъ разрѣшилъ имъ дѣлать, что угодно,—позволилъ продать всю землю, лишь бы не трогали фабрики. Цѣлыми днями сидитъ въ конторѣ съ Юзефомъ, ходитъ на кладбище, а ночью бродитъ по павильонамъ. Начало меланхоліи... Ну, да не въ томъ дѣло: я хотѣлъ предложить тебѣ обратить вниманіе на Морица.

— Почему? Ты что-нибудь знаешь?—взволнованно спросилъ Карлъ.

— Я еще ничего не знаю, но вижу по его рожѣ, что онъ замышляетъ какую-то гадость. Слишкомъ много шатается къ нему злостныхъ банкротовъ.

XI.

— Что ты такъ серьезенъ?—спросилъ Боровецкій за утреннимъ чаемъ Морица.

— Дѣла, большія дѣла,—отвѣтилъ Вельтъ, очнувшись,—онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ стаканъ съ чаемъ и совсѣмъ забылъ про него.

— То-есть, значитъ, капиталы?

— И большіе! Сейчасъ я иду устраивать двѣ операціи, ко-

Проблемы идеализма въ русской литературѣ.

IV.

Г. Бердяевъ по своей статьѣ производитъ впечатлѣніе человѣка, весьма занятаго самимъ собою, иногда въ гораздо большей степени, нежели своимъ читателемъ. Вотъ почему въ его работѣ мы наталкиваемся на цѣлый рядъ замѣчаній, по своей голословности не представляющихъ никакого интереса для читателей, но, очевидно, имѣющихъ, такъ сказать, автобіографическое значеніе. Въ самомъ началѣ авторъ о себѣ замѣчаетъ: „со времени появленія моей книги („Субъективизмъ и индивидуализмъ въ обществ. философіи. Спб. 1901 г.), я далеко ушелъ впередъ въ томъ направленіи, которое было мною намѣчено. Къ философскому позитивизму и ортодоксальному марксизму я отношусь еще болѣе критически. Я нахожу, что на моей книгѣ отразились недостатки переходнаго состоянія мысли отъ позитивизма къ метафизическому идеализму и спиритуализму, къ которому я теперь окончательно пришелъ“ (95). Возвѣстивъ такое важное событіе изъ исторіи новѣйшей философіи, русскій мыслитель, столь быстро переходящій отъ одного воззрѣнія къ другому, въ разныхъ мѣстахъ статьи ближе опредѣляетъ свое отношеніе къ существующимъ направленіямъ и дѣлаетъ это двоякимъ способомъ: или путемъ вводныхъ главъ, снабжаемыхъ соотвѣтствующими объясненіями, напримѣръ: „я хочу точнѣе опредѣлить свое отношеніе къ точкѣ зрѣнія П. Б. Струве“, что и дѣлается на протяженіи нѣсколькихъ страницъ (95—8); „я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній о героизмѣ“, и этому посвящается цѣлая главка (98—104), „нельзя теперь писать о нравственной проблемѣ, не сказавъ ничего о Ф. Ничше“, и авторъ говоритъ о Ничше на разстояніи стр. 119—127. Или же г. Бердяевъ помѣщаетъ „оговорки“ большею частью въ примѣчаніяхъ: „Свою метафизическую точку зрѣнія я бы характеризовалъ, какъ соединеніе спиритуалистическаго индивидуализма съ этическимъ пантеизмомъ“ (112). Dixit, а что

это въ сущности означаетъ, и почему такъ именно и должно быть,—остается секретомъ для читателя. Столкнувшись съ какою-то мыслью Гегеля, авторъ спѣшитъ прибавить въ примѣчаніи: „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ, я стою ближе къ Фихте, чѣмъ къ Гегелю“ (114), и опять читатель вправѣ спросить: почему это? какое значеніе можетъ имѣть такое голословное заявленіе? кого оно призвано характеризовать: Фихте, Гегеля или самого г. Бердяева? Конечно, все это мелочи, но онѣ характеризуютъ систему работы автора и потому ихъ не лишне отмѣтить. Въ дальнѣйшемъ, однако, я считаю возможнымъ совсѣмъ не останавливаться на частностяхъ и вводныхъ мѣстахъ статьи и ограничиться только тѣми ея положеніями, которыя помогутъ намъ отвѣтить на вопросы: насколько г. Бердяеву удалось доказать, что новое метафизически-идеалистическое направленіе русской общественной мысли, во-первыхъ, истинно, во вторыхъ — лучше всего обосновываетъ старый, давно нарисованный соціальный идеалъ?

Г. Булгакову такая задача не удалась, между прочимъ, потому, что въ его статьѣ не доставало подробнаго анализа необходимыхъ въ этомъ отношеніи элементовъ вопроса объ отношеніи сущаго и должнаго и нравственной проблемы вообще. Съ первыхъ же страницъ статьи г. Бердяева мы сталкиваемся именно съ этими вопросами приблизительно въ той же постановкѣ. Но эти вопросы, составляющіе спеціальное содержаніе данной статьи, здѣсь разобраны подробнѣе. Посмотримъ же, насколько г. Бердяеву удалось разрѣшеніе того, что оказалось не разрѣшеннымъ у его товарищей по идеализму.

Разбираемая статья изслѣдуетъ „этическую проблему въ свѣтѣ философскаго идеализма“. Этика же, по справедливому замѣчанію г. Бердяева, „начинается противоположеніемъ *сущаго* и *должнаго*, только вслѣдствіе этого противоположенія она возможна“. Если „разсмотрѣть этическую проблему съ гносеологической ея стороны“, то мы „должны признать *формальную* неустранимость атегоріи должнаго“. „Прежде всего, уже съ гносеологической точки зрѣнія мы признаемъ самостоятельность этической категоріи должнаго, необходимость этической точки зрѣнія на жизнь и міръ, рѣзко отличающейся отъ точки зрѣнія научно познавательной: нравственная проблема, проблема должнаго не можетъ быть выведена изъ сущаго, изъ эмпирическаго бытія, а этика, т. е. философское ученіе о должномъ, автономна, она не зависитъ отъ науки, отъ познанія сущаго“. „Мы прежде всего противополагаемъ абсолютный нравственный законъ, какъ должное, всему эмпирическому міру, какъ сущему, поэтому очень легко доказать, что въ сущемъ, которое является для насъ объектомъ опытнаго познанія, нѣтъ абсолютнаго долженствованія“ (91—8).

Пока аргументація г. Бердяева не заслуживаетъ никакихъ

упрековъ. Мысль о самостоятельности категоріи должнаго и объ автономности этики, дѣйствительно, давно обоснована Кантомъ и, между прочимъ, какъ мы уже видѣли выше, давно получила права гражданства въ русской литературѣ. Необходимо, однако, замѣтить, что эта точка зрѣнія Канта вызывала и понынѣ вызываетъ много споровъ и возраженій, съ которыми обязанъ посчитаться всякій, стоящій въ настоящее время въ вопросахъ этики на кантовской точкѣ зрѣнія. К акова же въ этомъ отношеніи роль и позиція г. Бердяева?

Первый возникающій здѣсь вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Тотъ абсолютный и автономный характеръ нравственнаго закона, о которомъ говорится въ приведенныхъ словахъ г. Бердяева, вытекаетъ, какъ мы уже видѣли выше, изъ примѣненія идеи апріорности или трансцендентальности и къ нравственному закону, къ этическому ученію. Такое пониманіе природы нравственнаго закона не могло не вызвать серьезныхъ возражаній и горячихъ нападокъ. Я не говорю уже о принципіальныхъ противникахъ апріоризма вообще: ими, конечно, не могъ быть принятъ и апріорный моральный законъ. Но даже изъ среды сторонниковъ апріоризма въ теоріи познанія, въ области теоретическаго разума, раздались голоса противъ кантовскаго пониманія морали. Яркій и рѣзкій образчикъ такого отношенія данъ Шопенгауэромъ. Этотъ крупный представитель міровой философіи, вполнѣ принимающій ученіе объ апріорныхъ формахъ теоретическаго разума: идей пространства, времени, причинности *), тѣмъ не менѣе, рѣшительно высказывается противъ апріоризма въ этикѣ. Онъ полагаетъ, что апріорность нравственнаго закона, это—несчастная мысль, появившаяся у Канта только по неумѣстной аналогіи **). Мнѣніе Шопенгауэра далеко не единично ***), но на это капитальное возраженіе мы напрасно стали бы искать

---

*) Въ отношеніи категоріи причинности Шопенгауэръ, принимая ея апріорный характеръ, споритъ только противъ способа его обоснованія у Канта см. *Arth. Schopenhauer*, Der Satz von zureichenden Grunde (Sämmtliche Werke ed. Reclam, B. III), S. S. 101—110. Ученіе же Канта о пространствѣ и времени, обоснованное въ его трансцендентальной эстетикѣ, Шопенгауэръ принимаетъ цѣликомъ. См. *Arth. Schopenhauer*. Die Welt als Wille und Vorstellung B. I. (Anhang): „отъ ученій трансцендентальной эстетики мнѣ не нужно ничего отнимать, только кое-что прибавить“ (S. 559). Мало того, онъ находитъ, что „трансцендентальная эстетика есть произведеніе, обладающее столь выдающимися достоинствами, что его одного достаточно для увѣковѣченія имени Канта» (S. 558).

**) *Arth. Schopenhauer*. Preisschrift über die Grundlage der Moral (Werke, B. III.) S. 512, 13. Cp. Die Welt als Wille, Anhang, S. 662.

***) Напр., *Зиммель* въ своемъ основномъ трудѣ, посвященномъ этикѣ: Einleitung in die Moralwissenschaft, гдѣ онъ понимаетъ нравственность какъ особое качество представленія. Для Зиммеля такой взглядъ лишь послѣдовательная и при томъ послѣдняя ступень той лѣстницы апріорности, о которой я говорилъ въ первой статьѣ.

отвѣта у г. Бердяева, задавшагося въ своей статьѣ цѣлью „сдѣлать опытъ постановки этической проблемы на почвѣ философскаго идеализма“ (91). А вѣдь и Шопенгауэръ, и Зиммель, и многіе другіе, однородно съ ними мыслящіе,—идеалисты.

Но перейдемъ къ тѣмъ возраженіямъ, которыя являются признанными камнями преткновенія кантовской этики, и отсюда—кантовской философіи вообще.

Апріоризмъ кантовской этики оказался и самымъ сильнымъ, и самымъ слабымъ ея мѣстомъ. Мысль о нравственномъ законѣ вытекающемъ изъ необходимыхъ свойствъ разума и независимомъ отъ всего сущаго въ опытѣ, отъ всѣхъ эмпирическихъ условій и психологическихъ воздѣйствій, создала тотъ *автономизмъ* кантовской этики, въ которомъ многіе усматриваютъ ея величайшую заслугу. По мнѣнію, напримѣръ, Вильмана, „Кантъ сдѣлался историческою величиною“ проведеніемъ идеи автономизма, которая стала „перломъ кантіанской философіи“ *). Куно-Фишеръ точно также полагаетъ, что „граница между автономіей и гетерономіей образуетъ отличіе истинно-моральнаго ученія отъ ложнаго, критическаго отъ догматическаго, кантовской этической системы отъ всѣхъ другихъ“ **). Автономность морали придаетъ нравственному закону характеръ только формы, формальнаго условія, независимо отъ содержанія, и опять-таки этому *формализму* кантовской этики придаютъ огромное значеніе ***). Многіе же изслѣдователи, среди которыхъ были и сторонники Канта, усматриваютъ въ этихъ чертахъ кантовскаго ученія его крупный недостатокъ. „Нравственный законъ не есть только форма, онъ обладаетъ и содержаніемъ, которое только скрыто формулировкой Канта“, утверждаетъ, напримѣръ, Вундтъ ****). Эта мысль, между прочимъ, сдѣлалась центральной идеей новѣйшаго русскаго изслѣдованія, принадлежащаго перу г. Новгородцева. У Канта, говоритъ онъ, „вся область морали отрывалась отъ міра дѣйствительности и превращалась въ чистую идею *****).

Въ результатѣ такого пониманія нравственнаго закона и такого отношенія къ этическому ученію получилось, что этотъ законъ и это ученіе оказались оторванными отъ дѣйствительности, лишенными содержанія пустыми формами. Но эти же черты, наложившія печать мертваго формализма и холоднаго ригоризма на спеціально-этическое ученіе Канта, оказались чреватыми и другими послѣдствіями, отразившимися уже на системѣ

---

*) *O. Willmann.* Geschichte des Idealismus. B. III, S. 391.

**) *Kuno-Fischer.* Geschichte der neueren Philosophie. B. V, S. 78.

***) *K. Vorländer.* Der Formalismus der Kantischen Ethik, Marburg 1893. См. особ. S. 5—6 ff., 36, 83. Объ автономизмѣ и формализмѣ нравственнаго закона у самого Канта см. Kritik der praktischen Vernunft, S. 38—8, 77.

****) W. *Wundt.* Ethik, S. 367.

*****) *П. Новгородцевъ.* Кантъ и Гегель, стр. 106.

въ цѣломъ, на всемъ міровоззрѣніи философа. Автономія морали, безусловная самостоятельность нравственнаго закона, независимость этической оцѣнки отъ эмпирическихъ условій, слѣдовательно, и отъ опытнаго знанія, создаетъ то, что „нравственная оцѣнка тамъ, гдѣ она примѣняется, идетъ все время самостоятельно и параллельно съ теоретическимъ объясненіемъ". Это именно тотъ „параллелизмъ нравственныхъ и теоретическихъ сужденій" *), который давно былъ отмѣченъ подъ именемъ *дуализма* кантовской философіи.

Какъ же освѣщены эти вопросы въ новой работѣ, посвященной обоснованію идеалистической системы морали? Какъ понимаетъ разбираемый русскій авторъ вопросы о содержаніи нравственнаго закона и о дуализмѣ кантовской системы, т. е. примиреніи сущаго съ должнымъ?

Г. Бердяевъ находитъ, что „Кантъ далъ не только формальное, гносеологическое обоснованіе этики, онъ далъ нѣчто большее. Все *содержаніе этики* (курс. мой) можно построить, только опираясь на Канта" (104). Кто прочелъ внимательно все, только что сказанное касательно положенія этого вопроса, невольно остановится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на этомъ утвержденіи г. Бердяева. Общепризнано, что блестящая гносеологическая постановка нравственной проблемы въ системѣ Канта идетъ въ ней объ руку съ отсутствіемъ данныхъ для разрѣшенія вопроса о содержаніи морали. Очевидно, русскій авторъ смотритъ на дѣло совершенно иначе. Въ чемъ же онъ усматриваетъ основанія для такого взгляда? Главный элементъ содержанія кантовской этики г. Бердяевъ находитъ въ ученіи о „человѣкѣ-самоцѣли", въ признаніи абсолютной цѣнности за человѣкомъ, который служитъ самъ себѣ цѣлью и не можетъ быть разсматриваемъ, какъ средство. Изъ этого вытекаетъ, что основною идеею этики является „идея *личности*, единственнаго носителя нравственнаго закона" (104—5). А необходимымъ выводомъ отсюда служитъ признаніе равноцѣнности людей, что приводитъ къ незыблемымъ принципамъ гуманности и справедливости (112).

Можно ли, однако, во всемъ изложенномъ усмотрѣть „содержаніе" нравственнаго закона? Попытки того именно пониманія даннаго вопроса, которое намъ предложено г. Бердяевымъ, извѣстны въ литературѣ издавна **). И тѣмъ не менѣе вопросъ этимъ далеко не разрѣшается. Конечно, и всѣмъ названнымъ выше представителямъ философской мысли хорошо извѣстно ученіе Канта о личности, какъ самоцѣли. Настаивая, однако, на необходимости наполнить пустую форму кантовскаго моральнаго

---

*) Ibidem, стр. 85.

**) См. объ этомъ *H. Cohen*. Kant's Begründung der Ethik, S. 309; мнѣніе Hermann'а у *Vorländer*'а. Der Formalismus der Kantischen Ethik, S. 78.

закона опытнымъ содержаніемъ, они исходятъ изъ того соображенія, что идея личности есть только общій принципъ морали, который, для торжества моральнаго закона долженъ быть воплощенъ въ жизнь, долженъ быть *осуществленъ*. „Долженствующее есть именно то, что должно осуществиться; безусловно невозможное и неосуществимое не можетъ быть и долженствующимъ". Но у Канта мы ничего не находимъ по вопросу объ осуществленіи нравственнаго закона. Мало того, въ критикѣ практическаго разума Кантъ прямо говоритъ, что „жизненная сторона нравственнаго закона выходитъ изъ ея сферы" *). Какъ же можно говорить о „содержаніи" этого безжизненнаго нравственнаго закона? Правда, открывъ столь легко всѣми искомое содержаніе кантовскаго закона, г. Бердяевъ въ другомъ мѣстѣ довольно неожиданно заявляетъ, что „Кантъ не даетъ почти никакихъ указаній относительно того, какимъ образомъ нравственный законъ можетъ и долженъ осуществляться въ человѣческой жизни" (116). Но нѣкоторымъ утѣшеніемъ для автора служитъ то, что „въ этомъ отношеніи философія Фихте и Гегеля была большимъ шагомъ впередъ, такъ какъ выдвинула вопросъ объ осуществленіи нравственнаго блага въ исторіи" (116). На основаніи этихъ словъ можно придти къ заключенію, что и самый вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона г. Бердяевъ понимаетъ весьма своеобразно и при томъ едва ли правильно. Пожалуй, можно признать за Фихте и особенно за Гегелемъ заслугу *постановки* вопроса объ осуществленіи нравственнаго закона, но кто въ настоящее время говоритъ объ этомъ предметѣ, обязанъ отмѣтить, что, поставивъ вопросъ, Гегель затѣмъ искалъ его разрѣшенія совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Въ сущности, Гегель, отождествлявшій законы логики съ законами историческаго развитія человѣчества, по всему существу своей абстрактнометафизической системы и не въ состояніи былъ дать разрѣшеніе реальнаго, конкретнаго вопроса объ осуществленіи нравственнаго закона. И результаты гегелевской философіи въ этомъ отношеніи не вызываютъ сомнѣній. Я располагаю счастливою возможностью доказать это словами мыслителя, который въ глазахъ г. Бердяева обладаетъ, судя по неоднократнымъ ссылкамъ въ статьѣ, всѣми гарантіями авторитетности. „Дѣйствительность діалектической идеи", — говоритъ этотъ авторъ,— стоитъ у Гегеля выше исторической дѣйствительности". Изображая весь конкретный міръ, какъ проявленіе абсолюта, Гегель въ концѣ-концовъ „перешелъ въ область сущаго, но вѣчно сущаго и абсолютнаго". Его „безусловно-сущее... такъ же далеко отъ практической жизни съ ея обычными затрудненіями и недостатками, какъ и кантовское должное. Это—идеальное, вѣчное,

*) *Новгородцевъ*, op. cit., стр. 106.

божественное; оттого-то оно чуждо земныхъ скорбей и печалей и представляетъ собою нѣкоторое невозмутимое блаженство" *). Не ясно ли, что, поставивъ вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона, Гегель его совершенно не разрѣшилъ. Быть можетъ, въ этой неспособности Гегеля разрѣшить практическую задачу, оставшуюся неразрѣшенною въ дуалистической системѣ Канта, содержится лучшее доказательство безсилія вообще метафизической мысли во всемъ, что касается конкретныхъ вопросовъ реальной жизни. Но къ этому мы вернемся еще ниже.

Г. Бердяевъ смотритъ на дѣло совершенно иначе. Онъ не только раздѣлилъ вопросъ о „содержаніи" и „осуществленіи" нравственнаго закона, не только помѣстилъ вопросъ объ осуществленіи его въ сферу метафизическихъ построеній, но и болѣе общій вопросъ обо всемъ содержаніи нравственнаго ученія окуталъ въ явно метафизическую оболочку. Въ этой метафизической области онъ ищетъ и разрѣшенія дуализма кантовской системы, примиренія сущаго съ должнымъ. Въ центрѣ моральнаго ученія стоитъ, какъ мы видѣли, идея о личности, всегда являющейся самоцѣлью, всегда обладающей абсолютною цѣнностью. Но такая цѣнность, говоритъ г. Бердяевъ, не можетъ быть признана за „*эмпирическою*" личностью: „въ эмпирической дѣйствительности человѣкъ слишкомъ часто не бываетъ „*человѣкомъ*", тѣмъ человѣкомъ, котораго мы считаемъ самоцѣлью и который долженъ быть святъ". „Это рѣжущее противорѣчіе между личностью эмпирическою и личностью идеальною дѣлаетъ нравственную проблему проблемою трагическою". Впрочемъ, выходъ изъ этой трагедіи оказывается не особенно труднымъ. „Человѣческая личность, своеобразная и индивидуальная, въ своемъ стремленіи къ совершенству, всегда тяготѣетъ къ одной и той же точкѣ, къ Верховному Благу, въ которомъ соединяются всѣ цѣнности". Отсюда же безъ труда получается не только „сліяніе человѣка съ Божествомъ", но и слѣдующіе весьма важные выводы для пониманія этической проблемы. „Тутъ мнѣ кажется,—говоритъ г. Бердяевъ,—выясняется тѣсная связь этики съ метафизикой, а въ концѣ концовъ и съ религіей". „Идея личности и нравственная проблема, субъектомъ которой личность является, понятна только на почвѣ спиритуализма. Кантъ совершенно послѣдовательно постулировалъ спиритуализмъ" (104—8, 112—14). Въ частности на этой спиритуалистической почвѣ достигается, наконецъ, и разрѣшеніе проблемы отношенія сущаго и должнаго. Сущее въ видѣ эмпирическаго „я" стремится къ воплощенію въ „я" идеальное, къ достиженію идеальнаго совершенства. И вотъ индивидуальная жажда совершенства, осуществленія духовнаго „я", что и составляетъ сущность нравственной проблемы, уто-

*) *Новгородцевъ*, op. cit., стр. 209, 174, 180.

ляется безпредѣльнымъ индивидуальнымъ развитіемъ, упирающимся въ духовное безсмертіе".

Вся эта цѣпь положеній и заключеній весьма важна и интересна. Кантъ, по мнѣнію г. Бердяева, послѣдовательно постулировалъ спиритуализмъ. Только на этой метафизически-религіозной почвѣ мыслимо развитіе идеи личности, составляющей основное содержаніе этической проблемы, только здѣсь возможно примиреніе сущаго съ должнымъ. Этика неразрывно связана съ метафизикой и религіей. Приступимъ къ провѣркѣ такой аргументаціи.

Я хочу прежде всего отмѣтить весьма почтенный возрастъ и изрядную, поэтому, популярность всего приведеннаго хода разсужденій г. Бердяева. Можно сказать, что это строй мыслей, подготовленный не кѣмъ инымъ, какъ самимъ Кантомъ. Дѣло въ томъ, что Кантъ, который въ „Grndlegung zur Metaphysik der Sitten" и даже въ „Критикѣ практическаго разума" далъ трансцендентальное, исходящее изъ анализа дѣятельности чистаго разума ученіе о нравственномъ законѣ, основывая его на идеѣ *свободы*, идеѣ тоже трансцендентальной, апріорной *), —впослѣдствіи, однако, на страницахъ той же критики, во-первыхъ, связалъ опредѣленіе свободы съ метафизическимъ понятіемъ „вещи въ себѣ"; во-вторыхъ—закончилъ свое этическое ученіе установленіемъ черезъ понятіе „высшаго блага" знакомыхъ уже намъ постулатовъ: не только свободы, но и безсмертія души и бытія Божія. Онъ вправѣ былъ, поэтому, заключить, что „нравственный законъ черезъ понятіе высшаго блага, какъ объекта и конечной цѣли чистаго практическаго разума, ведетъ къ религіи, т. е. къ познанію всѣхъ обязанностей, какъ священныхъ заповѣдей" **). Мало того, въ другомъ своемъ сочиненіи—„Критикѣ силы сужденія" Кантъ набрасываетъ картину возможнаго разрѣшенія дуализма своей системы въ смыслѣ объединенія допущенныхъ имъ раньше контрастовъ, различія эмпирическаго и умопостигаемаго міровъ ***). На почвѣ, такимъ образомъ подготовленной Кантомъ, позднѣйшіе представители идеализма создали мало-помалу систему *монистическаго* и при томъ *метафизическаго* идеализма, въ которой внѣ опыта, за предѣлами міра явленій, въ области трансцендентной, искали монистическаго, т. е. исходящаго изъ признанія единаго начала, разрѣшенія дуализма кантовской системы. Возникаетъ система *этическаго идеализма* Фихте, въ которой дуализмъ преодолѣвается путемъ созданія метафизиче-

*) Это ясно изъ первой же страницы предисловія къ «Критикѣ практическаго разума», гдѣ и свобода, и нравственный законъ опредѣляются исключительно какъ трансцендентальныя, апріорныя понятія.

**) *Imm. Kant*, Kritik der praktischen Vernunft, S. 155.

***) См. объ этомъ у *H. Höffding*, Geschichte der neueren Philosophie. B. II, Leipzig 1896, S. 114—15.

ской конструкціи вселенной, какъ проявленія единаго начала, какъ результата самоутвержденія абсолютнаго „я“, дѣйствующаго и созерцающаго. За этимъ слѣдуетъ, простирая еще далѣе и глубже свои монистическіе шаги, *трансцендентный идеализмъ* Шеллинга, который уничтожаетъ остатки дуализма въ фихтіанской системѣ, выразившіеся въ противопоставленіи „вселенной“ и „я“, путемъ истолкованія того и другого, какъ проявленія единаго абсолютнаго начала, какъ тожества того и другого. Далѣе идетъ *объективный идеализмъ* или *панлогическій монизмъ* Гегеля, гдѣ опять всѣ стороны бытія и сознанія понимаются, какъ проявленія единаго абсолюта. И до сихъ поръ не прекращается игра этими подчасъ весьма туманными, подчасъ довольно художественными метафизическими построеніями, въ которыхъ тщетно пытаются найти разрѣшеніе кантовскаго дуализма, этой мучительной жизненной проблемы—отношенія сущаго и должнаго.

Предъ нами новая монистически-метафизическая попытка русскаго идеалиста, и не смотря на весь ея не только почтенный возрастъ, но и славное прошлое, связанное съ именами Фихте, Шеллинга, Гегеля и другихъ, я дерзаю высказать мысль, что вся она виситъ въ воздухѣ, не только не разрѣшая, но даже не затрогивая всей жизненной глубины той поистинѣ „трагической“ этической проблемы, въ которой „трагедія“ лежитъ, однако, совсѣмъ не тамъ, гдѣ блуждаетъ своимъ мутнымъ метафизическимъ взоромъ новѣйшій русскій идеализмъ.

И прежде всего необходимо указать на неправильное отношеніе г. Бердяева къ ученію Канта. Онъ полагаетъ, что Кантъ „послѣдовательно“ постулировалъ спиритуализмъ. Внимательная оцѣнка ученія Канта, исходящая изъ его собственной точки зрѣнія, заставляетъ придти къ обратному выводу. Метафизика внесена въ этическую систему Канта прежде всего отождествленіемъ понятія свободы съ понятіемъ „вещи въ себѣ“. Это значитъ слѣдующее. Основной идеей кантовской этики служитъ понятіе свободы. И это понятно. Въ мірѣ практическомъ человѣкъ сознаетъ свою свободу, въ области практическаго разума воля свободна отъ всѣхъ эмпирическихъ побужденій и наклонностей. Но какъ же примирить этотъ фактъ свободы воли съ несомнѣннымъ закономъ причинности, механической необходимости, подчиняющей своему вліянію и волю человѣческую? Это кажущееся противорѣчіе въ ученіи Канта примиряется слѣдующимъ разсужденіемъ. Воля разумнаго существа, говоритъ онъ, какъ относящаяся къ чувственному міру, наравнѣ съ другими дѣйствующими причинами, необходимо подчиняется закону причинности; но та же воля въ практическомъ отношеніи сознаетъ себя, съ другой стороны, какъ существо въ себѣ самомъ, самоопредѣляемое не въ чувственномъ, а въ иномъ, мыслимомъ, умопостигаемомъ, интеллигибельномъ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ, понятіе свободы

переноситъ насъ въ умопостигаемый, интеллигибельный міръ вещей *). Получаются, слѣдовательно, двѣ причинности: причинность, какъ естественная необходимость, проявляющаяся въ чувственномъ мірѣ бытія, и причинность, какъ свобода, дѣйствующая уже не въ чувственномъ, а въ надъ-опытномъ, умопостигаемомъ, интеллигибельномъ мірѣ **). И чтобъ окончательно уничтожить противорѣчіе между этими двумя родами причинности, между физическимъ механизмомъ и свободою въ жизни субъекта и даже въ одномъ и томъ же поступкѣ, Кантъ продолжаетъ приведенное только-что разсужденіе слѣдующимъ образомъ. Механическая причинность или физическая необходимость присуща явленіямъ чувственнаго міра, вещамъ, стоящимъ подъ условіемъ времени,—слѣдовательно, и дѣйствующему субъекту, только какъ явленію. Но тотъ же субъектъ, съ другой стороны, сознаетъ въ дѣйствіи свое существованіе, поскольку оно не стоитъ подъ условіемъ времени, смотритъ на себя самого, какъ на существо, опредѣляемое черезъ законъ, который оно само даетъ себѣ путемъ разума,—словомъ, сознаетъ себя самого, „какъ вещь въ себѣ". Иными словами, субъектъ, поскольку онъ подчиняется закону механической причинности, физической необходимости это—вещь чувственнаго міра, явленіе. Но тотъ же субъектъ, поскольку онъ сознаетъ свою свободу есть вещь міра умопостигаемаго, интеллигибельнаго, вещь въ себѣ.

Но насколько же послѣдовательно, съ точки зрѣнія критической философіи, объясненіе свободы, слѣдовательно, и нравственнаго закона и всей этической системы путемъ обращенія къ „вещи въ себѣ"? Насколько послѣдовательно введеніе этого понятія въ критическую систему Канта?

Споры о „вещи въ себѣ" въ самыхъ различныхъ ея толкованіяхъ проходятъ черезъ всю исторію философіи. Метафизика догматическая (въ ученіи Лейбница и др.) дѣлила всѣ объекты познанія на явленія и вещи въ себѣ, при чемъ, при тожественности объектовъ, послѣдніе отличались между собою по источнику и способу познаванія: то, что познавалось черезъ чувства, представлялось какъ феноменъ, явленіе; черезъ разсудокъ же познавалась вещь въ себѣ, нуменъ. Критическая философія отбросила такое дѣленіе, но понятіе „вещи въ себѣ" далеко въ ней не исчезло. Правда, существуетъ среди критицистовъ мнѣніе о полной безполезности и незаконности съ точки зрѣнія критической философіи этого понятія ****). Но большинство сторонниковъ этой

---

*) *Kant*, Kritik der praktischen Vernunft, S. 50.

**) Ibidem, S. 113 -44.

***) Ibidem, S. 117.

****) Характеризуя этотъ взглядъ нѣкоторыхъ критицистовъ, не соглашающійся съ нимъ нео-кантіанецъ Когенъ излагаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Не только то намъ неизвѣстно, *что* она (вещь) есть (*was* es ist), но и

философіи признаетъ за „вещью въ себѣ“ извѣстное значеніе и именно въ томъ пониманіи ея, которое дано Кантомъ въ критикѣ *чистаго* разума. Здѣсь Кантъ установилъ слѣдующій взглядъ. Дѣленіе предметовъ на феномены и нумены, міра на міръ чувственный и міръ разсудочный, говоритъ онъ, въ *положительномъ* смыслѣ допускаемо быть не можетъ. Познаніе вещей изъ одного чистаго разсудка или чистаго разума немыслимо; внѣ опыта познаніе невозможно; если уходятъ отъ внѣшнихъ чувствъ, отъ чувственности, то отнимается возможность познанія. Какимъ же образомъ возможно понятіе нумена, вещи въ себѣ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе нумена, т. е. вещи, которую должно мыслить, не какъ предметъ внѣшнихъ чувствъ, исключительно черезъ разсудокъ, необходимо для установленія границъ чувственнаго познанія, для указанія предѣла, дальше котораго это назначеніе идти не можетъ, необходимо для того, чтобы чувственное познаніе не простиралось на вещи въ себѣ. Понятіе нумена, вещи въ себѣ, есть только *ограничительное* понятіе, призванное ограничить притязанія чувственности, и, слѣдовательно, оно допускаетъ только *отрицательное* примѣненіе, хотя и не даетъ *ничего положительнаго* *).

Но какъ же понимаетъ самъ Кантъ „вещь въ себѣ“ въ примѣненіи къ нравственному закону, къ анализу свободы? Истолкованіе свободы, въ противоположность физической необходимости, въ смыслѣ сознанія субъектомъ самого себя, какъ предмета умопостигаемаго міра, какъ вещи въ себѣ, и обоснованіе путемъ такого толкованія всего нравственнаго закона—есть, несомнѣнно, пониманіе вещи въ себѣ въ *положительномъ* значеніи ея. И совершенно правъ былъ Ланге, когда онъ по поводу этого пункта ученія Канта замѣтилъ, что „Кантъ, который въ пролегаменахъ (какъ и въ Критикѣ чистаго разума—М. Р.) объявляетъ своимъ подлиннымъ воззрѣніемъ то, что только въ опытѣ истина,—здѣсь однимъ почеркомъ пера превращаетъ весь опытъ въ кукольную комедію“ **).

Смыслъ всѣхъ этихъ разсужденій тотъ, что ссылкою на „вещь въ себѣ“ Кантъ въ своей попыткѣ истолкованія и обоснованія нравственнаго закона несомнѣнно ударился въ область метафи-

то, что она *есть* (*dass* es ist), ибо при посредствѣ этого «dass» мы переступаемъ ту область, которою трансцендентальный методъ, какъ ученіе объ условіяхъ метода, ограничилъ наше знаніе, нашъ опытъ, слѣдовательно—наши заключенія, наше причинное мышленіе. Настоящій критицизмъ состоитъ въ отрицательномъ заключеніи: то, что обыденный опытъ и догматическая философія считаютъ чистыми вещами,—это явленія. А вещь въ себѣ? Самый вопросъ этотъ является некритическимъ». *H. Cohen*. Kant's Begründung der Ethik, S. 18—19.

*) *Kant*. Kritik der reinen Vernunft, S. 234—250.

**) *Ланге*. Исторія матеріализма, т. II, стр. 43.

зики, но такая экскурсія въ чуждую область допущена имъ въ явное нарушеніе основного духа собственнаго ученія.

Это одинъ изъ крупныхъ примѣровъ непослѣдовательности кантовскаго ученія о нравственности. Всѣ эти соображенія о „вещи въ себѣ“ мною приведены для лучшаго уясненія вопроса о степени основательности метафизическихъ элементовъ системы Канта. Г. Бердяевъ объ этомъ въ статьѣ своей ничего не говоритъ. За то много, и съ удареніемъ, говоритъ онъ о кантовскихъ постулатахъ, упирающихся въ самую суть спиритуализма. Я и эту часть этическаго ученія Канта признаю простою непослѣдовательностью, противорѣчіемъ общему духу и содержанію его критической философіи. Уже выше, въ критикѣ статьи г. Булгакова, мы видѣли, что постулаты свободы, безсмертія души и бытія Божія были построены Кантомъ для уясненія возможности достиженія „высшаго блага“. Но въ томъ то и дѣло, что самая идея высшаго блага, строго говоря, не совсѣмъ укладывается въ рамки этическаго ученія Канта. Кантъ настаиваетъ на апріоризмѣ нравственнаго закона, его независимости отъ эмпирическихъ условій и вліяній. Нравственнымъ съ этой точки зрѣнія можетъ почитаться лишь то дѣяніе, которое вытекаетъ исключительно изъ апріорнаго понятія должнаго, которое совершается единственно изъ уваженія къ безусловному нравственному закону. Какъ бы ни были благодѣтельны результаты должнаго дѣйствія,—напр., счастье ближняго; какъ бы ни были благородны мотивы его совершенія,—напр., чувство жалости, но если только дѣйствіе совершилось ради этого результата и подъ вліяніемъ чувства жалости къ другому, оно, при всей своей полезности и гуманности, не заслуживаетъ названія нравственнаго. Нравственнымъ оно можетъ быть признано тогда и только тогда, когда оно составляетъ проявленіе во внѣ идеи должнаго, когда оно совершается по требованію нравственнаго закона, ради него самого. При наличности такого ригористическаго нравственнаго ученія какое мѣсто можетъ занять въ немъ представленіе о высшемъ благѣ, какъ цѣли и импульсѣ нравственныхъ дѣйствій? Не ясно ли, что какъ понятіе о вещи въ себѣ вноситъ въ этическое ученіе, Канта несвойственное ему метафизическое представленіе о сущности вещей, такъ и мысль о высшемъ благѣ способна придать этому апріорному и формальному ученію морали несвойственный ему эвдемонистическій оттѣнокъ? И все это было отмѣчено въ свое время не только противниками кантовскаго ученія, напр., Іодлемъ *), но и усердными кантіанцами, вродѣ Когена. И по этимъ, и по другимъ соображеніямъ, о которыхъ я не имѣю возможности здѣсь распространяться, Когенъ отклоняетъ не только идею о высшемъ благѣ, но и опирающіеся на

*) *Ф. Іодль.* Исторія этики въ новой философіи, т. II, М. 1898, стр. 34.

нее постулаты безсмертія души и бытія Божія, дѣлая это „на основаніи фундаментальныхъ мыслей кантовской этики“ *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, насколько основателенъ выводъ г. Бердяева о „послѣдовательномъ“ постулированіи Кантомъ спиритуализма. Послѣдовательность усматривается тамъ, гдѣ очевидна сѣть крупныхъ противорѣчій.

Но если даже оставить въ сторонѣ ходъ разсужденій Канта и вопросъ о степени соотвѣтствія нѣкоторыхъ выводовъ его ученія общему духу системы, а остановиться на анализѣ собственныхъ сужденій г. Бердяева по этому вопросу, то сужденія эти нельзя будетъ не признать крайне неубѣдительными. Въ сущности, все сводится къ противоположенію „я“ *эмпирическаго* „я“ *духовному* или *идеальному* и къ утвержденію невозможности для перваго осуществленія требованій нравственнаго закона во всей широтѣ и полнотѣ его абсолютнаго пониманія. Вполнѣ раздѣляя эту мысль и охотно принимая также вытекающее отсюда требованіе безконечнаго совершенствованія личности, я и здѣсь, какъ и прежде—при разборѣ аналогичныхъ сужденій г. Булгакова, не могу понять: почему идея безконечнаго расширенія и отодвиганія послѣдняго,—почему эта идея необходимо сопряжена съ мыслью жизни будущей, надземной, сверхъопытной, трансцендентной? При чемъ тутъ метафизика? откуда—спиритуализмъ? Рѣчь идетъ просто о безконечномъ движеніи въ сторону идеала, который не можетъ быть достигнутъ въ наличной дѣйствительности, но осуществленіе котораго возможно только въ предѣлахъ пространства и времени, въ мірѣ реальнаго бытія, если не сущаго, то должнаго.

Принявъ во вниманіе все сказанное, мы придемъ и къ уясненію всей вопіющей произвольности конечнаго вывода г. Бердяева о „тѣсной связи этики съ метафизикой, а въ концѣ концовъ и съ религіей“. Связь между двумя предметами или элементами чего либо можетъ быть двоякая. Утверждая связь этики съ метафизикой и религіею, мы тѣмъ самымъ высказываемся или за то, что этика необходимо ведетъ къ метафизикѣ и религіи, или же за то, что внѣ метафизики и религіи невозможна этика, немыслимо ея обоснованіе. Поэтому, если даже предположить, что всѣми своими доводами г. Бердяевъ провелъ прямую линію отъ ученія автономной морали Канта къ метафизически-религіознымъ предположеніямъ и выводамъ, то и тогда не могла-бы еще считаться доказанной связь этики съ метафизикой и религіей во второмъ изъ упомянутыхъ мною смысловъ. Это положеніе можетъ въ настоящее время считаться общепризнаннымъ, какъ раздѣляемое и кантіанцами, и сторонниками метафизическаго образа мышленія, и вообще противниками позитивной морали. Виндель-

*) *H. Cohen.* Kant's Begründung der Ethik, S. 305—328, особ. 321.

бандъ, напримѣръ, по поводу ученія Канта замѣтилъ, что „этика не можетъ быть построена ни на какомъ-либо особенномъ опытномъ основаніи, ни на какой-либо попыткѣ научной метафизики, а исключительно на трансцендентальномъ фактѣ нравственнаго сознанія и на анализѣ его апріорности" *). О томъ же говоритъ и г. Новгородцевъ. По его мнѣнію, „какъ бы мы ни относились по существу" къ метафизическому истолкованію нравственнаго закона у Канта, „но во всякомъ случаѣ мы должны отдѣлить его обсужденіе отъ разсмотрѣнія того психологическаго факта, къ истолкованію котораго оно предназначено. Этотъ фактъ, равно какъ и связанныя съ нимъ гносеологическія и методологическія утвержденія могутъ быть объяснены и при помощи другихъ точекъ зрѣнія" **). „Высшій синтезъ этихъ категорій (бытія и долженствованія), приведя моральное сознаніе въ связь съ нѣкоторыми метафизическими убѣжденіями, даетъ этому сознанію новую твердость, но не обусловливаетъ его обязательности. Метафизика можетъ разъяснить для разума смыслъ нравственной идеи, взятой въ отношеніи къ сущности міра и нашей жизни, но она не можетъ доказать, что мы должны быть нравственны" ***). Изъ приведенныхъ мнѣній, помимо извѣстнаго толкованія ученія Канта, можно вывести и болѣе общее заключеніе о возможности, съ точки зрѣнія даже сторонниковъ метафизическаго воззрѣнія, обоснованія этики безъ помощи метафизики. Въ этомъ послѣднемъ убѣжденіи мы находимъ подкрѣпленіе съ неожиданной стороны—у Вл. Соловьева. Этотъ мыслитель, который въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ", 1877—80 гг., устанавливалъ „прямую зависимость этическаго вопроса отъ вопроса метафизическаго", полагая, что становится этимъ „на точку зрѣнія Канта" ****), впослѣдствіи измѣнилъ радикально свое мнѣніе по этому вопросу. Въ „Оправданіи добра" онъ уже отрицаетъ „одностороннюю *зависимость* этики отъ положительной религіи или отъ умозрительной философіи,—такую зависимость, которая отнимала бы у нравственной философіи собственное содержаніе и самостоятельное значеніе. Взглядъ (продолжаетъ Соловьевъ), *всецѣло* подчиняющій нравственность и нравственную философію *теоретическимъ* принципамъ положительно-религіознаго или философскаго характера, весьма распространенъ въ той или другой формѣ. Несостоятельность его тѣмъ болѣе для меня ясна, что я самъ нѣкогда если не раздѣлялъ его вполнѣ, то былъ къ нему очень близокъ... Создавая нравственную философію, разумъ только *раз-*

---

*) W. *Windelband.* Die Geschichte der neueren Philosophie, B. II. 2-te Aufl., Leipzig 1899, S. 127.

**) *Новгородцевъ*, op. cit., стр. 87.

***) *Его-же.* Мораль и познаніе. «Вопросы философіи и психологіи», 1902 г., сент.-окт., стр. 831.

****) *Вл. Соловьевъ.* Критика отвлеченныхъ началъ, стр. 183.

виваетъ, на почвѣ опыта, изначала присущую ему идею добра (или, что то же, первоначальный фактъ нравственнаго сознанія), и постольку не выходитъ изъ предѣловъ внутренней своей области, или, говоря школьнымъ языкомъ, его *употребленіе* здѣсь *имманентно* и, слѣдовательно, не обусловлено тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о (трансцендентномъ) познаніи вещей самихъ въ себѣ“ *).

Мысль о независимости этики въ ея обоснованіи отъ метафизики и религіи получаетъ, такимъ образомъ, подкрѣпленіе достаточно авторитетное и для нео-идеалистовъ. Но г. Бердяевъ все это совершенно обошелъ. Давая „опытъ постановки этической проблемы на почвѣ филисофскаго идеализма“, авторъ этотъ обнаружилъ весьма легкое отношеніе и къ этической проблемѣ, и къ философскому идеализму, благодаря чему и самый опытъ оказался весьма неудачнымъ, значительно уступающимъ въ смыслѣ своихъ научно-философскихъ достоинствъ многимъ доселѣ существовавшимъ „опытамъ“. Начавъ съ яснаго и гносеологическаго расчлененія категорій сущаго и должнаго, исходной точки зрѣнія кантовской этики и признанной почвы всякой идеалистической системы, г. Бердяевъ въ стремленіи къ конечному примиренію этихъ категорій обставилъ свою синтетическую попытку съ философской и просто логической стороны весьма слабо. Если опредѣленіе и анализъ понятія должнаго данъ имъ въ опредѣленной кантовской постановкѣ, то нельзя того же сказать объ отношеніи его къ понятію сущаго въ предѣлахъ этической проблемы. Въ этомъ отношеніи признанный недостатокъ кантовской этики—отсутствіе въ ней реальнаго содержанія былъ игнорированъ авторомъ, усмотрѣвшимъ это содержаніе въ абстрактной формулѣ личности, какъ самоцѣли. Относящійся сюда же вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона былъ еще болѣе легковѣсно разрѣшенъ ссылкою на Фихте и Гегеля, неудовлетворительность ученій которыхъ очевидна и признана даже сторонниками ихъ. Перешагнувъ между тѣмъ въ область метафизическихъ построеній, г. Бердяевъ, примѣнившись къ одному изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ кантовскаго этическаго ученія **), смѣло „постулировалъ“ спиритуализмъ, не разобравшись во всей непослѣдовательности такого вывода и обойдя уже полнымъ молчаніемъ крупный, наиболѣе важный для обоснованія этической проблемы вопросъ о зависимости этики отъ метафизики и религіи. За устраненіемъ та-

*) *Его-же.* Оправданіе добра, Собраніе сочиненій, т. VII, стр. 23, 29.

**) Надо замѣтить, что ученіе о постулатахъ одно изъ признанныхъ крупныхъ противорѣчій «Критики практическаго разума». Такихъ противорѣчій въ этомъ трудѣ вообще не мало. Паульсенъ даже высказался, что «въ исторіи философской мысли... трудно найти второй примѣръ столь внутреннe-несвязнаго произведенія, какъ «Критика практическаго разума».

Fr. Paulsen. Immanuel Kant. S. 327.

кого анализа, конечно, осталось достаточно темнымъ и собственное міровоззрѣніе автора, громко возвѣщенное,—впрочемъ, въ примѣчаніи,—подъ не совсѣмъ скромною формулою „соединенія спиритуалистическаго индивидуализма съ этическимъ пантеизмомъ.“ Но этого мало. Благодаря указаннымъ крупнымъ дефектамъ работы г. Бердяева, въ ней, какъ и въ статьяхъ его сотоварищей по идеализму, оказался совсѣмъ не разрѣшеннымъ спеціально интересующій насъ вопросъ объ отношеніи *идеалистической* этики, исходящей изъ идеи самостоятельности категоріи должнаго, объ автономіи морали, къ этикѣ *метафизической*, ищущей обоснованія морали въ данныхъ трансцендентной области. Иными словами, г. Бердяевъ, какъ и г. Булгаковъ, какъ и г. П. Г., не обосновалъ мысли о возможности существованія одной только формы идеализма—идеализма метафизическаго.

Но, можетъ быть, этотъ хотя не неизбѣжный, не единственно-возможный идеализмъ, является всетаки наилучшимъ средствомъ къ укрѣпленію соціальнаго идеала? Это тоже утверждаютъ наши нео-идеалисты, и мы должны проанализировать работу г. Бердяева и въ этомъ направленіи.

Утвержденія подобнаго рода г. Бердяеву свойственны въ немалой степени. По всей его статьѣ разсыпаны посвященныя соціальному вопросу красивыя мѣста, ласкающія слухъ читателя, особенно русскаго, и особенно читателя неподготовленнаго, малоосвѣдомленнаго. Пророчествомъ звучатъ такія слова, откровеніемъ вѣетъ отъ такихъ мыслей. Но да позволено намъ будетъ прикоснуться и къ этому изящному матеріалу холоднымъ лезвіемъ аналитическаго ножа.

Обычныя системы морали, заполонившія русское общественное сознаніе—ученія гедонизма и утилитаризма, по мнѣнію г. Бердяева,—„въ сущности ученія глубоко реакціонныя и только по недоразумѣнію и по недомыслію за нихъ держатся люди прогрессивныхъ стремленій“ (102). Эти люди не понимаютъ, что „чистая идея должнаго (центральная идея идеализма—М. Р.) есть идея революціонная, что она символъ возстанія противъ дѣйствительности во имя идеала, противъ существующей морали во имя высшей, противъ зла во имя добра“ (94). Идеалистическая мораль связывается съ идеаломъ совершенствующейся человѣческой личности, а такое совершенствованіе возможно только въ общественной средѣ и при наличности соотвѣтствующихъ общественныхъ условій. Совершенная личность мыслима при условіи извѣстнаго экономическаго развитія, совершенныхъ формъ производства; требуется также опредѣленная высота правового и политическаго прогресса, и все это достигается самою же личностью, силою и средствами борьбы за естественное право: „бороться за свое естественное право есть дѣло чести каждаго человѣка, и дѣло его совѣсти относиться такъ же къ естественному праву

другихъ людей. Въ конкретной исторической обстановкѣ борьба за естественное право человѣка принимаетъ форму борьбы за угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ. Въ современномъ, напримѣръ, обществѣ она получаетъ форму борьбы за права трудящихся массъ" (116—18). И все это вмѣстѣ взятое внушаетъ г. Бердяеву право заключить статью слѣдующимъ „основнымъ выводомъ": „нужно *человѣкомъ* быть, и своего права на *образъ и подобіе Божества* нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастье и довольство свое или хотя бы всего человѣчества, ни за спокойствіе и одобреніе людей, ни за власть и успѣхъ въ жизни; и нужно требовать признанія и обезпеченія за собой человѣческаго права на самоопредѣленіе и развитіе всѣхъ своихъ духовныхъ потенцій. А для этого прежде всего должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу,—свобода" (136; курс. автора).

„Основной выводъ" идеалистической этики, упирающейся въ высь метафизически-религіозныхъ концепцій, приводитъ, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, на землю, предлагая конкретный матеріалъ для построенія реальнаго идеала общежитія.

Но что это за матеріалъ и какой это идеалъ? Для тѣхъ, которые въ состояніи не упиваться одними словами, которые требуютъ прежде всего содержанія и способны критически отнестись къ предлагаемымъ „новымъ словамъ", отвѣтъ на эти вопросы неминуемо долженъ получиться весьма неутѣшительный.

Чистая идея должнаго ведетъ къ протесту противъ окружающей дѣйствительности въ имя интересовъ совершенной личности, развивающейся на почвѣ свободныхъ экономическихъ, правовыхъ, политическихъ формъ жизни! Я спрашиваю г. Бердяева: неужели же потребовалась его „этическая проблема въ свѣтѣ философскаго идеализма", чтобы разъяснить міру эти старыя истины, превратившіяся въ ходячіе трюизмы, которые можно прочитать въ любой буржуазно-либеральной газеткѣ? И при томъ вѣдь и идея должнаго, и понятія личности и свободы, сочетаніе которыхъ съ формами соціальной жизни необходимо и по мнѣнію г. Бердяева,—все это вѣдь идеи и понятія, не заключающія въ себѣ ничего метафизическаго, не стоящія въ прямомъ отношеніи къ міру трансцендентному. Какова же роль *метафизическаго* идеализма въ дѣлѣ построенія и обоснованія такого соціальнаго идеала?

Дѣло *чести* и *совѣсти* каждаго человѣка бороться за свое естественное право и уважать естественное право другихъ! Но почему же честь и совѣсть происхожденія метафизическаго, трансцендентнаго, а не опытнаго, земного, человѣческаго? Не ясно ли, что если честь и совѣсть признаются орудіями въ борьбѣ человѣка за свое право, свое нравственное достоинство, за идеалъ,—то этимъ самымъ все пониманіе соціальнаго вопроса

совершенно срывается съ заоблачныхъ метафизическихъ высотъ?

Интересенъ и „основной выводъ“ г. Бердяева.

„Нужно человѣкомъ быть и своего права на образъ и подобіе Божества нельзя уступить“. Какъ гордо звучатъ эти слова и какъ мало они даютъ для возможности направленія дѣйствительности; какое разнообразное содержаніе можно внести и зачастую дѣйствительно вносится въ эту слишкомъ общую формулу. „Человѣкъ—вотъ правда... Чело-вѣкъ! Это великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ло-вѣкъ! Надо уважать человѣка!“ Все это говоритъ у Горькаго Сатинъ,—тотъ самый Сатинъ, который въ отвѣтъ на горячее восклицаніе нагло обыграннаго татарина: „надо играть честна!“ спокойно отвѣчаетъ: „это зачѣмъ же?“. Не такъ ли часто въ жизни высота общаго принципа дерзко попирается среди измѣнчивыхъ и разнообразныхъ условій реальной дѣйствительности?

Наконецъ, „свобода“! провозглашаетъ съ высоты своей „новой“ теоріи г. Бердяевъ. Опять какое возвышенное слово, и какъ часто на дѣлѣ оно приводило къ самымъ неожиданнымъ роковымъ результатамъ...

Нѣтъ, очевидно, не въ этихъ гордыхъ словахъ, не въ этихъ возвышенныхъ принципахъ, которые къ тому же не представляютъ ничего новаго, будучи давнымъ-давно начертаны на скрижаляхъ человѣческой исторіи и человѣческой мысли,—нуждаемся мы для обоснованія современнаго соціальнаго идеала. Намъ нужны указанія пути, реальнаго пути къ осуществленію этого идеала, къ воплощенію на землѣ желанной цѣли. А для этого надо вскрыть реальныя пружины историческаго процесса, надо показать, какъ, какими средствами и какими путями зарождающіяся въ глубинахъ человѣческаго духа идеи вмѣшиваются въ нашу полную треволненій и шатаній земную жизнь, озаряя ее свѣтомъ духовнаго идеала, направляя и руководя ею среди тьмы, зла и человѣконенавистничества. Представители выплывшаго за послѣднее время на поверхность русской общественной жизни неоидеалистическаго ученія заявили, что всѣ эти вопросы ими легко и удобно разрѣшаются средствами метафизически-религіознаго міровоззрѣнія. Въ метафизическомъ царствѣ безконечностей и абсолютовъ они пытались найти прочныя укрѣпленія для нашихъ конкретныхъ соціальныхъ цѣлей. Мы видѣли, однако, что имъ совершенно не удалась эта задача. И у г. П. Г., и у г. Булгакова, и, какъ мы только что видѣли, у г. Бердяева трудный вопросъ о конечномъ обоснованіи соціальнаго идеала разрѣшается только на словахъ. Рядъ старыхъ метафизическихъ построеній, съ одной стороны, и не менѣе старыя мысли изъ области соціальныхъ ученій—съ другой,—вотъ все, что мы у нихъ находимъ. Связи, логической связи между тѣмъ и другимъ нео-идеалисты намъ не даютъ, а въ такомъ случаѣ—какова же научная, фило-

софская, общественная цѣнность новаго направленія русской общественной мысли? Голословныхъ заявленій о необходимости обращенія къ метафизическому идеализму для обоснованія и разрѣшенія соціальнаго вопроса мы не мало имѣемъ уже въ русской литературѣ. Къ приведеннымъ уже въ настоящей работѣ ссылкамъ на Соловьева, Чичерина, Волынскаго я хочу здѣсь только прибавить, что въ такой даже книгѣ, какъ „При свѣтѣ совѣсти“ Н. Минскаго, мы встрѣчаемся съ горячею защитой правъ и прерогативъ метафизическаго идеализма въ этомъ отношеніи. Отмѣчая въ предисловіи къ своему труду „враждебное отношеніе нашего общества къ вѣчнымъ вопросамъ разума и совѣсти“‘ „пропасть, лежащую между русскою интеллигенціею и философскимъ идеализмомъ“, г. Минскій настаиваетъ на томъ, что „не только нѣтъ никакого противорѣчія между метафизикой и практическимъ идеализмомъ, но, наоборотъ, существуетъ глубокое противорѣчіе между боязнью философіи и народолюбіемъ“. Но этого не понимаетъ русская интеллигенція, „которая проповѣдуетъ идеализмъ въ вопросахъ матеріальныхъ и матеріализмъ въ вопросахъ идеальныхъ, которая смотритъ въ землю, когда рѣчь идетъ о небесномъ, и глядитъ на небо, когда рѣчь идетъ о земномъ“ Но,—утѣшалъ себя г. Минскій въ 1897-мъ году, — „наступаетъ время, когда въ свободной и безбурной атмосферѣ философіи воскреснетъ не только понятіе о святынѣ, но и живая легенда бога, возникнетъ новый храмъ, и освобожденное человѣчество снова обрѣтетъ таинства и молитвы. О, еслибы это время поскорѣе пришло! Только въ мечтахъ о немъ и забываешь горечь настоящей минуты“ *). Можетъ быть, мечты г. Минскаго уже отчасти и сбылись, можетъ быть, время его уже пришло или приходитъ. Но мечты мечтами, а вѣдь г. Минскій ни своей книгой о смыслѣ и цѣли жизни, ни вообще ровно ничего не сдѣлалъ для того, чтобы перебросить научно-обоснованный мостъ между „метафизикой“ и „народолюбіемъ“. Но этого не сдѣлали и тѣ, которые нынѣ такъ громко, такъ смѣло повторяютъ старый призывъ г. Минскаго. Въ „Проблемахъ идеализма“ мы не находимъ ничего, кромѣ призывовъ, благихъ пожеланій, голословныхъ заявленій. Этимъ, мнѣ кажется, вполнѣ разрѣшается вопросъ о цѣнности нео-идеалистическаго теченія, какъ опредѣленнаго направленія русской общественной мысли, призваннаго внести свой вкладъ въ трудную работу обоснованія соціальнаго идеала.

Но, могутъ сказать, направленіе это еще молодо, оно пока еще ставитъ вопросъ, который ждетъ разрѣшенія. Поживемъ, увидимъ. Но иногда самая постановка вопроса мѣшаетъ его

*) *Н. Минскій.* При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изд. 2-е, Спб., 1897, предисловіе ко 2-му изданію.

разрѣшенію. Я сильно боюсь, что и съ нео-идеалистами приключилось нѣчто подобное.

V.

Нео-идеалистическое направленіе не представляетъ собою оригинальнаго явленія русской мысли ни по исторически-бытовымъ условіямъ его возникновенія, ни по идеологическимъ формамъ, въ которыя оно вылилось. Въ первомъ отношеніи оно явилось отраженіемъ на русской почвѣ и въ условіяхъ русской жизни общаго стремленія, охватившаго марксистскія сферы,—высвободиться изъ подъ сковывавшей ихъ власти матеріалистически-экономической теоріи, воспринявъ болѣе широкія и болѣе соотвѣтствующія практической задачѣ начала идеалистической философіи. Съ другой стороны, это здоровое, живое и дѣйственное идеалистическое стремленіе не могло избѣжать опасности улечься въ давно приготовленныя для него на нивѣ русской философіи и русской публицистики метафизическія формы. И подъ совокупнымъ вліяніемъ этихъ противоположныхъ факторовъ вновь образовавшаяся группа нео-идеалистовъ стоитъ какъ бы на распутьи, привѣтствуемая одними, осуждаемая другими, часто не понимаемая ни тѣми, ни другими. Но не въ одобреніяхъ и не въ хулахъ, конечно, дѣло, а въ необходимости размежеваться, въ неизбѣжности признанія, что нельзя говорить объ одномъ и томъ же предметѣ на различныхъ языкахъ. И я долженъ признаться, что новый языкъ русскихъ сторонниковъ общаго намъ всѣмъ соціальнаго идеала представляется мнѣ безусловно непригоднымъ для разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Когда въ порывѣ охватившаго идеалистическаго настроенія марксистскія сферы пришли къ заключенію о необходимости этическаго обоснованія соціальнаго идеала, естественнымъ должно было явиться обращеніе къ Канту. Правильно или неправильно его ученіе во всей цѣлости, пріемлемы или не пріемлемы отдѣльные пункты этого ученія, но не подлежитъ спору, что именно Канту принадлежитъ великая заслуга обособленія морали, постановки этическаго ученія, исходящаго изъ признанія самостоятельнаго, самобытнаго, самодовлѣющаго, какъ у насъ любятъ выражаться, нравственнаго закона. Тѣмъ болѣе, что въ построеніи такой этики Кантъ пришелъ къ утвержденію началъ свободы и самоцѣнной личности, служащихъ незыблемыми основами всякой прогрессивной теоріи. Немудрено, что и кантіанцы, особенно въ послѣднее время, отчасти же и раньше въ лицѣ Ланге, Штаммлера, Когена, Наторпа, Форлендера и др., исходя изъ кантовскаго пониманія этики, дѣлали шаги въ сторону ученія о соціальномъ идеалѣ; съ другой стороны, и изъ сферъ практическихъ

протягивалась рука кантіанству *). Сравнительно давно попытку обоснованія ученія о соціальномъ идеалѣ на почвѣ кантовскаго ученія морали сдѣлалъ извѣстный французскій политическій дѣятель Жоресъ въ своей вышедшей въ 1891 году на латинскомъ языкѣ диссертаціи „De primis socialismi Germanici linaeamentis apud Lutherum, Kant, Fichte et Hegel“ **). Въ послѣднее же время такая точка зрѣнія стала водворяться въ средѣ нѣмецкаго марксизма усиліями трудовъ Вольтмана, Штаудинера и др.

Конечно, марксизмъ, издавна окрашенный въ цвѣтъ матеріалистическаго ученія, не сразу пошелъ на уступки. У него были на то свои причины, свои сомнѣнія и опасенія. Одинъ изъ хранителей старой традиціи, Конрадъ Шмидтъ, напримѣръ, заявилъ, что „современный марксизмъ съ его натуралистическимъ, свободнымъ отъ всякой религіи и всякой метафизики строемъ воззрѣній, діаметрально противоположенъ практической философіи Канта“ ***). Здѣсь, какъ препятствіе сближенію марксизма съ кантіанствомъ, выставлялась наличность въ послѣднемъ метафизически-религіозныхъ элементовъ. На это, конечно, одинъ изъ нео-кантіанцевъ имѣлъ полное основаніе замѣтить: „Собственная заслуга Канта состоитъ какъ разъ въ чистомъ разграниченіи областей, и его этика безусловно отдѣлима отъ религіи и метафизики, хотя лично Кантъ допустилъ ихъ ретроспективную (nachträgliche) связь въ извѣстныхъ трехъ постулатахъ. И для насъ, нео-кантіанцевъ, этическій идеалъ понятенъ безъ всякаго отношенія къ метафизическому и религіозному Jenseits опытнаго міра“ ****). Болѣе существеннымъ явилось другое указаніе, сдѣланное въ передовой, не подписанной, статьѣ центральнаго органа соціалъ-демократической партіи, гдѣ на примѣрахъ Руге, Трейчке и Шмоллера, подчеркивалось возможное обоснованіе путемъ кантовской этики яркаго буржуазно-либеральнаго идеала *****).

Послѣднее замѣчаніе представляется мнѣ весьма существеннымъ. Оно указываетъ на совершенную недостаточность *одной* кантовской этики для обоснованія того соціальнаго идеала, о которомъ и теперь еще, повидимому, склонны мечтать наши нео-идеалисты. Общая формула свободы и совершенной личности—именно благо-

---

*) См. объ этомъ *Karl Vorländer*. Kant und der Sozialismus, Berlin, 1900. S. 1—36.—Аналогичныя указанія дѣлались давно и буржуазными писателями. См., напр., W. *Roscher*: Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland, München 1874. S. 638: «der Socialismus könnte auf Kant's Rechtslehre manchen Succurs gewinnen».

**) *Vorländer*, op. cit., S, 39 ff.

***) *Conrad Schmidt.* Sozialismus und Ethik, «Sozialistiche Monatshefte», B. IV, September, S. 522—531.

****) *K. Vorländer*. Die neukantiche Bewegung im Sozialismus, Berlin, 1902, S. 12.

*****) «Die Neue Zeit.», 1899—900 (Jahrg. XVIII, Bd. II). Nr. 28; ср. ст. въ № 29 того же года.

даря своей чрезмѣрной общности—будучи наполнена тѣмъ или другимъ конкретнымъ содержаніемъ, можетъ привести къ различнымъ, даже противоположнымъ соціально-историческимъ результатамъ, къ обоснованію различныхъ соціальныхъ идеаловъ. Кантъ начинаетъ заключеніе къ „Критикѣ практическаго разума" слѣдующими интересными словами: „Двѣ вещи наполняютъ сердце все новымъ и возрастающимъ удивленіемъ, чѣмъ чаще и пристальнѣе размышленіе занимается ими: *звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ*" *). Въ этомъ уподобленіи звучитъ смѣлая, возвышенная мысль о неприкосновенной святости нравственной жизни человѣка, съ чѣмъ далѣе связывается у Канта не менѣе благородная мысль о недосягаемой высотѣ и безграничной свободѣ человѣческой личности въ себѣ самой и въ мірѣ. Но въ ученіи Канта не оказалось анализа реальной среды человѣческой жизни, человѣческихъ отношеній, на почвѣ и въ средѣ которыхъ получаютъ свое существованіе и нравственный законъ, а съ нимъ и свобода человѣческой личности. Эта проблема даже и не была поставлена въ системѣ великаго создателя критическаго идеализма, а между тѣмъ она принадлежитъ къ числу первостепенныхъ вопросовъ, безъ разрѣшенія которыхъ всѣ помыслы о человѣческой свободѣ, о самоопредѣленіи личности, о безграничномъ просторѣ для проявленія индивидуальныхъ силъ превращаются въ звукъ пустой. Вотъ почему разрѣшеніе вопроса о свободѣ и необходимости, о нравственномъ законѣ и реальной дѣйствительности, ихъ связи, ихъ взаимоотношеніи, ихъ столкновеніяхъ, становится необходимою предпосылкою рѣшенія соціальнаго вопроса, необходимымъ условіемъ обоснованія соціальнаго идеала. Но мы не только у Канта не находимъ постановки и рѣшенія этой проблемы; она не разработана удовлетворительно вообще въ философской литературѣ. Мы видѣли, какъ, понявъ соотвѣтствующую слабость кантовскаго ученія, позднѣйшіе представители идеалистической мысли: Фихте, Шеллингъ, Гегель обратились къ метафизикѣ для рѣшенія проблемы. Мы видѣли также всю неудовлетворительность попытокъ подобнаго рода на разборѣ ученій нашихъ нео-идеалистовъ, только повторяющихъ опыты своихъ знаменитыхъ предшественниковъ. Но нельзя не сознаться, что и на другой сторонѣ, у нео-кантіанцевъ, обходящихся безъ метафизически-религіозныхъ элементовъ кантовскаго ученія, проблема также не получила удовлетворительнаго разрѣшенія. Съ своей стороны, не питая дерзкой надежды на возможность уничтоженія этого гордіева узла міровой философіи въ настоящей работѣ, я хочу только вкратцѣ намѣтить тѣ элементы, которые уже выдвинуты въ философской литературѣ и которые при надлежащей обработкѣ и правильномъ

*) *Imm. Kant*. Kritik der praktischen Vernunft, S. 194.

синтезѣ могутъ, на мой взглядъ, привести къ разрѣшенію вопроса.

Когда понятіе самоцѣнной и самоцѣльной личности выставляется центральной идеей кантовскаго этическаго ученія, то, при всей правильности такого толкованія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это понятіе является въ ученіи Канта не первичнымъ, а производнымъ, хотя и строго-умозрительнымъ. Идея о самобытной цѣнности личности появляется у Канта какъ особое выраженіе второй формулы категорическаго императива, который Кантомъ излагается въ такой формѣ: „дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ въ лицѣ всякаго другого, всегда употреблялось какъ цѣль, и никогда только какъ средство“ *). И это является для Канта лишь дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, изложенной въ первой формулѣ того же категорическаго императива, гласящей: „дѣйствуй соотвѣтственно той максимѣ, о которой ты можешь желать, чтобы она стала всеобщимъ закономъ“ **). Но уже Милль отмѣтилъ достаточно *утилитарный* характеръ той нормы поведенія, которая для опредѣленія нравственности дѣянія рекомендуетъ пользоваться точкою зрѣнія желательности даннаго поступка для всѣхъ ***). И на это, какъ на основное противорѣчіе кантовской этики, вслѣдъ за Миллемъ, указываетъ множество философовъ ****). Я лично въ этомъ противорѣчіе основному характеру автономной морали усмотрѣть не могу. Апріорный характеръ нравственнаго закона, идея долженствованія, вполнѣ мирится, на мой взглядъ, съ эмпирическимъ содержаніемъ нормы поведенія, этической категоріи. Одно дѣло признать, что въ моемъ разумѣ существуетъ представленіе о должномъ, не вытекающее изъ анализа сущаго, и совсѣмъ другое дѣло—исходя изъ этого представленія о должномъ, начертать правило поведенія, которое не можетъ проявиться во внѣ иначе, какъ въ опредѣленномъ сочетаніи съ элементами дѣйствительности. Быть можетъ, поэтому, и непослѣдовательность самого Канта, въ концѣ концовъ пустившагося въ поиски „высшаго блага“, была лишь послѣдовательнымъ результатомъ невозможности довести до конца точку зрѣнія *апріорной* морали. Быть можетъ, и вполнѣ правъ былъ Виндельбандъ, построившій, исходя

*) *Kant*. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, S. 53.

**) Ibidem, S. 44. Что оба эти выраженія категорическаго императива „суть только различныя стороны одного и того же закона“—это прекрасно показано Вл. Соловьевымъ въ старой статьѣ, когда авторъ находился еще подъ вліяніемъ Канта. См. *Вл. Соловьевъ*, „Формальный принципъ нравственности», Собр. сочиненій, т. II, стр. 367.

***) J. *St. Mill*. Utilitarianism, Foirteenth impression. New-York and Bombay, 1901, p. 5—6.

****) См., напр., *Willh. Wund*. Ethik, S. 468—9. *Dr. Ziller*. Allgemeine philophische Ethik, 2-te Aufl., 1886, S. 101. *F. H. Th. Allihns*. Grundriss der Ethik, neu bearbeitet und erweitert von Otto *Flügel*, 1898, S. 13—15.

изъ основной точки зрѣнія Канта, этическое ученіе, въ которомъ достиженіе „культурной системы“ поставляется конечной цѣлью всѣхъ нравственныхъ дѣйствій.

Быть можетъ, наконецъ, можно почти согласиться съ Іодлемъ въ его интересной попыткѣ синтеза двухъ основныхъ точекъ зрѣнія въ этикѣ. „Одиноко величавый,—говоритъ онъ,—стоитъ этотъ огромный фактъ нравственнаго закона посреди чуждаго міра естественнаго человѣческаго бытія. Какимъ путемъ онъ можетъ воздѣйствовать на эмпирическаго человѣка?.. На вопросъ о томъ, каково содержаніе этой нормы...—у Канта имѣется только удивительно противорѣчивый, почти мистическій отвѣтъ. Тутъ-то завязнувшей этикѣ категорическаго императива приходитъ на помощь эвдемонизмъ... Синтезъ между этикой чистой идеи долга и этикой эвдемонизма и утилитаризма является чѣмъ-то само собою разумѣющимся“ *). Почвою для такого синтеза должно послужить признаніе совмѣстимости идеи чистаго долга, безусловнаго, самоцѣннаго, апріорнаго нравственнаго закона, какъ мотива нравственныхъ дѣйствій, съ признаніемъ идеала всеобщаго счастья, какъ конечной цѣли всѣхъ разумно-нравственныхъ существъ.

Разъ ставъ на эту почву, необходимо еще проанализировать способы соотношенія мотива и цѣли, а также средствъ достиженія цѣлей. Въ этомъ отношеніи необходимо замѣтить слѣдующее. Шопенгауэръ совершенно правильно замѣтилъ, что независимость понятія причинности отъ всякаго опыта не препятствуетъ признанію зависимости всякаго опыта отъ этого понятія **).

Мнѣ думается, что такою же точкою зрѣнія необходимо воспользоваться и при анализѣ нравственнаго закона. Независимость этого закона отъ опыта не препятствуетъ зависимости опыта отъ нравственнаго закона. Въ дѣйствительности, нравственный законъ, идея должнаго, представленіе о должномъ, независимые въ своемъ происхожденіи отъ опыта, отъ всей области эмпирическихъ побужденій, стремленій, склонностей,—присутствуя въ сознаніи, приходятъ въ соприкосновеніе со всѣми этими явленіями эмпирическаго міра, регулируя ихъ, направляя тѣмъ или инымъ образомъ,—словомъ, дѣйствуя *какъ мотивъ*. Мы поймемъ, поэтому, указаніе Геффдинга на ошибку Канта, состоявшую въ томъ, что въ своемъ ученіи о нравственности онъ напрасно „отвернулся (den Rücken gekert) отъ психологіи“. „Кантъ самъ,—говоритъ Геффдингъ,—остался при томъ, что его этическій принципъ чисто формаленъ, что онъ выраженіе чистаго разума. Но тогда возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ этотъ умопостигаемый законъ

---

*) *Фр. Іодль.* Исторія этики, т. II, стр. 22, 378.

**) *Arth. Schopenhauer.* Der Satz vom zureichenden Grunde (Werke, B. III), S. 96.

въ состояніи опредѣлять нашу дѣйствующую въ опытѣ волю? Какъ можетъ законъ стать *мотивомъ*? Въ своемъ стремленіи утвердить непосредственность и возвышенность закона Кантъ упустилъ изъ виду психологію". Но самъ Кантъ въ концѣ-концовъ остановился на мотивѣ нравственной дѣятельности—уваженіи къ нравственному закону. Это мотивъ, и здѣсь „вполнѣ возможно съ важной мысли снять покровъ, который ей даетъ Кантъ" *).

Но изслѣдованіе мотива дѣятельности требуетъ продолженія анализа. Психологія отдѣльныхъ индивидуумовъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ формируется подъ вліяніемъ многообразныхъ факторовъ, именуемыхъ общимъ терминомъ „условій жизни". Въ этой области теченіемъ историческаго процесса послѣднихъ вѣковъ экономическія отношенія были выдвинуты на видный, чуть ли не первый планъ, и о желѣзную силу экономической необходимости не разъ разбивались возвышенныя требованія моральнаго закона. Разсмотрѣніе природы и направленія этихъ двухъ взаимно исключающихся силъ соціальной жизни представляетъ особый интересъ и значеніе. И въ этомъ отношеніи наибольшій матеріалъ намъ представленъ тѣмъ мыслителемъ, кого, *повидимому*, менѣе всего интересовала такая задача, кто, по странному съ логической, но понятному съ исторической точки зрѣнія недоразумѣнію, даже склоненъ былъ гордиться тѣмъ, что его теорія не заключаетъ въ себѣ „ни грама этики". Я говорю о Марксѣ и всей его школѣ. Глубокимъ экономическимъ анализомъ онъ вскрылъ вопіющія противорѣчія и рѣжущіе антагонизмы общественныхъ отношеній, возникающихъ на почвѣ буржуазнаго хозяйственнаго строя. Геніально начерченною, хотя и страдающею отсутствіемъ критической связанности отдѣльныхъ частей, трудовою теоріею онъ бросилъ яркій свѣтъ на причины и способы извращенія въ современныхъ экономическихъ условіяхъ разумной природы цѣлыхъ классовъ населенія, становящихся въ отношенія рабской зависимости, подчиненія тѣмъ, которые „собираютъ тамъ, гдѣ не сѣяли", по метафорическому выраженію старика Смита. Но марксизмъ провелъ свой научный анализъ еще дальше, еще глубже. Онъ пролилъ новый свѣтъ на внутреннюю закономѣрность соціально-экономическихъ отношеній, онъ построилъ *методологически* правильную схему экономической эволюціи, обнаруживающей развитіе въ направленіи роста производительныхъ силъ, уготовляющей болѣе совершенныя экономическія формы, какъ условія человѣческаго существованія вообще, быта трудящихся массъ въ частности. Конечно, такой научный анализъ былъ вполнѣ необходимъ. На взглядъ новѣйшей соціологіи „экономическія отношенія и промышленно-

*) *H. Höffding.* Geschichte der neueren Philosophie, B. II, S. 89, 94—5.

техническое развитіе образуютъ до того отграниченное понятіе, что необходимость полнаго выдѣленія ихъ въ особую, совершенно замкнутую научную область не можетъ быть подвержена никакому сомнѣнію, что главнымъ образомъ и было окончательно доказано экономическою школою Маркса-Энгельса" *). И такъ какъ, съ другой стороны, такое методологически-обособленное изученіе экономическихъ отношеній приводило, какъ это также было вполнѣ доказано тою же школою Маркса-Энгельса, къ убѣжденію въ прогрессирующемъ улучшеніи экономической подпочвы для существованія и развитія человѣческой личности, то отъ такого соціально-экономическаго и историческаго ученія былъ одинъ шагъ къ тому, чтобы посмотрѣть на марксизмъ, какъ на ученіе о „соціально-экономическомъ осуществленіи нравственнаго закона" **). Въ этомъ смыслѣ историческій матеріализмъ — философская доктрина марксизма — сохраняя свое глубокое методологическое значеніе, означалъ бы собою доктрину объ экономическихъ границахъ проявленія свободной дѣятельности человѣческой личности. Историческій матеріализмъ, однако, не остановился на такой сравнительно скромной, но вполнѣ научной точкѣ зрѣнія. Вынужденный вести по историческимъ условіямъ борьбу съ разными видами общественнаго утопизма, всегда апеллировавшаго къ требованіямъ разумной природы человѣчества и постулатамъ нравственнаго сознанія чувства, историческій матеріализмъ возымѣлъ напрасную надежду игнорировать вовсе этическій моментъ въ жизни, какъ производный, всецѣло опредѣляемый экономическими отношеніями, и кстати объявилъ столь же производными и подчиненными всѣ прочія стороны соціальной жизни, кромѣ экономической.

Въ настоящее время ошибка сознана, и система должна быть построена на совершенно новыхъ началахъ. На первомъ мѣстѣ должна стоять критическая переработка принципіально правильной трудовой теоріи и исчерпывающій анализъ не только статики, но и динамики *всѣхъ* современныхъ экономическихъ отношеній и въ особенности *всѣхъ* формъ и проявленій трудовой жизни. Оцѣнка этихъ отношеній и этой жизни съ точки зрѣнія нравственнаго закона, уясненіе способовъ и результатовъ этой оцѣнки въ наличной дѣйствительности, изученіе могущественной роли этическаго момента въ дѣлѣ созданія, свободнаго творчества высшихъ формъ экономическаго быта—такова первая и важнѣйшая задача ученія о соціальномъ идеалѣ, которое не можетъ не быть ученіемъ инымъ, какъ *соціально-этическимъ*. Но на этомъ

*) *Th. Kistiakowski.* Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin 1899, S. 78.

**) *L. Woltmann* System der moralischen Bewusstseins, Düsseldorf 1898, S.

нельзя не остановиться. Богатая и разнообразная по своему содержанію экономическая область допускаетъ только *методологически* изоляцію и обособленіе. Субстратъ соціальной жизни — человѣческій индивидуумъ, живая человѣческая личность никогда не способна разсѣкаться на свои составныя части, никогда не живетъ односторонне жизнью хозяйственныхъ либо иныхъ интересовъ. Мало того, сама экономическая жизнь, отдѣльныя формы и стадіи развитія ея,—напр., натуральное хозяйство, капитализмъ и т. д.,—составляютъ въ сущности результатъ сложнаго процесса воздѣйствія множества факторовъ *). Эти „факторы" — тоже методологическія абстракціи, полученныя путемъ обобщенія другихъ классовъ явленій и отношеній. И здѣсь предстоитъ та же задача, что въ области экономики. Въ настоящую минуту съ грозною силою заявляетъ о своемъ существованіи важный элементъ жизни — *право* во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ, какъ право государства, права націй, право международное и т. д.,— то право, несомнѣнныя, выдающіяся силы котораго внушили даже метафизическую мысль о существованіи права, какъ силы, независимой отъ человѣка, заложенной въ объективной сущности вещей **). Конечно, и къ изученію права необходимо примѣнить ту же точку зрѣнія, къ правовой области необходимо подойти съ тѣмъ же вопросомъ: насколько тѣ или иныя формы и явленія идутъ въ уровень съ живущимъ въ насъ требованіемъ моральнаго сознанія. И когда эта точка зрѣнія съ достаточною послѣдовательностью и выдержанностью будетъ примѣнена ко всей области соціальной жизни, безъ дѣленія ея на „фундаментъ" и „надстройку", тогда, и только тогда, получится та научная соціальная система, или то ученіе о соціальномъ идеалѣ, которое по существу и конечному смыслу заключенныхъ въ немъ вопросовъ должно стать ученіемъ о *соціальномъ*, а не экономическомъ только *осуществленіи нравственнаго закона.*

Тутъ открывается широкое, обширное поле изслѣдованія, котораго хватитъ на долгіе годы и которое способно поглотить многочисленныя научныя и философскія силы.

Читатель видитъ, какъ далеки наши взгляды отъ ученій представителей „Проблемъ идеализма". Мы, такъ же, какъ и они, не склонны къ незавидному прозябанію въ узкихъ рамкахъ сущей дѣйствительности. Идея должнаго, вѣчные идеалы правды и справедливости, не обусловленные міромъ наличнаго бытія, свѣтятъ и намъ во мракѣ окружающей насъ неприглядной дѣйствительности. Мы, однако, слишкомъ хорошо сознаемъ и чувствуемъ на каждомъ

---

*) См. объ этомъ *Karl Lamprecht.* Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaft, Berlin, 1896, S. 11—13. *Его же* Zwei Streitschriften den Herren Oncken, Delbrück, Lenz. Berlin 1897, S. 49—52.

**) *Еллинекъ.* Право современнаго государства. Общее ученіе о государствѣ. Перев. Спб. 1903, стр. 217.

шагу всю поистинѣ гигантскую силу этой дѣйствительности, чтобъ съ нею не считаться, чтобъ поднимать глаза кверху, когда они столь нужны намъ здѣсь, внизу. Вотъ почему не въ области метафизическихъ мечтаній, не въ мірѣ не обоснованныхъ предположеній и гаданій, а въ реальной сферѣ конкретныхъ соціальныхъ отношеній и связей мы ищемъ подкрѣпленія живущаго въ насъ нравственнаго закона, ждемъ опоры для нашихъ стремленій, осуществленія вдохновляющаго насъ соціальнаго идеала. Пусть говорятъ намъ, что человѣческій разумъ, въ силу внутренней потребности, неудержимо стремится къ метафизикѣ, которая, если не какъ наука, то какъ природное влеченіе всегда существуетъ *). Пусть пробѣлы и дефекты современныхъ научныхъ дисциплинъ и могли бы съ удобствомъ быть покрыты метафизическими гипотезами **). Но, оставляя уже въ сторонѣ вопросъ о степени доказательности такихъ построеній, необходимо замѣтить, что въ какой бы мѣрѣ ни признавать законность такой метафизики, къ какому бы роду метафизическихъ предположеній по тому или другому вопросу ни примкнулъ тотъ или иной мыслитель или изслѣдователь, все это не можетъ и не должно оказывать вліянія на форму, характеръ и содержаніе ученія о соціальномъ идеалѣ. Какъ изъ одного и того же метафизическаго ученія могутъ быть выведены различные, даже противоположные соціальные идеалы, такъ и, наоборотъ, одинъ и тотъ же соціальный идеалъ совмѣстимъ со всевозможными метафизическими предположеніями. Ученіе о соціальномъ идеалѣ заключаетъ въ себѣ вопросъ объ осуществленіи нравственнаго закона въ предѣлахъ соціальной жизни. Что же можетъ дать для разрѣшенія такого вопроса метафизика, когда, даже по признанію сторонниковъ метафизическаго мышленія, наука о морали, этическая проблема можетъ быть построена и обоснована внѣ примѣси метафизическихъ элементовъ. Что же касается, съ другой стороны, различныхъ отраслей соціальной науки—политической экономіи, науки о правѣ и т. д., то онѣ и въ настоящее время настолько уже проникнуты духомъ и методомъ научнаго изслѣдованія, что саммалѣйшая попытка вторженія метафизики въ эти сферы можетъ быть встрѣчена только самымъ рѣшительнымъ отпоромъ.

Нѣтъ, не въ туманныхъ высотахъ, никогда не доказанныхъ и недоказуемыхъ метафизическихъ сущностей, а въ сокровенныхъ,

---

*) *Imm. Kant.* Kritik der reinen Vernunft, S. 56.

**) На этой мысли основана идея *«индуктивной»* метафизики, предложенная, напримѣръ, Вундтомъ. Его опредѣленіе метафизики см. *W. Wundt*, System der Philosophie, 2-te Aufl. Leipzig 1897, S. VI и 17. Въ дѣйствительности, впрочемъ, при внимательномъ изученіи системы Вундта, можно придти къ заключенію, что метафизика носитъ не только «индуктивный» характеръ.

Объ индуктивной метафизикѣ см. также *Oswald Külpe*, Einleitung in die Philosophie, 2-te Auflage, Leipzig 1898, S. 25, 211—12.

но реальныхъ глубинахъ земной человѣческой жизни, ея горя, ея страданій и въ то же время источниковъ ея живой силы—мы ищемъ разгадки тайны соціальнаго бытія, медленно, но неуклонно раскрывающейся предъ взоромъ испытующаго и дѣйствующаго человѣчества. Не имѣя ничего противъ здороваго, трезваго соціальнаго идеализма, на почвѣ котораго должна строиться всякая соціальная система и которымъ проникнуто всякое соціальное движеніе, мы заявляемъ свой рѣшительный протестъ противъ того *метафизическаго* и *мистическаго* идеализма, къ которому пытаются привлечь вниманіе русскаго общества бывшіе историческіе матеріалисты. Новое теченіе не можетъ быть, конечно, сравниваемо съ историческимъ матеріализмомъ по своему возможному общественному вліянію. Слабость общихъ философскихъ принциповъ и нѣкоторыхъ научныхъ положеній въ теоріи историческаго матеріализма въ избыткѣ покрывалась глубокимъ и блестящимъ освѣщеніемъ наболѣвшихъ язвъ буржуазнаго общества; потребности времени болѣе всего соотвѣтствовала эта теорія, въ этомъ была ея сила, въ этомъ кроются причины не прекращающагося и нынѣ вліянія ея на значительныя народныя сферы. Но какой потребности современной общественной жизни, какимъ реальнымъ народнымъ интересамъ можетъ отвѣтить метафизически-мистическій идеализмъ вообще, и въ наши дни—въ особенности? Въ лицѣ Вл. Соловьева, на котораго такъ любятъ ссылаться наши нео-идеалисты, мистическая философія подняла нѣсколько голову въ 80-хъ годахъ. И, тѣмъ не менѣе, и тогда Соловьевъ создалъ нѣсколько послѣдователей, но не вызвалъ общественнаго теченія. Тѣмъ менѣе имѣетъ шансовъ на серьезную общественную роль мистическая философія теперь, въ наши дни, время подъема общественныхъ силъ, когда есть на чемъ отдохнуть глазу на землѣ, когда на рукахъ такъ много живого практическаго дѣла. Какъ камень, брошенный постороннею рукою, не въ силахъ измѣнить естественнаго теченія бурно несущейся рѣки и, отозвавшись легкою зыбью на ея поверхности, погружается безслѣдно въ ея глубины,—такъ и русскій нео-идеализмъ, отозвавшись нѣсколькими явленіями чисто-литературнаго характера, скользнетъ по поверхности нашего общественнаго самознанія, но не измѣнитъ его глубинъ, не доберется до его корней. Ему не измѣнить установившагося и развивающагося въ опредѣленномъ направленіи теченія русской мысли. Ему не смѣшать рядовъ и безъ того немногочисленной русской интеллигенціи.

М. Б. Ратнеръ.

Македонія и македонскій вопросъ.

I.

Мы знаемъ не мало примѣровъ въ исторіи, когда временно сталкивающіеся интересы и стремленія различныхъ народностей и государствъ вызываютъ къ жизни сложные международные вопросы, для существованія которыхъ трудно найти какія-нибудь болѣе глубокія и постоянно дѣйствующія причины. Къ числу такихъ вопросовъ — какъ бы случайныхъ по характеру возникновенія и искусственныхъ въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи—слѣдовало бы, въ сущности, отнести и пресловутый „македонскій вопросъ". Надъ его разрѣшеніемъ тщетно ломаютъ себѣ головы остроумные дипломаты; къ нему приноравливаютъ свою дѣятельность и свои программы государственные люди; его эксплуатируютъ политическія партіи; имъ опредѣляются широкія народныя движенія; въ немъ таится опасная и постоянная угроза миру не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и въ цѣлой Европѣ. И при всемъ томъ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ является въ значительной степени случайнымъ плодомъ временныхъ политическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ не легко было бы указать элементъ исторической необходимости, и которыя, лишь благодаря наслоенію дипломатическихъ ошибокъ и политическихъ недоразумѣній, пріобрѣли характеръ чего-то самодовлѣющаго, остраго и фатально-неотвратимаго. Возникшій почти на нашихъ глазахъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ и провозглашеніемъ независимости Болгаріи, онъ является прямымъ послѣдствіемъ того уродливаго положенія, которое было создано на Балканскомъ полуостровѣ дипломатами Берлинскаго конгресса, руководившимися въ своихъ рѣшеніяхъ не правильно понятыми интересами призванныхъ къ жизни народностей, не какими-нибудь общепризнанными принципами международнаго права,—вродѣ принципа національностей или, хотя бы, естественныхъ границъ,—не требованіями абстрактной справедливости, а просто своими эгоистическими разсчетами, умѣряемыми только взаимнымъ соперничествомъ державъ и обстоятельствами даннаго политическаго момента. Конечно, и до освобожденія Болгаріи существовала Македонія, но не существовало „македонскаго вопроса". Да и сама Македонія представляла собою не столько этнографическій или— еще менѣе—историческій, сколько административно-географическій терминъ. Это была просто на просто одна изъ наименѣе извѣст-

ныхъ областей Европейской Турціи. Ею никто внѣ Турціи не интересовался; на нее никто не предъявлялъ національныхъ или иныхъ притязаній; о ней никто не думалъ, какъ о странѣ, которой предстояло играть такую роль въ ближайшей исторіи балканскихъ народовъ. Надо было появиться на исторической сценѣ независимой Болгаріи, надо было возникнуть соперничеству между нею и ея сосѣдями, чтобы эта, казалось бы, безобидная и заброшенная турецкая провинція породила изъ своихъ нѣдръ македонскій вопросъ и обратилась въ тотъ очагъ раздоровъ и смутъ, какой она собою теперь представляетъ.

Терминъ „Македонія" не заключаетъ въ себѣ вполнѣ точно опредѣленнаго содержанія ни въ историческомъ, ни въ этнографическомъ, ни въ географическомъ, ни даже въ чисто-административномъ отношеніи. Люди, говорящіе о Македоніи — даже авторы, о ней пишущіе, и политики, ею занимающіеся — подразумѣваютъ подъ этимъ терминомъ подчасъ очень различныя вещи, смотря по точкѣ зрѣнія, изъ которой исходятъ, и по цѣли, которую преслѣдуютъ. Иные готовы включить въ предѣлы Македоніи чуть не всю Европейскую Турцію, за исключеніемъ сравнительно небольшой прибрежной полосы на юго-востокѣ и Албаніи на западѣ. Такая *greater Macedonia* будетъ заключать въ себѣ не только Старую Сербію, но и добрую долю турецкой Ѳракіи, составляющей такъ называемый Адріанопольскій вилайетъ. Другіе, наоборотъ, бросаются въ противоположную крайность, съуживая предѣлы Македоніи на сѣверѣ, и расширяя на ея счетъ Старую Сербію, къ которой присоединяютъ и Ускюбъ съ его округомъ. Третьи, наконецъ, слѣдуютъ въ этомъ отношеніи традиціи, установленной въ первой половинѣ XIX ст. этнографами и учеными путешественниками по Македоніи, Ами Буэ, Григоровичемъ и др., въ глазахъ которыхъ Старая Сербія до Шаръ-Дага представляетъ собою область совершенно отличную отъ Македоніи, хотя административно и образуетъ съ ея сѣверною частью одинъ Коссовскій вилайетъ. Съ этой точки зрѣнія, наиболѣе правильной во всѣхъ отношеніяхъ и единственно законной съ точки зрѣнія географическо-этнографической, собственно Македоніею слѣдуетъ называть достаточно рѣзко отграниченную центральную область на Балканскомъ полуостровѣ, расположенную между охватывающими ее почти непрерывнымъ поясомъ Старою Сербіею, Сербіею, Болгаріею, Ѳракіею, Греціею и Албаніею, и заключающую въ себѣ цѣликомъ вилайеты Салоникскій и Битольскій и частью вилайетъ Коссовскій. Границами этой обширной области будутъ на сѣверѣ высокіе хребты Шаръ-Дагъ, Кара-Дагъ, Осоговская Планина и Рила-Планина, отдѣляющіе ее отъ Старой Сербіи, Сербіи и Болгаріи; на востокѣ стѣна Родопскихъ горъ и, затѣмъ, нижнее теченіе рѣки Карасу или, по болгарски, Мясты, отдѣляющей ее

отъ Ѳракіи, на югѣ—Эгейское, по болгарски Бѣлое, море и рѣка Бистрица, отдѣляющая ее отъ пограничнаго съ Греціею санджака Сельфидже, и на западѣ — неопредѣленная линія, совпадающая отчасти съ горными цѣпями Пинда, Мокры и Горы, отчасти съ береговою линіею Охридскаго озера и отдѣляющая ее отъ Албаніи.

Въ этихъ предѣлахъ, заключающихъ въ себѣ до 60,000 квад. километровъ и населенныхъ приблизительно $2^{1}/_{4}$ милліонами разноплеменныхъ обитателей, лежитъ богато одаренная страна, съ чудною природою, съ благодатнымъ и здоровымъ климатомъ, съ изумительно плодородною почвою, съ замѣчательно выгоднымъ положеніемъ на одномъ изъ важнѣйшихъ путей міровой торговли. Эти рѣдкія преимущества должны бы были обезпечить Македоніи и ея населенію прочное благосостояніе. Дѣйствительность, однако, представляетъ намъ совершенно иную картину. Убійственный турецкій режимъ превратилъ этотъ земной рай въ полудикую разоренную страну, несчастное населеніе которой страдаетъ и бѣдствуетъ, не смотря на всѣ ея природныя богатства, на синеву ея небосклона, яркій блескъ ея солнца, чарующую красоту ея рѣкъ и озеръ, плодородіе ея долинъ и животворную силу ея климата.

По своему этническому составу это населеніе представляетъ собою, согласно остроумной характеристикѣ одного изъ знатоковъ Македоніи, „настоящій этнографическій синтезъ Балканскаго полуострова". Дѣйствительно, пестрота этого состава поразительна даже для восточной страны. Помимо славянъ, которые, несомнѣнно, составляютъ главную часть населенія Македоніи и численность которыхъ опредѣляется въ $1^{1}/_{4}$ милліона (изъ нихъ до 150,000 потурченныхъ болгаръ, такъ называемыхъ *помаковъ*), здѣсь бокъ-о-бокъ живутъ представители чуть не всѣхъ расъ востока: *турки*, разбросанные оазисами по всей странѣ, но преимущественно осѣвшіе въ богатыхъ долинахъ Вардара и Мясты, въ большихъ городахъ, вдоль главныхъ путей и у главныхъ проходовъ, вообще въ мѣстахъ, представляющихъ собою особую стратегическую важность; *греки*, болѣе или менѣе сплошною массою заселяющіе береговую полосу Эгейскаго моря и попадающіеся отдѣльными колоніями во всѣхъ значительныхъ городахъ южной Македоніи; *арнауты* или *скипетары*, являющіеся здѣсь передовыми піонерами албанской національности изъ Албаніи и на двѣ трети албанизированной уже Старой Сербіи; *македорумыны*, или, какъ ихъ еще называютъ, *куцовлахи* или *цинцары*, держащіеся преимущественно въ окрестностяхъ Битоли и въ юго западномъ углу Македоніи, въ горахъ Пинда; *евреи-шпаньолы*, т. е. выходцы изъ Испаніи, составляющіе почти половину всего населенія Салоникъ; *цыгане*, бродящіе понемногу всюду; *гагаузы*, *черкесы*, *армяне*, *левантинцы* и, наконецъ, западно-евро-

пейцы—французы, итальянцы, нѣмцы и др.—являющіеся или въ роли гешефтмахеровъ, ищущихъ легкой наживы, или чиновниковъ въ мѣстныхъ консульствахъ и на турецкой государственной службѣ. И почти всѣ эти народности—за исключеніемъ, немногихъ, довольствующихся, какъ, напр., евреи, торговыми барышами, или, какъ черкесы, свободою грабежа, или, какъ цыгане, свободою бродяжничества—претендуютъ на господство и преобладаніе, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, если не на основаніи своей многочисленности, то на основаніи своей культурности, своего прошлаго величія или своихъ былыхъ страданій.

Фактически господствующею расою являются пока турки. Численность ихъ опредѣляется приблизительно въ 500,000. Если же прибавить къ нимъ потурченныхъ помаковъ, которые отличаются еще болѣе горячимъ магометанскимъ фанатизмомъ, чѣмъ сами турки, а также арнаутовъ и потурченныхъ куцовлаховъ, цыганъ и грековъ, которые во всѣхъ практическихъ случаяхъ дѣйствуютъ рука объ руку съ турками, то общее число магометанъ въ Македоніи поднимется до 800—900,000, раза въ $1^1/_2$ меньше, чѣмъ христіанъ. Такимъ образомъ, турки здѣсь оказываются въ значительномъ меньшинствѣ въ сравненіи съ славянами и, тѣмъ болѣе, съ христіанами. Но это не мѣшаетъ имъ представлять собою господствующую расу не только въ административно-политическомъ отношеніи, но, въ значительной степени, и въ экономическомъ. Будучи потомками завоевателей и сохранивъ у себя до сихъ поръ слѣды былого феодальнаго устройства, они являются здѣсь землевладѣльческимъ классомъ по преимуществу. Имъ принадлежитъ бóльшая часть обрабатываемыхъ земель, т. е. главное богатство края, въ которомъ нѣтъ пока ни промышленности, ни сколько-нибудь развитой торговли. Одинъ этотъ фактъ создаетъ имъ привилегированное положеніе по отношенію къ прочимъ народностямъ, являющимся, экономически, какъ бы ихъ данниками. Имъ же принадлежатъ почти всѣ мѣста на государственной службѣ. Изъ ихъ среды набираются и пополняются войска. Они одни имѣютъ право носить оружіе и пользуются многими другими привилегіями, выдѣляющими ихъ изъ остальной массы вѣрныхъ подданныхъ султана. Они—хозяева страны, господа положенія, и ведутъ себя, какъ таковые. Подчиненныя имъ христіанскія народности являются въ ихъ глазахъ „райею“, чѣмъ-то презрѣннымъ, низшимъ по самому своему существу, осужденнымъ самимъ Аллахомъ на повиновеніе и рабство. Это—основная нота, характеризирующая общій тонъ ихъ отношеній къ мѣстному христіанскому населенію. Ею, главнымъ образомъ, и обусловливаются тѣ противоестественные ужасы, то холодное и не знающее жалости безчеловѣчіе, примѣрами которыхъ полна современная исторія этой многострадальной страны.

Въ самомъ дѣлѣ, сами по себѣ, разсматриваемые индиви-

дуально, турки совсѣмъ не отличаются какою-нибудь специфическою, только имъ присущею, жестокостью. Еще менѣе грѣшатъ они коварствомъ или моральною слѣпотою. По отзывамъ всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣло, не исключая и мѣстныхъ христіанъ, они честны, умѣренны, спокойны, справедливы, благожелательны, рыцарски-благородны. Въ обыкновенное время, при нормальныхъ условіяхъ, ихъ близость не представляетъ никакой опасности для окружающихъ, даже когда эти окружающіе—христіане. Напротивъ, они прекрасные сосѣди, спокойные и услужливые, всегда готовые помочь въ бѣдѣ. Таковы они индивидуально; таковы они и въ массѣ. Таковы же, до извѣстной степени, они и въ традиціонныхъ пріемахъ своей національно-государственной политики. За немногими исключеніями они никогда не злоупотребляли своимъ могуществомъ для національнаго обезличенья завоеванныхъ народовъ. Отчасти по лѣни, отчасти изъ презрѣнія, отчасти, можетъ быть, по политическому разсчету, они никогда почти не ополчались противъ ихъ религіи, языка, обычаевъ, не вмѣшивались въ ихъ внутреннія отношенія, не нарушали строя ихъ общинной жизни, не стѣсняли свободы ихъ экономической дѣятельности, не разоряли ихъ непомѣрными податями и поборами. Вообще, они вели себя по отношенію къ подвластнымъ народамъ приблизительно такъ, какъ по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ наши „добрые" помѣщики, у которыхъ благожелательность прекрасно уживалась не только съ презрѣніемъ, но и съ отеческою поркою на конюшнѣ, съ гаремами и съ отдачею въ рекруты въ случаяхъ нужды. Они не „тянули жилъ" изъ своихъ подданныхъ и довольствовались своимъ политическимъ господствомъ, рука объ руку съ которымъ шло, конечно, сознаніе своего національно-культурнаго превосходства, которое предполагало, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, самимъ Богомъ установленное, абсолютное подчиненіе райи. Но за то это абсолютное подчиненіе было въ глазахъ господствующей расы закономъ, не допускавшимъ ни исключеній, ни компромиссовъ. Малѣйшее покушеніе райи нарушить его казалось туркамъ преступленіемъ не только противъ нихъ, но противъ самого Бога, преступленіемъ, для котораго не было достаточно жестокаго наказанія. Достаточно было затронуть ихъ магометанскій фанатизмъ, ихъ вѣру въ свою богоизбранность и въ свое право владычества, чтобы сразу преобразить ихъ до неузнаваемости. Боевые инстинкты ихъ предковъ возрождались во всей своей первобытной яркости, и вчерашніе мирные, благожелательные люди обращались въ кровожадныхъ разбойниковъ. И въ такіе моменты ихъ врожденное, съ молокомъ матери всосанное, презрѣніе къ райѣ, естественно, принимало характеръ необузданной, безпощадной мести, не останавливавшейся ни передъ какими крайностями. И чѣмъ выше поднимала свой протестующій голосъ пробудившаяся райя, чѣмъ

рѣшительнѣе осмѣливалась она претендовать на равенство съ своими господами, сомнѣваться въ ихъ богоданныхъ правахъ, поднимать руку на ихъ завоеванныя предками и освященныя пророкомъ прерогативы, тѣмъ негодованіе ихъ было безпредѣльнѣе, ихъ месть—безпощаднѣе. Въ такіе моменты они становились способными на все, на самыя ужасныя звѣрства, на самыя дикія преступленія. Они теряли человѣческій образъ, но не потому, что были по своей природѣ безчеловѣчны, а потому, что тѣ, на кого обрушивался ихъ гнѣвъ, были въ ихъ глазахъ не люди, а низшія существа.

Тѣмъ же, въ сущности, презрѣніемъ къ райѣ обусловливаются и тѣ отдѣльные случаи насилій противъ христіанъ, ихъ собственности и личности, которыя характеризуютъ собою всякій турецкій режимъ даже въ нормальное время, при отсутствіи какихъ бы то ни было вызововъ со стороны христіанскаго населенія. Эти насилія являются обыкновенно дѣломъ отдѣльныхъ личностей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ разбойничьихъ инстинктовъ и жажды легкой наживы. Такія личности встрѣчаются и въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ, среди самыхъ культурныхъ народовъ. Но тамъ—это преступники, для борьбы съ которыми имѣется организованная полиція, на которыхъ обрушивается вся тяжесть общественнаго правосудія. Въ Турціи—другое дѣло. Здѣсь они находятся въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи. Съ одной стороны, ихъ сравнительная безнаказанность объясняется слабостью и неумѣлостью полиціи, продажностью властей, вообще, царящею въ странѣ анархіею. Съ другой — предъ ними забитое, безправное населеніе, надъ которымъ можно разбойничать, не боясь вызвать противъ себя ни слишкомъ сильнаго возмущенія общественной совѣсти, ни слишкомъ серьезной кары общественнаго правосудія. Отсюда—отдѣльные случаи разбоевъ, грабежей и насилій, которые имѣютъ мѣсто вездѣ, гдѣ мы находимъ христіанское населеніе подъ властью турокъ. Но эти случаи говорятъ не столько противъ національнаго характера турокъ вообще, сколько противъ ихъ режима, ихъ національно-религіознаго высокомѣрія, ихъ невѣжественнаго, но искренняго презрѣнія къ христіанамъ.

При всемъ томъ, подобные случаи и въ Турціи остаются въ нормальныя времена единичными и даже, пожалуй, исключительными, хотя, благодаря своей безнаказанности, они тѣмъ рѣзче бросаются въ глаза и привлекаютъ къ себѣ негодующее вниманіе европейскаго наблюдателя. Вообще говоря, они не ложатся слишкомъ большою тяжестью на массу мѣстнаго населенія, пока это населеніе живетъ полу-растительною жизнью, пока въ немъ не начинаетъ пробуждаться чувство человѣческаго достоинства, понятіе личной чести, сознаніе своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Но разъ въ немъ зазвучалъ призывъ къ возрожде-

нію и къ новой жизни, положеніе совершенно измѣняется. Обиды и насилія, раньше казавшіяся чуть ли не обычными явленіями повседневной жизни, теперь вызываютъ въ душѣ чувство возмущенія, становятся невыносимыми, смертельно-оскорбительными. Онѣ окрашиваютъ въ кровавый цвѣтъ весь режимъ, дѣлаютъ его ненавистнымъ для самыхъ мирныхъ людей, толкаютъ ихъ на протестъ и на репрессаліи, которыя фатально принимаютъ все болѣе рѣшительный и массовой характеръ. Начинается борьба, дѣлаются попытки сбросить позорное, отжившее свое время, иго, и эти попытки поднимаютъ со дна души господствующей расы ея худшіе инстинкты, весь таящійся въ ней запасъ безудержнаго фанатизма. Въ странѣ создается хроническое революціонное положеніе, въ которомъ мрачные подвиги возстанія чередуются съ дикими ужасами усмиренія. Такое положеніе приходится наблюдать намъ теперь въ Македоніи.

Совершенно то же происходило во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ Болгаріи, тогда еще составлявшей часть европейскихъ владѣній падишаха. Иные старые люди, говоря теперь объ этомъ времени, отзываются о немъ во многихъ отношеніяхъ не только снисходительно, но прямо-таки хвалебно. Они чуть не съ умиленіемъ вспоминаютъ о тогдашней матеріальной обезпеченности, о процвѣтаніи болгарскихъ традиціонныхъ ремеслъ и промысловъ, о сравнительной легкости тогдашняго податного обложенія, о широкомъ приложеніи принципа самоуправленія въ области чисто мѣстныхъ общинныхъ дѣлъ, о патріархальномъ строѣ всей тогдашней жизни, которая во многихъ отношеніяхъ кажется имъ теперь болѣе „легкою", чѣмъ напряженный, партизанско-бюрократическій режимъ современной независимой Болгаріи. И мягкіе тоны этой идиллической картины почти не нарушаются фактами насилій и разбоевъ, которые остаются въ ихъ воспоминаніяхъ какъ бы случайными инцидентами... Но положеніе рѣзко измѣняется, когда болгарское движеніе изъ церковно-образовательнаго обращается въ политическое; когда оно выливается въ форму сознательной освободительной борьбы противъ самого турецкаго владычества. Болгарская эмиграція начинаетъ призывать свой народъ къ вооруженному возстанію; болгарскіе „апостолы" приступаютъ къ организаціи революціонныхъ комитетовъ и боевыхъ дружинъ; тамъ и сямъ происходятъ вооруженныя стычки,—и эти неслыханные факты дѣйствуютъ на турокъ, какъ красный цвѣтъ на разъяреннаго быка. Они въ изумленіи протираютъ глаза передъ этою дерзостью потерявшихъ разумъ гяуровъ; потомъ ихъ охватываетъ раздраженіе, быстро переходящее въ состояніе яростнаго возбужденія, въ которомъ они теряютъ всякое представленіе о томъ, что дѣлаютъ. Начинается кровавая драма усмиренія, лишь обостряющая борьбу и съ фатальною силою неумолимаго рока ведущая къ конечной ката-

строфѣ... То же самое происходило впослѣдствіи на островѣ Критѣ. То же самое имѣло мѣсто раньше въ Греціи и въ Сербіи до ихъ освобожденія, въ Босніи-Герцеговинѣ—наканунѣ русско-турецкой войны,—во всѣхъ христіанскихъ владѣніяхъ Турціи, которымъ приходилось бороться за освобожденіе отъ турецкаго ига.

Теперь очередь за Македоніею. Здѣсь тоже было время, когда турецкое владычество переносилось безропотно и терпѣливо. Покорная райя мирилась съ нимъ, не смотря ни на царившую въ странѣ анархію, ни на продажность и деморализацію мѣстныхъ властей, ни на разбойничьи подвиги албанскихъ выходцевъ, которые играютъ въ Македоніи такую же роль, какую въ Арменіи курды. Факты насилій и вымогательствъ, случавшіеся то тутъ, то тамъ, не проходили, конечно, безслѣдно. Они создавали въ странѣ настроеніе неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, столь пагубное для общественнаго прогресса; но при слабомъ развитіи экономическихъ отношеній, при низкомъ культурномъ уровнѣ населенія, съ ними мирились, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, растворявшимся въ общемъ строѣ рабской жизни. Но съ пробужденіемъ въ странѣ національнаго самосознанія, нашедшаго себѣ поддержку въ сосѣдствѣ независимой Болгаріи, положеніе вещей начало быстро и рѣзко измѣняться. То, что прежде проходило незамѣченнымъ, теперь оскорбляло и возмущало; то, съ чѣмъ прежде мирились, теперь вызывало протесты и активное противодѣйствіе. Апатичная покорность уступила свое мѣсто борьбѣ, которая съ каждымъ днемъ разросталась и въ ширь, и въ глубь, принимала все болѣе ожесточенный и безпощадный характеръ съ обѣихъ сторонъ. И вотъ теперь мы присутствуемъ при послѣднемъ актѣ этой драмы. Вся страна залита кровью. Враги соперничаютъ другъ съ другомъ въ жестокости и дикомъ изувѣрствѣ. Турки напрягаютъ послѣднія усилія для того, чтобы задушить освободительное движеніе и сохранить свою власть надъ изувѣченною страною. Христіане умираютъ сотнями, но это не останавливаетъ и не задерживаетъ ихъ движенія къ свободѣ. Они рвутся всѣми силами изъ ярма, ставшаго для нихъ невыносимымъ, и никакія жертвы не пугаютъ ихъ. Они переживаютъ тотъ великій моментъ въ жизни народа, когда слова „свобода или смерть!“ перестаютъ быть только звучнымъ девизомъ патріотической агитаціи, но обращаются въ неумолимый законъ жизни, не знающій уступокъ и не допускающій компромиссовъ. И въ этомъ заключается одна сторона современнаго „македонскаго вопроса“,—та, которая составляетъ его естественное и, такъ сказать, исторически законное основаніе...

II.

Но эта борьба за освобожденіе отъ турецкаго ига является лишь одной—и даже не главной по своему практическому значенію—стороною македонскаго вопроса. Исчерпывайся послѣдній ею, все въ немъ было бы ясно и просто. Борьба могла бы быть трудна и опасна; она могла бы требовать тяжелыхъ жертвъ и большихъ усилій, но ходъ ея развитія и конечный ея исходъ не подлежали бы сомнѣнію. Раньше или позже—и скорѣе раньше, чѣмъ позже—она окончилась бы торжествомъ свободы, какъ окончилась въ свое время такая же борьба грековъ, сербовъ и болгаръ, выбившихся съ помощью Европы изъ подъ турецкаго ига и образовавшихъ независимыя государства. Трудность и запутанность македонскаго вопроса заключаются не въ этомъ—или, во всякомъ случаѣ, не только въ этомъ—элементѣ. Она въ томъ, что здѣсь къ борьбѣ освободительной примѣшивается борьба національная, въ громадной степени осложняемая чисто политическимъ соперничествомъ между сосѣдними государствами, зарящимися на лакомый кусокъ. Въ этомъ то соперничествѣ и заключается главная трудность македонскаго вопроса, главная опасность, которою онъ угрожаетъ миру на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ началѣ возникновенія македонскаго вопроса это соперничество выражалось главнымъ образомъ въ борьбѣ между греками, энергично работавшими надъ эллинизаціею Македоніи, и славянами, защищавшими свое право на самостоятельное національное существованіе. Однако, борьба далеко не сразу приняла политическій характеръ. Благодаря цѣлому ряду условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, она долгое время сохраняла преимущественно культурный характеръ и велась почти исключительно на почвѣ церковно-образовательной между греческимъ духовенствомъ и его славянскою паствою. Суть борьбы сводилась къ стремленію этой паствы освободиться отъ духовной тираніи чуждой ей греческой іерархіи и добиться созданія своей, національной, церкви, которая явилась бы носительницею своей же, національной, культуры. Борьба была нелегкая и продолжительная. Вначалѣ она могла казаться даже совершенно безнадежною,—до такой степени неблагопріятны были условія, при которыхъ приходилось вести ее населенію. Вся церковная іерархія, начиная съ низшихъ представителей, приходскихъ священниковъ, и кончая ея верховнымъ главою, константинопольскимъ патріархомъ, цѣликомъ находилась въ рукахъ грековъ, какъ законныхъ наслѣдниковъ православной Византіи. Въ качествѣ таковой, она пользовалась полнымъ признаніемъ турецкаго правительства. Согласно своей всегдашней традиціи Порта видѣла въ греческихъ священникахъ, епископахъ и патріархахъ

естественныхъ вождей своей паствы, ея законныхъ и авторитетныхъ представителей, которымъ по праву принадлежитъ духовная власть надъ нею и къ услугамъ которыхъ должна быть вся сила свѣтскаго государства. Одного этого было достаточно для того, чтобы обезпечить за греческимъ духовенствомъ въ Македоніи полную культурную гегемонію во всѣхъ сферахъ жизни. И до поры до времени такая гегемонія казалась незыблемой и неоспоримою. Не смотря на то, что настоящіе греки, греки по расѣ, составляли ничтожное меньшинство населенія—тогда, какъ и теперь, сплошними группами они жили лишь на югѣ, и общее ихъ число не превышало 250,000—всѣ высшія проявленія духовной жизни христіанскаго населенія Македоніи носили рѣзко выраженный греческій характеръ. Церковь была греческая не только по своей іерархіи, въ которой болгарскіе священники составляли исключеніе, но и по языку, употреблявшемуся въ богослуженіи. Греческою же была и школа, хотя она и поддерживалась въ значительной степени на средства мѣстныхъ славянскихъ общинъ. Учителями были сплошь греки, или погреченные болгары; преподаваніе, проникнутое духомъ греческаго патріотизма, велось на греческомъ языкѣ и по греческимъ педагогическимъ пріемамъ. „Греческое" вообще было какъ бы синонимомъ высшаго, культурнаго, аристократическаго. Греческій языкъ былъ распространенъ въ странѣ, почти какъ турецкій, или даже, какъ родной, болгарскій. Незнаніе его считалось постыднымъ, служило доказательствомъ принадлежности къ низшему слою населенія. Все, что было въ населеніи состоятельнаго и могло претендовать на званіе „чорбаджи", тянулось за греками, подражая имъ во всемъ, усваивая ихъ манеры и образъ жизни, давая дѣтямъ греческое воспитаніе, переиначивая даже на греческій ладъ свои фамильныя имена. Однимъ словомъ, погреченіе Македоніи шло систематически и успѣшно, не встрѣчая себѣ, повидимому, никакихъ препятствій. Греческіе патріоты — мегаломаны торжествовали. Вся Македонія — отъ Салоникъ до Скопіи и отъ Битоліи до Сереса и Ковалы — казалась имъ безповоротно завоеванной для „эллинизма". Оставалось только ждать, когда пробьетъ часъ паденія Турецкой имперіи и раздѣла ея наслѣдія. Казалось несомнѣннымъ, что Македонія въ этомъ раздѣлѣ выпадетъ естественно на долю Греціи, и что великая идея возрожденія средневѣковой Византійской имперіи получитъ, такимъ образомъ, начало своего осуществленія. Ради этой великой цѣли греки не жалѣли ничего. Въ ея пользу работали греческіе консулы; на ея служеніе отдавали все свое громадное оффиціальное вліяніе константинопольскіе патріархи; для нея тратились ежегодно на „греческую пропаганду" громадныя суммы, получавшіяся отъ частныхъ жертвователей и ассигнуемыя аѳинскимъ правительствомъ. И всѣ эти прекрасно организованныя, подчинен-

ныя единому плану, усилія не встрѣчали видимаго противодѣйствія ни со стороны апатичнаго турецкаго правительства, ни тѣмъ менѣе со стороны невѣжественной, забитой, совершенно, повидимому, лишенной національнаго самосознанія массы. Удивительно ли, что успѣхъ ихъ казался обезпеченнымъ? И онъ можетъ быть, дѣйствительно былъ бы обезпеченъ, если бы не одинъ общій и основной недостатокъ, греческой тактики,—недостатокъ, впослѣдствіи замѣченный, но успѣвшій оказаться пагубнымъ.

Этотъ недостатокъ заключался въ высокомѣрномъ отношеніи греческихъ церковныхъ культуртрегеровъ къ ихъ славянской паствѣ. Душа ихъ прихожанъ всегда оставалась для нихъ закрытою книгою, въ которую они заглядывали лишь въ случаяхъ крайней необходимости, да и то съ какою-то презрительною гадливостью. Они смотрѣли на нихъ приблизительно такъ, какъ смотрѣли когда-то на своихъ крѣпостныхъ хохловъ польскіе помѣщики: какъ на „быдло", по отношенію къ которому все позволено. Они дѣлали, конечно, исключеніе для немногочисленнаго класса мѣстныхъ „чорбаджіевъ", но безотвѣтная славянская масса оставалась для нихъ лишь источникомъ эксплуатаціи и поборовъ. Извѣстно, однако, что такимъ путемъ не пріобрѣтается довѣріе и любовь народа, особенно если этотъ народъ—чуждый по крови. И, дѣйствительно, греческое духовенство никогда не пользовалось довѣріемъ своей паствы. Его боялись, но не уважали; передъ нимъ заискивали, но его не любили. Къ нему чувствовали затаенную непріязнь, которая мѣстами переходила въ настоящую ненависть. До поры до времени эта ненависть оставалась скрытою, но она ждала лишь благопріятныхъ условій для того, чтобы дать себя почувствовать.

Такія условія представились, когда въ Болгаріи началось широкое національное движеніе. Оттуда оно не замедлило, конечно, перекинуться и въ родственную Македонію, гдѣ сразу нашло для себя благопріятную почву для развитія. Среди мѣстныхъ грекофиловъ приходится иногда слышать по этому поводу странное мнѣніе: они видятъ въ успѣхѣ болгарскаго національнаго движенія въ Македоніи что то вродѣ коварной политической интриги, направленной противъ Греціи. Самая возможность такого предположенія показываетъ, какъ плохо знали греки народъ, который такъ долго—въ теченіе вѣковъ—пасло и эксплуатировало ихъ духовенство! Подъ внѣшнею забитостью въ немъ таилась пережившая вѣка національная живучесть, и достаточно было загорѣться искрѣ національнаго самосознанія въ уединенныхъ монастыряхъ и, затѣмъ, среди малочисленной, но сильной духомъ, „родолюбивой" болгарской интеллигенціи, чтобы зажечь въ странѣ пожаръ возрожденія. Начавшееся движеніе сразу приняло рѣзко выраженный національный характеръ. Иными словами, оно съ первыхъ же шаговъ своихъ вылилось въ форму борьбы за болгар-

скую церковь и школу, борьбы противъ церковной и вообще духовной суприматіи чуждаго народу греческаго духовенства.

Не буду передавать здѣсь перипетій этой борьбы, извѣстной въ болгарской исторіи подъ названіемъ „греко-болгарскаго церковнаго вопроса“, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко. Извѣстно, какъ она кончилась въ Болгаріи. Въ 1870 г., не смотря на отчаянное сопротивленіе константинопольскаго патріарха, автономія болгарской церкви была торжественно признана султанскимъ фирманомъ. Рядомъ съ вселенскою греческою патріаршіею, въ Константинополѣ появилась независимая отъ нея болгарская экзархія, церковная юрисдикція которой была распространена не только на Болгарію собственно, но и на тѣ македонскія епархіи, христіанское населеніе которыхъ большинствомъ двухъ третей признаетъ себя болгарскимъ и выразитъ желаніе присоединиться къ болгарской церкви.

Созданіе экзархіи имѣло, конечно, громадное вліяніе на послѣдующій ростъ болгарскаго національнаго движенія въ Македоніи. Съ одной стороны, оно его освятило, дало ему санкцію торжественнаго оффиціальнаго признанія. Съ другой, оно дало ему твердую точку опоры для дальнѣйшаго развитія, отдавъ ему на служеніе обширную церковно-училищную организацію, и по традиціи, и по профессіональному интересу непримиримо враждебную греческому духовенству.

Еще большее значеніе пріобрѣла экзархія для болгарской пропаганды въ Македоніи, когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало освобожденіе Болгаріи и провозглашеніе ея независимымъ княжествомъ. Болгарское правительство прекрасно поняло, какія богатыя политическія перспективы открываетъ Болгаріи антигреческое движеніе въ Македоніи и не замедлило позаботиться о томъ, чтобы придать ему возможно болѣе опредѣленный и рѣзко выраженный національный характеръ и внести въ него мало-помалу не достававшій ему до того времени политическій элементъ. Съ первыхъ же дней независимаго существованія княжества, оно горячо взялось за организацію болгарской національной пропаганды въ Македоніи и съ тѣхъ поръ ни на мгновеніе не переставало настойчиво и умѣло работать надъ нею. И достигнутые результаты не замедлили вознаградить затраченныя усилія. Македонія, еще такъ недавно казавшаяся окончательно погреченною и потерянною для славянства, быстро, на глазахъ, становилась болгарскою не только по языку и внѣшнимъ этнографическимъ признакамъ, но и по своимъ національнымъ стремленіямъ, по все болѣе ясному и глубокому сознанію своего національно-историческаго единства съ свободными братьями „по ту сторону Рила и Родоповъ“.

Главнымъ орудіемъ этого превращенія была, конечно, болгарская экзархія, которая съ освобожденіемъ Болгаріи сдѣлалась

какъ бы провозвѣстницею грядущаго объединенія всего болгарскаго племени. Ея готовая церковно-училищная организація, охватившая своими звеньями всю Македонію, оказалась удивительно приспособленною къ выполненію тѣхъ функцій культурно-патріотическаго прозелитизма, которыя возложило на нее болгарское правительство. Въ лицѣ своихъ священниковъ и учителей она имѣла идеальныхъ агентовъ болгарской пропаганды. Близкіе народу, вышедшіе изъ его среды и сохранившіе съ нимъ связь, они говорили съ нимъ на родномъ, понятномъ языкѣ, затрогивали отзывчивыя струны въ его душѣ, будили въ немъ смутныя, но не заглохшія воспоминанія о томъ времени, когда болгары тоже имѣли „свое царство и государство", когда и они „царили и были славны и чтимы на землѣ" и не разъ „отъ могучихъ римлянъ и мудрыхъ грековъ дань брали". Помогало имъ въ ихъ пропагандѣ и ихъ оффиціальное положеніе. Подъ его покровомъ они могли работать надъ болгаризаціею македонскаго населенія не вызывая со стороны турокъ ни подозрительности, ни противодѣйствія.

Для всего этого требовались, конечно, значительныя денежныя средства, но въ нихъ недостатка никогда не было. Ни болгарскія правительства, къ какой бы партіи они ни принадлежали, ни болгарскій народъ, какія бы временныя злобы дня ни занимали его вниманія, не жалѣли денегъ на „святое дѣло". Помимо оффиціальной субсидіи экзарху, Болгарія тратила и продолжаетъ тратить большія средства на нужды патріотической пропаганды въ Македоніи, и эти расходы никогда и ни въ комъ не вызывали сомнѣнія въ ихъ цѣлесообразности. Кромѣ денегъ, нужны были смѣлая осторожность въ планахъ дѣйствія, умѣренность и послѣдовательность въ исполненіи, настойчивость и постоянство въ усиліяхъ. Но всѣми этими драгоцѣнными свойствами болгарскій народъ обладалъ въ полной мѣрѣ: не даромъ же Болгарія пользуется репутаціею „Пьемонта" на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ не измѣнилъ имъ и въ своей македонской политикѣ перваго періода ея развитія. Не спѣша и не горячась, медленно, но вѣрно шелъ онъ по начертанному себѣ пути, и каждый шагъ приближалъ его къ завѣтной цѣли, высшимъ выраженіемъ которой была—и остается—сладкая мечта о возстановленіи великой „цѣлокупной" Болгаріи...

Полученные результаты очень скоро показали, въ какой степени призрачна и поверхностна была та „эллинизація Македоніи", на которой строили свои надежды греческіе мегаломаны. Не смотря на вѣковую работу оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ агентовъ греческой пропаганды и на самыя, казалось бы, благопріятныя условія, при которыхъ она велась, эта эллинизація успѣла захватить—да и то поверхностно—лишь тонкій слой чорбаджійскаго населенія. Въ массу она совершенно не проникла.

Это сказалось при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ новоявленною болгарскою пропагандою, въ которой чувствовалась стихійная сила молодой вѣры и неукротимой энергіи. Всюду воздвигались экзархійскія церкви и открывались экзархійскія училища, и передъ ихъ натискомъ старыя греческія церкви и школы пустѣли, теряли своихъ прихожанъ и учениковъ и, въ концѣ концовъ, закрывались за отсутствіемъ кліентовъ. Ихъ болгарскіе конкурренты побѣждали по всей линіи. Борьба съ ними оказывалась для грековъ непосильною.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и отъ былой греческой гегемоніи не осталось въ Македоніи почти ничего. „Греческая" Македонія обратилась въ Македонію „болгарскую". И этотъ результатъ былъ такъ очевиденъ, что сами греки не могли его игнорировать. Они были принуждены значительно понизить тонъ своихъ былыхъ претензій. Раньше они считали своею всю Македонію; они видѣли въ ней неотдѣлимую часть своего историческаго наслѣдія, имѣющей возродиться средневѣковой Византіи. Теперь они выражали готовность удовольствоваться одной ея южною половиною, до линіи между Мельникомъ и Охридою. Правда, они не складывали оружія — для этого ставка была слишкомъ дорога и потраченныя усилія слишкомъ велики, — и не отказывались отъ борьбы, не смотря на всю ея видимую безнадежность. Они продолжали поддерживать свои училища, — даже тамъ, гдѣ въ нихъ надо было тащить дѣтей чуть не силою; содержали полный штатъ агентовъ и агитаторовъ; употребляли все свое оффиціальное вліяніе передъ Портою въ цѣляхъ противодѣйствія экзархійской церковно-просвѣтительной дѣятельности; не останавливались въ такихъ случаяхъ даже передъ доносами и интригами самаго низкаго сорта; тратили громадныя суммы на подкупъ мѣстныхъ турецкихъ властей. — но все это они дѣлали безъ надежды на успѣхъ, скорѣе по традиціи, чѣмъ по убѣжденію. Они не нападали, а защищались, теряя одну позицію за другою, отступая все дальше и дальше передъ торжествующимъ врагомъ. И чѣмъ очевиднѣе становилась болгарская побѣда, тѣмъ болгарскій натискъ становился болѣе стремительнымъ и непреодолимымъ...

Но по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ одинъ врагъ, передъ болгарскою пропагандою въ Македоніи выросталъ другой, не менѣе, если не болѣе, опасный. Этимъ другимъ врагомъ оказались сербы...

III

Какъ уже было мимоходомъ упомянуто выше, сербскія притязанія на Македонію сравнительно недавняго происхожденія. До семидесятыхъ годовъ о нихъ ничего почти не слышно. За исключеніемъ немногихъ шовинистовъ, сербы молчаливо при-

знавали македонскихъ славянъ разновидностью болгарскаго племени. Въ этомъ отношеніи они слѣдовали традиціи, твердо установленной въ современной европейской наукѣ, поскольку она занималась Македоніею и ея этнографіею. Дѣйствительно, почти всѣ европейцы, путешествовавшіе въ теченіе XIX ст. по Европейской Турціи, всѣ болѣе или менѣе извѣстные ученые слависты, интересовавшіеся Македоніею, начиная съ Кузинера, Ами Буэ, Гризбаха, Григоровича, Шафарика и др., сочиненія которыхъ относятся къ 1830—50 г.г., и продолжая болѣе близкими къ намъ Бартомъ, Канитцомъ, Лежаномъ, Гильфердингомъ, Брадашкою, Тепловымъ, Ягичемъ, Вайгандомъ, Иречекомъ, Томашекомъ, П. Милюковымъ—единогласно признавали и признаютъ македонцевъ принадлежащими къ болгарской вѣтви великаго славянскаго племени. И это единодушіе людей науки до 70-хъ годовъ не вызывало никакихъ недоразумѣній, сомнѣній или протестовъ и въ самой Сербіи. Сербскіе писатели и политики охотно допускали справедливость этого общаго тогда мнѣнія, поскольку оно не переходило границы Шаръ-Планины и не распространялось на Старую Сербію. Это до такой степени вѣрно, что, напр., еще въ 1868 сербскій переводчикъ извѣстнаго сочиненія англійскихъ путешественницъ по Турціи, Меккензи и Эрби: Travels in the Slavonic provinces of the Turkey-in-Europe не нашелъ нужнымъ оговорить хотя бы одимъ словомъ категорическія утвержденія авторовъ, на всемъ протяженіи книги описывающихъ Македонію, какъ чисто болгарскую страну, а ея жителей, какъ несомнѣнныхъ болгаръ. Эти утвержденія казались тогда переводчику совершенно законными и безобидными. Они не затрогивали ни его національнаго самолюбія, ни его этнографическихъ убѣжденій, и онъ пропустилъ ихъ безъ всякаго возраженія.

Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи эпизодъ, случившійся въ началѣ 60-хъ годовъ съ извѣстнымъ сербскимъ дѣятелемъ, И. Гарашанинымъ, и разсказанный Верковичемъ въ его извѣстной книгѣ о Македоніи. Посланный съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ въ Константинополь, Гарашанинъ встрѣтился тутъ съ нѣкоторыми болгарами, игравшими видную роль въ греко-болгарской церковной распрѣ. И только изъ бесѣдъ съ этими болгарами онъ впервые узналъ о томъ, что Македонія—славянская страна и что христіанское ея населеніе—почти сплошь болгарское. Раньше онъ считалъ ее греческою!

Пробужденіе національнаго самосознанія въ болгарскихъ областяхъ Европейской Турціи—въ томъ числѣ и въ Македоніи—не могло, конечно, пройти безслѣдно и въ Сербіи. Неизвѣстная до того Македонія начала привлекать къ себѣ вниманіе сербской интеллигенціи, но въ этомъ вниманіи вначалѣ не было замѣтно элементовъ зависти и недоброжелательства. Угнетенный народъ рвался къ освобожденію отъ тяготѣвшаго на немъ ига, и это зрѣ-

лище могло вызывать лишь сочувствіе среди уже свободныхъ сербовъ. Это сочувствіе было тѣмъ болѣе дѣятельно и искренно, что сами сербы должны были вести въ это время аналогичную борьбу съ тѣмъ же греческимъ духовенствомъ въ Старой Сербіи. Что же касается до сербскихъ національныхъ идеаловъ и задачъ того времени, то они, все равно, не шли на югѣ дальше Шаръ-Планины. Въ своихъ мечтахъ и территоріальномъ расширеніи границъ Сербіи сербскіе патріоты обращались взоромъ не столько на югъ, сколько на западъ,—туда, гдѣ простирались широкія пространства неоспоримыхъ сербскихъ земель, Босніи и Герцеговины. Тамъ давно уже свила себѣ прочное гнѣздо сербская пропаганда; тамъ шло сильное народное броженіе; тамъ подготовлялось возстаніе противъ Турціи; тамъ все казалось созрѣвшимъ для возсоединенія съ свободной Сербіею. Поэтому и народное движеніе въ Македоніи оставляло спокойными сербскихъ патріотовъ; поэтому не волновали и не безпокоили ихъ и болгарскіе успѣхи въ ней. Македонія была внѣ сферы ихъ дѣятельности; дѣлить ее было и некогда, и не съ кѣмъ.

Къ концу 70-хъ годовъ произошли на Балканскомъ полуостровѣ большія перемѣны, и вмѣстѣ съ ними измѣнилось и сербское настроеніе, поскольку объектомъ его была Македонія. Разразилась русско-турецкая война; результаты ея оказались во многихъ отношеніяхъ неожиданными и, съ точки зрѣнія спеціально сербскихъ интересовъ, неудовлетворительными. Эта война нарушила „равновѣсіе“ на Балканскомъ полуостровѣ, создавъ рядомъ съ Сербіей сильнаго соперника, въ лицѣ освобожденной Болгаріи, и завѣщавъ этому сопернику, въ качествѣ основной политической программы, заманчивый идеалъ „Санъ-Стефанской Болгаріи“. Съ другой стороны, Сербіи она не дала почти ничего, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ округовъ на юго-восточной границѣ. Взамѣнъ за эти прирѣзки она отняла у нея всякую надежду на осуществленіе ея національной задачи на западѣ. Босна-Герцеговина попала въ руки Австріи, а эти цѣпкія руки, какъ извѣстно, не выпускаютъ разъ захваченной добычи. Мечты о расширеніи сербской территоріи на западѣ, надежда пробиться къ морю и освободиться такимъ образомъ отъ экономической зависимости отъ Австро-Венгріи—все это погибло, отъ всего этого надо было разъ на всегда отказаться. Надо было замкнуться въ своей тѣсной скорлупѣ, примириться съ своею болѣе чѣмъ скромною долею, молчаливо присутствовать при успѣхахъ и быстромъ ростѣ соперницы-сосѣдки, Болгаріи. Возможно ли было ожидать этого отъ народа, вся будущность котораго была въ его надеждахъ? Очевидно, нѣтъ. Сербы не могли примириться съ положеніемъ, созданнымъ войною. Они должны были искать выхода. И такъ какъ этотъ выходъ, пока что, былъ закрытъ на западѣ, его надо было искать на югѣ. Ихъ отрѣзали отъ Адріа-

тики,—оставалось пробиваться къ Эгейскому морю, къ которому шла прямая дорога черезъ долину Вардара и Салоники. У нихъ отняли Боснію-Герцеговину,—надо было оріентировать свою національную политику въ направленіи Старой Сербіи и лежащей за нею Македоніи. Тамъ къ ихъ услугамъ была обширная, богатая страна, еще свободная, никѣмъ не занятая, если не считать Турціи, съ которой, конечно, нечего было считаться. Къ тому же, страна эта была населена родственнымъ славянскимъ племенемъ. Правда, на нее претендуетъ Болгарія, но что изъ того? Эти претензіи находятся еще въ такой стадіи развитія, когда съ ними можно не считаться. Имъ можно противопоставить свои претензіи, не менѣе основательныя, не менѣе заслуживающія вниманія и удовлетворенія, не менѣе солидно подкрѣпленныя научною историко-этнографическою аргументаціею. Для Болгаріи, имѣющей подъ бокомъ Восточную Румелію и владѣющею такими морскими гаванями, какъ Варна и Бургасъ, Македонія является, въ сущности, роскошью. Для Сербіи — она необходимость, и обладаніе ею — вопросъ политической жизни или смерти. Болгарія должна понять это и отступить. Если она будетъ упорствовать, тѣмъ хуже для нея. Не уступитъ она Македоніи добромъ, Сербія возьметъ ее силою, во что бы это ей ни обошлось, къ какимъ бы опасностямъ ни повело, какихъ бы жертвъ ни стоило...

Таковъ, говоря схематически, былъ ходъ мыслей и чувствъ, подъ вліяніемъ которыхъ общественное настроеніе сербской интеллигенціи по отношенію къ болгарской пропагандѣ въ Македоніи въ самое короткое время измѣнилось до неузнаваемости. Возникла новая концепція національной политики, и красный уголъ въ ней—рядомъ съ Старою Сербіею—былъ отведенъ Македоніи. Началась ожесточенная полемика противъ болгарскихъ притязаній въ періодической печати. Возникла обширная научная литература, въ которой исторія, этнографія и филологія были призваны защищать права Сербіи на Македонію. При бѣлградскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ открылось особое отдѣленіе „македонской пропаганды“, и на это отдѣленіе, вооруженное солиднымъ бюджетомъ и обширными полномочіями, была возложена обязанность вернуть обманутыхъ болгарскимъ коварствомъ наивныхъ македонскихъ славянъ въ лоно сербской народности. Лицомъ къ лицу съ болгарскою пропагандою въ Македоніи, особенно въ ея сѣверной части, выросла пропаганда сербская, руководимая изъ Бѣлграда, располагавшая большими средствами и дѣйствовавшая черезъ посредство школьныхъ учителей, священниковъ, консуловъ, торговыхъ агентовъ и т. п., являвшихся носителями сербской культуры и представителями сербскаго патріотизма. На политической сценѣ появился, такимъ образомъ, новый факторъ, въ видѣ соперничества Сербіи и Болгаріи въ Македоніи, и этотъ

факторъ пріобрѣталъ все большее значеніе въ области балканскихъ политическихъ отношеній.

Я не намѣренъ вдаваться здѣсь въ подробную оцѣнку той якобы научной аргументаціи, которою борющіяся за Македонію стороны прикрываютъ свои истинныя, чисто политическія цѣли и стремленія. Детальное разсмотрѣніе этого спора завело бы меня слишкомъ далеко, въ слишкомъ спеціальную область филологическихъ и этнографическихъ изысканій. Да при томъ же съ точки зрѣнія практической политики онъ имѣетъ мало интереса. Въ вопросѣ такого рода, какъ сербо-болгарскій, не научная аргументація — даже если бы она была и много солиднѣе, чѣмъ въ данномъ случаѣ — является рѣшающею дѣло. Приговоръ науки нуждается здѣсь въ санкціи практической жизни. Спрашивается, какова эта санкція? Что говоритъ намъ на этотъ счетъ конкретная дѣйствительность? Кѣмъ признаютъ себя сами македонцы?

Тутъ отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ ясенъ и рѣшителенъ Тутъ шансы сербовъ оказываются еще менѣе серьезными, а торжество болгаръ еще болѣе полнымъ, чѣмъ въ научной полемикѣ. Дѣйствительно, потому ли, что болгарская пропаганда въ Македоніи ведется гораздо болѣе умѣло и энергично, чѣмъ сербская; или потому, что она находитъ тамъ для себя болѣе благопріятную почву, но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что македонцы съ неуклоннымъ постоянствомъ превращаются на нашихъ глазахъ въ болгаръ. Каковы бы они ни были по своей этнографической сущности, какова бы ни была сравнительная цѣнность историческихъ правъ, предъявляемыхъ на нихъ со стороны ихъ сосѣдей, никто не можетъ не признать ихъ явнаго тяготѣнія къ Болгаріи. Прежде всего отмѣчу, что сами македонцы, не колеблясь, называютъ себя болгарами. „Мы—болгары“, или „бугары“, говорятъ они почти неизмѣнно въ отвѣтъ на вопросъ о ихъ національности. И такой отвѣтъ приходится слышать повсемѣстно, не только тамъ, гдѣ болгарская пропаганда уже восторжествовала, но и тамъ, гдѣ еще продолжаетъ господствовать греческій языкъ, и гдѣ жители принадлежатъ къ „патріаршистамъ“, т. е. остаются вѣрными греческой церкви,—даже тамъ, гдѣ успѣла свить себѣ прочное гнѣздо сербская пропаганда. Болгарами же называютъ македонцевъ и ихъ господа, турки, и называютъ не только въ житейскихъ отношеніяхъ, но и въ оффиціальныхъ актахъ. Значеніе этого факта очевидно. Онъ стóитъ цѣлаго ряда научныхъ аргументовъ...

Но тяготѣніе македонскаго населенія къ Болгаріи не выражается только въ этомъ инстинктивномъ признаніи себя „бугарскимъ“. Въ томъ же направленіи работаетъ и народное сознаніе. Дѣйствительно, почти вся мѣстная интеллигенція—учителя, священники, торговцы и пр.—и по симпатіямъ, и по убѣжденіямъ

вполнѣ болгарская, это—фактъ, который признаютъ всѣ наблюдатели, изъ какихъ бы точекъ зрѣнія на македонскій вопросъ они ни исходили. Иные греко-сербскіе шовинисты указываютъ на якобы „болгарское происхожденіе“ этой интеллигенціи. Но это—явная инсинуація. Не подлежитъ сомнѣнію, что „болгарскіе эмиссары“, т. е. люди, идущіе изъ княжества и являющіеся болѣе или менѣе оффиціальными представителями болгарской пропаганды, составляютъ, сравнительно, ничтожное меньшинство этой интеллигенціи. Въ громадномъ своемъ большинствѣ она чисто мѣстнаго происхожденія. Все это—люди, родившіеся тутъ, учившіеся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, часто сербскихъ и греческихъ, и почерпнувшіе свои болгарскія симпатіи въ мѣстной средѣ, въ мѣстныхъ традиціяхъ и отношеніяхъ. Само собою разумѣется, что однѣми болгарскими интригами объяснить этотъ фактъ невозможно. Для нихъ должна была существовать благопріятная почва въ традиціяхъ и инстинктивныхъ стремленіяхъ населенія. Только благодаря ей, эти „интриги“ могли съ такою легкостью взять верхъ надъ такими же по существу интригами сербскихъ и греческихъ македонофиловъ.

Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что энергія, ловкость и настойчивость болгарской пропаганды имѣла тутъ не малое значеніе. Достаточно сказать, что въ 1898 году у болгаръ въ Македоніи было около 800 школъ, съ 45,000 учениковъ. Рядомъ съ такими болгарскими успѣхами сербская пропаганда производитъ на наблюдателя впечатлѣніе чего-то хилаго, искусственнаго, чего то влачащаго до послѣдней степени жалкое и безцѣльное существованіе. А между тѣмъ передъ расходами сербы не останавливаются. Они тратятъ на свою пропаганду въ Македоніи громадныя средства; содержатъ массу агентовъ, которыми завѣдуетъ особое отдѣленіе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ, съ своимъ штатомъ чиновниковъ и съ своимъ бюджетомъ. И при всемъ томъ число ихъ школъ въ Македоніи не превышаетъ 150—200, а число учениковъ въ нихъ 4—5,000. Но и эти цифры—заимствованныя, кстати сказать, изъ сербскихъ источниковъ—не могутъ служить мѣриломъ достигнутыхъ сербами успѣховъ. Онѣ говорятъ громче, чѣмъ слѣдовало бы. Значительная часть этихъ школъ существуетъ только на бумагѣ. Онѣ открыты только для счета, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ сербовъ, гдѣ учениковъ приходится заманивать откровеннымъ подкупомъ родителей, стипендіями, чуть не тащить силою. На почвѣ этой странной и, на непосвященный взглядъ, нелѣпой училищной политики здѣсь идетъ постоянная борьба между представителями сербской и болгарской пропагандъ. Она наполняетъ своимъ содержаніемъ мѣстную общественную жизнь; опредѣляетъ взаимныя отношенія между людьми; ведетъ къ столкновеніямъ между ними, которыя нерѣдко заканчиваются покушеніями и даже убійствами. Въ этой

борьбѣ волею-неволею принимаетъ участіе и турецкая власть, которая, слѣдуя въ данномъ случаѣ своему традиціонному правилу, всячески раздуваетъ ее и поддерживаетъ болѣе слабую сторону, сербовъ. Принимаютъ въ ней участіе, съ другой стороны, и Россія съ Австріею, которыя усиливаются сохранить status quo и, ради него, поддерживаютъ по возможности равновѣсіе между борющимися сторонами. Это вмѣшательство извнѣ даетъ иногда сербамъ видимость успѣха—какъ, напримѣръ, было при назначеніи митрополитомъ скопской эпархіи серба Фирмиліана,—но подъ этою видимостью не скрывается ничего. Въ странѣ имѣются сербскіе консулы и епископы, сербскіе учителя и школы, но населеніе упорно открещивается отъ сербовъ и все рѣшительнѣе тяготѣетъ къ Болгаріи. И никакіе подкупы, никакія угрозы и преслѣдованія со стороны власть имущихъ не могутъ помѣшать этому стихійскому процессу.

Лучшею иллюстраціею стихійности и естественности этого тяготѣнія могло бы служить отношеніе македонскаго населенія ко всѣмъ народнымъ движеніямъ, имѣвшимъ мѣсто на Балканскомъ полуостровѣ, съ тѣхъ поръ, какъ различныя христіанскія народности начали здѣсь пробуждаться одна послѣ другой отъ вѣкового оцѣпенѣнія рабства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ относилось оно къ освободительной борьбѣ, которую вели здѣсь въ первой половинѣ прошлаго столѣтія греки и сербы? Приняло-ли оно въ ней какое-нибудь участіе? Проявило-ли оно какимъ-нибудь инымъ способомъ свое сочувстіе къ ней, сознаніе своей близости къ выбивавшимся изъ-подъ турецкаго ярма національностямъ, пониманіе общности съ ними своихъ интересовъ и задачъ? Нѣтъ и нѣтъ! Точно то же видимъ мы и позже. Подкрѣпило ли македонское населеніе чѣмъ-нибудь сербовъ, когда они шли въ 1885 г. на Болгарію, осмѣлившуюся нарушить въ свою пользу установленное Берлинскимъ договоромъ равновѣсіе? Отозвалось ли оно на призывъ грековъ, когда возставалъ Критъ и когда Эдхемъ-Паша громилъ греческія войска подъ Дамокосомъ? Нѣтъ и нѣтъ! Оно стояло въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ драматическихъ событій, хотя они и совершались у него на глазахъ, чуть не задѣвали его. Они были чужды ему, и оно оставалось ихъ молчаливымъ зрителемъ...

Совсѣмъ иначе велъ себя македонскій народъ тогда, когда дѣйствующими лицами въ подобныхъ же драмахъ оказывались братья-болгары. Мы видѣли уже, какое живое участіе приняло оно въ греко-болгарской церковной распрѣ, нашедшей для себя такую благопріятную почву въ Скопіѣ, Сересѣ и другихъ македонскихъ городахъ. Позднѣе, когда вспыхнуло болгарское возстаніе 1876 г. и разразилась освободительная война, множество македонскихъ уроженцевъ вступило въ ряды болгарскихъ дружинъ, и не мало ихъ пало въ битвахъ при Шейновѣ, Старой Загорѣ и на Шипкинскихъ

высотахъ; а когда, 8 лѣтъ спустя, началась нелѣпая и преступная кампанія Милана противъ Болгаріи, опять-таки толпы македонскихъ волонтеровъ шли записываться въ болгарскіе ряды, чтобы драться противъ сербовъ. И съ другой стороны, было ли хоть одно возстаніе въ Македоніи, которое не нашло бы себѣ горячей поддержки въ Болгаріи и которое не встрѣтило бы болѣе или менѣе сильнаго противодѣйствія со стороны сербовъ и грековъ? Всѣ, безъ исключенія, македонскія возстанія были сплошь болгарскими и по характеру своего возникновенія, и по своему содержанію, и по внѣшнимъ своимъ проявленіямъ. Болгары отзывались на нихъ и деньгами, и оружіемъ, и массой добровольцевъ, которые шли умирать въ Пиринскія горы. Сербы и греки отзывались лишь доносами турецкимъ властямъ и клеветническими газетными кампаніями передъ Европою. Такъ было съ предпослѣднимъ серьезнымъ возстаніемъ 1895 года. Ту же картину представляетъ собою теперь и настоящее движеніе. Оно во всѣхъ отношеніяхъ болгарское. Всѣ его участники, всѣ воеводы, всѣ арестованные и привлеченные къ суду, всѣ подозрительные и подвергающіеся преслѣдованіямъ со стороны турецкихъ властей—всѣ, безъ исключенія, болгары. Они дерутся оружіемъ, полученнымъ изъ Болгаріи. Они черезъ посредство болгарской печати апеллируютъ къ общественному мнѣнію Европы и черезъ посредство болгарскаго правительства—къ европейской дипломатіи. Въ Болгаріи ихъ кадры и операціонные базисы. Въ Болгарію бѣгутъ они спасаться отъ турецкихъ насилій... Сербы остаются совершенно въ сторонѣ отъ движенія или даже всячески ему противодѣйствуютъ. Имъ тамъ нѣтъ мѣста; оно для нихъ чужое, какъ и они—чужіе для него. Можно ли, спрашивается, найти болѣе яркое доказательство болгарскаго характера и болгарскихъ стремленій македонскаго населенія, чѣмъ эта естественная логика широкаго народнаго движенія, въ которомъ и полусознательная масса, и сознательная интеллигенція оказываются охваченными однимъ духомъ и однимъ чувствомъ?..

Сербскіе и греческіе публицисты съ этимъ, конечно, не согласятся. По своему всегдашнему обыкновенію, они и въ настоящемъ революціонномъ движеніи видятъ ничто иное, какъ плодъ болгарскихъ интригъ, ничего, кромѣ болгарскаго коварства не доказывающихъ, и ничего, кромѣ новыхъ репрессалій и новой безплодной борьбы, не предрѣшающихъ. Предвзятая ошибочность этого взгляда очевидна сама по себѣ. Какъ упростился бы вопросъ, поставленный на очередь послѣдними событіями въ Македоніи, если бы такой взглядъ былъ хоть на половину вѣренъ! Какъ умалился бы нравственный смыслъ этихъ событій, какъ съузилось бы ихъ политическое значеніе! Но, увы, онъ совершенно ошибоченъ, и считаться съ нимъ можно лишь какъ съ курьезомъ, лишній разъ свидѣтельствующимъ о явныхъ нелѣпостяхъ и про-

тиворѣчіяхъ, въ которыя неизбѣжно впадаютъ люди, охваченные партизанскою страстью. Настоящее возстаніе — сплошь болгарское, и это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что все, что есть въ Македоніи сознательнаго, дѣятельнаго и выдающагося, пропитано болгарскимъ духомъ и болгарскими симпатіями.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы болгарская пропаганда не способствовала превращенію смутнаго въ началѣ культурно-національнаго движенія въ движеніе національно-политическое такого рѣзко опредѣленнаго характера. Она оказала на него громадное вліяніе, но это было вліяніе сильнаго бродила, дѣйствовавшаго на уже имѣвшіеся въ наличности и подготовленные элементы. Она не создала чего нибудь новаго, а только воспользовалась тенденціями и безъ нея уже сказывавшимися въ жизни, только ускорила ихъ естественное развитіе и помогла имъ найти себѣ ясную и точную форму.

IV.

Достигнуто это было далеко не сразу, совсѣмъ не такъ легко и просто, какъ можно бы подумать на основаніи сербскихъ комментаріевъ. Мы уже имѣли случай видѣть, что вначалѣ національное возражденіе Македоніи носило характеръ чисто культурнаго, церковно-просвѣтительнаго движенія, вылившагося, благодаря мѣстнымъ условіямъ, въ форму борьбы противъ суприматіи греческой церковной іерархіи. Но разъ пробудившись, народъ не могъ, конечно, застыть на этой стадіи начавшагося движенія. Сама борьба толкала его дальше, ставила передъ нимъ новыя задачи и новыя требованія. Между церковно-училищными мотивами движенія начали проростать политическія аспираціи. Къ культурнымъ задачамъ борьбы за борьбу національнаго самоопредѣленія начали примѣшиваться и постепенно выступать на передній планъ задачи борьбы за элементарныя гражданскія и политическія права, борьбы противъ анархіи, произвола и униженій архаическаго турецкаго режима, становившагося тѣмъ болѣе невозможнымъ и невыносимымъ, чѣмъ сознательнѣе относились къ окружающей дѣйствительности македонскій народъ и его молодая, а потому и особенно чуткая интеллигенція. Естественно и неизбѣжно движеніе принимало все болѣе рѣшительный политическій, т. е. при данныхъ условіяхъ революціонный характеръ, охватывало всю интеллигенцію, въ лицѣ все тѣхъ же учителей, священниковъ и прочихъ носителей національнаго сознанія, и, черезъ нихъ распространялось все на болѣе и болѣе широкіе слои народной массы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этой своей фазѣ, какъ и въ фазѣ ей предшествовавшей, быстрый темпъ и успѣхи движе-

нія въ Македоніи были въ громадной степени обязаны сосѣдству княжества. Тамъ былъ естественный очагъ и главный штабъ движенія; оттуда оно получало и матеріальную помощь, и нравственные импульсы, и неисчерпаемый запасъ личныхъ силъ, и основныя руководящія идеи. Туда спасались въ минуты опасности или просто шли на заработанный отдыхъ мѣстные дѣятели. Оттуда несли они на родину и агитаціонную литературу, и оружіе, и всякаго рода поощренія къ дальнѣйшей борьбѣ. Тамъ очень рано образовалась многочисленная и вліятельная македонская эмиграція, которая съ каждымъ годомъ росла и крѣпла, какъ въ своей численности, такъ и въ своемъ значеніи. Принимали македонскихъ эмигрантовъ въ княжествѣ съ распростертыми объятіями; имъ охотно давали мѣста и службу какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствахъ; за ними всячески ухаживали, отчасти какъ за попавшими въ бѣду братьями, главнымъ образомъ—какъ за самыми подходящими агентами освобожденія, а затѣмъ, конечно, и возсоединенія Македоніи. Ихъ патріотическое чувство, ихъ любовь къ порабощенной родинѣ и готовность служить ей находили здѣсь самую благопріятную почву для своего проявленія въ активной дѣятельности, которая, естественно, выливалась въ форму конспиративно-революціонной агитаціи. Они устраивали патріотическія общества, ставившія своею задачею работу въ пользу освобожденія Македоніи отъ турецкаго ига; собирали съ этою цѣлью пожертвованія; издавали агитаціонную литературу; запасались оружіемъ въ виду будущаго возстанія; создавали мало-по-малу въ княжествѣ и въ ближайшихъ къ нему македонскихъ областяхъ сложную и могущественную революціонную организацію, во главѣ которой стоялъ знаменитый впослѣдствіи верховный македонскій комитетъ. И все это не только не встрѣчало противодѣйствія со стороны болгарскаго правительства, но—часто вопреки элементарнымъ требованіямъ международнаго права—всячески имъ поощрялось и поддерживалось. Верховный комитетъ получалъ значительную денежную помощь; его вожаки занимали высокое общественное положеніе и играли крупную политическую роль; его революціонныя предпріятія заботливо укрывались и подкрѣплялись представителями болгарской власти, какъ въ самомъ княжествѣ, такъ и за его предѣлами, въ Македоніи. И, взамѣнъ за эти услуги, комитетъ вѣрою и правдою служилъ своимъ болгарскимъ патронамъ и руководился въ своей дѣятельности болгарскимъ національнымъ идеаломъ единой, „цѣлокупной“ Болгаріи. Онъ дѣятельно подготовлялъ возстаніе, но въ этомъ возстаніи онъ видѣлъ лишь первый шагъ къ неизбѣжному и желательному присоединенію освобожденной Македоніи къ Болгаріи. Такимъ образомъ, онъ являлся прямымъ продолженіемъ и, пожалуй, крайнимъ выраженіемъ той самой „болгарской пропаганды“, которая такъ могущественно способство-

вала національному возрожденію Македоніи, и въ которой сербы, греки и отчасти румыны хотятъ видѣть лишь ловкую „болгарскую интригу“. Но комитетъ не долго пользовался монополіею на этомъ поприщѣ дѣятельности. Рядомъ съ его революціонною организаціею, и въ значительной степени благодаря его агитаціонной работѣ, въ Македоніи давно уже возникло другое революціонное теченіе, не замедлившее пойти по своему самостоятельному пути, выработать свои методы дѣйствія, свою программу, свою идеологію. Развиваясь подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ отношеній, внѣ постояннаго общенія съ Болгаріею, оно очень рано начало проявлять стремленіе освободиться не только отъ оффиціальнаго болгарскаго патроната, но даже и отъ стѣснительнаго авторитета верховнаго македонскаго комитета, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше начиналъ казаться мѣстнымъ дѣятелямъ погрязшимъ въ спеціально болгарскомъ партизанствѣ и преслѣдовавшимъ, поэтому, постороннія освободительному дѣлу цѣли. Будучи прямымъ порожденіемъ ужаснаго турецкаго режима, освободительное движеніе, конечно, по своимъ тенденціямъ должно было оставаться политическимъ и революціоннымъ, но не на болгарскій, а на свой, македонскій, ладъ. Его признанною цѣлью было возстаніе, но возстаніе, которое во всѣхъ своихъ основныхъ элементахъ опредѣлялось бы мѣстными нуждами, а не интересами болгарской политики. Мѣстные дѣятели находили — и находили не безъ основанія, — что они лучше и ближе знаютъ условія мѣстной жизни, чѣмъ софійскіе министры или политиканы верховнаго комитета, и что, поэтому, имъ и только имъ должно принадлежать право руководить борьбою, избирать подходящія для нея средства и ставить ей надлежащія при данныхъ обстоятельствахъ цѣли. Самое возстаніе—эта общая цѣль всѣхъ македонскихъ революціонеровъ,—понималось ими совсѣмъ не такъ, какъ оно понималось „комитетскими“. Въ глазахъ послѣднихъ оно было въ сущности лишь однимъ изъ ходовъ въ сложной дипломатической игрѣ, шедшей въ Константинополѣ и имѣвшей въ виду не столько непосредственное освобожденіе Македоніи, сколько интересы династической и оффиціальной Болгаріи. Это было какъ бы пугало, съ помощью котораго,—при умѣломъ манипулированіи, конечно,—можно было выговаривать отъ Турціи и Европы различныя уступки, закрѣплявшія болгарское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ вообще, и въ Македоніи въ частности. Для мѣстныхъ же революціонеровъ, для „внутреннихъ“, возстаніе было конечнымъ моментомъ долгой подготовительной борьбы, послѣднимъ усиліемъ македонскаго народа для освобожденія себя отъ позорнаго ига и къ завоеванію человѣческихъ условій существованія. „Внутренніе“ прекрасно понимали, что такое освобожденіе невозможно помимо Европы, и потому европейское вмѣшательство входило

въ ихъ програму, какъ ея краеугольный камень. Но это вмѣшательство должно было быть не милостью, а вынужденною уступкою, не подачкою дешеваго великодушія, а актомъ политической справедливости, продиктованнымъ сознаніемъ его неизбѣжности и чувствомъ собственнаго самосохраненія. Для того, чтобы вызвать такіе результаты, возстаніе должно быть не шуткою, не вспышкою, не стратегическимъ ходомъ, а серьезнымъ стихійнымъ отчаяннымъ дѣломъ, грознымъ пожаромъ, который, нельзя залить нѣсколькими ведрами палліативовъ и половинчатыхъ реформъ. Оно должно заставить Европу вмѣшаться, хочетъ она этого или нѣтъ, и вмѣшаться такъ, чтобы результаты ея вмѣшательства выразились въ радикальномъ, возможно болѣе полномъ рѣшеніи „проклятаго“ македонскаго вопроса...

Такимъ рѣшеніемъ можетъ быть только освобожденіе Македоніи отъ турецкаго ига. Это освобожденіе можетъ и не выразиться въ формальной независимости. Пусть Македонія остается по имени турецкою; пусть верховная власть надъ нею принадлежитъ формально султану. Это не важно. Важно то, чтобы фактически турецкому безправію былъ положенъ конецъ, чтобы македонское населеніе получило широкое самоуправленіе и всѣ связанныя съ нимъ гражданскія и политическія права. Отсюда—минимальная программа, основными пунктами которой являются требованія автономіи, назначенія независимаго отъ Высокой Порты христіанина генералъ-губернатора и установленія — впредь до полнаго умиротворенія освобожденной страны—строгаго европейскаго контроля.

Осуществленіе этихъ требованій должно бы было, по мнѣнію „внутренней организаціи“, удовлетворить всѣ заинтересованныя стороны и устранить всѣ опасенія враговъ и соперниковъ Болгаріи на Балканскомъ полуостровѣ. Эти опасенія тѣмъ менѣе основательны, что каковы бы ни были притязанія софійскихъ политикановъ, собственно македонское движеніе имъ совершенно не причастно. Македонцы никому не играютъ въ руку и ни для кого не намѣрены вытаскивать каштаны изъ огня. Для нихъ на первомъ планѣ стоятъ интересы македонскаго населенія, къ какой бы національности оно ни принадлежало, какую бы религію ни исповѣдывало, на какомъ бы языкѣ ни говорило. Болгары или сербы, греки или турки, куцовлахи или арнауты, всѣ они прежде всего—македонцы. Въ качествѣ таковыхъ всѣ они должны пользоваться равными правами, и всѣмъ имъ должно найтись мѣсто въ ихъ общемъ отечествѣ. Македонія для македонцевъ! Такое рѣшеніе вопроса не только справедливо,—оно сразу отстраняетъ всѣ затрудненія, связанныя какъ съ борьбою національностей въ самой Македоніи, такъ и съ выросшимъ на почвѣ этой борьбы соперничествомъ окружающихъ Македонію сосѣдей и родичей. А этимъ самымъ оно смягчаетъ многочисленныя меж-

дународныя осложненія, накопленныя исторіею вокругъ ядра восточнаго вопроса, и, въ концѣ концевъ, подготовляетъ его рѣшеніе. Такимъ же рѣшеніемъ, единственно раціональнымъ и справедливымъ, можетъ быть только образованіе Балканской федераціи, центромъ и связующимъ звеномъ которой должна быть свободная и независимая Македонія,—Македонія не болгарская, не греческая и не сербская, а македонская...

Такова смѣлая государственно-политическая теорія, которую идеологи „внутренней организаціи“ противопоставляютъ проектамъ и планамъ софійскаго происхожденія. Естественно, что съ нею связана и соотвѣтствующая практика, обусловливающая собою опредѣленные методы и пріемы борьбы. Эта борьба цѣликомъ почти сводится къ подготовленію македонскаго населенія къ „всеобщему возстанію“, которое должно будетъ привести къ освобожденію Македоніи. А такъ какъ она происходитъ въ Турціи, на глазахъ турецкой полиціи, среди смѣшаннаго населенія, въ которомъ имѣются элементы не только совершенно индифферентные, но даже и прямо враждебные планамъ и цѣляхъ организаціи, то—естественно—она съ самаго начала должна была усвоить себѣ рѣзко выраженный революціонно-конспиративный характеръ. Пропаганда національно-освободительныхъ идей не занимаетъ въ ней большого мѣста и не поглощаетъ собою много силъ организаціи, какъ тайнаго революціоннаго общества. Это—уже пережитая стадія движенія. Населеніе—я имѣю въ виду болгарское населеніе Македоніи—считается уже достаточно подготовленнымъ въ этомъ отношеніи. Не только національное, но и политическое сознаніе, поскольку оно выражается въ ненависти къ существующему турецкому режиму и въ страстномъ желаніи освободиться отъ него, развито въ немъ, въ достаточной степени, и не надъ ихъ созданіемъ приходится теперь работать организаціи. Главная ея дѣятельность выражается, съ одной стороны, въ революціонной агитаціи, задающейся цѣлью пробудить въ забитыхъ и запуганныхъ сердцахъ боевые инстинкты, и, съ другой стороны, въ организаціонной работѣ, задачи которой сводятся не только къ матеріальному подготовленію будущаго возстанія—къ заготовкѣ оружія, обученію населенія умѣнію обращаться съ нимъ, къ устройству кадровъ будущей революціонной арміи и т. п., — но и къ пользованію теперь же, при настоящихъ условіяхъ, уже пріобрѣтенными боевыми элементами.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и въ соотвѣтствіи съ правами и традиціями мѣстнаго населенія обѣ эти стороны дѣятельности организаціи съ самаго же начала приняли строго конспиративный и рѣзко революціонный характеръ. Въ первой—агитаціи—почетное мѣсто отводилось методу устрашенія, возведенному въ концѣ-концовъ въ систему безпощаднаго террора, съ помощью котораго поддерживалась надлежащая дисциплина въ

нѣдрахъ самой организаціи и создавался престижъ ея мощи въ глазахъ населенія; во второй—организаціонной работѣ—все опиралось на соблюденіе строжайшей тайны и на соблюденіе іерархическаго подчиненія, которыя охранялись главнымъ образомъ съ помощью того же террора. Революціонная организація состояла изъ мѣстныхъ комитетовъ, связанныхъ другъ съ другомъ общностью цѣли, единствомъ средствъ исполненія и подчиненіемъ центральному комитету, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся власть, который располагалъ всѣми средствами организаціи, вѣдалъ всѣ ея связи, и члены котораго избирались на опредѣленный срокъ періодически созывавшимися обще-македонскими конгрессами организаціи. Центральный комитетъ пользовался громаднымъ авторитетомъ и обладалъ почти диктаторскою властью во всемъ, что касалось предпріятій общаго характера. Добился онъ такого положенія не сразу, и ему пришлось потратить не мало энергіи на водвореніе необходимой дисциплины въ рядахъ партіи. Для достиженія этой цѣли онъ не останавливался передъ самыми суровыми мѣрами, даже передъ убійствами, которыя и вообще занимаютъ видное мѣсто въ его революціонной юрисдикціи. Но, благодаря этой энергіи, ему удалось, въ концѣ-концовъ, очистить организацію отъ неподходящихъ элементовъ, изгнать изъ нея шпіонство и взять крѣпко въ руки бразды правленія, не оспариваемыя теперь никѣмъ.

Но онъ никогда не злоупотреблялъ своимъ всемогуществомъ и не обезличивалъ мѣстныхъ комитетовъ, на плечахъ которыхъ лежала вся агитаціонная работа. Онъ не подавлялъ безъ нужды ихъ самодѣятельности и не вторгался въ сферу ихъ мѣстныхъ дѣлъ. Въ этой области они пользовались почти неограниченною самостоятельностью, и эта самостоятельность только благопріятствовала энергіи, послѣдовательности и настойчивости ихъ революціонной работы. Эти то мѣстные комитеты и были главными нервами организаціи, главными факторами движенія. Таинственные и неуловимые, они представляются грозною силою не только въ глазахъ мѣстнаго населенія, по отношенію къ которому они выступаютъ обыкновенно защитниками противъ турецкихъ угнетателей и суровыми мстителями за турецкія насилія, но и въ глазахъ самихъ турецкихъ властей, которыя чувствуютъ себя передъ ними безсильными. Что касается до своихъ функцій защиты и мести, то они выполняютъ ихъ вездѣ, гдѣ могутъ, совершенно не считаясь ни съ законами, ни съ требованіями элементарной морали. Имъ важно лишь то впечатлѣніе могущества, которое должно, по ихъ разсчету, производить ихъ поведеніе на населеніе. А это впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ болѣе рѣшительны и смѣлы ихъ дѣйствія, чѣмъ грознѣе и вѣрнѣе падаютъ ихъ удары на головы провинившихся.

Исполнительными органами этихъ мѣстныхъ комитетовъ явля-

ются особыя боевыя дружины, безъ которыхъ комитетъ—не комитетъ. Эти дружины вербуются обыкновенно изъ людей, сжегшихъ за собою корабли, порвавшихъ съ какою бы то ни было легальностью и отдавшихся душою и тѣломъ служенію своему дѣлу. Это—авангардъ будущей революціонной арміи, ея кадры, такъ сказать. Въ ожиданіи же общаго возстанія онѣ выполняютъ всю мѣстную революціонную работу. Онѣ прячутъ и охраняютъ запасы оружія, пріобрѣтеніе котораго является главнымъ дѣломъ организаціи; собираютъ добровольныя и вынужденныя пожертвованія; творятъ судъ и расправу въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ нужнымъ показать населенію свое могущество и свою справедливость. Онѣ обучаютъ новичковъ умѣнію владѣть оружіемъ; убиваютъ шпіоновъ, среди которыхъ попадаются подчасъ и просто идейные противники; караютъ турецкихъ насильниковъ, убивая ихъ самихъ или поджигая ихъ имущество; собираютъ налагаемую комитетомъ „на инако мыслящихъ“ революціонную дань; поддерживаютъ правильно организованную революціонную почту, и т. д., и т. д. И, благодаря ихъ изумительной энергіи, ихъ вездѣсущію и ихъ видимой безнаказанности, революціонная организація успѣла, въ концѣ концовъ, создать себѣ своеобразное положеніе въ Македоніи. Турецкое населеніе передъ нею трепетало, какъ передъ врагомъ, передъ которымъ оно чувствовало себя совершенно беззащитнымъ. Турецкія власти питали къ ней почтительный страхъ и предпочитали съ нею не связываться. Болгарское населеніе видѣло въ ней грозную, но благодѣтельную силу, которая покровительствовала ему въ настоящемъ и готовила ему освобожденіе въ будущемъ. Оно смотрѣло на нее, какъ на свое неоффиціальное начальство, повиновалось ея распоряженіямъ, шло къ ея представителямъ съ своими нуждами и жалобами, искало отъ нея покровительства и защиты отъ мѣстныхъ насильниковъ

V.

Такіе результаты были достигнуты „внутреннею организаціею“ менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ. Она имѣла полное основаніе гордиться ими и считать себя господиномъ положенія, созданнаго ея усиліями. Она быстро приближалась къ поставленной себѣ цѣли,—къ всеобщему возстанію, которое казалось уже не за-горами. Почва для него была почти готова. Оставалось лишь запастись достаточнымъ количествомъ оружія для того, чтобы не нуждаться въ немъ въ часъ борьбы, и имѣть возможность выставить въ поле, по меньшей мѣрѣ, 70—80,000 бойцовъ. Но и это дѣло шло успѣшно, отчасти благодаря близости Болгаріи. Еще нѣсколько лѣтъ, и организація разсчитывала закончить свой подготовительный періодъ. Тогда оставалось бы только выждать благопріят-

ный международный моментъ и начать рѣшительныя дѣйствія, которыя не замедлили бы дать свои результаты.

Такъ оно, вѣроятно, и было бы, если бы не „параллельное дѣйствіе“ верховнаго македонскаго комитета въ Софіи. Систематически оттираемый отъ руководительства движеніемъ, комитетъ никоимъ образомъ не хотѣлъ отказаться отъ того, что онъ считалъ своимъ правомъ. Ссылаясь на то, что именно черезъ него притекали въ Македонію средства; что онъ добывалъ оружіе; что онъ поставлялъ движенію офицеровъ на случай возстанія; что онъ своими связами съ правительствомъ обезпечивалъ движенію сочувствіе и поддержку со стороны оффиціальной и неоффиціальной Болгаріи,—онъ требовалъ себѣ надлежащей доли вліянія на ходъ событій. Не получая удовлетворенія, онъ продолжалъ свое параллельное дѣйствіе, ведя его, какъ онъ понималъ, независимо отъ внутренней организаціи. Исключительно его инициативѣ было обязано эфемерное возстаніе 1895 г., предпринятое и веденное вопреки совѣтамъ и рѣшеніямъ организаціи. Онъ же поднялъ и прошлогоднее осеннее возстаніе, бывшее началомъ той бури, которая разыгрывается теперь на нашихъ глазахъ въ Македоніи.

Читатель, можетъ быть, еще помнитъ, какъ было дѣло. Внутренняя организація самымъ категорическимъ образомъ высказалось противъ затѣи комитета и заявила ему, что никоимъ образомъ не допуститъ ея осуществленія. Комитетъ не обратилъ вниманія на это предупрежденіе. Находя моментъ благопріятнымъ и считая, что населеніе въ самой Македоніи вполнѣ подготовлено, онъ бросилъ въ страну свои четы. Мѣстныя организаціи встрѣтили ихъ сначала враждебно. Въ иныхъ случаяхъ они даже высылали противъ нихъ свои четы и запрещали населенію оказывать пришельцамъ какую бы то ни было помощь. Но комитетъ продолжалъ свое дѣло: четы шли за четами; стычки шли за стычками. Революціонное движеніе развивалось. Создавалась заразительная революціонная атмосфера, которая невольно захватывала своимъ вліяніемъ наиболѣе горячихъ и активныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Организація видѣла, что руководительство движеніемъ,—по крайней мѣрѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Македоніи, въ которомъ и дѣйствовали комитетскія четы,—начинаетъ ускользать изъ ея рукъ, что дальнѣйшая борьба противъ возстанія становится не только безполезною, но и опасною для ея престижа въ глазахъ мѣстнаго населенія. А тутъ еще вмѣшался въ дѣло новый элементъ, въ лицѣ турецкихъ репрессалій. Турки начали пробуждаться отъ своей спячки. Они рѣшили, пока еще было время, парализовать возможное участіе въ „комитетскомъ возстаніи“ мѣстныхъ революціонныхъ силъ. Они начали повальные обыски, съ цѣлью отобранія у мѣстнаго населенія оружія. Эти обыски, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, сопровождались насиліями и безобра-

зіями, которыя нельзя было оставить безъ возмездія. Къ тому же они грозили раскрытіями, которыя могли повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ для организаціи. Все, однимъ словомъ, вело къ тому, чтобы внутренняя организація отказалась, наконецъ, отъ своей пассивности и съ большею или меньшею энергіею примкнула къ начатому возстанію. Одно время можно было надѣяться, что ее остановитъ появившаяся было на международномъ политическомъ горизонтѣ перспектива европейскаго вмѣшательства. Дипломатія зашевелилась, канцеляріи заработали; пошли слухи о широкой программѣ реформъ для Македоніи, на которыя должна была вынудить Турцію Европа, по иниціативѣ и при главномъ участіи Россіи. И не подлежитъ сомнѣнію, что если бы эта программа реформъ оказалась, дѣйствительно, хоть на половину такою широкою и великодушною, какою ее рисовало себѣ болгарское воображеніе, она привела бы къ быстрому и полному умиротворенію. Но вмѣсто ожидавшейся автономіи на сценѣ появилась программа минимальныхъ административныхъ реформъ, явившаяся результатомъ австро-русскаго соглашенія. Впечатлѣніе этой программы на македонцевъ и, въ меньшей степени, на болгаръ было ужасное. Въ немъ было и разочарованіе, и отчаяніе, и злоба, и мрачная рѣшимость, которая не предвѣщала ничего хорошаго для мира въ Македоніи. Увидѣвъ, что „добромъ“, т. е. терпѣніемъ и послушаніемъ, они добились только того, въ чемъ видѣли лишь горькую насмѣшку надъ своимъ ужаснымъ положеніемъ, македонскіе патріоты и революціонеры тѣмъ рѣшительнѣе отказались отъ своихъ временныхъ колебаній и вернулись къ своей собственной программѣ дѣятельности. Уже тогда внимательный наблюдатель могъ безошибочно предсказать, что произойдетъ дальше. Уже тогда было ясно, что совѣты и увѣщанія графа Ламсдорфа останутся втунѣ, и что возстаніе, которое начало было потухать, скоро разгорится снова съ удесятеренною силою. И оно, дѣйствительно, разгорѣлось. Къ срединѣ лѣта оно уже охватило значительный районъ, а къ концу іюля внутренняя организація оффиціально провозгласила всеобщее возстаніе. Съ тѣхъ поръ это возстаніе идетъ, все усиливаясь, распространяется на новые и новые округа и становится все болѣе ожесточеннымъ съ обѣихъ сторонъ. Со стороны повстанцевъ — героическое самоотверженіе, не знающее границъ; холодное, отчаянное мужество, не знающее ни колебаній, ни сомнѣній, ни компромиссовъ, ни уступокъ; безстрашная логика въ проектахъ и дѣйствіяхъ, не останавливающихся ни передъ какими ужасами. Со стороны турокъ столь же безграничная и не знающая пощады ярость, обрушивающаяся не столько на самихъ повстанцевъ, часто неуловимыхъ и недосягаемыхъ въ ихъ горныхъ логовищахъ, сколько на беззащитное населеніе, повинное въ сочувствіи и въ пособничествѣ

революціонерамъ. И чѣмъ дальше идетъ борьба, тѣмъ больше принимаетъ она характеръ борьбы на жизнь и на смерть, тѣмъ рѣшительнѣе грозитъ она миру не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и на всемъ европейскомъ континентѣ.

Цѣль возстанія—все та же основная цѣль внутренней организаціи, одушевлявшая ее всѣ послѣднія 10 лѣтъ. Это—европейское вмѣшательство. Организація не имѣетъ въ виду водворенія въ Македоніи какого нибудь напередъ опредѣленнаго во всѣхъ основныхъ чертахъ режима, который долженъ смѣнить собою настоящій турецкій режимъ. Она выставляетъ, правда, свои „минимальныя“ требованія—назначеніе независимаго отъ Порты христіанина генералъ-губернатора; установленіе европейскаго контроля; введеніе той или иной формы народнаго представительства,—но самыя эти требованія выражены въ терминахъ, допускающихъ очень различныя толкованія. И эта неопредѣленность требованій не случайная, а сознательная и цѣлесообразная. Въ ней сила позиціи, занятой организаціею, доказательство ея гибкости, рѣдкой практической приспособляемости. Дѣятели организаціи прекрасно понимаютъ, что не содержаніе реформъ является въ данномъ случаѣ рѣшающимъ, а методъ ихъ выполненія, гарантіи, которыя онъ въ себѣ заключаетъ. Они знаютъ изъ громаднаго опыта—и своего, и чужого—что турецкія обѣщанія не стоятъ ровно ничего; что полагаться на нихъ было бы смѣшно и наивно; что безъ бдительнаго и дѣйствительнаго европейскаго контроля они заранѣе осуждены на неизбѣжное фіаско. Поэтому установленіе этого контроля, какъ прямое послѣдствіе европейскаго вмѣшательства — вынужденнаго, или добровольнаго, все равно—для нихъ все. Его они и добиваются. Ради него они и несутъ всѣ свои жертвы. Спрашивается, добьются ли они его?

Пока все, кажется, противъ нихъ. Европа, та самая Европа, которую они хотятъ привлечь на свою сторону, какъ защитницу и покровительницу, не проявляетъ ни малѣйшаго намѣренія отвѣтить на ихъ призывъ. Австрія и Россія, которыя являются въ данномъ случаѣ оффиціальными представительницами этой Европы, какъ бы делегированными ею для улаженія настоящаго македонскаго кризиса, самымъ рѣшительнымъ образомъ снова и снова подчеркиваютъ свое безповоротное рѣшеніе остаться вѣрными своей прежней программѣ реформъ. Другія страны присоединяются къ рѣшеніямъ Австріи и Россіи и, въ самомъ лучшемъ случаѣ, выражаютъ чисто-платоническое сочувствіе страданіямъ македонскаго населенія. Турція пользуется этимъ благопріятнымъ для нея положеніемъ и, чувствуя себя если не поощряемою, то безнаказанною, собираетъ войска, преслѣдуетъ четы, избиваетъ болгарское населеніе, жжетъ и разоряетъ села и деревни и, вообще, обращаетъ цвѣтущую страну

въ пустыню. Но повстанцы не падаютъ духомъ и продолжаютъ борьбу съ все возрастающею энергіею. Ихъ не смущаютъ ни ужасы турецкой репрессіи, ни суровыя внушенія Австріи и Россіи, ни индифферентизмъ остальной Европы, ни невыразимыя страданія населенія, которое они представляютъ и отъ имени котораго дѣйствуютъ. Они увѣрены въ томъ, что въ концѣ-концовъ ихъ ждетъ вѣрная побѣда, которая окупитъ всѣ приносимыя ради нея жертвы. И нельзя не признать, что въ ихъ надеждахъ и разсчетахъ есть своя логика, своя вѣроятность.

Въ самомъ дѣлѣ, терять имъ нечего, если не считать ихъ жизней; но кто же думаетъ въ подобныхъ положеніяхъ о своей жизни? Начиная свою неравную борьбу, они поставили на карту все, и теперь имъ остается только идти до конца, т. е. драться на смерть. Но безповоротная рѣшимость побѣдить или умереть во многихъ случаяхъ является серьезнымъ залогомъ побѣды. Повстанцы сильны не только нравственнымъ духомъ. На ихъ сторонѣ имѣются также не малыя объективныя преимущества. Они знаютъ, что турки не могутъ долго поддерживать свои македонскія войска въ состояніи боевой готовности. Для этого у нихъ не хватитъ ни финансовыхъ средствъ, ни выдержки, ни охоты. Сами же они могутъ драться чуть не до безконечности, и это не потому, чтобы они были какими нибудь исключительными героями, а благодаря усвоенной ими тактикѣ, характеру мѣстности и условіямъ, въ которыхъ ведется борьба. Они избѣгаютъ рискованныхъ операцій; нападаютъ только тогда, когда чувствуютъ себя сильными; защищаются только до тѣхъ поръ, пока это не грозитъ серьезными послѣдствіями. Они—партизаны и, въ качествѣ таковыхъ, свободны отъ той спеціальной военной чести, которая заставляетъ регулярныя войска „умирать, но не сдаваться“ и не отступать. Они не сдаются, но за то вся ихъ тактика сводится къ умѣнью отступать во время. Какъ только нападеніе становится рѣшительнымъ и принимаетъ опасный характеръ, они покидаютъ свои позиціи и занимаютъ новыя, столь же сильныя, которыя такъ же легко покидаютъ для другихъ, еще болѣе недоступныхъ. Они держатся въ горахъ, куда турки за ними не идутъ, и спускаются въ жилыя мѣста лишь тогда, когда это сравнительно безопасно. При такихъ условіяхъ борьбы они фактически неуловимы, и приносимыя ими жертвы—сравнительно не велики. Имъ приходится больше страдать отъ голода и лишеній, чѣмъ отъ турецкихъ пуль и сабель. Чтобы продолжать такую борьбу до безконечности, имъ нужно только быть обезпеченными по части провизіи и аммуниціи. Но пищу они всегда могутъ добывать путемъ реквизиціи, патроны же и динамитъ они добываютъ въ сосѣдней Болгаріи.

Съ другой стороны, что дѣлаютъ турки? Будучи не въ состояніи нанести смертельный ударъ неуловимымъ возстанниче-

скимъ четамъ, они вымѣщаютъ свою злобу на мирномъ населеніи. Они жгутъ села, насилуютъ женщинъ, рѣжутъ и убиваютъ всѣхъ, кого подозрѣваютъ въ сочувствіи или въ оказаніи помощи — часто вынужденной — болгарскимъ повстанцамъ. Они заливаютъ страну потоками крови, но къ цѣли это ихъ не приближаетъ. Пожалуй, даже наоборотъ: эта дикая, повальная репрессія скорѣе помогаетъ революціонерамъ, чѣмъ мѣшаетъ имъ. Я не хочу, конечно, сказать этимъ, что избіеніе мирнаго населенія, на которое обрушивается турецкая месть, входитъ въ сознательный планъ вождей возстанія. Это было бы слишкомъ жестоко даже и при здѣшнихъ „жестокихъ“ нравахъ. Но при всемъ томъ оно во многихъ отношеніяхъ имъ на руку, такъ какъ не облегчаетъ, а затрудняетъ умиротвореніе страны. Раззоряемое и истребляемое населеніе, естественно, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Одни, болѣе сильные и энергичные, присоединяются къ повстанцамъ, принося имъ съ собою крѣпкія руки и ожесточенныя сердца. Другіе, преимущественно женщины и дѣти, спасаются въ Болгарію и своимъ истерзаннымъ видомъ, своими воплями и страданіями будятъ здѣсь національную совѣсть, создаютъ воинственное настроеніе и все рѣшительнѣе толкаютъ болгарскій народъ на вмѣшательство и войну съ Турціею. Но болгарско-турецкая война это — лишній козырь въ игрѣ повстанцевъ, лишній — и громадный — шансъ европейскаго вмѣшательства въ македонскую распрю.

А такая война—болѣе, чѣмъ вѣроятна. Единство расы, единство національныхъ стремленій и идеаловъ, общность экономическихъ, культурныхъ и иныхъ интересовъ ратуютъ за нее. Свободная Болгарія не можетъ безучастно смотрѣть на истребленіе болгарской національности въ Македоніи. Она не можетъ долго уклоняться отъ исполненія верховнаго нравственнаго долга по отношенію къ братьямъ по духу и по крови, которыхъ она же сама вотъ уже 25 лѣтъ манитъ призракомъ свободы, не можетъ оставить ихъ безпомощными въ тяжкій часъ смертельной грозы. Она не можетъ, и въ интересахъ собственной безопасности, спокойно ждать того момента, когда придетъ ея чередъ испытать на себѣ мстительную злобу Турціи. Она должна придти на помощь македонскимъ болгарамъ, чего бы это ей ни стоило, какими бы бѣдами ей ни грозило. Это сознаетъ болѣе или менѣе ясно всякій болгаринъ, и на почвѣ этого сознанія, все болѣе яснаго и повелительнаго, ростетъ воинственное настроеніе въ Болгаріи. Болгарія лихорадочно вооружается и готовится къ войнѣ съ Турціею. И никакія предупрежденія благоразумныхъ элементовъ внутри, никакіе совѣты и угрозы извнѣ не умѣряютъ ея пыла. Напротивъ, они лишь подливаютъ масла въ огонь и дѣлаютъ окончательный конфликтъ еще болѣе вѣроятнымъ, еще болѣе близкимъ и, пожалуй, неизбѣжнымъ.

Но представимъ себѣ на минуту, что по тѣмъ или инымъ причинамъ Болгарія воздержится пока отъ вмѣшательства, и что, съ другой стороны, сосредоточеніе громадныхъ турецкихъ силъ во всѣхъ стратегическихъ пунктахъ, обезлюденіе страны, недостатокъ патроновъ и т. п. сдѣлаютъ невозможною—или хотя бы крайне затрудненною—даже ту форму партизанской войны, которой придерживаются теперь македонскіе революціонеры. Будетъ ли это означать конецъ возстанія; заставитъ ли это революціонеровъ отказаться отъ дальнѣйшей борьбы? Нѣтъ и нѣтъ!—отвѣчаютъ намъ они единогласно. Даже такая перспектива не захватитъ ихъ въ расплохъ, не обезоружитъ и не приведетъ въ отчаяніе. Въ запасѣ у нихъ останется еще одинъ способъ борьбы, къ которому они готовились много лѣтъ, который они считаютъ безошибочнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ и сравнительно легкимъ въ исполненіи. Это—терроръ, взрывы и динамитныя покушенія противъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій и, главнымъ образомъ, противъ европейскихъ капиталистовъ и предпріятій, наконецъ, самихъ представителей европейскихъ державъ въ Турецкой имперіи...

Такой способъ борьбы ужасенъ, безчеловѣченъ, пожалуй, даже нелѣпъ въ своей видимой нелогичности, но македонскихъ революціонеровъ эти соображенія ни мало не смущаютъ. Въ качествѣ погибающихъ—и по ихъ убѣжденію погибающихъ именно отъ равнодушія Европы—они думаютъ, что имъ все позволено. Они „снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія“. Въ крайнемъ случаѣ, даже если бы они не могли надѣяться на практическій результатъ такого способа борьбы, они не отказались бы отъ него. Но они увѣрены въ результатѣ. Они убѣждены, что такого испытанія Европа не выдержитъ. Она должна будетъ вмѣшаться если не для чего другого, то хотя бы для того, чтобы защитить свои интересы, охрана которыхъ для Турціи окажется ясно непосильною. Ея вмѣшательство будетъ сопровождаться проклятіями по адресу македонскихъ революціонеровъ, но оно приведетъ къ освобожденію македонскаго народа. А это все,—что требуется...

Таковы надежды и перспективы, которыя рисуютъ себѣ македонскіе революціонеры; таковы планы, которые они себѣ начертали и которымъ слѣдуютъ съ замѣчательною выдержкою и съ поразительнымъ самоотреченіемъ. Нельзя не признать, что въ нихъ есть своя логика. Спрашивается, достаточно ли ея для того, чтобы быть увѣреннымъ въ результатѣ? Осуществимы ли эти планы и осуществятся ли они?

На этотъ вопросъ отвѣтитъ недалекое будущее. Я не пророкъ, и не берусь предрѣшать этотъ отвѣтъ. Моя задача заключалась въ томъ, чтобы познакомить читателя съ возникновеніемъ, развитіемъ и настоящимъ состояніемъ македонскаго вопроса.

Читатель имѣетъ передъ собою всѣ условія задачи. Если онъ находитъ, что ихъ достаточно для ея рѣшенія, тѣмъ лучше, пусть онъ ее рѣшаетъ. Въ заключеніе скажу только одно: если бы все дѣло сводилось къ моменту борьбы между народомъ, созрѣвшимъ для свободы и поклявшимся добыть ее, и между его угнетателями, то никакое серьезное сомнѣніе въ результатѣ борьбы не было бы возможно. Борьба окончилась бы торжествомъ свободы. Порукою въ этомъ героизмъ борцовъ, ихъ рѣшимость побѣдить, ихъ готовность на всѣ страданія и жертвы ради лучезарной цѣли. Сами, своими собственными силами, или съ помощью свободныхъ сосѣдей; съ одобренія или безъ одобренія Европы, но македонцы несомнѣнно добились бы автономіи для своей страны, и македонскій вопросъ былъ бы рѣшенъ. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ гораздо болѣе сложенъ, и моментъ борьбы за свободу составляетъ въ немъ лишь ядро, завернутое въ нѣсколько оболочекъ, лишь одинъ элементъ изъ нѣсколькихъ, равно существенныхъ по своему значенію. Это ядро—само по себѣ вполнѣ естественное и простое—заслоняется въ немъ рядомъ другихъ мотивовъ, каждый изъ которыхъ привноситъ съ собою свою долю вліянія на ходъ событій и на ихъ окончательный результатъ. Борьба за освобожденіе переплетается въ немъ съ борьбою за національное преобладаніе, усложняемою, въ свою очередь, соперничествомъ сосѣднихъ народовъ, которые, ради своихъ эгоистическихъ государственно-политическихъ интересовъ и соображеній, готовы защищать турецкую тираннію и предпочитаютъ сохраненіе нелѣпаго и невозможнаго status quo сколько-нибудь серьезной реформѣ. Такое положеніе въ настоящемъ кризисѣ занимаетъ Греція, трепещущая за свою долю турецкаго наслѣдства въ Македоніи. Почти то же можно сказать о Сербіи и о Румыніи, которыя съ тревогою присматриваются къ событіямъ въ Македоніи и готовятся къ тому, чтобы принять въ нихъ, при извѣстныхъ условіяхъ, активное участіе. Всѣ онѣ настроены противъ македонскаго возстанія, потому что за нимъ имъ мерещится—и мерещится не безъ основанія—„цѣлокупная" Болгарія... И этимъ столкновеніемъ противорѣчивыхъ сосѣдскихъ аппетитовъ еще далеко не исчерпываются элементы и вліянія, дѣлающіе македонскій вопросъ такимъ сложнымъ и труднымъ. Къ нему прибавляется еще соперничество великихъ державъ, у каждой изъ которыхъ имѣются свои интересы и притязанія, свои сферы вліянія и своя традиціонная политика на Балканскомъ полуостровѣ. Тутъ достаточно будетъ припомнить, въ видѣ примѣровъ, Россію, съ ея историческимъ тяготѣніемъ къ Царьграду; Австро-Венгрію, съ ея настойчивымъ движеніемъ къ Салоникамъ и къ Эгейскому морю; Германію, съ ея интригами въ Малой Азіи; Англію, съ ея вѣчнымъ противодѣйствіемъ Россіи; Италію, съ ея притязаніями въ Албаніи, Францію, съ ея интересами въ Сиріи

и т. д.; и т. д. Всѣ эти многообразные и часто противоположные стремленія и интересы разыгрываются въ Царьградѣ и, само собою разумѣется, даютъ себя чувствовать въ настоящемъ кризисѣ, отражаясь на его ходѣ и развитіи. Извольте же учесть всѣ эти вліянія и подвести имъ итогъ, который могъ бы претендовать на положительность и точность!..

Да, македонскій вопросъ, можетъ быть, разрѣшится въ ближайшемъ будущемъ, при чемъ возстановленіе status quo въ Македоніи представляется столь же возможнымъ, какъ и дарованіе ей той или другой формы автономіи. Но онъ можетъ и совсѣмъ не разрѣшиться, а лишь поднять за собою рядъ другихъ вопросовъ, еще болѣе сложныхъ, еще болѣе трудныхъ и опасныхъ. Искра, зажженная македонскими революціонерами, можетъ потухнуть; но она можетъ также зажечь и міровой пожаръ...

И. К.

Новыя книги.

М. Крестовская. Исповѣдь Мытищева. Вопль. М. 1903.

Не разъ замѣчалось, и замѣчалось основательно, что наши русскіе иммогалисты по большей части ограничиваются только страшными словами, на самомъ дѣлѣ оказываясь самыми безобидными, а часто прямо прекрасными людьми. Ихъ протестъ противъ нравственности, совѣсти, долга—обыкновенно только головной, въ дѣйствительности же они не преступаютъ нравственности и, сами того не замѣчая и не желая, живутъ по совѣсти и служатъ долгу. Не таковъ герой г-жи Крестовской, Мытищевъ. Этотъ не только отрицаетъ совѣсть, но безсовѣстно поступаетъ; онъ не только головной имморалистъ, но дѣйствительный негодяй. Фактическая сторона его „исповѣди“ очень несложна. Подъ бременемъ наслѣдственныхъ вліяній Мытищевъ приговорилъ себя къ самоубійству, два старшіе брата его уже покончили съ собой, а теперь и онъ ждетъ своей участи. А пока что—обучается въ университетѣ, путешествуетъ, заѣзжаетъ въ деревню къ старикамъ-родителямъ и здѣсь случайно встрѣчаетъ дѣвушку, которая увлекается имъ. Не любя этой дѣвушки, да по существу своей организаціи, пожалуй, дѣйствительно, и не умѣя любить по-человѣчески, Мытищевъ всетаки, какъ онъ выражается, „беретъ ее“, беретъ дико, отвратительно, ломаясь и издѣваясь надъ ней. А потомъ, съ какой-то животной жестокостью надругавшись, бросаетъ. Уходя съ

послѣдняго свиданія, въ порывѣ озлобленія Мытищевъ прямо, въ буквальномъ смыслѣ, бросаетъ въ обезумѣвшую, рыдающую беременную дѣвушку камнемъ. На вотъ тебѣ! а затѣмъ... застрѣливается. Фабула несложна и груба, но г-жа Крестовская сосредоточиваетъ, по своему обыкновенію, все вниманіе на психологическомъ анализѣ. Мытищевъ постоянно называетъ себя вырождающимся субъектомъ, много говоритъ о „моральномъ параличѣ доброй половины своего существа.“ „Я глубоко убѣжденъ, говоритъ онъ, что я — не одинъ и что, по всей вѣроятности, наша численность,—увы!—грозитъ увеличиваться съ каждымъ десятилѣтіемъ“. Онъ думаетъ, что исповѣдь его представляетъ собою „искренній и правдивый документъ человѣческой души, можетъ быть, очень порочной, но, во всякомъ случаѣ, глубоко несчастной и потому имѣющей право голоса“. Это Мытищевъ повторяетъ не разъ. Онъ,—а, быть можетъ, вмѣстѣ съ нимъ и сама писательница—ошибаются: именно искренности то и правдивости и недостаетъ ея герою. Въ его несчастіи, утратѣ вѣры въ смыслъ жизни, въ потерѣ способности любить людей, въ протестѣ противъ требованій совѣсти и долга не видно живой драмы, не чувствуется искренняго ея переживанія, а только грубая фальшь тупого резонерства, резонерства часто вульгарнаго, не умного и почти всегда нахальнаго. Мытищевъ все время позируетъ. Анализъ порочной, но глубоко несчастной души, анализъ душевной омертвѣлости и внутренняго саморазлада удался бы г-жѣ Крестовской несравненно болѣе, если бы она выбрала для этого не такую грубую фабулу и героя. „Исповѣдь Мытищева“ мѣстами представляется, хотя г-жа Крестовская, очевидно, этого и не хотѣла, просто „придуманной ложью“, она сама огрубляетъ свою тему вульгарностью своего героя, „численность“ котораго, слава Богу, не такъ уже велика, какъ это ему самому кажется. Неужели анализъ душевной омертвѣлости что-нибудь выиграетъ отъ всѣхъ безобразій, которыя продѣлываетъ Мытищевъ, отъ его неприличныхъ, почти казарменныхъ выходокъ, вызывающихъ кривляній и съ апломбомъ высказываемыхъ глупостей. Наконецъ, этотъ „комъ земли“, брошенный въ несчастную дѣвушку, является такимъ же несуразнымъ мазкомъ въ общей картинѣ, какъ и плохо продуманныя разсужденія о Кантѣ, о долгѣ, о преступленіи... А между тѣмъ, Мытищевъ считаетъ себя „мыслящимъ субъектомъ“ (136), говоритъ объ утонченности своего развитія, о своей „излишней сложности“ (88—9)... Какъ разъ наоборотъ, именно слѣдовало-бы взять психику чуть-чуть посложнѣе, потоньше, а то слишкомъ уже грубовато; быть можетъ, и такой субъектъ имѣетъ „право голоса“, потому что и онъ „по-своему“ „глубоко несчастенъ“, да голосъ-то этотъ слишкомъ мало интересенъ. Стоитъли въ него вслушиваться?

„Вопль“ гораздо удачнѣе и интереснѣе. Это, въ самомъ дѣлѣ,

вопль заскучавшей пошлостью жизни женщины, проснувшейся и ощутившей пустоту и наготу окружающей жизни. Подобная тема много разъ уже разрабатывалась русской литературой, въ особенности нашими писательницами. Читая повѣсть г-жи Крестовской, кажется, что перечитываешь что-то уже извѣстное, старое. Кажется, знакома и эта свѣтская жизнь, наполненная мелочами и пустяками, отъ которыхъ дохнуть некогда, и этотъ, весь ушедшій въ наживу милліоновъ, мужъ, денежному міросозерцанію котораго тоскующая жена слабо пытается противопоставить свой неопредѣленный, мечтательно-расплывчатый пассивный протестъ. Но въ общемъ повѣсть читается съ несомнѣннымъ интересомъ. Особенно удался автору анализъ душевнаго міра Сони, точно кому-то на зло исковеркавшей свою жизнь... Жаль только, что г-жа Крестовская старается слишкомъ подчеркивать мораль повѣсти, заставляя героиню растянуто формулировать ее на нѣсколькихъ страницахъ. „Я поняла, — пишетъ разсказчица „Вопля“,—что человѣкъ можетъ жить только или чувствомъ, захватывающимъ его вполнѣ, или дѣломъ и идеей, дающими смыслъ всему его существованію“. Эта основная идея съ достаточной ясностью вытекаетъ изъ самаго существа повѣсти, безъ этихъ особыхъ подчеркиваній.

Джонъ Уайменъ. Французскій дворянинъ. Пер. съ англ. Спб. 1903. **Бертольдъ Ауэрбахъ. Спиноза.** Спб. 1903. (Рядъ историческихъ романовъ, изд. подъ редакціей, съ введ. и примѣч. проф. А. Трачевскаго).

Принято съ неодобреніемъ отзываться о среднемъ читателѣ, предпочитающемъ основательному историческому изслѣдованію неосновательный историческій романъ: читатель лѣнивъ, читатель легкомысленъ, какъ ребенокъ, и соглашается проглотить горькую, но необходимую пилюлю историческаго знанія лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ обсахарена художественной выдумкой. Истина отъ этого только страдаетъ, и вмѣсто историческихъ знаній получается ихъ фальсификація. Да и какія знанія могутъ дать писатели, знакомство коихъ съ исторіей съ достаточной степенью вѣрности характеризуется извѣстной остротой, примѣнимой не къ однимъ русскимъ историческимъ романистамъ: наши историческіе романисты знаютъ исторію очень плохо,—за исключеніемъ графа Саліаса, который ея совсѣмъ не знаетъ.

Надо, однако, сказать, что, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи за историческимъ романомъ должно признать заслугу, которую едва ли раздѣляютъ—или раздѣляли до послѣдняго времени—научно-популярныя сочиненія по исторіи. Это—вниманіе романа къ культурной сторонѣ исторіи. Въ то время, какъ научное изученіе исторіи сосредоточивалось на ея показныхъ представителяхъ и ихъ ратныхъ гражданскихъ и любовныхъ по-

двигахъ, романъ давно переступилъ узкія границы эпопеи и останавливалъ вниманіе читателя на широкихъ картинахъ историческаго общества, пріучая здѣсь, а не въ славныхъ сраженіяхъ и судьбахъ престоловъ видѣть нервъ историческаго движенія. По отношенію къ свѣжести и достовѣрности даваемыхъ имъ свѣдѣній, историческій романъ, конечно, былъ далеко не всегда на должной высотѣ; но для большой массы читателей онъ былъ первой формой общедоступной культурной исторіи. Такою же по значенію онъ остается до сихъ поръ. Мы не имѣемъ средствъ для точнаго изслѣдованія въ этой области, но думается, если бы возможенъ былъ подсчетъ, чтó въ распространенныхъ историческихъ знаніяхъ принадлежитъ учебной и популярной литературѣ и что падаетъ на долю беллетристики, вкладъ послѣдней въ распространеніе если не точныхъ знаній, то интереса къ нимъ оказался бы много болѣе значительнымъ. И оттого попытка дать не только свѣжій и доброкачественный, но даже до нѣкоторой степени систематически объединенный матеріалъ для легкаго историческаго чтенія заслуживаетъ полнаго сочувствія. Къ такому подбору историческихъ романовъ не надо предъявлять повышенныя требованія: какъ и всякая популяризація, онъ призванъ не укрѣплять или создавать знанія, но лишь возбуждать къ нимъ интересъ. Съ этой точки зрѣнія хронологическій порядокъ, котораго старается держаться проф. Трачевскій въ редактируемомъ имъ „Рядѣ историческихъ романовъ", кажется намъ совершенно излишнимъ: „рядъ" этотъ такъ мало способенъ замѣнить настоящую исторію, такъ полонъ пробѣловъ и фантазій, что хронологія способна лишь возбудить ложное представленіе, будто отъ него и въ самомъ дѣлѣ можно требовать исторической истины. Самый выборъ романовъ, конечно, опредѣляется наличнымъ матеріаломъ, но, кажется, могъ бы быть лучше. Такъ, изъ двухъ историческихъ романовъ, названныхъ въ заголовкѣ и входящихъ уже во „второй рядъ" собранія издаваемаго проф. Трачевскимъ, мы считаемъ первый мало удачнымъ. Это очень увлекательный, но также очень лубочный романъ изъ жизни Генриха IV французскаго, воспѣтаго здѣсь съ тѣмъ-же паѳосомъ и съ тою же элементарной грубостью, какъ, напр., въ „Молодости Генриха IV" Понсонъ дю-Террайля. Здѣсь нѣтъ ни исторіи, ни современности, ни живыхъ людей, ни картины общественнаго движенія—ничего, кромѣ затягивающей интриги. Средній читатель, пожалуй, не сможетъ оторваться отъ романа, но едва ли вынесетъ изъ него что-нибудь полезное. Такія произведенія ученому историку лучше не пропагандировать. Этого мы не рѣшились бы сказать о „Спинозѣ" Ауэрбаха—произведеніи, діаметрально противоположномъ „Французскому дворянину". Насколько послѣдній поверхностенъ, настолько первый глубокомысленъ; насколько послѣдній увлекателенъ, настолько первый

вялъ и полонъ умныхъ разговоровъ, вмѣсто дѣйствій. Въ немъ не слишкомъ много психологической правды—для этого онъ слишкомъ раціоналенъ,—но много правды логической. Характеристику великаго мыслителя, данную здѣсь, едва ли можно назвать художественнымъ портретомъ, но Ауэрбахъ хорошо зналъ сочиненія Спинозы и съумѣлъ выбрать изъ нихъ все подходящее для беллетристической подготовки къ непосредственному знакомству съ „Этикой".

Предпосланныя романамъ „Введенія" проф. Трачевскаго испорчены невыносимой манерностью. Въ книгахъ, предназначенныхъ для популярнаго чтенія и требующихъ потому возможно большей простоты и ясности, онъ словечка въ простотѣ не скажетъ. Его введенія пестрятъ невиданными словечками, не всѣмъ понятными намеками, непрерывными кавычками, въ которыя заключено именно то, что требовало бы раскрытія и объясненія. Вотъ для примѣра типичный отрывокъ: „И Спиноза не могъ, подобно Декарту, живо убрать паруса, сходить въ Лоретто, успокоиться на ходячей „морали". Когда пасть льва, въ лицѣ бес-дина, выкинула его живымъ, подобно Іонѣ, онъ не пошелъ къ филистимлянамъ атеизма". Дальше рѣчь идетъ о судьбахъ Спинозы въ новой философіи. „Здѣсь то, въ самой пасти льва, предъ нами выступаетъ второй ликъ Януса. И здѣсь-же, увы! предъ нами сумерки боговъ новѣйшей философіи. Эти пресловутые „спеціалисты, эксперты" сотворили цѣлое вавилонское столпотвореніе... Вообще, этотъ шабашъ словъ сводился къ безсознательному признанію величія Спинозы: онъ—или сатана, или само божество! Одни утверждали, что это министерія Вельзевула подослала Ивана Александровича, чтобы привить людямъ заразу научнаго эмпиризма, отводя глаза присяжнымъ стражамъ невинности декораціями схоластики; другіе кричали о „человѣкѣ", зараженномъ мистицизмомъ". Что вынесутъ изъ этого прекраснословія тѣ, кому нужны введенія проф. Трачевскаго? И это тѣмъ болѣе досадно, что во введеніяхъ этихъ говорится именно то, что нужно; и немыслимо, чтобы для этихъ общеполезныхъ и общедоступныхъ свѣдѣній, умѣло подобранныхъ проф. Трачевскимъ, нельзя было найти болѣе простую и доступную форму.

Н. Ломакинъ. Разсказы. Москва, 1903.

Когда литературными формами овладѣваютъ настолько, что онѣ становятся общедоступны, употребленіе ихъ представляетъ большія трудности. Это лучше всего видно на стихахъ: чѣмъ выработаннѣе техника стиха, тѣмъ легче писать стихи обыкновенные, безупречные, ненужные, и тѣмъ труднѣе написать стихотвореніе, переходящее за предѣлы общеизвѣстнаго, надоѣвшаго, ненужнаго. То же самое, кажется, происходитъ у насъ съ

разсказами. Ихъ техника стала настолько ясна, литературная сноровка сдѣлалась явленіемъ настолько обычнымъ, что недурныхъ разсказовъ—достаточно художественныхъ, законченныхъ, вполнѣ литературныхъ и интересныхъ, у насъ, какъ и въ европейскихъ литературахъ болѣе, чѣмъ достаточно. Чуть не въ каждомъ номерѣ газеты можно найти маленькій разсказъ, чистенькій, недурненькій, веселый или грустный, наводящій на мысли или на таковыя не наводящій, но въ общемъ исправный. Какъ видно изъ вышесказаннаго, считать это признакомъ какого-либо расцвѣта художественныхъ силъ—нѣтъ никакого основанія, просто удесятерилось число людей, могущихъ написать недурное стихотвореніе и недурной разсказъ и не чувствующихъ нужды воздержаться отъ этого: спросъ есть.

Разсказы г. Ломакина выше средняго уровня этой беллетристики, легкой для чтенія, легкой по формѣ, легкой по содержанію. Унего есть выдумка, есть разнообразіе темъ и наблюдательность, отсутствіе которыхъ такъ характерно для случайнаго автора, пришедшаго къ беллетристикѣ по линіи наименьшаго сопротивленія. Онъ склоненъ къ юмористикѣ невысокаго разбора, къ забавному и ненужному анекдоту, но иногда его маленькіе разсказы выростаютъ въ законченную трагедію жизни, темной, безсознательной и тяжелой. Онъ весело и беззаботно разскажетъ о томъ, какъ мужикъ, демонстрируя предъ столичными пріѣзжими деревенскую достопримѣчательность — превосходное эхо,—не нашелъ возгласа болѣе подходящаго, чѣмъ русское крѣпкое слово; съ такимъ же заразительнымъ смѣхомъ онъ передаетъ исторію молодыхъ супруговъ, которые на первыхъ порахъ отъ влюбленности ничѣмъ не могутъ заняться. Благотворительная княгиня, доводящая свою ненужную и непрошенную филантропію до того, что является къ жертвѣ своихъ благодѣяній—мелкому чиновнику—съ предложеніемъ раздать его дѣтей чужимъ людямъ; молодой человѣкъ, сперва увлекшійся дѣвицей, а затѣмъ пресыщенный ею до отвращенія; старичекъ, женившійся на молодой и потерявшій душевное равновѣсіе отъ сомнѣній ревности: вотъ образы, которые одинъ только шаржъ спасаетъ отъ невыносимой банальности. И къ этому шаржу авторъ прибѣгаетъ тѣмъ охотнѣе, что довольно силенъ въ немъ. Но онъ не безсиленъ и въ другихъ темахъ, менѣе беззаботныхъ, менѣе поверхностныхъ, менѣе анекдотическихъ и не нуждающихся въ каррикатурѣ. Маленькій разсказъ „Чудные люди" даетъ изображеніе провинціальныхъ будней, съ простотой и силой, поистинѣ трагической. Въ „Грѣхахъ", гдѣ старая барышня неожиданно узнаетъ отъ своей старой горничной, что она совсѣмъ не „сохранила себя" подобно барышнѣ, а грѣшила съ ея неудавшимися женихами, — мы имѣемъ тонкій психологическій эскизъ, еле-намѣченный, но оставляющій широкій просторъ раз-

думью читателя. Есть и еще хорошіе разсказы, изобилующіе удачными типическими мелочами и интересными положеніями, лишь съ виду забавные, но проникнутые неподдѣльнымъ юморомъ. Эта способность къ юмору—счастливый даръ, налагающій обязанности; она должна была бы отучить г. Ломакина отъ анекдота и внѣшняго комизма. Забавлять и забавлять—не великая заслуга для того, кто способенъ къ лучшему.

Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900 гг.). Подъ редакціей **Пти де Жюльвилля.** Пер. и р. Ю. А. Веселовскаго, т. I. Москва, 1904.

Объемистый томъ, лежащій предъ нами, представляетъ собою лишь первую половину исторіи французской литературы девятнадцатаго вѣка—и лишь незначительную часть цѣльнаго историческаго обзора французской словесности и языка, съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго дня. Этотъ обширный трудъ, законченный лишь въ послѣднемъ году прошедшаго вѣка, исполненъ цѣлой группой французскихъ ученыхъ, подъ руководствомъ проф. Пти де Жюльвилля, которому принадлежатъ также нѣкоторыя главы въ громадной коллективной работѣ, вышедшей подъ его редакціей.

Современная научная мысль пріучила насъ къ нѣкоторому предубѣжденію къ собирательнымъ трудамъ; мы привыкли думать, что теоретическая работа должна быть связана единствомъ основной идеи, единствомъ міровоззрѣнія автора, единствомъ метода. Коллективные труды должны состоять или изъ очень крупныхъ вкладовъ отдѣльныхъ лицъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ сборныхъ компендіяхъ,—или изъ очень мелкихъ, какъ это бываетъ въ справочныхъ энциклопедическихъ словаряхъ; въ первомъ случаѣ всякъ самъ отвѣчаетъ за себя, во второмъ—сухость матеріала, почти исключительно фактическаго, не даетъ мѣста индивидуальнымъ воззрѣніямъ. Не то мы имѣемъ въ исторической книгѣ, которая должна бы изобразить связную картину непрерывнаго развитія, каждая глава которой должна быть естественнымъ продолженіемъ предыдущей, выводомъ изъ нея: требованіе, совершенно непримѣнимое къ труду, въ которомъ каждая глава принадлежитъ другому лицу. Не мудрено, что новая исторія французской литературы можетъ лишь подкрѣпить насъ въ предубѣжденіи противъ сборныхъ трудовъ. Мы не знаемъ точно, какое значеніе въ ея составленіи игралъ трудъ редактора; но, судя по результатамъ, надо думать, что его ограничивающее и руководящее вліяніе на авторовъ было не велико. Каждый начиналъ сначала, каждый знакомилъ читателя не только съ предметомъ изложенія, но и съ своими теоретическими, методологическими, политическими воззрѣніями, почти всегда мало похожими на воззрѣнія его сосѣда; каждый иначе смотрѣлъ на свою задачу.

Получилась исторія литературы довольно отжившаго типа: рядъ плохо скрѣпленныхъ между собою характеристикъ отдѣльныхъ писателей, пламенные панегирики, перемежающіеся съ совершенно неумѣстными обличеніями, много разнообразныхъ и не всегда нужныхъ свѣдѣній и—меньше всего исторіи въ томъ смыслѣ, къ какому насъ пріучили современныя научныя требованія.

Почтенный авторъ предисловія къ русскому переводу—проф. Алексѣй Н. Веселовскій—склоненъ въ такой пестротѣ книги видѣть какъ бы ея преимущество. „Въ ней участвовали представители различныхъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій, сошедшіеся, очевидно, для того, чтобы могла быть сказана „безъ гнѣва“ правда даже о діаметрально-противоположныхъ явленіяхъ и дѣятеляхъ“. Мы ничего не имѣли бы не только противъ правды о противоположныхъ явленіяхъ, но и противъ діаметрально противоположныхъ мнѣній объ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ и дѣятеляхъ. Но пусть эти различныя правды высказываются въ разныхъ мѣстахъ, имъ соотвѣтствующихъ, пусть онѣ никого не обманываютъ своимъ мнимымъ единствомъ, пусть ихъ механическое соединеніе не присвоиваетъ себѣ названіе исторіи. Это названіе обязываетъ. Оно предполагало бы по меньшей мѣрѣ развитіе той исторической схемы, которая умѣло набросана въ предисловіи Фагэ.

Въ исторіи французской литературы девятнадцатаго вѣка популярный критикъ видитъ прямой продуктъ великой революціи, имперіи и новаго общества, созданнаго во Франціи этими переворотами. Рядъ новыхъ элементовъ первостепеннаго значенія проникаетъ въ это время литературу. Прежде всего совершенно мѣняется публика; мѣсто салона, опредѣленнаго, замкнутаго, немногочисленнаго, воспитаннаго въ нормахъ литературнаго вкуса и хорошо извѣстнаго автору, занимаетъ народъ,—аудиторія громадная, неопредѣленная, свободная отъ эстетическаго догмата и совершенно неспособная оцѣнить тонкія ухищренія умѣлаго пера. Дѣйствіе этого рѣшающаго явленія спорно и подчасъ неожиданно; демократизація публики создаетъ личную литературу. Не зная своей публики, писатель привыкаетъ обращаться къ себѣ, говорить съ собой и о себѣ, думать вслухъ. Литература становится менѣе объективной, болѣе индивидуальной, болѣе оригинальной—и это относится не только къ поэзіи, но также къ исторіи и философіи. Расцвѣтъ двухъ послѣднихъ есть вторая характерная черта французской литературы прошлаго вѣка; дѣло не въ томъ, что исторіи и философіи былъ посвященъ длинный рядъ блестящихъ трудовъ,—хотя и это очень важно; но болѣе всего въ томъ, что въ это время исторія и философія проникаютъ собою изящную литературу. Она становится глубже и положительнѣе; ея критика отрекается отъ права создавать догматы и диктовать эстетическіе приговоры. Исчезаетъ то, что прежде называлось „вкусомъ“,—и вкусъ самого художника замѣняетъ эти отжившія нормы. Оши-

бочно было бы считать это полновластное господство индивидуальнаго вкуса чѣмъ-то сроднымъ съ литературной анархіей; наоборотъ, оно знаменуетъ лишь расширеніе тѣхъ рамокъ, въ которыхъ неизбѣжно движется художественное творчество, тѣхъ вліяній, подъ которыми создается литература. Среди этихъ вліяній совершенно новымъ для французской литературы XIX вѣка является воздѣйствіе иностранныхъ литературъ. Это вліяніе было не исключительно литературнымъ; иностраннымъ образцамъ французы не разъ подражали и раньше. Лишь въ началѣ прошлаго вѣка они почувствовали, что дѣло не въ усвоеніи—подчасъ облагораживающемъ усвоеніи—внѣшнихъ формъ, что самый духъ иностранныхъ литературъ дѣлаетъ ихъ не только равными прославленнымъ образцамъ французскаго классицизма, но иными, несравнимыми и, быть можетъ, болѣе высокими. Вліяніе этихъ образцовъ было не столько литературнымъ, сколько нравственнымъ; о благотворности его неопровержимо свидѣтельствуетъ та высота, на которую вознесло литературное развитіе французскую лирику, романъ, критику девятнадцатаго вѣка.

Вотъ любопытныя схемы, подтвержденіемъ которыхъ должна была служить объемистая сборная работа талантливыхъ французскихъ историковъ литературы. Но именно этого претворенія схемы въ живое историческое содержаніе здѣсь нѣтъ. Это рядъ критическихъ очерковъ, иногда удачныхъ, иногда неудачныхъ, часто весьма одностороннихъ, подчасъ интересныхъ, часто богатыхъ свѣдѣніями, но также часто требующихъ ихъ отъ читателя и, наконецъ, довольно неравномѣрно подобранныхъ. Авторъ русскаго предисловія заранѣе пытается отклонить возможный упрекъ, предупреждая, что „цеховое отношеніе къ словесности не примирится, пожалуй, съ появленіемъ въ ея лѣтописи политическихъ дѣятелей, парламентскихъ ораторовъ, публицистовъ, творцовъ соціальныхъ ученій; съ другой стороны—дѣятелей церкви, католическихъ моралистовъ, свѣтилъ клерикализма и обличителей современности“. Но, право же, не нужно никакого „цехового отношенія къ словесности“, чтобы видѣть, что въ этой книгѣ многое не имѣетъ къ исторіи словесности никакого отношенія, что воззрѣнія, высказываемыя во многихъ ея статьяхъ, проникнуты духомъ менѣе всего историческимъ, что самая система, по которой она построена, отстала отъ современной историко-литературной методологіи чуть не на полвѣка. Однѣ статьи посвящены отдѣльнымъ выдающимся поэтамъ (*Шатобріанъ* Дезессара, *Ламартинъ* самого редактора, грубообличительный *Гюго* Дешана), другія—цѣлымъ эпохамъ или литературнымъ движеніямъ (*Литература первой имперіи* Бургоэна, *Романтизмъ* Давидъ-Соважо), третьи—обзору отдѣльныхъ жанровъ (*Романтическій театръ* Думика, *Романъ* Пелисье, *Исторія* де-Брозаля, *Критика* Фагэ), четвертыя—отдѣльнымъ вопросамъ, обсужденіе которыхъ болѣе или

менѣе умѣстно въ такой книгѣ (*Литературныя сношенія Франціи съ другими странами* Текста, *Французское искусство* Рошблава). О равномѣрности распредѣленія матеріала, о единствѣ воззрѣній при такой системѣ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи. Полю Луи Курбе посвящена одна страница, поэту Огюсту Бризе— четыре. Безъ всякаго цехового отношенія къ словесности, достаточно простого уваженія къ внутреннему смыслу литературныхъ явленій, чтобы видѣть, въ какой степени смѣшны въ научномъ произведеніи такія внѣшнія рубрики, какъ „Романтизмъ въ провинціи“ или „Женщины—поэтессы“: точно для исторіи литературы не все равно, былъ Жозефъ Отранъ провинціаломъ или парижаниномъ, была г-жа Аккерманъ мужчиной или женщиной.

Переводъ въ общемъ сдѣланъ старательно и литературно. Жаль только, что переводчикъ не счелъ возможнымъ снабдить свою работу примѣчаніями, положительно необходимыми въ книгѣ, требующей подчасъ знаній, какія можно предполагать далеко не у всякаго французскаго читателя, не говоря ужъ о русскомъ. О послѣднемъ переводчикъ позаботился недостаточно. Онъ прямо пишетъ: „сборникъ *Кара* является какъ бы... настоящимъ Bottin диффамаціи“, или: „длинный рядъ собственныхъ именъ, взятыхъ неизвѣстно зачѣмъ изъ раскрытаго Булье или перелистаннаго Дезобри“, или: „желаніе переложить въ стихи прозаическое credo Омэ“. Но вѣдь если среди русскихъ читателей найдутся такіе которые вспомнятъ великолѣпнаго мосье Омэ изъ „Мадамъ Бовари“, то совѣмъ немного такихъ, которые знаютъ, что Боттэнъ это парижская адресная книга, Булье и Дезобри—составители справочныхъ историческихъ словарей. Не мало также разнообразныхъ историческихъ намековъ, которые слѣдовало разъяснить. Впрочемъ, мы и такъ не рѣшились бы рекомендовать эту книгу обширнымъ кругамъ несвѣдущихъ читателей по причинамъ, болѣе важнымъ и отчасти намѣченнымъ выше.

Библіотека А. М. Θемелиди. Генрикъ Сенкевичъ. Одесса, 1904.

Мы выписали только часть многословнаго заглавнаго листка, на которомъ имѣются еще подзаголовки: „Художники и мыслители разныхъ временъ и народовъ. Ихъ литературныя эпохи, жизнь, труды и мысли“. Подъ этимъ обширнымъ и неуклюжимъ заглавіемъ составитель, согласно его заявленію, предполагаетъ „дать читателю въ популярномъ изложеніи всеобщую исторію литературы, познакомить его съ жизнью наиболѣе выдающихся поэтовъ, беллетристовъ, публицистовъ и философовъ, съ ихъ лучшими трудами и критическимъ разборомъ ихъ сочиненій, а также съ ихъ мыслями, афоризмами, парадоксами, художественными описаніями, отрывками изъ путешествій и наблюденій, разбросанными въ ихъ разныхъ художественныхъ и научныхъ трудахъ“. Предполагается каждому изъ писателей, вошедшему въ составъ этой „Библіотеки

Ѳемелиди", посвятить особую книгу съ „характеристикой его литературной эпохи, его біографическимъ очеркомъ и критическимъ разборомъ его произведеній; здѣсь же будутъ приложены лучшія мысли писателя объ интересовавшихъ его вопросахъ, параллельно съ текстомъ подлинника на родномъ языкѣ автора".

Предъ нами первый выпускъ этого литературнаго предпріятія—довольно объемистый томъ, посвященный Сенкевичу. Онъ состоитъ по преимуществу изъ выборокъ: выборки изъ русскихъ критическихъ отзывовъ о Сенкевичѣ, выборки изъ произведеній польскаго романиста; этому предпосланы краткій біографическій очеркъ и характеристика того реальнаго направленія въ польской литературѣ, къ которому принадлежитъ популярный авторъ „Безъ догмата". Не трудно видѣть, кого имѣетъ въ виду это изданіе: оно предназначено для обширныхъ круговъ тѣхъ неподготовленныхъ среднихъ читателей, численность и живые запросы которыхъ вызвали у насъ за послѣднее время столь пышный расцвѣтъ всякой самообразовательной и популярной литературы. На первый взглядъ къ ней не слѣдуетъ предъявлять слишкомъ высокія требованія: книжка чистая, составлена литературно, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ не призываетъ, говоритъ о предметѣ, достойномъ вниманія,—чего еще? Такъ ли мы богаты, чтобы быть не въ мѣру разборчивыми? Мы, въ самомъ дѣлѣ, не богаты—и именно потому должны быть строги. Это вѣдь только кажется, что намъ даютъ книжку: на самомъ дѣлѣ у насъ берутъ силы, потраченныя на ея составленіе, изданіе, пріобрѣтеніе. Цѣлесообразно ли затрачены эти силы? Ну, конечно, вреда въ томъ, что кто нибудь прочтетъ эту книжку о Сенкевичѣ, нѣтъ: онъ кой-что узнаетъ, кой-что вспомнитъ, кой-о-чемъ подумаетъ. Но намъ давно пора перейти въ популярной литературѣ отъ этихъ разрозненныхъ опытовъ, этюдовъ, общедоступныхъ брошюрокъ, литературныхъ портретовъ и хрестоматій къ чему либо болѣе связному. Мы и такъ поверхностны, недоучены, анти-историчны; мы слишкомъ привыкли брать все изъ вторыхъ рукъ. Переводы отучаютъ насъ отъ оригиналовъ, изложенія оттѣсняютъ на второй планъ первоисточники; Бокль „по Нотовичу" распространенъ въ десятки разъ больше, чѣмъ подлинный Бокль, но цѣна ему въ сотни разъ меньшая, чѣмъ подлинному. Если даже предположить, что г. Ѳемелиди не застрянетъ—что, вѣрно, случится,—на первыхъ двухъ-трехъ книжкахъ своего обширнаго изданія, куда, въ качествѣ „наиболѣе выдающихся публицистовъ и философовъ", онъ предполагаетъ включить Шашкова и Сафира, Мантегаццу и Фламаріона, то сколько нибудь полнаго представленія о развитіи литературъ читатель изъ этого собранія не вынесетъ, а съ отдѣльными ихъ представителями можно ознакомиться болѣе просто, болѣе самостоятельно и болѣе основательно.

Удачную особенность новаго изданія представляютъ выдержки

изъ польскаго текста параллельно съ русскимъ переводомъ. Онѣ могутъ показать, какъ нетрудно русскому читателю перейти къ чтенію славянскихъ писателей въ подлинникѣ; нѣтъ нужды доказывать, какъ этимъ углубляется для него значеніе литературнаго произведенія, какъ ширится и укрѣпляется взаимное пониманіе.

Дж. Ст. Милль, его жизнь и произведенія, С. Зенгера, пер. съ нѣм. Л. Ивановой, подъ ред. Е. Максимовой. Спб., 1903.

Огюстъ Контъ и Дж. Ст. Милль навсегда останутся въ исторіи человѣческой мысли, какъ двѣ вершины позитивнаго мышленія первой половины XIX вѣка. Уступая Огюсту Конту и въ грандіозности научнаго замысла, и въ чисто творческихъ способностяхъ, Дж. Ст. Милль, въ свою очередь, превосходилъ своего великаго современника (и отчасти учителя) отзывчивостью на разнообразные запросы вѣка, безпристрастіемъ и широтою взгляда.

Дж. Ст. Милль является какъ-бы соединительнымъ звеномъ XVIII и XIX вѣковъ. И въ философіи, и въ общественныхъ наукахъ, и въ этикѣ, и въ политической экономіи, онъ является высоко-даровитымъ преемникомъ лучшихъ представителей англійской (и отчасти французской) научной мысли XVIII и начала XIX вѣка. Лишь появленіе Дарвина, Спенсера и Маркса нанесло вліянію Милля ударъ; это вліяніе уменьшилось также и вслѣдствіе того, что нѣмцы возвратились къ лучшимъ сторонамъ ученія Канта; наконецъ, новѣйшія теченія, повидимому, окончательно отодвинули Милля въ область исторіи.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, знакомство съ ученіемъ Милля необходимо для всякаго образованнаго человѣка, который пожелаетъ ознакомиться съ „послѣднимъ словомъ“ доэволюціоннаго позивитизма.

Къ сожалѣнію, книга Зенгера о Миллѣ не стоитъ на высотѣ своей задачи. Ее, по справедливости, можно назвать ненужной книгой, ибо для людей, знакомыхъ съ твореніями Милля, она не нужна, такъ какъ не даетъ ничего новаго, а для людей, не знакомыхъ съ Миллемъ, она не нужна вслѣдствіе того, что, благодаря соединеннымъ усиліямъ автора и переводчицы, она вышла совершенно неудобочитаемою.

Авторъ *популярной* книги, знакомя своихъ читателей съ ученіемъ неизвѣстнаго имъ писателя, конечно, долженъ прежде всего изложить это ученіе и уже затѣмъ указать читателямъ на сильныя и слабыя стороны популяризируемаго ученія, на преемственную связь его съ другими ученіями и на отличіе отъ этихъ „другихъ ученій“. Нашъ авторъ поступаетъ иначе: излагая въ первой (послѣ краткаго введенія) главѣ біографію Милля, онъ при упоминаніи о томъ, что Милль въ извѣстный періодъ своей

жизни находился подъ вліяніемъ какого-либо другого мыслителя, сейчасъ же входитъ въ разсмотрѣніе сходствъ и отличій между ученіями Милля и этого другого мыслителя. Такъ, напр., *еще совершенно не познакомивъ читателя съ логикою Милля,* Зенгеръ говоритъ: „Контъ считаетъ, такъ называемый Миллемъ, обратно-дедуктивный или историческій методъ единственно пригоднымъ въ этой области (въ области соціальныхъ наукъ); Милль же ставитъ наравнѣ съ нимъ физическій или конкретно-дедуктивный методъ. Я подробно говорю объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь-же и т. д.“ (стр. 68). Очевидно, автору не было никакой надобности предварять свое „подробное разсмотрѣніе въ другомъ мѣстѣ“ и преподносить своему, совершенно еще не знакомому съ логикою Милля, читателю такую непонятную для него ученость. И это вовсе не единичный случай: вся книга переполнена подобными эпизодами.

Безполезно приводить многочисленные примѣры подобной несистематичности, какъ потому, что это было бы утомительно, такъ, главное, еще и потому, что, въ концѣ концовъ, всетаки, читателю пришлось бы вѣрить намъ на слово, что каждой приводимой нами цитатѣ *не предшествовало* такое изложеніе, которое дѣлало бы эту цитату понятною и для людей, не читавшихъ Милля. Приведемъ, развѣ, еще одинъ примѣръ. Слѣдующая за біографіей глава посвящена главному труду Милля, „Системѣ Логики“. Здѣсь опять *въ самомъ началѣ* главы, въ параграфѣ „общая характеристика логики Милля“, мы встрѣчаемъ, напр., такое мѣсто: „Разсмотрѣніе имъ (Миллемъ) опредѣленія, его разсужденія о требованіи философскаго языка и принципа опредѣленія не представляютъ собой изысканій, имѣющихъ постоянное значеніе. Благодаря этому (?!), и такъ какъ нигдѣ не говорится отдѣльно о понятіи, какъ о логическомъ идеалѣ,—его разработкѣ такихъ важныхъ и съ такою проницательною критикой разработанныхъ имъ принциповъ, какъ принципы: согласованія (тожества), противорѣчія, исключеннаго третьяго, не достаетъ законченности“ (стр. 91). Несомнѣнно, что читатель, не ознакомившійся изъ другихъ источниковъ съ логикою вообще и съ логикою Милля въ частности, не пойметъ вышеприведенной цитаты. А книга Зенгера написала именно для такихъ читателей.

Плохой переводъ еще усугубляетъ недостатки оригинала. Мы не имѣемъ оригинала передъ глазами, но едва ли авторъ могъ трактовать Милля, какъ „избраннѣйшаго *послѣдователя* Шеллинга и Гегеля“ (стр. 76); вѣроятно, авторъ говоритъ, что Милль былъ *преемникомъ* Шеллинга и Гегеля, т. е., знаменитѣйшимъ философомъ Европы, послѣ того, какъ звѣзда Гегеля померкла. Едва ли также авторъ могъ назвать мистика Карлейля „позитивнымъ“ дополненіемъ Милля! (стр. 202). А вотъ еще, наприм., такое мѣсто: „Нельзя научиться чему нибудь на основаніи одного отдѣль-

наго факта, а какъ разъ и хотѣли учиться, когда разсматривали въ совокупности общественныя событія въ прошедшемъ и исторіи“ (стр. 66 — 7). Не говоря уже о неуклюжести этой фразы, она, вообще, производитъ странное впечатлѣніе, ибо вѣдь „совокупность общественныхъ событій въ прошедшемъ и исторіи“ никоимъ образомъ не есть „одинъ отдѣлъ или фактъ“. Нельзя назвать удачною фразу и о томъ, что Милль „въ силу принциповъ своей философіи, очевидно, испытывалъ крайнюю нужду въ совѣсти“ (стр. 200). А также и такую общую характеристику сочиненій Милля: „по мѣрѣ того, какъ эти сочиненія по способу мышленія (?) и представленія проникали отъ периферіи явленій обратно (?) въ ихъ сущность, — они все болѣе приближались къ пріемамъ (?) обычнаго человѣческаго разума“ (стр. 74). Подобными неуклюжими фразами переполнена вся книга. До какой степени переводчица плохо владѣетъ перомъ, видно изъ слѣдующаго мѣста, переводъ котораго *не представлялъ никакихъ научныхъ затрудненій*: „Буря, разразившаяся, по свидѣтельству нѣмецкихъ историковъ, по поводу посмертнаго религіозно-философскаго наслѣдія Милля, свирѣпствовала, не производя большого шума и т. д.“ (стр. 201). Буря которая „свирѣпствуетъ“, „не производя большого шума“, это — явленіе столь-же оригинальное, какъ тотъ пресловутый волкъ, который бѣжалъ „во всю прыть, тихими шагами“!

Д-ръ Э. Бернадскій. Медицина, врачи и публика. Пер. съ польскаго д-ра С. К. Лешкевича. М. 1903.

Въ послѣднее время на русскомъ языкѣ появилось нѣсколько книгъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, трактующихъ о взаимномъ отношеніи врачей и публики.

Книга д-ра Бернадскаго отличается отъ ранѣе появившихся (на русскомъ языкѣ) работъ того же рода прежде всего намѣреніемъ ея автора стать на общую точку зрѣнія. Самое заглавіе, данное ей авторомъ (и измѣненное переводчикомъ): „Сущность и границы медицинскаго знанія“, указываетъ на ея философскую тенденцію; мало этого: изъ предисловія автора мы узнаемъ, что настоящая его работа есть лишь первая часть „Медицинской философіи“, третья часть которой будетъ посвящена „всеобщей медицинской теоріи познанія“.

Однако, именно философская сторона вопроса разработана у нашего автора наиболѣе слабо: авторъ обыкновенно скользитъ по поверхности вопроса, обнаруживая рѣшительную неспособность вникнуть въ суть дѣла.

Такъ, напримѣръ, авторъ пытается дать отвѣтъ на основной вопросъ практической медицины, вопросъ о томъ, какимъ образомъ врачи берутся лѣчить болѣзни, сущности которыхъ они не знаютъ, и, вдобавокъ, лѣчатъ при помощи средствъ, дѣйствія

которыхъ они опять-таки не знаютъ? „Медицина, какъ наука, говоритъ авторъ (стр. 20), представляетъ ту странность, что она развивалась, такъ сказать, съ конца, да иначе и быть не могло. Медицина возникла потому, что всегда существовала болѣзнь, и больной человѣкъ всегда и прежде всего требовалъ отъ человѣчества помощи". Даже современная медицина, по словамъ автора, почти безсильна: нашъ авторъ вѣритъ въ іодъ и ртуть при сифилисѣ и хининъ при маляріи, и затѣмъ почти ни въ какія средства болѣе не вѣритъ (если не считать второстепенныхъ средствъ, вродѣ глистогонныхъ). А если врачи иногда „излѣчиваютъ" больныхъ, то *„только потому, что болѣзни, въ сущности, излѣчиваются сами собою"* (стр. 60). Итакъ, „самоисцѣленіе организма"—вотъ ключъ, объясняющій „успѣхи" врачей. Однако, здѣсь прежде всего возникаетъ такое возраженіе: если бы искусство врача не играло роли при излѣченіи больныхъ, то не могло бы быть знаменитыхъ врачей. На это авторъ отвѣчаетъ очень просто: слава пріобрѣтается не талантливымъ лѣченіемъ, а благодаря побочнымъ обстоятельствамъ. Успѣхъ врача зависитъ и отъ его личнаго обаянія, и отъ общественнаго положенія (напр., профессура), и отъ блестяще обставленной квартиры; здѣсь играютъ роль „и хорошій ростъ, и представительная наружность, и красивая борода, и классическое пожиманіе плечами" (стр. 104).

Не отрицая ни великой роли самоисцѣленія организма, ни того обстоятельства, что слава практическаго врача очень и очень зависитъ отъ посторонниxъ обстоятельствъ, мы всетаки не можемъ не признать отвѣтъ нашего автора слишкомъ поверхностнымъ.

Подражая фразеологіи автора, мы скажемъ, что медицина развивается съ двухъ концовъ. Съ одного конца идутъ люди чистой науки, одаренные могучимъ отвлеченнымъ мышленіемъ (въ наши дни таковы, напр., Пастеръ, Вирховъ, Мечниковъ), а съ другого конца идутъ люди тонкаго конкретнаго воспріятія (таковы великіе „практики"). Если бы нашъ авторъ вполнѣ усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія, тогда для него стало-бы понятно, какимъ образомъ можно быть хорошимъ „практикомъ" въ области, теоретически еще мало разработанной (или совсѣмъ даже не разработанной, какъ это было еще сравнительно недавно). Гиппократъ, напр., былъ, конечно, глубоко невѣжественъ и въ области анатоміи, и въ области физіологіи, и въ области фармакологіи, однако, несомнѣнно, это былъ не только отецъ теоретической медицины, но и великій врачъ-практикъ. Эта видимая аномалія станетъ намъ понятнѣе, если мы обратимся къ аналогичному явленію, къ другой наукѣ, тоже, развивавшейся „съ двухъ концевъ", къ ученію о человѣческой душѣ, психологіи. Шекспиръ, проэкзаменованный по современнымъ учебникамъ

психологіи, несомнѣнно, провалился бы почти съ такимъ же трескомъ, съ какимъ Гиппократъ провалился бы на экзаменахъ анатоміи, физіологіи, фармакологіи и т. п. Однако, все это не мѣшало Шекспиру быть великимъ сердцевѣдомъ.

Взглядъ автора на значеніе для практической медицины самоизлѣченія организмовъ тоже не отличается глубиною. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса, но для насъ несомнѣнно, что признаніе способности организмовъ къ самоизлѣченію отнюдь не противорѣчитъ даже порою энергическому вмѣшательству врача.

Если отбросить философскія претензіи автора, то въ остальномъ его книжка заслуживаетъ того, чтобы ее рекомендовать читателю. Авторъ даетъ очень бѣглый, но довольно хорошій обзоръ терапевтическихъ мѣропріятій и знакомитъ съ современнымъ положеніемъ медицины, подчеркивая важную роль гигіеническихъ мѣръ въ борьбѣ съ болѣзнями. Читатель, пожалуй, вынесетъ преувеличенное мнѣніе о слабости современной терапіи, но за то пойметъ, что нельзя взваливать на одного врача заботу о поддержаніи его здоровья, а самому вести жизнь, противорѣчащую всѣмъ требованіямъ гигіены.

М. И. Покровская, женщина-врачъ. Какъ я была городскимъ врачемъ для бѣдныхъ. (Изъ воспоминяній женщины-врача). Спб., 1903.

Учитель словесности, вѣроятно, затруднился бы отвѣтить на вопросъ: къ какому роду литературныхъ произведеній слѣдуетъ отнести сочиненіе г-жи Покровской? Судя по тому, что главное дѣйствующее лицо, отъ котораго ведется разсказъ, называется Еленой Павловной Дубровиной, это какъ будто не похоже на *личныя* воспоминанія автора; а по тому, какъ ведется разсказъ и какъ передаются факты, воспоминанія эти не похожи и на выдумку, т. е. на разсказъ или повѣсть. Женщина-врачъ, Елена Павловна Дубровина, только что окончившая женскіе врачебные курсы (при Николаевскомъ госпиталѣ), отправляется служить городскимъ врачемъ въ городъ X. Служба ея состоитъ въ томъ, что она принимаетъ въ городской амбулаторіи приходящихъ больныхъ и, кромѣ того, по собственному уже желанію посѣщаетъ бѣдныхъ больныхъ на дому безплатно. Къ обязанностямъ своимъ она относится добросовѣстно, и это-то добросовѣстное отношеніе къ бѣднымъ больнымъ возбуждаетъ негодованіе двухъ ея коллегъ-мужчинъ, Шубина и Френкеля, которые начинаютъ распространять про нее разные неблагопріятные слухи. Въ этомъ имъ помогаетъ и фельдшеръ, помощникъ Елены Павловны. Въ концѣ концовъ она, послѣ ухода со службы симпатизировавшаго ея дѣятельности городского головы, тоже принуждена оставить свою

службу въ городѣ X. Таковы внѣшнія условія городской службы женщины-врача. Не многимъ лучше и внутреннее ея состояніе. Сперва она испытываетъ тяжелое разочарованіе въ своей прежней, студенческой вѣрѣ въ лѣкарства, потомъ приходитъ къ заключенію, что и вообще медицина учитъ не тому, чему надо учить; профессорамъ слѣдовало толковать не столько о пользѣ лѣкарства, сколько о необходимости перемѣнъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ живетъ городская и деревенская бѣднота.

Общее впечатлѣніе отъ книжки, можно сказать, самое вересаевское (не беря, конечно, въ разсчетъ авторскаго таланта). Медицина безсильна въ борьбѣ съ болѣзнями, а служители ея или дѣлаются черствыми, безсердечными эгоистами („практика разрушаетъ у врачей лучшія человѣческія чувства... они становятся равнодушными къ человѣческимъ страданіямъ и способными приносить своихъ ближнихъ въ жертву грубымъ матеріальнымъ соображеніямъ"), или, чувствуя свое безсиліе, сходятъ съ арены общественной дѣятельности, какъ авторъ воспоминаній или описываемый имъ земскій врачъ, Михайловъ, который говоритъ: „Довольно съ меня земской медицины, довольно этой безтолковой хлопотни. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ моей жизни я на нее потратилъ. И ничего она мнѣ не дала, кромѣ самаго безпощаднаго разочарованія и сознанія своей ненужности". Ни одного свѣтлаго штриха, ни одного добраго слова о медицинѣ. „Вы говорите, что людямъ свойственно искать облегченія отъ своихъ страданій, а врачи доставляютъ имъ это. Но я въ послѣднемъ сомнѣваюсь и думаю, что гораздо чаще мы эти страданія увеличиваемъ и даже создаемъ", заявляетъ Елена Павловна. „Если бѣдный больной попадаетъ въ больницу," говоритъ она далѣе, „то онъ становится объектомъ самыхъ разнообразныхъ опытовъ, за которые ему нерѣдко приходится расплачиваться не только здоровьемъ, но и жизнью". То-есть, такіе Елена Павловна про врачей ужасы разсказываетъ, что читатель просто ума не приложитъ, да какъ же этимъ злодѣямъ жить позволяютъ, и въ то же время въ умѣ его невольно зарождается сомнѣніе, ужъ не имѣла ли, на самомъ дѣлѣ, нѣкоторое основаніе та характеристика, которую далъ Еленѣ Павловнѣ ея коллега Шубинъ: „Вотъ наша докторша. Что она знаетъ? Только понюхала медицину, нахваталась верхушекъ, а ужъ критикуетъ науку, говоритъ, что она пользы настоящей не приноситъ. Лучше бы ужъ молчала"...

Пругавинъ, А. С. Старообрядческіе архіереи въ суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб., 1903.

Брошюра г. Пругавина представляетъ собой сухой пересказъ нѣсколькихъ архивныхъ „дѣлъ" о раскольничьихъ іерархахъ,

томившихся въ одиночномъ заключеніи въ арестантскомъ отдѣленіи крѣпости Спасо-Евфиміева монастыря въ гор. Суздалѣ. Выписки изъ отношеній, предписаній, отпусковъ, квитанцій, предложеній и другихъ скучныхъ бумагъ за N, написанныхъ по обыкновенію варварскимъ канцелярскимъ слогомъ... Но читателю не много нужно воображенія, чтобы представить себѣ все то ненужное горе и мало заслуженное страданіе, которымъ подвергались несчастные узники въ суровомъ заточеньи монастырскаго каземата. Вина этихъ четырехъ старообрядческихъ епископовъ, Алимпія, Аркадія, Конона и Геннадія, заключалась, насколько видно изъ „дѣлъ", въ томъ, что они именовались архіереями. Особенно замѣчательна судьба Конона: онъ провелъ въ одиночномъ заключеніи 23 года, при чемъ первые восемь лѣтъ сидѣлъ въ подвалѣ. Заключенъ онъ былъ въ 1858 году, въ возрастѣ 60 лѣтъ, и выпущенъ изъ монастыря въ сентябрѣ 1881 года. Что здѣсь болѣе удивительно: необычайная ли суровость мѣры наказанія, непредусмотрѣннаго никакими законоположеніями, или нравственная стойкость человѣка, которому достаточно было сказать одно слово, чтобы быть сейчасъ же освобожденнымъ и получить еще „многія льготы и милости"? Какимъ средневѣковьемъ дышатъ подобные факты! Какъ не хочется вѣрить, что мы были ихъ современниками!..

Интересна отмѣчаемая г. Пругавинымъ черта, что освободительная эпоха великихъ реформъ нисколько не отразилась на положеніи суздальскихъ узниковъ, какъ вообще

реформы не коснулись цѣлой области народно-общественной жизни—области вѣры и религіозныхъ убѣжденій русскихъ людей. Благодаря этому, тѣ крайне тяжелыя общественныя условія, среди которыхъ приходилось жить многимъ милліонамъ нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ, очень мало измѣнились къ лучшему, такъ какъ попрежнему имъ постоянно приходилось испытывать разнаго рода стѣсненія и преслѣдованія. И хотя эти преслѣдованія не носили уже того ожесточеннаго и систематическаго характера, какимъ они отличались въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, но, тѣмъ не менѣе, и теперь продолжали практиковаться такія мѣры, какъ «ловля» старообрядческихъ епископовъ, священниковъ и наставниковъ, ихъ арестъ и заточеніе въ монастыри и т. п.

Все, чѣмъ сказалось здѣсь гуманное вѣяніе царствованія Александра II, выразилось только въ томъ, что въ предписаніяхъ о старообрядческихъ епископахъ рекомендовалось дѣлать *кроткія* увѣщанія, а раньше предписывалось производить увѣщанія, „но какъ, какимъ образомъ, ничего не говорилось".

Скудость монастырскаго архива не даетъ разъясненія, чѣмъ собственно было вызвано освобожденіе старообрядческихъ епископовъ въ 1881 году. Въ видѣ предположенія г. Пругавинъ высказываетъ мнѣніе, что ближайшимъ поводомъ къ этому могла быть статья „Голоса", въ которой была разсказана печальная судьба тихъ епископовъ и выражалась надежда на ихъ скорое осво-

божденіе. Статья эта произвела въ свое время сильное впечатлѣніе на русское общество и вызвала пріостановку газеты. Насколько вѣрно это предположеніе, неизвѣстно, но хотѣлось бы вѣрить, что это дѣйствительно такъ, что печатное слово можетъ служить у насъ такую добрую службу...

Городская медицина въ Европейской Россіи. Сборникъ свѣдѣній объ устройствѣ врачебно-санитарной части въ городахъ. Обработано для печати **А. А. Чертовымъ**. Изданіе общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М. 1903.

Эта книга не вполнѣ заслуженно носитъ такой громкій титулъ. Тотъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться по ней съ положеніемъ общественной медицины въ русскихъ городахъ, мало вынесетъ изъ ея просмотра. Единственно, что онъ можетъ узнать, это то, что городская медицина въ Россіи не процвѣтаетъ. Но эта истина настолько общеизвѣстна, что не нуждается въ доказательствахъ и можетъ быть принята за аксіому. Гораздо интереснѣе самой книги ея собственная исторія. Это очень длинная исторія. Четыре слишкомъ года вырабатывалась одна программа собиранія свѣдѣній о городской медицинѣ. Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ эти свѣдѣнія собирали. Потомъ годъ приводили полученный матеріалъ „въ однообразный и подготовленный видъ". Наконецъ, два года назадъ весь подготовленный матеріалъ былъ переданъ санитарному врачу города Москвы А. А. Чертову, вмѣстѣ съ планомъ изданія, который, однако, „послѣ коллегіальнаго обсужденія вопроса рѣшено было кореннымъ образомъ измѣнить, придавъ ему (изданію) видъ „Сборника" чисто, такъ сказать, сырыхъ фактическихъ свѣдѣній по каждому городу отдѣльно, безъ всякихъ сводокъ и обобщеній". Въ концѣ-концовъ для читателя не вполнѣ ясно, въ чемъ же заключалась „обработка для печати", произведенная д-ромъ Чертовымъ. Не имѣя въ рукахъ подлиннаго матеріала, трудно, конечно, судить, насколько этотъ матеріалъ исчерпанъ, но что пропуски при обработкѣ могли быть, объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., то, что въ алфавитномъ перечнѣ по губерніямъ лицъ и учрежденій, доставившихъ свѣдѣнія, пропущены губерніи Вятская, Гродненская, Лифляндская и Рязанская. И выходитъ по перечню, что свѣдѣнія доставлены изъ 37 губерній, а по тексту изъ 41.

Въ общемъ, свѣдѣнія присланы изъ 258 городовъ, „что составляетъ лишь 54% общаго числа городовъ, къ которымъ обращена была правленіемъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова неоднократная просьба о доставкѣ свѣдѣній". Дѣло идетъ не о какихъ-нибудь медвѣжьихъ углахъ, вродѣ Чухломы или Царевококшайска, которые почему-то всегда такъ легки на поминѣ, когда заговариваютъ о медвѣжьихъ углахъ. Чухлома

и Царевококшайскъ какъ разъ свѣдѣнія и прислали, а не прислали такіе города, какъ Казань, Тула, Вятка, Иваново-Вознесенскъ, Рязань, Вильна, Астрахань и др., во главѣ со столицей Россіи и центромъ русскаго просвѣщенія С.-Петербургомъ. Въ петербургскую управу и санитарную коммиссію три раза обращались съ просьбой о высылкѣ свѣдѣній, и отвѣта не удостоились.

Большинство городовъ не имѣетъ собственной медицинской организаціи и несетъ очень ограниченные расходы на общественную медицину. Нѣкоторые города и совсѣмъ ничего не расходуютъ, другіе ограничиваются выдачей жалованья правительственному городовому врачу, каковая повинность является для нихъ обязательной въ размѣрѣ „штатнаго“ содержанія 200 р. 5 к. По произведенному нами подсчету относительно 117 уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ земскихъ губерній, по которымъ въ „Сборникѣ“ показаны размѣры ассигновокъ на 1897 годъ, видно, что изъ общаго бюджета этихъ городовъ въ 4,727.191 р. $48^3/_4$ к. на медицинскую часть было ассигновано 221,368 р. 31 к., что равно 4,7% (противъ 25—30% соотвѣтственныхъ земскихъ ассигновокъ). По другому подсчету касательно этихъ же 117 городовъ и 51 города (тоже земскихъ губерній), гдѣ указаны ассигновки только на одну медицинскую часть, съ общимъ населеніемъ всѣхъ 158 городовъ въ 1.695.779 чел., выходитъ, что средній ежегодный расходъ на городского жителя равняется по ассигновкѣ 16 коп. съ дробью. Если эта цифра близка къ дѣйствительности, то ее нельзя назвать абсолютно малой. Расходъ на душу населенія (по переписи 1897 года) по земскимъ губерніямъ равнялся 29,2 коп., а по 13 неземскимъ губерніямъ 9,7 коп. *). Непонятно, почему составители программы въ графѣ расходовъ помѣстили вопросъ объ ассигновкахъ, а не о дѣйствительно произведенныхъ расходахъ. Положимъ, какъ видно по результатамъ, толкъ вышелъ бы тотъ же. Въ частности, пользуясь такими книгохранилищами, какъ Румянцевскій музей или Публичная библіотека, городскія смѣтныя назначенія на любой годъ можно было при желаніи выбрать изъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, въ оффиціальной части которыхъ городскія и земскія смѣты печатаются обязательно.

Давая недавно отзывъ о книгахъ по гигіенѣ („Р. Б.“, августъ), мы указывали на малую ознакомленность нашего общества съ санитарными вопросами. Подтвержденіе этой мысли можно найти и въ разбираемомъ сейчасъ „Сборникѣ“. Приведемъ нѣкоторыя выдержки. Городской староста изъ Сухиничъ, Козельскаго уѣзда, пишетъ: „относительно санитарной части особыхъ постановленій

---

*) Голубевъ, П. А. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Вятка. 1901., стр. 47.

для города не производилось, а также и мѣръ не принималось, *за непредставленіемъ въ томъ надобности*". Счастливый уголокъ! Но это не одно такое благополучное мѣсто. Въ городѣ Красноборскѣ, Сольвычегодскаго уѣзда, „эпидемій не бывало". Въ Тетюшахъ, Казанской губерніи „эпидемическихъ болѣзней, благодаря прекрасному мѣстоположенію, почти не бываетъ", и по этой причинѣ никакихъ ассигновокъ на борьбу съ эпидеміями никогда, даже въ холерный годъ, не производилось. А между тѣмъ, прекрасное мѣстоположеніе не мѣшаетъ тому, чтобы въ этомъ городѣ смертность превышала обще-русскую (34,4°/₀ и 31,5°/₀ въ 1897 г.) и чтобы въ періодъ 1887—1896 годовъ, четыре года, былъ перевѣсъ смертности надъ рождаемостью („Санитарное состояніе городовъ Россійской Имперіи". Изд. мед. деп. 1898).

Мелкая земская единица. Сборн. статей. Второе изд., переработан. и дополненное. Изд. **кн. Д. Н. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского**, при участіи редакц. изд. «Право». Спб., 1903 г.

Мелкая земская единица въ 1902 и 1903 гг. Сборн. статей. Выпускъ второй. Изд. **кн. Д. Н. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского**, при участіи редакц. изд. «Право». Спб., 1903 г.

Второе изданіе извѣстнаго сборника о мелкой земской единицѣ дополнено статьями: Н. Е. Кудрина („Французская коммуна"), В. М. Гессена („Сельск. общ. и волости въ труд. коммис. ст.-секр. Каханова"), первоначально появившимися въ „Русскомъ Богатствѣ", и статьей О. Солнердаля: „Мѣстное самоуправленіе въ Норвегіи". Изъ прежнихъ частью дополнены, частью переработаны статьи П. Г. Виноградова, І. В. Гессена (воспользовавшагося вновь доставленными матеріалами) и И. М. Страховскаго. У послѣдняго, между прочимъ, теперь мы не находимъ уже столь категорически и безусловно выраженнаго безнадежнаго взгляда на волость, какъ на совершенно, будто бы, ни для какой реформы не пригодное основаніе: крайне спорный по существу такой взглядъ на волость являлся бросающейся въ глаза шероховатостью въ трудѣ, конечной цѣлью котораго, несомнѣнно, служитъ всесословная волость. Кромѣ только что указанныхъ измѣненій и дополненій, во второмъ изданіи сборника перепечатана первоначально появившаяся въ „Голосѣ" статья А. Д. Градовскаго: „Всесословная мелкая единица". Написанная болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, статья покойнаго государствовѣда, признающаго организацію всесословной единицы „самою коренною изъ нашихъ административныхъ реформъ", не только, какъ справедливо замѣчаетъ редакція сборника, „не утратила интереса современности, но и до сихъ поръ остается исходнымъ пунктомъ всѣхъ сужденій по разсматриваемому вопросу". Статья эта получаетъ особенный смыслъ и значеніе, если поставить ее въ связь съ общими взглядами

Градовскаго на самоуправленіе, на его несомнѣнное политическое значеніе, наконецъ, на ту роль, которая принадлежитъ ему, какъ средству для „преобразованія общаго типа государства сообразно новымъ потребностямъ“. Можно особенно пожалѣть о томъ, что перепечатка статьи не сопровождается обстоятельнымъ разъясненіемъ этой связи для читателей, незнакомыхъ съ трудами Градовскаго (а таковыхъ среди читателей сборника будетъ едвали не большинство). Впрочемъ, этотъ пробѣлъ частью восполняется въ статьѣ Г. И. Шрейдера („Мелкая земская единица въ условіяхъ русской жизни“), открывающей собою одновременно вышедшій первымъ изданіемъ второй выпускъ сборника. Цѣли и назначеніе послѣдняго выпуска достаточно опредѣляются уже той задачей, которую ставитъ себѣ авторъ только что названной вводной статьи, именно: дать реальный образъ мелкой единицы, вмѣсто того неопредѣльнаго, безформеннаго, туманнаго пятна, какимъ она обыкновенно рисуется даже въ представленіи своихъ сторонниковъ, слѣдовательно, свести споръ о ней на единственно плодотворную конкретную почву и, такимъ образомъ, посильно содѣйствовать устраненію недоразумѣній и неясностей, отягощающихъ вопросъ о мелкой единицѣ. Соотвѣтственно такой задачѣ, дѣлается прежде всего попытка болѣе или менѣе подробно выяснить, въ какой мѣрѣ необходимость въ мелкой земской единицѣ обусловливается запросами разныхъ группъ и слоевъ сельскаго населенія, интересами и нуждами мѣстнаго хозяйства и потребностью повиснувшаго надъ бездною земства въ прочномъ фундаментѣ. Затѣмъ, выясняется въ общихъ чертахъ, что можетъ принести съ собою мелкая единица, чтó „способна она дать мѣстности, земству, народу, государству, каково будетъ ея хозяйственное, культурное, соціально-политическое значеніе“. Между прочимъ, становясь на указанную точку зрѣнія А. Д. Градовскаго, г. Шрейдеръ признаетъ за мелкой земской единицей роль „момента, необходимо предопредѣляющаго рядъ коренныхъ общихъ реформъ, дѣлающаго ихъ логически неизбѣжными и въ тоже время создающаго почву для прочнаго ихъ обоснованія“ (69). Авторъ ссылается при этомъ на классическій примѣръ англійскаго мѣстнаго самоуправленія, гдѣ изъ мелкихъ самоуправляющихся единицъ „безъ всякаго потрясенія, — нѣкоторымъ образомъ силою правильнаго и постояннаго роста возникло наиболѣе славное изъ представительныхъ собраній міра“ (70). Въ заключеніе намѣчаются въ вводной статьѣ основныя черты организацій мелкой единицы, при чемъ въ основу изложенія положенъ проектъ, выработанный группою земскихъ людей, совмѣстно съ авторомъ и I. В. Гессеномъ, спеціально для цѣлей сборника. Какъ и естественно было ожидать по общему характеру сборника, мелкая земская единица предполагается тутъ въ формѣ *волостного* земства. Предла-

гаемая избирательная система является гигантскимъ шагомъ впередъ сравнительно съ существующими земскими проектами. Всѣмъ обоего пола плательщикамъ волостного земскаго сбора предоставляется прямое и непосредственное, активное и пассивное избирательное право. Какое бы то ни было (кромѣ территоріальнаго) дѣленіе избирателей на куріи, классы и разряды исключается; всѣ голосуютъ совмѣстно, „всѣ голоса равны другъ другу, имѣютъ одинаковой вѣсъ и одинаковое значеніе". Интересы же меньшинства обезпечиваются системою пропорціональныхъ выборовъ.

Второй капитальной статьей второго выпуска является обстоятельно и интересно составленный С. М. Блекловымъ обзоръ: „вопросъ о мелкой земской единицѣ въ земскихъ собраніяхъ, комитетахъ о сельскохозяйственной промышленности и общественныхъ собраніяхъ за 1902 и начало 1903 года". Нужно думать, что въ этомъ обзорѣ—и не безъ основанія—наибольшее вниманіе читателей привлекутъ къ себѣ части, касающіяся сельско-хозяйственныхъ комитетовъ; тутъ же имѣемъ первую попытку подведенія итоговъ дѣятельности комитетовъ по вопросу наиболѣе злободневному, открывавшему комитетамъ возможность заявить себя съ наиболѣе характерной стороны. И, повидимому, по мѣрѣ силъ они этой возможностью воспользовались. Высказываясь за мелкую единицу, они вмѣстѣ съ тѣмъ признавали необходимымъ участіе въ выработкѣ ея организаціи выборныхъ земскимъ представителей. Какъ вообще широко при этомъ ставился вопросъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ приводимыхъ г. Блекловымъ словъ Г. М. Линтварева: „Правительство наше, стремясь ознакомиться съ частными нуждами той или иной отрасли промышленности, или желая предоставить людямъ одной профессіи или однихъ и тѣхъ же интересовъ столковаться насчетъ общихъ взглядовъ, все чаще и чаще разрѣшаетъ или само созываетъ различные съѣзды. Можно-ли признать, что мѣстныя нужды менѣе значительны? Вотъ отчего мы должны уповать, что правительство не откажетъ собрать и выборныхъ земскихъ людей, которымъ были бы вѣдомы народныя „нужи и тѣсноты, и раззоренія, и всякіе недостатки", которые были бы уполномочены мѣстными людьми разсказать правительству про то, „какъ государству подняться" и что сдѣлать, „чтобы всѣ пришли въ достоинство" (155).

Обзоръ положенія вопроса о мелкой единицѣ въ литературѣ (апрѣль 1092 г.—іюль 1903) составленъ во второмъ выпускѣ сборника М. Ипполитовымъ. Здѣсь мы особенно рекомендовали бы читателю вторую главу, посвященную „приходскому" вопросу. Авторъ констатируетъ, что въ этомъ вопросѣ, какъ онъ обсуждается въ печати, существуетъ чрезвычайное смѣшеніе понятій; путаница словесная идетъ рядомъ съ путаницей идейной.

Г. Ипполитовъ резонно стоитъ на томъ, что приходскій вопросъ—вопросъ церковно-кононическій, по существу не имѣющій прямого отношенія къ вопросу о низшей единицѣ *общественнаго* свѣтскаго самоуправленія. Такъ смотрѣли и Ив. Аксаковъ, Самаринъ и др. Тѣмъ не менѣе, именно славянофилы кажутся г. Ипполитову „невольными родоначальниками" современныхъ неудачныхъ и сомнительныхъ приходскихъ проектовъ. „Дѣло въ томъ,—поясняетъ онъ,—что форма церковнаго управленія, которую предлагали славянофилы, выставлялась, какъ проявленіе начала земскаго, народнаго, самоуправляющагося, въ противовѣсъ централизующему бюрократическому. Земщина—понятіе для славянофиловъ широкое и любимое: въ немъ объединяются у нихъ самыя разнообразныя явленія. Отсюда и постоянное обозначеніе прихода, какъ единицы церковно-*земской*, общественной, отсюда и возможность смѣшенія ея функцій съ тѣми, которыя должна имѣть единица того же порядка, въ смыслѣ состава и территоріи, въ дѣлахъ земскаго управленія" (208). Заканчивается второй выпускъ сборника составленнымъ І. В. Гессеномъ сводным проектомъ организаціи мелкой земской единицы. Въ соединеніи съ проектомъ, изложеннымъ въ упомянутой вводной статьѣ, трудъ г. Гессена и составляетъ главнымъ образомъ то, что придаетъ второму выпуску огромное практическое значеніе, существенно отличая его отъ перваго выпуска: вопросъ, который тамъ чрезвычайно широко ставится, здѣсь соотвѣтственно широко разрѣшается примѣнительно къ условіямъ русской жизни. Это дѣлаетъ второй выпускъ сборника особенно цѣннымъ для земскихъ людей и для всѣхъ тѣхъ, кому необходимость мелкой единицы уже вполнѣ очевидна, но недостаточно ясны пока пути, способы и средства для наилучшаго ея осуществленія.

Отмѣтимъ еще, что въ приложеніи ко второму выпуску сборника весьма кстати перепечатанъ полностью указъ 1-го департамента Прав. Сената отъ 26 августа 1903 года, за № 7039, о предѣлахъ компетенціи земства въ обсужденіи вопроса о мелкой земской единицѣ. Рѣшеніемъ сената по жалобѣ Рязанскаго губернскаго земства на мѣстнаго губернатора, нужно надѣяться, наконецъ, положенъ предѣлъ тому противодѣйствію, какое оказывали предсѣдатели земскихъ собраній и мѣстная администрація обсужденію вопроса уѣздными губернскими земствами. Разсмотрѣть этотъ вопросъ и проектировать мелкую единицу, соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ, составляетъ неотъемлемое право земства, вытекающее изъ возложенной на него заботы о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. И сборникъ, давая готовую схему организаціи мелкой единицы, безъ сомнѣнія, чрезвычайно облегчитъ земцамъ возможно скорѣйшее и наиболѣе полное осуществленіе этого признаннаго за ними права.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***Генриха Ибсена.*** Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе С. Скирмунта. Т. V. М. 1903. Ц. 1 р. 20 к.

Сочиненія ***И. Н. Потапенко.*** Т. I и II. 3-е изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50 к. за томъ, съ перес. 1 р. 75 к.

В. Ѳ. Саводникъ. Новыя стихотворенія. М. 1903. Ц. 60 к.

Покрывало Беатриче. Драма въ 5 актахъ ***Артура Шницлера.*** Перевелъ Михаилъ Свободинъ. Изданіе книгоиздательства «Жизнь». М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Изабелла Гриневская. Бабъ. Драматическая поэма изъ исторіи Персіи. Въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Углекопы. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ ***Маріи Делле-Граціе.*** Переводъ съ нѣм. Э. Г. Изданіе Э. А. Головкиной. Харьковъ. 1903. Ц. 50 к.

Федоръ Фальковскій. Пробужденіе. Драма-сказка въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903.

Д. Ведребисели (Д. К. Маліева). «Нетронутый уголокъ». Грузинскіе разсказы. Т. I. Изданій М. Д. Орѣхова. Т. I. Спб. 1903. Ц. 1 р.

О. Н. Ольнемъ. Очерки и разсказы. Изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Вольный. Разсказы. Спб. 1903. Ц. 80 к.

М. С. Серафимовъ. У синяго моря. Разсказы. М. 1904. Ц. 60 к.

Библіотека армянскихъ писателей. № 1. ***А. Агаронянъ.*** Башо. Переводъ К. Меликъ-Каракозова. Тифлисъ. 1903. Ц. 20 к.

Борисъ Лазаревскій. Повѣсти и разсказы. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Іонасъ Ли. Дочери командора. Романъ. Переводъ съ норвеж. М. П. Благовѣщенской. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Н. Бернардъ. За маму, за папу. Картинки изъ дѣтской жизни. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1903. ***Г. И. Успенскій.*** Отцы и дѣти. Ц. 10 к.—Пришло на память. Ц. 10 к. — Богъ грѣхамъ терпитъ. Ц. 10 к.—Невидимки: Слѣпой пѣвецъ. Чуткое сердце. Ц. 10 к. — Идиллія. Обстановочка. Невидимка Авдотья. Ц. 10 к.

И. Коцюбинськый. Оповидання. Т. I. Кыивъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

М. Левицькый и ***І. Поповъ.*** Въ клуни. Жартъ въ одній діи. Кіевъ. 1903. Ц. 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповидання. Кыивъ. 1903. Ц. 2 к.

Мордовець Даныло. Старци. Дзвонарь. Оповидання. Кыивъ. 1903. Ц. 4 к.

Фридрихъ Ницше. Такъ говорилъ Заратустра. Переводъ Ю. М. Антоновскаго. 2-е изданіе. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. ***Г. Геффдингъ.*** Философія религіи. Переводъ съ нѣм. В. Базарова и П. Степанова. Изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямъ Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи. Переводъ съ англ. С. И. Церетели. Изданіе М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Переводъ съ нѣм. С. Штейнберга. Изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб. 1904. Ц. 80 к.

Разысканія истины ***Николая Мальбранша.*** Переводъ съ франц. Е. Б. Смѣловой. подъ редакціей Э. Л. Радлова. Изданіе К. Л. Риттера. Т. I. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Н. А. Полетаевъ. Что такое философія и гдѣ ея предѣлы? Спб. 1903.

Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ Проф. ***Г. Челпанова.*** 2-е издані. редакціи «Міра Божія». Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Научно-образовательная библіотека. Серія первоначальныхъ курсовъ. М.

1902. ***Гексли***. Введеніе въ науку. Переводъ Д. Кашкарова, подъ ред. Н. К. Кольцова. Ц. 20 к. — ***Роско.*** Химія. Съ 31 рис. Переводъ подъ ред. С. Г. Крапивина Ц. 25 к.

С. А. Меликъ-Сарнисовъ. Ферганское землетрясеніе 3 дек. 1902 года. М. 1903.

Опыты библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы. Составилъ ***Сергѣй Бертенсонъ*** (Отдѣльный оттискъ изъ «Литературнаго Вѣстника»). Спб. 1903.

В. Зелинскій. М. 1903. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Часть I. 3-е изданіе. Ц. 1 р.—Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Часть I. 3-е изданіе. Ц. 1 р.—Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Часть I. 3-е изданіе. Ц. 1 р.—Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Часть III. 2-е изданіе. Ц. 1 р.—Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. II, часть I. Ц. 2 р.—Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Часть III, 2-е изданіе. Ц. 1 р.— М. 1904. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Часть I, 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Кн. Н. Д. Урусовъ. Безсильные люди въ изображеніи Леонида Андреева. Критическій этюдъ. Спб. 1903.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго о-ва грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. 1. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

Д-ръ ***Георгъ Еллинекъ***. Право современнаго государства. Общее ученіе о государствѣ. Переводъ подъ редакціей В. М. Гессена и Л. В. Шалланда. Спб. 1903. Ц. 3 р.

В. Ф. Залѣсскій. Лекціи энциклопедіи права. Казань. 1903. Ц. 2 р.

Проф. ***П. Казанскій.*** Возрожденіе изученія права въ русскихъ университетахъ. Одесса. 1903.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Перевелъ М. П. Литвиновъ. Т. II. Съ планомъ г. Рима въ эпоху императоровъ и 83 иллюстраціями. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Т. V. 2-е изданіе. Спб. 1903. Ц. 5 р.

Мелкая земская единица. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского. Сборникъ статей, 2-е изданіе. Ц. 2 р. 50 к. — Выпускъ второй. Ц. 1 р. 50 к.

М. О. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. М. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Премія къ «Вѣстнику и Библіотекѣ самообразованія» на 1903 годъ. Изданіе Брокгауза-Ефрона.

Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. ***Альберта Метена***. Переводъ Л. Н. Никифорова. Изданіе В. Нѣмчинова. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

А. Амфитеатровъ. Въ моихъ скитаніяхъ. Спб. 1903. Ц. 1 р.—Страна раздора. Балканскія впечатлѣнія. Спб. 1903. Ц. 1 р.—Женское настроеніе. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Эдуардъ Карпентеръ. О бракѣ. Переводъ съ англ. М. И. Брусяниной. Спб. 1904. Ц. 25 к.

А. Елистратовъ. О прикрѣпленіи женщины къ проституціи (Врачебно-полицейскій надзоръ). Казань. 1903. Ц. 2 р.

Д-ръ ***М. Е. Ліонъ***. Половая жизнь человѣка. Общедоступныя чтенія въ самарскомъ домѣ трудолюбія. Изданіе «Медицинскаго журнала» д-ра Окса. Спб. 1903. Ц. 40 к.

А. А. Цвѣтковъ. Къ вопросу о массовомъ онанизмѣ въ школахъ. Красноярскъ. 1903.

Д-ръ мед. ***А. Молль.*** Врачебная этика. Обязанности врача во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности. Для врачей и публики. Перевелъ съ нѣм., обработалъ и снабдилъ примѣчаніями д-ръ мед. Я. И. Левенсонъ. Съ приложеніемъ статьи М. С. Уварова о положеніи общественной медицины въ Россіи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Д-ръ мед. ***Анна Фишеръ-Дюкельманъ.*** Женщина — домашній врачъ. Настольная книга для женщинъ. Значительно дополненный переводъ съ нѣм. подъ редакціей д-ра мед. I. А. Литинскаго. Съ 463 рис. въ текстѣ, 96 рис. на отдѣльныхъ таблицахъ и портретомъ автора. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Николай Харузинъ. Этнографія. Посмертное изданіе подъ редакціей В. Харузиной. Вып. III. Собственность и первобытное государство. Спб. 1903. Ц. 2 р.

I. М. Гольдштейнъ. Проблемы населенія во Франціи. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского. Клинскаго и Московскаго

уѣздовъ. Сообщилъ ***В. Чернышевъ.*** Спб. 1903.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1902 по 1 октября 1903 г. Подъ редакціей А. І. Степовича. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р.

Высшее учебное заведеніе въ г. Ярославлѣ имени Демидова въ первый вѣкъ его образованія и дѣятельности. Историческій очеркъ проф. ***В. Г. Щеглова.*** Ярославль. 1903.

Столѣтіе училища имени Демидова. Рѣчь ***С. М. Шпилевскаго.*** Ярославль. 1903.

Школьная библіотека. Новое изданіе для дѣтей школьнаго возраста. Подъ редакціей Вл. Львова. М. 1903. Юдикъ. Изъ жизни самоѣдовъ на Новой Землѣ. Разсказъ ***К. Д. Носилова.*** Съ 8 рис. Ц. 15 к.—Опзи и Олесъ. Разсказъ изъ жизни лопарей ***В. Н. Харузиной.*** Съ 5 рис. Ц. 15 к.—Бѣлки и бѣличій промыселъ. Очеркъ ***Василія Львова.*** Съ 4 рис. Ц. 10 к.—Каменный уголь, какъ его добываютъ и какъ онъ образовался. Составилъ ***Вл. Львовъ.*** Съ 18 рис. Ц. 20 к.—Медвѣдь и медвѣжій промыселъ въ Россіи. Очеркъ ***Василія Львова.*** Съ 5 рис. Ц. 15 к.

Лѣсъ и безлѣсье. Чтеніе для школъ и народа. ***А. С. Смиренномудренскій.*** Саратовъ. 1902. Ц. 8 к.

Н. Березинъ. Три кругосвѣтныхъ плаванія Джемса Кука. Съ 23 рис. въ текстѣ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Указатель къ «Олонецкимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» за 1795—1900 гг. Составленъ ***К. С. Еремѣевымъ,*** подъ редакціей С. А. Левитскаго. Петрозаводскъ. 1902.

Объяснительная записка тверской губернской земской управы къ страховому отдѣлу на ярославской областной выставкѣ сѣвернаго края. Тверь. 1903.

Нѣкоторыя данныя объ урожаѣ 1903 г. въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губ. Тверь. 1903.

М. В. Кечеджи-Шаповаловъ. Міровой рынокъ. Публичная лекція въ аудиторіи частныхъ с.-петербургскихъ счетоводныхъ курсовъ. Спб. 1903. Ц. 25 к.

Отчеты санитарныхъ врачей с.-петербургскаго губернскаго земства за 1901 г. Спб. 1903.

Отчетъ о дѣятельности педагогическаго о-ва, состоящаго при Московскомъ университетѣ, за 1901—1902 годъ. М. 1003.

Отчетъ одесской городской управы за 1902 годъ по народному образованію. Одесса. 1903.

Литература и жизнь.

Запоздалые счеты съ г. Батюшковымъ.—О Ѳомѣ и Еремѣ.—Изъ воспоминаній о героическихъ временахъ символизма.—Запоздалые счеты съ г. Мережковскимъ. — Литературный фондъ и «Гражданинъ». — Два слова о книгѣ К. К. Арсеньева.

Въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Богатства" я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о пьесѣ г. Горькаго „На днѣ". Въ іюньской книжкѣ „Міра Божія" г. Батюшковъ представилъ нѣсколько возраженій на мои мнѣнія объ этомъ произведеніи. По обстоятельствамъ, для читателя не интереснымъ, я очень поздно познакомился съ этими возраженіями, но считаю нужнымъ представить свое запоздалое объясненіе.

Г. Батюшковъ видѣлъ пьесу г. Горькаго въ Москвѣ, на сценѣ Художественнаго театра, еще до появленія ея въ печати (русской,—по-нѣмецки она была напечатана раньше), и пришелъ какъ

отъ самой пьесы, такъ и отъ ея исполненія въ восторгъ, который и изложилъ въ январьской книжкѣ „Міра Божія“. Онъ такъ началъ это изложеніе: „Видѣть новую пьесу М. Горькаго и притомъ въ образцовомъ исполненіи артистовъ Московскаго Художественнаго театра представляется настолько заманчивымъ для всякаго, интересующагося современной сценой, что можно ради этого преодолѣть даже пресловутое петербургское „некогда“ и совершить спеціальную поѣздку въ Москву съ указанной цѣлью“. Такимъ образомъ, онъ ѣхалъ съ предвзятою мыслью объ ожидающемъ его наслажденіи—и получилъ его въ полной мѣрѣ. Могло бы, конечно, быть и иначе: подобныя ожиданія иногда разрѣшаются разочарованіемъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ выше было ожидаемое наслажденіе. Съ г. Батюшковымъ этого не случилось, и онъ счелъ себя вправѣ окончить свои январьскія „Театральныя замѣтки“ слѣдующими словами: „Оказанныя всей труппѣ, артистамъ и режиссерамъ оваціи на первомъ представленіи пьесы, и полный, вполнѣ заслуженный тріумфъ автора достаточно свидѣтельствуютъ сами по себѣ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ его новое, прекрасное произведеніе“.

Вотъ мысль, съ которою я позволю себѣ не согласиться: оваціи и тріумфы, конечно, свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи, которое пьеса *произвела* при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, но еще ничего не говорятъ о томъ, какое она *производитъ*. Для отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ одного опыта немножко мало, и г. Батюшкову пришлось очень скоро убѣдиться въ этомъ. „Настоящій праздникъ искусства и человѣчности“, какъ характеризовалъ онъ „незабвенный вечеръ“ перваго представленія пьесы въ Москвѣ,—въ Петербургѣ былъ скорѣе похожъ на сѣрые будни, особенно если принять въ соображеніе тотъ интересъ, который и въ Петербургѣ возбуждаютъ къ себѣ какъ самъ г. Горькій, такъ и Московскій Художественный театръ. Крики публики „довольно!“, перебившіе отчаянные вопли обваренной Наташи, были мало похожи на тріумфы и оваціи, хотя и свидѣтельствовали о силѣ произведеннаго впечатлѣнія. А за исключеніемъ этого эпизода, не повторявшагося, впрочемъ, въ послѣдующія представленія, петербургская публика встрѣтила пьесу довольно холодно, во всякомъ случаѣ, гораздо холоднѣе, чѣмъ московская и чѣмъ та-же петербургская публика встрѣчала другія произведенія въ исполненіи труппы Московскаго Художественнаго театра. Равнымъ образомъ и въ петербургской печати восторгъ г. Батюшкова не нашелъ отклика.

Признавая въ іюньской книжкѣ „Міра Божія“ этотъ фактъ, г. Батюшковъ хочетъ прежде всего найти ему объясненіе. Онъ останавливается на разницѣ въ петербургской и московской „атмосферѣ“, на разницѣ „вкусовъ“ москвичей и петербуржцевъ, и въ концѣ-концовъ, разумѣется, отбрасываютъ эту гипотезу. За-

тѣмъ онъ строитъ другую. Онъ, г. Батюшковъ, а равно и москвичи, отозвавшіеся на пьесу оваціями и тріумфами, „не имѣли текста въ рукахъ. Здѣсь же (въ Петербургѣ) пьесу читали и комментировали раньше, чѣмъ ее видѣть на сценѣ. Быть можетъ, и это даже весьма вѣроятно, ожиданія петербуржцевъ были чрезмѣрны, что и повліяло неблагопріятнымъ образомъ на впечатлѣніе отъ спектакля, отъ котораго ожидались какія-то необыкновенныя откровенія, даже послѣ прочтенія пьесы, и чрезмѣрность ожиданій вызвала нѣкоторое разочарованіе“.

Это бываетъ, и я только что говорилъ о подобной возможности, но я не совсѣмъ понимаю, какъ въ данномъ случаѣ предварительное прочтеніе пьесы могло способствовать чрезмѣрнымъ ожиданіямъ. Одно изъ двухъ: „необыкновенныя откровенія“ были получены при чтеніи текста пьесы, или они не были получены; и если ихъ ждали „даже послѣ прочтенія“, то ждали, значитъ, не отъ самой пьесы, а отъ ея исполненія на сценѣ. Сомнѣваюсь, чтобы именно это хотѣлъ сказать г. Батюшковъ, но доля справедливости въ этомъ, можетъ быть, есть, если, конечно, понизить „необыкновенныя откровенія“ на нѣсколько градусовъ. Видѣвшіе пьесу въ обѣихъ столицахъ говорили мнѣ, что въ Москвѣ она шла лучше, и этому можно повѣрить: послѣ нѣсколькихъ десятковъ представленій въ Москвѣ, труппа могла достаточно устать и, если позволено будетъ такъ выразиться, механизировать исполненіе, чтобы оказаться не въ силахъ скрасить имъ изъяны пьесы. Московскимъ тріумфамъ и оваціямъ могли способствовать и другія, случайныя обстоятельства, напримѣръ, присутствіе въ театрѣ автора, который пользуется такою популярностью: оно, конечно, могло подогрѣть атмосферу театральнаго зала.

Я отнюдь, впрочемъ, не стою за эти соображенія: охотно допускаю, что разница между пріемомъ пьесы г. Горькаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ объясняется какъ-нибудь совсѣмъ иначе. Какъ бы то ни было, разница эта привела къ тому, что во второй, іюньской своей статьѣ г. Батюшковъ уже не столь рѣшительно отзывается о пьесѣ, по крайней мѣрѣ говоритъ о ней уже не „отъ всѣхъ и за вся“. „Окончательная оцѣнка пьесы,—пишетъ онъ нынѣ,—на нашъ взглядъ, до сихъ поръ еще не сдѣлана и, можетъ быть, не такъ скоро еще будетъ установлена“. По этому поводу я могу сказать только одно: окончательная оцѣнка таланта г. Горькаго, идейнаго содержанія его произведеній, его значенія въ литературѣ—дѣйствительно, еще не сдѣлана; но пьеса „На днѣ“ сама по себѣ отнюдь не принадлежитъ къ числу тѣхъ крупныхъ литературныхъ явленій, къ оцѣнкѣ и переоцѣнкѣ которыхъ критика возвращается въ теченіе многихъ лѣтъ. И если я теперь, говоря рыцарскимъ языкомъ, поднимаю перчатку, брошенную мнѣ г. Батюшковымъ еще въ іюнѣ, то не ради самой

пьесы, а главнымъ образомъ ради одного его возраженія, имѣющаго всѣ признаки побѣдоносности, и, уже только попутно, за одно коснусь нѣкоторыхъ другихъ его мыслей.

Г. Батюшковъ возражаетъ не только мнѣ, а и другимъ петербургскимъ критикамъ „Дна“ (позволю себѣ въ видахъ грамматическаго удобства и въ дальнѣйшемъ изложеніи такъ называть пьесу г. Горькаго), но главнымъ образомъ дѣлаетъ эту честь все-таки мнѣ. Статья его вращается въ сферѣ разсужденій, можетъ быть, правильныхъ, можетъ быть, неправильныхъ, но часто до странности не идущихъ къ дѣлу, и только одно возраженіе имѣетъ характеръ чисто-фактическаго и именно поэтому побѣдоноснаго возраженія.

Я указалъ, между прочимъ, что дѣйствующія лица и разсказовъ, и драматическихъ произведеній г. Горькаго слишкомъ часто не только говорятъ языкомъ автора, какъ бы ни былъ онъ неумѣстенъ въ устахъ какого-нибудь Коновалова или Орлова, но и излагаютъ собственныя мысли его и часто столь же неумѣстно. Какъ иллюстрацію, я привелъ слова крючника-татарина, правовѣрнаго мусульманина въ „Днѣ“: „Магометъ далъ законъ, сказалъ: вотъ законъ! Дѣлай какъ написано тутъ! *Потомъ придетъ время, Корана будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое время даетъ свой законъ*“. Подчеркнутыя слова я нашелъ „выдѣляющимися изъ рѣчи татарина, какъ заплата совсѣмъ другого цвѣта“. На этихъ фразахъ лежитъ, и теперь думаю я, печать личныхъ взглядовъ г. Горькаго, едва ли согласимая съ правовѣріемъ проживающаго „на днѣ“ казанскаго или нижегородскаго татарина-крючника.

Г. Батюшковъ съ этимъ не согласенъ. „Напрасно—говоритъ онъ—уважаемый критикъ такъ спѣшитъ съ обобщеніями, не справившись, какъ возникла эта „заплата“ и дѣйствительно ли она неумѣстна. Дѣло въ томъ, что въ самомъ Коранѣ есть мѣста, которыя не только вполнѣ оправдываютъ автора въ томъ, что приписалъ татарину приведенныя фразы, но послѣднее выраженіе татарина почти буквально воспроизводитъ текстъ Корана: „*На всякое время своя священная книга*“ (гл. XIV „Громъ“, стихъ 38. Цитируемъ по переводу Корана Магомета г. Николаева (Москва, 1865), за неимѣніемъ подъ руками другого перевода. Стр. 178). Замѣчаніе татарина, въ общемъ, кажется противорѣчивымъ тому духу религіозной нетерпимости, который мы привыкли связывать съ нашими представленіями объ исламѣ, какъ историческомъ явленіи. Однако, этой нетерпимости на самомъ дѣлѣ уже давно нѣтъ у нашихъ мусульманъ, и непосредственное знакомство съ текстомъ Корана, который заучивается всѣми „правовѣрными“, могло привести и къ иному пониманію взаимоотношенія разныхъ религій, настоящихъ и будущихъ.

Я долженъ признаться, что г. Батюшковъ правъ: я не „спра-

влялся" съ Кораномъ. Но кое-что о Коранѣ и мусульманахъ я читалъ, случалось и съ свѣдущими людьми на эти темы бесѣдовать, и думаю, что по поводу собственно этого цитированнаго г. Батюшковымъ изреченія Корана имѣлъ бы нѣкоторое право въ свою очередь посовѣтовать ему не спѣшить съ обобщеніями. Изслѣдователи мусульманства говорятъ о необыкновенной трудности перевода и чтенія Корана (см. напримѣръ, А. Мюллера „Исторія ислама", русскій переводъ 1895—1896 г., т. I, стр. 69 и слѣд. или Крымскаго „Мусульманство и его будущность", стр. 11). Допустимъ, что г. Батюшковъ всѣ эти трудности преодолѣлъ, и приведенная фраза представляетъ очень точный переводъ (хотя, если не ошибаюсь, переводъ Николаева не считается образцовымъ). Но одна выдернутая изъ Корана фраза, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, едва ли можетъ служить въ настоящемъ случаѣ надежной опорой. Правда, г. Батюшковъ приводитъ далѣе еще нѣсколько мѣстъ изъ Корана, но тѣ цитаты, какъ сейчасъ увидимъ, совсѣмъ сюда не относятся и ни буквально, ни по своему смыслу не совпадаютъ со словами, вложенными г. Горькимъ въ уста татарину. Что касается религіозной нетерпимости мусульманъ, то эта тема, конечно, очень интересна сама по себѣ, но я не понимаю, зачѣмъ г. Батюшковъ ведетъ о ней рѣчь въ видѣ возраженія мнѣ, — я ея и отдаленнѣйшимъ образомъ не затрогивалъ и совсѣмъ не имѣлъ въ виду. Современныя событія въ Македоніи и въ Марокко показываютъ, что наши привычныя представленія объ исламѣ, какъ объ историческомъ явленіи, относительно нѣкоторыхъ мусульманскихъ странъ и народовъ и до сихъ поръ сохраняютъ свою силу; съ другой стороны, наши поволжскіе татары дѣйствительно мало повинны въ грѣхѣ нетерпимости. Нетерпимость однихъ и терпимость другихъ зависятъ отъ разныхъ, очень сложныхъ расовыхъ, историческихъ и бытовыхъ условій, и разбираться въ нихъ здѣсь намъ тѣмъ болѣе нѣтъ резона, что вопросъ, занимающій насъ съ г. Батюшковымъ, есть исключительно внутреннее дѣло самого мусульманства. Вопросъ этотъ таковъ: есть ли Коранъ для правовѣрнаго мусульманина окончательный, разъ на всегда данный „законъ", или онъ, правовѣрный мусульманинъ, можетъ разсчитывать, на основаніи Корана же, на новое откровеніе, новый „законъ"?

Какія же тутъ могутъ быть сомнѣнія? — скажетъ читатель, повѣрившій г. Батюшкову: „непосредственное знакомство съ текстомъ Корана, который заучивается всѣми правовѣрными", даетъ въ этомъ отношеніи совершенно опредѣленное указаніе — „*на всякое время своя священная книга*" (гл. XIV и т. д.), что „почти буквально" воспроизводитъ татаринъ, говоря: „придетъ время, Коранъ будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... *всякое время даетъ свой законъ*".

Аргументъ, ошеломляющій своей неотразимостью, и я, повидимому, совершенно посрамленъ! Какъ я не догадался „справиться“ „непосредственно съ текстомъ Корана“!.. И, однако, этотъ столь неотразимый на видъ аргументъ есть нѣчто въ родѣ мыльнаго пузыря, на который нѣтъ даже надобности дуть, чтобы онъ разлетѣлся,—черезъ нѣкоторое время онъ самъ лопается. Какъ уже сказано, г. Батюшковъ приводитъ изъ Корана еще нѣсколько мѣстъ въ защиту своей мысли. Вотъ всѣ эти цитаты, съ соблюденіемъ курсивовъ г. Батюшкова:

Всякій народъ имѣлъ своего пророка,—читаемъ мы въ книгѣ Іона (Коранъ, l. c., стр. 150, ст. 48); когда пророкъ являлся также и къ нимъ, то споръ былъ рѣшаемъ справедливо и они не будутъ судимы неправедно. «*Для всякаго народа мы установили обычай*». «Если тебя обвинятъ въ обманѣ, о Магомеддъ! размысли, что до нихъ народы Ноя, Ада, Темуда, Авраама, Лота, Медіонитяне обвиняли своихъ пророковъ въ томъ же: Моисей тоже былъ сочтенъ обманщикомъ» (l. c., стр. 242, ст. 43). «*Мы постепенно посылали апостоловъ.* Каждый разъ, какъ посланный являлся передъ народомъ, этотъ считалъ его за обманщика. *Мы повелѣвали одному народу наслѣдовать другому* (стр. 248, ст. 46). «О вы, которые получили Писанія! Зачѣмъ спорите объ Авраамѣ? Пятикнижіе и Евангеліе ниспосланы свыше долго спустя послѣ него. Но поймете ли вы это когда нибудь» (стр. 46, ст. 58).

Хорошо, разумѣется, въ сомнительныхъ случаяхъ справляться съ первоисточникомъ, хотя, можетъ быть, и не съ такимъ, какъ маловразумительный переводъ Николаева. Но приведенныя мѣста изъ Корана и подобныя имъ такъ часто цитируются въ разныхъ сочиненіяхъ объ исламѣ, что мнѣ не предстояло надобности въ спеціальныхъ справкахъ ради нихъ: они мнѣ были хорошо извѣстны до благосклоннаго наставленія г. Батюшкова, и я могу даже дополнить коллекцію его цитатъ нѣкоторыми изреченіями Корана, особенно интересными для христіанъ. Заимствую ихъ изъ біографіи Магомета, написанной Вл. Соловьевымъ для Павленковской біографической библіотеки. Останавливаюсь на этой маленькой книжкѣ потому, что Соловьевъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, руководствовался разными старыми и новыми переводами Корана на русскій и другіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и рекомендованными ему извѣстнымъ оріенталистомъ—бар. Розеномъ. „Исламъ есть религія Ноя, Авраама, Моисея, Іисуса“. — „Скажи: мы вѣримъ въ Бога, въ то, что̀ Онъ послалъ намъ, что̀ Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Исааку, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ, мы вѣримъ въ священныя книги, полученныя съ неба Моисеемъ, Іисусомъ и пророками, мы не полагаемъ между ними никакого различія—мы Ему предали себя“.—„Мухаммедъ только посланникъ Божій; другіе посланники ему предшествовали“.—„Послѣ пророковъ Мы послали Марію и Іисуса, чтобы подтвердить Пятикнижіе. Мы дали Евангеліе, которое есть свѣточъ вѣры и печать истины древнихъ писаній. Эта книга просвѣщаетъ и наставляетъ боящихся Господа“.—„Пой хвалу

Маріи, сохранившей дѣвство свое неприкосновеннымъ. Мы вдохнули въ нее Духа Нашего. Она и Сынъ Ея были дивомъ вселенной".— „Іисусъ, сынъ Маріи, есть посланникъ Всевышняго и Слово Его. Богъ ниспослалъ Его въ Марію. Онъ дыханіе Божіе". И. т. д., и т. д.

Всѣ эти изреченія Корана представляли бы большой интересъ, если бы у насъ шла рѣчь о религіозной терпимости или нетерпимости мусульманъ. Но и въ такомъ случаѣ ихъ слѣдовало бы свести на очную ставку съ мусульманскимъ ученіемъ о „священной войнѣ", то-есть истребленіи невѣрныхъ; подъ невѣрными же Магометъ разумѣлъ сначала только язычниковъ, а затѣмъ іудеевъ, которыхъ онъ обличалъ въ извращеніи даннаго имъ отъ Бога закона, и христіанъ въ виду ученія о троичности Бога и поклоненія святымъ угодникамъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, какъ уже сказано, я не давалъ г. Батюшкову ни малѣйшаго повода для поученія меня относительно мусульманской терпимости: я ея не касался. Да, въ Коранѣ неоднократно выражается почтеніе къ существовавшимъ *до* Магомета монотеистическимъ религіямъ. Сюда же относятся и тѣ шесть словъ („на всякое время своя священная книга"), которыя въ переводѣ Николаева какъ будто и въ самомъ дѣлѣ совпадаютъ со словами крючника-татарина, но въ которыхъ нѣтъ и намека на *будущее* время, на *новый* „законъ". Г. Батюшковъ и самъ это понимаетъ и потому, начавъ за здравіе, кончаетъ за упокой. Начинаетъ онъ съ того, что слова татарина „почти буквально" воспроизводятъ текстъ Корана, и съ указанія на „непосредственное знакомство съ текстомъ Корана, который заучивается каждымъ правовѣрнымъ", а кончаетъ такъ: „Приведенныя выраженія (характеризующія отношеніе Корона къ до-магометову единобожію. Н. М.) могли запасть въ голову какому-нибудь мусульманину и привести къ естественному изъ нихъ выводу, что какъ было въ прошломъ, такъ случится и въ будущемъ — „время дастъ свой законъ, новый". *Пусть такое толкованіе представляется ересью* съ точки зрѣнія ортодоксальнаго мусульманства, — оно возможно; оно характеризуетъ живое, индивидуальное пониманіе заученныхъ текстовъ, которые не всегда же усваиваются въ ихъ цѣлостности и въ связи съ основными догматами даннаго вѣроученія. Это не „заплата", скрывающая, по выраженію г. Михайловскаго, „подлинную одежду изображаемаго лица", а именно характерная черта живого лица, съ котораго снята только „условная" одежда, принимаемая за подлинную лишь по традиціоннымъ представленіямъ. А главное, что такая вставка правдоподобна, ибо не произвольна, а указана текстомъ того самаго Корана (и именно въ переводѣ Николаева? Н. М.), на который ссылается татаринъ въ возможномъ личномъ его толкованіи (если не самъ крючникъ дошелъ до этихъ выводовъ, то онъ могъ ихъ услышать отъ какого нибудь толкователя

Писанія, каковые имѣются же и среди татаръ, пишущіе и пропагандирующіе свои воззрѣнія)".

Итакъ, хотя проживающій „на днѣ" правовѣрный нижегородскій или казанскій татаринъ-крючникъ „почти буквально" повторяетъ слова Корана, но на самомъ дѣлѣ тѣ шесть словъ Корана, на которыя такъ побѣдоносно указываетъ г. Батюшковъ, имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ: въ нихъ нѣтъ обѣщанія или предвидѣнія новаго „закона", имѣющаго замѣнить Коранъ, и такое ихъ толкованіе ошибочно, неправильно. Г. Батюшковъ говоритъ, что такая ошибка „возможна". Конечно, возможна, поле возможныхъ ошибокъ безпредѣльно, но выборъ именно этой ошибки принадлежитъ г. Горькому, и на фонѣ правовѣрія татарина она—да проститъ мнѣ г. Батюшковъ — составляетъ, повторяю, „заплату"; заплату, тѣмъ болѣе бросающуюся въ глаза, что татаринъ играетъ въ пьесѣ роль чисто эпизодическую, онъ только оттѣняетъ своею безхитростною вѣрою въ „законъ" скептическія, озлобленныя и вольнодумныя рѣчи другихъ обитателей „дна"; ему менѣе всего приличествуетъ какая бы то ни была „ересь". Позволю себѣ выразить надежду, что г. Батюшковъ не станетъ меня поучать на ту тему, что мусульманство, дескать, не такъ неподвижно, какъ мы привыкли думать, что въ немъ были и есть секты, толки, ереси, реформаторскія теченія: мнѣ это столь же хорошо извѣстно, какъ и то, что степень религіозной нетерпимости у разныхъ мусульманскихъ народовъ различна.

Ненужная, хотя, на иной взглядъ, можетъ быть, и искусная диверсія г. Батюшкова въ сторону религіозной терпимости имѣетъ въ возраженіи г. Батюшкова параллели. Остановлюсь на одной изъ нихъ.

Я писалъ, между прочимъ: „Міръ героевъ г. Горькаго, какихъ мы до сихъ поръ отъ него получили, повидимому, исчерпанъ „до дна", и ему предстоитъ либо безъ конца варьировать одни и тѣ же типы, одни и тѣ же мотивы, либо направить свое вниманіе въ какую-нибудь другую сторону". По этому поводу г. Батюшковъ „нѣсколько неудомѣваетъ, чтобы человѣка въ какой бы то ни было сферѣ возможно было такъ быстро исчерпать до дна". И затѣмъ мой почтенный оппонентъ напоминаетъ, что вотъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ прошло со времени „Записокъ Мертваго дома", но и Достоевскій не „исчерпалъ" міра преступныхъ и отверженныхъ, что и послѣ него изъ этого міра черпали Короленко, Мельшинъ, Чеховъ, Дорошевичъ. „И мы тогда только повѣримъ, что будетъ исчерпанъ міръ героевъ г. Горькаго, когда не будетъ самаго „дна" и т. д. Въ концѣ концовъ г. Батюшковъ приравниваетъ „дно" г. Горькаго къ Дантову „Аду"...

Этого послѣдняго сравненія я, изъ уваженія къ добрымъ намѣреніямъ г. Батюшкова,—въ нихъ я не сомнѣваюсь,—не трону.

Но все остальное напоминаетъ поговорку: я про Ѳому, а онъ про Ерему. Ерема, можетъ быть, и интересный человѣкъ, но диссертація о немъ, въ качествѣ возраженія на то или другое мнѣніе о Ѳомѣ, — кажется мнѣ неумѣстною. Г. Батюшковъ любезно напоминаетъ мнѣ о существованіи „Мертваго дома“ Достоевскаго, „Отверженныхъ“ Мельшина, очерковъ Короленко, „Сахалина“ г. Чехова, „Сахалина“ г. Дорошевича, видя въ этихъ произведеніяхъ свидѣтельство неисчерпаемости міра „отверженныхъ“ и „бывшихъ людей“, доколѣ существуетъ „дно“. Психологію каторги и психологію ночлежнаго дома, можетъ быть, не совсѣмъ правильно ставить за одну скобку, но это не важно. Во всякомъ случаѣ, я иду дальше г. Батюшкова и нахожу, что и съ исчезновеніемъ „дна“ міръ бывшихъ и отверженныхъ не будетъ исчерпанъ: онъ сохранитъ для насъ историческій интересъ, какъ сохраняетъ его, напримѣръ, каменный вѣкъ, доселѣ эксплуатируемый не только наукой, а и искусствомъ—живописью, поэзіей. Нечего и говорить объ античной культурѣ, феодализмѣ, рыцарствѣ, инквизиціи и проч., и проч., и проч. Все это давно исчезнувшія, но не исчерпанныя явленія. И г. Батюшковъ, конечно, гораздо болѣе правъ, когда тутъ же говоритъ, что „человѣкъ никогда не можетъ быть „исчерпанъ“, въ какой бы средѣ и при какихъ условіяхъ мы его ни разсматривали“. Это вѣрно, но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ и не нужно, какъ возраженіе мнѣ. Г. Батюшковъ, цитируя относящееся сюда мѣсто моей статьи, пропустилъ нѣсколько словъ, которыя объясняютъ мое отношеніе къ „исчерпанности“ міра героевъ г. Горькаго. Я писалъ о герояхъ г. Горькаго, *„какихъ мы до сихъ поръ отъ него получили“*, а не вообще объ отверженныхъ, пропащихъ и бывшихъ людяхъ, какіе даны—и еще будутъ даны—другими художниками. Надѣюсь, разница понятна.

Нынче лѣтомъ мнѣ случилось прочитать въ одной изъ одесскихъ газетъ разсказъ г. Скрибы о посѣщеніи имъ Л. Н. Толстого. Между прочимъ, Толстой спросилъ своего посѣтителя, о чемъ онъ въ послѣднее время писалъ. Тотъ отвѣтилъ, что писалъ онъ о „Днѣ“ г. Горькаго и написалъ статью восторженную. На это Толстой замѣтилъ, что пора бы перестать описывать этихъ босяковъ въ романтическихъ плащахъ и шляпахъ съ перомъ. Я не ставлю въ ковычки этой реплики автора „Воскресенія“, потому что, не имѣя подъ руками газеты, не могу ручаться за подлинность всѣхъ выраженій, но „шляпу съ перомъ“ хорошо помню. Вотъ этотъ-то міръ особенныхъ, горьковскихъ героевъ въ романтическихъ плащахъ и шляпахъ съ перьями я и считаю исчерпаннымъ. Г. Батюшковъ можетъ не соглашаться съ этимъ моимъ мнѣніемъ, но зачѣмъ же говорить про Ерему, когда рѣчь идетъ о Ѳомѣ? Тѣмъ болѣе, если относительно Еремы и нѣтъ никакихъ разногласій? Мало-внимательныхъ читателей этотъ поле-

мическій пріемъ можетъ, конечно, ввести въ заблужденіе, но развѣ этого г. Батюшковъ хочетъ?

Я уже сказалъ, что „Дно“ не принадлежитъ къ числу произведеній, вновь и вновь вызывающихъ вниманіе критики, и потому воздержусь отъ дальнѣйшаго пересмотра возраженія г. Батюшкова. Сдѣлаю только одно еще замѣчаніе.

Я выразилъ мнѣніе, что г. Горькій, по характеру своего таланта и темперамента, не драматургъ, что онъ сдѣлалъ ложный шагъ, вступивъ на это поприще, но что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя другія черты его духовной физіономіи вынудили его сдѣлать этотъ ложный шагъ. Эту послѣднюю часть моего мнѣнія, обставленную извѣстными, правильными или неправильными соображеніями, г. Батюшковъ оставилъ безъ разсмотрѣнія, даже не упомянулъ о ней. Не буду и я къ ней возвращаться. Мнѣніе же о несоотвѣтствіи таланта и темперамента г. Горькаго съ драматической формой г. Батюшковъ оспариваетъ, и именно вотъ какъ: „Если, говоритъ онъ, картины г. Горькаго не подходятъ подъ мѣрило обыкновенной, шаблонной драмы, то это не значитъ, чтобы онѣ не имѣли своего raison d'être. Мы всѣ болѣе или менѣе, сознательно или безсознательно, слишкомъ начинены отголосками поэтики Аристотеля, его объясненіемъ, что драма есть прежде всего дѣйствіе, что каждое дѣйствіе имѣетъ начало, середину и конецъ и т. д.“. Поговоривъ затѣмъ объ устарѣлости Аристотелевой поэтики, г. Батюшковъ продолжаетъ: „Г. Горькій, вслѣдъ за другими современными драматургами, ищетъ новыхъ формъ, болѣе непосредственнаго изображенія жизни такъ, какъ она есть, а не въ искусственной рамкѣ драматической композиціи. Онъ идетъ за Чеховымъ и вырабатываетъ новыя схемы. По двумъ произведеніямъ еще нельзя произнести окончательнаго приговора о томъ, чтó онъ можетъ создать въ области драмы“.

Въ послѣднихъ словахъ звучитъ косвенное признаніе нѣкоторой слабости драматическихъ опытовъ г. Горькаго: отъ „обыкновенной, шаблонной“ драмы отсталъ, а „новыя схемы“, идя за г. Чеховымъ, только еще вырабатываетъ. Да будетъ путь г. Горькаго свѣтелъ и славенъ, и если онъ создастъ, по новой ли, или по старой схемѣ, настоящую драму, я охотно сознаюсь въ своей ошибкѣ. Но что такое „обыкновенная, шаблонная“ драма? Это вѣдь не только г. Викторъ Крыловъ съ братіей, а и Шекспиръ, Мольеръ, Гете, Шиллеръ, Лессингъ. И какъ бы ни устарѣла Аристотелева поэтика, положеніе, выражаемое словами г. Батюшкова: „Драма есть прежде всего дѣйствіе“,—останется непоколебимымъ, доколѣ существуетъ драма. То новое, чего ожидаетъ г. Батюшковъ, будетъ, можетъ быть, и превосходно въ своемъ родѣ, но это не будетъ драма, если дѣйствія въ немъ не будетъ или если оно отступитъ на задній планъ. Въ крайнемъ случаѣ, это будетъ „только нѣчто въ родѣ драмы“, какъ назвалъ свои неудачные

драматическіе опыты Ренанъ, которыми онъ хотѣлъ оживить свои уже никакому эстетическому суду не подлежащіе „Діалоги". Для „обыкновенной, шаблонной" драмы,—среди образцовъ которой есть разная дрянь, но есть и произведенія великихъ художниковъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и донынѣ дающія обильную пищу уму и сердцу зрителей и творчеству исполнителей,—первая опасность состоитъ въ умаленіи элемента дѣйствія и въ подмѣнѣ его „діалогомъ". Но, конечно, опасность возможна и съ разныхъ другихъ, отчасти даже непредвидимыхъ сейчасъ сторонъ.

Въ № 18 (15 сентября) журнала „La Revue" (бывшая Revue des Revues) напечатана интересная статья Адольфа Реттѐ „Souvenirs sur le symbolisme". Увы! символизмъ, блистающій у насъ яркими цвѣтными знаменами и истерическими криками провозглашающій свою побѣду,—на своей родинѣ, во Франціи, служитъ уже предметомъ воспоминаній! Его оттѣснили, по словамъ автора упомянутой статьи, какіе-то „натуристы", „гуманисты", „французская школа". „Нынѣ", пишетъ Адольфъ Реттѐ,—„по прошествіи полутора десятка лѣтъ (!), участники битвъ того времени съ улыбкою, на половину меланхолическою, на половину умиленною, вспоминаютъ о томъ жарѣ, съ которымъ они бились". Авторъ и есть одинъ изъ такихъ вспоминающихъ былыхъ символистовъ. Онъ разсказываетъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ я приведу только тѣ, которые относятся къ области „новыхъ схемъ" въ драмѣ.

Первое препятствіе, встрѣченное реформаторами сцены, состояло въ отсутствіи репертуара,—драмъ, кромѣ „обыкновенныхъ, шаблонныхъ", не было, и только Метерлинкъ болѣе или менѣе удовлетворялъ требованіямъ символистовъ. Было, однако, много діалоговъ въ стихахъ и въ прозѣ, авторы которыхъ предлагали свои услуги. Дѣло началось съ декламаціи, напримѣръ, философской поэмы Пьера Килляра „Дѣвушка съ отрѣзанными руками". Затѣмъ пошли дальше. Авторъ вспоминаетъ одинъ утренній спектакль, на которомъ были даны комедія Верлена „Тѣ и другіе", „Полуночное солнце" Катюлла Мендеса, траги-комедія Шарля Мориса „Серафимъ" и декламація поэмы Эдгара По „Воронъ", въ переводѣ Стефана Малларме. „Актеръ, декламировавшій поэму, рычалъ громовымъ голосомъ, совершенно уничтожавшимъ глухой ужасъ, заложенный въ намѣреніяхъ великаго американскаго поэта". Въ другой разъ дана была французская передѣлка „Фауста" Марло и, кромѣ того, декламировалась поэма Артура Рембо „Пьяный корабль", „чрезмѣрный лиризмъ которой нѣсколько смутилъ присутствовавшаго въ театрѣ Франциска Сарсе".

Всѣ эти опыты не удовлетворяли, однако, реформаторовъ, такъ какъ, съ одной стороны, мудрено было пристегнуть къ сим-

волистамъ Верлена, Мендеса, Эдгара По и Марло, а съ другой— діалогическія поэмы всетаки были не то, что драмы. Поэтому, стоявшій во главѣ дѣла Поль Форъ, „очень молодой человѣкъ, выпустившій впослѣдствіи нѣсколько довольно пріятныхъ томовъ риемованной прозы“, рѣшилъ составить спектакль исключительно изъ произведеній символистовъ. Принялись за репетиціи „Слѣпыхъ“ Метерлинка, „Le concile féerique“ Жюля Лафорга, „Пѣсни пѣсней„ въ передѣлкѣ нѣкоего Руанара и „Chansons de Geste“, въ передѣлкѣ Стюарта Меррилля, Герольда и автора воспоминаній. Послѣднему досталось много работы въ качествѣ и режиссера, и вѣтра, дующаго въ „Слѣпыхъ“.

Во время представленія „Слѣпыхъ“ произошелъ слѣдующій непредвидѣнный случай. По соглашенію съ Метерлинкомъ, реформаторы сдѣлали въ серединѣ пьесы купюру, и такъ, съ этимъ пропускомъ, актеры и заучили свои роли. Но, передавая суфлеру текстъ пьесы, авторъ воспоминаній забылъ отмѣтить въ немъ пропущенное мѣсто. И вотъ, когда дѣло дошло до него, актеры, слыша изъ устъ суфлера незнакомыя имъ слова, замялись и въ недоумѣніи остановились; волновался и суфлеръ. Наконецъ, артистъ, игравшій главную роль, видя, что произошло какое-то недоразумѣніе, повторилъ свою предыдущую реплику, остальные подхватили, но какъ дошло до несчастнаго мѣста, такъ опять произошла заминка. Еще разъ актеры начали снова, и еще разъ тотъ же результатъ. Тогда уже „слѣпые“ перестали обращать вниманіе на суфлера, тщетно перелистывавшаго пьесу, въ разсчетѣ найти нужное мѣсто, и кончили безъ его помощи. Въ лѣтописяхъ всѣхъ театровъ имѣются анекдоты этого рода, но тутъ любопытно отношеніе публики къ этому забавному казусу; нашлись зрители, которые увидѣли въ этомъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же репликъ новый художественный пріемъ и остались очень довольны.

Представленіе „Concile féerique“ сопровождалось другого рода скандаломъ. Артисткѣ пришлось декламировать слѣдующіе стихи:

La terre, elle est ronde
Comme un pot-au-feu;
C'est un bien pauvre monde
Dans l'infini bleu *)...

Эти строфы вызвали цѣлую бурю: два присутствовавшіе поэта чуть не подрались изъ за нихъ: одинъ считалъ ихъ превосходными и видѣлъ въ нихъ глубокій философскій смыслъ, тогда какъ другой объявилъ ихъ невозможно скверными. Среди общаго гвалта и хохота кто-то вскочилъ на стулъ и потребовалъ, чтобы

---

*) Боюсь испортить переводомъ эти стихи, сильно напоминающіе произведенія нѣкоторыхъ отечественныхъ нашихъ поэтовъ.

присутствовавшій въ залѣ Сарсе выразилъ свое мнѣніе. Требованіе было подхвачено другими, но Сарсе, самъ отъ души хохотавшій, отказался высказаться о поэзіи Лафорга.

Въ заключеніе шла „Пѣснь пѣсней". Передѣлавшій ее для сцены Руанаръ раздѣлилъ свою пьесу „на пять частей (parties) и инструментировалъ ее по методѣ, указанной Артуромъ Рембо въ знаменитомъ сонетѣ „Гласныя" и развитой въ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ Гиля". О Рембо и Гилѣ, когда то очень шумѣвшихъ и въ свое время благополучно канувшихъ въ Лету, читатель найдетъ кое что во второмъ томѣ моей книги „Литературныя воспоминанія и современная смута". Здѣсь для насъ достаточно вспомнить, что Рембо „изобрѣлъ" цвѣтныя гласныя, утверждая, что звукъ *А* вызываетъ ощущеніе чернаго цвѣта, *Е*—бѣлаго, *И*—краснаго, *О*—голубого, *У*—зеленаго *). И вотъ, Руанаръ устроилъ такъ, что въ первой „части" его передѣлки „Пѣсни пѣсней" преобладалъ звукъ *А*, а въ декораціяхъ и костюмахъ дѣйствующихъ лицъ — черный цвѣтъ; во второй части—звукъ *Е* и бѣлый цвѣтъ и т. д. Кромѣ того, предполагалось, для всесторонняго воздѣйствія на зрителей, обдавать ихъ во время дѣйствія пульверизованными духами, при томъ для каждой части разными, что и было объявлено въ афишахъ. Но пульверизаторы оказались недостаточно сильными, такъ что волны духовъ достигали только первыхъ двухъ рядовъ. Тогда задніе ряды потребовали обѣщанныхъ карилопсиса, розовой эссенціи и проч. Поднялся такой гвалтъ, что актеровъ не было слышно, и публика разошлась, не дождавшись конца „Пѣсни пѣсней"...

Авторъ воспоминаній о „героическихъ временахъ символизма", какъ онъ выражается, приводитъ еще нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, касающихся другихъ видовъ и формъ литературы. Я ограничился драмой, да и то потому, что къ слову пришлось. Да не подумаетъ, однако, г. Батюшковъ, что я сообщаю все это въ по-

---

*) Кстати о Рембо. Онъ написалъ свою авторскую исповѣдь, озаглавивъ ее «Алхимія слова». Въ октябрьскомъ № «Міра Божія» г. Аничковъ (въ статьѣ о Верленѣ) пишетъ: «Алхимія слова» показалась Н. К. Михайловскому «чѣмъ-то въ высокой степени замѣчательнымъ съ психіатрической точки зрѣнія», и это, по мнѣнію г. Аничкова, несправедливо. Исповѣдь Рембо не показалась мнѣ психіатрическимъ документомъ, а дѣйствительно представляетъ собою таковой, и Рембо самъ называетъ ее «исторіей одного безумія». Между прочимъ, онъ сообщаетъ о себѣ: «Я кончилъ тѣмъ, что призналъ разстройство моего ума священнымъ. Я ничего не дѣлалъ, раздираемый тяжелой лихорадкой... Мой характеръ портился, я прощался съ міромъ... Въ присутствіи многихъ людей я громко разговаривалъ съ какимъ нибудь моментомъ изъ ихъ другой жизни. Я любилъ свинью... Теперь это прошло. Я умѣю теперь поклоняться красотѣ». Если г. Аничковъ хочетъ реабилитировать «символистовъ», то не слѣдуетъ всетаки хватать въ этомъ направленіи черезъ край и объявлять здравомыслящимъ то, что сами они—и, какъ видитъ читатель, вполнѣ справедливо—признавали своимъ безуміемъ.

ученіе именно ему. Какъ ни презрительно относится онъ къ „обыкновенной, шаблонной“ драмѣ и какъ ни любезенъ онъ съ разными „новыми побѣгами“, заслуживающими, по моему мнѣнію, совсѣмъ иного отношенія,—все же онъ, я полагаю, такого новшества, какъ опрыскиванія зрителей карилопсисомъ и розовой эссенціей, не одобритъ. А опыты такого рода у насъ уже были года три тому назадъ въ спектаклѣ, устроенномъ въ Москвѣ однимъ изъ тамошнихъ „скорпіоновъ“. Къ сожалѣнію, я перезабылъ подробности и не могу утверждать, что въ числѣ ихъ были карилопсисъ и розовая эссенція, но глупостей вообще было много, равно какъ и хохота среди зрителей.

Г. же Батюшкова считаю нужнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, предувѣдомить: если онъ пожелаетъ продолжать это, не мною начатое, препреканіе, но при этомъ опять смѣшаетъ Ѳому съ Еремой, то — какъ бы ни былъ Ерема прекрасенъ, добродѣтеленъ и благороденъ,—я уклонюсь отъ дальнѣйшей бесѣды съ почтеннымъ редакторомъ „Міра Божія“.

Все по тѣмъ же, неинтереснымъ для читателя обстоятельствамъ, на которыя я сослался въ началѣ настоящихъ замѣтокъ, я запоздалъ отвѣтомъ не одному г. Батюшкову. Не знаю, найдется ли у меня время и охота выплатить всѣ эти недоимки. Но одну изъ нихъ мнѣ хочется погасить сейчасъ, благо рѣчь зашла о символистахъ, а мой кредиторъ—одинъ изъ нихъ. Это г. Мережковскій, который, впрочемъ, теперь уже, можетъ быть, „натуристъ“ или „гуманистъ“...

Какъ-то въ маленькой замѣткѣ по поводу пятидесятилѣтія со времени появленія въ печати перваго произведенія Л. Н. Толстого, я назвалъ одну выходку г. Мережковскаго непристойною, и „тѣмъ болѣе непристойною, что авторъ знаетъ огромность человѣка, на котораго онъ, карликъ, съ такимъ бѣшенствомъ замахивается“. Г. Розановъ пожелалъ вступиться за г. Мережковскаго, но, какъ это съ нимъ часто случается, попалъ „не въ то мѣсто“. А именно онъ сообщилъ, что года три-четыре тому назадъ, въ одномъ частномъ съ нимъ разговорѣ, г. Мережковскій сказалъ буквально: „Конечно! я, пигмей, говорю о гигантѣ Толстомъ“. (Хроника журнала „Міръ Искусства“, № 2). Не замѣчая, что этимъ разсказомъ онъ только подтверждаетъ мои слова, г. Розановъ воздалъ хвалу скромности г. Мережковскаго. Но послѣдній обидѣлся: онъ заявилъ, что не помнитъ этихъ своихъ словъ, а если и были они сказаны, то совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. „Въ освѣщеніи В. В. Розанова“, писалъ онъ, „получилась такая картина: въ самой глубинѣ—„гигантъ“, что-то въ родѣ Атласа, поддерживающаго небо на плечахъ своихъ,—Л. Толстой; далѣе г. Михайловскій—Полиѳемъ, разбойникъ съ дубиною, на-

падающій на меня, „пигмея“. Между нами В. В. Розановъ, который защищаетъ меня отъ окончательнаго истребленія моимъ собственнымъ ничтожествомъ“. Признать эту картину соотвѣтствующею истинному положенію дѣйствующихъ лицъ г. Мережковскій рѣшительно не согласенъ. Онъ „не меньше, чѣмъ г. Михайловскій, понимаетъ все величіе Толстого, какъ художника. Передъ этою громадою онъ иногда дѣйствительно чувствуетъ себя, какъ человѣкъ передъ горою, какъ пигмей передъ гигантомъ“. (Хроника „Міра Искусства“, № 3). Но, продолжаетъ онъ, на этой горѣ стоитъ человѣкъ совершенно такого же роста, какъ и онъ, г. Мережковскій, „какъ всѣ мы грѣшные“. Если бы Толстой былъ сверхъ-человѣкъ, онъ преклонился бы передъ нимъ „безъ малѣйшаго хамства“, но Толстой только человѣкъ, и г. Мережковскій утверждаетъ, что „изъ, правда, совершенно непроизвольнаго и безсознательнаго раболѣпства произошла та ярость, съ которой поднята была надъ нимъ дубина, столь напугавшая доброе, въ данномъ случаѣ, кажется, слишкомъ доброе сердце В. В. Розанова“. Въ слѣдующемъ, 4-мъ № „Хроники журнала Міръ Искусства“ г. Розановъ представилъ свое объясненіе. Онъ извинился передъ г. Мережковскимъ въ томъ, что опубликовалъ нѣсколько словъ изъ частной съ нимъ бесѣды и выразилъ ту идею, что „вообще, печатныя измѣренія другъ друга некрасивы: всѣ мы малы передъ Богомъ, а въ отношеніи другъ друга равны, „равны, какъ люди“, по прекраснѣйшему выраженію Мережковскаго“.

Можетъ быть, гг. Розановъ и Мережковскій еще и еще обмѣнялись любезностями на счетъ скромности, добраго сердца и „прекраснѣйшихъ выраженій“. Я не слѣдилъ за продолженіемъ этой оригинальной печатной переписки, не знаю, было ли это продолженіе, не знаю даже, существуетъ ли еще журналъ „Міръ Искусства“ и его „Хроника“. Но мнѣ хочется, хотя и поздно, наказать г. Мережковскаго,—наказать перепечаткою того мѣста изъ его книги „Религія Толстого и Достоевскаго“, которое я призналъ непристойной выходкой и по поводу котораго поднялъ „дубину разбойника Полиѳема“, по изящнѣйшему выраженію г. Мережковскаго.

Надо сказать, что та моя замѣтка, въ которой г. Мережковскій непочтительно названъ карликомъ, содержитъ въ себѣ только *одну* цитату изъ его книги, которую я сейчасъ вновь приведу. Отозвался я объ этой цитатѣ хоть и не съ яростью, но, дѣйствительно, съ негодованіемъ. (См. „Русское Богатство“ 1902, № 8). Позже (№№ 9 и 10) я писалъ обо всемъ трудѣ г. Мережковскаго, но тамъ уже не случилось именовать автора карликомъ, хотя, разумѣется, я своего мнѣнія не измѣнилъ.

Вотъ упомянутое, возмутившее меня, мѣсто:

„Князь Мышкинъ („Идіотъ“ Достоевскаго), хотя и „бѣдный“,

но всетаки подлинный рыцарь,—въ высшей степени народенъ, потому что въ высшей степени благороденъ, ужъ, конечно, болѣе благороденъ, чѣмъ такіе, разбогатѣвшіе на счетъ своихъ рабовъ, помѣщики-баре, какъ Левины или Ростовы, Толстые, потомки петровскаго, петербургскаго „случайнаго" графа Петра Андреевича Толстого, получившаго свой титулъ благодаря успѣхамъ въ сыскныхъ дѣлахъ „Тайной Канцеляріи" („Религія Толстого и Достоевскаго", 252).

Итакъ, хотя, по прекраснѣйшему выраженію г. Мережковскаго, всѣ люди „равны, какъ люди", но Л. Толстой далеко не равенъ князю Мышкину. И собственно потому не равенъ, что его пра-прадѣдъ служилъ въ тайной канцеляріи (гдѣ служилъ пра-прадѣлъ князя Мышкина—неизвѣстно, а что предки его владѣли крѣпостными рабами, это болѣе, чѣмъ вѣроятно). Уличить меня въ раболѣпствѣ передъ Толстымъ, хотя бы „совершенно непроизвольномъ и безсознательномъ", немножко мудрено: я давнымъ давно писалъ о „десницѣ и шуйцѣ" Толстого и много разъ скорбѣлъ о его разрастающейся „шуйцѣ". Не сталъ бы я, разумѣется, упрекать и г. Мережковскаго за критическое отношеніе къ „великому писателю Русской земли". Но приведенная выходка не есть критика. Такъ разозленныя базарныя торговки ругаются, припоминая грѣхи отцовъ, матерей, тетокъ, дѣдовъ и прадѣдовъ тѣхъ, кого они хотятъ оскорбить. И, конечно, надо обладать очень малымъ ростомъ, чтобы уподобиться обозленной базарной торговкѣ.

Комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, обыкновенно называемаго „Литературнымъ Фондомъ", обратился недавно въ газеты съ слѣдующимъ объясненіемъ:

«Въ № 69-мъ газеты-журнала *Гражданинъ*, въ отдѣлѣ «Дневники», помѣщена замѣтка объ Обществѣ Литературнаго Фонда, въ которой утверждается, между прочимъ: 1) что Общество это есть «единственное въ Россіи» учрежденіе, которое «никому не отдаетъ отчета въ своихъ распоряженіяхъ деньгами, ничьему контролю не подлежитъ, никакихъ обязанностей ни передъ кѣмъ не имѣетъ и на вопросъ, куда дѣваются деньги Литературнаго Фонда и цѣлы ли онѣ, отвѣчаетъ вотъ болѣе 40 лѣтъ презрительнымъ: не ваше дѣло!»; 2) что такой же отвѣтъ получаетъ отъ Литературнаго Фонда всякій интересующійся знать, гдѣ та колонія или богадѣльня для престарѣлыхъ писателей, на устройство которой Литературный Фондъ получилъ деньги «по завѣщанію какого-то чудака»; 3) что пособія свои Литературный Фондъ выдаетъ «исключительно людямъ, проявившимъ одно: свое враждебное правительству направленіе», и отказываетъ всякому неимущему писателю, хотя бы и талантливому, если онъ принадлежитъ «къ благонамѣреннымъ и благожелательнымъ людямъ»; 4) что Литературный Фондъ отказывалъ въ помощи даже Достоевскому, «подъ предлогомъ, что онъ ею уже пользовался, и бросалъ ему въ лицо подачки, какъ нищему, начинающему писателю».

«По этому поводу комитетъ Литературнаго Фонда считаетъ нужнымъ сообщить слѣдующее:

«1) Утвержденіе, что Литературный Фондъ есть «единственное въ Россіи» безотчетное и безконтрольное Общество, не имѣетъ подъ собою никакого основанія. Напротивъ того, уставъ Литературнаго Фонда (Высочайше утвержденный 7-го августа 1859 года) по отношенію къ отчетности содержитъ въ себѣ требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ въ большинствѣ благотворительныхъ учрежденій. Комитетъ, управляющій дѣлами Литературнаго Фонда, находится прежде всего подъ контролемъ общаго собранія Общества,—которому четыре раза въ годъ даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ,—и ежегодно избираемой этимъ собраніемъ ревизіонной коммиссіи (въ выборѣ которой члены комитета не участвуютъ). Ревизіонная коммиссія разсматриваетъ всѣ дѣла. документы и счеты комитета и провѣряетъ денежную кассу и прочее имущество Общества; провѣрка кассы производится и въ теченіе года, не менѣе трехъ разъ. Затѣмъ, независимо отъ этого внутренняго контроля, Литературный Фондъ подчиненъ и контролю правительственному: на основаніи 45-й ст. устава комитетъ Литературнаго Фонда ежегодно представляетъ министерству народнаго просвѣщенія «подробный отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ за истекшій годъ, *съ наименованіемъ* при томъ *всѣхъ* безъ исключенія *лицъ*, получившихъ отъ Общества пособія». Наконецъ, дѣятельность Литературнаго Фонда открыта и широкому общественному контролю, такъ такъ доклады комитета общему собранію дѣлаются въ *публичныхъ засѣданіяхъ*, и подробный годовой отчетъ комитета (вмѣстѣ съ замѣчаніями ревизіонной коммиссіи и заключеніемъ общаго собранія) печатается во всеобщее свѣдѣніе.

«2) Никогда и никому на вопросы о томъ, куда идутъ пожертвованныя Литературному Фонду деньги, комитетъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣчать: «не ваше дѣло». Въ частности по отношенію къ употребленію капитала на устройство пріюта для престарѣлыхъ писателей это не могло имѣть мѣста потому уже, что такого капитала Литературный Фондъ пока еще не имѣетъ въ своемъ распоряженіи. По завѣщанію покойнаго В. Ѳ. Голубева для названной цѣли пожертвованы 150,000 руб., но въ этой своей части духовное завѣщаніе В. Ѳ. еще не приведено въ исполненіе, и капиталъ для устройства пріюта въ Литературный Фондъ еще не переданъ.

«3) Только въ одномъ отношеніи дѣйствія комитета Литературнаго Фонда не могутъ подлежать полной гласности: комитетъ не имѣетъ ни легальнаго, ни нравственнаго права оглашать *имена* лицъ, обращающихся къ его помощи, и вообще давать какія бы то ни было разъясненія, которыя могли бы разоблачать личныя обстоятельства его кліентовъ. Эта вынужденная сдержанность по отношенію къ чужой тайнѣ нерѣдко сопряжена съ значительными неудобствами для комитета, лишая его возможности *фактически* отвѣчать на обвиненія, почему онъ оказалъ помощь или не оказалъ ея тѣмъ или инымъ лицамъ. Но это не дѣлаетъ ее менѣе для него обязательною.

«Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, выдвигаемое *Гражданиномъ* обвиненіе къ Литературному Фонду едва ли нуждается въ какомъ-либо опроверженіи, такъ какъ уже одинъ тотъ фактъ, что о всѣхъ своихъ выдачахъ комитетъ обязанъ давать отчетъ министерству народнаго просвѣщенія, дѣлаетъ совершенно несообразнымъ предположеніе, чтобы такія выдачи могли обращаться систематически, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, «исключительно на помощь людямъ, проявившимъ свое враждебное правительству направленіе».

«4) Утвержденіе о томъ, что Литературный Фондъ отказывалъ въ помощи Ѳ. М. Достоевскому, уже не въ первый разъ дѣлается *Гражданиномъ*. Еще 9 лѣтъ тому назадъ то же обвиненіе противъ Литературнаго Фонда было высказано авторомъ «Дневниковъ» и тогда же было фактически опровергнуто комитетомъ. На самомъ дѣлѣ Ѳ. М. Достоевскому комитетъ Литературнаго Фонда никогда въ помощи не отказывалъ. Покойный писатель дважды, въ 1863 и въ 1864 гг., обращался въ комитетъ съ просьбами *о ссудѣ*, и оба раза таковая была ему назначена въ указанномъ имъ размѣрѣ. Выданныя

ссуды были возвращены, и затѣмъ ни съ какими просьбами къ комитету Ѳ. М. Достоевскій болѣе не обращался.

«Обстоятельства, которыми сопровождались два указанные, единственные случая обращенія Ѳ. М. Достоевскаго къ помощи Литературнаго Фонда, такъ излагаются въ печатномъ Сборникѣ «XXV лѣтъ», изданномъ Литературнымъ Фондомъ въ 1884 г. въ память двадцатипятилѣтія своего существованія. Въ помѣщенной въ этомъ сборникѣ «Лѣтописи» Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (составленной на основаніи подлинныхъ документовъ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ и извѣстнымъ писателемъ А. М. Скабичевскимъ), на стр. 46-й, находимъ слѣдующее указаніе: «Въ томъ же (1863—1864) году комитетъ впервые отступилъ отъ прежняго своего толкованія устава въ томъ смыслѣ, будто бы онъ не разрѣшаетъ производить ссуды изъ суммъ Общества, и рѣшился выдать одному извѣстному писателю въ ссуду 1,500 р., срокомъ на полгода, подъ обезпеченіе правомъ собственности на всѣ его сочиненія». Далѣе, на стр. 50-й той же «Лѣтописи», читаемъ: «Прошедшій мирно въ 1863 году вопросъ о выдачѣ ссуды изъ суммъ Общества поднялъ затѣмъ цѣлую бурю. 1-го іюня 1864 г. было вновь выдано въ ссуду 1,500 руб. тому же самому писателю, который получилъ такую же сумму въ прошломъ году и возвратилъ ее ранѣе срока; ссуда эта была выдана за поручительствомъ брата писателя». Ревизіонная коммиссія (состоявшая на этотъ разъ изъ П. В. Анненкова, М. Н. Островскаго, С. С. Дудышкина, Н. Н. Тютчева, П. Н. Меньшикова и И. А. Гончарова) должна была спеціально заняться вопросомъ о ссудахъ, и, между прочимъ, одинъ изъ членовъ ея говорилъ: «Вполнѣ вѣря въ прекрасныя намѣренія комитета, нельзя не пожалѣть, что онъ создалъ вредный прецедентъ произвольнаго присвоенія правъ, ему не принадлежащихъ. Повторенная ссуда въ 1,500 р. тому же лицу должна была тѣмъ болѣе встрѣтить порицаніе, что это лицо было въ то же время членомъ комитета». Комитетъ въ томъ же году состоялъ изъ Е. П. Ковалевскаго (предсѣдатель), кн. Г. А. Щербатова (помощникъ предсѣдателя), Ѳ. М. Достоевскаго (секретарь), И. Н. Березина (казначей), В. Н. Гаевскаго, А. Д. Галахова, К. Д. Кавелина, А. Н. Пыпина и Б. И. Утина.

«Наконецъ, въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 115 «Лѣтописи» мы имѣемъ прямое указаніе на «срочную ссуду, постановленную Ѳ. М. Достоевскому въ размѣрѣ 1,500 руб. въ засѣданіи комитета 23-го іюля 1863 г. и выданную ему подъ залогъ авторскаго права на всѣ его сочиненія».

«Таковы подробности даннаго эпизода. Какъ видно изъ изложеннаго, Ѳ. М. Достоевскому не только не было отказано въ помощи, но, наоборотъ, для удовлетворенія ходатайства его комитетъ рѣшился даже нарушить общія существовавшія тогда правила. И если фактъ двухкратной послѣдовательной выдачи Ѳ. М. весьма крупной по тогдашнимъ средствамъ Фонда ссуды и вызывалъ споры и возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ комитета и ревизіонной коммиссіи, то для этихъ возраженій существовали достаточно вѣскія основанія, не имѣвшія никакого отношенія къ образу мыслей и политическимъ взглядамъ покойнаго писателя. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ настоящее время вопросъ о правѣ комитета выдавать ссуды писателямъ изъ суммъ Общества окончательно разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; но, съ другой стороны, установлено какъ общее, ненарушимое правило, что никто изъ членовъ комитета не можетъ ни въ какой формѣ пользоваться денежною помощью Общества. Между тѣмъ, ссуда Ѳ. М. Достоевскому, какъ мы видѣли, выдана была въ то время, когда онъ состоялъ секретаремъ комитета. Все это вмѣстѣ никакъ не говоритъ о какомъ-либо пристрастіи тогдашняго комитета Фонда противъ покойнаго писателя.

«Въ послѣдующіе годы, какъ уже было сказано, Ѳ. М. Достоевскій съ просьбами о помощи къ Литературному Фонду не обращался».

Девять лѣтъ тому назадъ издатель „Гражданина“ впервые пустилъ въ ходъ клевету на Литературный Фондъ, которую нынѣ, все въ томъ же свойственномъ ему шутовски-грубомъ тонѣ, повторилъ. Какъ тогда, такъ и теперь, Комитетъ Фонда представилъ свое объясненіе, сдержанность и фактическую обоснованность котораго читатели, конечно, оцѣнили. Спрашивается, что дѣлать комитету, если, спустя нѣкоторое время, кн. Мещерскому опять вздумается бросить въ него клеветой? Неужели учрежденію, членами комитета и ревизіонной коммиссіи котораго, въ теченіе чуть не полувѣковой его дѣятельности, перебывали такіе представители русской литературы и науки, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Костомаровъ, Бекетовъ, Бестужевъ-Рюминъ, Тютчевъ, Кавелинъ, Некрасовъ, Салтыковъ и проч. и проч.,— неужели ему понадобится еще разъ парировать грязные, совершенно безсмысленные, явно клеветническіе намеки и обвиненія? Все возможно. Злобному усердію, съ которымъ наши добровольцы сыска накидываются на все порядочное, предѣловъ нѣтъ, и никакіе уроки имъ впрокъ не идутъ. Очень рѣдки случаи, когда подобные господа унимаются. Такъ безслѣдно исчезъ съ лица литературы г. Медвѣдскій послѣ того, какъ выпустилъ въ 1896 г. цѣлый зарядъ безсмысленныхъ и невѣжественныхъ доносовъ на нашъ журналъ. Но, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости“, оскандалившись съ своимъ комически-нелѣпымъ требованіемъ вторичной присяги отъ „Русскихъ Вѣдомостей“, только встряхнулись, и опять, и опять занялись своимъ мало-достойнымъ литературы дѣломъ. Такъ и кн. Мещерскій: наклеветалъ, получилъ отповѣдь, а черезъ девять лѣтъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повторилъ свою клевету. Кн. Мещерскій, накинувшись на такое скромное учрежденіе, какъ Литературный Фондъ, наговорилъ такого вздора, который слишкомъ легко было фактически опровергнуть пунктъ за пунктомъ. Но далеко не всегда въ такомъ положеніи находятся тѣ мимоходящіе, которыхъ ни съ того, ни съ сего, тянутъ къ отвѣту добровольцы сыска. И какъ подумаешь, вся эта безшабашная оргія происходитъ во имя добрыхъ нравовъ и общественнаго блага! И какъ давно она происходитъ, если даже не принимать во вниманіе временъ Булгарина и Греча. К. К. Арсеньевъ, въ своей недавно вышедшей книгѣ „Законодательство о печати“, справедливо говоритъ, что уже со второй половины шестидесятыхъ годовъ нѣкоторые органы печати „слагались мало-по-малу въ русскую литературную полицію“...

О почтенномъ трудѣ К. К. Арсеньева „Русское Богатство“ не можетъ въ настоящую минуту говорить съ тою обстоятельностью, съ какою желало бы и какой этотъ трудъ заслуживаетъ. Мы отмѣтимъ только одну его особенность. Книга г. Арсеньева, составляющая первый выпускъ изданія Гершунина и К° „Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоя-

щемъ“ (подъ редакціей I. В. Гессена и А. И. Каминка), строго говоря, есть не новая, а въ нѣкоторой своей части даже очень старая книга. И это обстоятельство очень характерно какъ для автора, такъ и для его темы. Книга составилась изъ статей, писанныхъ въ разное время (преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы“) и теперь только приведенныхъ въ связь и дополненныхъ. Первая изъ статей, написанныхъ авторомъ на тему этой книги, относится, какъ онъ сообщаетъ въ предисловіи, къ 1863 г. Въ теченіе, значитъ, ровно сорока лѣтъ авторъ неуклонно слѣдилъ за всѣми измѣненіями въ нашемъ законодательствѣ о печати (а также и за фантастическими проектами представителей, по его выраженію, „русской литературной полиціи“) и за тѣмъ, какъ отражались они на судьбахъ литературы. Маленькое предисловіе къ этому, по своей обстоятельности и добросовѣстности, въ высшей степени цѣнному обзору оканчивается слѣдующими словами: „Въ старости трудно быть оптимистомъ; но я всетаки не теряю надежды, что мнѣ удастся увидѣть возобновленіе дѣла, начатаго въ лучшіе годы русской общественной жизни и съ тѣхъ поръ не только остановившагося, но двинувшагося далеко назадъ“.

Ник. Михайловскій.

Бернардъ Шоу.

(Письмо изъ Англіи).

I.

Двадцать шестого сентября этого года „Daily News“, радикальная газета, выступила съ громовой *передовой* статьей противъ недавно вышедшаго романа. „Бездѣятельность суда въ подобномъ случаѣ,—писала газета,—заключаетъ въ себѣ крайнюю опасность для общественной нравственности... И если эту книгу нельзя изъять, какъ конфискуются, напр., гнилые яблоки, то низкимъ людямъ предоставляется широкое право развращать умы нашихъ сыновей и дочерей. Гнусность книги усугубляется еще тѣмъ, что къ ней приложено елейное предисловіе; въ немъ авторъ заявляетъ, что его намѣреніе—изложить тѣ уроки, которымъ жизнь учитъ человѣчество. Безстыдство этихъ словъ можетъ быть оцѣнено только тѣми, которые, негодуя и краснѣя отъ стыда,

прочитали гнусный романъ, изображающій бестіальный развратъ. Въ мерзкомъ писаніи этомъ нѣтъ ничего искупляющаго. Оно взываетъ только къ животнымъ страстямъ человѣка". Что же привело хорошую и смѣлую газету въ такое негодованіе? Почему она съ мѣста въ карьеръ взываетъ къ прокурору? Къ великому удивленію, мы, жители континента, не находимъ въ достаточно глупомъ и бездарномъ романѣ ничего ужаснаго. Вотъ одно изъ „страшныхъ" мѣстъ, приводимыхъ „Daily News", какъ corpus dilicti. Герой, не вѣнчавшись, живетъ съ героиней вмѣстѣ въ Марселѣ („Два скота, которыхъ авторъ выдаетъ за людей въ своемъ романѣ изъ сточной канавы, живутъ въ Марселѣ",—по выраженію газеты). Героиня, чтобы не возбуждать подозрѣній, одѣта какъ мужчина. Герой разсказываетъ: „Когда мы спустились въ билліардную, всѣ столы были заняты, поэтому, намъ оставалось только толочься возлѣ буфета и пить. Теодора беззаботно мѣшала напитки; но, повидимому, чувствовала себя великолѣпно и, когда столъ освободился, играла отлично. Послѣ этого мы снова пили и сыграли другую партію; потомъ мы опять выпили, еще, еще и еще. Къ двѣнадцати часамъ мы оба не вязали лыка и находились въ томъ состояніи, когда въ глазахъ начинаетъ двоиться.

— Нѣтъ, спасибо, довольно, не могу больше,—сказала мнѣ Теодора, когда мы снова подошли къ буфету.

— Мнѣ бы слѣдовало сказать это уже давно,—засмѣялся я.

— Почему же вы не сказали? Сами виноваты... Какъ бы тамъ ни было, поплетемся теперь домой.

„Теодора нѣсколько преувеличивала. Мы еще не дошли до того состоянія, когда люди выписываютъ ногами крендели. Кафэ заперли. Держась подъ руку, мы довольно прилично побрели въ нашу гостиницу. Холодная ночь не отрезвила насъ. Припоминаю, что швейцаръ пристально взглянулъ на насъ. Изъ этого заключаю, что по лѣстницѣ мы взобрались не совсѣмъ твердо. Мы съ Теодорой поддерживали другъ друга и, такимъ образомъ, взобрались довольно благополучно. Бредя по корридору, я думалъ, какъ хорошо и пріятно чувствовать возлѣ себя эту прелестную женщину, а не законную супругу. Жена встрѣтила бы меня ледянымъ холодомъ, а на другой день, за завтракомъ, обдала бы кипяткомъ. Милая Теодора казалась еще прелестнѣе отъ того, что выпила немного".

Все, это, конечно, глупо, безвкусно и пошло; но неангличанину трудно понять, почему тутъ такіе ужасы, что слѣдуетъ взывать въ передовой статьѣ къ прокурору. Что этотъ глупый романъ въ сравненіи, напр., съ „Aphrodite", Пьера Луи (Louys), „Les Confidences d'une Aïeule", Абеля Эрмана, или же „Méphistophéla", Катюля Мендеса! Послѣдній романъ весь построенъ на уродливой и отвратительной ненормальности, о которой подробно говоритъ Крафтъ-Эбингъ въ „Psychopathia Sexualis".

Нѣчто подобное повторилось недавно съ пьесой Метерлинка „Монна Вана“. „Чтецъ короля“, т. е. театральный цензоръ, не допустилъ постановку ея на сценѣ даже на французскомъ языкѣ. Если въ данномъ случаѣ мы можемъ мотивировать гиперемію стыдливости изрядной долей ханжества и лицемѣрія, то подобное объясненіе не примѣнимо къ „Daily News“. Не можемъ мы также говорить о „косности“ англичанъ, потому что въ такомъ случаѣ „передовыми“ странами оказались бы наиболѣе отсталыя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, объясненіе явленія лежитъ не въ „лицемѣріи“ (этого не занимать стать и на континентѣ). Во всякомъ случаѣ, лицемѣріемъ и ханжествомъ только отчасти объясняется то явленіе, что „Монна Вана“ привела въ ужасъ „чтеца короля“ *), а упомянутый выше романъ—симпатичную газету. Мнѣ кажется, объясненіе заключается въ слѣдующемъ. Когда въ обществѣ пробуждается критическая мысль, она требуетъ для себя проявленія и точки приложенія силы. При нормальныхъ условіяхъ, такая точка быстро находится, и тогда критическая мысль работаетъ въ извѣстномъ направленіи, разрушая все то, что мѣшаетъ обществу правильно развиваться. При ненормальныхъ условіяхъ критическая мысль ищетъ себѣ выхода, гдѣ можетъ. Она отливается тогда порой въ уродливыя формы; объектомъ ея яростныхъ нападеній бываютъ иногда явленія и идеи, не заслуживающія такого безпощаднаго отношенія къ нимъ. Сторонники застоя и умѣренные люди зловѣще качаютъ тогда головой и восклицаютъ: „вандалы“! Но кто виноватъ во всемъ этомъ, какъ не тѣ, которые пытаются остановить критическую мысль, когда она пробудилась? Видѣлъ ли читатель дѣйствіе отражательныхъ печей на чугунно-литейномъ заводѣ? Степень яркости за „фурмами“ показываетъ литейщикамъ, что въ металлопріемникѣ уже много расплавленнаго чугуна и что нужно спѣшить съ выпускомъ его. Поспѣшно выгребаютъ тогда задѣлку у „темпеля“, прочищаютъ закрытый каналъ громадной желѣзной полосой, и расплавленный металлъ ослѣпительной, огненной

---

*) Въ Англіи есть легенда, которая много разъ эксплуатировалась художниками и даже драматургами. Я говорю про лэди Годайва. Чтобы спасти жителей Ковентри отъ тяжелаго налога, наложеннаго на нихъ графомъ Леодорикомъ, лэди Годайва нагая проѣхала днемъ верхомъ по всѣмъ улицамъ города. Всѣ жители, оцѣнивъ жертву лэди Годайва. заперли ставни. Выглянулъ только Пипинг Томъ, который тутъ же ослѣпъ. Трогательная легенда разрабатывалась много разъ, между прочимъ, Теннисономъ. Въ Хрустальномъ дворцѣ стоитъ громадный снимокъ со статуи національнаго скульптора. Поза лэди Годайва тутъ должна была бы болѣе испугать *прюдокъ*, чѣмъ пьеса Метерлинка. Въ драматизированной легендѣ лэди Годайва выѣзжаетъ на сцену въ очень откровенномъ костюмѣ, а не въ черномъ плащѣ, какъ Монна Вана. Къ легендѣ «чтецъ короля» привыкъ. Она его не шокируетъ; между тѣмъ, такое же положеніе въ пьесѣ Метерлинка привело театральнаго цензора въ ужасъ.

струей выбѣгаетъ въ „копежъ". Кто видитъ процессъ въ первый разъ, въ ужасѣ думаетъ, что огневая рѣка, вырвавшаяся изъ горна, испепелитъ все и превратитъ въ паръ заводъ. Ничего подобнаго не случается. Расплавленный металлъ течетъ по бороздамъ въ формы, приготовленныя въ пескѣ. И здѣсь сокрушающее и аморфное принимаетъ видъ шатуновъ, зубчатыхъ колесъ, уравнительныхъ маятниковъ, что вмѣстѣ составитъ стройную машину, которая значительно облегчитъ человѣческій трудъ.

Ужасно было бы, если бы пораженные внезапнымъ безуміемъ литейщики, вмѣсто того, чтобы дать выходъ расплавленному металлу, закупорили тщательно всѣ каналы. Въ концѣ-концовъ, металлъ сокрушилъ бы пріемникъ, вырвался бы стремительно наружу, сжегъ весь заводъ и, наконецъ, отлился бы и застылъ безобразными, уродливыми сгустками. Критическая мысль въ Англіи, когда она пробудилась, нашла сразу соотвѣтствующую точку приложенія силы. Это видно по произведеніямъ англійскихъ писателей начала XIX вѣка. Возьмемъ, напр., соч. Маколея. Въ двадцатыхъ годахъ, разбирая трактатъ Мильтона „Angli, de Doctrinâ Christianâ libri duo posthumi", Маколей выясняетъ значеніе свободы для общества. „Аріосто,—пишетъ онъ,—разсказалъ намъ изящную волшебную сказку про фею, которая, по таинственному свойству ея природы, должна была появляться иногда въ видѣ отвратительной и ядовитой змѣи. Люди, обидѣвшіе ее въ этомъ фазисѣ, навсегда лишались милостей, которыя она раздавала. Но тѣмъ, которые сжалились надъ феей и защищали ее, когда наружность ея была отвратительна, волшебница потомъ являлась въ божественной и сверкающей красотѣ. Фея охраняла тогда этихъ людей, исполняла ихъ желанія, осыпала богатствами, помогала имъ во время войны. Такой же феей является свобода. Порой она принимаетъ видъ презрѣнной гадины. Она пресмыкается, шипитъ, жалитъ. Но горе тѣмъ, которые тогда, побуждаемые отвращеніемъ, дерзнутъ раздавить ее! Блаженны тѣ, которые пріютятъ ее, не смотря на страшный видъ. Она сторицей вознаградитъ ихъ, когда приметъ видъ красавицы... Есть только одно лѣченіе противъ золъ, причиняемыхъ недавно пріобрѣтенной свободой. И это лѣченіе—свобода же. Когда заключенный въ первый разъ выходитъ изъ камеры, онъ не можетъ выносить солнечнаго свѣта. Онъ не въ состояніи различать цвѣта и распознавать лица, но лѣченіе заключается не въ томъ, чтобы запереть заключеннаго снова въ темную камеру, а въ томъ, чтобы пріучать его къ солнцу. Блескъ истины и свободы можетъ порой сбить народъ, полуослѣпленный въ неволѣ. Но дайте ему оглянуться; онъ скоро привыкнетъ къ свѣту. Въ короткое время народъ научится думать. Чрезмѣрная крайность взглядовъ исчезнетъ. Враждующія теоріи исправятъ одна другую. Разсѣянные элементы истины перестанутъ враждовать и начнутъ соединяться.

Въ концѣ-концовъ, изъ хаоса начнетъ опредѣляться система справедливости и порядка. Теперь многіе политики говорятъ, что народу слѣдуетъ дать свободу только тогда, когда онъ научится пользоваться ею. Это утвержденіе достойно того дурака въ сказкѣ, который рѣшилъ, что войдетъ въ воду только тогда, когда научится плавать. Если народу приходится ждать въ неволѣ, покуда онъ станетъ умнымъ и добрымъ, чтобы пользоваться свободой, то онъ ее никогда не получитъ" *). Дѣйствительность оправдала слова Маколея. Массы въ Англіи быстро привыкли къ общественной жизни, когда онѣ были призваны къ ней двумя великими реформами. Теперь даже „ходжъ" (сельскій работникъ) такъ разумно пользуется безграничной свободой личности, что непонятно даже зловѣщее карканье тори лѣтъ двадцать тому назадъ. Тогда, наканунѣ великой гладстоновской реформы, увѣряли, что дать избирательное право „ходжу" — тоже, что заряженный пистолетъ, со взведеннымъ куркомъ и со слабымъ спускомъ—ребенку. Критическая мысль, направленная въ британскихъ колоніяхъ въ надлежащую сторону, создала безъ всякихъ осложненій, тихо и „просто", новыя формы общественности, поражающія старый континентъ своею смѣлостью и практичностью. Тотъ же Маколей сообщаетъ (въ статьѣ Hallam's Constitutional History), какъ работала дальше критическая мысль. „Пресса освободилась отъ контроля послѣ изгнанія Стюартовъ. Министерство немедленно же подпало подъ контроль печати. Послѣдствіемъ свободы печати было то, что крайность и грубость въ статьяхъ исчезла сама собою. Виги научились умѣренности, когда стали у власти; тори же узнали принципы свободы, находясь въ оппозиціи" **).

Теперь въ области политики печать въ Англіи пользуется почти безконечной свободой. Она можетъ рѣзко критиковать не только дѣятельность министровъ, но и короны. И именно эта безграничная свобода повела къ тому, что тонъ англійскихъ газетъ отличается замѣчательной корректностью.

Критическая мысль могла въ Англіи свободно проявиться и въ той области, которая во Франціи и въ Германіи долго была очерчена волшебнымъ кругомъ. „Побужденіе, природное первобытному человѣку,—говоритъ великій англійскій ученый, пользующійся заслуженной извѣстностью у насъ,—заставляло его задаваться вопросомъ о причинахъ естественныхъ явленій. Это же самое побужденіе, культивированное и усиленное, ведетъ въ наше время къ научнымъ изслѣдованіямъ. Поощряемые имъ, при помощи процесса абстракціи и исходя изъ опыта, мы создаемъ теоріи, лежащія внѣ предѣла опыта, но дающія удовлетвореніе нашему уму, желающему найти причину каждаго явленія. Наши

*) Lord Macaulay's Essays. Popular Edition. 1895. P. p. 20—21.

**) Ib., p. 93.

историческіе и доисторическіе предки, выясняя себѣ причину явленій, слѣдовали тѣмъ же путемъ, что и мы, насколько имъ позволялъ умъ. Наши предки тоже исходили изъ опыта; но факты, составлявшіе основу и успѣхъ ихъ теорій, были почерпнуты не изъ изученія природы, а изъ наблюденій надъ человѣкомъ (Это было ближе и легче). Поэтому, теоріи нашихъ доисторическихъ и историческихъ предковъ приняли антропоморфическій характеръ. Управленіе естественными явленіями было передано, какъ говоритъ Юмъ въ „Natural History of Religion", сверхчувственнымъ существамъ, которыя, не смотря на то, что они мощны и невидимы, носятъ человѣческій характеръ и могутъ обладать такими же страстями *).

Англійскіе раціоналисты переступили завѣтную черту тогда, когда во Франціи возможно было еще дѣло Барра. Болингброкъ и Честерфильдъ прямо говорили то, для выраженія чего ученику ихъ, Вольтеру, приходилось прибѣгать къ иносказаніямъ. Въ концѣ семнадцатаго вѣка въ Англіи появился великій трактатъ „Essay on human understanding", въ которомъ геніальный авторъ (Локкъ) категорически выставилъ, что все человѣческое знаніе основывается на одномъ опытѣ. Болѣе чѣмъ за вѣкъ до появленія „Фауста", Локкъ уже знаетъ, что главнѣйшій источникъ человѣческаго заблужденія заключается въ томъ, что, гдѣ нѣтъ понятій, тамъ во время является слово. Онъ доказываетъ, что всякое познаніе происходитъ изъ впечатлѣній чувствъ. Врожденныхъ идей не существуетъ. Если иные люди склонны считать свои раннія впечатлѣнія врожденными, то только потому, что не сознаютъ, какъ они явились. Понятіе о высшемъ метафизическомъ началѣ также не врождено намъ, потому что у многихъ народовъ его совсѣмъ нѣтъ, а гдѣ оно и существуетъ, то въ высшей степени разнообразно. Если, такимъ образомъ, идеи не врождены, то какъ приходитъ къ нимъ разумъ? У Локка на это прямой отвѣтъ: разумъ доходитъ до идеи путемъ опыта. Чтобы повторить эту самую мысль, Вольтеру, почти черезъ сто лѣтъ, приходилось пускаться на хитрости. Онъ придавалъ статьѣ фривольный характеръ (см., напримѣръ, статью „Passions" въ „Dictonntire Philosophique" **). Въ XIX вѣкѣ критическая мысль въ Англіи пошла

---

*) Lectures and Essays by professor Tyndall, p. 13.

**) Я пропускаю остроумный, но абсолютно невозможный для перевода примѣръ, который впослѣдствіи варіированъ въ сценѣ въ лабораторіи, во второй части «Фауста». «Es wird ein Mensch gemacht», — объясняетъ Вольтеръ «доктору теологіи». «Человѣкъ сидитъ за столомъ и плотно закусываетъ, съ аппетитомъ. Ему приносятъ письмо, которое причиняетъ ему печаль и страхъ. Въ то же мгновеніе мышцы его живота сокращаются и ослабѣваютъ. Червеобразное движеніе кишекъ увеличивается. Сжимательная мышца rectum открывается... Dis-moi donc quelle connexion secrète la nature a mise entre une idée et une selle?» («Oeuvres de Voltaire, компактное изданіе 1827, v. IV, p. 1793). Къ такимъ нечистоплотнымъ примѣрамъ приходилось прибѣгать, чтобы контрабандой провести мысль, которую Локкъ высказалъ прямо.

еще дальше впередъ, смѣло провозглашая право разума. „Девятнадцатый вѣкъ,—говоритъ нѣмецкій ученый, являющійся однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ преемниковъ и продолжателей Дарвина,—больше сдѣлалъ для прогресса разума, чѣмъ всѣ предшествующіе вѣка вмѣстѣ. Онъ открылъ передъ нами новыя области знанія, которыхъ даже существованіе не подозрѣвалось въ началѣ XIX вѣка. И, что важнѣе всего, этотъ вѣкъ ясно показалъ намъ возвышенную цѣль монистической космологіи и намѣтилъ единственный путь, ведущій къ ней. Путь этотъ—точное эмпирическое изслѣдованіе явленій и критическое изученіе ихъ причины. Великій обобщающій законъ *механической причинности*, управляетъ, какъ вселенной, такъ и разумомъ человѣка. Этотъ законъ—неподвижная полярная звѣзда, свѣтъ которой падаетъ на весь темный лабиринтъ безчисленныхъ отдѣльныхъ феноменовъ *).“ Упомянутый путь былъ намѣченъ въ Англіи въ серединѣ XIX вѣка. До этого англійскіе же поэты и публицисты начала XIX вѣка отстаивали права разума на изысканіе. Въ мистеріи Байрона Люциферъ говоритъ Каину:

«One good gift has the fatal 'apple given —
Your reason:—let it not be over-sway'd
By tyrannous. threats to force you into faith
'Gainst all external sense and inward feeling:
Think».

Почти въ то же время Маколей фиксировалъ ту же мысль любимымъ способомъ своимъ—яркимъ и конкретнымъ образомъ. Въ статьѣ о поэмахъ Роберта Монгомэри онъ разсказываетъ такую притчу. Благочестивый браминъ далъ когда-то обѣтъ принести въ жертву овцу. Въ назначенный день онъ отправился, чтобы купить ее. По сосѣдству жили три мошенника, которые знали объ обѣтѣ и задумали воспользоваться этимъ. Первый мошенникъ вышелъ на встрѣчу къ брамину и спросилъ его: „хочешь купить овцу? У меня есть одна, которая какъ разъ годится для жертвоприношенія.“ „Я съ этой цѣлью и вышелъ сегодня“,—отвѣтилъ браминъ. Тогда мошенникъ открылъ мѣшокъ и вытащилъ нечистое животное; отвратительную, слѣпую и хромую собаку. „Негодяй!—воскликнулъ браминъ.—Ты дотронулся до нечистаго животнаго и говоришь ложь! Неужели ты зовешь этого пса овцой?“ „Я говорю правду. Это—отличная овца. Смотри, какъ мягко ея руно, и какъ она жирна. Она можетъ служить жертвой, угодной богамъ.“ „Послушай, мой другъ, — отвѣтилъ браминъ,—или ты, или я ослѣпъ.“ Какъ разъ въ этотъ моментъ подошелъ другой соумышленникъ.

— Хвала богамъ!—воскликнулъ онъ.—Они избавляютъ меня отъ необходимости пойти въ городъ на рынокъ за покупкой

*) E. Haeckel, Die Welträthsel. Volksausgabe. ch. XX.

овцы. Вотъ какъ разъ такая овца, какая нужна мнѣ. Сколько ты хочешь за нее?—Услыхавъ это, браминъ смутился. Голова у него закружилась, какъ у факира, подвѣшеннаго высоко въ воздухѣ во время великаго праздника.

— Смотри, что ты дѣлаешь,—сказалъ онъ.—Это не овца, а нечистый песъ.

— Браминъ!—воскликнулъ второй мошенникъ,—ты или пьянъ, или сошелъ съ ума.

Тутъ подошелъ третій соумышленникъ.

— Спросимъ у него, что это за животное,—предложилъ браминъ,—а я послушаю, что онъ скажетъ.—Остальные согласились. Тогда браминъ окликнулъ: „Эй, прохожій, какъ ты назовешь это животное?

— Да это прекрасная овца,—отвѣтилъ третій мошенникъ.

— Должно быть боги отняли у меня разумъ!—печально сказалъ браминъ. Онъ попросилъ извиненія у перваго мошенника, купилъ собаку за мѣрку риса и за гарнецъ пива и принесъ ее въ жертву богамъ, которые разгнѣвались за это и послали на брамина проказу. Смыслъ индійской притчи таковъ: вѣрь только своему разуму и опыту. Не принимай нелѣпости, хотя бы за нее стояло все.

II.

Итакъ, мы видѣли направленіе, принятое англійской критической мыслью.

Она пыталась уничтожить все то, что мѣшаетъ личности развиваться, что такъ или иначе сковываетъ умъ. Самый большій барьеръ, лежавшій на пути развитія критической мысли, былъ сметенъ движеніемъ 1648 г. Въ другихъ странахъ критическая мысль не могла сразу попасть въ надлежащее русло. Съ нею повторилось нѣчто подобное тому, что произошло бы на литейномъ заводѣ, если бы не дать расплавленному металлу вылиться въ „копежъ“. Критическая мысль въ странахъ, гдѣ проявленіе ея сдерживалось, нашла точку приложенія силы въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. И вотъ въ результатѣ мы имѣемъ такой фактъ. Вопросы, которые кое гдѣ на континентѣ кажутся почти непреодолимой преградой,—въ Англіи, и тѣмъ болѣе въ австралійскихъ колоніяхъ ея, давнымъ давно разрѣшены. „Ареопагетика“ Мильтона, „The Shortest Way with the Dissenters“ Дефо, „Письма Юніуса“ и другіе знаменитые памфлеты XVII и XVIII в.в. потеряли теперь для англичанъ всякое значеніе, хотя для нѣкоторыхъ странъ на континентѣ эти произведенія представляютъ животрепещущій интересъ. Свобода слова, совѣсти и личности, которую отстаивали авторы этихъ памфлетовъ, давнымъ-давно составляютъ уже незыблемую основу англійскаго общества. Больше того. Эта

свобода толкуется теперь гораздо шире, чѣмъ во времена Мильтона или Юніуса.

Съ другой стороны, разсужденія, кажущіяся англичанамъ страшно новыми, смѣлыми и парадоксальными (потому что ихъ критическая мысль работала два вѣка въ другомъ совершенно направленіи)—вызываютъ на континентѣ только добродушную улыбку. И это въ такихъ странахъ, гдѣ идеалы, отстаиваемые Мильтономъ или Юніусомъ, ждутъ еще осуществленія въ жизни. Конкретные примѣры мы найдемъ у Бернарда Шоу. Въ прошломъ письмѣ я упоминалъ уже о послѣднемъ произведеніи его—*Man and Superman*. Герой послѣдняго, эксцентричный философъ Таннеръ, пугаетъ,—по словамъ автора,—всѣхъ окружающихъ крайностью своихъ взглядовъ. Знакомые философа—въ отчаяніи. Они узнаютъ, что ихъ племянница готовится быть матерью. Имъ еще неизвѣстно, что она тайно обвѣнчана, „Чего вы сокрушаетесь!—восклицаетъ философъ.—Предъ нами женщина, которую всѣ подозрѣвали, что она скверно рисуетъ акварелью, разыгрываетъ Грига и Брамса, шляется по концертамъ и тратитъ время свое и деньги. Внезапно мы узнаемъ, что она, вмѣсто этихъ глупостей, поставила себѣ высокую цѣль: увеличить населеніе на землѣ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы радоваться и удивляться смѣлости вашей племянницы; вмѣсто того, чтобы восклицать: „у насъ дитя рождается!“—вы имѣете такой убитый видъ, какъ будто она совершила самое ужасное преступленіе!“ *)—„Женщина, ищущая мужчину, чтобы выйти за него замужъ,—среди всѣхъ хищныхъ животныхъ самое безстыдное.—Ни одна ошибка не отозвалась такъ гибельно на совѣсти человѣчества, какъ смѣшиваніе брака, какъ института, съ моралью... Бракъ,—капканъ для улавливанія мужчины. Наживкой является обманчивая идеализація. Когда мать научила васъ путемъ безпрестаннаго пиленія и наказанія исполнять десятокъ пѣсенокъ на лютнѣ [говоритъ это тѣнь Донъ Жуана тѣни доньи Анны], которую она ненавидитъ такъ же, какъ и вы, то у ней была лишь одна цѣль впереди: заманить вашего ухаживателя. Ему нужно было внушить, что вашъ мужъ пріобрѣтаетъ ангела, который наполнитъ домъ небесной мелодіей. Вы вышли замужъ за моего пріятеля Оттавіо. Ну, что же, прикоснулись ли вы къ лютнѣ съ тѣхъ поръ, какъ церковь соединила васъ?—Донья Анна отвѣчаетъ: „Все это пустяки; большею частью—браки бываютъ счастливые.—Ну это слишкомъ сильно,—возражаетъ Донъ Жуанъ. Въ большинствѣ случаевъ благоразумные люди просто стараются по возможности примириться съ своимъ положеніемъ. Если бы меня отправили на галеры и приковали бы къ каторжнику, который случайно носитъ нумеръ, слѣдующій за тѣмъ, что у меня, я долженъ былъ бы примириться съ послан-

*) «Man and Superman», p. 25.

нымъ мнѣ товарищемъ. Говорятъ, иногда въ подобныхъ случаяхъ завязывается настоящая и трогательная дружба. Большинство, во всякомъ случаѣ, терпитъ другъ-друга. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что кандалы — желательное украшеніе, а галеры — пріютъ блаженства. Про блаженство брака и про постоянство даннаго обѣта больше всѣхъ толкуютъ тѣ, которые доказываютъ, что если цѣпь разорвется и каторжникамъ дадутъ свободу, то вся общественная фабрика рухнетъ...

Не кажется ли вамъ это страннымъ? Если каторжникъ счастливъ, зачѣмъ сковывать его? Если же нѣтъ, то зачѣмъ же увѣрять, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ?" *)

Не слѣдуетъ думать, однако, что въ своихъ пьесахъ Бернардъ Шоу ограничивается анализомъ явленій, лежащихъ въ узкомъ кругѣ личныхъ отношеній, и что тутъ онъ подпѣваетъ слабымъ голосомъ Ибсену. Жизнь, даже такая нормальная и уравновѣшенная, какъ англійская, эволюціонируя, выдвигаетъ новыя явленія, въ которыхъ нужно, такъ или иначе, разобраться. Просматривая пьесы Бернарда Шоу, мы приходимъ къ заключенію, что талантливый авторъ не обладаетъ такою „общественною слѣпотою", какъ, напр., Пинеро или Джонесъ. Онъ замѣчаетъ новыя явленія; но, оцѣнивая ихъ, повидимому, заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы отнестись къ нимъ *иначе*, чѣмъ другіе въ Англіи. Бернарда Шоу часто упрекаютъ въ эксцентричности ради эксцентричности. И этотъ упрекъ въ значительной степени справедливъ. Нужно замѣтить, что у англичанъ, если можно такъ выразиться, больше нравственнаго досуга, чѣмъ у жителей многихъ частей континента, разбираться спокойно во многихъ эксцентричныхъ вопросахъ. Самые большіе камни, лежащіе на пути каждаго общества, начинающаго жить сознательной жизнью, въ Англіи отброшены уже давно. Сильная оригинальная индивидуальность можетъ развиваться здѣсь свободно; она можетъ намѣчать планы, осуществленіе которыхъ произойдетъ въ нѣсколько лѣтъ; ей нечего страшиться, что въ видѣ deus ex machina безпрестанно можетъ вмѣшаться посторонняя дикая и жестокая сила, которая не позволяетъ индивидууму думать, какъ онъ желаетъ, и говорить, что̀ онъ считаетъ вѣрнымъ. Англичанину нечего страшиться этой силы, укрощенной еще его предками. Онъ не живетъ подъ вѣчнымъ трепетомъ, что сила эта можетъ во всякій моментъ исковеркать его жизнь или умчать его дѣтей, какъ уноситъ въ сказкѣ воронъ дочь купца. Въ нѣкоторыхъ странахъ на континентѣ безпрерывная драма обусловливается тѣмъ, что жизнь переросла дѣйствительность на два вѣка. Жизнь вгоняютъ въ рамки, которыя всегда были тѣсны. — Этимъ драматическимъ положеніемъ обусловливается цѣлый рядъ дикихъ,

---

*) Man and Superman, p. 121—122.

жестокихъ и нелѣпыхъ явленій, коверкающихъ тысячи жизней. При подобныхъ обстоятельствахъ нѣтъ *нравственнаго* досуга разбираться въ эстетическихъ вопросахъ, быть можетъ, представляющихъ сами по себѣ большой интересъ. Приходится напрягать всѣ усилія, чтобы какъ нибудь передѣлать дѣйствительность такъ, чтобы она соотвѣтствовала жизни... Трудъ этотъ—тяжелый и сопряженъ со многими жертвами... Въ Англіи ничего этого нѣтъ. Тутъ жизнь не слишкомъ переросла дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, устранено уже дѣйствіе дикой, грубой силы, стремящейся подавить всякое проявленіе индивидуальности. Общество эволюціонируетъ правильно. Такія событія, какъ, напр., билль о реформахъ 1867 г., земскій ирландскій билль 1899 или аграрный ирландскій билль 1903 г., которыя, въ сущности, носятъ характеръ революціи,—въ Англіи свершились тихо и спокойно. При подобныхъ условіяхъ для англійскаго публициста не можетъ существовать вопроса, имѣетъ ли онъ нравственное право заняться разработкой такой-то темы, не представляющей никакого общественнаго значенія. Тотъ или иной вопросъ является для англійскаго публициста самоцѣлью. У писателя не можетъ зародиться такое сомнѣніе: „нѣтъ спора, вопросъ о сущности прекраснаго—очень интересенъ; но какъ мнѣ спокойно отдаться ему, когда вся окружающая дѣйствительность—дикая и возмутительная нелѣпость?“

III.

Типы героевъ англійскихъ пьесъ фиксированы до извѣстной степени. Мы ихъ имѣемъ въ каждомъ драматическомъ произведеніи подъ различными именами. Нѣтъ, напр., англійской драмы, въ которой не было бы добродѣтельной, прекрасной героини, кудри которой свѣтлы, какъ ея душа. Героиню преслѣдуетъ злодѣйка, надѣленная дьявольской красотой. Волосы этой дамы непремѣнно черны, какъ осенняя ночь. Это въ нѣкоторомъ родѣ символическое изображеніе цвѣта ея злобной души. На афишахъ, наклеенныхъ на всѣхъ городскихъ станціяхъ, непремѣнно изображена эта дама. Она поджала губы, нахмурила брови и сурово глядитъ на всѣхъ клэрковъ, работниковъ и „людей изъ Сити“, спѣшащихъ на работу или домой. На афишѣ непремѣнно значится что нибудь въ родѣ слѣдующаго: „Кто это?—Какъ, вы не знаете? Это—„Самая скверная женщина въ Лондонѣ“. Въ ковычки „ “ взято названіе драмы. Къ фиксированнымъ типамъ англійскихъ драмъ нужно причислить также и офицеровъ. Въ драмахъ фигурируютъ всегда двѣ разновидности. Во первыхъ,—„старый вояка“. Онъ любитъ войну, изъ всѣхъ духовъ признаетъ лишь запахъ пороха, не дуракъ выпить, имѣетъ любимое ругательство, въ родѣ, напр.—штыкъ вамъ въ зубы! При всемъ томъ, онъ благороденъ, открытъ.

Словомъ, сбитое клишэ, которымъ усиленно пользуются шаблонные романисты и драматурги чуть ли не всего свѣта. Вторая разновидность—молодой офицеръ. Онъ хотя храбръ и тоже больше всѣхъ симфоній любитъ „упоительную музыку пуль"; но онъ прекрасенъ, изященъ и является воплощеніемъ всѣхъ совершенствъ. Обѣ разновидности, какъ мы видѣли, часто фигурируютъ въ комедіяхъ Джонеса и Пинеро. Бернардъ Шоу тоже написалъ военную пьесу (Arms and Man), но единственно съ цѣлью сказать противоположное тому, что говорятъ другіе англійскіе драматурги. „Я отлично знаю,—говоритъ Бернардъ Шоу въ предисловіи ко второму тому драматическихъ произведеній, что герой, выведенный у меня въ „Arms and Man", не похожъ на принятый на сценѣ типъ солдата. Онъ страдаетъ отъ голода и отъ отсутствія сна; его нервы совершенно расшатаны послѣ трехъ дней, проведенныхъ подъ огнемъ и закончившихся пораженіемъ и бѣгствомъ. Офицеръ этотъ на опытѣ убѣдился, что на полѣ сраженія нѣсколько кусочковъ шоколада, которыми можно перекусить, полезнѣе револьверныхъ патроновъ. Мои суровые критики назвали все это невѣроятнымъ и фантастическимъ" *). Насъ, признаться, въ этой пьесѣ поражаетъ не то, что воинъ можетъ любитъ шоколадъ больше, чѣмъ пули, а удивительная смѣлость автора. Бернардъ Шоу, который посѣтилъ Балканскій полуостровъ по куковскому билету, написалъ пьесу изъ болгарской жизни, не зная совершенно языка. Дѣйствіе происходитъ во время сербско-болгарской войны, послѣ битвы при Сливницѣ. Герой — профессіональный солдатъ, артиллерійскій офицеръ сербской службы Блунчли, швейцарецъ родомъ, бѣжитъ послѣ разгрома сербской арміи. За нимъ гонятся болгарскіе солдаты, опьяненные побѣдой и водкой. Блунчли спасаетъ Раина, дочь болгарскаго майора Петкова, въ комнату которой онъ забирается черезъ окно. Блунчли развинченъ совершенно и требуетъ себѣ убѣжища съ револьверомъ въ рукахъ. *Раина* (*гордо*). Хотя я женщина но у меня въ груди такое же храброе сердце, какъ у васъ. *Блунчли.* Очень можетъ быть. Вы не были подъ огнемъ, какъ я, три дня подрядъ. Я могу выдержать два дня; но никто не можетъ выдержать трехъ дней. Я теперь нервенъ и робокъ, какъ мышь (*Садится на диванъ и беретъ голову въ обѣ руки*). Хотите, чтобы я заплакалъ? *Раина* (*тревожно*). О, нѣтъ. *Блунчли.* Если вы хотите этого, то вамъ стоитъ только побранить меня, какъ будто бы вы нянька, а я маленькій мальчикъ. Если бы я находился теперь въ лагерѣ, товарищи продѣлали бы надо мною рядъ штукъ. *Раина.* Я не стану журить васъ (*Тронутый ея сочувствіемъ, Блунчли поднимаетъ голову и глядитъ съ благодарностью на дѣвушку; она отступаетъ и говоритъ холодно*). Простите. Наши солдаты не таковы. *Блунчли.* О, они такіе же, какъ и я. Есть только два

*) «Pleasant Plays», p. XVI.

типа солдатъ: старые и молодые. Я служу уже четырнадцать лѣтъ. Ваши же солдаты никогда раньше не нюхали пороха. Какъ же случилось, что они поколотили насъ? Только потому, что они абсолютно невѣжественны въ военномъ искусствѣ (*Съ негодованіемъ*). Никогда въ жизни не видалъ я еще такого полнаго незнанія. *Раина* (*иронически*). Въ чемъ незнаніе? Въ томъ, что мы поколотили васъ? *Блунчли*. А что? Развѣ знаніе проявляется въ томъ, чтобы бросить кавалерійскій полкъ въ атаку на батарею машинныхъ пушекъ? Опытный офицеръ знаетъ, что если пушки выстрѣлятъ, то отъ полка не останется и слѣда. Я не могъ повѣрить глазамъ моимъ, когда увидѣлъ болгарскій полкъ, скакавшій на нашу батарею. *Раина* (*съ энтузіазмомъ*). Такъ вы видѣли знаменитую кавалерійскую атаку? О, разскажите о ней! Опишите мнѣ ее. *Блунчли*. Вы никогда не видали такой атаки? *Раина*. Гдѣ же я могла видѣть? *Блунчли*. Это забавное зрѣлище. Похоже на то, какъ бросаютъ горсть гороха въ стекло. Вначалѣ ударяетъ одна горошина, потомъ стучатъ еще двѣ или три и затѣмъ—всѣ остальныя вмѣстѣ. *Раина* (*глаза ея раскрыты. Въ экстазѣ поднимаетъ руки)*. Да впереди идетъ,—храбрѣйшій изъ храбрыхъ! *Блунчли* (*прозаически*). Гм! Вамъ слѣдовало бы посмотрѣть, какъ бѣдняга затягивалъ удила зарвавшемуся коню! *Раина*. Зачѣмъ это онъ дѣлаетъ? *Блунчли* (*нетерпѣливо въ виду такого непониманія*). Конь его мчится слишкомъ быстро. Неужели вы думаете, что бѣдняга желаетъ, чтобы его убили раньше всѣхъ? Дальше массой скачутъ остальные кавалеристы. Вы узнаете молодыхъ солдатъ по ихъ запальчивости и дикому виду. Старые солдаты знаютъ, что они только метательный снарядъ и что безполезно сражаться. Они скачутъ грудой. У убитыхъ, большею частью, сломаны ноги въ колѣняхъ, потому что лошади скачутъ слишкомъ близко одна отъ другой *). (Arms and the Man, Act I).

Въ общемъ, пьеса носитъ всѣ отличительные признаки англійскихъ фарсовъ. Бернарда Шоу въ болгарахъ поражаетъ, главнымъ образомъ, предубѣжденіе противъ умыванія. Тотъ, кто моетъ руки разъ въ день, тотъ аристократъ. Раина протягиваетъ свою руку Блунчли, желая убѣдить его, что онъ въ безопасности. *Блунчли* (*Пристально осматриваетъ свои руки*). Лучше не дотрогивайтесь до моей руки. Мнѣ нужно прежде умыться. *Раина* (*тронутая*). Очень мило съ вашей стороны. Вижу теперь, что вы настоящій аристократъ. *Блунчли* (*въ недоумѣніи*). А? *Раина*. Я понимаю. У насъ въ Болгаріи тоже люди лучшаго круга, какъ мы, напр., приняли уже обычай мыть руки почти каждый день.—Во второмъ актѣ майоръ Петковъ, отецъ Раины, возвратившійся послѣ

---

*) Военные англійскіе историки говорятъ, что стремительная кавалерійская атака на сербскія батареи, рѣшившая судьбу сраженія при Сливницѣ, удалась потому, что въ рѣшительный моментъ сербскіе артиллеристы нашли, что выданные имъ заряды не подходятъ къ машиннымъ пушкамъ.

войны домой, справляется у жены о здоровьѣ. *Катерина.* Я совсѣмъ здорова. Вотъ только горло болитъ по обыкновенію. *Петковъ* (*убѣжденно*). А все это потому, что ты моешь шею каждый день. Я тебѣ постоянно говорилъ это. *Катерина.* Пустяки, Павелъ. *Петковъ.* Рѣшительно не понимаю, зачѣмъ это всѣ перенимаютъ модныя обычаи. Отъ этого умыванія добра не можетъ быть; слишкомъ ужъ чудно оно. Въ Филиппополѣ былъ англичанъ, такъ тотъ обливался водой каждый день. Что за гадость! Вся эта мода идетъ отъ англичанъ. У нихъ тамъ климатъ, говорятъ, такой, что всѣ постоянно грязны, такъ что приходится все полоскаться. Ты припомни-ка моего отца! Никогда въ жизни своей онъ не купался, а прожилъ до девяносто лѣтъ и былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ въ Болгаріи. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы люди такого хорошаго рода, какъ я, умывались разъ въ недѣлю. Нужно поддержать положеніе. Но мыться каждый день значитъ уже впадать въ крайность *).—Курьезно, что какой-то англійскій критикъ обидѣлся за болгаръ и упрекнулъ Бернарда Шоу за то, что онъ оскорбляетъ „народъ, борющійся за свою свободу". Бернардъ Шоу счелъ необходимымъ оправдываться въ предисловіи къ полному собранію своихъ драматическихъ произведеній. „Мой критикъ, вѣроятно, читалъ про ту ссору, которая возникла между Стамбуловымъ и знатной болгарской дамой по поводу того, что тотъ не всегда чистилъ ногти,—говоритъ Бернардъ Шоу.—Затѣмъ прибыло извѣстіе о варварскомъ убійствѣ Стамбулова. Вдова его украсила комнату, въ которой стоялъ гробъ, фотографіями, снятыми съ изрубленнаго и изувѣченнаго трупа. Это—достаточное подтвержденіе точности моего описанія способнаго народа, только что вышедшаго изъ рабскаго состоянія и перенимающаго европейскую цивилизацію" **). Обстоятельство, что Стамбуловъ забывалъ вычистить ногти, кажется англичанину, даже такому смѣлому, какъ Бернардъ Шоу, столь же дикимъ, какъ и украшеніе комнаты фотографіями изувѣченнаго трупа мужа.

При всемъ томъ „Arms and the Man"—очень остроумный и талантливый фарсъ. Заканчивается онъ вполнѣ какъ подобаетъ фарсу. Война кончена. Блунчли снова посѣщаетъ Петкова, на этотъ разъ не какъ бѣглецъ. Его вызываютъ въ Швейцарію, гдѣ умеръ старый Блунчли, оставивъ сыну нѣсколько гостиницъ. Сербскій офицеръ узнаетъ, что женихъ Раины, Сергѣй Сарановъ женится на другой, поэтому онъ самъ сватается къ дѣвушкѣ, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. *Катерина* (*съ холодной и надменной вѣжливостью*). Сомнѣваюсь, милостивый государь, понимаете ли вы вполнѣ высокое положеніе, занимаемое моею дочерью или майоромъ Сергѣемъ Сарановымъ, мѣсто кото-

*) «Arms and the Man», Act. II.
**) «The four Pleasant Plays», p. XVII.

раго вы желаете занять. Сарановы и Петковы—самые богатые и вліятельные люди во всей Болгаріи. Наше положеніе почти историческое: нашъ родъ извѣстенъ вотъ уже двадцать лѣтъ. *Петковъ.* Это ничего, Катерина *(Обращаясь къ Блунчли).* Дѣло было бы еще поправимое, если бы препятствіемъ брака являлась только наша родовитость. Но, чортъ возьми! Видишь ли, Блунчли, Раина привыкла къ роскошной жизни. Сергѣй держитъ двадцать лошадей. *Блунчли.* Зачѣмъ же ему столько? Циркъ у него, что ли? *Катерина (строгимъ тономъ).* Моя дочь, милостивый государь, привыкла къ большой конюшнѣ. *Раина.* Замолчи, мама. Ты ставишь меня въ смѣшное положеніе. *Блунчли.* Ну, ладно, если остановка только въ конюшнѣ, то препятствія нѣтъ (*Вынимаетъ изъ кармана пачку писемъ и счетовъ отъ своего адвоката).* Сколько у него лошадей, говорите вы? *Сергѣй.* У меня ихъ двадцать, благородный швейцарецъ. *Блунчли.* А у меня двѣсти лошадей (*Всѣ поражены*). Сколько у васъ повозокъ? *Сергѣй.* Три. *Блунчли.* У меня семьдесятъ. Въ двадцати четырехъ изъ нихъ могутъ усѣсться внутри по двѣнадцати человѣкъ, да по два на козлахъ, не считая кучера и кондуктора. Сколько у васъ скатертей? *Сергѣй.* Чортъ его знаетъ, сколько! *Блунчли.* Есть ихъ у васъ четыре тысячи? *Сергѣй.* Нѣтъ. *Блунчли.* А у меня столько. У меня ещё девять тысячъ шестьсотъ паръ простынь и одѣялъ, двѣ тысячи четыреста перинокъ, десять тысячъ вилокъ и ножей, да столько же дессертныхъ ложекъ. У меня служатъ шестьсотъ лакеевъ. Мнѣ принадлежатъ шесть громадныхъ домовъ, двѣ конюшни и лѣтній садъ съ пивной. Имѣю я четыре ордена и офицерскій чинъ, кромѣ того, я говорю на трехъ языкахъ. Назовите мнѣ еще кого-нибудь въ Болгаріи, у котораго было бы столько же. *Петковъ* (*съ дѣтскимъ благоговѣніемъ*). Ты, вѣроятно, швейцарскій императоръ. *Блунчли.* Мое положеніе—высшее въ Швейцаріи: я свободный гражданинъ. *Катерина.* Въ такомъ случаѣ, капитанъ Блунчли, если дочь наша ничего не имѣетъ противъ васъ, я согласна. *(Петковъ хочетъ что-то сказать).* Майоръ Петковъ такого же мнѣнія. *Петковъ.* Я очень, очень радъ. Двѣсти лошадей! Ай, ай! *). У Бернарда Шоу были гораздо болѣе широкія задачи, чѣмъ написать веселый и остроумный фарсъ. Онъ имѣлъ въ виду доказать нелѣпость войны, превращающей въ добродѣтель грабежъ, убійство и рядъ другихъ преступленій. Правда, все это не ново; но Бернадъ Шоу часто говоритъ, какъ нѣчто необыкновенно оригинальное, то, что только выражено у него другими мыслями. Нашъ авторъ, однако, увлекся возможностью дать смѣшную каррикатуру и забылъ, какъ это часто бываетъ съ нимъ, свою основную мысль.

---

*) Arms and the Man. Act III.

IV.

Послѣдней пьесой, дѣйствіе которой остается въ предѣлахъ реальности, является „мистерія" *Кандида*. Затѣмъ эксцентричный талантъ Бернарда Шоу уноситъ его въ область символизма. Комедіи теряютъ даже тотъ элементъ реальности, который необходимъ въ чисто фантастическихъ произведеніяхъ. Центральными фигурами „мистеріи" являются: Морелль, соціалистъ-пасторъ, мечтающій путемъ проповѣдей излѣчить всѣ общественныя язвы; затѣмъ, жена его Кандида и эксцентричный, далекій отъ жизни восемнадцатилѣтній поэтъ, который отчитываетъ пасторшу длинными тирадами. Поэтъ шокированъ, когда видитъ Кандиду съ метлой въ рукахъ. *Мэрчбэнксъ* (*мягкимъ музыкальнымъ, но печальнымъ и тягучимъ голосомъ*). Я далъ бы вамъ не половую щетку, а лодку, маленькую шлюпку, чтобы уплыть въ ней далеко отъ этого міра, туда, гдѣ мраморные полы моетъ дождь и сушитъ солнце, гдѣ южный вѣтеръ выбиваетъ прекрасные зеленые и пурпурные ковры. Я далъ бы вамъ колесницу, чтобы унести насъ въ небеса, гдѣ свѣтильниками являются звѣзды, которыхъ не нужно наливать керосиномъ каждый день. *Морелль* (*рѣзко*). И гдѣ можно лѣнтяйничать, быть себялюбивымъ и безполезнымъ. *Кандида (раздраженно*). Джемсъ, зачѣмъ ты прервалъ его! *Мэрчбэнксъ* (*вспыхиваетъ).* Да, лѣнтяйничать, быть себялюбивымъ и безполезнымъ, т. е. свободнымъ, счастливымъ и постигающимъ прекрасное. Развѣ не этого именно желаетъ каждый для своей возлюбленной? Таковъ мой идеалъ. О чемъ же мечтаете вы и люди, вамъ подобные, живущіе въ этихъ отвратительныхъ домахъ! О проповѣдяхъ и половыхъ щеткахъ? Вы проповѣдуете вашей женѣ необходимость скрести полы!" **). Поэтъ любитъ Кандиду. Онъ презираетъ и „болтуна" ея мужа, и себя. Наконецъ, онъ предлагаетъ пастору, чтобъ они вдвоемъ отказались отъ Кандиды. „Откажемся отъ нея оба,—пылко говоритъ онъ Мореллю.—Зачѣмъ должна она выбирать между жалкимъ, болѣзненнымъ неврастеникомъ, какъ я, и тупоголовымъ священникомъ, какъ вы. Пойдемъ паломничать: вы на востокъ, я—на западъ. Станемъ искать достойнаго ей возлюбленнаго, какого нибудь архангела съ пурпурными крыльями. *Морелль*. Глупости. Если Кандида настолько безумна, чтобы оставить меня ради васъ, то кто же защититъ ее? Кто ей поможетъ? Кто станетъ работать для нея? Кто будетъ отцомъ ея дѣтей? *Мэрчбэнксъ* (*презрительно пожимаетъ плечами).* Она не задаетъ такихъ вопросовъ. Ей самой нуженъ человѣкъ, которому она бы помогала, покровительствовала и за котораго бы ра-

*) Plays, Pleasant und Unpleasant, v. II, p. XVIII.

**) «Candida», Act II.

ботала. Она ищетъ взрослаго человѣка, котораго нужно было бы охранять, какъ ребенка. О, глупецъ, глупецъ, трижды глупецъ! Я—этотъ человѣкъ (*Пляшетъ неистово*). Вы, Морелль, не понимаете, что такое женщина! Позовите ее. Пусть она сама выбираетъ!

Выходитъ, что поэтъ, дѣйствительно, правъ, и женщины любятъ въ мужчинѣ то, что могутъ ему покровительствовать и охранять его: Кандида остается съ мужемъ, хотя, въ сущности, считаетъ его болтуномъ. „Конечно,—говоритъ она мужу,—все то, что ты излагаешь въ своихъ проповѣдяхъ, совершенно вѣрно и справедливо; но пользы онѣ никакой не приносятъ. Твоимъ слушателямъ рѣшительно все равно, что бы ты ни говорилъ. Конечно, они соглашаются съ тобой, но что за польза въ этомъ, если они поступаютъ совсѣмъ по другому, какъ только ты уходишь? Взгляни на нашихъ прихожанъ. Зачѣмъ они являются каждое воскресенье, чтобы послушать, какъ ты проповѣдуешь? Только потому, что они такъ заняты шесть дней мыслью о деньгахъ, что желаютъ забыть о нихъ хоть разъ въ недѣлю. Это необходимо для отдыха, чтобы на другой день еще съ большимъ рвеніемъ заняться добываніемъ денегъ. Твоею проповѣдью ты положительно помогаешь имъ стяжать богатство, вмѣсто того, чтобы останавливать ихъ. *Морелль.* Ты знаешь, Кандида, что я очень часто журю за это моихъ прихожанъ. Если имъ нужны только смѣхъ и забава, какъ ты говоришь, то почему именно идутъ они въ церковь, а не въ какое другое мѣсто, гдѣ веселѣе? Несомнѣнно, хорошо уже то, что прихожане предпочитаютъ церковь другимъ мѣстамъ. *Кандида.* Всѣ другія мѣста заперты по воскресеньямъ. А если бы даже были отперты, то люди боятся, чтобъ ихъ не увидали, какъ они пойдутъ туда. Къ тому же, милый Джемсъ, ты проповѣдуешь такъ хорошо, что вполнѣ замѣняешь театры. Какъ ты думаешь, почему женщины такія восторженныя послѣдовательницы? *Морелль (обиженный).* Кандида! *Кандида.* О, я знаю. Глупый мальчикъ! Ты думаешь, объясняется это твоимъ соціализмомъ или твоей вѣрой! Онѣ придутъ, что бы всѣмъ имъ ни проповѣдовали!.. *)
Кандида остается съ Мореллемъ, потому что любитъ себя въ заботахъ о немъ. Она видитъ его безпомощнымъ ребенкомъ, безсильнымъ помимо своихъ проповѣдей. Ей нравится, что она покровительствуетъ ему. Типъ Морелля—одинъ изъ лучшихъ, удавшихся Бернарду Шоу. Въ англійской литературѣ этотъ типъ пастора-демократа и реформатора затрогивался не разъ. Впервые мы его находимъ у Джорджа Элліота (въ „Феликсѣ Гольтѣ“); но Бернардъ Шоу далъ этому типу совершенно оригинальное освѣщеніе и, вслѣдствіе этого, образъ получился гораздо болѣе жизненный и выпуклый.

---

*) «Candida», Act II.

Переходимъ теперь къ фантастическимъ пьесамъ символическаго характера. Самымъ крупнымъ и своеобразнымъ произведеніемъ этого рода является комедія „Man and Superman“, появившаяся на дняхъ и составляющая вмѣстѣ съ „The Revolutionist's Handbook“ (собраніе парадоксовъ) четвертый томъ драматическихъ произведеній Бернарда Шоу. Въ этой комедіи являются испанскіе разбойники и не простые, а убѣжденные реформаторы, отрицающіе по принципу частную собственность. Тутъ въ горахъ Сіерра-Невады тѣнь Донъ-Жуана ведетъ философическія дискурсіи съ тѣнью доньи Анны и со статуей командора. Въ собесѣдники приглашаютъ дьявола. Ведутся бесѣды эти не въ стихахъ, какъ принято, а прозой. Это, конечно, нужно поставить Бернарду Шоу въ активъ. Тема разговоровъ—о природѣ человѣческой, вообще, и объ англичанахъ, въ частности. „Англичане никогда не будутъ рабами, — саркастически говоритъ діаволъ (припѣвъ патріотической пѣсни „Rule Britannia“ — „Britons never, never, never will be slaves“): они вольны дѣлать все, что разрѣшитъ имъ правительство и общественное мнѣніе... Въ концертныхъ залахъ въ Англіи вы всегда найдете массу усталыхъ, отяжелѣвшихъ отъ непонятной музыки людей. Они пришли не потому, что, дѣйствительно, любятъ классическую музыку, а потому, что принято любить ее“.—„Земля—театръ, на сценѣ котораго мужчины и женщины играютъ въ героевъ и героинь, въ праведниковъ и грѣшниковъ,—говоритъ Донъ-Жуанъ.—Изъ заблужденія выводитъ ихъ собственное тѣло. Голодъ, холодъ, жажда, старость, болѣзни, а, въ особенности, смерть дѣлаютъ ихъ рабами дѣйствительности. Нужно три раза въ день ѣсть и переваривать; необходимо, чтобы поколѣнія смѣнялись трижды въ столѣтіе. Вѣка вѣры, романтизма и науки всѣ свелись къ одной мольбѣ, которую твердитъ теперь человѣчество: „преврати меня въ здоровое животное!“ „Всѣ поэты твердятъ на различные лады,— продолжаетъ Донъ-Жуанъ, — что за удивительное созданіе человѣкъ“! Да, но, въ то же время, какое неудачное! Человѣкъ—высшая форма проявленія бытія, наиболѣе сознательный изъ живыхъ организмовъ. А между тѣмъ, какъ несовершенно еще работаетъ его мозгъ! Глупость — свойственна человѣку. Трудъ и бѣдность придаютъ ей характеръ жестокости. Воображеніе осуждено на гибель раньше, чѣмъ пойметъ характеръ дѣйствительности. Чтобы скрыть послѣднее, фантазія изобрѣтаетъ иллюзіи и провозглашаетъ за это самое себя геніемъ. Глупость обвиняетъ воображеніе въ безуміи, а воображеніе обвиняетъ безуміе въ невѣжествѣ. Увы, на сторонѣ глупости — знаніе, а воображенія — разумъ“ *). Діаволъ Бернарда Шоу, повидимому, недавно прочиталъ опять „Прологъ въ Небѣ“, именно, то мѣсто, гдѣ Мефистофель говоритъ:

*) Man and Superman. p. p. 103--106.

«Der Kleine Gott der Welt bleibt stets von gleichen Schlag,
Und ist so wunderlich als wie am ersten Tag.
Ein wenig besser würd'er leben,
Hätt'st du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur thierischer als jedes Thier zu sein».

„Исходили ли вы недавно всю землю, какъ это сдѣлалъ я?—говоритъ онъ Донъ Жуану.—Я присматривался всюду къ удивительнымъ изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ человѣкомъ. Могу увѣрить васъ, что въ искусствѣ жить — человѣкъ ничего не придумалъ; за то въ искусствѣ истреблять онъ превзошелъ даже природу. При содѣйствіи химіи и машинъ онъ теперь можетъ производить такія же опустошенія, какъ когда-то чума или голодъ. Крестьяне, которыхъ искушалъ я теперь, ѣдятъ то же самое, что и десять тысячъ лѣтъ тому назадъ; избы, въ которыхъ они живутъ, не мѣняются даже въ тысячелѣтія такъ, какъ шляпка дамы-модницы—въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но когда человѣкъ отправляется убивать, онъ беретъ съ собою машины, поражающія своимъ совершенствомъ. Малѣйшимъ движеніемъ пальца онъ можетъ освободить всю скрытую молекулярную энергію. Дротикъ, стрѣлы и сарбаканъ предковъ давнымъ давно забыты. Въ мирныхъ дѣлахъ человѣкъ — вахлакъ, неловкій пачкунъ. Я видѣлъ его ткацкія фабрики. Каждая собака, если бы ей только нужны были деньги, а не кормъ, могла бы выдумать эти тяжелыя машины. Я видѣлъ еще неуклюжія печатныя машины, неповоротливые паровозы и отвратительные велосипеды. Всѣ они, въ сравненіи съ максимовской пушкой или съ подводной лодкой,—топорныя игрушки. Машины, работающія на фабрикахъ, свидѣтельствуютъ только о жадности и мѣшкотности человѣка. Весь геній его проявляется только въ изобрѣтеніи орудій истребленія. Человѣкъ восхищается жизнью. Для него, однако, это—сила, чтобы причинять смерть. Онъ измѣряетъ свою жизнь — способностью причинять разрушенія. Что такое его религія, какъ не поводъ ненавидѣть меня? Что такое его законъ, какъ не поводъ вѣшать другихъ? Мораль придумана имъ, чтобы потреблять богатства, не производя ихъ. Искусство это—поводъ наслаждаться картинами истребленія... Я купилъ какъ-то журналъ для семейнаго чтенія и нашелъ, что всѣ картины тамъ изображаютъ молодыхъ людей, стрѣляющихъ или душащихъ другъ друга... Я присутствовалъ при смерти человѣка. Онъ былъ лондонскимъ каменщикомъ. У него остались вдова и семь дѣтей. Клубъ, членомъ котораго состоялъ каменщикъ, выдалъ вдовѣ семнадцать фунтовъ, которые она всѣ истратила на похороны, и потомъ, со всѣми дѣтьми, отправилась въ рабочій домъ. Она не истратила бы семи пенсовъ на образованіе дѣтей. Приходится заставлять ее, чтобы она посылала ихъ въ безплатную школу; но на похороны она истратила все, что

имѣла. У людей воображеніе пробуждается только при видѣ чьей либо смерти. Только тогда просыпается ихъ энергія. Люди любятъ смерть, и чѣмъ она ужаснѣе, тѣмъ эта любовь сильнѣе... То же самое—всюду. За высшую форму литературнаго произведенія люди, напримѣръ, признаютъ трагедію, т. е. такое представленіе, въ концѣ котораго убиваютъ всѣхъ. Въ старыхъ лѣтописяхъ говорится про землетрясенія и моръ, при чемъ прибавляется, что все это свидѣтельствуетъ о величіи Божіемъ и о ничтожествѣ человѣческомъ. Въ современныхъ лѣтописяхъ повѣствуется только про сраженія, про то, какъ двѣ арміи пускали другъ въ друга пули и разрывные снаряды до тѣхъ поръ, покуда одна сторона не одолѣла. Тогда побѣдители погнались верхомъ за бѣгущими и стали крошить ихъ саблями. Все это,—прибавляютъ современныя лѣтописи,—свидѣтельствуетъ о величіи и могуществѣ имперіи и о ничтожествѣ побѣжденныхъ. Узнавъ про такія сраженія, народъ бѣжитъ по улицамъ съ радостными воплями и подстрекаетъ свое правительство тратить на бойню еще десятки милліоновъ. Между тѣмъ, самый вліятельный министръ не рѣшится затратить лишнія деньги на уничтоженіе той бѣдности, мимо которой проходитъ каждый день. Я могъ бы привести еще десятки примѣровъ. Всѣ они сводятся къ одному и тому же. На землѣ владычествуетъ сила не жизни, а смерти. Человѣкъ появился не для того, чтобы стремиться къ высшей формѣ жизни, а потому, что въ экономіи природы понадобился болѣе совершенный организмъ для истребленія. Чума, голодъ, землетрясеніе, буря носятъ слишкомъ спазмодическій характеръ. Тигръ и крокодилъ слишкомъ легко насыщаются и не достаточно жестоки. Потребовалось нѣчто болѣе постоянное, болѣе безжалостное и болѣе изобрѣтательное въ искусствѣ истребленія. Тогда явился человѣкъ, изобрѣтатель дыбы, колеса, висѣлицы, казни при помощи электричества, меча и пушки, „правосудія", долга, патріотизма и другихъ „измовъ", заставляющихъ даже добродушныхъ людей быть особенно жестокими".

Бернардъ Шоу въ своихъ драмахъ проявляетъ двѣ несчастныя слабости: во-первыхъ, его чернь (въ особенности въ „философскихъ" пьесахъ) произноситъ безконечные монологи; во-вторыхъ, самъ авторъ, не разсчитывая на догадливость читателя, поясняетъ самъ характеръ своихъ героевъ въ длиннѣйшихъ ремаркахъ. Послѣдней слабости я коснусь еще, а покуда — о длинѣ монологовъ. Діаволъ такъ же многоглаголивъ, какъ и всѣ остальные герои Бернарда Шоу, и такъ же крошитъ въ одну кучу Ничше, Ибсена, Шопенгауэра и Толстого. Получается удивительная окрошка, въ которой серьезная и блестящая мысль чередуется съ дѣтскимъ и наивнымъ афоризмомъ. Донъ-Жуанъ у Бернарда Шоу является защитникомъ жизни. Къ сожалѣнію, онъ тоже не умѣетъ говорить иначе, какъ монологами въ двѣ-три

страницы. Если бы пьеса „Man and Superman“ попала когда-нибудь на сцену, на что надежды въ Англіи мало,—то половина публики заснула бы въ центральной сценѣ, во время бесѣды діавола съ тѣнью Донъ-Жуана. И нужно было бы имѣть очень черствое сердце, чтобы не снизойти къ человѣческой слабости и осудить зрителей.

— Пустяки,—отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ Мефистофелю.—Все это не ново. Ваша постоянная ошибка, мой милый другъ, заключается въ томъ, что вы простакъ и легко даетесь въ обманъ: вы вѣрите оцѣнкѣ, которую самому себѣ сдѣлалъ человѣкъ. Ничто такъ не польститъ ему, какъ ваше мнѣніе о немъ. Онъ любитъ считать себя смѣлымъ и злымъ, хотя, въ сущности, это неправда. Человѣкъ попросту трусъ. Назовите его тираномъ, убійцей, пиратомъ, насильникомъ—вы причините ему величайшее удовольствіе; онъ пойдетъ гоголемъ, гордясь тѣмъ, что въ его жилахъ еще течетъ кровь „русоволосаго звѣря“ и морскихъ викинговъ былого времени. Назовите его лжецомъ и воромъ—онъ привлечетъ васъ только къ суду за клевету; но назовите его трусомъ и онъ придетъ въ бѣшенство отъ ярости. Чтобъ не слышать этой правды, онъ пойдетъ даже на смерть. Человѣкъ даетъ вамъ всѣ объясненія своихъ поступковъ, кромѣ одного; перечислитъ всѣ обстоятельства, смягчающія его преступленіе, кромѣ одного: трусости. Между тѣмъ, вся цивилизація держится, въ сущности, на его трусости, гнусной покорности, которую человѣкъ называетъ респектабельностью. Есть предѣлъ терпѣнію осла или мула; но человѣкъ будетъ выносить все до тѣхъ поръ, покуда его подлость не станетъ противна даже угнетателю, и тотъ сдѣлаетъ попытку реформы.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаетъ діаволъ. — И это — твари, въ которыхъ вы открываете новую мощь—стремленіе къ высшей жизни.

— Да,—отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ,—удивительнѣе всего то, что вы можете сдѣлать этихъ трусовъ храбрецами, если дадите имъ идеалъ... Человѣкъ, который въ своихъ личныхъ дѣлахъ—трусъ до мозга костей, будетъ драться, какъ левъ, за идеалъ *).

Итакъ, смыслъ „философской“ бесѣды, растянутой на 53 страницы **), тотъ, что человѣчество должно быть обновлено идеаломъ, который не есть стремленіе къ „респектабельности“, выставленной средними классами. Жизнь — сила, производившая безконечные опыты, организуя самое себя,—говоритъ Донъ-Жуанъ.—Мамонтъ и человѣкъ, мышь и мегатеріумъ, мухи и творцы догматизированной метафизики всѣ являются болѣе или менѣе успѣшной попыткой претворенія сырой силы во все болѣе высокія инди-

*) Man and Superman, A. III., p. p. 106—111.
**) Ibid. p. p. 56—139.

видуальности. Идеальная индивидуальность должна быть всесильна, всевѣдуща, безъ самообмана увѣрена въ свою мощь. Нужно совершенное самопознаніе.

— Зачѣмъ же жизни заботиться о томъ, чтобы научиться думать?—вставляетъ свой вопросъ статуя командора. — Зачѣмъ ей познать себя? Зачѣмъ не просто наслаждаться?

— Безъ развитого разума, командоръ, вы будете наслаждаться, не сознавая того. Такимъ образомъ, наслажденіе утеряетъ свою прелесть, — поясняетъ Донъ-Жуанъ.

— Совершенно вѣрно; но, съ меня вполнѣ достаточно ровно настолько ума, чтобы сознавать, что я наслаждаюсь. Мнѣ совсѣмъ не нужно знать *почему*. Лучше даже не знать. Изъ опыта мнѣ извѣстно, что наслажденія теряютъ свою прелесть, когда вдумываешься въ нихъ.

— Потому то разумъ такъ не популяренъ; но для жизни онъ необходимъ, ибо безъ него человѣкъ можетъ искать только смерть".

Какъ „добрый старый поэтъ" Уотъ Уитманъ — Донъ-Жуанъ поетъ разумъ, мощь его; какъ Уотъ Уитманъ, Донъ-Жуанъ вѣритъ въ силу разума, а потому проникнутъ глубокимъ оптимизмомъ. Но у поэта демократіи къ восторженному убѣжденію прибавляется еще *простота* формы, этотъ неотъемлемый элементъ каждаго дѣйствительно великаго произведенія. Донъ-Жуанъ Бернарда Шоу заботится, въ значительной степени, не столько о томъ, чтобы сказанное имъ была правда, сколько о томъ, чтобы выражено это было эксцентрично, вычурно, не такъ, какъ у другихъ.

Я упомянулъ уже про то, что Бернардъ Шоу, не довѣряя сообразительности своихъ читателей и зрителей, даетъ имъ въ безконечныхъ ремаркахъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, у Бернарда Шоу есть предшественникъ: тотъ самый художникъ, который подписалъ нарисованнаго имъ льва; но ремарки до такой степени обстоятельны, что становятся, въ концѣ концовъ, любопытны. Вотъ, напр., Рэбекъ Рамсдэнъ, представитель поколѣнія „отцовъ" въ послѣдней философской драмѣ. „Въ кабинетѣ, гдѣ онъ сидитъ,—читаемъ мы въ ремаркѣ,—все сверкаетъ, все солидно, все выполировано. Даже макушка головы Рэбека тоже выполирована. Въ солнечный день, простымъ наклоненіемъ головы, онъ могъ бы посылать геліограмы въ далекій лагерь... Онъ больше, чѣмъ респектабельный человѣкъ: Рэбекъ президентъ респектабельныхъ людей, предсѣдатель среди директоровъ, ольдермэнъ среди совѣтниковъ, мэръ — среди ольдермэновъ... Рэбекъ одѣтъ въ черный сюртукъ, бѣлый жилетъ и штаны, которые не черны и не сини; это тотъ смѣшанный цвѣтъ, придуманный суконщиками, чтобы онъ гармонировалъ съ религіозными убѣжденіями вполнѣ солидныхъ людей...

Рэбекъ родился въ 1839 г.; съ молодыхъ лѣтъ онъ былъ унитаріанцемъ и фритрэдеромъ, и съ появленія происхожденія видовъ — эволюціонистомъ. Въ силу этого, Рэбекъ всегда считалъ себя передовымъ человѣкомъ и безстрашнымъ реформаторомъ", и т. д. Ремарка занимаетъ почти двѣ страницы. Иногда Бернардъ Шоу не только поясняетъ, такимъ образомъ, характеръ своихъ героевъ, но пускается даже въ ремаркахъ въ философію. „Вечеръ въ горахъ Сіерра Невада... На холмѣ стоитъ человѣкъ и караулитъ дорогу; онъ или испанецъ, или шотландецъ. По всей вѣроятности, однако, испанецъ, такъ какъ одѣтъ, какъ мѣстный пастухъ, и чувствуетъ себя въ этихъ горахъ, какъ дома... На откосѣ горы, въ пещерѣ, ведущей въ каменоломню, съ десятокъ людей. Судя по тому, какъ беззаботно размѣстились они вокругъ потухающаго костра изъ пожелтѣвшихъ листьевъ и прутняка, можно заключить, что они думаютъ, что составляютъ живописную группу. Въ сущности же говоря, это совсѣмъ не такъ. Горы терпятъ лишь этихъ людей, какъ мы—блохъ. Англійскій политикъ или членъ комитета призрѣнія бѣдныхъ призналъ бы этихъ людей за отборную шайку бродягъ и за нищихъ, могущихъ работать. Это описаніе отнюдь не означаетъ, что шайка состоитъ изъ „обломковъ человѣчества". Кто внимательно наблюдалъ нашихъ бродягъ или посѣщалъ ночлежные пріюты при рабочихъ домахъ, знаетъ, что посѣтители этихъ мѣстъ не всѣ горькіе пьяницы или слабоумные. Одни изъ завсегдатаевъ рабочихъ домовъ не подошли къ тому классу, къ которому принадлежатъ по рожденію. Тѣ же самые таланты, которые дѣлаютъ образованнаго джентльмэна артистомъ, — превращаютъ необразованнаго чернорабочаго въ „работоспособнаго нищаго". Бываютъ люди, попадающіе въ рабочій домъ, потому что никуда не годны. Но есть тамъ также и такіе, которые очутились въ рабочемъ домѣ по другой причинѣ. Они настолько независимы, что пренебрегли общественными предразсудками. Они увидали, что незачѣмъ жить тяжелымъ поденнымъ трудомъ, когда можно явиться въ рабочій домъ, объявить себя безпомощнымъ бѣднякомъ и заставить, такимъ образомъ, на законномъ основаніи, содержать и кормить себя лучше, чѣмъ на волѣ. Мы готовы крайне снисходительно отнестись къ рожденному поэтомъ, отказывающемуся отъ мѣста въ банкирской конторѣ и перебивающемуся на чердакѣ, задалживая хозяйкѣ и знакомымъ. Мы понимаемъ даму, которая только потому, что она „лэди", готова менѣе пойти въ вѣковѣчныя приживалки, чѣмъ стать кухаркой или горничной. Такого же снисхожденія заслуживаютъ работоспособный нищій и его разновидность—бродяга.

„Дальше. Человѣкъ съ воображеніемъ, чтобы сдѣлать свою жизнь сносной, долженъ имѣть досугъ, чтобы тѣшить самого себя фантазіями; ему нужно такое положеніе, которое легко можно

украсить выдуманными декораціями. У чернорабочаго нѣтъ такого досуга. Его положеніе не поддается прикрашиванію. Мы очень плохо обращаемся съ нашими работниками. И когда человѣкъ не желаетъ, чтобы съ нимъ поступали такъ, мы говоримъ, что онъ отказывается отъ честнаго труда. Будемъ откровенны въ этомъ отношеніи и перестанемъ лицемѣрить. Если бы люди умѣли разсуждать, четыре пятыхъ ихъ немедленно отправились бы въ комитетъ призрѣнія нищихъ и потребовали бы, чтобы ихъ содержали на общественный счетъ. Это подорвало бы весь соціальный строй, но повело бы къ благодѣтельнымъ перемѣнамъ. Не дѣлаемъ этого потому, что мы, подобно муравьямъ и пчеламъ, работаемъ по инстинкту, не разсуждая. Поэтому, отнесемся съ уваженіемъ къ человѣку, умѣющему мыслить и могущему сказать намъ, послѣ того, какъ онъ примѣнитъ кантовскій критеріумъ къ своимъ поступкамъ: „если бы каждый дѣйствовалъ какъ я, міръ вынужденъ былъ бы преобразоваться въ промышленномъ отношеніи и уничтожить рабство и нищету, существующія только потому, что люди поступаютъ, какъ вы". Станемъ не только уважать такого человѣка, но постараемся послѣдовать его примѣру. Будь онъ джентльмэномъ, пускающимъ въ ходъ рѣшительно все, чтобы добиться пенсіи или синекуры, а не чистильщикомъ улицъ,— никто не сталъ бы его осуждать за то, что онъ изъ двухъ золъ выбралъ меньшее; ему предстояло рѣшить, что лучше: жить ли на счетъ общества, или дать обществу жить на свой счетъ, и онъ избралъ первое. Поэтому, станемъ смотрѣть на нашихъ бродягъ изъ Сіерра Невада безъ предубѣжденія. Признаемъ, что у насъ съ ними общія стремленія, а именно, по возможности, жить на чужой счетъ. Разница въ положеніи нашемъ и ихъ—только случайная. Одного или двухъ изъ той компаніи, что сидитъ у костра, лучше было бы убить безъ церемоніи, дружескимъ образомъ. Есть двуногіе, какъ и четвероногіе, которые слишкомъ опасны, когда они не на цѣпи. Совершенно безсмысленно заставлять другихъ людей караулить такихъ двуногихъ. Но такъ какъ общество не имѣетъ мужества истребить ихъ, а только помучивъ и унизивъ, выпускаетъ опять на свободу, то вполнѣ понятно, что они обрѣтаются въ горахъ Сіерра Невада подъ начальствомъ атамана. Этотъ послѣдній сидитъ въ центрѣ группы на обтесанномъ камнѣ, принесенномъ изъ каменоломни. Атаманъ—высокій, сильный человѣкъ, съ крючковатымъ носомъ, лоснящимися черными волосами, остроконечной бородой, съ закрученными усами и съ мефистофелевскимъ выраженіемъ лица. Оно объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ горахъ—красивѣе, чѣмъ на Пиккадили" (модная лондонская площадь) и т. д. Это все изъ одной замѣтки; она тянется еще дальше на цѣлую страницу.

Въ заключительномъ письмѣ, въ которомъ я постараюсь подвести итоги изъ данныхъ, представляемыхъ современнымъ англій-

скимъ театромъ, я коснусь еще афоризмовъ, приложенныхъ къ послѣднему тому собранія драматическихъ сочиненій Бернарда Шоу. Мы видѣли, что однѣ пьесы эксцентричнаго автора не попали на сцену, потому что рѣзки (въ англійскомъ смыслѣ), другія—никогда не увидятъ театра, потому что это, собственно говоря, философскіе трактаты. Не смотря на путаницу во взглядахъ автора, всѣ его пьесы носятъ характеръ злого, не всегда систематическаго анализа современнаго общества. Бернардъ Шоу признаетъ его нелѣпымъ, дикимъ и ненормальнымъ. Въ этомъ Бернардъ Шоу сильно отличается отъ Пинеро, съ произведеніями котораго мы познакомились уже.

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу школьныхъ дѣлъ.—Лѣтній циркуляръ министра народнаго просвѣщенія о школьной дисциплинѣ.—Судьба греческаго языка въ гимназіяхъ.—Открытіе новыхъ женскихъ курсовъ. — Планы министерства народнаго просвѣщенія относительно земскихъ школъ.—II. Вопросъ о земскомъ представительствѣ на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. — III. Высочайшій указъ объ Особомъ Комитетѣ Дальняго Востока.—Мѣры по охранѣ порядка. — Правительственныя распоряженія и сообщенія. — IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія послѣднихъ мѣсяцевъ относительно Финляндіи.—V. Изъ судебъ современной прессы. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

За послѣднее время мнѣ сравнительно рѣдко приходилось бесѣдовать съ читателемъ о той сторонѣ нашей общественной жизни, которая соприкасается съ вопросами образованія и быта учащейся молодежи. Отчасти это зависѣло отъ самаго положенія дѣлъ въ нашихъ школахъ. Проекты коренной реформы учебнаго строя, выдвинутые было министерствомъ народнаго просвѣщенія два года тому назадъ, оказались, какъ извѣстно, крайне недолговѣчными. Не прошло и года со времени ихъ возникновенія, какъ они были уже признаны неподлежащими осуществленію, и мѣсто ихъ заняли предположенія о частичныхъ преобразованіяхъ въ школѣ, при чемъ цѣлью такихъ предположеній являлось не столько введеніе въ школьную жизнь новыхъ началъ, сколько возстановленіе силы началъ старыхъ, поколебленныхъ предшествовавшими реформаторскими планами. Въ такомъ положеніи, не особенно опредѣленномъ и уже въ силу одной этой неопредѣленности довольно тягостномъ, остается наша школа и до настоящей поры.

Съ теченіемъ времени, однако, учебное вѣдомство употребляетъ съ своей стороны все большія усилія къ прекращенію подобной неопредѣленности и къ разъясненію тѣхъ порядковъ, которые оно предполагаетъ установить въ школьной жизни. Одною изъ мѣръ, направленныхъ къ такой цѣли, явился, между прочимъ, циркуляръ, разосланный въ теченіе минувшаго лѣта министромъ народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ. Этотъ любопытный документъ, несомнѣнно, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ изъ газетъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду серьезнаго интереса, представляемаго имъ, не лишнимъ будетъ, пожалуй, напомнить наиболѣе существенное его содержаніе.

Исходнымъ пунктомъ министерскаго циркуляра послужила мысль о необходимости поднятія дисциплины въ нашей средней школѣ. „Въ послѣднее время,—по словамъ министра,—стали все чаще поступать въ министерство народнаго просвѣщенія донесенія учебно-окружныхъ управленій относительно фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ дисциплины въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ, о распущенности воспитанниковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній, а также о вредномъ направленіи мысли, нерѣдко замѣчаемомъ среди учащихся въ старшихъ классахъ. Бывало, напримѣръ, что ученики цѣлаго класса отказывались исполнять распоряженія учебной власти и дѣйствовали при этомъ скопомъ; бывали грубыя и дерзкія выходки со стороны учащихся по поводу полученныхъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, замѣчаній или внушеній преподавателей; встрѣчались случаи прямого нападенія учащихся на лицъ педагогическаго персонала и нанесенія имъ оскорбленія дѣйствіемъ; имѣются, наконецъ, указанія, что среди учениковъ старшаго возраста ведется въ широкихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, порождающая немало жертвъ столь же безразсуднаго, сколь преступнаго движенія". „Изъ поступающихъ въ министерство донесеній о печальныхъ фактахъ этого рода,—продолжаетъ циркуляръ, — усматриваются нерѣдко явные признаки слабости учебной администраціи и педагогическихъ совѣтовъ въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ. Установлено, между прочимъ, что лица учебно-воспитательнаго персонала не обращаютъ почти никакого вниманія на неприличное поведеніе учащихся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ; если же кто-либо изъ служащихъ одного заведенія сдѣлаетъ замѣчаніе въ соотвѣтственномъ случаѣ ученику другого заведенія, то начальство этого послѣдняго встрѣчаетъ такой образъ дѣйствій не съ желательною признательностью, а съ неудовольствіемъ. За самыми рѣдкими исключеніями, не устраивается совѣщаній между директорами находящихся въ одномъ и томъ же городѣ среднихъ школъ, для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся. Правила не разъясняются ученикамъ и

упорное нарушеніе ихъ весьма часто по цѣлымъ категоріямъ проступковъ оставляется безнаказаннымъ. Ученики успѣли свыкнуться съ мыслью, что открытое куреніе на улицахъ, нарушеніе установленной формы одежды, неотдаваніе чести попечителю, мѣстному губернатору и даже генералъ-губернатору представляются уклоненіями отъ требованій правилъ, молчаливо допускаемыми учебнымъ начальствомъ и, во всякомъ случаѣ, систематически ненаказуемыми, такъ какъ служащіе по учебному вѣдомству, словно опасаясь оскорбленій, не дерзаютъ призывать виновныхъ къ отвѣту".

Съ своей стороны, „признавая такое положеніе вещей долѣе нетерпимымъ и строжайше обращая вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, на обязательность неукоснительнаго исполненія монаршей воли о томъ, чтобы молодежь пріучали въ школѣ съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ", министръ народнаго просвѣщенія „считаетъ долгомъ отмѣтить, что въ распоряженіи начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній и педагогическихъ совѣтовъ имѣется достаточно средствъ для воздѣйствія на учащихся—какъ въ смыслѣ примѣненія къ нимъ различныхъ репрессивныхъ мѣръ, поскольку таковыя оказываются необходимыми, такъ и для достиженія педагогическимъ вліяніемъ желательныхъ воспитательныхъ результатовъ". Министръ согласенъ съ тѣмъ, что „исключительно карательными мѣрами упадокъ дисциплины не можетъ быть остановленъ", но „отсюда — по его словамъ—не слѣдуетъ, чтобы учебно-воспитательные органы школы доводили свое послабленіе до прямого попустительства". Въ настоящее же время „съ прискорбіемъ приходится сознаться, что неоднократно свое безучастное отношеніе къ предосудительному поведенію учащихся лица школьной администраціи объясняли ничѣмъ неоправдываемой ссылкой на памятныя всему русскому обществу слова государя императора въ рескриптѣ отъ 25 марта 1901 г., на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго, о необходимости сердечнаго попеченія школы о своихъ питомцахъ". Между тѣмъ, по мнѣнію министра, для всякаго добросовѣстнаго педагога должно быть очевиднымъ, что именно сердечная заботливость о нравственномъ преуспѣяніи воспитывающихся сопряжена съ бдительнымъ и настойчивымъ проведеніемъ извѣстной системы требованій, подчиненіе которымъ только и въ состояніи пріучить юношу къ уваженію законности. Равнымъ образомъ, сердечная забота о нравственномъ развитіи учащихся налагаетъ на воспитателя долгъ пробуждать своевременно въ молодежи чувство личной отвѣтственности за совершаемые поступки, а, стало быть, въ подлежащихъ случаяхъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости, тщательно соображеннымъ со степенью провинности и способностью къ исправленію. Когда, наконецъ, педагогическій совѣтъ убѣдился, что имѣетъ дѣло съ сознательною враждебностью къ

установленному правилами порядку и съ явнымъ ожесточенiемъ ученика, на котораго вплоть до окончанiя имъ курса средней школы не подѣйствовали никакiя внушенiя и доброжелательные совѣты, то учебное заведенiе не только въ правѣ (§ 53 пр. объ исп.), но даже обязано не допустить соотвѣтственнаго воспитанника выпускного класса къ окончательнымъ экзаменамъ по его нравственной незрѣлости. Эта мѣра, помимо своего неизбѣжно сдерживающаго влiянiя на поведенiе учащихся, въ случаѣ правильнаго и осмотрительнаго ея примѣненiя, была бы полезна и въ смыслѣ огражденiя высшихъ учебныхъ заведенiй отъ похваляющихся своею невоспитанностью, а, стало быть, умышленно некультурныхъ элементовъ".

Министръ народнаго просвѣщенiя не ограничился, впрочемъ, лишь приведеннымъ истолкованiемъ того, какъ нужно понимать „сердечное попеченiе" школы объ ученикахъ. Наряду съ этимъ, онъ позаботился отмѣтить въ своемъ циркулярѣ и „тѣ способы дѣйствiя, коими педагогическiй персоналъ можетъ способствовать предотвращенiю указанныхъ печальныхъ явленiй и, въ частности, уберечь воспитанника отъ возникновенiя въ немъ того вызывающаго и озлобленнаго настроенiя, которому, онъ, подъ влiянiемъ постороннихъ агитаторовъ, легко подпадаетъ нынѣ въ старшихъ классахъ учебныхъ заведенiй". Перечисляя эти „способы дѣйствiя", циркуляръ министра въ первомъ ряду ставитъ „категорическое требованiе, чтобы преподаватели и начальствующiя лица безусловно не позволяли себѣ въ обращенiи съ учениками грубыхъ и язвительныхъ замѣчанiй". „Какъ первая испытанная въ школѣ несправедливость, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу авторъ циркуляра,—такъ и оскорбленiе созрѣвающаго въ юношѣ чувства человѣческаго достоинства можетъ заронить въ его душу сѣмя недовѣрiя къ тому общему строю, ближайшимъ выраженiемъ коего является для него учебное заведенiе, въ которомъ его воспитываетъ государство". Сверхъ того, авторъ циркуляра считаетъ себя вынужденнымъ „обратить вниманiе на одно совершенно элементарное и, тѣмъ не менѣе, выпускаемое постоянно изъ виду соображенiе: чѣмъ очевиднѣе будетъ для учениковъ, что получаемая ими въ школѣ духовная пища питательнѣе той, какою предлагаютъ насытить ихъ любознательность враги школы, тѣмъ охотнѣе будетъ признаваться авторитетъ послѣдней. Отсюда—по его словамъ—слѣдуетъ уже, что не обогащающiй своихъ познанiй, не совершенствующiй своихъ преподавательскихъ прiемовъ учитель приноситъ не только дидактическiй, но и педагогическiй вредъ". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, „независимо отъ стремленiя сдѣлать каждый урокъ предметно содержательнымъ и полезнымъ для класса, что̀ предполагаетъ непремѣнную подготовку къ уроку, учитель долженъ помнить, что урокъ самъ по себѣ служитъ орудiемъ воспитательнаго воздѣйствiя", и дол-

женъ стараться „использовать обученіе въ смыслѣ освоенія учащихся съ здравымъ воззрѣніемъ на многое, что чаще всего представляется въ ложномъ освѣщеніи воспитанникамъ извѣстнаго возраста“. Для достиженія послѣдней цѣли циркуляръ особенно рекомендуетъ пользоваться уроками русскаго языка и исторіи и настаиваетъ на необходимости устройства бесѣдъ, посвященныхъ разбору домашнихъ сочиненій по русскому языку въ старшихъ классахъ. „Бесѣды эти—говоритъ циркуляръ—давали бы прекрасный матеріалъ для совмѣстнаго, подъ руководствомъ учителя, обсужденія учениками извѣстныхъ вопросовъ, размышленія о которыхъ нельзя не предположить въ учащихся по мѣрѣ ознакомленія ихъ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ гражданской исторіи, теоріи словесности и исторіи русской литературы“. Между тѣмъ, въ настоящее время, по указанію циркуляра, въ очень многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ такія бесѣды пришли въ полный упадокъ и „самыя темы для сочиненій задаются крайне одностороннія: „разсужденій“ даже совершенно избѣгаютъ“.

Но и внѣ связи съ класснымъ обученіемъ наставники—по словамъ министерскаго циркуляра—„имѣютъ неоднократно поводъ уяснять воспитанникамъ надлежащее воззрѣніе на вещи и устранять такимъ образомъ внутреннее побужденіе къ нарушенію извѣстныхъ правилъ. Поражающая неучтивость и даже заносчивость, съ какою держатся въ настоящее время многіе юноши, обучающіеся въ средней школѣ, объясняется, напримѣръ, весьма распространеннымъ въ ихъ средѣ ложнымъ взглядомъ, по которому скромное и вѣжливое обхожденіе со старшими унизительно для молодого человѣка и является будто бы видомъ заискиванія передъ начальствующими лицами. Тутъ поведеніе находится въ прямой зависимости отъ ошибочнаго воззрѣнія. Ясно, что, встрѣчаясь съ выраженіями послѣдняго, воспитатель долженъ не ограничиваться мѣрами взысканія, а приводить провинившихся къ сознанію невѣрности того взгляда, которымъ они руководствовались. Успѣшно бороться съ господствующими представленіями о мнимой обязанности подчиняться безпрекословно всѣмъ рѣшеніямъ большинства товарищей можно, только вошедши въ спокойное и пространное обсужденіе соотвѣтственнаго общаго вопроса, вызванное, слѣдовательно, не такими обстоятельствами, при которыхъ значительная группа учащихся настроена возбужденно и считаетъ себя связанной даннымъ легкомысленно словомъ. Однако, и при массовыхъ демонстраціяхъ наложенію наказанія должно предшествовать увѣщеваніе, способное привести воспитанниковъ къ раскаянію и готовности отказаться отъ дальнѣйшаго нравственнаго насилія надъ меньшинствомъ. При каждомъ удобномъ случаѣ слѣдуетъ напоминать учащимся, что у развитого и образованнаго человѣка чувство не должно переходить непосредственно въ дѣйствіе, а подлежитъ контролю разума и

совѣсти, безъ участія которыхъ въ руководствѣ нашими поступками мы бы явились простыми рабами своихъ страстей. Словомъ сказать, углубляя пониманіе учащимися истиннаго смысла тѣхъ воспитательныхъ требованій, съ которыми къ нимъ обращаются, и расширяя кругъ ихъ этическаго размышленія, можно достигнуть серьезныхъ результатовъ, особенно при неослабномъ стремленіи добиться одновременно усвоенія себѣ школьною молодежью опредѣленныхъ нравственныхъ привычекъ".

Наконецъ, циркуляръ ставитъ на видъ руководителямъ и наставникамъ учащейся молодежи то обстоятельство, что „наиболѣе вліятельною и благотворною союзницею школы въ дѣлѣ исправленія ученика" можетъ стать семья послѣдняго. „Надлежитъ, однако,—прибавляетъ циркуляръ,—обращаться къ родителямъ въ такой формѣ, чтобы они не приходили къ заключенію, будто учебнымъ начальствомъ уже намѣчены крайнія мѣры вродѣ рѣзкаго пониженія отмѣтки за поведеніе или даже увольненія ученика, а убѣждались, что просятъ ихъ содѣйствія къ разъясненію условій, при которыхъ можно было бы достигнуть готовности учащагося подчиниться предъявляемымъ ему справедливымъ требованіямъ". „Такого рода внимательное отношеніе къ нравственному авторитету родителей,—спѣшитъ оговориться авторъ циркуляра—никакъ не должно, впрочемъ, вырождаться въ малодушную уступчивость неосновательнымъ желаніямъ, клонящимся къ умаленію авторитета законности въ школѣ". Равнымъ образомъ, классымъ наставникамъ, инспекторамъ и директорамъ рекомендуется и при посѣщеніи воспитанниковъ, живущихъ на ученическихъ квартирахъ, „имѣть въ виду не одинъ внѣшній осмотръ, но и установленіе нравственной связи съ этими учениками, нуждающимися въ участливомъ надзорѣ старшихъ". Въ заключеніе своихъ указаній министръ замѣчаетъ еще, что педагогъ „обязанъ являть примѣръ коренящейся въ его христіанскихъ идеалахъ, а потому поддерживающей его духовныя силы кротости въ перенесеніи всего того тягостнаго, съ чѣмъ сопряжена человѣческая дѣятельность въ области служенія на пользу другихъ людей, и что онъ не выполнялъ бы своего назначенія, если бы не развивалъ въ молодыхъ душахъ воспріимчивости къ заповѣди Божіей, направляя неуклонно своихъ питомцевъ на путь совѣстливости, прямоты и неизмѣннаго доброжелательства даже и къ тѣмъ, отъ которыхъ, какъ имъ кажется, они испытали обиду".

Циркуляръ министра заканчивался выраженіемъ надежды, что изложенныя въ немъ соображенія „встрѣтятъ дѣйствительное сочувствіе педагогическихъ совѣтовъ", и обращенною къ попечителямъ просьбою „сдѣлать поставленные вопросы предметомъ обсужденія въ попечительскомъ совѣтѣ учебнаго округа и о результатахъ сего обсужденія донести въ министерство". Хотя до сихъ поръ въ печати и не появлялось свѣдѣній о результатахъ

такого обсужденія, но, не рискуя сильно ошибиться, можно смѣло предположить, что педагогическіе и попечительскіе совѣты всѣхъ учебныхъ округовъ не замедлятъ согласиться съ указаніями министерства и выразить свое „дѣйствительное сочувствіе" послѣднимъ. Въ виду этого изложенный циркуляръ, несомнѣнно, на болѣе или менѣе долгій срокъ опредѣлитъ собою поведеніе, если не всѣхъ, то громаднаго большинства руководителей нашей средней школы. Тѣмъ любопытнѣе выяснить, какого рода вліяніе можетъ оказать онъ на это поведеніе.

Какъ мы видѣли, главною потребностью современной средней школы въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія признается поднятіе дисциплины. Для достиженія этой цѣли рекомендуется, съ одной стороны, усиленіе репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ ученикамъ, съ другой—усвоеніе педагогическимъ персоналомъ нѣкоторыхъ пріемовъ воспитательнаго воздѣйствія. Возможно, однако, серьезно усомниться въ томъ, будто наша средняя школа больше всего нуждается въ поднятіи дисциплины среди своихъ учениковъ, и не меньше того способна вызвать сомнѣніе въ себѣ дѣйствительность тѣхъ средствъ, какія намѣчены циркуляромъ министра для этой цѣли.

Прежде всего, школьная дисциплина держится тѣмъ прочнѣе и стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше включается въ ея понятіе ненужныхъ мелочей. Сообразно этому однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ путей въ поддержанію дисциплины въ школѣ является ограниченіе предъявляемыхъ во имя дисциплины требованій предѣлами того, что безусловно необходимо для самой школы. Послѣдняя же нисколько не нуждается въ мелочномъ регламентированіи поведенія ученика за школьными стѣнами, да, въ сущности, не имѣетъ и возможности ни прослѣдить за этимъ поведеніемъ, ни всецѣло опредѣлить его силою своихъ указаній. Мало того,—самая задача столь глубокаго и полнаго воздѣйствія на ученика едва ли не должна быть признана совершенно недостижимой и излишней. Люди екатерининскаго вѣка могли еще мечтать о созданіи въ школѣ новой породы людей. Мы уже слишкомъ хорошо знаемъ, что такія мечты не имѣютъ подъ собою реальной почвы, что вліяніе школы является лишь однимъ, и очень часто далеко не самымъ могучимъ, факторомъ въ жизни мальчика и юноши. Вдобавокъ, старая школа прямо, ставившая себѣ задачу созданія изъ своихъ воспитанниковъ новой породы, была закрытою, тогда какъ школа нашего времени—школа открытая. Въ виду этого послѣдняго факта особенно странно слышать объ организаціи силами школы „надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ учащихся", живущихъ со своими родителями и родственниками. Вѣдь, организуя такой надзоръ, дѣятели школы рискуютъ столкнуться, какъ и сталкиваются, впрочемъ, на дѣлѣ, со взглядами не только своихъ учениковъ, но и ихъ семей и если даже

въ этомъ столкновеніи внѣшняя побѣда останется на сторонѣ школы, то тѣмъ болѣе тяжелый ущербъ понесетъ ея внутренній авторитетъ. Можно думать, что это соображеніе во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ „опасеніе оскорбленій“, побуждало лицъ, принадлежащихъ къ составу педагогическаго персонала средней школы, смотрѣть порою сквозь пальцы на нѣкоторыя упущенія въ соблюденіи правилъ учениками. И если теперь педагоги, повинуясь указаніямъ министерскаго циркуляра, будутъ съ обновленною энергіей и съ еще большею строгостью преслѣдовать всѣ такія упущенія, то отъ этого едва ли выиграетъ правильно понимаемая школьная дисциплина, и едва ли улучшатся отношенія между учащейся молодежью и ея наставниками.

Мелочи, конечно, нельзя ставить на одну доску съ серьезными вещами. Именно этимъ недостаткомъ и страдаетъ, однако, современная намъ школа. Въ сущности же, освобожденная отъ излишнихъ мелочей, школьная дисциплина должна была бы имѣть тѣмъ болѣе значенія во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ. На дѣлѣ, какъ свидѣтельствуетъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, этого и не наблюдается. Такіе инциденты, какъ отказъ учениковъ цѣлаго класса исполнять распоряженія учебнаго начальства или какъ оскорбленія преподавателей учениками, несомнѣнно, представляютъ собою крайне ненормальныя явленія въ школьной жизни. Но и самый циркуляръ министра даетъ понять, что далеко не всегда вина за эти ненормальныя явленія лежитъ на сторонѣ учениковъ. И, во всякомъ случаѣ, репрессивныя мѣры врядъ ли способны послужить надежнымъ оружіемъ для педагога, желающаго водворить истинную дисциплину въ среду своихъ учениковъ. Для всякаго, знающаго свое дѣло, педагога было бы, конечно, крайне трудно согласиться съ утвержденіемъ, что сердечное попеченіе объ ученикѣ должно выражаться въ примѣненіи къ послѣднему наказаній. Прибѣгая къ наказаніямъ, школа выдаетъ своеобразное testimonium paupertatis не столько караемому ею ученику, сколько самой себѣ, и это свидѣтельство несостоятельности, нужно прибавить, получаетъ особенное значеніе, когда школа изгоняетъ изъ своихъ стѣнъ ученика наканунѣ окончанія имъ учебнаго курса. Въ свою очередь, система огражденія высшей школы отъ „неподходящихъ“ или, по новой терминологіи министра народнаго просвѣщенія, „умышленно некультурныхъ элементовъ“ усиліями средней школы была уже достаточно испытана въ нашемъ прошломъ и, казалось бы, данные ею плоды могли уже разочаровать въ ея правильности. Долголѣтняя практика этой системы, какъ извѣстно, не содѣйствовала водворенію спокойствія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны, средняя школа, увлекшись исключительно дѣломъ подбора подходящихъ элементовъ для высшихъ заведеній, достигла того, что эти послѣднія справедливо потеряли

всякое довѣріе къ ея аттестаціямъ способностей и знаній учащейся молодежи. Дальнѣйшее примѣненіе той же системы въ еще болѣе обостренномъ видѣ врядъ ли принесетъ другіе результаты. Путемъ строгихъ каръ, не останавливающихся и передъ исключеніемъ ученика изъ школы даже въ послѣдній моментъ его пребыванія въ ней, быть можетъ, удастся добиться формальнаго исполненія извѣстныхъ требованій, но ничего другого отъ этого пути ожидать нельзя, если только не говорить о томъ „ожесточеніи“ учениковъ, которое самъ министерскій циркуляръ причисляетъ къ разряду ненормальныхъ и нежелательныхъ явленій.

Какъ бы то ни было, усиленіе дисциплинарныхъ требованій и репрессивныхъ мѣръ легко можетъ быть осуществлено современною намъ среднею школою, и въ этомъ отношеніи указанія изложеннаго циркуляра, по всей вѣроятности, будутъ немедленно приведены ею въ исполненіе. Но трудно ожидать того же самаго и относительно другихъ его указаній. Согласно даваемымъ въ циркулярѣ совѣтамъ, учителя должны быть вѣжливы, ровны и справедливы въ своемъ обращеніи съ учениками, должны обладать извѣстной эрудиціей и готовиться къ урокамъ, должны, наконецъ, стремиться къ развитію своихъ учениковъ путемъ собесѣдованія съ ними объ интересующихъ ихъ вопросахъ общественной жизни. Самъ министръ называетъ одно изъ этихъ требованій „совершенно элементарнымъ“, и та же самая характеристика безусловно можетъ быть приложена и къ двумъ остальнымъ. Но, когда министру народнаго просвѣщенія приходится напоминать преподавателямъ столь элементарныя правила, дѣла школы, очевидно, стоятъ не особенно хорошо. Но едва ли они могутъ быть и исправлены однимъ лишь повтореніемъ начальныхъ требованій педагогики, всѣмъ давно извѣстныхъ и, тѣмъ не менѣе, остающихся безъ приложенія въ дѣйствительной жизни школы.

Въ печати уже не разъ указывалось, что недостатки нашего педагогическаго персонала всецѣло обусловлены тѣмъ положеніемъ, въ какое онъ поставленъ общими порядками школы. Учитель, трудъ котораго вознаграждается крайне недостаточно и который вынужденъ поэтому для сколько-нибудь безбѣднаго существованія набирать массу уроковъ, тѣмъ самымъ лишается возможности слѣдить за научной разработкой своего предмета и добросовѣстно готовиться къ каждому уроку. Съ этимъ соединяется еще одно условіе, не менѣе, если не болѣе, важное. Преподаватель, всегда и во всемъ обязанный дѣйствовать по чужой указкѣ, скованный требованіями программъ и циркулярныхъ предписаній, не имѣющій права выйти за напередъ поставленныя рамки и находящійся подъ вѣчнымъ и неослабнымъ контролемъ, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сможетъ отнестись къ своему дѣлу иначе, какъ чисто формальнымъ образомъ. Въ нашей сред-

ней школѣ преподаватель является не хозяиномъ дѣла, а простымъ исполнителемъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, и соотвѣтственно этому создается господствующій типъ педагога-ремесленника. Но такой педагогъ, богатый не столько научными знаніями и педагогическимъ опытомъ, сколько техническими навыками, не вносящій никакого увлеченія въ преподаваніе и отбывающій его, какъ болѣе или менѣе скучную повинность, естественно, не можетъ привлечь къ себѣ учащихся и пріобрѣсти въ ихъ глазахъ сколько-нибудь серьезный и прочный авторитетъ. Для того, чтобы учебное дѣло всетаки какъ-нибудь двигалось, отсутствующій нравственный авторитетъ замѣняется страхомъ каръ и вмѣстѣ съ тѣмъ вся школьная работа окончательно принимаетъ характеръ принудительной повинности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не оставляющей въ душѣ учащихся иныхъ впечатлѣній, кромѣ томительной скуки. Въ прямой зависимости отъ этого и жажда знанія, неизбѣжно просыпающаяся въ умахъ учащейся молодежи, по большей части утоляется ею на сторонѣ, внѣ всякаго руководства школы, если не тайкомъ отъ послѣдней.

Измѣнить такое положеніе вещей возможно, лишь устранивъ коренныя его причины, при чемъ необходимая реформа далеко не ограничивалась бы условіями одного школьнаго быта. Но въ настоящее время и въ этомъ послѣднемъ не предполагается производить какой-либо глубокой реформы. Правда, матеріальное положеніе преподавателей сейчасъ нѣсколько улучшено. Какъ сообщили недавно газеты *), съ текущаго октября произведено нѣкоторое увеличеніе въ дѣйствующихъ окладахъ содержанія преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. На три мѣсяца текущаго года министерство финансовъ ассигновало для этой цѣли 600 тысячъ рублей, а съ будущаго министерствомъ народнаго просвѣщенія по тому же разсчету вносится въ смѣту 2,400 тысячъ рублей. Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ. По городскимъ училищамъ, учительскимъ институтамъ и семинаріямъ прибавка къ существующему содержанію преподавателей опредѣлена въ 20 процентовъ, но она не распространяется на лицъ, получающихъ пенсію. По гимназіямъ и реальнымъ училищамъ— директорамъ и инспекторамъ, равно какъ преподавателямъ, получающимъ окладъ въ 1,500 р. за 12 нормальныхъ уроковъ, прибавка не назначена; преподавателямъ, получающимъ 1,250 р., а также преподавателямъ, служащимъ не болѣе 10 лѣтъ, назначается прибавка въ 90 р., служащимъ отъ 10 до 15 лѣтъ прибавляется 180 р. и служащимъ отъ 15 до 25 лѣтъ—360 р.; за добавочные уроки, сверхъ нормальныхъ двѣнадцати, плата опредѣляется вмѣсто 60 р.—70 р., вмѣсто 50 р.—60 р., вмѣсто

*) «Нижегор. Листокъ», 2 октября 1903 г.

48 р.—55 р., вмѣсто 36 р.—43 р. и вмѣсто 30 р.—35 руб. Въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прибавка содержанія не коснулась лицъ, занимающихъ административныя должности, ординаторовъ и инспекціи; профессорамъ же и другимъ лицамъ учебнаго персонала назначена прибавка въ размѣрѣ 20 процентовъ ихъ штатныхъ окладовъ, исключая, однако, лицъ, получающихъ болѣе 1,000 рублей гонорара. Но если такимъ образомъ въ матеріальномъ положеніи преподавателей и произошло нѣкоторое, не особенно, впрочемъ, значительное, улучшеніе, то всѣ другія условія, опредѣляющія собою ихъ роль въ школѣ, остались безъ измѣненій. Въ виду этого можно ожидать, что и господствующіе въ школѣ порядки не испытаютъ существенной перемѣны подъ вліяніемъ однихъ лишь указаній, преподанныхъ въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія.

Что касается, наконецъ, той помощи, какую авторъ циркуляра надѣется встрѣтить для школы въ семьяхъ учащихся, то эта помощь могла бы быть вполнѣ дѣйствительна лишь при томъ условіи, если бы руководители школы проявили готовность серьезно считаться со взглядами и желаніями семьи. Но именно это условіе на дѣлѣ и отсутствуетъ. Циркуляромъ министра школѣ лишь вновь предписывается объяснять свои требованія семьѣ учащагося, послѣдней же предоставляется покорно слѣдовать этимъ требованіямъ, не покушаясь измѣнить что-либо въ нихъ. Педагогамъ даже спеціально рекомендуется воздерживаться отъ „малодушной уступчивости неосновательнымъ желаніямъ, клонящимся къ умаленію авторитета законности въ школѣ“. Но одно лишь объясненіе требованій школы едва ли удовлетворитъ семьи, которымъ эти требованія объяснялись уже много разъ. Въ виду этого нужно ожидать, что старая рознь между семьею и школою и на будущее время останется во всей своей силѣ, при чемъ семья въ большинствѣ случаевъ сохранитъ за собою прежнюю позицію негласнаго союзника учащихся противъ школы, своимъ могучимъ вліяніемъ то невольно, то сознательно подрывающаго въ ихъ умахъ авторитетъ послѣдней. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ указаній, даваемыхъ въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, наибольшее практическое значеніе, по всей вѣроятности, получатъ тѣ, которыми рекомендуется усиленіе въ школѣ репрессивныхъ мѣръ, въ цѣляхъ поддержанія пошатнувшагося было стараго порядка.

Въ текущемъ году старый порядокъ средней школы испыталъ, впрочемъ, и нѣкоторую перемѣну, но эта перемѣна относится уже не къ области воспитательныхъ пріемовъ, а къ сферѣ преподаванія. Согласно объявленному еще весною высочайшему повелѣнію, въ большинствѣ гимназій была установлена необязательность изученія греческаго языка: съ 1903—4 учебнаго года для учениковъ, переходящихъ изъ IV класса въ V безъ изуче-

нія названнаго языка въ предыдущихъ классахъ, его изученіе переставало быть обязательнымъ до окончанія гимназическаго курса. Въ особомъ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 21 іюля текущаго года этотъ порядомъ былъ разъясненъ и дополненъ слѣдующими двумя указаніями: 1) занятія по греческому языку выразившихъ желаніе обучаться этому языку воспитанниковъ V класса должны признаваться окончательно установленными для означенныхъ воспитанниковъ на весь учебный годъ и происходить въ учебное время дня, при соотвѣтственномъ освобожденіи обучающихся греческому языку отъ нѣкоторыхъ вводимыхъ для прочихъ учениковъ V класса занятій; 2) изучающіе греческій языкъ, въ случаѣ перехода весною 1904 года въ VI классъ, должны продолжать заниматься этимъ языкомъ до окончанія курса гимназіи, что же касается непереведенныхъ весною 1904 года въ VI классъ, то они сохраняютъ право, буде останутся въ V классѣ, перейти въ категорію освобожденныхъ отъ изученія греческаго языка" *). Соотвѣтствіе этихъ разъясненій приведенному выше общему правилу могло-бы возбудить серьезныя сомнѣнія, но силою вещей этотъ вопросъ на практикѣ утерялъ большую долю своего значенія. Какъ сообщаютъ газеты, въ большей части гимназій, въ которыхъ греческій языкъ объявленъ необязательнымъ, нашлось лишь ничтожное число учениковъ, пожелавшихъ заниматься, благодаря чему изученіе греческаго языка почти во всѣхъ этихъ гимназіяхъ и отмѣнено **). Жизнь успѣла, такимъ образомъ, пробить хоть маленькую брешь въ твердынѣ старой школы.

Въ области народнаго образованія текущій годъ ознаменовался еще увеличеніемъ числа высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ. 21 сентября въ Одессѣ состоялось открытіе вновь учрежденныхъ здѣсь женскихъ педагогическихъ курсовъ. Подобные же курсы должны, по словамъ газетъ ***), открыться съ 1 января 1904 года въ Екатеринославлѣ, также принадлежащемъ къ одесскому учебному округу. Насколько велика потребность въ высшемъ образованіи среди мѣстной женской молодежи, можно видѣть уже изъ того, что на одесскіе курсы, на которые ихъ устроители первоначально разсчитывали принять 150 человѣкъ, въ теченіе мѣсяца подано было 449 прошеній; 299 просительницъ было принято, а 150-ти пришлось отказать за недостаткомъ помѣщенія. Не многимъ меньшій успѣхъ, по всей вѣроятности, ожидаетъ курсы и въ Екатеринославѣ. Въ обоихъ назван-

*) «Р. Вѣд.», 8 авг. 1903 г.
**) «Н. Время», 30 сент. 1903 г.
***) «Н. Время», 3 октября 1903 г.

ныхъ городахъ открытіе курсовъ было разрѣшено по настойчивому ходатайству попечителя одесскаго учебнаго округа, Х. П. Сольскаго, но при этомъ министерство народнаго просвѣщенія уклонилось отъ какого-либо участія въ расходахъ на содержаніе курсовъ, и послѣдніе должны существовать исключительно на плату за ученіе, взимаемую со слушательницъ, и на пожертвованія мѣстнаго общества.

Министерство, повидимому, смотритъ на такой порядокъ, какъ на вполнѣ нормальный. По крайней мѣрѣ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, г. Лукьяновъ, въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи одесскихъ курсовъ, горячо защищалъ подобное воззрѣніе. „Крайне важно засвидѣтельствовать,—говорилъ онъ,—что въ дѣлѣ учрежденія женскихъ педагогическихъ курсовъ въ Одессѣ проявился съ полной отчетливостью серьезный общественный починъ частныхъ лицъ,“ и что курсы, не пользующіеся казенной субсидіей, разсчитываютъ справиться съ своими ближайшими нуждами при помощи платы за право ученія. Мы знаемъ, какъ нерѣдко благороднѣйшіе представители русскаго образованнаго общества приносили и духовныя, и матеріальныя жертвы на различнаго рода просвѣтительныя учрежденія, оказывая тѣмъ самимъ существенную помощь правительству въ его трудной и сложной дѣятельности на пользу народнаго просвѣщенія. Средства государственнаго казначейства не безграничны, а усиленный ростъ государственныхъ потребностей, обусловливающій чрезвычайно быстрое и значительное возрастаніе государственнаго бюджета, заставляетъ подумать о томъ, не можетъ ли общество наше и впредь, и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, содѣйствовать своими пожертвованіями школьному дѣлу во всѣхъ его видахъ. Распредѣляя свои матеріальныя средства, государство вынуждено строго взвѣшивать и оцѣнивать свои потребности, и неудивительно, если даже при всемъ своемъ сочувствіи извѣстнымъ типамъ школы министерство народнаго просвѣщенія оказывается лишеннымъ возможности удовлетворить всѣмъ потребностямъ. Достаточно припомнить хотя бы, какъ еще слабо обезпечено у насъ начальное образованіе, призванное служить великой народной массѣ; естественно приходится направлять средства государственнаго казначейства туда, гдѣ безъ нихъ рѣшительно нельзя обойтись, и гдѣ закладывается, такъ сказать, фундаментъ народнаго просвѣщенія. Слѣдуетъ надѣяться, что при дальнѣйшемъ упроченіи экономическаго и финансоваго благосостоянія нашего отечества получатъ правительственную помощь и тѣ, кто нынѣ ею не пользуется. Но въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ условій въ этомъ смыслѣ дѣло образованія могло бы сдѣлать большіе успѣхи при направленіи въ эту сторону общественныхъ и частныхъ усилій. Министерство народнаго просвѣщенія выражаетъ полную готовность поддержать всякое осно-

вательное начинанiе въ этой области, справедливо полагая, что и потребность въ завершенiи образованiя съ помощью высшей школы могла бы удовлетворяться такимъ путемъ гораздо полнѣе и легче, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время, когда столь многiе, за недостаткомъ вакансiй въ правительственной школѣ, остаются непринятыми подъ ея кровъ" *).

Итакъ, согласно взгляду оффицiальнаго представителя министерства народнаго просвѣщенiя, главная часть средствъ, расходуемыхъ государствомъ на нужды народнаго образованiя, должна быть обращаема на начальную школу, служащую „великой народной массѣ", тогда какъ высшая школа должна существовать по преимуществу на средства, доставляемыя частной или общественной инициативой. Однако, аргументы, которыми защищается этотъ взглядъ, едва ли подлежатъ серьезному разбору. Дѣло въ томъ, что въ практической дѣятельности министерства народнаго просвѣщенiя указанный взглядъ не находитъ себѣ дѣйствительнаго примѣненiя, и размѣръ суммъ, затрачиваемыхъ этимъ министерствомъ на народную школу, остается крайне ничтожнымъ. Поэтому, привѣтствуя новый успѣхъ, достигнутый высшимъ женскимъ образованiемъ въ Россiи, нельзя все же не пожалѣть, что съ матерiальной стороны этотъ успѣхъ обставленъ крайне непрочно, и что дальнѣйшее его развитiе гарантировано лишь въ весьма малой степени.

Общественная и частная инициатива, несомнѣнно, могла бы въ значительной мѣрѣ содѣйствовать заполненiю тѣхъ пробѣловъ въ дѣлѣ народнаго образованiя, какiе оставляетъ правительственная дѣятельность на этомъ поприщѣ. Но для того, чтобы такое заполненiе было возможно, необходимо предоставить упомянутой инициативѣ извѣстный просторъ и обезпечить ея проявленiямъ болѣе или менѣе благожелательный прiемъ. Было бы слишкомъ рискованно утверждать, что эти условiя имѣются на лицо въ современной нашей дѣйствительности. Уже на одномъ примѣрѣ открытiя высшихъ учебныхъ заведенiй для женщинъ можно видѣть, какимъ случайностямъ подвержена въ ней судьба проявленiй общественной инициативы. Въ то время, какъ въ одесскомъ учебномъ округѣ женскiе курсы открываются въ двухъ городахъ, въ Кiевѣ ходатайство о разрѣшенiи подобныхъ курсовъ уже много лѣтъ остается безъ удовлетворительнаго отвѣта, а въ Москвѣ капиталъ, завѣщанный частнымъ лицомъ на устройство женскаго университета, до сихъ поръ остался безъ употребленiя. Въ виду этихъ и подобныхъ имъ фактовъ довольно трудно надѣяться, чтобы вопросъ о расширенiи высшаго образованiя могъ быть благополучно разрѣшенъ путемъ частныхъ и общественныхъ усилiй.

---

*) «Южное Обозрѣнiе», 23 сентября 1903 г.

Сравнительно болѣе мѣста имѣетъ у насъ въ настоящее время общественная инициатива какъ разъ въ области низшаго образованія, благодаря существованію начальныхъ школъ, содержимыхъ земствомъ. Но и въ этой области даже тѣ скромныя права, какія пока сохраняетъ въ ней общественный починъ, представляются лишь очень слабо гарантированными за нимъ. Въ послѣдніе годы не разъ уже дѣлались попытки ограничить районъ такихъ правъ и сократить участіе общественнаго элемента въ завѣдываніи народной школой. Еще въ 1900 году министерство народнаго просвѣщенія предлагало нѣкоторымъ земствамъ небольшую субсидію на содержаніе школъ, подъ условіемъ преобразованія послѣднихъ въ министерскія училища, по отношенію къ которымъ земство не обладало бы уже никакими правами. Предложенія эти не имѣли успѣха, но, вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же самомъ году, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ выработанъ проектъ „Наказа губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ", при введеніи котораго въ дѣйствіе земскія учрежденія должны были потерять почти всѣ свои права по отношенію къ народной школѣ. Однако, и этотъ „Наказъ", отчасти благодаря рѣзкой оппозиціи, встрѣченной имъ въ земскихъ сферахъ, не вышелъ изъ области проектовъ. Тѣмъ не менѣе, задача, которой онъ долженъ былъ служить, по всей видимости, не оставлена еще совершенно, и въ настоящій моментъ предпринята новая, хотя и болѣе скромная, попытка къ ея осуществленію.

Въ текущемъ году министерство народнаго просвѣщенія вновь предложило нѣкоторымъ земствамъ оказать имъ пособіе на содержаніе и постройку школъ, поставивъ, однако, для пользованія этимъ пособіемъ слѣдующія условія: 1) жалованье учащимъ должно быть 300 р.; 2) крестьянскія общества должны быть освобождены отъ расходовъ по содержанію школъ, и 3) земство должно раздѣлить съ министерствомъ свои права по содержанію школъ. Изъ этихъ условій два первыя не могли бы вызвать противъ себя принципіальныхъ возраженій, но нельзя сказать того же самаго о третьемъ. Прежде всего, обѣщанное министерское пособіе должно было составить лишь небольшую часть суммы, затрачиваемой на школы самимъ земствомъ, а между тѣмъ, давая это пособіе, министерство желало за него получить надъ школой тѣ же права, какими пользуется земство. Но, даже и минуя это обстоятельство, нельзя не обратить серьезнаго вниманія еще на другую сторону дѣла. Права, принадлежащія въ начальной школѣ земскимъ учрежденіямъ, — права, замѣтимъ въ скобкахъ, весьма скромныя и не разъ уже подвергавшіяся ограниченію,— представляютъ собою извѣстную цѣнность постольку, поскольку они обезпечиваютъ собою участіе общественнаго элемента въ дѣлѣ народнаго образованія. Но именно поэтому названныя права не подлежатъ никакой переуступкѣ, хотя бы путемъ ея и воз-

можно было привлечь извѣстную долю средствъ на школьное дѣло. Добровольно поступаясь тѣми полномочіями, какія еще принадлежатъ имъ въ народной школѣ, земскія учрежденія сами способствовали бы ниспроверженію основной идеи, на которой держится все земское дѣло.

Именно такъ, кажется, и взглянули на данный вопросъ всѣ земскія собранія, на обсужденіе которыхъ онъ былъ внесенъ. Въ Тульской губерніи богородицкое уѣздное земское собраніе, выслушавъ докладъ своей управы о предложеніи министерства, согласилось съ нею, что условія, при которыхъ предлагаются пособія земству, должны умалить и безъ того ограниченныя права земства по отношенію къ школамъ, и въ виду этого единогласно рѣшило отклонить предложеніе министерства народнаго просвѣщенія относительно совмѣстнаго съ земствомъ содержанія училищъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе, признавая, что при настоящемъ состояніи своего бюджета земство не въ силахъ поставить дѣло народнаго образованія на должную высоту, единогласно же постановило: съ цѣлью увеличенія мѣстныхъ средствъ, необходимыхъ для развитія народнаго образованія, возбудить ходатайства объ освобожденіи земства отъ всѣхъ обязательныхъ расходовъ на правительственныя потребности, о предоставленіи земству права свободно располагать средствами, прежде предназначавшимися для содержанія мировыхъ учрежденій, а нынѣ обращенными въ спеціальный дорожный капиталъ; о предоставленіи земству участія въ косвенномъ обложеніи и во всѣхъ видахъ промысловаго налога и объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія *). Подобныя же постановленія приняты и въ нѣкоторыхъ другихъ земскихъ собраніяхъ. Такое рѣшеніе вопроса является, несомнѣнно, вполнѣ правильнымъ, хотя это обстоятельство далеко еще не предрѣшаетъ невозможности другого рѣшенія того же вопроса силами, независимыми отъ земскихъ учрежденій.

II.

Въ ряду вопросовъ, обсужденію которыхъ посвящена текущая сессія уѣздныхъ земскихъ собраній, особенно видное мѣсто занялъ вопросъ объ организаціи земскаго представительства. Поводъ къ новому возбужденію этого вопроса, составляющаго больное мѣсто нынѣшняго земства, былъ данъ обращеннымъ къ земскимъ учрежденіямъ запросомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не слѣдуетъ ли измѣнить существующія цензовыя нормы для земскихъ гласныхъ. Въ свою очередь, этотъ запросъ былъ вызванъ неоднократными представленіями земскихъ собраній о не-

*) «Р. Вѣдомости», 22 сент. 1903 г.

удобствахъ существующаго ценза и о необходимости расширенія состава избирательныхъ собраній.

Въ настоящее время въ печати имѣется уже довольно много свѣдѣній о постановленіяхъ, принятыхъ уѣздными земскими собраніями различныхъ мѣстностей, въ отвѣтъ на запросъ министерства. Изъ всѣхъ уѣздныхъ собраній, если не ошибаюсь, только одно петербургское нашло возможнымъ отвѣтить на этотъ запросъ отрицательно. Петербургская уѣздная управа въ своемъ докладѣ собранію по возбужденному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вопросу пришла къ тому выводу, что никакой потребности въ уменьшеніи ценза не существуетъ, и что такое уменьшеніе могло бы повести только къ ухудшенію контингента избирателей въ смыслѣ интересовъ земства. Съ своей стороны, собраніе безъ всякихъ преній согласилось съ этимъ выводомъ управы. Къ сожалѣнію, передававшія объ этомъ газеты не сообщили, что именно разумѣли при этомъ петербургскіе земцы подъ именемъ „интересовъ земства“, но можно, кажется, не рискуя большой ошибой, догадываться, что послѣдніе въ петербургскомъ собраніи были смѣшаны съ интересами крупнаго землевладѣнія. Всѣ остальныя земскія собранія, о рѣшеніяхъ которыхъ уже имѣются свѣдѣнія, высказались за болѣе или менѣе серьезное пониженіе существующихъ цензовыхъ нормъ.

Удивляться этому единодушію не приходится. За послѣдніе годы въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земской Россіи все ощутительнѣе давалъ себя знать недостатокъ силъ, принимающихъ участіе въ дѣятельности земства. Нерѣдко бывали даже такіе случаи, что число членовъ избирательнаго собранія лишь немногимъ превышало число гласныхъ, подлежавшихъ избранію въ этомъ собраніи. При такихъ условіяхъ естественно было задуматься надъ возможностью привлеченія къ земскому дѣлу новыхъ силъ изъ среды мѣстнаго общества и увидѣть въ пониженіи ценза одно изъ средствъ, ведущихъ къ такой цѣли. Другой вопросъ, можно ли придавать большое значеніе именно этому средству, отдѣльно взятому? Судя по газетнымъ сообщеніямъ, значительное большинство уѣздныхъ земскихъ собраній текущей сессіи отвѣтило на этотъ вопросъ отрицательно. Лишь очень небольшое количество упомянутыхъ собраній ограничилось постановленіями о желательности одного уменьшенія ценза, отвергнувъ мысль о необходимости болѣе крупныхъ перемѣнъ въ той организаціи земскаго представительства, какая установлена Положеніемъ 1890 года. Наоборотъ, большая часть собраній, соглашаясь съ желательностью болѣе или менѣе значительнаго пониженія ценза, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалась въ томъ смыслѣ, что подобное пониженіе само по себѣ безсильно измѣнить существующія условія въ смыслѣ привлеченія къ земскому дѣлу большого количества новыхъ дѣятелей, и что для достиженія

этой цѣли нужна болѣе рѣшительная реформа. Слѣдуя такому взгляду, нѣкоторыя земскія собранія высказались въ пользу расширенія избирательныхъ правъ женщинъ-владѣлицъ, путемъ предоставленія имъ возможности уполномочивать на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ наравнѣ съ своими родственниками и лицъ постороннихъ, или же путемъ введенія въ избирательныя собранія самихъ женщинъ и даже дарованія имъ права быть избранными въ гласные. На ряду съ этимъ нѣкоторыя земскія собранія постановили ходатайствовать о допущеніи къ участію въ избирательныхъ собраніяхъ мѣстныхъ крестьянъ, владѣющихъ опредѣленною земельною собственностью, и о серьезномъ увеличеніи числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, съ тѣмъ, чтобы эти гласные были приравнены ко всѣмъ другимъ и наравнѣ съ ними не подлежали административному утвержденію.

Но нѣкоторыя земскія собранія—и число ихъ, въ свою очередь, оказалось не малымъ — пошли въ своей критикѣ дѣйствующей избирательной системы еще дальше и, не ограничиваясь тѣми или иными частностями, отвергли основной принципъ этой системы, находя, что идея сословныхъ выборовъ противорѣчитъ самому существу земскихъ учрежденій, призванныхъ дѣлать безсословное дѣло. Сообразно этому нѣкоторыя уѣздныя собранія губерній Московской, Олонецкой, Новгородской, Смоленской, Тамбовской, Уфимской, Саратовской и другихъ постановили ходатайствовать передъ правительствомъ о возвращеніи къ тѣмъ основамъ земскаго представительства, какія были въ свое время установлены Положеніемъ 1864 года. Судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ о работахъ коммиссій, выбранныхъ для разработки того же вопроса губернскими земскими собраніями, можно уже предвидѣть, что и въ средѣ послѣднихъ такое его рѣшеніе вызоветъ, если не повсюду, то все же во многихъ мѣстахъ живое и дѣятельное сочувствіе.

Такимъ образомъ, запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ повелъ къ обнаруженію въ земской средѣ сильнаго теченія, направленнаго къ расширенію существующей системы мѣстнаго самоуправленія. Само по себѣ теченіе это, конечно, не ново, какъ не новы и встрѣчаемыя имъ помѣхи. „Это теченіе,—писали мы еще въ 1900 году *), — въ условіяхъ самой мѣстной жизни должно считаться съ серьезными препятствіями, и такія препятствія будутъ все возрастать по мѣрѣ его дальнѣйшаго развитія, ставящаго его лицомъ къ лицу съ враждебными земству тенденціями. Въ виду этого разсчитывать на его полный успѣхъ въ ближайшемъ будущемъ едва-ли приходится. Но, какъ бы ни сложилось это ближайшее будущее, можно съ увѣренностью сказать одно, что указанное теченіе во всякомъ случаѣ не замретъ

*) «Р. Богатство», 1900, № 4, «Хроника внутренней жизни», с. 202.

окончательно: слишкомъ элементарно ясны и слишкомъ сильны для этого требованія жизни, за голосомъ которыхъ оно идетъ". Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, высказанныя въ нихъ ожиданія успѣли уже оправдаться: за три съ половиною года, прошедшіе съ той поры, теченіе, о которомъ идетъ рѣчь, не только не замерло, но и значительно развилось, если не въ глубь, то въ ширь. Остается только пожелать, чтобы дальнѣйшее его развитіе совершалось энергичнѣе, не отставая отъ быстро ускоряющагося темпа общественной жизни.

III.

30 сентября состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату:

„Именнымъ указомъ, 30-го іюля сего года даннымъ, утвердивъ намѣстничество Дальняго Востока, Мы указали, что важнѣйшія дѣла управленія сего края подлежатъ соображенію въ особомъ установленіи, состоящемъ подъ личнымъ Нашимъ предсѣдательствомъ.

„Утвердивъ нынѣ Положеніе объ Особомъ Комитетѣ Дальняго Востока, при семъ препровождаемое, повелѣваемъ Правительствующему Сенату таковое обнародовать и привести въ дѣйствіе установленнымъ порядкомъ.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе".

Одновременно съ этимъ указомъ было обнародовано и упомянутое въ немъ Положеніе слѣдующаго содержанія:

„1. Въ Особомъ Комитетѣ Дальняго Востока предсѣдательствуетъ Государь Императоръ.

„2. Членами Особаго Комитета состоятъ министры: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ и военный, управляющій морскимъ министерствомъ и другія особы, по Высочайшему усмотрѣнію въ сей Комитетъ призываемыя или для постояннаго въ немъ присутствованія, или для временнаго участія въ его занятіяхъ. Намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ, будучи по должности членомъ Комитета, участвуетъ въ его засѣданіяхъ во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ.

3. По Высочайшему указанію управленіе дѣлами Комитета возлагается на одного изъ его членовъ. Управляющій дѣлами Комитета присутствуетъ и въ другихъ высшихъ государственныхъ установленіяхъ при разсмотрѣніи дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ управленію Дальняго Востока.

4. Когда Государь Императоръ не предсѣдательствуетъ въ Комитетѣ лично, мѣсто Предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ членовъ, особо къ тому Его Императорскимъ Величествомъ назначенный.

5. Управляющій дѣлами Комитета есть начальникъ его канцеляріи, образуемой въ составѣ помощника управляющаго и другихъ чиновъ по штату.

6. Для предварительной, въ случаѣ надобности, разработки дѣлъ, вносимыхъ на разсмотрѣніе Комитета Дальняго Востока, учреждаются подготовительныя коммиссіи изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, назначенныхъ по соглашенію съ подлежащими министрами. Предсѣдательствованіе въ сихъ коммиссіяхъ поручается одному изъ членовъ Комитета или управляющему дѣлами онаго.

7) Въ Комитетъ поступаютъ:

а) дѣла по устройству управленія Дальнаго Востока и смѣтныя предположенія о расходахъ и доходахъ сего управленія;

б) дѣла, касающіяся промышленнаго и торговаго развитія края.

в) предположенія намѣстника Дальняго Востока относительно введенія новыхъ и измѣненія дѣйствующихъ во ввѣренномъ ему краѣ постановленій;

г) предположенія намѣстника относительно распространенія на ввѣренныя ему области вновь изданныхъ законовъ и распоряженій министровъ и главноуправляющихъ;

д) дѣла, для рѣшенія которыхъ требуется соглашеніе намѣстника Дальняго Востока съ министерствами, и

е) дѣла, разрѣшеніе коихъ превышаетъ власть намѣстника.

8. По важнѣйшимъ дѣламъ свойства законодательнаго составляются въ Комитетѣ, по особому Высочайшему указанію, соединенныя присутствія съ участіемъ членовъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

9. Предположенія смѣтныя о доходахъ и расходахъ разсматриваются въ соединенномъ присутствіи Комитета и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта и, по Высочайшемъ одобреніи оныхъ, вносятся въ государственную роспись.

10. Предположенія вѣдомствъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Комитета Сибирской желѣзной дороги, въ качествѣ вспомогательныхъ къ сооруженію сей дороги предпріятій, и главнѣйше по вопросамъ сибирскаго переселенія, равно какъ и проектируемыя намѣстникомъ на Дальнемъ Востокѣ по симъ вопросамъ мѣропріятія, разсматриваются въ соединенномъ присутствіи Комитетовъ: Сибирской желѣзной дороги и Дальняго Востока.

11. Дѣла вносятся въ Комитетъ Дальняго Востока: 1) по особому Высочайшему повелѣнію и 2) по представленіямъ министровъ и намѣстника на Дальнемъ Востокѣ записками за ихъ подписями, при чемъ всѣ представленія, слѣдующія въ Комитетъ, доставляются къ управляющему дѣлами Комитета. Поступающія отъ намѣстника или отъ министровъ и главноуправляющихъ дѣла, смотря по роду ихъ, или докладываются управляющимъ

дѣлами Его Императорскому Величеству, или непосредственно вносятся на разсмотрѣніе Комитета, по предварительномъ истребованіи мнѣній соотвѣтственныхъ министровъ и главноуправляющихъ.

12. Комитетъ Дальняго Востока самъ по себѣ не имѣетъ исполнительной власти. Приведеніе положеній Комитета въ исполненіе предоставляется намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ и тѣмъ министрамъ, отъ которыхъ дѣла представлены или къ вѣдомству коихъ они по роду своему принадлежатъ".

Въ хроникѣ предыдущаго мѣсяца мы уже приводили правительственныя сообщенія о волненіяхъ среди армянскаго населенія Закавказья, вызванныхъ введеніемъ въ дѣйствіе закона 12-го іюня о передачѣ имуществъ армяно-грегоріанской церкви въ казенное управленіе. Въ теченіе минувшаго мѣсяца въ оффиціальномъ „Кавказѣ" появилось нѣсколько новыхъ сообщеній о такихъ волненіяхъ.

Прежде всего названная газета, въ дополненіе къ сдѣланному ею ранѣе сообщенію о безпорядкахъ въ г. Баку, приводитъ, согласно сообщенію бакинскаго губернатора, слѣдующія данныя: „2-го сентября, при происшедшихъ въ оградѣ армянскаго собора въ г. Баку безпорядкахъ, было убито мятежниковъ два человѣка, въ больницѣ умерло отъ ранъ трое и лежитъ тяжело раненыхъ семь человѣкъ. Легко раненыхъ, которымъ были сдѣланы только перевязки, пять человѣкъ" *).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее сообщеніе: „12 сентября въ г. Шушѣ, во время пріема принадлежащихъ армянскимъ церквамъ имуществъ въ казенное управленіе, собралась толпа армянъ, которая стала кричать и свистать, что однако не остановило работъ пріемщиковъ. Когда фактическій пріемъ коммиссіей былъ законченъ и послѣдняя возвращалась обратно, возбужденная толпа направилась къ квартирѣ губернатора. Для задержанія толпы были высланы полицейскіе стражники и полусотня казаковъ, которыхъ встрѣтили камнями, стрѣльбой изъ револьверовъ и ружей какъ изъ толпы, такъ и съ крышъ и балконовъ домовъ. Полусотня открыла огонь и очистила улицы; при этомъ ранены два казака и стражникъ, изъ толпы убитъ одинъ; число раненыхъ, за наступившей темнотой, не установлено" **). Кромѣ того, по сообщеніямъ „Кавказа", уличные безпорядки по поводу закона 12 іюня произошли въ г. Александрополѣ 29 іюля и въ г. Эривани—3 сентября.

Въ „Терскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано слѣдующее оффи-

*) Цитирую по «Н. Времени». 15 сентября, 1903 г.

**) Цитирую по «Спб. Вѣдомостямъ», 20 сентября 1903 г.

ціальное сообщеніе: „19 августа въ г. Владикавказѣ, при розыскѣ церковныхъ вещей, похищенныхъ изъ армянской церкви, на постояломъ дворѣ Ивана Бабакова, по Кузнечной улицѣ, въ номерѣ, занятомъ наканунѣ владикавказскимъ мѣщаниномъ Даніиломъ Михайловымъ, городовой Поповъ обнаружилъ цѣлый складъ берданокъ, револьверовъ и боевыхъ патроновъ. Михайловъ, одѣтый въ казачій костюмъ, предлагалъ городовому 10 р. за молчаніе. Во время осмотра оружія, Михайловъ, выскочивъ во дворъ, перепрыгнулъ было черезъ заборъ, желая скрыться, но былъ задержанъ на сосѣднемъ дворѣ и вмѣстѣ съ оружіемъ арестованъ при полиціи. Оружіе и патроны были завернуты въ англійскія газеты и тщательно упакованы въ корзинѣ. Разслѣдованіемъ выяснено, что Михайловъ имѣлъ у себя нѣсколько человѣкъ соучастниковъ въ сбытѣ оружія туземцамъ. Одинъ изъ участниковъ, имѣющій во Владикавказѣ собственную мастерскую, задержанъ, а остальные разыскиваются“ *).

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликованы слѣдующія распоряженія, объявленныя правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ:

1) „Признавъ необходимымъ, согласно ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. I къ ст. 1, устава о пред. и прес. прест., т. XIV, св. зак. изд. 1890 г.), объявить въ положеніи усиленной охраны города: Елисаветполь, Карсъ, Нуху и Шушу, министръ внутреннихъ дѣлъ, 16 сентября 1903 г., донесъ о семъ правительствующему сенату для распубликованія“;

2) „Признавъ необходимымъ, согласно ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, объявить въ положеніи усиленной охраны г. Александрополь, Эриванской губерніи, министръ внутреннихъ дѣлъ, 22 сентября 1903 г., донесъ о семъ правительствущему сенату для распубликованія“;

и 3) „Признавъ необходимымъ, согласно ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, объявить въ положеніи усиленной охраны города Витебскъ и Двинскъ съ ихъ уѣздами, министръ внутреннихъ дѣлъ, 25 сентября 1903 г., донесъ о семъ правительствующему сенату для распубликованія“.

Въ г. Двинскѣ, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты **), для усиленія городской полиціи установлены, по распоряженію начальника губерніи, ежедневные наряды по 15 конныхъ артиллеристовъ.

---

*) Цитирую по «Нижегор. Листку», 25 сент. 1903 г.

**) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 5 окт. 1903 г.

Въ оффиціальномъ „Кавказѣ“ напечатано слѣдующее обязательное постановленіе по городамъ: Елисаветполю, Шушѣ и Нухѣ, изданное на основаніи ст. 15 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія: „1) Сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, скверахъ, садахъ, вокзалахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, а равно и скопленіе при этомъ любопытствующей публики воспрещается. 2) Собравшіеся обязаны по первому требованію полиціи немедленно разойтись. 3) Не подчинившіеся безпрекословно и и немедленно требованіямъ полиціи подвергаются въ административномъ порядкѣ, согласно ст. 15 и 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, взысканію штрафа до 500 р. или аресту до трехъ мѣсяцевъ. На наложеніе таковыхъ взысканій, согласно п. 1, ст. 16 положенія объ усиленной охранѣ, уполномочивается елисаветпольскій губернаторъ“. Такое же обязательное постановленіе издано и для города Карса *).

Въ оффиціальной части „Терскихъ Вѣдомостей“ напечатанъ слѣдующій приказъ начальника Терской области: „Въ виду того, что въ районѣ селеній Байранъ-Аула и Муцалъ-Аула Хасавъ-Юртовскаго округа и всѣхъ расположенныхъ по близости ихъ туземныхъ хуторовъ значительно усилились грабежи, разбои и кражи, направленные противъ имущества и безопасности русскаго населенія, съ цѣлью выжить русскій элементъ, съ разрѣшенія командующаго войсками округа лишаю навсегда жителей этихъ селеній и хуторовъ права ношенія оружія и предлагаю все наличное оружіе отобрать и сдать таковое по принадлежности. Жителей этихъ ауловъ и хуторовъ предупредить, что если и послѣ того у кого-либо изъ нихъ окажется оружіе, то виновные въ томъ будутъ привлекаемы къ отвѣтственности по суду“ **).

Мѣстными властями нѣкоторыхъ другихъ губерній за послѣднее время также изданы были распоряженія, направленныя къ охранѣ порядка. Приводимъ важнѣйшія изъ такихъ распоряженій, появившихся въ печати.

Въ Екатеринославѣ еще въ началѣ минувшаго августа были опубликованы слѣдующія два объявленія и. д. мѣстнаго вице-губернатора, г. Князева: „1) Въ виду возникшихъ въ городѣ 7-го сего августа безпорядковъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что къ дальнѣйшему прекращенію всякой даже попытки къ такимъ безпорядкамъ приняты самыя рѣшительныя мѣры, при чемъ вы-

*) Цитирую по «Нижегор. Листку», 27 сент. 1903 г.

**) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 19 сент. 1903 г.

званныя войска будутъ дѣйствовать оружіемъ. На этомъ основаніи, во избѣжаніе того, чтобы отъ этихъ дѣйствій не пострадали невинные, рекомендую населенію гор. Екатеринослава не толпиться ради любопытства на улицахъ и площадяхъ, и вообще, въ точности исполнять обязательныя постановленія, изданныя 5-го марта с. г., неисполненіе коихъ неизбѣжно повлечетъ за собою наложеніе на виновныхъ взысканія въ административномъ порядкѣ, въ высшей мѣрѣ предоставленной мнѣ власти (арестъ до 3 мѣсяцевъ или штрафъ до 500 рублей). 2) Объявляю для свѣдѣнія рабочихъ всѣхъ находящихся въ городѣ и въ поселкѣ Амуръ-Нижнеднѣпровскъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, что работы начнутся повсюду въ понедѣльникъ, 11-го августа, съ утра, при чемъ для огражденіи желающихъ работать отъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій лицъ неблагонамѣренныхъ приняты надлежащія мѣры, и рабочіе могутъ совершенно свободно пройти въ мастерскія и заводы и приступить къ работѣ. Всякій, замѣченный въ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью помѣшать рабочимъ стать на работу или нанести обиду согласившимся работать, будетъ подвергнутъ аресту и высылкѣ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Предупреждаю, что всякое нарушеніе порядка будетъ тотчасъ подавлено самыми рѣшительными мѣрами, а зачинщики и подстрекатели будутъ немедленно подвергнуты аресту и высылкѣ" *).

Одновременно съ напечатаніемъ этихъ объявленій „Приднѣпровскій Край" о самыхъ безпорядкахъ сообщалъ слѣдующее: „Группы подстрекателей, расхаживавшихъ по заводамъ и мастерскимъ, угрозами и насиліями заставляли спокойныхъ рабочихъ бросать работу; толпы, состоявшія большею частью изъ молодежи обоего пола, собирались для манифестацій, но немедленно разсѣивались полиціей; въ нѣсколькихъ пунктахъ пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ и въ одномъ мѣстѣ—къ оружію, жертвами котораго, какъ видно изъ оффиціальныхъ источниковъ, пали 11 убитыхъ и 12 раненыхъ. Это случилось въ первый день безпорядковъ. Во второй день, 8-го августа, пришлось разгонять только одну толпу близъ городского сада; оружіе не было пущено въ ходъ. 9-го августа все было тихо, городъ имѣлъ обычный видъ, только улицы менѣе оживлены. Электрическое освѣщеніе и трамвай дѣйствуютъ. Заводы въ городѣ, въ Нижнеднѣпровскѣ и на Амурѣ стоятъ, типографіи не работаютъ, остальныя ремесленныя мастерскія въ полномъ ходу, пекарни работаютъ и печеный хлѣбъ въ цѣнѣ не поднимался. Въ городѣ стоятъ четыре пѣхотныхъ полка, одинъ казачій и бригада артиллеріи. Пріостановка работъ экономической подкладки не имѣетъ. Такъ, напримѣръ, на Брянскомъ заводѣ расцѣнка работъ прежняя, докризисная, нынѣ уже

*) Цитирую по «Н. Времени», 14 авг. 1903 г.

пониженная на всѣхъ остальныхъ заводахъ, и матеріальное положеніе рабочихъ тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, а между тѣмъ тамъ работы тоже пріостановились".

Въ той же газетѣ было напечатано такое сообщеніе: „Приставомъ 3-й части г. Екатеринослава составленъ протоколъ о нижеслѣдующемъ: въ районѣ 3-й части г. Екатеринослава 7 августа задержаны неизвѣстнаго званія молодые люди, ходившіе по разнымъ мастерскимъ и подстрекавшіе мастеровыхъ всѣхъ категорій въ забастовкѣ. При задержаніи первый изъ этихъ молодыхъ людей назвался Мартьяновымъ, второй—Слонимскимъ, третій—Капланомъ и четвертый—Драгунскимъ. Въ виду установленнаго факта подстрекательства къ забастовкѣ они высланы этапомъ на родину" *).

Нѣсколько позднѣе въ „Приднѣпровскомъ Краѣ" былъ напечатанъ приказъ начальника 34-й пѣхотной дивизіи такого содержанія: „7 августа сего года, во время безпорядковъ среди рабочихъ въ гор. Екатеринославѣ, назначенный начальникомъ двухъ батальоновъ, вызванныхъ въ этотъ день для содѣйствія гражданскимъ властямъ, подполковникъ 135-го пѣхотнаго керчь-еникальскаго полка Надхинъ 2-й, находившійся у брянскаго завода, послалъ приказаніе подполковнику 133-го пѣхотнаго симферопольскаго полка Малюгѣ, находившемуся съ двумя ротами этого полка на лѣвомъ берегу Днѣпра, у станціи „Нижнеднѣпровскъ", немедленно перейти на правый берегъ рѣки въ городъ. Съ этимъ приказаніемъ былъ посланъ бывшій при подполковникѣ Надхинѣ конный ординарецъ, рядовой 14-й роты 135 пѣхотнаго керчь-еникальскаго полка Иванъ Савинъ, которому, при слѣдованіи по назначенію, пришлось проѣзжать мимо волновавшейся толпы рабочихъ, миновать которую было нельзя; толпа эта, увидя ординарца, осыпала его градомъ камней, изъ коихъ одинъ ранилъ его въ голову сзади, а другой—въ лѣвый високъ, около глаза; попало также нѣсколько камней въ шею и голову лошади, при чемъ удары были такъ такъ сильны, что лошадь упала на колѣни; не смотря на все это, Савинъ, обливаясь кровью, употребилъ всѣ усилія, чтобы пробраться сквозь преслѣдовавшую его толпу и выполнить возложенное на него порученіе, чего и достигъ, доставивъ во время приказаніе подполковнику Малюгѣ и привезя отъ него письменное донесеніе подполковнику Надхину. Савинъ послѣ сдѣланной ему перевязки, около 11 часовъ дня, оставался при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей до возвращенія войскъ въ лагерь—въ 8 часовъ вечера. За такое молодецкое поведеніе ординарца Савина и честное выполненіе долга службы, не взирая на грозившую ему опасность, объявляю ему отъ имени службы „спасибо" и предписываю командиру 135-го пѣхотнаго керчь-еникальскаго

---

*) Цитирую по «Сарат. Дневнику», 19 сент. 1903 г.

полка выдать ему въ награду десять рублей. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ полковъ дивизіи" *). По сообщенію другой екатеринославской газеты, „Вѣстника Юга", мѣстный уѣздный исправникъ, въ свою очередь, „доложилъ начальнику губерніи о самоотверженной дѣятельности урядника Ахушкова и городового Кириченка во время безпорядковъ, бывшихъ 7 августа въ Екатеринославѣ. Когда толпа рабочихъ оказывала сопротивленіе властямъ возлѣ брянскаго завода, названными урядникомъ и городовымъ была проявлена, по словамъ исправника, особая распорядительность, съ проявленіемъ значительной доли храбрости при подавленіи безпорядковъ. Чтобы воспрепятствовать рабочимъ наступать на воинскія части и чиновъ полиціи, они, ворвавшись въ толпу, своими дѣйствіями, рискуя жизнью, заставляли эту толпу не разъ отступать. Эта дѣятельность ихъ засвидѣтельствована прокуроромъ мѣстнаго окружнаго суда, полиціймейстеромъ и приставомъ брянскаго участка. Докладывая объ этомъ, исправникъ ходатайствовалъ о награжденіи Ахушкова и Кириченка медалями за усердіе ихъ въ службѣ" **).

Въ „Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано слѣдующее обязательное постановленіе, изданное 23 сентября с. г. и. д. полтавскаго губернатора вице-губернаторомъ, на основаніи ст. 15-й положенія объ усиленной охранѣ: 1) „Строго воспрещаются сходбища и собранія на улицахъ, площадяхъ и прочихъ общественныхъ мѣстахъ Крюковской волости въ поселкахъ Костромѣ, Карантинѣ, Демуровкѣ, Курчановкѣ, Чечелевкѣ, Новоселовкѣ, Раковкѣ и Дзигоревкѣ для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію; равнымъ образомъ, воспрещаются и всякія не вызываемыя необходимостью остановки и сборища на улицахъ и площадяхъ, независимо отъ цѣли таковыхъ сборищъ. 2) Всякія законныя требованія и распоряженія полиціи въ означенныхъ случаяхъ должны быть исполняемы немедленно и безпрекословно. 3) Всѣ владѣльцы домовъ въ поселкахъ Кострома, Карантинъ, Демуровка, Курчановка, Чечелевка, Новоселовка, Раковка и Дзигоревка Крюковской волости, наниматели или завѣдующіе домами обязываются о всѣхъ лицахъ, останавливающихся въ домахъ и выбывающихъ изъ оныхъ, объявлять мѣстной полиціи въ теченіе 24-хъ часовъ со времени прибытія и выбытія такихъ лицъ, а также записывать ихъ въ подворныя книги. 4) Виновные въ нарушеніи сего обязательнаго постановленія привлекаются къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ (ст. 16-я положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія), съ наложеніемъ взысканій,

*) Цитирую по «Сарат Дневнику», 23 сент. 1903 г.
**) Цитирую по «Спб. Вѣдомостямъ», 8 октября 1903 г.

не превышающихъ трехмѣсячнаго ареста или же штрафа въ 500 рублей (15-я ст. того же положенія). Постановленіе это вступаетъ въ законную силу со времени распубликованія его установленнымъ порядкомъ" *).

Въ „Южной Россіи" напечатано постановленіе николаевскаго градоначальника, отъ 20-го сентября, такого содержанія: „Разсмотрѣвъ рапортъ николаевскаго полиціймейстера съ донесеніемъ о нарушеніи общественной тишины, порядка и спокойствія лишеннымъ правъ Ѳ. Я. Степаненко, мѣщ З. Д. Григорьевымъ и кр. И. А. Бубликовымъ, которые, производя насиліе надъ городовыми съ цѣлью отбить арестованнаго, вызвали на улицѣ скопленіе обывателей, постановилъ подвергнуть ихъ, въ административномъ порядкѣ, аресту при полиціи на два мѣсяца каждаго" **).

Въ „Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано слѣдующее постановленіе и. д. бессарабскаго губернатора, изданное 23 сентября текущаго года: „Разсмотрѣвъ рапортъ кишиневскаго полиціймейстера отъ 23 сентября съ протоколомъ произведеннаго приставомъ 1-го участка города Кишинева дознанія о происшедшихъ вечеромъ 20-го сентября по Александровской улицѣ безпорядкахъ, и. д. бессарабскаго губернатора нашелъ: Показаніями двухъ офицеровъ войскъ кишиневскаго гарнизона, лично мнѣ данными, установлено, что 20 го сентября, въ 9 час. вечера, часть гулявшей въ большомъ числѣ по Александровской улицѣ публики собралась по ничтожному поводу около этихъ офицеровъ, препятствуя свободному проходу ихъ, и на предложеніе дать дорогу отвѣчала криками и свистками, привлекшими постороннихъ лицъ, результатомъ чего явилось скопленіе на улицѣ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ. По заявленію тѣхъ же офицеровъ, а также прочихъ свидѣтелей, показанія которыхъ занесены въ полицейскій протоколъ, выяснено, что главными нарушителями порядка въ настоящемъ сборищѣ явились арестованные полиціей: купеческіе сыновья Пинхусъ Нухимовъ Перперъ, Файликъ Нухимовъ Перперъ и мѣщане Мордко Боруховъ Эглисъ, Эль Лайзеровъ Онуцканскій, Эль Мойшевъ-Мунашевъ Баксманъ и Шмуль Боруховъ Факъ, при чемъ первые трое вели себя особенно вызывающе, подстрекая толпу криками и оказавъ сопротивленіе чинамъ полиціи, немедленно явившимся для водворенія порядка. Признавая въ виду изложеннаго поименованныхъ 6 лицъ виновными въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, изданныхъ 8-го мая сего года на основаніи 15 и 16 ст. положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. I къ ст. 1 уст. о пред. и прес. прест. т. XIV св. зак. изд. 1890 г.) и руководствуясь 15 ст. приведеннаго

*) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 8 окт. 1903 г.

**) Цитирую по «Праву», № 41.

положенія, постановилъ: подвергнуть аресту при кишиневскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи купеческихъ сыновей Пинхуса Нухимова Перпера, Фейлика Нухимова Перпера и кишеневскаго мѣщанина Мордко Борухова Эглиса на два мѣсяца, а мѣщанъ: Эль Лейзерова Онуцканскаго, Эль Мойшева-Мунашева Ваксмана и Шмуля Борухова Фака на одинъ мѣсяцъ каждаго“ *).

Въ кіевскихъ газетахъ напечатано сообщеніе слѣдующаго содержанія: Исполнявшій обязанность кіевскаго губернатора кіевскій вице-губернаторъ баронъ Ф. Штакельбергъ, разсмотрѣвъ дознаніе о томъ, что собравшаяся 15 сентября въ Кіевѣ по Кузнечной улицѣ, возлѣ казенной винной лавки, помѣщающейся въ домѣ № 67, толпа народа по требованію городового лыбедскаго участка Гавріила Кривденка не только не разошлась, но даже нанесла побои послѣднему, — призналъ принимавшихъ въ этомъ участіе Никиту Герасименко, Димитрія Бурова, Ивана Прохорова, Филиппа Давиденко и Ивана Фортинскаго виновными въ нарушеніи изданнаго кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ 9 апрѣля 1901 г. обязательнаго постановленія, воспрещающаго всякія скопленія народа на улицахъ, площадяхъ, бульварахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, и потому постановилъ названныхъ пять лицъ подвергнуть аресту при полиціи на три мѣсяца каждаго, при чемъ срокъ ареста Прохорова, Давидова и Фортинскаго считать съ 15 сентября, а надъ Герасименко и Буровымъ (городовой Кривденко, защищаясь, нанесъ Герасименкову и Бурову раны въ спину, вслѣдствіе чего ихъ отвезли въ больницу), которые, какъ видно изъ дознанія, въ послѣднее время больны, привести настоящее постановленіе по ихъ выздоровленіи. Тѣмъ же постановленіемъ дворники Сидоръ Ноздринъ, Игнатій Литвиненко и Матвѣй Суриковъ подвергаются аресту при полиціи на два дня каждый, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора“ **).

Наконецъ, въ Петербургѣ, какъ сообщаютъ газеты ***), въ концѣ сентября лица, задержанныя полиціей на улицахъ и скверахъ за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сборищъ, изданнаго 9 декабря 1901 г., по распоряженію градоначальника подвергнуты взысканію: одинъ человѣкъ—штрафу въ 400 р. или аресту на десять недѣль и 7 человѣкъ—штрафу по 300 р. или аресту на два мѣсяца каждый.

Помимо приведенныхъ сообщеній, въ теченіе истекшаго мѣсяца было опубликовано нѣсколько извѣстій о судебныхъ дѣлахъ, возникшихъ въ результатѣ безпорядковъ.

*) Цитирую по «Н. Времени», 5 окт. 1903 г.

**) «Кіевское Слово». Цитирую по «Спб. Вѣдомостямъ», 8 окт. 1903 г.

***) «Спб. Вѣд.», 28 сен. 1903 г.

По словамъ „Новостей Дня“, жалоба акушерки Фрумкиной на приговоръ кіевской палаты по дѣлу о покушеніи Фрумкиной на убійство начальника кіевскаго жандармскаго управленія генерала Новицкаго оставлена безъ разсмотрѣнія *).

Въ Ростовѣ-на-Дону войсковой наказный атаманъ Войска Донского генералъ-лейтенантъ К. К. Максимовичъ утвердилъ приговоръ военнаго суда по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ въ Ростовѣ 2 марта. Смертная казнь тремъ приговореннымъ замѣнена, какъ мы уже сообщали въ предыдущей нашей хроникѣ, по высочайшему повелѣнію каторжными работами: Браиловскому—на 15 лѣтъ, Кукину и Колоскову—на 10 лѣтъ. Въ отношеніи четырехъ обвиненныхъ приговоръ переданъ на разсмотрѣніе главнаго военнаго суда вслѣдствіе поступившихъ кассаціонныхъ жалобъ и протеста прокурора **).

Въ Москвѣ, 22 сентября, въ уголовномъ отдѣленіи судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей разсматривалось дѣло о безпорядкахъ на бумаготкацкихъ фабрикахъ Хлудовыхъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ, Разанской губерніи, при чемъ обвинялись 11 человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ одинъ не явился. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, и приговоромъ палаты одинъ обвиняемый оправданъ, а девять признаны виновными по 1-й части 269 ст. улож. о нак. и приговорены: шестеро къ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, одинъ—на 4 мѣсяца безъ лишенія правъ и два—на 2 мѣсяца ***).

Въ г. Пинскѣ 25 и 26 сентября особымъ присутствіемъ виленской судебной палаты разсмотрѣно было при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію 11 евреевъ по 271 и 315 ст. улож. о нак., т. е. о сопротивленіи властямъ и оказаніи препятствій къ задержанію преступныхъ лицъ. „По обвинительному акту и по извѣстнымъ намъ даннымъ, — писалъ пинскій корреспондентъ „Спб. Вѣдомостей“ — дѣло это заключалось въ слѣдующемъ: въ ночь на 5 апрѣля текущаго года приставъ г. Пинска произвелъ обыскъ у четырехъ мѣстныхъ евреевъ, по подозрѣнію ихъ въ политической неблагонадежности, и, задержавъ ихъ, отправилъ въ полицейскій участокъ. На другой день громадная толпа евреевъ окружила полицейскій участокъ, гдѣ содержались арестованные приставомъ 4 человѣка, и произвела разгромъ. Въ участкѣ тогда находилось двое городовыхъ, и толпа, нахлынувъ въ участокъ, освободила арестованныхъ лицъ, при чемъ двое успѣли убѣжать. Городовые пустились за ними въ погоню, но имъ пришлось бороться съ еврейской толпой, забросавшей ихъ камнями, палками и желѣзомъ. Со стороны толпы по адресу городовыхъ по-

*) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 3 окт. 1903 г.

**) «Сарат. Дневникъ», 25 сент. 1903 г.

***) «Р. Вѣд.», 23 сент. 1903 г.

слѣдовали даже выстрѣлы. Произошла свалка, во время которой съ обѣихъ сторонъ послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, при чемъ находившаяся въ толпѣ Шейндля Коржъ была ранена двумя пулями. Между тѣмъ, преступники, содержавшіеся въ участкѣ, скрылись. Толпа разбѣжалась, при чемъ городовые никого не арестовали. Возникло слѣдствіе о разгромѣ полицейскаго участка и о воспрепятствованіи полиціи арестовать преступныхъ лицъ. По этому дѣлу арестовано было 23 человѣка. Собрать и установить вѣскія улики удалось лишь по отношенію къ 11 лицамъ, которыя и были преданы суду по обвиненію по 271 и 315 ст. улож. о нак., а остальные были переданы въ распоряженіе жандармской власти. Послѣ двухдневнаго разбирательства судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: мѣщ. Мовшу Шермана, Сендера Кушнера и Шейндлю Коржъ—лишить всѣхъ правъ и преимуществъ и заключить первыхъ двухъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на $1^1/_2$ года, а послѣднюю — въ тюрьму на одинъ годъ; Арона Гухмана, Овсѣя Пѣгуна и Янкеля Гольдберга — къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, остальные пять — Давидъ Унтерманъ, Шейна-Хая Воскобойникъ, Ицка Эльяновъ и Ицка Воронцевицкій — оправданы *).

Изъ Уфы „Новостямъ“ въ сентябрѣ сообщали: „8 октября выѣздная сессія казанской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, будетъ слушать въ Уфѣ дѣло о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими казенныхъ Златоустовскихъ заводовъ 12-го и 13-го марта сего года. Обвиняемые въ числѣ 33-хъ человѣкъ, въ томъ числѣ пять женщинъ, обвиняются въ сопротивленіи властямъ, выразившемся въ учиненіи уличныхъ безпорядковъ, воспрепятствованіи введенію на Златоустовскихъ заводахъ закона 11-го марта 1902 года о пріемѣ новыхъ разсчетныхъ книжекъ съ условіями найма на работы названныхъ заводовъ и въ принужденіи правительственныхъ властей освободить изъ-подъ стражи рабочихъ Филомошкина и Симонова, арестованныхъ на основаніи закона 13-го августа 1881 года. Всѣ обвиняемые содержатся въ уфимской тюрьмѣ, за исключеніемъ Филомошкина и Симонова. Свидѣтелей по этому дѣлу вызывается со стороны обвиненія 50; со стороны защиты—156. Дѣло будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ“ **).

По словамъ „Казбека“, дѣло о безпорядкахъ, происшедшихъ лѣтомъ 1902 года на станціи Тихорѣцкой Владикавказской желѣзной дороги, по поводу смерти Золотовой, назначено было къ разбору въ екатеринодарскомъ окружномъ судѣ на 20 сентября ***).

---

*) «Спб. Вѣдомости», 1 октября 1903 г.

**) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 18 сент. 1903 г.

***) Цитирую по «Н. Времени», 19 сент. 1903 г.

Какъ сообщаетъ „Царицынскій Вѣстникъ“, въ г. Борисоглѣбскѣ расклеено слѣдующее объявленіе мастеровымъ и рабочимъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ: „2-го сего сентября мастеровые и рабочіе борисоглѣбскихъ мастерскихъ вторично нарушили забастовкой внутренній распорядокъ мастерскихъ. Находя такое положеніе дѣлъ въ мастерскихъ невозможнымъ и нарушающимъ условія найма, изложенныя въ рабочей книжкѣ, управленіе Юго-Восточныхъ дорогъ объявляетъ о закрытіи 9-го сентября текущаго года борисоглѣбскихъ мастерскихъ и приглашаетъ всѣхъ поденныхъ мастеровыхъ и рабочихъ явиться 9-го сентября въ мастерскія къ 10 час. утра для полученія полнаго разсчета и паспортовъ. Деньги по разсчетамъ и паспорта лицъ, не явившихся къ разсчету въ указанный день, будутъ переданы полиціи. О времени открытія мастерскихъ вновь и о наймѣ мастеровыхъ и рабочихъ будетъ объявлено особо. Гор. Борисоглѣбскъ, 7-го сентября 1903 года“ *).

Въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ объявлено о происшедшей 23 сентября забастовкѣ рабочихъ одесскихъ мастерскихъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ **).

IV.

Приводимъ еще важнѣйшія изъ состоявшихся въ послѣдніе четыре мѣсяца правительственныхъ распоряженій относительно Финляндіи.

Въ теченіе минувшаго лѣта въ составѣ администраціи и городского самоуправленія Великаго Княжества Финляндскаго произошли новыя перемѣны.

5 (18) іюня состоялись высочайшія повелѣнія объ увольненіи отъ службы безъ пенсіи ландссекретаря Або-Бьернеборгской губерніи лагмана Акселя-Вальфрида Рюдмана и ландссекретаря Вазаской губерніи лагмана Ивгмана. По разъясненію оффиціозной „Финляндской Газеты“, оба эти увольненія состоялись потому, что названные чиновники, находя новый уставъ о воинской повинности изданнымъ съ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, отказались содѣйствовать мѣропріятіямъ по осуществленію призыва къ исполненію воинской повинности.

26 іюня (9 іюля) было высочайше повелѣно: 1) уволить Эрнста Отто Окессона отъ исправленія обязанностей бургомистра города Выборга, 2) предоставить хозяйственному департаменту сената сдѣлать распоряженіе объ удаленіи членовъ выборгскаго магистрата, принимавшихъ участіе въ постановленіи опредѣленій, въ

---

*) Цитирую по «Н. Времени», 17 сент. 1903 г.

**) Цитирую по «Р. Вѣдомостямъ», 2 окт. 1903 г.

которыхъ выражалось противодѣйствіе правительству при введеніи въ дѣйствіе устава о воинской повинности 29 іюня (12 іюля) 1901 г. въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, съ тѣмъ, чтобы новый составъ магистрата вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей не позднѣе 1 (14) сентября сего года, и 3) представить императорскому финляндскому сенату войти съ представленіемъ объ измѣненіи порядка замѣщенія должностей по магистрату города Выборга. Мѣра эта была вызвана, по словамъ „Финляндской Газеты", „нижеслѣдующими обстоятельствами. Выборгскій ландссекретарь Брофильдъ былъ уволенъ въ отпускъ во внутреннія губерніи для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ. По распоряженію генералъ-губернатора къ исправленію должности выборгскаго ландссекретаря былъ командированъ состоящій при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ чиновникъ особыхъ порученій камеръ-юнкеръ высочайшаго двора Фуксъ. Командированіе это состоялось на точномъ основаніи высочайшаго постановленія отъ 18-го (31-го) іюля 1902 года, въ силу котораго на должности по управленію Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ могутъ быть, наравнѣ съ финляндскими уроженцами, опредѣляемы и уроженцы прочихъ частей Россійской Имперіи. Камеръ-юнкеръ Фуксъ въ качествѣ и. д. выборгскаго ландссекретаря, скрѣпилъ нѣсколько бумагъ, подписанныхъ выборгскимъ губернаторомъ, и препроводилъ ихъ по принадлежности въ выборгскій магистратъ. Эти бумаги, а равно и другія, подписанныя г. Фуксомъ „за губернатора", касались приведенія въ дѣйствіе воинскаго устава 1901 г. Чины выборгскаго магистрата, во главѣ со своимъ бургомистромъ Окессономъ отказались исполнить обращенное къ нимъ властями требованіе по призыву и мотивировали свой отказъ тѣмъ, что „сверхштатный чиновникъ Фуксъ, какъ иностранецъ, не можетъ, на основаніи § 10 формы правленія 1772 года, законнымъ порядкомъ быть назначеннымъ докладчикомъ въ губернскомъ правленіи", и потому вернули всѣ подписанныя и скрѣпленныя камеръюнкеромъ Фуксомъ бумаги выборгскому губернатору безъ исполненія".

Помимо указанныхъ перемѣнъ въ составѣ управленія за послѣдніе мѣсяцы произведены были нѣкоторыя измѣненія и въ учрежденіяхъ и порядкахъ Великаго Княжества Финляндскаго.

19 іюня (2 іюля) текущаго года состоялись высочайшія повелѣнія объ упраздненіи милиціонной экспедиціи финляндскаго сената и финскаго кригсъ-комиссаріата, и въ связи съ этимъ было произведено высочайшимъ же повелѣніемъ частичное измѣненіе штата нѣкоторыхъ экспедицій финляндскаго сената. Вслѣдъ за тѣмъ было высочайше повелѣно расформировать чиновъ и кадетъ финляндскаго кадетскаго корпуса на слѣдующихъ основаніяхъ: „1) всѣхъ чиновъ корпуса нынѣ же уволить за штатъ на общемъ основаніи; 2) родителямъ каждаго изъ кадетъ, который будетъ

уволенъ изъ корпуса, назначить въ пособіе по 600 финскихъ марокъ, или 150 руб. металлическихъ, ежегодно, для подготовленія дѣтей ихъ къ переводу въ другіе корпуса или въ другія учебныя заведенія, но на срокъ не свыше времени, необходимаго для окончанія полнаго курса въ кадетскомъ корпусѣ; 3) наблюденіе за зданіями корпуса и его инвентаремъ впредь до выясненія вопроса, какое они должны получить назначеніе, возложить на лицо по избранію директора корпуса и съ утвержденія главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній; 4) расходъ, потребный для приведенія вышеизложеннаго въ исполненіе, отнести на имѣющійся въ корпусѣ экономическій капиталъ, образовавшійся изъ сбереженій отъ ежегодно ассигнуемой корпусу субсидіи изъ государственнаго казначейства и простирающійся нынѣ до 120 т. финскихъ марокъ". Наконецъ, въ отмѣну высочайшихъ постановленія и объявленія отъ 2 апрѣля 1884 г., относительно образованія и производства вольноопредѣляющихся финскихъ войскъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе упразднить учрежденные при финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ курсы для обученія вольноопредѣляющихся съ тѣмъ, чтобы подготовка вольноопредѣляющихся лейбъ-гвардіи 3-го стрѣлковаго батальона производилась на принятыхъ въ имперіи основаніяхъ.

13 (26) іюля, въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну положеній дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, состоялось, по представленію финляндскаго сената, слѣдующее высочайшее повелѣніе: „1) Ввести въ дѣйствіе во всѣхъ классическихъ и реальныхъ лицеяхъ Финляндіи новые учебные планы съ тѣмъ, чтобы къ настоящему преобразованію было приступлено съ наступающаго 1903—1904 учебнаго года и таковое завершилось бы къ началу 1905—1906 учебнаго года. 2) Предоставить императорскому финляндскому сенату, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ края: а) установить очередь введенія означенныхъ плановъ въ подлежащихъ учебныхъ заведеніяхъ и б) избрать классическіе лицеи, въ числѣ не болѣе трехъ, въ коихъ обязательно изученіе греческаго языка. 3) Преподаваніе русскаго языка и словесности въ классическихъ и реальныхъ лицеяхъ края производить на русскомъ языкѣ. 4) Ученикамъ элементарныхъ училищъ, учебные планы коихъ согласованы съ планами соотвѣтствующихъ классовъ реальныхъ лицеевъ, въ случаѣ перехода ихъ въ классическіе лицеи въ мѣстности, гдѣ не имѣется таковаго лицея съ тѣмъ же языкомъ преподаванія, предоставить замѣнять при 4-хъ и 5-ти классахъ изученіе нѣмецкаго языка латинскимъ языкомъ, а въ пятомъ классѣ изученіе естествознанія—нѣмецкимъ языкомъ. 5) Учредить съ 1-го сентября 1903 года въ обоихъ нормальныхъ лицеяхъ по одной должности старшаго учителя русскаго языка съ тѣмъ, чтобы на означенныхъ учителей не было возлагаемо никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ преподаванія

русскаго языка и занятій съ кандидатами на должность преподавателей сего языка.

Немногимъ раньше, именно 3 (16) іюля, по представленію финляндскаго сената, состоялось такое высочайшее повелѣніе: 1) всѣ ассигнованныя по штату на содержаніе полиціи въ городахъ съ полнымъ полицейскимъ управленіемъ суммы отпускать распоряженіемъ правительственныхъ учрежденій; 2) причитающіяся съ городовъ на содержаніе полиціи суммы вносить въ доходъ казны; 3) предоставить императорскому финляндскому сенату, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ края, издать ближайшія правила для примѣненія настоящаго постановленія".

26 іюня (9 іюля), по словамъ „Финляндской Газеты", было высочайше указано, что церковные соборы, не исключая и имѣющаго состояться въ теченіе 1903 года, должны собираться не иначе, какъ съ разрѣшенія финляндскаго генералъ-губернатора, окончательно опредѣляющаго время и мѣсто собора.

Сверхъ того, въ той же „Финляндской Газетѣ" было напечатано слѣдующее высочайшее постановленіе: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію финляндскаго генералъ-губернатора, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ 29 мая (11 іюня) 1903 года, въ измѣніе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, высочайше соизволилъ утвердить слѣдующее временное постановленіе о продажѣ и храненіи огнестрѣльныхъ оружія и припасовъ, а также взрывчатыхъ веществъ, и объ устройствѣ стрѣльбищъ. 1) Воспрещается храненіе нарѣзныхъ скорострѣльныхъ (магазинныхъ и т. п.) ружей, а также патроновъ къ нимъ, безъ особаго на то свидѣтельства отъ губернатора. 2) Лица, торгующія огнестрѣльными оружіемъ и припасами, динамитомъ и другими взрывчатыми веществами, обязаны вести особыя книги, въ которыя вносится все имѣющееся у нихъ въ складѣ или магазинѣ оружіе, припасы, динамитъ и двугія взрывчатыя вещества, и отмѣчать, какіе товары, когда и кому проданы. Книги эти выдаются безплатно губернскимъ правленіемъ, за надлежащими прошнуровкою, скрѣпою и печатью. 3) Изъ числа огнестрѣльнаго оружія и припасовъ нарѣзныя скорострѣльныя (магазинныя и т. п.) ружья, патроны къ нимъ, а также динамитъ могутъ быть продаваемы только лицамъ, представившимъ именное свидѣтельство отъ губернатора на покупку сихъ товаровъ, и при томъ въ количествѣ, не превышающемъ обозначеннаго въ свидѣтельствѣ. 4) Указанныя въ статьяхъ 2 и 3 настоящаго постановленія книги и свидѣтельства хранятся въ складѣ или магазинѣ и предъявляются чинамъ полиціи или другимъ командированнымъ губернаторомъ должностнымъ лицамъ, по ихъ требованію, для просмотра и свѣрки наличнаго оружія и припасовъ. 5) Изложенныя въ настоящемъ постановленіи правила о порядкѣ храненія огнестрѣльнаго оружія и патроновъ не распространяются

на военно-служащихъ и должностныхъ лицъ, кои, на основаніи особыхъ узаконеній, обязаны имѣть таковое оружіе или патроны. 6) Стрѣльбища могутъ быть устраиваемы лишь съ разрѣшенія губернатора. Лица, устроившія стрѣльбища до изданія настоящаго постановленія, обязаны испросить соотвѣтствующее разрѣшеніе у губернатора. Въ случаѣ неполученія таковаго разрѣшенія, означенныя стрѣльбища подлежатъ закрытію. 7) Виновные въ нарушеніи правилъ настоящаго постановленія подвергаются штрафу въ размѣрѣ не свыше 400 марокъ, съ замѣною сего штрафа, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ на основаніи § 5 главы II уголовнаго уложенія. Сверхъ сего, предметы, на храненіе коихъ не получено надлежащаго разрѣшенія, конфискуются въ пользу казны. Въ случаѣ вторичнаго нарушенія правилъ настоящаго постановленія содержателями складовъ огнестрѣльныхъ оружія и припасовъ или взрывчатыхъ веществъ, принадлежащіе имъ склады и магазины сихъ товаровъ закрываются, а огнестрѣльные оружіе, припасы, также динамитъ и другія взрывчатыя вещества конфискуются въ пользу казны. Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія подлежатъ разрѣшенію губернаторовъ въ порядкѣ, указанномъ въ статьѣ 4 высочайшаго постановленія отъ 20 марта (2 апрѣля) 1903 года о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. 8) Настоящее постановленіе остается въ силѣ до истеченія срока дѣйствія высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отъ 20 марта (2 апрѣля) 1903 г.“

Одновременно съ приведеннымъ постановленіемъ было высочайше повелѣно—въ дополненіе къ помѣщенному въ раздѣлѣ III таможеннаго тарифа для Великаго Княжества Финляндскаго отъ 22 декабря 1886 г. перечню товаровъ—запретить къ привозу боевыя ружья и патроны для оныхъ.

Въ „Финляндской Газетѣ“ опубликованы еще обязательныя постановленія, изданныя въ послѣднее время мѣстными властями разныхъ губерній Финляндіи. Приводимъ здѣсь эти постановленія.

Нюландскимъ губернаторомъ въ минувшемъ іюлѣ было издано слѣдующее обязательное постановленіе, съ предупрежденіемъ, что дѣла объ его нарушеніи, на основаніи п. 4-го временнаго высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, извлекаются изъ вѣдомства суда:

„1) Никто не въ правѣ въ гостиницахъ или въ комнатахъ для пріѣзжающихъ, хотя бы открываемыхъ на извѣстный періодъ, равно какъ и во всякихъ другихъ открытыхъ для публики тор-

говыхъ заведеніяхъ, при имѣніи свободныхъ помѣщеній, отказывать кому бы то ни было въ пользованіи таковыми. 2) Въ гостиницахъ и въ комнатахъ для пріѣзжающихъ при входѣ должна быть вывѣшена доска, разграфленная по числу номеровъ, противъ коихъ четко и ясно написаны званія, имена и фамиліи жильцовъ и, кромѣ того, вестись книга для пріѣзжающихъ, которая предъявляется полиціи по первому ея требованію для справокъ и повѣрки. Книга эта заводится ежегодно съ перваго января и хранится въ теченіе трехъ лѣтъ. 3) Въ гостиницахъ, ресторанахъ, кухмистерскихъ, равно какъ и въ комнатахъ для пріѣзжающихъ, если при нихъ имѣются столовыя или установленъ отпускъ кушаній, и другихъ заведеніяхъ, торгующихъ съѣстными припасами или какими бы то ни было напитками, никто не въ правѣ, безъ указанныхъ въ законѣ или иныхъ особо основательныхъ причинъ, отказывать кому либо въ отпускѣ кушаній и питей. 4) Во всѣхъ вышеуказанныхъ торговыхъ заведеніяхъ должны имѣться и предъявляться по требованію публики печатныя или написанныя, за подписью владѣльца или отвѣтственнаго управляющаго, свѣдѣнія о стоимости кушаній и питей, равно какъ и помѣщеній. 5) За нарушеніе настоящаго обязательнаго постановленія владѣльцы торговыхъ заведеній или отвѣтственные управляющіе подвергаются штрафу до 400 марокъ. Настоящее постановленіе распространяется на всю Нюландскую губернію и вступаетъ въ дѣйствіе со дня его опубликованія въ оффиціальныхъ газетахъ".

Тѣмъ же губернаторомъ въ сентябрѣ было издано такое обязательное постановленіе: „Въ виду того, что на основаніи 1-го пункта высочайшаго постановленія отъ 29 мая (11-го іюня) 1903 года о продажѣ и храненіи огнестрѣльныхъ оружій и припасовъ, а также взрывчатыхъ веществъ и объ устройствѣ стрѣльбищъ воспрещается храненіе нарѣзныхъ скорострѣльныхъ магазинныхъ и тому подобныхъ ружей, а также патроновъ къ нимъ безъ особаго на то свидѣтельства отъ губернатора, предлагаю обывателямъ не позже, какъ въ двухнедѣльный срокъ со дня опубликованія сего постановленія въ оффиціальныхъ газетахъ, заявить мѣстной полицейской власти объ имѣющихся у нихъ таковыхъ оружіи и патронахъ, и черезъ нее же испросить свидѣтельство на право храненія вышеуказаннаго оружія и патроновъ къ нему. Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются штрафу въ административномъ порядкѣ въ размѣрѣ 400 марокъ, съ замѣною сего штрафа, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ на основаніи пункта 5-го главы II уголовнаго уложенія".

Въ свою очередь, и. д. выборгскаго губернатора издалъ слѣдующія обязательныя постановленія: 1) „На основаніи высочайшаго постановленія отъ 29 мая (11 іюня) сего года о продажѣ и храненіи огнестрѣльныхъ оружія и припасовъ, а также взрыв-

чатыхъ веществъ и объ устройствѣ стрѣльбищъ, къ всеобщему свѣдѣнію и руководству объявляется нижеслѣдующее: 1) общества, учрежденія и частныя лица, имѣющія нарѣзныя скорострѣльныя (магазинныя и т. п.) ружья, патроны къ нимъ и динамитъ, должны не позже 1 ноября испросить у меня разрѣшеніе имѣть таковые, при чемъ въ каждомъ данномъ случаѣ должны быть точно поименованы: родъ оружія (система), имя фабрики и фабричный нумеръ, а также количество патроновъ и динамита, съ точнымъ указаніемъ имени, фамиліи, званія и мѣста жительства просителя; 2) частныя лица, фирмы, заводы и иныя учрежденія, торгующіе огнестрѣльнымъ оружіемъ и припасами, динамитомъ и другими взрывчатыми веществами, а равно и имѣющіе склады перечисленныхъ предметовъ, должны не позже 20 октября войти ко мнѣ съ ходатайствомъ о снабженіи ихъ книгами установленнаго образца для регистраціи названныхъ предметовъ; 3) общества и частныя лица, содержащія и владѣющія стрѣльбищами, должны не позже 20 октября испросить у меня разрѣшенія на пользованіе таковыми, съ представленіемъ подробныхъ свѣдѣній о мѣстѣ расположенія стрѣльбищъ и ихъ размѣрахъ; 4) дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи ст. 7 вышеназваннаго высочайшаго постановленія, изъемлются изъ вѣдомства суда. Настоящее постановленіе распространяется на всю Выборгскую губернію". 2) „Симъ объявляется, что дѣла о нарушеніяхъ дѣйствующихъ постановленій о публичныхъ собраніяхъ или публичныхъ увеселеніяхъ, а равно объ отступленіяхъ отъ утвержденныхъ подлежащими властями программъ увеселеній или данныхъ при выдачѣ разрѣшенія предписаній, согласно высочайшаго постановленія отъ 20-го марта (2-го апрѣля) 1903 г. объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Финляндіи, изъемлются изъ вѣдѣнія суда и разрѣшаются въ административномъ порядкѣ, при чемъ виновные будутъ подвергаемы штрафу въ размѣрѣ до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 главы 2 уголовнаго уложенія. Настоящее постановленіе распространяется на всю Выборгскую губернію" и 3) „Дѣла о нарушеніи настоящаго постановленія, на основаніи ст. 4. высочайшаго постановленія о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, изъемлются изъ вѣдѣнія суда". 4) „Въ высокоторжественные царскіе дни всѣ находящіяся въ городахъ казенныя, городскія, общинныя и общественныя зданія, а равно такія, въ которыхъ помѣщаются казенныя, городскія, общинныя или общественныя учрежденія, должны быть приличествующимъ образомъ украшаемы русскими національными флагами. 5) Воспрещается въ городахъ и въ уѣздѣ, при устройствѣ какихъ-либо публичныхъ собраній, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора, вывѣши-

вать или выставлять иные флаги, кромѣ національныхъ русскихъ За нарушеніе настоящаго постановленія подлежащія отвѣтственныя лица будутъ подвергаемы штрафу до 400 марокъ съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2 уголовнаго уложенія. Настоящее постановленіе вступаетъ въ дѣйствіе со дня опубликованія въ оффиціальныхъ газетахъ."

Вазаскимъ губернаторомъ издано въ сентябрѣ слѣдующее обязательное постановленіе: „1) Въ городахъ и селеніяхъ Вазаской губерніи воспрещаются сходбища и собранія народа на улицахъ, площадяхъ, садахъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ для совѣщаній и дѣйствій, противныхъ общественному порядку и спокойствію, или съ цѣлью производства всякаго рода противоправительственныхъ демонстрацій. 2) Вышеозначенныя сходки и собранія, а равно сторонняя публика, явившаяся на мѣсто сходбища и собранія, хотя бы безъ всякой преступной цѣли, обязаны разойтись по первому требованію полиціи. 3) Воспрещается въ мѣстахъ, указанныхъ въ пунктѣ 1-мъ, пѣніе всякаго рода пѣсенъ, псалмовъ, произнесеніе рѣчей, привѣтствій и т. п., если на это не получено письменнаго разрѣшенія подлежащей власти. 4) Виновные въ нарушеніи сего постановленія подвергаются денежному штрафу до 400 марокъ съ замѣною его, въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ по правиламъ, изложеннымъ въ § 5 гл. 2-й уголовнаго уложенія. 5) Дѣла о нарушеніи сего постановленія изъемлются изъ вѣдомства суда и подлежатъ разсмотрѣнію губернатора въ административномъ порядкѣ. 6) Настоящее постановленіе вступаетъ въ силу со дня его объявленія во всеобщее свѣдѣніе."

Въ свою очередь абоскимъ губернаторомъ 2 (15-го) сентября обнародовано слѣдующее объявленіе: „Въ виду того, что на основаніи высочайшаго постановленія отъ 29-го мая (11-го іюня) 1903 года о продажѣ и храненіи огнестрѣльныхъ оружія и припасовъ, а также взрывчатыхъ веществъ, и объ устройствѣ стрѣльбищъ (внесенное въ № 30 „Сборника постановленій Великаго Княжества Финлядскаго сего года) воспрещается храненіе нарѣзныхъ, скорострѣльныхъ (магазинныхъ и т. п.) ружей, а также патроновъ къ нимъ, безъ особаго на то свидѣтельства отъ губернатора,—предлагаю обитателямъ сей губерніи, имѣющимъ ружья такого образца, не позже четырехнедѣльнаго срока со дня публикованія въ третій разъ сего объявленія въ оффиціальныхъ газетахъ края, представить мѣстной полицейской власти письменныя на имя губернатора заявленія объ имѣющихся у нихъ таковыхъ ружьяхъ и о числѣ принадлежащихъ къ нимъ патроновъ, равно и испросить свидѣтельства на право храненія вышесказаннаго оружія и патроновъ; полицейскія же власти обязаны немедленно, по

истеченіи вышеозначеннаго срока, представить сіи заявленія губернатору вмѣстѣ съ собственнымъ заключеніемъ о каждомъ изъ таковыхъ заявленій. Въ тотъ же четырехнедѣльный срокъ по публикаціи въ третій разъ сего объявленія въ оффиціальныхъ газетахъ края, содержатели стрѣльбищъ и торгующіе огнестрѣльнымъ оружіемъ, порохомъ, динамитомъ и другими взрывчатыми веществами, обязаны подать губернатору письменныя прошенія о разрѣшеніи дальнѣйшаго содержанія стрѣльбищъ и производства вышеозначенной торговли, при чемъ торгующимъ сими предметами безплатно будутъ выданы счетовыя книги, обозначенныя въ вышеупомянутомъ высочайшемъ постановленіи. Нарѣзныя скорострѣльныя ружья (магазинныя и т. п.), патроны къ нимъ, равно и динамитъ могутъ быть продаваемы только лицамъ, представившимъ именное свидѣтельство губернатора на право покупки сихъ товаровъ и при томъ въ количествѣ, не превышающемъ обозначеннаго въ свидѣтельствѣ. Виновные въ нарушеніи правилъ упомянутаго высочайшаго постановленія подвергаются административнымъ порядкомъ штрафу въ размѣрѣ не свыше 400 марокъ, съ замѣною сего штрафа; въ случаѣ несостоятельности осужденнаго къ уплатѣ онаго, тюремнымъ заключеніемъ на основаніи § 5 гл. II уголовнаго уложенія".

Наконецъ, с-михельскій губернаторъ издалъ обязательное постановленіе, предписывающее во всѣхъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для общаго пользованія за плату, вывѣшивать объявленія на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ.

V.

26-го сентября состоялось слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „въ виду обнаруженнаго газетою „С.-Петербургскія Вѣдомости" вреднаго направленія, особенно проявившагося въ передовой статьѣ № 263, отъ 26 сего сентября, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости" первое предостереженіе, въ лицѣ издателя князя Эспера Ухтомскаго и редактора дворянина Александра Столыпина".

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Финляндіи, по сообщенію „Финляндской Газеты", дано предостереженіе выходящей въ г. Ганге газетѣ „Hangö", за помѣщенный въ № 76 отъ 27-го минувшаго іюня разсказъ подъ заглавіемъ: „Bjornen och myrstachen" („Медвѣдь и муравейникъ").

В. Мякотинъ.

О фельдшерахъ.

(«Фельдшерскій Сборникъ». По поводу десятилѣтія газеты «Фельдшеръ». Спб. Изданіе «Медицинскаго Журнала» д-ра Окса. 1903).

Не смотря на то, что Россія имѣетъ справедливое основаніе, гордиться созданіемъ своебразнаго института земской медицины обезпеченіе массы населенія медицинской помощью даже въ земскихъ губерніяхъ далеко еще не совершенно. По даннымъ д-ра В. И. Гребенщикова, въ 1892 году въ Россіи насчитывалось 12482 врача, изъ которыхъ только 3060, т. е. менѣе $^1/_4$ жило внѣ городовъ, такъ что на каждаго врача, живущаго въ деревнѣ, приходилось круглымъ числомъ по 36000 человѣкъ населенія. А „болѣютъ въ деревняхъ много и разнообразно", какъ говорилъ проф. М. Я. Капустинъ въ своей рѣчи о задачахъ гигіены въ сельской Россіи на общемъ собраніи послѣдняго (VIII) Пироговскаго съѣзда. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ врачи не могутъ удовлетворить спроса на медицинскую помощь со стороны населенія. Послѣднее поневолѣ должно прибѣгать къ помощи другихъ врачевателей, начиная съ невыведшихся еще колдуновъ и знахарей и кончая ближайшей къ врачамъ медицинской инстанціей—фельдшерами. Роль послѣднихъ въ дѣлѣ народнаго врачеванія имѣетъ размѣры весьма почтенные. Общее число фельдшеровъ больше числа врачей. На 12435 врачей, бывшихъ въ 1892 г. въ Европейской Россіи, фельдшеровъ насчитывалось 15669 *). Число врачебныхъ участковъ въ 34 земскихъ губерніяхъ было 1572, а фельдшерскихъ 2578. Въ 12 неземскихъ губерніяхъ на 201 врачебный участокъ приходилось 1136 фельдшерскихъ пунктовъ **). Въ настоящее время количество фельдшеровъ слѣдуетъ считать никакъ не менѣе 20000.

У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о числѣ больныхъ, принимаемыхъ врачами и фельдшерами, но есть полное основаніе допустить, что фельдшера лѣчатъ не меньше врачей. Въ „Сборникѣ" приводятся такія выдержки. „Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, фельдшерами принято 33%, а въ Курской губерніи 42% общаго числа больныхъ; въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, и въ Костромскомъ уѣздѣ фельдшерскихъ больныхъ—50%; въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ принято

*) La médecine du Zemstwo en Russie. M. 1900, стр. 53.

**) *Жбанковъ Д. Н.* Oeffentliches Medicinal-Wesen in Russland въ Comptes-Rendus du XII Congrès international de médicine. V. VII p. 354.

фельдшерами — въ первомъ 60,4%, а во второмъ 62,9%, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, — 70%" (стр. 108). На Сызрано-Вяземской жел. дор. фельдшера приняли 59% всѣхъ больныхъ (стр. 109). Въ Симбирской губерніи въ 1899 году врачи приняли 386000 больныхъ, фельдшера—397904 *). Въ томъ же году въ Петербургской губерніи изъ 400000 амбулаторныхъ больныхъ у врачей лѣчилось 55% и у фельдшеровъ 45% **). Во Владимірской губерніи въ 1888 году на долю врачей приходилось 221795 больныхъ, а на фельдшеровъ — 445116 (болѣе $^2/_3$). По даннымъ за 1900 годъ въ той же губерніи врачи приняли 805382 человѣка, а фельдшера 232266 (менѣе $^1/_4$) ***). Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктовъ, фельдшерами въ 1899 году было всетаки принято 33% больныхъ. („Сборникъ", стр. 110).

Такъ обстоитъ дѣло въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ на одинъ врачебный участокъ приходится только 1,6 фельдшерскихъ пункта, и гдѣ медицинская организація во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше, чѣмъ въ неземскихъ губерніяхъ Европейской Россіи, съ 5,6 фельдшерскими пунктами на врачебный участокъ ****). Очевидно, въ этой не земской Россіи фельдшерская дѣятельность цвѣтетъ еще болѣе роскошнымъ цвѣтомъ.

У насъ нѣтъ данныхъ о работѣ фельдшеровъ городскихъ, фабричныхъ, тюремныхъ и др., но есть основаніе думать, что и на этихъ поприщахъ имъ тоже не приходится „покладать рукъ".

Какъ работаютъ фельдшера, какую они пользу приносятъ населенію,—это особый вопросъ, но съ тѣмъ, что они работаютъ и работаютъ много,—нельзя не согласиться.

Нечего говорить, что всѣ неудобства и опасности медицинской дѣятельности: напряженность труда безъ отдыха и безъ праздниковъ, невозможность свободно располагать своимъ временемъ, нравственныя мученія за судьбу больного, опасность заразиться или внести заразу въ свою семью и всѣ другія тернія, до убіенія во время какого-нибудь холернаго бунта включительно, такъ же свойственны фельдшеру, какъ и врачу. Черной и физически утомительной работы на долю фельдшера выпадаетъ, пожалуй, и больше.

---

*) Краткія цифровыя свѣдѣнія о дѣятельности медицинскихъ земскихъ организацій Симбирской губерніи по отчетамъ участковыхъ врачей въ 1899 г. «Врачебная хроника Симбирской губерніи» 1902.

**) *Амстердамскій А.* VIII губернскій съѣздъ врачей С.-Петербургской губерніи. «Еженедѣльникъ практической медицины». 1901 № 25, стр. 447.

***) См. рецензію на «Труды десятаго губернскаго съѣзда врачей Владимірской губерніи» въ «Русскомъ Врачѣ» 1902, № 36, 1307—8 стр. Тамъ же указаніе, что въ губернскомъ городѣ Владимірѣ существовалъ самостоятельный фельдшерскій пунктъ.

****) Цифры у Жбанкова l. c.

Естественно спросить: какія же преимущества несетъ съ собой званіе фельдшера? Преимущества эти, нужно сознаться, не столько положительнаго, сколько отрицательнаго достоинства. Правовое положеніе этихъ тружениковъ, при общей недостаточности и устарѣлости нашего врачебнаго законодательства, въ высокой степени двусмысленно. Статья 648 Устава врачебнаго (т. XIII, изд. 1857) гласитъ, что по рецептамъ фельдшеровъ изъ аптекъ нельзя отпускать никакихъ лѣкарствъ. Въ то же время ст. 872 Уложенія о наказаніяхъ караетъ фельдшеровъ (наравнѣ съ врачами и акушерками) за неподачу медицинской помощи. По закону фельдшера не могутъ употреблять при лѣченіи сильнодѣйствующихъ средствъ. Фельдшера могутъ предать суду за то, что онъ помажетъ больного іодной настойкой (сильнодѣйствующее! такъ же, какъ антипиринъ, фенацетинъ, доверовъ порошокъ, гофманскія капли и другіе „яды"). И такіе случаи были („Сборникъ", стр. 36). И въ то же время ни для кого не тайна, что 99% всѣхъ земскихъ и фабричныхъ аптекъ находятся въ безраздѣльномъ завѣдываніи фельдшеровъ, подъ вполнѣ фиктивнымъ надзоромъ врачей. Высшая медицинская инстанція, медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, не имѣя достаточной опоры въ законахъ въ однородныхъ вопросахъ „фельдшерскаго права", одинъ разъ даетъ такое рѣшеніе, а другой разъ другое. Фельдшеръ, кончившій школу въ 1878 году, прослуживши шесть лѣтъ, производится въ первый классный чинъ. Фельдшеръ, кончившій годомъ позднѣй и прослужившій уже десять лѣтъ, по толкованію того же департамента, въ первый классный чинъ произведенъ быть не можетъ.

Правовому положенію фельдшера соотвѣтствуетъ и общественное его положеніе. У насъ не принято особенно церемониться и съ врачами, а про фельдшеровъ и говорить нечего. Въ деревнѣ всякая „власть" считаетъ себя начальникомъ надъ фельдшеромъ. Земскій начальникъ сажаетъ фельдшера на три дня подъ арестъ за то, что тотъ не снялъ передъ нимъ фуражки („Сборникъ", стр. 37). Губернскій врачъ, по доносу старшины, увольняетъ за бездѣйствіе по службѣ фельдшера, удостоеннаго медалью „за усердіе" и денежной награды отъ губернатора за ревностное исполненіе службы (ib. 39). Причины увольненія фельдшеровъ бываютъ иногда до крайности курьезны. Тутъ есть и „пристрастіе къ поэзіи", и сотрудничество въ газетахъ (по нашимъ нравамъ это, впрочемъ, уважительная причина и для другихъ профессій), и „незнаніе дисциплины", и „за то, что физіономія не понравилась", и даже за то, что „врачъ виноватъ" (стр. 38).

Большая публика, весьма склонная въ здоровомъ состояніи „пройтись насчетъ докторовъ", ставитъ фельдшера „ниже всякихъ критикъ". Это отразилось, между прочимъ, и въ литературѣ. „Не мало достается фельдшерамъ, говоритъ г. А. В. Педаненко,

„и въ произведеніяхъ русскихъ писателей: всюду они выставляются положительными невѣждами, грубыми, безпринципными и обязательно ужъ или съ краснымъ, опухшимъ отъ пьянства лицомъ, или съ специфическимъ запахомъ крѣпкихъ напитковъ“ (стр. 19). Дѣйствительно, возьмите хоть, напр., чеховскіе разсказы: „Хирургія“, „Непріятность“ и др. Трудно припомнить какой-нибудь положительный типъ фельдшера въ нашей литературѣ.

Матеріальное положеніе фельдшеровъ весьма незавидное. „Большая часть земствъ“, говоритъ г. Педаненко“, судя по сообщеніямъ въ „Фельдшерѣ“, оплачиваетъ трудъ фельдшера 20—25 рублями въ мѣсяцъ, обязывая его за то же вознагражденіе держать въ своей квартирѣ и аптеку, т. е. амбулаторію, а это послѣднее обстоятельство еще болѣе усложняетъ его и безъ того неприглядную обстановку, особенно если онъ при этомъ еще имѣетъ семью“ (стр. 41). Въ видѣ иллюстраціи приводится положеніе фельдшеровъ Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи. За 200 рублей годового жалованія фельдшера обязаны нанимать на свой счетъ квартиру подъ амбулаторію въ опредѣленномъ селеніи. Квартира должна быть сухой, „чтобы порошки не портились“. Бумагу для этихъ порошковъ и для рецептовъ, а также перья, чернила и пр. фельдшеръ долженъ тоже покупать на свой счетъ. Пишущему эти строки извѣстенъ одинъ изъ уѣздовъ Владимірской губерніи, гдѣ при такихъ же условіяхъ и при томъ же жалованіи фельдшера должны еще и нанимать на свой счетъ лошадь для разъѣздовъ по участку. Корреспонденціи въ газетѣ „Фельдшеръ“ даютъ обильный матеріалъ такого рода описаній фельдшерскаго положенія. Въ неземскихъ губерніяхъ обезпеченность фельдшеровъ еще хуже, чѣмъ въ земскихъ. Въ книгѣ д-ра П. И. Кедрова „Условія труда и жизни лицъ низшаго медицинскаго персонала въ Россіи“, на основаніи 655 отвѣтовъ и другихъ доступныхъ автору свѣдѣній (всего о 1004 фельдшерахъ), цифры фельдшерскаго жалованія выведены выше. Жалованіе отъ 21 до 25 рублей получаетъ 35%, отъ 26 до 30—28%, отъ 31 до 35—13,7%, отъ 36—40—21% *). Но дѣло въ томъ, что лица, присылавшія отвѣты, далеко не типичные представители своего сословія и на три-четверти, если не болѣе, принадлежатъ, такъ сказать, къ фельдшерской аристократіи, а для рядового фельдшера 300 рублей въ годъ считается, вообще, красной цѣной.

Такова въ общихъ чертахъ обстановка фельдшерской дѣятельности. Говоря словами Некрасова, съ большимъ правомъ можно сказать, что „терпѣньемъ изумляющій народъ“ и врачевателей себѣ создалъ тоже изумляющихъ терпѣніемъ. Въ обществѣ и печати часто и много говорятъ о бѣдственномъ положеніи народныхъ учителей, почтовыхъ чиновниковъ и другихъ мало обезпе-

---

*) *Кедровъ, П. И.* Условія и пр. Спб. 1902 стр. 58 и 27.

ченныхъ тружениковъ, а о фельдшерахъ рѣдко приходится читать или слышать. За послѣднее время мы можемъ указать только на статью П. В. Засодимскаго въ „Мірѣ Божьемъ“ за 1897 годъ, подъ названіемъ: „Забытые труженики“. „Что же достается фельдшерамъ за ихъ каторжный трудъ? — спрашиваетъ почтенный авторъ.—Достается имъ полуголодное существованіе, высокомѣрное съ ними обращеніе врачей, недовѣріе со стороны народа, непріятности отъ всѣхъ, кто мало-мальски мнитъ себя „властью“.

Не удивительно, что фельдшера жалуются на свое положеніе. Ихъ органъ, газета „Фельдшеръ“, пожалуй, на добрую половину состоитъ изъ такихъ жалобъ. Жалуясь на разнообразныя хроническія и случайныя непріятности своей профессіи, много жалуются фельдшера и на врачей. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ общее дѣло, и при томъ такое хорошее дѣло, какъ помощь страждущему человѣчеству, вмѣсто того, чтобы объединять, разъединяетъ работниковъ этого общаго дѣла. А на самомъ дѣлѣ это такъ. Ни въ одной профессіи нѣтъ, пожалуй, такого глухого и постояннаго антагонизма между начальниками и ихъ помощниками, какъ въ профессіи врачебной между врачами и фельдшерами. Въ упомянутой выше книгѣ д-ра Кедрова есть сводка 655 фельдшерскихъ отвѣтовъ объ отношеніи къ фельдшерамъ врачей, интеллигенціи и народа. Процентныя отношенія таковы: врачи относятся къ фельдшерамъ „хорошо“ въ 85,5%, интеллигенція—въ 90% и народъ въ 94,1%. Абсолютно такія цифры надо считать очень высокими и, во всякомъ случаѣ, превышающими истинный показатель хорошаго отношенія къ фельдшерамъ. Это зависитъ опять-таки отъ матеріала, полученнаго д-ромъ Кедровымъ: онъ касается, повторяемъ, только фельдшерской аристократіи, т. е. главнымъ образомъ школьныхъ фельдшеровъ (почти 90%). На самомъ дѣлѣ „хорошія“ отношенія къ фельдшерамъ никогда не доходятъ до такихъ размѣровъ. Въ цифрахъ д-ра Кедрова для насъ интересно то, что *относительно* къ фельдшерамъ хуже всего относятся врачи. А ужъ кому бы, казалось, какъ не имъ, ближе всего видѣть и знать положеніе фельдшера...

Въ чемъ же лежитъ причина всѣхъ злокозненностей фельдшерскаго существованія, и почему, въ частности, фельдшера не находятъ себѣ надлежащей защиты со стороны своего прямого начальства, врачей?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо прежде всего присмотрѣться поближе къ разношерстному составу фельдшерской арміи и выяснить, откуда являются къ намъ эти многочисленные врачеватели народныхъ недуговъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ статистическихъ данныхъ по этому вопросу, но и тѣ косвенныя указанія, которыя мы приведемъ ниже, вполнѣ достаточны для выясненія вопроса.

Въ общемъ фельдшерскій персоналъ можно подраздѣлить на три отдѣла: фельдшеровъ, получившихъ образованіе въ школахъ гражданскаго вѣдомства, фельдшеровъ, вышедшихъ изъ войскъ, и фельдшерицъ-акушерокъ. Это три самыя главныя по своему количеству или по своему значенію фельдшерскія группы. Есть еще фельдшера-самоучки, фельдшера, выдержавшіе экзаменъ при врачебныхъ отдѣленіяхъ и др. Но эти группы, по ихъ малочисленности, можно въ разсчетъ и не брать.

Курсы фельдшерскихъ школъ гражданскаго вѣдомства отличаются большимъ разнообразіемъ и не одинаковыми требованіями при поступленіи. Въ однѣхъ школахъ изучаются только спеціальные предметы, въ другихъ къ нимъ присоединяются и общеобразовательные (Законъ Божій, ариѳметика, грамматика и пр.). Въ однѣ школы принимаются лица, окончившія курсъ ученія въ народной трехгодичной школѣ или получившія соотвѣтственную домашнюю подготовку, въ другія берутъ только кончившихъ курсъ городского или уѣзднаго училища. Для поступленія въ женскія фельдшерскія школы требованія обыкновенно выше. Нужно окончить, по крайней мѣрѣ, четыре класса гимназіи. Въ нѣкоторыхъ требуется полное гимназическое или институтское образованіе. На практикѣ даже въ тѣхъ школахъ, гдѣ для поступленія требуется только окончаніе четырехъ классовъ гимназіи, зачастую вслѣдствіе большого наплыва желающихъ принимаются только „полныя" гимназистки. Для земскихъ фельдшерскихъ школъ есть нормальный уставъ (изд. 19 окт. 1872 г.), но есть школы съ программами преподаванія выше и ниже этого устава. Курсъ обученія тоже не вездѣ одинаковый, гдѣ 2, гдѣ 3, гдѣ 4 года. Программа училища лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерицъ, учрежденнаго въ память государыни императрицы Маріи Александровны при дамскомъ лазаретномъ комитетѣ россійскаго общества Краснаго Креста, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, по количеству предметовъ и объему ихъ преподаванія не во многомъ стоитъ ниже курса медицинскихъ факультетовъ *). При всемъ такомъ разнообразіи курсовъ, проходимыхъ фельдшерами и фельдшерицами въ школахъ гражданскаго вѣдомства, во всѣхъ этихъ школахъ существуетъ требованіе предварительнаго образованія и дѣйствительное изученіе *настоящихъ медицинскихъ наукъ*. Совсѣмъ другую картину представляютъ собой фельдшерскія школы военнаго вѣдомства. Мы говоримъ здѣсь не о спеціально военно-фельдшерскихъ школахъ, по программамъ своимъ сходныхъ съ программами фельдшерскихъ школъ гражданскаго вѣдомства, а о тѣхъ многочисленныхъ школахъ „для обученія войсковыхъ фельдшеровъ", которыя состоятъ при каждомъ полку. Для того,

---

*) Подобно врачамъ, кончившія тамъ даютъ своего рода факультетское обѣщаніе, похожее на врачебное, и написанное очень тепло и красиво.

чтобы попасть въ фельдшера, солдатъ, прослужившій одинъ или два года въ строю, долженъ удовлетворять двумъ условіямъ: не имѣть никакого свидѣтельства объ образованіи и не знать никакого ремесла. Требованіе полуграмотности объясняется тѣмъ, что имѣющій льготу по образованію, т. е. обязанный прослужить, напр., четыре года, не успѣлъ бы приложить въ полку пріобрѣтенныхъ имъ знаній. Время окончанія школы совпало бы у такого солдата со временемъ окончанія службы, и для полка такой фельдшеръ былъ бы вполнѣ безполезенъ. Что же касается ремесленниковъ, то они обыкновенно или требуются въ полку „по своей части", какъ сапожники, портные, слесаря и пр., или же назначаются въ такъ называемыя спеціальныя войска. Такимъ образомъ, въ фельдшера попадаютъ преимущественно полуграмотные земледѣльцы или люди безъ опредѣленныхъ занятій. Программа для обученія этихъ фельдшеровъ начинается такъ: „При обученіи фельдшерскихъ учениковъ изъ молодыхъ солдатъ для приготовленія ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ фельдшеровъ преподаватели должны имѣть въ виду, какъ низкую степень общаго образованія своихъ слушателей, не подготовленныхъ къ научному изложенію преподаваемыхъ имъ предметовъ, такъ и будущее ихъ назначеніе производить лишь весьма ограниченную медицинскую практику. Поэтому самое изложеніе должно быть краткое и общепонятное, болѣе практическое, съ устраненіемъ латинскихъ и менѣе необходимыхъ научныхъ терминовъ" *). Курсъ обученія по этимъ программамъ значится трехлѣтній, по другимъ свѣдѣніямъ обученіе продолжается только два года. Лично мнѣ извѣстны фельдшера, прошедшіе всѣ науки и въ меньшій срокъ—въ 1 годъ 8 мѣсяцевъ. Нужно сказать, что въ этотъ срокъ проходятся, кромѣ спеціальныхъ, также и общеобразовательные предметы: Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ, латинскій языкъ (умѣніе читать и списывать латинскія названія). Программа, согласно изложенной выпискѣ изъ ея начала, въ отношеніи самостоятельной фельдшерской практики предусматриваетъ только подачу первой помощи внезапно заболѣвшимъ или мнимо-умершимъ; во всемъ остальномъ она приготовляетъ ученика только къ роли медицинскаго служителя, способнаго понимать приказанія военнаго врача. Предметы преподаванія и объемъ ихъ приноровлены къ узко-спеціальнымъ потребностямъ полевой фельдшерской службы. Не говоря уже о дисциплинахъ чисто теоретическихъ, какъ, напр., гигіена, и такіе отдѣлы медицины, какъ женскія болѣзни, акушерство, дѣтскія болѣзни остаются для этихъ фельдшеровъ совершенно неизвѣстными. Военное вѣдомство приготовляетъ сво-

---

*) Сводъ узаконеній и распоряженій по врачебной и санитарной части въ Имперіи. Изд. Мед. Деп. Вып. III, стр. 284 «Приложеній». Тамъ же стр. 259—316 и другія свѣдѣнія о фельдшерскихъ школахъ.

ихъ ротныхъ фельдшеровъ для себя, и въ предѣлахъ предназначенной имъ въ полку дѣятельности такіе фельдшера, вѣроятно, стоятъ на извѣстной высотѣ своего положенія.

Условія русской жизни создали, однако, для этой категоріи фельдшеровъ совершенно особое положеніе, къ которому ихъ нисколько не предназначало военное вѣдомство.

Положеніе фельдшера вообще, которое мы описали раньше, настолько общеизвѣстно и настолько не соблазнительно, что находится очень мало молодыхъ людей, стремящихся попасть въ ряды этихъ пасынковъ медицины. Вслѣдствіе этого, число учениковъ мужскихъ фельдшерскихъ школъ и число выпускаемыхъ изъ этихъ школъ фельдшеровъ обыкновенно очень незначительно. (О женскихъ фельдшерскихъ школахъ, меньшихъ по числу, мы не говоримъ; тамъ другія условія). Ежегодные выпуски такъ называемыхъ школьныхъ фельдшеровъ никогда не въ состояніи покрыть требованія на фельдшерскій трудъ. И вотъ, въ результатѣ такой малочисленности школьныхъ, они замѣняются ротными. Здѣсь недостатка никогда не бываетъ. Ротныхъ фельдшеровъ ежегодно выпускается изъ войска болѣе 2,000 *). Для полуграмотнаго солдата, не знающаго никакого мастерства и вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы пріобрѣтшаго какія-то знанія по медицинѣ, превращеніе въ фельдшера является своего рода pium desiderium, и тѣ условія фельдшерской службы, которыя съ точки зрѣнія болѣе или менѣе интеллигентнаго школьнаго фельдшера кажутся невыносимыми, для ротнаго представляются сносными, болѣе сносными, чѣмъ возвращеніе къ сохѣ или чернорабочимъ занятіямъ.

Если школьный фельдшеръ по выходѣ изъ школы справедливо можетъ быть названъ помощникомъ врача, то ротный фельдшеръ, вышедши изъ военной службы, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ бо̀льшаго названія, чѣмъ больничный служитель. А между тѣмъ оба они оффиціально называются одинаково фельдшерами и большая публика, не говоря уже о массѣ населенія, не дѣлаетъ между ними никакой разницы, считая „фершаловъ“ чѣмъ-то не то вродѣ учениковъ, не то вродѣ подмастерьевъ медицинскаго дѣла. Подавляя своей численностью, ротные фельдшера, въ силу своего малаго развитія, болѣе чѣмъ поверхностнаго знакомства съ медициной и скромныхъ жизненныхъ требованій, принижаютъ фельдшерское сословіе и, въ общемъ, создаютъ тотъ несимпатичный типъ фельдшера, который выработался во взглядахъ публики и въ литературѣ. Врачамъ, конечно, ближе всего видны недостатки ротнаго фельдшеризма, и понятно вполнѣ, почему врачи именно являются первыми „фельдшерофобами“.

---

*) *Герценштейнъ*, Г. М. Фельдшера и фельдшеризмъ. Въ «Реальной энциклопедіи медицинскихъ наукъ» A. Eulenburg'a, т. XX, стр. 111.

Въ газетахъ сообщалось какъ-то въ видѣ курьеза, что въ одной церковно-приходской школѣ былъ безграмотный учитель. Но что для школы было курьезомъ и исключеніемъ, то для массы земскихъ и сельскихъ аптечекъ, управляемыхъ ротными фельдшерами, является правиломъ. Эти фельдшера такъ же безграмотны въ медицинѣ, какъ былъ безграмотенъ въ грамотѣ церковно-приходскій учитель. Правда, въ силу пословицы à force de forger on devient forgeron, существуетъ большая разница между фельдшерами, только что вышедшими изъ полка и тѣми фельдшерами, которые имѣли случай проработать нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ опытнаго и внимательнаго врача. И изъ ротныхъ фельдшеровъ при такихъ условіяхъ выходятъ прекрасные и дѣльные работники. Но уже это дѣло случайности и индивидуальности, а вообще говоря, ротные фельдшера это медицински безграмотные люди, которые не могутъ читать „книгу медицины" ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Если изъ числа ихъ и выходятъ болѣе или менѣе сносные врачеватели народныхъ недуговъ, то не надо забывать, что изъ той же среды являются и такіе лѣчители, которые приглашаютъ на помощь себѣ колдуновъ для заговариванія крови и употребляютъ такіе дикіе и своеобразные способы лѣченія, о которыхъ неловко говорить на страницахъ общей печати (стр. 174 „Сборника"). И судя по всему, ротный фельдшеризмъ имѣетъ всѣ данныя къ образованію именно такихъ знахарей и имѣетъ мало основаній къ выдѣленію изъ среды своей полезныхъ и разумныхъ работниковъ.

Само собой разумѣется, что школьные фельдшера вполнѣ ясно и сознательно чувствуютъ свое превосходство надъ военными сотоварищами. Съ полнымъ основаніемъ протестуютъ они противъ того, что оффиціально имъ приходится становиться на одну доску съ ротными. „Пока ротный фельдшеръ,—говоритъ, напр., ф-ръ Раковичъ,—будетъ принимать участіе въ дѣлѣ народнаго врачеванія, до тѣхъ поръ будетъ недовѣріе и враждебное отношеніе къ фельдшерамъ какъ со стороны врача, такъ и народа, до тѣхъ поръ о нихъ будетъ плохая репутація" (стр. 179 „Сборника"). „Со своимъ слишкомъ жалкимъ багажемъ знаній ротные фельдшера какъ бы совсѣмъ неумѣстно вмѣшиваются въ сферу медицинской дѣятельности", пишетъ другой фельдшеръ, И. Семеновъ. „Уже достаточно накопилось нареканій на фельдшерское сословіе и претензіи ихъ на самостоятельность потому и не удовлетворяются, что въ средѣ ихъ находятся ротные фельдшера... Врачи знаютъ разницу между тѣми и другими фельдшерами, но публика не знакома съ этимъ, а потому и клеймитъ съ плеча все фельдшерское сословіе" (стр. 180).

Полемика между школьными и ротными фельдшерами не сходитъ со страницъ газеты „Фельдшеръ". Логически вся правда на сторонѣ фельдшеровъ школьныхъ, но ротные фельдшера имѣютъ

на своей сторонѣ преимущество количественное. Les gros bataillons ont toujours raison... Главнымъ мотивомъ своего права на существованіе ротные фельдшера выставляютъ прежде всего свое оффиціальное положеніе: по закону они такіе же фельдшера, какъ и „юные цѣлители“ (какъ называютъ ихъ ротные), вышедшіе изъ фельдшерскихъ школъ. Званіе фельдшера мнѣ дано, и я есмь фельдшеръ и не меньше фельдшера, а „юный цѣлитель“ тоже только фельдшеръ и не больше фельдшера. Другіе мотивы, приводимые самими ротными и ихъ защитниками, отличаются замѣчательной скромностью. Положительными качествами ротныхъ фельдшеровъ выставляются: „отсутствіе надменности, обладаніе тактичностью и служебной дисциплинарностью“, что школьные фельдшера называютъ просто лакействомъ и готовностью стать въ служительскія отношенія. „Приниженіемъ ротныхъ фельдшеровъ“, говоритъ ф-ръ Сѣчевой, „набрасывается тѣнь на ихъ преподавателей—военныхъ врачей, а между тѣмъ эти послѣдніе проникнуты тѣми же идеалами добра и любви къ ближнимъ, какъ ихъ товарищи-преподаватели земскихъ фельдшерскихъ школъ“ (стр. 173), А потому-де ротныхъ фельдшеровъ осуждать не смѣй. Дальше идутъ доказательства уже болѣе неопредѣленнаго свойства, вродѣ того, что будто бы „многіе изъ ротныхъ фельдшеровъ обладаютъ хорошей подготовкой и даже знаніемъ иностранныхъ языковъ“ (стр. 176). „Незабвенный другъ фельдшеровъ“, покойный приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи, Г. М. Герценштейнъ, наиболѣе яркій поборникъ фельдшеризма изъ среды врачей, не сочувствовалъ „самомнѣнію гражданскихъ фельдшеровъ“ и горой отстаивалъ самостоятельное существованіе ротныхъ. Главной основой его защиты была „постоянная забота о нуждѣ народа въ медицинской помощи“. Такъ какъ для удовлетворенія этой нужды ни врачей, ни настоящихъ фельдшеровъ не хватаетъ, то и подавай намъ ротныхъ. Ничего, что они плоховаты, для народа сойдетъ, они лучше колдуновъ, костоправовъ и бабушекъ, накидывающихъ горшки на животъ. Такова была суть его доклада „Земство и фельдшеризмъ“ на V Пироговскомъ съѣздѣ врачей *). Понятно, что въ такихъ заботахъ о нуждѣ народа и при такомъ пониженіи средствъ для удовлетворенія его нуждъ, спускаясь еще ниже, можно дойти и до большаго, и до замѣны фельдшеровъ больничными служителями. Бывало же у насъ, что „на эпидемію тифа выѣзжалъ боль-

*) Въ своемъ увлеченіи защитою фельдшеризма Герценштейнъ дошелъ до совершенно неприличныхъ выходокъ по адресу своихъ оппонентовъ, санитарныхъ земскихъ врачей, называя ихъ возраженія прикрытіемъ «шкурнаго вопроса о собственномъ существованіи», отвергая всякую пользу санитарныхъ изслѣдованій и отрицая даже у санитарныхъ врачей всякое желаніе объ улучшеніи земско-медицинской организаціи.

ничный сторожъ Яковъ" въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи *).

Подводя итогъ всему вышесказанному насчетъ ротныхъ фельдшеровъ, мы должны придти къ заключенію, что общее приниженное положеніе фельдшерскаго сословія обусловлено непосредственно тѣмъ, что главную массу его составляютъ люди, ставшіе фельдшерами случайно и по своей подготовкѣ вовсе не приспособленные къ медицинской дѣятельности.

Косвеннымъ доказательствомъ такого заключенія является современное положеніе фельдшерицъ-акушерокъ. Если вы имѣете обыкновеніе пробѣгать газетныя объявленія, то вамъ, вѣроятно, припомнится, какъ часто встрѣчается объявленіе: „такая-то земская управа ищетъ фельдшерицу-акушерку". Вмѣстѣ съ тѣмъ, вамъ, пожалуй, не придетъ на память соотвѣтствующаго объявленія о приглашеніи фельдшера. Хоть такія объявленія тоже есть, но они встрѣчаются рѣже. Замѣтьте при томъ, что жалованіе въ такихъ приглашеніяхъ фельдшерицъ-акушерокъ обыкновенно больше 300 рублей, „красной цѣны" для фельдшера. Редакція газеты „Фельдшеръ" „положительно недоумѣваетъ" (стр. 29 „Сборника"), почему земства отдаютъ такое предпочтеніе фельдшерицамъ. Даже больше: редакція видитъ школьничество (sic!) со стороны земскихъ управъ въ томъ, что онѣ „видятъ преимущество въ фельдшерицахъ лишь благодаря ихъ общеобразовательной подготовкѣ". Если такъ смотритъ на фельдшерицъ-акушерокъ редакція фельдшерскаго журнала, то нѣтъ ничего удивительнаго, что сами фельдшера еще болѣе „недоумѣваютъ". Одинъ изъ авторовъ „Сборника", г. Педаненко, говоритъ, что „сами фельдшера еще недостаточно выступили въ печати съ разъясненіемъ этого вопроса, считая его черезчуръ щекотливымъ и боясь, вѣроятно, прослыть противниками эмансипаціи женщинъ и, слѣдовательно, отсталыми въ современныхъ взглядахъ на общественную жизнь, вообще, и на женщину—въ частности". Несмотря, однако, на такія рыцарскія чувства, приписываемыя г. Педаненко своимъ сотоварищамъ-литераторамъ, самъ онъ, однако, допускаетъ возможность, что „пріятная во всѣхъ отношеніяхъ дама, имѣющая досугъ слѣдить за литературой, можетъ быть легкомысленной и малосвѣдущей фельдшерицей". Популярность фельдшерицъ въ ущербъ ихъ товарищамъ-фельдшерамъ онъ объясняетъ „лишь слѣдствіемъ подчеркиванія самоотверженной дѣятельности отдѣльныхъ личностей и замалчиваніемъ таковой же дѣятельности фельдшеровъ" **). Далѣе г. Педаненко цитируетъ

---

*) *Кедровъ*. Условія и пр., стр. 11.

**) Не можемъ не привести здѣсь одного изъ некрологовъ, перепечатанныхъ въ «Сборникѣ» (стр. 204). «Фельдшерица Іевлева, полная кипучею дѣятельностью, выѣхала на эпидемію сыпного тифа, еще будучи на послѣд-

другихъ авторовъ (между ними и женщинъ), которые доказываютъ, что фельдшерицами чаще всего становятся дѣвушки, не чувствующія ни малѣйшей склонности къ этому труду,—что фельдшерицы „всѣ больныя", - что такъ, какъ фельдшера, онѣ работать не могутъ,—что мужики у нихъ лѣчиться не будутъ, и пр. И вотъ, не смотря на „школьничество" земскихъ управъ и на всѣ эти отрицательныя качества, фельдшерицы-акушерки продолжаютъ все пользоваться популярностью,—и популярностью, на нашъ взглядъ, вполнѣ заслуженной. Общее образованіе у нихъ въ массѣ несомнѣнно выше, чѣмъ у нападающихъ на нихъ „юныхъ цѣлителей" изъ фельдшерскихъ школъ. Если нѣкоторыя лица смотрятъ на преимущества общаго образованія съ „положительнымъ недоумѣніемъ", то для всякаго безпристрастнаго человѣка тутъ не можетъ быть никакого недоумѣнія. Къ чему доказывать вѣрность пословицы, что за ученаго двухъ неученыхъ даютъ? Въ медицинскомъ дѣлѣ такъ же, какъ и во всякомъ другомъ, общее образованіе имѣетъ такія преимущества, которыя не могутъ быть восполнены никакими спеціальными преуспѣяніями. Земства и врачи оказываютъ предпочтеніе не „дамамъ, пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ", а болѣе образованнымъ, чѣмъ фельдшера, дѣвушкамъ, могущимъ въ силу своего бо̀льшаго образованія съ бо̀льшей пользой и продуктивностью приложить къ дѣлу свои спеціальныя познанія. Не слѣдуетъ также забывать, что фельдшерицы являются обыкновенно и акушерками, что для врачей и для земства представляется совмѣстительствомъ вполнѣ желательнымъ и удобнымъ. Совершенно невольная, если хотите, зависть школьныхъ фельдшеровъ къ своимъ сотоварищамъ женскаго пола вполнѣ понятна. Въ извѣстной мѣрѣ она объясняется и тѣмъ, что, стоя совершенно обособленно, фельдшерицы не смѣшиваются съ общей фельдшерской массой, а школьные фельдшера никакъ не могутъ выбраться изъ той тѣни, которую накидываетъ на нихъ многочисленная армія ротныхъ.

За первое тысячелѣтіе своего историческаго существованія русскій народъ не имѣлъ доступной ему раціональной медицинской помощи. Ее создало земство. И то, что сдѣлано земствомъ за какіе-нибудь четыре десятка лѣтъ, является прямо поразительнымъ. Было бы несправедливостью забывать, что часть работы въ этомъ крупномъ общественномъ дѣлѣ выпала и на долю фельд-

---

нихъ курсахъ казанской фельдшерской школы; она заболѣла сыпнымъ тифомъ сама, выздоровѣла и снова заболѣла уже брюшнымъ тифомъ, заразившись при уходѣ за больными. Энергичная натура перенесла и эту заразу; въ 1892 г. она выѣхала на холеру, заразилась сама и умерла». Вотъ чья могила заслуживала бы надписи: Aliis in serviendo consumpta sum!

шерскаго сословія. Изъ какихъ бы элементовъ оно ни состояло, но надо признать, что въ предѣлахъ тѣхъ условій, въ которыхъ ему приходится жить и дѣйствовать, оно выноситъ на плечахъ своихъ работу громадную. Не смотря на всѣ темныя стороны своего существованія оно не заглохло для интересовъ умственной жизни и смогло выдѣлить изъ среды своей дѣятельныхъ печальниковъ своего положенія. Уже одинъ фактъ тринадцатилѣтняго существованія самостоятельнаго фельдшерскаго органа показываетъ, что умственные интересы живы среди фельдшеровъ. Стремленіе ихъ къ самообразованію и пополненію своихъ знаній доказывается ихъ непрестанными заботами объ устройствѣ повторительныхъ курсовъ *). Надо удивляться, какъ при полной почти матеріальной необезпеченности фельдшера обнаружили замѣчательную солидарность въ организаціи обществъ взаимопомощи**). Нельзя не пожалѣть, что вполнѣ назрѣвшая мысль о созывѣ всероссійскаго съѣзда фельдшеровъ, въ цѣляхъ подробнаго выясненія вопросовъ ихъ быта и права, не встрѣтила себѣ сочувствія въ правящихъ сферахъ, и ходатайство объ этомъ уже дважды было отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (стр. 166 и 189 „Сборника").

Будущій историкъ медицины въ Россіи отведетъ не одну страницу современному положенію фельдшерскаго вопроса. Самъ по себѣ этотъ вопросъ не есть какое-либо особнякомъ стоящее явленіе нашей жизни. Это только одно изъ многочисленныхъ выраженій нашей малой культурности и нашей экономической бѣдности. Въ данномъ положеніи фельдшера часто являются невольными козлами отпущенія за тѣ грѣхи, въ которыхъ виноваты не они сами, а окружающія ихъ условія. На ихъ голову, какъ на вѣчно виновнаго въ желѣзнодорожныхъ несчастіяхъ стрѣлочника, часто сыплются такіе упреки и нападки, которые ими вполнѣ не заслужены. Развитіе общественной медицины неизбѣжнымъ образомъ ведетъ къ полному изчезновенію фельдшеровъ въ роли самостоятельныхъ врачевателей. Такъ это было на Западѣ, такъ это будетъ и у насъ. Вопросъ только въ томъ, скоро ли это будетъ? Если вспомнить, что наша общая смертность равняется теперь 35 на 1000, тогда какъ на Западѣ она мѣстами (Швеція, Англія, Бельгія, Голландія) спустилась уже ниже половины этого количества, то надо думать, что мы еще не скоро „обгонимъ Европу" въ этомъ отношеніи, и при помощи, между прочимъ, и фельдше-

*) См. въ «Сборникѣ»: Обзоръ статей о повторительныхъ курсахъ для фельдшеровъ д-ра В. П. Попова.

**) Такихъ обществъ къ началу 1901 года было восемь, съ 1366 членами и общей суммой капиталовъ болѣе 36000 рублей. Самое старое общество (одесское) открыто въ 1882 году, затѣмъ другое (московское) въ 1890, а остальныя начали дѣйствовать только во второй половинѣ 90-хъ годовъ. «Сборникъ», стр. 144—170.

ризма долго еще будемъ стоять въ самомъ хвостѣ разнообразныхъ статистическихъ таблицъ, иллюстрирующихъ соціальное положеніе народовъ Европы.

М. Каменевъ.

Реформированная соціологія.

Н. В. Тепловъ. Классификація соціальныхъ наукъ въ связи съ типичными формами соціальной организаціи. Москва, 1903 г.

Г. Н. В. Тепловъ пришелъ къ убѣжденію, что „этика, политика, право и политическая экономія суть составныя части соціологіи"; онъ отыскалъ далѣе „единую соціальную основу" всѣхъ этихъ наукъ, открылъ ихъ „іерархію", которая состоитъ въ томъ, что „этика—есть простѣйшая изъ соціальныхъ наукъ, за нею слѣдуетъ политика, затѣмъ частное право и, наконецъ, политическая экономія". Таковы открытія г. Теплова, послужившія предметомъ его сообщенія въ московскомъ историческомъ обществѣ и запечатлѣнныя теперь на страницахъ вышеуказанной брошюры.

Пришелъ онъ къ нимъ весьма просто: онъ создалъ на мѣсто общепринятой свою соціологію, онъ замѣнилъ существующую этику—своей собственной, онъ точно такъ же на-ново создалъ и передѣлалъ и политику, и право и экономію. Другими словами, на мѣсто существующихъ понятій авторъ сочинилъ цѣлый рядъ новыхъ символическихъ фигуръ; на мѣсто общепринятыхъ терминовъ—разныя новыя непонятныя слова, облекъ ими довольно простую и небогатую идейку, и получилась загадочная абракадабра, подъ которой съ большимъ только трудомъ можно найти скрытое въ глубинѣ зернышко истины. И въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ непосредственному разсмотрѣнію новыхъ наукъ г. Теплова. Начнемъ съ соціологіи.

По мнѣнію г. Теплова, соціологія начинается тамъ, гдѣ прекращается область „наслѣдственно-индивидуалистическаго" приспособленія и начинается область „транслятивно группового", гдѣ дѣйствуетъ уже не „инстинктивное влеченіе одного пола къ другому", или „материнскіе и стадные инстинкты", а „сознаніе взаимной зависимости одного индивида отъ другого и готовность удовлетворить какую-либо потребность другого индивида ради того, чтобы онъ удовлетворилъ какую-либо изъ моихъ потребностей". Другими словами, только тѣ отношенія, „которыя устанавливаются между членами общества въ результатѣ обмѣна

услугъ", признаетъ нашъ авторъ соціальными, при чемъ таковыми могутъ оказаться не только услуги „положительныя", т. е. такія, которыя оказываются „въ пользу другого", но и „отрицательныя", которыя дѣлаются „въ ущербъ ему". Вообще „предметъ соціологіи" составляетъ „изученіе транслятивныхъ формъ обмѣна услугъ", къ которымъ, конечно, далѣе присоединяется и изученіе „транслятивныхъ формъ отношеній между членами группы". Итакъ, положительныя и „отрицательныя" услуги оказываемыя другъ другу въ транслятивной формѣ, — такова область соціологіи г. Теплова. Такое опредѣленіе охватываетъ собою дѣйствительно всю область отношеній человѣка къ человѣку, создающихся на почвѣ „трансляціи", путемъ „общенія" между индивидами, или иначе—„путемъ воспитанія" или „совмѣстной жизни". Повѣримъ автору, что „можно такъ легко отдѣлить сферу „трансляціи", или общенія, отъ области «инстинктовъ", и примемъ его опредѣленіе, какъ такое, которое, по крайней мѣрѣ, не содержитъ въ себѣ внутренняго противорѣчія. Но, увы, нашъ соціологъ на тѣхъ-же самыхъ страницахъ, гдѣ говоритъ объ отрицательныхъ услугахъ, сейчасъ-же и отрицаетъ ихъ существованіе для соціологіи.

«Первое и необходимое условіе для возможности установленія соціальныхъ отношеній есть *товарищеское* *) отношеніе другъ къ другу. Пока есть стремленіе къ удовлетворенію лишь своихъ собственныхъ потребностей и нѣтъ представленія о солидарности взаимныхъ интересовъ, пока нѣтъ готовности и расположенія сдѣлать что-либо для другого, для того, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо для меня, до тѣхъ поръ—это совершенно очевидно—между индивидами возможно лишь индифферентное или прямо враждебное отношеніе, и до тѣхъ поръ невозможны тѣ отношенія, которыя мы условились называть соціальными».

Но, спрашивается теперь, какъ-же согласуется такое „товарищеское" отношеніе съ „отрицательными" услугами? И что станется съ тѣмъ отношеніемъ, которое будетъ основано на готовности одного субъекта заплатить другому „отрицательной" услугой за его „положительную",—будетъ ли это отношеніе „товарищескимъ", а слѣдовательно и соціальнымъ, или оно уже будетъ отчислено г. Тепловымъ отъ разряда соціальныхъ и причислено къ „индиферентнымъ" или „враждебнымъ", а слѣдовательно и внѣсоціальнымъ? По обыкновенной человѣческой логикѣ даже безъ особаго дѣйствія на нашъ мозгъ „трансляціи" въ данномъ случаѣ мы должны констатировать или грубое противорѣчіе, или, что еще хуже, желаніе у автора и „враждебныя" отношенія перевести въ разрядъ „дружескихъ", а слѣдовательно и соціальныхъ подъ флагомъ „отрицательной услуги". Насиліе надъ обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ и логикой во всякомъ

*) Курсивъ вездѣ автора.

случаѣ получается совершенно очевидное; но еще худшій недостатокъ послѣднія положенія автора открываютъ намъ съ точки зрѣнія именно классификаціи наукъ: принимая въ качествѣ соціальныхъ явленій только „дружескія“, соединенныя съ готовностью оказать услугу однимъ лицомъ другому, авторъ совершенно произвольно выбрасываетъ изъ области соціологіи всѣ отношенія борьбы и враждебности и тѣмъ самымъ напередъ дѣлаетъ свою соціологію однобокой, превращаетъ ее исключительно въ идиллическую картинку взаимнаго благожелательства и паточнаго содружества. И, дѣйствительно, благожелательство не заставляетъ себя ждать.

Преобразовавъ всю соціологію въ ученіе о дружескихъ услугахъ, г. Тепловъ вноситъ не менѣе теплую струю и въ ученіе объ этикѣ. Она становится у него исходнымъ пунктомъ всей соціологической теплоты: „именно общее неопредѣленное, неоформенное мирно-благожелательное отношеніе къ другому индивиду и готовность въ силу этого сдѣлать ему что-либо полезное, пріятное или необходимое“ и представляетъ собою „простѣйшую, наиболѣе элементарную форму соціальныхъ отношеній“; эта форма, развившись „на почвѣ семейныхъ отношеній“, даетъ намъ удивительно пріятныя картины: здѣсь именно мы наблюдаемъ полное „отсутствіе принужденія и видимое безкорыстіе“ отношеній, при чемъ всякое „принужденіе, т. е. насиліе... всегда будетъ вести не къ упроченію мирно-благожелательныхъ отношеній, а напротивъ, къ ихъ ослабленію и установленію отношеній прямо-враждебныхъ“. Дальнѣйшее развитіе соціальной идилліи г. Теплова—только „дѣло времени и благопріятныхъ условій“; но и ставъ „болѣе совершеннымъ и законченнымъ“ „этическимъ союзомъ“, она сохраняетъ первоначальныя формы; „сознаніе общности интересовъ, преданность членовъ другъ другу и вѣра въ эту взаимную преданность“, равенство не „услугъ“, а „отношеній“, „отсутствіе непосредственной расплаты за услугу, т. е. видимая безкорыстность послѣднихъ, иначе выражаясь, обмѣнъ услугъ... суммарный, а не розничный“,—таковы черты этической организаціи, въ которой „добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ“ и которую нашъ авторъ, ничтоже сумняся, находитъ въ исторически данныхъ формахъ рода семьи или семейно-родовой общины. Именно здѣсь видитъ онъ развитіе мирно-благожелательныхъ отношеній, при которыхъ „всѣ безвозмездно работаютъ на всѣхъ“, всякій „безвозмездно пользуются всѣмъ тѣмъ, что ему необходимо для жизни“, а обмѣнъ услугъ „носитъ характеръ чего то непринудительнаго, свободнаго, основаннаго на началахъ любви и преданности къ другимъ“; однако, такое состояніе райской невинности и мирнаго благожелательства возможно только „въ тѣсномъ кругу близкимъ людей“ и, при томъ, только до тѣхъ поръ, пока „возвратъ услуги обезпеченъ“, „пока

добродѣтель можетъ быть увѣрена въ своемъ торжествѣ, а порокъ неизбѣжно находитъ себѣ наказаніе“, или, иначе говоря, пока человѣкъ находится „въ кругу знающихъ другъ друга, добрыхъ, т. е. готовыхъ услужить другому, людей“. Такъ завершается развитіе „этической организаціи и этическихъ отношеній, изученіе которыхъ г. Тепловъ и дѣлаетъ задачей „этики“. Какъ очевидно, нашъ философъ дѣлаетъ здѣсь три открытія; во-первыхъ, онъ этику сдѣлалъ частью соціологіи, ибо превратилъ ее тоже въ ученіе „объ услугахъ“ „съ суммарнымъ обмѣномъ“; во-вторыхъ, онъ открылъ „этическую организацію“ въ „семейно-родовой общинѣ“, которую самъ-же изобрѣлъ на посрамленіе дѣйствительности; и въ-третьихъ, опошливъ этику услугами и преобразовавъ соціологію мирнымъ благожелательствомъ и торжествомъ непринужденной добродѣтели, онъ сочеталъ ихъ подъ общимъ кровомъ транслятивной культуры, или культурной трансляціи!

Въ области политики г. Тепловъ распоряжается не менѣе властной рукой. Политическая связь, по его ученію, рождается все на той же почвѣ „мирно-благожелательныхъ этическихъ отношеній“; все дѣло здѣсь въ появленіи „какихъ-либо общихъ цѣлей“; въ этомъ случаѣ „неизбѣжно громадное неравенство силъ: съ одной стороны—одинъ человѣкъ, съ другой—вся группа“. Здѣсь принудительный характеръ отношеній будетъ именно типичнымъ случаемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній думать, что группа не воспользуется своею силой, разъ какое-либо отдѣльное лицо затрогиваетъ интересы всѣхъ“; такъ создается „принудительная, опирающаяся на насиліе, защита тѣхъ общихъ интересовъ, солидарность которыхъ соединяетъ воедино членовъ группы“, и устанавливается равенство въ обмѣнѣ услугъ, при чемъ „всѣ члены оказываютъ здѣсь другъ другу опредѣленныя услуги и взамѣнъ получаютъ опредѣленное вознагражденіе“, „но это равенство основано на силѣ, ибо въ случаѣ всякаго нарушенія... интересовъ... всѣхъ... противъ этого одного возстанутъ всѣ и окажутъ насиліе“, или, говоря терминомъ г. Теплова, окажутъ ему „отрицательную услугу“. Но этимъ дѣло не ограничивается; ради защиты общихъ интересовъ „та сила, которою обладаютъ всѣ члены группы для защиты общихъ интересовъ, передается, насколько это возможно, одному лицу или немногимъ лицамъ. Благодаря этому, одно лицо оказывается обладающимъ силой, позволяющею ему оказывать насиліе надъ другими отдѣльными индивидами, но въ то же время сила эта основана на желаньи всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства“. Такъ сила и насиліе становятся элементомъ „мирно-благожелательныхъ отношеній“ и „этическія формы защищаются силой“. Такъ рождается политическій союзъ, „принудительный характеръ котораго основанъ на томъ, что услуги, которыя требуются отъ

отдѣльныхъ индивидовъ для блага цѣлаго, слишкомъ тяжелы для того, чтобы обмѣнъ ими могъ имѣть характеръ чего-то добровольнаго". Этотъ союзъ уже отрывается отъ своей этической основы: происходитъ „процессъ накопленія власти", уже „совершенно независимо отъ необходимости сосредоточенія ея для защиты общины"; „съ развитіемъ политическаго союза этическія связи" получаютъ „тенденцію къ ослабленію"; принудительный характеръ союза и неравенство въ обмѣнѣ услугъ еще въ большей степени затемняютъ и подрываютъ сознаніе солидарности интересовъ. Здѣсь неизбѣжна сильно или слабо выраженная борьба различныхъ партій"... Читатель нѣсколько изумленъ: гдѣ же „дружескія транслятивныя отношенія", куда дѣвался мирно-благожелательный обмѣнъ услугъ? Оказывается, что уже въ началѣ политическій союзъ имѣлъ „боевой характеръ", а въ концѣ и вовсе закончился враждой и борьбою партій? Что же это за превращеніе? Вѣдь, выше мы видѣли, что только дружескій обмѣнъ услугъ есть область соціологіи! Какъ же это случилось, что мы попали вдругъ въ область враждебныхъ, да еще боевыхъ отношеній? Вѣдь это уже область внѣсоціальная! Впрочемъ, здѣсь г. Теплова могутъ съ успѣхомъ спасти отрицательныя услуги; и если наступаетъ періодъ, когда „жертвы, которыя приходится переносить членамъ, превышаютъ тѣ невыгоды, отъ которыхъ спасаетъ индивидовъ данный союзъ", а „независимо" накопившаяся власть не даетъ такому союзу распасться, то очевидно, здѣсь дѣло идетъ объ „отрицательныхъ" услугахъ со стороны правительства, а слѣдовательно и принципъ „мирно-благожелательной" соціологіи спасенъ!

Менѣе всего, однако, возможно понять, что хотѣлъ сказать г. Тепловъ своимъ ученіемъ о правѣ. Понимая подъ правомъ только тѣ нормы „соціальныхъ отношеній, которыя вытекаютъ изъ существующихъ этическихъ отношеній, но въ отличіе отъ послѣднихъ получаютъ принудительную задачу", нашъ авторъ разумѣетъ подъ частнымъ правомъ „защиту интересовъ не только цѣлаго, но и отдѣльныхъ лицъ", при чемъ на первомъ планѣ здѣсь стоитъ, конечно, „защита личности и плодовъ ея труда". Въ соціальномъ строѣ такого частно-правового типа „основнымъ принципомъ" является „не полное поглощеніе индивида обществомъ, а скорѣе, напротивъ того, здѣсь главная задача власти, ея главный raison d'être есть защита правъ отдѣльныхъ индивидовъ отъ чьихъ-бы то ни было посягновеній". „Силу каждаго „индивида" составляютъ здѣсь его „гражданскія права". „Индивидъ здѣсь не поглощается союзомъ, а представляетъ такую же сравнительно независимую самодовлѣющую величину, какъ и въ этическомъ союзѣ". Самая „принудительность власти" должна быть здѣсь признана „неизбѣжно слабой", такъ какъ „гдѣ она сильна, тамъ не можетъ быть... полнаго обезпеченія правъ отдѣль-

наго лица". Однако, съ другой стороны оказывается, что „право возможно лишь тамъ, гдѣ есть власть для его защиты. Гдѣ власти нѣтъ, тамъ и частное право будетъ пустымъ звукомъ, а не реальнымъ фактомъ; уже „въ политическихъ отношеніяхъ присутствуетъ... правовой элементъ", а самый обмѣнъ положительныхъ услугъ превращается въ обмѣнъ „дѣяній, имѣющихъ отрицательное значеніе для жизни другихъ членовъ", или, иначе говоря, состоитъ уже въ „нанесеніи ущерба ихъ жизненнымъ интересамъ"; такъ создается полная близость между политическимъ и правовымъ строемъ, и въ каждомъ „частно правовомъ явленіи мы должны видѣть особую спеціальную форму проявленія отношеній публично-правовыхъ".

Спрашивается теперь, что это такое? На какомъ основаніи выдѣляетъ нашъ авторъ правовой строй изъ политическаго, когда и тотъ, и другой представляютъ собою совершенно одинаковыя черты, а при политическомъ строѣ, какъ это мы уже видѣли выше, государственная власть именно затѣмъ и образуется, чтобы обезпечить интересы всѣхъ? Что за удивительная путаница понятій и игра словами! Разгадка можетъ быть только одна: авторъ, такъ смѣло толкующій о правѣ и государствѣ, самъ, очевидно, понятія не имѣетъ объ этихъ предметахъ. Ему совершенно неизвѣстна та громадная перемѣна въ пониманіи права, которая совершилась въ послѣднее время. Говорить теперь о принудительности, какъ признакѣ, опредѣляющемъ право, значитъ просто вызывать улыбку на устахъ каждаго юриста... Перейдемъ къ послѣдней формѣ организаціи: экономической.

Экономическія отношенія г. Тепловъ опредѣляетъ какъ *„розничный и обставленный юридическими гарантіями обмѣнъ услугъ"*. Экономическія отношенія онъ отличаетъ отъ „трофологическихъ" (!?), т. е. такихъ, которые касаются „прежде всего пищи и питья и затѣмъ одежды и крова"; экономическія отношенія—это отношенія опять таки „транслятивныя", основанныя „на свободѣ дѣйствія обѣихъ сторонъ", „мирно-принудительныя", установленныя „на признаніи опредѣленныхъ правъ и на защитѣ этихъ правъ властью": „здѣсь обмѣнъ не суммарный, а розничный, здѣсь передъ нами не равенство чувствъ преданности другъ другу, а мѣна даннаго опредѣленнаго количества услуги, съ одной стороны, на данное опредѣленное количество услуги—съ другой", „при обмѣнѣ услугъ" даже здѣсь получается „разница", и разница эта „можетъ накопляться, и накопленная разница получаетъ такую же юридическую защиту, какъ и всякое другое право"; это же создаетъ „неравенство", и „накопленіе разницы имѣетъ тенденцію къ постоянному росту", а отсюда „выростаетъ та зависимость однихъ членовъ экономическаго союза отъ другихъ, которую мы наблюдаемъ въ современномъ обществѣ". Такъ рождается „капитализмъ", опирающійся на „индивидуализмъ" и приводящій, въ

концѣ концовъ, къ тому, что „общество начинаетъ принимать характеръ обширной промышленной коопераціи“. И этотъ экономическій порядокъ производитъ самое разрушительное вліяніе на всѣ остальныя, указанныя авторомъ, формы организаціи; происходитъ „прежде всего совершенное ослабленіе этическихъ связей. Мѣсто обмѣна благожелательныхъ отношеній здѣсь замѣняетъ розничный обмѣнъ услугъ, т. е. купля и продажа“, исчезаетъ представленіе о солидарности общихъ интересовъ и, вмѣсто классовой преданности и расположенія, на первый планъ выступаетъ классовая вражда и ожесточенная экономическая борьба“. Однако, этимъ развращающее вліяніе экономическаго строя не ограничивается: „такимъ же разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ исключительное развитіе экономическихъ отношеній и на политическую связь“: оно подрываетъ двѣ основы „всякаго политическаго союза“ — „сознаніе солидарности интересовъ и принудительность власти“; „на мѣсто солидарности выдвигается... вражда и борьба“; рушится даже само „частное право, на которое опирается весь экономическій строй“, ибо и оно не можетъ оказать „долговременное сопротивленіе постоянному и крайне эластичному давленію экономической силы“. Таковъ финалъ экономическаго обмѣна „мирно-принудительныхъ“ отношеній, возникающихъ путемъ „трансляціи“ среди „дружеской“ соціальной среды, при помощи „розничнаго“ обмѣна „соціально-экономическихъ“, но отнюдь не „трофологическихъ“ услугъ. Прибавлять къ этому нечего. Экономическая теорія г. Теплова выступаетъ въ полномъ блескѣ. Смѣлой рукой разсѣкъ онъ гордіевы узлы научнаго знанія и выплылъ подъ знаменемъ чистой фантазіи въ широкое море обывательскаго любомудрія. Впрочемъ, что мы? — Зерно несомнѣнной истины лежитъ въ открытіяхъ г. Теплова. Развѣ не „дружескія“ услуги оказываютъ другъ другу люди подъ кровомъ „мирно-благожелательнаго“ порядка? Развѣ не дружескій порядокъ лежитъ въ основѣ „отрицательныхъ“ услугъ, которыя принудительно навязываютъ подданнымъ управляющіе? Развѣ, наконецъ, сама вражда и борьба на экономической почвѣ не представляетъ собой только „розничнаго“, а вмѣстѣ и „мирно-принудительнаго“ обмѣна не только „положительныхъ“, но и „отрицательныхъ“ услугъ?

Услуга какъ принципъ соціологіи, объединяющей всѣ соціальныя науки,—таково великое открытіе г. Теплова, которымъ онъ однако, думаемъ, оказалъ очень плохую услугу своей научной репутаціи. И мы беремъ на себя смѣлость оказать г. Теплову „мирно-благожелательную“ услугу и посовѣтовать ему еще немного поучиться, прежде чѣмъ удивлять міръ своими „отрицательными“ открытіями.

М. Р.

Pro domo sua.

Больной вопросъ.

Наплывъ слушательницъ въ женскій медиц. институтъ, какъ и въ минувшіе годы, былъ этой осенью громадный; какъ и въ минувшіе годы, сотни добивавшихся остались за дверьми зданія и увеличили собой контингентъ ищущихъ труда интеллигентныхъ женщинъ. А такими заполнены всѣ объявленія газетъ: идутъ на самый безотрадный трудъ, трудъ часто машинальный, не могущій дать ни нравственнаго удовлетворенія, ни матеріальнаго обезпеченія. Конторы, желѣзныя дороги, телеграфныя отдѣленія, магазины переполнены женщинами интеллигентными, которыя мирятся съ такими условіями, на какія едва соглашается мужчина съ образованіемъ ниже средняго. Переполнены всѣ отрасли труда, обезцѣненъ до minimum'а трудъ переводчика, репетитора. На мѣста сельскихъ учительницъ, съ ихъ тяжелыми, безотрадными условіями,—сотни кандидатокъ. Вездѣ масса предложеній, превышающихъ спросъ. И, тѣмъ не менѣе, нѣтъ рабочихъ рукъ, работниковъ и работницъ... хотя-бы въ дѣлѣ ухода за больными. Кому изъ насъ не приходилось впадать въ полное отчаяніе во время болѣзни близкихъ, когда уже всѣ окружающіе потеряли силы, ухаживая за страдающимъ, когда положеніе таково, что боишься на минуту остаться безъ врача, остаться однимъ со всею неподготовленностью, со всѣмъ незнаніемъ, у постели больного, выздоровленіе котораго, быть можетъ, зависитъ именно отъ умѣнія и вниманія ухаживающаго, отъ разумнаго ухода. Приходится спрашивать каждую минуту обо всемъ врача, дрожать, оставляя больного на рукахъ неумѣлыхъ, такъ какъ умѣлыхъ негдѣ достать. Если тяжело приходится роднымъ и близкимъ больного, то едва ли не тяжелѣе врачу, который, назначая лѣкарство или соотвѣтствующій режимъ, не всегда увѣренъ, такъ ли исполнятъ предписанія, отъ которыхъ нерѣдко зависитъ исходъ болѣзни, жизнь или смерть ввѣреннаго ему больного. Въ практикѣ пишущаго эти строки былъ случай, гдѣ больной чуть не погибъ отъ рецидива въ періодъ выздоровленія отъ тифа оттого, что сидѣлка самымъ грубымъ образомъ нарушила предписанный ему діэтетическій режимъ. И такихъ случаевъ найдется масса. Нѣтъ умѣлыхъ рабочихъ рукъ тамъ, гдѣ онѣ особенно и настоятельно нужны, нѣтъ помощниковъ въ томъ дѣлѣ, гдѣ они не менѣе важны, чѣмъ стоящіе во главѣ дѣла. Врачу приходится бороться не только съ невѣжествомъ и незнаніемъ окружающихъ больного, но и съ невѣжествомъ и незнаніемъ сидѣлокъ, лицъ, ухаживающихъ за больнымъ, такъ какъ сестры милосердія нарасхватъ, да и немногія общины могутъ дать вамъ такихъ, которыя являются въ домъ, дѣйствительно, «сестрою».

Сотни женщинъ ищутъ труда, сотни тратятъ свои силы на безсмысленныя изсушающія сердце занятія, озлобляются, не находя удовлетворенія лучшимъ движеніямъ души, лучшимъ

чувствамъ, разочаровываются, не умѣя направить эти чувства, а между тѣмъ здѣсь, на этомъ поприщѣ онѣ нашли бы выходъ всѣмъ лучшимъ стремленіямъ своимъ.

Характеръ общинъ таковъ, что сестра совершенно освобождается отъ заботъ о матеріальномъ обезпеченіи, въ силу чего трудъ ея можетъ быть, дѣйствительно, безкорыстнымъ. Слѣдовательно, женщина на этомъ поприщѣ не только получаетъ возможность приносить пользу, но еще и быть обезпеченной. Ничто такъ не угнетаетъ человѣка, какъ сознаніе своей ненужности, сознаніе безполезности. Кто-то сказалъ, что если бы каторжника заставить всю жизнь наполнять бездонную бочку, то онъ не вынесъ бы и года такой работы. Въ миѳологіи Сизифова работа и работа Данаидъ являются карой, ниспосланной свыше. Въ противоположность этому сознаніе приносимой пользы возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка, а получаемое отъ труда по сердцу непосредственное удовлетвореніе дѣлаетъ и самый этотъ трудъ, какъ бы онъ ни былъ даже тяжелъ, и любимымъ, и пріятнымъ.

До сихъ поръ въ общины принимались лица въ большинствѣ случаевъ безъ различія образованія, что отчасти, быть-можетъ, служило препятствіемъ для желавшихъ быть сестрою милосердія. Но недавно намъ пришлось узнать о существованіи въ Петербургѣ общины имени ген.-ад. ф. Кауфмана (Верейская, 8), куда принимаются лица, только окончившія среднюю школу. Это—несомнѣнный шагъ впередъ, навстрѣчу запросамъ общества и навстрѣчу интеллигентнымъ нуждающимся женщинамъ, и нельзя не удивляться, что о существованіи этого симпатичнаго учрежденія до сихъ поръ такъ мало было извѣстно, что и пишущему эти строки самому пришлось чисто случайно познакомиться съ нимъ.

Въ общину эту, какъ уже было сказано, принимаются дѣвушки и женщины, окончившія среднюю школу; курсъ продолжается 2 года, при чемъ слушательницы получаютъ основательную теоретическую подготовку. Практическія занятія ведутся въ Обуховской больницѣ, гдѣ громадный матеріалъ даетъ возможность такимъ образомъ пройти и солидную практическую школу ухода за больнымъ. Плата за всѣ два года, съ содержаніемъ и жизнью въ общинѣ,—250 р.; при чемъ для кого эта плата затруднительна, вносятъ лишь 25 р. при поступленіи. Только одежду и бѣлье слушательницы должны имѣть свои.

По окончаніи курса сестра остается въ распоряженіи общины на тѣхъ-же условіяхъ, при чемъ получаетъ 20 р. въ мѣсяцъ обмундировочныхъ. Громадное помѣщеніе (17 комнатъ), интеллигентное общество товарищей, разумный трудъ и полная матеріальная обезпеченность, вотъ условія, въ которыхъ находятся сестры новой, очень недавно существующей общины.

Обществу такъ нужны интеллигентныя работницы, интеллигентная русская женщина такъ нуждается въ трудѣ по сердцу, у нея такъ много жажды знанія, любви и желанія помочь, что каждый шагъ, облегчающій достиженіе этого, долженъ привѣтствоваться съ глубокой признательностью. Мы, врачи, знаемъ,

какъ дорога интеллигентная помощница, какъ страшно мы нуждаемся въ ней: вопросъ объ образованіи младшаго медицинскаго персонала—больной вопросъ, вездѣ, какъ въ городѣ, такъ и особенно въ деревнѣ, въ земствѣ. Пожелаемъ же отъ души успѣха симпатичному учрежденію, а его идеямъ широкаго распространенія.

Врачъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ И. Ф. Наживина—22 р. 75 к., Ирины Лазаревской—3 р.

Итого . . . 25 р. 75 к.

А всего съ прежде поступившими 1202 р.

На устройство стипендіи имени **Влад. Гал. Короленко**:

Отъ Ирины Лазаревской—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 19 р.

Въ пользу еврейскихъ семействъ, пострадавшихъ отъ погрома въ Кишиневѣ:

Отъ Ирины Лазаревской—3 р.

Итого . . . 3 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 237 р.

Въ пользу пострадавшихъ евреевъ г. Гомеля:

Отъ И. Ф. Наживина—25 р.

Итого . . . 25 р. — к.

Означенная сумма 25 р. передана для отправки по назначенію въ редакцію газеты „Восходъ".

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО":

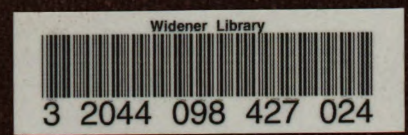
(С.-Петербургъ — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).

А. С. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
» » » Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *десятое.* Ц. 1 р. 50 к.
» » Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *шестое.* Ц. 1 р. 50 к.
» » Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Изданіе *второе.* Ц. 1 р. 25 к.
» » Слѣпой музыкантъ. Изданіе *десятое.* Ц. 75 к.
» » Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.
» » Безъ языка. Разсказъ. Изд. *второе.* Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Изд. *второе.* Ц. 1 р. 50 к.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
» » Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
» Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Томъ I. Изданіе *третье.* Ц. 1 р. 50 к.
» » » Томъ II. Изданіе *второе.* Ц. 1 р. 50 к.
» » Пасынки жизни. Разсказы. Изданіе *второе.* Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ). Очерки русской поэзіи. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
» » » » » II. » 2 »
» » » » » III. » 2 »
» » » » » IV. » 2 »
» » » » » V. » 2 »
» » » » » VI. » 2 »
» » » Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
» » » Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ «Русскаго Богатства» (1899 г.). Беллетристика. Ц. 2 р.
» » » » Публицистика. » 1 »
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Томъ I. Изд. *пятое.* Ц. 1 р.
» » » II. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства"**, пріобрѣтающіе эти книги, пользуются даровой пересылкой.

Редакторы-Издатели: { ***Вл. Г. Короленко.*** ***Н. К. Михайловскій.***

Дозв. ценз. Спб., 27 октября 1903 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

Widener Library
3 2044 098 427 024